

Научно-теоретический журнал

**Вестник
Санкт-Петербургского
университета МВД России**

№ 4 (96) октябрь – декабрь 2022 г.

Scientific-theoretical journal

**Vestnik
Sankt-Peterburgskogo universiteta
MVD Rossii**

№ 4 (96) October – December, 2022

Федеральное государственное казённое образовательное учреждение
высшего образования
«Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России

№ 4 (96) октябрь – декабрь 2022 г.

«Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» – рецензируемый научно-теоретический журнал, в котором публикуются оригинальные статьи по юридическим, педагогическим, психологическим проблемам.

Издаётся с марта 1999 года. Учредитель и издатель – Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. Выходит один раз в квартал. Языки журнала – русский и английский. Территория распространения: зарубежные страны, Российская Федерация.

Издание перерегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: ПИ № ФС77-80421 от 17 февраля 2021 г.

ISSN 2071-8284.

Решением ВАК Минобрнауки России от 29 марта 2022 года журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» включен в Перечень ВАК по следующим специальностям:

- 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки.
- 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
- 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки.
- 5.1.4 – Уголовно-правовые науки.
- 5.3.3 – Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика.
- 5.3.9 – Юридическая психология и психология безопасности.
- 5.8.1 – Общая педагогика, история педагогики и образования.
- 5.8.7 – Методология и технология профессионального образования.

Журнал находится в открытом доступе и индексируется в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), включен в базу данных *Ulrich's Periodicals Directory*.

Распространяется на территории Российской Федерации по подписке. Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» – 36631.

Ответственность за содержание статей, изложенных в них фактов несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью либо частично материалов журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

Редакторы – Г. Н. Голядкин, Г. В. Лукьянова, Л. М. Букина.

Адрес редакции, издателя и типографии: Россия, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1. Тел. 8 (812) 730-26-96. E-mail: vestnik@univermvd.ru.

Подписано в печать 09.12.2022 г. Дата выхода в свет 12.12.2022 г. Формат 60 x 84/8 Печать офсетная. Объём 30,0 п.л. Тираж 200 экз. 1-й завод 100 экз. Заказ № 167 от 14.12.2022. Отпечатано в типографии Санкт-Петербургского университета МВД России. Тел. 8 (812) 744-00-97 Цена свободная.

© «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России», 2022.

Federal State Budget Institution for higher education
«Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation»

Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii

№ 4 (96) October – December, 2022

«Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii» is a peer-reviewed scientific-theoretical journal that publishes original articles on legal, pedagogical, and psychological problems.

Journal is published since March, 1999. Founder and publisher – Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Journal is published on quarterly basis in Russian and English. Distribution territory: foreign countries, Russian Federation.

The scientific-theoretical journal «Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii». The edition is reregistered in the Federal Service for Supervision of Communications, Informational Technologies and Media Control (PI No. FS77-80421 of 17 February 2021).

ISSN 2071-8284.

In accordance with the order of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of March 29, 2022, the scientific-theoretical journal «Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii» is included in the current list of leading peer-reviewed scientific journals and publications published in the Russian Federation, in which the main scientific results of dissertations for the academic degree of a doctor and candidate of science must be published, in the following groups Scientific specialties:

- 5.1.1 – Theoretical and historical legal sciences.
- 5.1.2 – Public legal (state legal) sciences.
- 5.1.3 – Private legal (civilistic) sciences.
- 5.1.4 – Criminal science.
- 5.3.3 – Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics.
- 5.3.9 – Legal psychology and security psychology.
- 5.8.1 – General pedagogy, history of pedagogy and education.
- 5.8.7 – Methodology and technology of professional education.

Journal is included in the system of the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and in *Ulrich's Periodicals Directory*.

It is distributed on the territory of the Russian Federation (subscription index on the catalog of Agency «Pressa Rossii» – 36631).

The journal is peer-reviewed.

The authors of scientific articles bear responsibility for the content of the articles, the facts presented in them. The opinion of the editorial board may not coincide with the point of view of the authors of the publications. Reference to the scientific-theoretical journal «Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii» is obligatory when reprinting or reproducing in whole or in part its materials.

Editors: G. N. Golyadkin, G. V. Lukianova, L. M. Bukina.

Address of editorial, publisher and printinghouse: 1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation. Tel. (812) 730-26-96. E-mail: vestnik@univermvd.ru.

Signed to print 9 December 2022. Date of publishing 12.12.2022. Format 60 x 84/8. Offset printing. Volume 30,0 p.p. Circulation 200 copies 1st issue 100 copies. Order № 167 (14.12.2022). Printed in the printing-office of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Tel. 8 (812) 744-00-97. The price is free.

Главный редактор – Каверина Л. В., кандидат филологических наук
(Россия, Санкт-Петербург).

Редакционная коллегия

Амельчаков И. Ф. – председатель редакционной коллегии, кандидат юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Бавсун М. В. – заместитель председателя редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Астафичев П. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Балахонский В. В., доктор философских наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Бекетов О. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)
Болдырев В. А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Буцакова М. А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Омск)
Васильева И. В., доктор психологических наук, доцент (Россия, Тюмень)
Вахнина В. В., доктор психологических наук, доцент (Россия, Москва)
Гейжан Н. Ф., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Гельдибаев М. Х., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Гривенная Е. Н., доктор педагогических наук, доцент (Россия, Краснодар)
Дозорцева Е. Г., доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)
Ерофеева М. А., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Москва)
Ескина Л. Б., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Илакавичус М. Р., доктор педагогических наук (Россия, Санкт-Петербург)
Каплунов А. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Коваленко В. И., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Белгород)
Коларич Драгана, доктор юридических наук, профессор (Республика Сербия, Белград)
Кубышко В. Л., кандидат педагогических наук (Россия, Москва)
Латышов И. В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Мещерякова Е. И., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Воронеж)
Миялькович Саша, доктор безопасности, профессор (Республика Сербия, Белград)
Муттилайнен Веса Петтери, доктор общественных наук (Финляндская Республика, Тампере)
Нижник Н. С., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Никифоров Г. С., доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Николаева Т. Г., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Никуленко А. В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Пастушеня А. Н., доктор психологических наук, профессор (Республика Беларусь, Минск)
Рузакова О. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Сафонов А. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Сердюк Н. В., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Москва)
Слепцов И. В., кандидат юридических наук (Казахстан, Костанай)
Стрельникова Ю. Ю., доктор психологических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Тюнин В. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Ульянина О. А., доктор психологических наук, доцент (Россия, Москва)
Ухов В. Ю., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Химичева О. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Цветков В. Л., доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)
Цветков И. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Честнов И. Л., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Чечётин А. Е., доктор юридических наук, профессор (Россия, Барнаул)
Шаранов Ю. А., доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Шахматов А. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Editor in Chief – Kaverina L. V., Candidate of Philological Sciences
(Russia, Saint Petersburg)

Editorial Board

Amelchakov I. P., Chairman of an Editorial Board, Candidate of Juridical Sciences, Docent
(Russia, Saint Petersburg)

Bavsun M. V., Vice-chairman of an Editorial Board, Doctor of Juridical Sciences, Professor
(Russia, Saint Petersburg)

Astafichev P. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Balakhonsky V. V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Beketov O. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Omsk)

Boldyrev V. A., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Buchakova M. A., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Omsk)

Vasilieva I. V., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Tyumen)

Vakhnina V. V., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Moscow)

Geyzhan N. F., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Geldibaev M. Kh., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Grivennaya E. N., Doctor of Pedagogical Sciences, Docent (Russia, Krasnodar)

Dozorcheva E. G., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Erofeeva M. A., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Eskina L. B., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Ilakavichus M. R., Doctor of Pedagogical Sciences (Russia, Saint Petersburg)

Kaplunov A. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Kovalenko V. I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Belgorod)

Kolarich Dragana, LLD (Republic of Serbia, Belgrade)

Kubyshko V. L., Candidate of Pedagogical Sciences (Russia, Moscow)

Latyshov I. V., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Mescheryakova E. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Voronezh)

Mijalkovich Sasha, PhD, Professor (Republic of Serbia, Belgrade)

Muttillainen Vesa Petteri, Doctor of Social Sciences (Finland, Tampere)

Nizhnik N. S., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Nikiforov G. S., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Nikolaeva T. G., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Nikulenko A. V., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Pastushenya A. N., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Republic of Belarus, Minsk)

Ruzakova O. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Safonov A. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Serdyuk N. V., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Sleptsov I. V., Candidate of Juridical Sciences (Kazakhstan, Kostanay)

Strelnikova J. Y., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Tyunin V. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Ul'yanina O. A., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Moscow)

Ukhov V. Y., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Khimicheva O. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Cvetkov V. L., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Tsvetkov I. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Chestnov I. L., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Chechetin A. E., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Barnaul)

Sharanov Y. A., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Shakhmatov A. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Астафичев П. А.</i> Комитет конституционного надзора СССР в государственно-правовой истории России: опыт правового регулирования организации и деятельности	10
<i>Каплунов А. И.</i> О роли предмета и метода правового регулирования в определении отраслевой взаимосвязи материальных норм и вида юридического процесса, обеспечивающего их реализацию	17
<i>Квитчук А. С.</i> Институт технического надзора за состоянием транспортных средств в системе обеспечения безопасности дорожного движения в России: опыт ретроспективного анализа эволюции	23
<i>Кузнецов Н. А.</i> Правовая мысль Востока в контексте российского общетеоретического правоведения	31
<i>Панфилец А. В., Удальцов А. А.</i> Организация юрисконсультской части в Министерстве внутренних дел Российской империи во второй половине XIX века	39
<i>Ремнева С. В.</i> Начальник Петроградского губернского жандармского управления Иван Дмитриевич Волков: фрагменты биографии и фотопортрет	45

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Винокуров В. А.</i> Проблемы исполнения неправомерных поручений руководителей государственными служащими в современной России	54
<i>Трегубов М. В., Шукишин С. И.</i> Выбор способа защиты интеллектуальных прав	60

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Гардалоев А. С.</i> Совершенствование деятельности коллекторов как элемент защиты прав заёмщиков	67
<i>Тахмазов Э. Ш.</i> Некоторые проблемы признания недействительным завещания на основании пункта 1 статьи 177 Гражданского кодекса Российской Федерации	72

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е.</i> Судебное толкование уголовного закона: вопросы теории	78
<i>Боричев К. В.</i> О роли региональных международных организаций безопасности в противодействии терроризму (на примере Организации Договора о коллективной безопасности)	90
<i>Векленко В. В., Акиев А. Р.</i> Проблемы квалификации легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём (ст. 174, 174 ¹ УК РФ)	98
<i>Дикаева Э. С.</i> Понятие «личность условно-досрочно освобождённого от уголовного наказания» как частный элемент предмета криминологии	106
<i>Игнатов А. Н., Вишневецкий К. В., Кашкаров А. А.</i> Содержание понятия «предмет преступления» в условиях постиндустриальности	112
<i>Квасников Е. С.</i> Отягчающие обстоятельства нарушения требований охраны труда (ст. 143 УК РФ)	119

<i>Коровкин Д. С., Григорьев А. Ю.</i> Особенности судебно-экспертного исследования противопехотных мин ПМН-4 отечественного производства	125
<i>Маслов В. А.</i> Реализация принципа гуманизма в уголовно-правовой политике	133
<i>Пахомов С. В.</i> Отдельные теоретические вопросы определения форм и видов взаимодействия, осуществляемого в ходе раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в сфере агропромышленного комплекса	142
<i>Титов П. М.</i> Реабилитация по уголовным делам частного обвинения: проблемы теории и практики	149
<i>Турунова М. Н.</i> Субъекты противодействия влиянию интернета на преступность несовершеннолетних	158

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Калашишникова Т. В., Калашишникова М. М.</i> Роль С. П. Яковлева в организации работы воспитательно-исправительных приютов для несовершеннолетних женского пола с девиантным поведением в России	166
---	-----

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Астафьев Н. В.</i> Перспективы сетевой формы реализации основных профессиональных образовательных программ в МВД России	173
<i>Грищенко Л. Л., Андруник А. П., Сердюк Н. В.</i> Методология обучения принятию решения в особых условиях	182
<i>Хыбыртов Р. Б., Куликов М. Л.</i> Пути повышения профессионального мастерства спортсменов-рукопашников на основе сравнительного анализа зарубежных школ единоборств	187

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

<i>Дзьоник Д. В., Бородавко Л. Т.</i> Личностные особенности трудовых мигрантов с признаками социально-психологической дезадаптации	193
---	-----

ОТЗЫВЫ, РЕЦЕНЗИИ

<i>Нижник Н. С.</i> Государственно-правовой институт наружного наблюдения в Российской империи – предмет исследования современных учёных	201
<i>Краковский К. П.</i> Размышления о судьбах российской политической полиции, спровоцированные диссертацией А. В. Матвеева на тему: «Институт наружного наблюдения в правоохранительной системе Российской империи (историко-правовое исследование)»	213
<i>Жаров С. Н.</i> Защищена диссертация об истории наружного наблюдения в Российской империи	222

КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Огарь Т. А., Кокин Д. М.</i> Уголовное законодательство: вчера, сегодня завтра	234
---	-----

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Astafichev P. A.</i> The Committee of Constitutional Supervision of the USSR in the state-legal history of Russia: the experience of legal regulation of organization and activity	10
<i>Kaplunov A. I.</i> On the role of the subject and method of legal regulation in determining the sectoral relationship of substantive norms and the type of legal process that ensures their implementation	17
<i>Kvitchuk A. S.</i> Institute for technical supervision of the state of vehicles in the system of ensuring road safety in Russia: experience of a retrospective analysis of evolution	23
<i>Kuznetsov N. A.</i> Legal Thought of the East in the Context of Russian General Theoretical Jurisprudence	31
<i>Panfilets A. V., Udaltsov A. A.</i> Organization of the legal advisory unit in the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in the second half of the 19th century	39
<i>Remneva S. V.</i> Head of the Petrograd Provincial Gendarmerie Administration Ivan Dmitrievich Volkov: fragments of a biography and a photo portrait	45

PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

<i>Vinokurov V. A.</i> A civil servant and the illegal order of his head: problems of execution	54
<i>Tregubov M. V., Shukshin S. I.</i> Choice of the method of protection of intellectual rights	60

PRIVATE LEGAL (CIVILISTIC) SCIENCES

<i>Gardaloev A. S.</i> Improving the activity of collectors as an element of protecting the rights of borrowers	67
<i>Takhmazov E. Sh.</i> Some problems of invalidating a will on the basis of paragraph 1 of Article 177 of the Civil Code of the Russian Federation	72

CRIMINAL SCIENCE

<i>Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E.</i> Judicial interpretation of the criminal law: questions of theory	78
<i>Borichev K. V.</i> On the role of regional international security organizations in countering terrorism (on the example of the Collective Security Treaty Organization)	90
<i>Veklenko V. V., Akiev A. R.</i> Problems of qualification of legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means (Art. 174, 174 ¹ of the Criminal Code of the Russian Federation)	98
<i>Dikaeva E. S.</i> The concept of «the personality of a person released on parole from criminal punishment» as a particular element of the subject of criminology	106
<i>Ignatov A. N., Vishnevetsky K. V., Kashkarov A. A.</i> The content of the concept of “subject of crime” in post-industrial conditions	112
<i>Kvasnikov E. S.</i> Aggravating circumstances of violation of labor protection requirements (Article 143 of the Criminal Code of the Russian Federation)	119
<i>Korovkin D.S., Grigoriev A.Yu.</i> Features of a forensic examination of anti-personnel mines PMN-4 of domestic production	125

<i>Maslov V. A.</i> Implementation of the principle of humanism in criminal law policy	133
<i>Pakhomov S. V.</i> Separate theoretical issues of determining the forms and types of interaction carried out in the course of the disclosure and investigation of crimes committed in the field of the agro-industrial complex	142
<i>Titov P. M.</i> Rehabilitation in criminal cases of private prosecution: problems of theory and practice	149
<i>Turunova M. N.</i> Subjects of countering the influence of the Internet on juvenile delinquency	158

GENERAL PEDAGOGY, HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION

<i>Kalashnikova T. V., Kalashnikova M. M.</i> The role of S. P. Yakovlev in organizing the work of educational and correctional shelters for female minors with deviant behavior in Russia	166
--	-----

METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF PROFESSIONAL EDUCATION

<i>Astafiev N. V.</i> Prospects for the network form of implementation of the main professional educational programs in the Ministry of Internal Affairs of Russia	173
<i>Grishchenko L. L., Andrunik A. P., Serdyuk N. V.</i> Methodology of teaching decision-making in special conditions	182
<i>Khybyrtov R. B., Kulikov M. L.</i> Ways to improve the professional skills of hand-to-hand athletes on the basis of a comparative analysis of foreign martial arts schools	187

LEGAL PSYCHOLOGY AND SECURITY PSYCHOLOGY

<i>Dzionik D. V., Borodavko L. T.</i> Personal characteristics of labor migrants with signs of socio-psychological maladjustment	193
--	-----

DISSERTATION REVIEWS

<i>Nizhnik N. S.</i> The State-Legal Institute of Surveillance in the Russian Empire – the Subject of Research by Modern Scientists	201
<i>Krakovsky K. P.</i> Reflections on the fate of the Russian political police, provoked by the dissertation of A. V. Matveev on the topic: «The Institute of Surveillance in the Law Enforcement System of the Russian Empire (Historical and Legal Research)»	213
<i>Zharov S. N.</i> A Dissertation on the history of outdoor surveillance in the Russian Empire was defended	222

CONFERENCES

<i>Ogar T. A., Kokin D. M.</i> Criminal legislation: yesterday, today tomorrow	234
--	-----

Теоретико-исторические правовые науки

Научная статья

УДК 342.4

doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-10-16

Павел Александрович Астафичев

доктор юридических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0001-6801-9822>, pavel-astafichev@rambler.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Комитет конституционного надзора СССР в государственно-правовой истории России: опыт правового регулирования организации и деятельности

Аннотация: В статье рассматриваются процессы становления и развития института конституционной юстиции в России. Проводится анализ организации и деятельности Комитета конституционного контроля СССР, Конституционного Суда РСФСР и Конституционного Суда Российской Федерации.

Цель работы – исследование историко-правовых проблем зарождения в СССР и последующего развития органов конституционного надзора и контроля.

При организации исследования применялись методы: сравнительно-правовой (компаративистский), историко-правовой, аналитический, формально-юридический, метод абстрагирования, позволившие сформулировать основные выводы.

Автор доказывает, что конституционно-нормативная модель организации внесудебного конституционного надзора в СССР образца 1989 года трудноприменима к современной России, если иметь в виду федеральный уровень публичной власти. Действующий Конституционный Суд Российской Федерации выгодно отличается от своего институционального предшественника судебным статусом и компетенцией, которая охватывает весьма ограниченную часть конституционно-контрольной деятельности, что методологически верно и весьма перспективно. Вместе с тем историко-правовой опыт организации Комитета конституционного надзора СССР актуален и вызывает современный интерес ввиду ряда важных обстоятельств. Это касается использования института предварительного нормоконтроля и проблематики организации внесудебных органов конституционного или уставного контроля в субъектах Российской Федерации.

Ключевые слова: конституционный надзор, конституционный контроль, советский конституционализм, разделение властей, полномочия, конституционный процесс

Для цитирования: Астафичев П. А. Комитет конституционного надзора СССР в государственно-правовой истории России: опыт правового регулирования организации и деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4 (96). – С. 10–16; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-10-16.

Paul A. Astafichev

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0001-6801-9822>, pavel-astafichev@rambler.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Committee of Constitutional Supervision of the USSR in the state-legal history of Russia: the experience of legal regulation organizations and activities

Abstract: The article deals with the formation and development of the institution of constitutional justice in Russia. An analysis of the organization and activities of the Committee for Constitutional Control of the USSR, the Constitutional Court of the RSFSR and the Constitutional Court of the Russian Federation is carried out.

The purpose of the work is to study the historical and legal problems of the origin in the USSR and the subsequent development of constitutional supervisory and control bodies.

When organizing the study, methods were used: comparative legal (comparative), historical and legal, analytical, formal legal, method of abstraction, which allowed to formulate the main conclusions.

The author proves that the constitutional and normative model of organizing extrajudicial constitutional supervision in the USSR of the 1989 model is hardly applicable to modern Russia, if we mean the federal level of public authority. The current Constitutional Court of the Russian Federation favorably differs from its institutional predecessor in its judicial status and competence, which covers a very limited part of constitutional control activities, which is methodologically correct and very promising. At the same time, the historical and legal experience of organizing the USSR Constitutional Supervision Committee is relevant and arouses modern interest due to a number of important circumstances. This concerns the use of the institution of preliminary normative control and the problems of organizing extrajudicial bodies of constitutional or statutory control in the constituent entities of the Russian Federation.

Keywords: constitutional supervision, constitutional control, Soviet constitutionalism, separation of powers, powers, constitutional process

For citation: Astafichev P. A. Committee of Constitutional Supervision of the USSR in the state-legal history of Russia: the experience of legal regulation organizations and activities // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 4 (96). – P. 10–16; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-10-16.

В современных условиях функционирования государственно-правовой системы России опыт правового регулирования организации и деятельности Комитета конституционного надзора СССР выглядит главным образом как историко-правовой [3, с. 35–63]. С учётом продолжительности функционирования Конституционного Суда РФ и наработанной им за это время конституционно-правоприменительной практики весьма сложно проводить какие-либо параллели, усматривать преемственность или аналогии. Комитет конституционного надзора СССР – *уникальный институт перестроечной эпохи* [2, с. 27–30], который *вряд ли* в имевшемся тогда виде *может рассчитывать на фундаментальную рецепцию* в государственно-правовой современности или в перспективе. Вместе с тем отдельные подходы к правовому регулиро-

ванию его организации и деятельности довольно примечательны [9, с. 28–40], во всяком случае для того, чтобы актуальная юридическая наука имела возможность систематизировать важные государственно-правовые тенденции, многие из которых сохраняют действие в настоящие дни.

Первый шаг к институционализации Комитета конституционного надзора СССР – принятие Закона СССР от 1 декабря 1988 г. № 9853-XI «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР»¹. Данный нормативный правовой акт был нацелен на «развитие социалистической демократии и самоуправления народа, совершенствование избирательной си-

¹ См.: Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР : закон СССР от 1 декабря 1988 г. № 9853-XI // Ведомости Верховного Совета СССР (далее – ВВС СССР). – 1988. – № 49. – Ст. 727. – Утратил силу.

стемы, структуры и деятельности» органов государственной власти (преамбула). В связи с этим конституировался принцип единства системы органов народного представительства при «высшем» государственно-правовом статусе Съезда народных депутатов СССР. Последний уполномочивался на «принятие к своему рассмотрению» и на осуществление «решения любого вопроса», отнесённого к ведению СССР².

Казалось бы, данную конституционно-правовую конструкцию не следует квалифицировать как нормативную реализацию фундаментального в теории конституционализма принципа разделения властей. Однако анализ конституционно-правового положения и полномочий Комитета конституционного надзора СССР в сравнении со статусом советских органов народного представительства позволяет предположить обратное [4, с. 60]: публично-властный институт конституционного надзора (во всяком случае, в первоначальном нормативно-правовом виде в редакции Закона СССР от 1 декабря 1988 г. № 9853-XI) ограничивал полномочия Съезда и Советов до такой степени, что можно было говорить о весьма существенном разделении *представительной и конституционно-надзорной* ветвей власти.

Подчеркнём, что речь не шла, как сегодня, о разделении единой публичной власти на три самостоятельные ветви – *законодательную, исполнительную и судебную* (ст. 10 Конституции РФ). В сущности, Комитет конституционного надзора СССР с большим трудом можно было бы вообще отнести к одной из (указанных сегодня в ст. 10 Конституции РФ) ветвей власти, особенно к судебной. Но и органы народного представительства не позиционировались как законодательные субъекты, речь не шла о единстве системы исполнительной государственной власти. Полновластному и демократически организованному в единую систему народному представительству [8, с. 32–56] противопоставлялся централизованный внесудебный конституционный надзор. Именно так фактическое разделение властей трактовалось конституционным законодателем в конце 1988 г., что, однако, официально не утверждалось ввиду конституционного статуса Съезда народных депутатов СССР как единственного в стране «высшего» органа государственной власти. Если в государстве только один орган «высший», а все другие – «не высшие», принцип разделения властей в «классическом виде» конституционно не признаётся, хотя он может и частично действовать.

Анализ нормативного содержания Закона СССР от 1 декабря 1988 г. № 9853-XI «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного

² См.: Буянов А. В. Съезд народных депутатов СССР в системе государственной власти Советского Союза: автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Москва, 2009. – 25 с. – С. 8.

Закона) СССР» показывает, что первоначально организационно-правовые основы деятельности Комитета конституционного надзора СССР мыслились несколько иначе, чем это обозначилось позже, через год, после разработки проекта Закона СССР от 23 декабря 1989 г. «О конституционном надзоре в СССР»³ [8, с. 32–56] и проекта Постановления Съезда народных депутатов СССР от 23 декабря 1989 г. «О порядке введения в действие Закона СССР “О конституционном надзоре в СССР”»⁴. Для реализации данных законоположений потребовался отдельный акт о конституционных поправках от 23 декабря 1989 г.⁵, который существенно отличался от норм Закона СССР от 1 декабря 1988 г. № 9853-XI «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР».

Данное обстоятельство наглядно свидетельствует о методике законотворческой работы высших органов народного представительства в СССР, что в современной России наблюдается весьма редко. Сначала принимались конституционные поправки, которые очерчивали общие ориентиры будущей законопроектной работы. Затем, по мере появления текста законопроекта, обнаружилась неопределённость и фрагментарная дефектность конституционного регулирования, что потребовало корректировки норм Основного закона. В конечном итоге нормативно-правовая база для учреждения института конституционного надзора включала в себя три компонента различных уровней регулирования: во-первых, *конституционного*, во-вторых, *законодательного*, в-третьих, *подзаконного и организационно-правового*. Законодатель предпочёл метод «пакетного» [5, с. 8] внесения и принятия соответствующего комплекса нормативных правовых актов, чтобы они действовали в системном единстве и взаимной обусловленности.

В первой редакции Конституции СССР от 1988 г. было установлено, что Комитет конституционного надзора СССР избирается Съездом народных депутатов СССР сроком на 10 лет из числа специалистов в области политики и права в составе председателя, его заместителя и 21 члена в целях обеспечения представительства каждой из союзных республик. Комитету объявлялись поднадзорными «органы» (без конкретизации, какие именно); члены Комитета считались независимыми и подчиняющимися только Конституции СССР. Закон СССР от 23

³ См.: О конституционном надзоре в СССР : закон СССР от 23 декабря 1989 г. // ВВС СССР. – 1989. – № 29. – Ст. 572. – Утратил силу.

⁴ См.: О порядке введения в действие Закона СССР «О конституционном надзоре в СССР : постановление Съезда народных депутатов СССР от 23 декабря 1989 г. // ВВС СССР. – 1989. – № 29. – Ст. 573. – Утратило силу.

⁵ См.: Об изменениях и дополнениях статьи 125 Конституции (Основного Закона) СССР : закон СССР от 23 декабря 1989 г. № 974-1 // ВВС СССР. – 1989. – № 29. – Ст. 574. – Утратил силу.

декабря 1989 г. «Об изменениях и дополнениях статьи 125 Конституции (Основного Закона) СССР» в целом сохранил указанные подходы, однако: во-первых, увеличил численность Комитета ещё на четыре единицы; во-вторых, исключил поднадзорность Комитету «органов» (ему поднадзорны «акты» соответствующих органов, но не сами «органы» и не их «деятельность»).

Обратим внимание, что в современной России судьи Конституционного Суда РФ назначаются Советом Федерации по представлению Президента РФ. Имеющие мандат прямого народного доверия депутаты Государственной Думы из данного процесса исключены. Однако Конституционный Суд РФ и судьи данного Суда не ограничены сроком в 10 лет. Суд действует бессрочно, судьи осуществляют полномочия до достижения возраста 70 лет, если прекращение их статуса не состоится ввиду добровольного волеизъявления либо экстраординарных обстоятельств, позволяющих лишить их полномочий в той же процедуре, что и назначение данных лиц (конституционные поправки от 2020 г.)⁶. Современные судьи Конституционного Суда РФ – это специалисты «в области права». Словосочетание «специалист в области политики и права» в действующем конституционном регулировании не используется⁷.

Компетенция Комитета конституционного надзора СССР в редакции Конституции СССР от 1988 г. выглядела весьма широкой и по этой причине трудно реализуемой. Вероятно, здесь сыграли роль элементы концепции некоего «романтического конституционализма», который с течением времени неизбежно уступает место конституционализму «прагматическому». В анализируемый исторический период такой «переход» произошёл довольно быстро: «романтически» ориентированный нормативный материал, хотя формально и вступил в юридическую силу, на практике никогда не применялся ввиду отсутствия конкретизирующего закона. Конституционный законодатель находился в состоянии поиска, «не стесняясь» признавать свои прежние ошибки и упущения. Полагаем, что поправки к Конституции – не догма и не основание для блокирования будущих нормативно-правовых установлений. При необходимости Конституцию можно ещё раз изменить. Важно, чтобы законодательство Конституции не противоречило, и окончательная модель правового регулирования соответствовала критериям

разумности, приемлемости и рациональности, отвечала запросам времени и генеральным тенденциям развития страны на соответствующем историко-правовом этапе.

Согласно положениям Конституции СССР от 1988 г., к компетенции Комитета конституционного надзора СССР было отнесено производство «заключений о соответствии» и осуществление «наблюдения за соответствием» одних правовых актов другим. В этом, на наш взгляд, состояла основная суть модели конституционного надзора в редакции от 1988 года. Комитет *по собственной инициативе, по поручению Съезда народных депутатов и по предложениям других уполномоченных государственных органов* был вправе осуществлять нормоконтроль, который мог быть предварительным (проверка проектов) или последующим (тестирование действующих актов). Если Комитет «выявлял противоречие» – он должен был направить издавшему акт органу «заключение для устранения допущенного нарушения», что влекло за собой такую меру конституционно-процессуального пресечения, как приостановление действия соответствующего акта. Кроме того, Комитет наделялся полномочием «входить с представлением» на Съезд, в Верховный Совет и в Совет Министров СССР об отмене актов подотчётных им органов и должностных лиц.

Данное регулирование, по всей вероятности, опиралось на презумпцию некой «неопровержимости» [6, с. 68] правовой позиции Комитета конституционного надзора СССР по вопросу о противоречии оспариваемой нормы права установлениям правовых актов более высокой юридической силы. Квалифицированный нами выше «романтический конституционализм» проявлялся главным образом в том, что «противоречие» одних правовых актов другим трактовалось в 1988 году как нечто совершенно чрезвычайное и подлежащее вследствие этого немедленному устранению. Советское «правоведение» было во многом «законоведением» [7, с. 42–45] или даже «нормоведением». Считалось, что закон закону противоречить не может, а на страже противодействия этому стоит эффективная и безошибочная государственная машина. В Советской стране правовые акты могут представлять только единую и внутренне согласованную регулирующую систему; иного, якобы, быть вообще не может.

Нетрудно заметить, что практика конституционного надзора быстро показала, какая в действительности фундаментальная политическая власть сосредоточена в одном лишь полномочии осуществления нормоконтроля. Общественно-политическая жизнь противоречива, она питается конкурирующими и взаимоисключающими интересами субъектов правоотношений. Всякий более или менее значимый публич-

⁶ См.: О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // СЗ РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

⁷ См.: О Конституционном Суде Российской Федерации : федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 1 июля 2021 г.) // СЗ РФ. – 1994. – № 13. – Ст. 1447; 2021. – № 27. – Ст. 5045.

ный или частный интерес при желании можно облечь в правовую форму обнаружившегося противоречия между подлежащей применению нормой и установлениями актов более высокой юридической силы, особенно если в конституционно-правоприменительной деятельности опираться на такие критерии тестирования, как справедливость, разумность, достаточность, сдержанность, правовая определённость и т. п.

Из этого следовала *институциональная бесперспективность модели конституционного надзора с расширенными конституционными полномочиями*. Первый паттерн позднесоветского конституционного надзора от 1988 года во многом базировался на методологии прокурорской деятельности⁸, что трудно применимо к политическим отношениям и взаимоотношениям высших органов власти в стране, учитывая, что на данном историческом этапе активно развивались такие конституционные принципы, как политический плюрализм, многопартийность, гласность, критика, альтернативные выборы и демократическая сменяемость публичной власти [1, с. 90–106].

В связи с этим обратим внимание, как именно конституционный законодатель сформулировал полномочия Комитета конституционного надзора СССР в редакции законодательства от 1988 года. Во-первых, он был вправе давать заключения о соответствии проектов законов СССР Конституции. Такое заключение подлежало представлению Съезду, оно могло осуществляться по собственной инициативе и по поручению Съезда. Во-вторых, к компетенции Комитета относилась дача заключений о соответствии *актов и проектов актов* Верховного Совета и его палат (Совета Союза и Совета Национальностей) Конституции и законам, принятым Съездом. Это было возможно по собственной инициативе, по поручению Съезда и по предложениям Верховного Совета или высших органов государственной власти союзных республик. В-третьих, Комитет был уполномочен наблюдать за соответствием Конституции СССР и законам СССР *конституций и законов союзных республик, актов* Совета Министров СССР и советов министров союзных республик. В-четвертых, Комитет мог давать заключения о соответствии Конституции СССР и законам СССР *актов других государственных органов и общественных организаций*. Анализ данных полномочий позволяет квалифицировать статус Комитета конституционного надзора СССР (в нормативно-правовой модели от 1988 года) как своего рода *коллегиально организованную*

федеральную конституционную прокуратуру, которая к тому же в своей компетенции *конкурировала с прокурорским надзором и отчасти поглощала его*. Указанные дефекты правового регулирования были устранены пакетом законопроектов от 1989 года.

Согласно конституционным и законодательным установлениям от 1989 года, Комитет конституционного надзора СССР обладал следующей компетенцией. Во-первых, он уполномочивался по поручению Съезда давать заключения о соответствии Конституции СССР проектов законов СССР и иных актов, внесённых на рассмотрение Съезда. По сравнению с предыдущей редакцией здесь исключалась собственная инициатива Комитета (об этом будет сказано ниже), но круг проверяемых проектов был расширен (проверке могли подлежать не только проекты законов, но вообще любые проекты актов, которые внесены на рассмотрение Съезда. Это – *предварительный конституционный контроль* проектов актов Съезда народных депутатов СССР, осуществляемый по инициативе Съезда и представляемый Съезду.

Во-вторых, к компетенции Комитета конституционного надзора было отнесено новое (по сравнению с 1988 годом) полномочие – проверка соответствия Конституции СССР законов СССР и иных актов, принимаемых Съездом. Это – *последующий конституционный контроль* действующих, уже принятых актов Съезда. Инициировать надзорное производство были вправе депутаты численностью не менее одной трети, Председатель Верховного Совета СССР и высшие органы государственной власти союзных республик.

В-третьих, конституционный законодатель упразднил весьма абстрактный институт «наблюдения за соответствием» от 1988 года, заменив его стандартным правом дачи «заключения о соответствии» Конституции СССР конституций союзных республик, а также о соответствии Конституции СССР и законам СССР законов союзных республик. Это – не только институт *последующего конституционного контроля* (проверялись действующие акты). Его можно было бы квалифицировать одновременно и как форму *федеральной интервенции*, и как способ *внеконституционного надзора*. Федеральное вмешательство наблюдалось вследствие проверки действующих актов союзных республик на предмет соответствия *федеральным* правовым актам. Внеконституционный надзор осуществлялся в части проверки соответствия законов союзных республик не только Конституции СССР, но и законам СССР (в сущности, прокурорская функция). Соответствующее заключение должно было направляться Съезду народных депутатов СССР и могло осуществляться по инициативе Съезда («поручение»), Верхов-

⁸ См.: Смольников С. Б. Конституционно-правовой статус прокурорской (надзорной) власти в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2007. – С. 8.

ного Совета СССР, Президиума Верховного Совета СССР и высших органов государственной власти союзных республик («предложения»).

В связи с этим полагаем странным и труднообъяснимым, по каким причинам конституционный законодатель именно таким образом варьировал круг субъектов права инициативы производства в Комитете конституционного надзора СССР. Почему, например, Председатель Верховного Совета СССР обладал правом возбуждения инициативы о проверке конституционности законов СССР и иных актов Съезда, но таким правом не обладал Президиум Верховного Совета СССР. В свою очередь, не вполне логичным видится наделение Президиума Верховного Совета СССР правом возбуждения инициативы производства о проверке на соответствие Конституции СССР конституций союзных республик, в то время как Председатель Верховного Совета СССР данным правом не обладал.

В-четвертых, Комитет конституционного надзора СССР наделялся компетенцией дачи заключения о соответствии Конституции СССР и законам, принятым Съездом народных депутатов СССР, актов и проектов актов Верховного Совета и его палат; о соответствии Конституции СССР и законам СССР актов Совета Министров, международных обязательств СССР и союзных республик. Квалифицировать данные законоположения можно следующим образом. Проверка актов и проектов актов Верховного Совета и его палат – это совмещение предварительного и последующего нормоконтроля, который был не только конституционным, но и внеконституционным. Конституционный правопорядок образца 1989 года дифференцировал два вида законов СССР – принимаемых Съездом и Верховным Советом. В случае проверки Комитетом актов и проектов актов Верховного Совета и его палат (Совета Союза и Совета национальностей), учёту подлежали нормы не только Конституции СССР, но и законов СССР, но которые были приняты именно Съездом (не Верховным Советом). Что же касается проверки актов Совета Министров и международных обязательств СССР и союзных республик – наблюдался последующий нормоконтроль (проекты актов надзору не подлежали), причем проверялось их соответствие Конституции СССР и законам СССР вне зависимости от того, кем последние были приняты (Съездом или Верховным Советом). Правом инициативы производства в Комитете конституционного надзора обладали Съезд («поручение»), не менее одной пятой членов Верховного Совета СССР (т. е. не всех народных депутатов СССР), Председатель Верховного Совета СССР и высшие органы государственной власти союзных республик («предложения»).

Наконец, в-пятых, компетенцию Комитета конституционного надзора СССР составляла

дача заключения о соответствии Конституции СССР и законам СССР «нормативных правовых актов других государственных органов и общественных организаций, если в данной сфере не осуществляется прокурорский надзор. Правом инициативы здесь пользовался весьма широкий круг лиц.

Что касается инициативы Комитета конституционного надзора, она формулировалась следующим образом. Он был вправе самостоятельно возбуждать производство исключительно в порядке последующего нормоконтроля (проекты актов проверялись по внешним запросам). Такой контроль был возможен в отношении актов «высших органов государственной власти и управления СССР», а также «других органов, которые образуются или избираются» Съездом или Верховным Советом СССР. Комитет конституционного надзора СССР не проверял, как сейчас это делает Конституционный Суд РФ, законы на предмет их соответствия Конституции по запросам судов и по жалобам граждан.

Пакет поправок от 1989 года усовершенствовал также конституционное регулирование процедуры конституционного надзора, наделив Съезд народных депутатов СССР правом (квалифицированным большинством голосов в две трети) отклонять заключения Комитета конституционного надзора СССР. Во всех остальных случаях они подлежали обязательному исполнению, но ввиду волеизъявления соответствующих органов, не Комитета. На каждый орган по получению заключения Комитета конституционного надзора СССР возлагалась обязанность привести оспариваемый акт в соответствие с правовыми актами более высокой юридической силы. Если несоответствие не устранялось, Комитет был вправе выходить с соответствующими представлениями на Съезд, в Верховный Совет и в Совет Министров СССР.

На основании изложенного можно сформулировать следующие обобщения и выводы. Конституционно-нормативная модель организации внесудебного конституционного надзора в СССР образца 1989 года трудно применима к современной России, если иметь в виду федеральный уровень публичной власти. Действующий Конституционный Суд РФ выгодно отличается от своего институционального предшественника судебным статусом и компетенцией, которая охватывает весьма ограниченную часть конституционно-контрольной деятельности, что методологически верно и весьма перспективно (главным образом – это проверка законов на предмет соответствия Конституции РФ, хотя по запросам ряда уполномоченных государственных органов проверке могут подлежать и некоторые подзаконные правовые акты). Конституционный Суд России не контролирует

саму по себе законность, его сфера – обеспечение действия Конституции РФ как особого нормативного правового акта. Реализация законности – задача других судов во главе с Верховным Судом РФ и централизованно организованной прокуратуры России.

Вместе с тем историко-правовой опыт организации Комитета конституционного надзора СССР актуален и вызывает современный интерес ввиду ряда важных обстоятельств. Это касается, во-первых, использования института предварительного нормоконтроля (в России он

возобновился вследствие конституционных поправок от 2020 года), во-вторых, проблематики организации внесудебных органов конституционного или уставного контроля в субъектах РФ. Вследствие упразднения конституционной (уставной) юстиции в регионах вполне востребованными могут оказаться конституционные (уставные) советы. При регулировании их статуса и организации деятельности некоторым образцом или ориентиром могут послужить соответствующие акты конституционного законодательства СССР от 1988 и 1999 годов.

Список литературы

1. Волгин Е. И. Демонтаж однопартийной системы в СССР: политические и правовые аспекты // Вестник Московского университета. Серия: История. – 2016. – № 5. – С. 90–106.
2. Макаров А. В., Марков А. А. Комитет конституционного надзора СССР как первый опыт создания органа конституционной юрисдикции // Государственная власть и местное самоуправление. – 2019. – № 12. – С. 27–30.
3. Митюков М. А., Остапович И. Ю. Предтеча конституционного правосудия на постсоветском пространстве: к историографии Комитета конституционного надзора СССР (1988–1991) // Российско-азиатский правовой журнал. – 2020. – № 2. – С. 35–63.
4. Савоськин А. В. Реализация принципа разделения властей в деятельности высших представительных органов СССР периода 1989–1991 гг. // Правоохранительные органы: теория и практика. – 2005. – № 2. – С. 60–64.
5. Слижевский О. Пакетный принцип подготовки проектов нормативных правовых актов: преимущества и подходы к реализации // Юстиция Беларуси. – 2018. – № 3. – С. 8–10.
6. Сухецакая К. А. Неопровержимость судебного акта и её пределы при установлении требований в деле о банкротстве // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. – 2020. – № 4. – С. 68.
7. Хбликян Е. А. Законоведение в контексте эволюции правового знания и место в ней концепции общей теории права Н. М. Коркунова // Аграрное и земельное право. – 2015. – № 12. – С. 42–45.
8. Шульженко Ю. Л. Исследование проблем парламентаризма в советский период // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2017. – Т. 12. – № 2. – С. 32–56.
9. Шульженко Ю. Л. Комитет конституционного надзора СССР – специализированный орган по правовой охране Основного Закона СССР // Конституционная реформа в СССР: актуальные проблемы. – Москва: Изд-во ИГиП АН СССР, 1990. – С. 28–39.
10. Таскаев Н. Н., Олейник А. Д. Конституционная юстиция в России: история и современность // Baikal Research Journal. – 2019. – № 1 [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnaya-yustitsiya-v-rossii-istoriya-i-sovremennost> (дата обращения: 03.10.2022).

References

1. Volgin Ye. I. Demontazh odnopartiynoy sistemy v SSSR: politicheskiye i pravovyye aspekty // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya: Istoriya. – 2016. – № 5. – S. 90–106.
2. Makarov A. V., Markov A. A. Komitet konstitutsionnogo nadzora SSSR kak pervyy opyt sozdaniya organa konstitutsionnoy yurisdiksiy // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye. – 2019. – № 12. – S. 27–30.
3. Mityukov M. A., Ostapovich I. Yu. Predtecha konstitutsionnogo pravosudiya na postsovetском prostranstve: k istoriografii Komiteta konstitutsionnogo nadzora SSSR (1988–1991) // Rossiysko-aziatskiy pravovoy zhurnal. – 2020. – № 2. – S. 35–63.
4. Savos'kin A. V. Realizatsiya printsipa razdeleniya vlastey v deyatelnosti vysshikh predstavitel'nykh organov SSSR perioda 1989–1991 gg. // Pravookhranitel'nyye organy: teoriya i praktika. – 2005. – № 2. – S. 60–64.
5. Slizhevskiy O. Paketnyy printsip podgotovki proyektov normativnykh pravovykh aktov: preimushchestva i podkhody k realizatsii // Yustitsiya Belarusi. – 2018. – № 3. – S. 8–10.
6. Sukhetskaya K. A. Neoproverzhimost' sudebnogo akta i yeye predely pri ustanovlenii trebovaniy v dele o bankrotstve // Ekonomicheskoye pravosudiye na Dal'nem Vostoke Rossii. – 2020. – № 4. – S. 68.
7. Khblikyan Ye. A. Zakonovedeniye v kontekste evolyutsii pravovogo znaniya i mesto v ney kontseptsii obshchey teorii prava N. M. Korkunova // Agrarnoye i zemel'noye pravo. – 2015. – № 12. – S. 42–45.
8. Shul'zhenko Yu. L. Issledovaniye problem parlamentarizma v sovetskiy period // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk. – 2017. – T. 12. – № 2. – S. 32–56.
9. Shul'zhenko Yu. L. Komitet konstitutsionnogo nadzora SSSR – spetsializirovannyy organ po pravovoy okhrane Osnovnogo Zakona SSSR // Konstitutsionnaya reforma v SSSR: aktual'nyye problemy. – Moskva: Izd-vo IGiP AN SSSR, 1990. – S. 28–39.
10. Taskayev N. N., Oleynik A. D. Konstitutsionnaya yustitsiya v Rossii: istoriya i sovremennost' // Baikal Research Journal. – 2019. – № 1 [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnaya-yustitsiya-v-rossii-istoriya-i-sovremennost> (data obrashcheniya: 03.10.2022).

Статья поступила в редакцию 05.09.2022; одобрена после рецензирования 02.12.2022; принята к публикации 06.12.2022.

The article was submitted September 5, 2022; approved after reviewing December 2, 2022; accepted for publication December 6, 2022.

Научная статья
УДК 340.12
doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-17-22

Андрей Иванович Каплунов
доктор юридических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0001-7298-873>, and-kaplunov@yandex.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

О роли предмета и метода правового регулирования в определении отраслевой взаимосвязи материальных норм и вида юридического процесса, обеспечивающего их реализацию

Аннотация: В определении отраслевой принадлежности процессуальных норм важную роль играет метод правового регулирования.

Особую актуальность данный вопрос приобрёл после вступления в силу 15 сентября 2015 г. Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ).

В научном сообществе привязка в КАС РФ «административного» судопроизводства к административному процессу вызвала неоднозначное отношение.

Следует отметить, что данная проблема имеет межотраслевой характер, поэтому для её решения целесообразно использовать теоретические подходы, разработанные в рамках общей теории права и теории юридического процесса в целом.

В статье представлен анализ роли предмета и метода правового регулирования в определении типов метода правового регулирования и процессуальных форм их реализации на основе разработанной В. Д. Сорокиным теоретической конструкции механизма правового регулирования общественных отношений.

Положения общей теории права о типах единого метода правового регулирования и процессуальных формах их реализации и положения общей теории юридического процесса о процессуальных формах юрисдикционного юридического процесса позволили определить отраслевую процессуальную природу отечественной модели административного судопроизводства и выявить её недостатки.

Ключевые слова: предмет, метод, материальные нормы, типы правового регулирования, юридический юрисдикционный процесс, административное судопроизводство

Для цитирования: Каплунов А. И. О роли предмета и метода правового регулирования в определении отраслевой взаимосвязи материальных норм и вида юридического процесса, обеспечивающего их реализацию // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4 (96). – С. 17–22; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-17-22.

Andrey I. Kaplunov
Dr. Sci. (Jurid.), Professor
<https://orcid.org/0000-0001-7298-873>, and-kaplunov@yandex.ru

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

Subject and method of legal regulation in determining the sectoral relationship of substantive norms and the type of legal process

Abstract: The method of legal regulation plays an important role in determining the branch affiliation of procedural norms. This issue has become particularly relevant since September 15, 2015 when the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation CAP RF came into force.

The linkage of “administrative” legal proceedings to the administrative process in the CAS RF caused an ambiguous attitude among scientific community.

The problem has an intersectoral character, so there may be some advantage in using theoretical approaches developed within the framework of the general theory of law and the theory of the legal process to solve an issue of law.

The article presents an analysis of the role of the subject and method of legal regulation in determining the types of method of legal regulation and the procedural forms of their implementation on the basis of the theoretical construction of the mechanism of legal regulation of social relations developed by V. D. Sorokin.

The provisions of the general theory of law on the types of a unified method of legal regulation and the procedural forms of their implementation and the provisions of the general theory of the legal process concerning the procedural forms of the jurisdictional legal process made it possible to determine the sectoral procedural nature of the domestic model of administrative proceedings and identify its shortcomings.

Keywords: subject, method, substantive norms, types of legal regulation, legal jurisdictional process, administrative proceedings

For citation: Kaplunov A. I. Subject and method of legal regulation in determining the sectoral relationship of substantive norms and the type of legal process // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 4 (96). – P. 17–22; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-17-22.

Материальные нормы и вид юридического процесса, обеспечивающий их реализацию, несомненно, имеют отраслевую взаимосвязь. Однако она не всегда линейная и прямая, как может показаться на первый взгляд, если брать за основу отраслевое и терминологическое единство «уголовного права и уголовного процесса», «гражданского права и гражданского процесса». В определении отраслевой принадлежности процессуальных норм, регламентирующих процессуальную деятельность, важную роль играет метод правового регулирования. Впервые на связь метода правового регулирования и процессуальных форм его реализации обратил внимание В. Д. Сорокин в своей монографии «Метод правового регулирования. Теоретические проблемы» в 1976 году [9, с. 128–141].

Данный вопрос приобрел особую значимость после вступления в силу 15 сентября 2015 г.¹ Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ). В результате так называемой «рекодификации» гражданско-процессуального законодательства Российской Федерации часть гражданско-процессуальных норм, в частности, регламентировавших «производство по делам, возникающим из публичных правоотношений»

(подраздел III Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ) легли в основу нового вида судопроизводства – «административного».

Терминология КАС РФ указывает на то, что складывающиеся в ходе административного судопроизводства правоотношения законодатель рассматривает как административно-процессуальные. Привязка в КАС РФ «административного» судопроизводства к административному процессу вызвала недовольство, с одной стороны, представителей науки гражданско-процессуального права [1, с. 45–51; 2, с. 30–34; 3, с. 26–28; 7, с. 10–11; 14], с другой стороны, учёных административистов [4, с. 12–14; 5, с. 330] в связи с распространением мнения о том, что административным процессом следует считать только «административное судопроизводство» [12, с. 6].

Данная проблема имеет межотраслевой характер, поэтому для её решения целесообразно использовать теоретические подходы, разработанные в рамках общей теории права и теории юридического процесса в целом.

Исследования В. Д. Сорокина показывают, что «механизм правового регулирования общественных отношений представляет собой сложное системное образование, элементами которого выступают: *единый предмет* правового регулирования, *единый метод*, проявляющийся в трёх типах правового регулирования – гражд-

См.: О введении в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации : федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 22-ФЗ.

данско-правовом, административно-правовом и уголовно-правовом, реализация которого происходит прежде всего и главным образом с помощью соответствующих видов юридического процесса и трёх одноименных процессуальных отраслей российского права» [10, с. 45].

Данная теоретическая конструкция была разработана В. Д. Сорокиным в 60-70-х годах прошлого столетия. В основе её лежит общетеоретический вывод о том, что материально-правовое регулирование на макроуровне (на уровне правовой системы в целом, имеющей отраслевое деление) представлено тремя типами единого метода правового регулирования в зависимости от доминирования одного из его системных элементов – дозволения, предписания или запрета, а именно: гражданско-правовым типом (доминируют *дозволения*), административно-правовым (доминируют *предписания*) и уголовно-правовым (доминируют *запреты*) [9, с. 116–117]. Каждому из названных типов правового регулирования соответствуют три вида процесса – уголовный, гражданский и административный [8, с. 47]. Основные разновидности юридического процесса как общеправовой категории в форме гражданского, административного и уголовного процессов являются своего рода каналами реализации одноименных типов метода правового регулирования [11, с. 156, 140–157].

Исходя из предложенной В. Д. Сорокиным теоретической конструкции, связь между материальными нормами и видом юридического процесса, обеспечивающего их реализацию, обусловлена не столько предметом, сколько методом правового регулирования. Терминологическое единство «уголовного права и уголовного процесса» определяется особенностями (типом) метода материального уголовно-правового регулирования, который основан на запретах, каналом реализации которых является уголовный процесс. Терминологическое единство «гражданского права и гражданского процесса» определяется особенностями (типом) метода материального гражданско-правового регулирования, который основан на дозволениях, каналом реализации которых является гражданский процесс. Немаловажное значение имеет то, что с точки зрения «типа метода» материально-правового регулирования они являются однородными (моно) отраслями.

Наименования типов метода правового регулирования в разработанной В. Д. Сорокиным теоретической конструкции получили соответствующую отраслевую привязку, поскольку именно в этих отраслях данные типы метода материально-правового регулирования (путем дозволений, предписаний, запретов) являются доминирующими и проявляются наиболее ярко и рельефно. Такая отраслевая привязка в определенной степени условна, поскольку в любой материальной отрасли в той или иной степени все указанные типы регулирования представлены [15, с. 265].

Реализацию гражданско-правового типа регулирования общественных отношений, в котором превалирует дозволение, обеспечивает **гражданский процесс**, который направлен на защиту прав физических и юридических лиц от нарушений (включает судебный порядок разрешения споров). Гражданское судопроизводство представлено *состязательным* типом юрисдикционного юридического процесса [6, с. 25, 278, 320]. Процессуальная форма этого типа используется для разрешения споров о праве; она включает две стороны спора и арбитра – государство, представленное судом.

Закрепленная КАС РФ отечественная модель «административного судопроизводства» предусматривает рассмотрение и разрешение судами общей юрисдикции двух категорий «административных дел»: 1) «о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций» (тяжебных дел), 2) «других административных дел», связанных с осуществлением судебного контроля за законностью и обоснованностью осуществления государственных или иных публичных полномочий.

С точки зрения типов правового регулирования материально-правовое содержание указанных категорий дел неоднородно. Предметное содержание первой категории дел включает «споры о праве» граждан и организаций с властным субъектом по поводу проблем в реализации *дозволений*. Для разрешения этих споров судом используется состязательная форма юрисдикционного юридического процесса. Такие дела разрешаются судом при участии в деле двух сторон: истца и ответчика. Термин «административное» указывает не на процессуальную природу данного судопроизводства, а обусловлен отраслевой принадлежностью материальных норм, закрепляющих *дозволения*, ставшие предметом спора.

Материально-правовые нормы, закрепляющие *дозволения*, лежащие в основе спора о праве, независимо от их отраслевой принадлежности, имеют одинаковую типологию с точки зрения элементов единого **метода** правового регулирования (он именуется гражданско-правовым типом) [11, с. 136–137]. Их реализация обеспечивается в рамках одного и того же типа юрисдикционного юридического процесса (состязательного), который по своей процессуальной природе является гражданско-процессуальным.

«Гражданское» судопроизводство и «административное» судопроизводство *по делам первой категории* объединяет то, что они обеспечивают реализацию гражданско-правового типа регулирования общественных отношений, основанного на дозволениях.

Таким образом, так называемое «административное» судопроизводство *по делам о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций* является разновидностью процессуальной деятельности, являющейся каналом реализации гражданско-правового

типа регулирования общественных отношений. Именно это обстоятельство определяет его отраслевую процессуальную природу.

Однако для обозначения данного вида судопроизводства использована терминология, производная от категории рассматриваемых дел, получивших в статье 126 Конституции Российской Федерации наименование «административных». В свою очередь, видовая процессуальная идентификация «административного» судопроизводства и отраслевая принадлежность норм КАС РФ определена законодателем в самом КАС РФ только на основе «предмета» правового регулирования, при полном игнорировании особенностей «метода» правового регулирования.

Как видим, терминологическое сопровождение данного вида судопроизводства обусловлено категорией рассматриваемых дел, получивших наименование «административных», а не процессуальной природой порядка рассмотрения этих дел, при том, что само наименование категории рассматриваемых дел не вполне корректно, поскольку не охватывает всего материально-правового разнообразия рассматриваемых дел. В самом КАС РФ в статье 1 его разработчики вынуждены были указать, что Кодекс «регулирует порядок осуществления административного судопроизводства при рассмотрении и разрешении ... других административных дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений». Этот факт свидетельствует от том, что материально-правовое содержание рассматриваемых и разрешаемых дел выходит за рамки административно-правового регулирования, материально правовая основа «споров о праве» для «административного» судопроизводства не является определяющей. Его процессуальная природа обусловлена не предметом, а **методом** правового регулирования, представленным гражданско-правовым типом регулирования общественных отношений, каналом реализации которого является *состязательный* тип юрисдикционного юридического процесса, – по своей природе гражданский процесс.

С точки зрения общей теории юридического процесса существуют две процессуальные формы юрисдикционного юридического процесса – «состязательная» и «следственная». В рамках *состязательной* формы разрешаются споры о праве, она является каналом реализации дозволений и лежит в основе гражданского процесса. *Следственная* процессуальная форма обеспечивает реализацию ответственности за нарушение запретов, в своём классическом виде она представлена в уголовном процессе для применения мер уголовного принуждения.

Таким образом, отраслевая процессуальная природа «административного» судопроизводства и тип юрисдикционного юридического процесса, который лежит в его основе, определяются в конечном счёте не материально-правовым предметным содержанием рассматриваемых дел, а видом метода правового

регулирования, который определяет порядок их судебного рассмотрения как канала реализации соответствующего типа материально-правового регулирования общественных отношений. Соответственно, «административное» судопроизводство *по делам о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций* является каналом реализации гражданско-правового типа регулирования общественных отношений. А «поскольку данный тип правового регулирования охватывает различные по своему предмету группы общественных отношений, постольку гражданский процесс «обслуживает» соответствующие этим группам отношений материальные отрасли» [8, с. 46–47].

В свою очередь предметное содержание *второй категории дел*, рассматриваемых в рамках «административного» судопроизводства, а именно, «других административных дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений и связанных с осуществлением судебного контроля за законностью и обоснованностью осуществления государственных или иных публичных полномочий» (часть 1 статьи 1 КАС РФ), связано с нарушением лицами, выступающими в качестве ответчика, установленных запретов и ограничений, либо **связано** с иным их недопустимым девиантным поведением, и необходимостью применения в отношении таких лиц санкций и иных мер принудительного воздействия, т. е. по сути основано на уголовно-правовом типе регулирования общественных отношений, каналом реализации которого является *следственный* тип юрисдикционного юридического процесса.

В этом случае имеет место явное несоответствие между типом правового регулирования и процессуальной формой его реализации, а если быть точнее, для реализации запрета (и применения санкций за его нарушение) используется процессуальный порядок, обеспечивающий реализацию дозволений (а точнее, защиту прав и свобод лица). Но, несмотря на это несоответствие, во вводной фразе части 3 статьи 1 КАС РФ основное внимание акцентируется на том, что эти дела связаны «с осуществлением **обязательного судебного контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, прав организаций при реализации отдельных административных властных требований к физическим лицам и организациям**». Непонятно, правда, о каких правах человека и гражданина, правах организаций, нарушивших отдельные административные властные требования, идёт речь. Но ясно одно, что административное судопроизводство по данной категории дел, несмотря на их процессуальную природу, позиционируется главным образом как инструмент «контроля» за властным субъектом, «**за соблюдением**» властным субъектом «**прав и свобод человека и гражданина, прав организаций**», нарушающих отдельные административные властные требования, это инструмент *обязательного* контроля не за ли-

цом, нарушающим властные требования, а за властным субъектом, который призван следить за соблюдением этих властных требований. Эта норма вызывает недоверие к властному субъекту из-за гипотетической возможности административного произвола с его стороны. При такой постановке вопроса правосудие по так называемым «другим административным делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений» отходит на второй план, а на первое место выходит обязательный контроль за истцом. С таким положением дел согласиться трудно.

Думается, что порядок рассмотрения в рамках административного судопроизводства второй категории «административных дел», связанных с осуществлением обязательного судебного контроля за соблюдением прав и административных властных требований к физическим лицам и организациям, с точки зрения общей теории права о типах метода материально-правового регулирования и процессуальных формах их реализации должен быть основан не на состязательном, а на следственном типе юрисдикционного юридического процесса.

Список литературы

1. Боннер А. Т. Административное судопроизводство в Российской Федерации: миф или реальность, или Спор процессуалиста с административистом // Закон. – 2016. – № 7. – С. 24–51.
2. Воскобитова Л. А. Судопроизводство по делам об административных правонарушениях и его место в системе реализации судебной власти // Мировой судья. – 2017. – № 2. – С. 28–34.
3. Громошина Н. А. Основные положения КАС РФ: шаг вперед или два шага назад? / Развитие российского права: новые контексты и поиски решения проблем. III Московский юридический форум : материалы X Международной научно-практической конференции (Кутафинские чтения) : материалы конференции: в 4 ч. – Часть 3. – Москва: Проспект, 2016. – С. 25–28.
4. Каплунов А. И. Законодательство об административном судопроизводстве и его влияние на развитие теории административного процесса и формирование административно-процессуального права как отрасли права // Развитие российского права: новые контексты и поиски решения проблем. III Московский юридический форум : материалы X Международной научно-практической конференции (Кутафинские чтения): в 4 ч. – Часть 3. – Москва: Проспект, 2016. – С. 12–19.
5. Кононов П. И. Несколько тезисов в поддержку интегративного понимания административного процесса // Сибирское юридическое обозрение. – 2021. – Т. 18. – № 3. – С. 328–338.
6. Павлушина А. А. Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы развития / под ред. В. М. Ведяхина. – Самара: ГОУ ВПО «Самарская государственная экономическая академия», 2005. – 480 с.
7. Сахнова Т. В. Административное судопроизводство: проблемы квалификации // Развитие российского права: новые контексты и поиски решения проблем. III Московский юридический форум. X Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) : материалы конференции : в 4 ч. – Часть 3. – Москва : Проспект, 2016. – С. 3–11.
8. Сорокин В. Д. Административно-процессуальное право. – Москва: Юридическая литература, 1972. – 240 с.
9. Сорокин В. Д. Метод правового регулирования. Теоретические проблемы. – Москва: Юридическая литература, 1976. – 143 с.
10. Сорокин В. Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2000. – № 4 (231). – С. 34–45.
11. Сорокин В. Д. Правовое регулирование. Предмет, метод, процесс (макроуровень). – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. – 661 с.
12. Стариков Ю. Н. Административный процесс в системе современных научных представлений об административной юстиции // Государство и право. – 2004. – № 6. – С. 5–13.
13. Терехова Л. А. Дрейф административного судопроизводства // Вестник гражданского процесса. – 2020. – № 3. – С. 30–50.
14. Туманов Д. А. Из жизни законодательных клонов. КАС РФ напоминает результат неудачного эксперимента [Электронный ресурс] // Сайт: «Legal.Report». – URL: <https://legal.report/author-16/iz-zhizni-zakonodatelnyh-klonov> (дата обращения: 10.02.1017).
15. Каплунов А. И. Современные подходы к пониманию административного процесса как результат и основа развития отечественного административно-процессуального законодательства // Сибирское юридическое обозрение. – 2021. – Т. 18. – № 3. – С. 261–276.

References

1. Bonner A. T. Administrativnoye sudoproizvodstvo v Rossiyskoy Federatsii: mif ili real'nost', ili spor protsessualista s administrativistom // Zakon. – 2016. – № 7. – S. 24–51.
2. Voskobitova L. A. Sudoproizvodstvo po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh i yego mesto v sisteme realizatsii sudebnoy vlasti // Mirovoy sud'ya. – 2017. – № 2. – S. 28–34.

3. *Gromoshina N. A.* Osnovnyye polozheniya KAS RF: shag vpered ili dva shaga nazad? / Razvitiye rossiyskogo prava: novyye konteksty i poiski resheniya problem. III Moskovskiy yuridicheskiy forum : materialy X Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Kutafinskiye chteniya): materialy konferentsii: v 4 ch. – Chast' 3. — Moskva : Prospekt, 2016. – S. 25–28.

4. *Kaplunov A. I.* Zakonodatel'stvo ob administrativnom sudoproizvodstve i yego vliyaniye na razvitiye teorii administrativnogo protsessa i formirovaniye administrativno-protssual'nogo prava kak otrasli prava // Razvitiye rossiyskogo prava: novyye konteksty i poiski resheniya problem. III Moskovskiy yuridicheskiy forum: materialy X Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Kutafinskiye chteniya): v 4 ch. – Chast' 3. – Moskva : Prospekt, 2016. – S. 12–19.

5. *Kononov P. I.* Neskol'ko tezisov v podderzhku integrativnogo ponimaniya administrativnogo protsessa // Sibirskoye yuridicheskoye obozreniye. – 2021. – T. 18. – № 3. – S. 328–338.

6. *Pavlushina A. A.* Teoriya yuridicheskogo protsessa: itogi, problemy, perspektivy razvitiya / pod red. V. M. Vedyakhina. – Samara: GOU VPO «Samarskaya gosudarstvennaya ekonomicheskaya akademiya», 2005. – 480 s.

7. *Sakhnova T. V.* Administrativnoye sudoproizvodstvo: problemy kvalifikatsii // Razvitiye rossiyskogo prava: novyye konteksty i poiski resheniya problem. III Moskovskiy yuridicheskiy forum. X Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya (Kutafinskiye chteniya): materialy konferentsii: v 4 ch. – Chast' 3. – Moskva : Prospekt, 2016. – S. 3–11.

8. *Sorokin V. D.* Administrativno-protssual'noye pravo. – Moskva: «Yuridicheskaya literatura», 1972. – 240 s.

9. *Sorokin V. D.* Metod pravovogo regulirovaniya. Teoreticheskiye problemy. – Moskva: «Yuridicheskaya literatura», 1976. – 143 s.

10. *Sorokin V. D.* Pravovoye regulirovaniye: predmet, metod, protsess // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye. – 2000. – № 4 (231). – S. 34–45.

11. *Sorokin V. D.* Pravovoye regulirovaniye. Predmet, metod, protsess (makrouroven'). – Sankt-Peterburg: Yurid. tsentr Press, 2003. – 661 s.

12. *Starilov Yu. N.* Administrativnyy protsess v sisteme sovremennykh nauchnykh predstavleniy ob administrativnoy yustitsii // Gosudarstvo i pravo. – 2004. – № 6. – S. 5–13.

13. *Terekhova L. A.* Dreyf administrativnogo sudoproizvodstva // Vestnik grazhdanskogo protsessa. – 2020. – № 3. – S. 30–50.

14. *Tumanov D. A.* Iz zhizni zakonodatel'nykh klonov. KAS RF napominayet rezul'tat neudachnogo eksperimenta [Elektronnyy resurs] // sayt: legal.report. – URL: <https://legal.report/author-16/iz-zhizni-zakonodatelnyh-klonov> (data obrashcheniya: 10.02.1017).

15. *Kaplunov A. I.* Sovremennyye podkhody k ponimaniyu administrativnogo protsessa kak rezul'tat i osnova razvitiya otechestvennogo administrativno-protssual'nogo zakonodatel'stva // Sibirskoye yuridicheskoye obozreniye. – 2021. – T. 18. – № 3. – S. 261–276.

Статья поступила в редакцию 17.09.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 06.12.2022.

The article was submitted September 17, 2022; approved after reviewing November 29, 2022; accepted for publication December 6, 2022.

Научная статья
УДК 340.12
doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-23-30

Анатолий Сергеевич Квитчук
доктор юридических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0002-8248-3004>, pr.ankvt@mail.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Институт технического надзора за состоянием транспортных средств в системе обеспечения безопасности дорожного движения в России: опыт ретроспективного анализа эволюции

Аннотация: Одним из важнейших направлений деятельности государственных органов, обеспечивающих безопасность дорожного движения, является технический надзор за состоянием транспортных средств.

Цель работы – исследование развития и становления системы института технического надзора за состоянием транспортных средств на различных этапах исторического развития российского государства. Объект исследования: общественные отношения, складывающиеся при осуществлении федерального надзора за соблюдением требований участниками дорожного движения в процессе технической эксплуатации автомобилей в различные исторические периоды.

Применяемые методы исследования: сравнительно-правовой, анализа, формальной логики. Для решения поставленных задач осуществлён ретроспективный анализ формирования государственной системы обеспечения безопасности дорожного движения; выявлен круг субъектов, принимающих участие в обеспечении безопасности дорожного движения; определены предпосылки и особенности осуществления правового регулирования технического надзора, экзаменационной и регистрационной деятельности органов обеспечения безопасности дорожного движения в России. Выявлены факторы, определяющие место и роль подразделений, обеспечивавших режим безопасности дорожного движения, в системе органов исполнительной власти государства; охарактеризованы особенности организации и деятельности органов, осуществляющих технический надзор за состоянием транспортных средств в современной России.

Анализ генезиса правового регулирования технического надзора, экзаменационной и регистрационной деятельности органов обеспечения безопасности дорожного движения в России показал, что рассматриваемые направления государственной деятельности имеют ряд специфических особенностей, предпосылки их появления разноплановые и связаны с различными историческими периодами государственного развития России.

Ключевые слова: транспортные средства, безопасность дорожного движения, история технического надзора, регистрационная и экзаменационная деятельность, административно-правовое регулирование

Для цитирования: Квитчук А. С. Институт технического надзора за состоянием транспортных средств в системе обеспечения безопасности дорожного движения в России: опыт ретроспективного анализа эволюции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4 (96). – С. 23–30; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-23-30.

Anatoly S. Kvitchuk

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0002-8248-3004>, pr.ankvt@mail.ru

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

Organization of technical supervision of the vehicles condition in the system of ensuring road safety in Russia: experience of retrospective analysis of evolution

Abstract: One of the most important areas of activity of state bodies ensuring road safety is the technical supervision of the condition of vehicles.

The purpose of the research is to study the development and formation of the system of technical supervision of vehicles condition at various stages of the historical development of the Russian state.

The research object: social relationships that develop during the implementation of federal supervision over road users' respecting the requirements in the process of technical exploitation of vehicles in various historical periods.

Applied research methods: comparative legal method, analysis method, formal logic method. In order to solve the determined tasks, the author makes a retrospective analysis of the formation of the state system for ensuring road safety; identifies the range of subjects involved in ensuring road safety; reveals the prerequisites and features of the implementation of the legal regulation of technical supervision, examination and registration activities of the bodies for ensuring road safety in Russia. The factors that determine the place and role of the units that ensured the road safety regime in the system of executive authorities of the state are identified; features of the organization and activity of the bodies exercising technical supervision over the state of vehicles in modern Russia are characterized.

The analysis of the genesis and development of the legal regulation of technical supervision, examination and registration activities of road safety authorities in Russia showed that the areas of state activity under consideration have a number of specific features, the prerequisites for their appearance are diverse and are associated with various historical periods of the state development of Russia.

Keywords: vehicles, road safety, history of technical supervision, registration and examination activities, administrative and legal regulation

For citation: Kvitchuk A. S. Organization of technical supervision of the vehicles condition in the system of ensuring road safety in Russia: experience of retrospective analysis of evolution // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 4 (96). – P. 23–30; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-23-30.

Дороги и обеспечение безопасности при движении по ним актуальны всегда. До настоящего времени проблемы организации дорожного движения и обеспечения его безопасности находятся в центре внимания учёных-исследователей, осуществляющих теоретико-правовые [3; 4], историко-правовые¹ [5–11] и отраслевые изыскания² [12–14], а также правоприменителей, деятельность которых направлена на со-

вершенствование системы безопасности дорожного движения с учётом накопленного в этой сфере опыта на разных этапах исторического развития государства.

Ретроспективные исследования системы обеспечения безопасности дорожного движения в России позволили выделить её субъекты и специфику их функционирования на разных этапах исторического развития государства³.

---

¹Квитчук А. С. Система обеспечения безопасности дорожного движения в России: Историко-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2006. – С. 360.

²Россинский Б. В. Государственная система обеспечения безопасности дорожного движения: (тенденции,

---

проблемы и перспективы развития): автореф. дис.... д-ра юрид. наук. – Москва, 1993. – С. 28.

³Бессарабов А. Н., Бессарабов Е. Н. История ГИБДД: учебное пособие. – Новочеркасск: Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, 2016. – С. 128.

Одним из важных органов обеспечения безопасности дорожного движения в современной России выступает ГИБДД, подразделение в составе МВД России, которое осуществляет федеральный государственный надзор и специальные функции в сфере безопасности дорожного движения.

Важными направлениями деятельности ГИБДД являются: технический надзор, регистрационная и экзаменационная деятельность. Определение направлений деятельности, форм и методов её осуществления обусловлено реализацией государством своих функций и формированием нормативных основ для создания органов и определения специфики их функционирования.

Особым направлением деятельности государственных органов, обеспечивающих безопасность дорожного движения, является технический надзор за состоянием транспортных средств.

Основой формирования института технического надзора за состоянием транспортных конструкций и транспортных средств стала «Табель о рангах», принятая в эпоху преобразований государственно-правовой системы Российской империи при Петре I (1722 г.) [2, с. 48]. «Табель о рангах» существенно расширила функции полиции в области обеспечения безопасности на дорогах, вменив ей в обязанность «наблюдение за извозчиками по соблюдению ими скоростного режима езды, надзору за исправностью средств передвижения, оказание первой медицинской помощи при наездах на пешеходов и иным пострадавшим, установление виновных в дорожном происшествии»⁴.

При этом, «несмотря на строгие меры, направленные на обеспечение безопасности движения, нарушения правил движения были слишком часты, как следствие, результатом этих нарушений были дорожно-транспортные происшествия и часто с пострадавшими» [15, с. 70]. Во избежание тяжёлых последствий дорожно-транспортных происшествий на полицию была возложена обязанность «смотреть за исправностью используемых в извозе карет, колясок и саней»⁵, которая получила нормативное закрепление в Уставе Санкт-Петербурга (1798 г.) [2, с. 58].

В XIX в. проблема технического состояния транспортных средств вышла на общегосударственный уровень: в 1869 г. «обер-полицмейстером северной столицы были введены в действие Правила для извозчиков и Правила для держателей общественных карет»⁶. В соответствии

с требованиями данных нормативных актов на полицию были возложены обязанности:

- проведения ежегодного осмотра конных экипажей;
- выдачи свидетельств на право использования конных экипажей;
- установления требований к процессу движения и стоянке экипажей и повозок.

Принятое 11 сентября 1896 г. Постановление министерства путей сообщения России № 7453⁷ стало новым этапом развития технического надзора [2, с. 253]. Указанное постановление утвердило:

- обязательные для исполнения требования: дорожные сборы; талон осмотра; ограничения скорости; ограничения нагрузки на ось; сезонные запреты из-за распутицы; к конструкции экипажей;

– вводилось удостоверение на каждый самодвижущийся экипаж, которое должно было свидетельствовать о его технически исправном состоянии. Удостоверение владельцам выдавалось только после проведения периодических проверок экипажей. В примечании к пункту 6 Постановления устанавливались срок и порядок проведения периодических проверок экипажей [2, с. 82–83].

Нормативным актом, который установил всеобщие требования к техническому состоянию транспортных средств, стала ратифицированная 12 февраля 1910 г. Конвенция относительно передвижения автомобилей⁸. Данный акт вводил не только «четыре дорожных знака; требования по допуску водителей к управлению транспортными средствами, но и к техническому состоянию автомобилей»⁹.

В 1912 г. были приняты «Обязательные постановления о порядке движения по городу Москве автоматических экипажей» (1912). Е. А. Войтенков отмечает, что целью принятия этого документа было обеспечение безопасности дорожного движения, его упорядочивание и чёткая организация¹⁰. Нормативный правовой акт закреплял допустимую скорость движения транспорта, его правостороннюю ориентацию на дороге и требования к техническому состоянию транспортных средств.

⁷ О порядке и условиях перевозки тяжестей и пассажиров по шоссе ведомства путей сообщения в самодвижущихся экипажах: постановление министерства путей сообщения России № 7453 от 11 сентября 1896 // Собрание Указаний и Распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. – № 113, 27 сентября 1896. – Санкт-Петербург, 1896. – С. 4271–4274.

⁸ Международная конвенция относительно передвижения автомобилей 28 сентября / 11 октября 1909 г. / Известия Министерства иностранных дел. – Санкт-Петербург, 1912. – Книга I. – 268 с. – С. 1–29.

⁹ Высочайше ратифицированная Международная Конвенция относительно передвижения автомобилей от 12 февраля 1910 г. / Полное собрание законов Российской империи. – Собрание 3-е. – Т. XXX. – Отд. 1. – № 33058. – С. 181–185.

¹⁰ Войтенков Е. А. Государственно-правовое обеспечение безопасности дорожного движения в России: исторический опыт и перспективы : дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2014. – С. 354.

⁴ Табель от 24 января 1722 г. «О рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако ж воинские выше прочих, хотя б и старше кто в том классе пожалован был»: Именной Указ от 24 января 1722 г. // ПСЗ-1. – Т. VI. – № 3890. – С. 486–493.

⁵ Устав столичного города Санкт-Петербурга: [Утверждён сентября 12 дня 1798 года. В Гатчине]. – [Санкт-Петербург: Тип. Гос. воен. коллегии, 1798]. – 23 с.

⁶ Министерство внутренних дел. Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1869 год. – Санкт-Петербург, 1872. – 335 с.

К началу XX в. статус участников дорожного движения в Российской империи и технические требования к транспортным средствам получили нормативное закрепление [2, с. 84–130].

В нормативной правовой базе СССР отдельные упоминания о необходимости технического осмотра транспортных средств можно найти в нормативно-технических материалах, утверждённых Всесоюзным управлением шоссейных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта при Совете Народных Комиссаров СССР (далее – СНК СССР).

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 3 июня 1931 г. был учреждён Цудортранс – Центральное управление шоссейных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта, при СНК СССР – государственный орган, на который были возложены «планирование, руководство и регулирование дорожного хозяйства и автомобильного транспорта, контроль состояния и эксплуатации транспортных средств в автомобильных хозяйствах всех ведомств Союза, а также транспортно-эксплуатационное и складское дела в СССР»¹¹.

Важнейшим документом, регламентирующим деятельность Цудортранса, стала Инструкция по учёту транспорта от 28 декабря 1933 г.¹² Инструкция имела ряд приложений, в том числе «Инструкцию Цудортранса о порядке производства ежегодного техосмотра автомашин». Эта Инструкция и входящие в неё приложения, полагает Л. Л. Зиманов, стала первым актом, установившим требования по проведению технического контроля транспортных средств¹³. Инструкция установила требования к составу комиссии, осуществляющей технический осмотр транспортного средства: в состав комиссии должны были входить инспектор районного автомобильного Цудортранса, представитель военкомата и представитель организации, в которой проводился технический осмотр транспортных средств.

Приказом Цудортранса от 13 декабря 1931 г. № 16/ДВ-1 устанавливался порядок проведения технического осмотра, определялись основания для недопуска автомобилей к эксплуатации и меры ответственности для водителя или должностного лица предприятия «за управление автомобилем, не прошедшим технический осмотр или имеющим неисправности

тормозных систем, рулевого управления или светосигнального оборудования»¹⁴. Указанные лица подвергались штрафу или привлекались к уголовной ответственности.

В силу издания Постановления СНК СССР от 3 марта 1936 г. № 1182 на новый государственный орган – Государственную автомобильную инспекцию (далее – ГАИ) – возлагался ряд задач, связанных с организацией дорожного движения. Е. А. Войтенков отмечает, что «перед Государственной автомобильной инспекцией ставились следующие задачи: борьба с авариями, разработка технических норм эксплуатации автотранспорта, наблюдение за подготовкой шофёров, учёт автомобильного парка» [16, с. 99].

О контрольно-надзорной природе ГАИ свидетельствует возложение законодателем на орган ряда контрольных и надзорных обязанностей, в том числе «контроль за проведением мероприятий по содержанию автомобильного парка в исправном состоянии, выдача номерных знаков и технических паспортов, производство регулярных технических осмотров» [16, с. 99].

В 1942 г. на ГАИ была возложена новая обязанность по выбраковке и списанию автомобилей «с целью установления точного учёта автомобилей, определения их технического состояния и целесообразности проведения капитального ремонта»¹⁵.

Принципиальным образом изменяется характер контрольно-надзорной деятельности ГАИ после 2 августа 1938 г. Приказом НКВД СССР № 463 от 2 августа 1938 года вводится такая форма деятельности подразделений ГАИ, как организация специальных пикетов [16, с. 101]. К полномочиям специальных пикетов ГАИ были отнесены: «Надзор за соблюдением правил дорожного движения водителями транспорта и борьба с нарушениями общественного порядка на дорогах; проверка технического состояния автотранспорта на линии» [16, с. 102]. Для реализации указанных полномочий состав пикета оснащался соответствующим оборудованием, приборами и инструментами.

Важным шагом в развитии технического надзора стало принятие 28 ноября 1959 года Постановления Совета Министров РСФСР и ВЦСПС № 1867, которое утвердило «Положение о Комиссии общественного контроля за техническим состоянием автомобилей»¹⁶.

С изданием в апреле 1960 года Постановления Совета Министров СССР связывают новый этап в развитии технического надзора. В свете указанного нормативного правового акта «на МВД РСФСР возложена разработка для министерств внутренних дел союзных республик единых образцов бланков водительских удостове-

¹¹ Об образовании Всесоюзного центрального управления шоссейных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта при Совете Народных Комиссаров Союза ССР : постановление ЦИК и СНК СССР от 3 июня 1931 г. (СЗ СССР, 1931, № 35, ст. 258); Правительственные и нормативные акты // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1931 год. – С. 455–456.

¹² Горгоц К. Г., Чумак В. А., Журавлёв В. В. Государственный учёт и контроль технического состояния транспортных средств : учебное пособие. – Ханты-Мансийск: Ред-изд. отд. ЮГУ, 2015. – 339 с.

¹³ Зиманов Л. Л. Организация государственного учёта и контроля технического состояния автотранспортных средств : учебник / 2-е изд., перераб. – Москва: Академия, 2018. – 123 с.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ История государственной автомобильной инспекции [Электронный ресурс] : сайт Главного управления МВД России по Алтайскому краю // – URL: <https://22.mvd.rf/uvd/structure/ugibdd/295> (дата обращения: 06.01.2019).

верений, технических паспортов и номерных знаков для автотранспорта»¹⁷.

Л. Л. Зиманов обращает внимание на то, что «6 июля 1964 года Совет Министров РСФСР во исполнение поручения Союзного Правительства по согласованию с Советами Министров союзных республик и КГБ при Совете Министров СССР утвердил единые для всей территории СССР:

- правила регистрации и учёта автотранспорта;
- правила проведения технических осмотров автомобилей и мотоциклов;
- правила учёта дорожно-транспортных происшествий;
- положение о порядке присвоения квалификации водителя автотранспорта и городского электротранспорта (постановление № 840, приказ Министерства охраны общественного порядка (МООП) РСФСР от 29 июля 1964 г. № 510)»¹⁸.

Следующий этап развития технического надзора связан с распадом СССР и созданием нормативно-правовой базы Российской Федерации, установившей новые требования по его организации и проведению. Рассматриваемый период включает в себя нормативные правовые акты, изданные в период с 1992 по 1998 годы.

Здесь следует выделить следующие нормативные правовые акты:

- приказ МВД России от 22 мая 1992 г. № 174 «О мерах по выполнению Постановления Правительства Российской Федерации от 8 апреля 1992 года»¹⁹;
- постановление Правительства РФ от 31 июля 1998 г. № 880²⁰;
- приказ МВД России от 5 ноября 1993 г. № 482 «О мерах по реализации Постановления Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 30 августа 1993 г. № 874»²¹.

В рассматриваемый период были установлены общероссийские требования по порядку

осуществления и субъектному составу органов, осуществляющих технический надзор, а также определены основные мероприятия по организации государственного технического осмотра.

С 1999 года по настоящее время – ввиду изменяющихся экономических и технологических условий, несовершенства ранее принятой нормативной правовой базы – в России был принят ряд нормативных актов и поправок в уже существующие, касающиеся проведения технического надзора²².

Генезис экзаменационной деятельности органов обеспечения безопасности дорожного движения в России отличается от этапов исторического развития технического надзора и включает в себя несколько периодов. Административно-правовое регулирование допуска к управлению транспортным средством обусловлено появлением автотранспорта в России в начале XX века.

В административно-правовом регулировании допуска к управлению транспортным средством следует выделить такие этапы:

1) 1898–1918 гг. – первым актом, установившим требования к форме документа и процедуре сдачи экзаменов, было постановление Санкт-Петербургского градоначальника от 21 сентября 1898 года «О порядке пассажирского и грузового движения по городу Санкт-Петербургу на автомобилях» (нормативные акты рассматриваемого периода имели определённые территориальные ограничения и носили локальный характер).

По мнению А. О. Губенкова, «присоединение России в октябре 1909 года к международной Конвенции о передвижении автомобилей обусловило необходимость установления требований к машинам и их водителям для того, чтобы быть допущенными к переезду из одной страны в другую» [17, с. 253];

2) 1918–1936 гг. – в рассматриваемый период следует выделить два нормативных правовых акта, призванных урегулировать вопрос по допуску к управлению автотранспортными средствами:

– постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 29 июня 1929 года «Об утверждении Положения о крайоблуправлениях». Как отмечает А. О. Губенков, «в соответствии с Положением в структуре органов местного транспорта стали создаваться квалификационные комиссии для испытания водителей автотранспорта по

спортных средств и прицепов к ним в Российской Федерации): приказ МВД России от 5 ноября 1993 г. № 482 // Российские вести. – 1993. – № 247.

²² О техническом осмотре транспортных средств и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 1 июля 2011 г. № 170-ФЗ (в ред. от 23 апреля 2018 г.) // Российская газета. – 2011. – № 142; О проведении технического осмотра транспортных средств: постановление Правительства Российской Федерации от 5 декабря 2011 г. № 1008 (в ред. от 12 февраля 2018 г.) // Российская газета. – 2011. – № 281; Положение о правилах проведения независимой технической экспертизы транспортного средства (утв. Банком России 19 сентября 2014 г. № 433-П) // Вестник Банка России. – 2014. – № 93.

¹⁷ См.: Зиманов Л. Л. Указ. соч. – С. 128.

¹⁸ Там же.

¹⁹ О мерах по выполнению Постановления Правительства Российской Федерации от 8 апреля 1992 года: приказ МВД России от 22 мая 1992 г. № 174 // Справочно-информационная система «Консультант плюс» (дата обращения: 06.01.2019).

²⁰ О порядке проведения государственного технического осмотра транспортных средств, зарегистрированных в Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации (вместе с Положением о проведении государственного технического осмотра автотранспортных средств и прицепов к ним Государственной инспекцией безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации, Положением о проведении конкурса среди юридических лиц и индивидуальных предпринимателей на участие в проверке технического состояния транспортных средств с использованием средств технического диагностирования при государственном техническом осмотре): постановление Правительства Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 880 // Российская газета. – 1998. – № 152.

²¹ О мерах по реализации Постановления Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 30 августа 1993 г. № 874 (вместе с Правилами проведения государственного технического осмотра автотран-

трём категориям: для работы на автобусах, грузовых автомобилях и такси» [17, с. 253];

– в силу издания постановления СНК СССР от 3 марта 1936 года № 1182 на новый государственный орган – Государственную автомобильную инспекцию (далее – ГАИ) – возлагался ряд задач, связанных с организацией дорожного движения [18, с. 21], в том числе по выдаче разрешения установленной формы на управление автомобилем транспортными средствами. Данное разрешение получило название «удостоверение шофёра»;

3) 1937–1986 гг. – в указанный период происходит окончательное закрепление за ГАИ задачи по контролю за подготовкой водителей. 10 октября 1942 года Постановлением СНК СССР была установлена обязанность ГАИ по «переподготовке водителей для работы на газогенераторных автомобилях» [17, с. 253].

А. О. Губенков отмечает, что «с 1956 года подразделения Госавтоинспекции стали выдавать лишь право на управление транспортным средством, тем самым присваивая водителям первичную профессиональную квалификацию, а дальнейшее повышение классности стало привилегией администраций автотранспортных предприятий» [17, с. 254].

В 1974 году в СССР была ратифицирована международная Конвенция о дорожном движении (1968)²³.

В силу приказа МВД СССР 13 февраля 1974 года № 093 в структуру ГАИ вводились новые регистрационно-экзаменационные подразделения;

4) 1987–1991 гг. – период перестройки. Приказ МВД СССР № 6 от 6 января 1987 года устанавливал «категории транспортных средств, порядок проведения Госавтоинспекцией экзаменов, выдачи водительских удостоверений и допуска водителей к управлению транспортными средствами различных категорий»²⁴;

5) 1992–2012 гг. – постсоветский период ознаменовался изменениями в порядке сдачи теоретического экзамена и предъявлением новых требований не только к водителям, но и к экзаменационным подразделениям²⁵;

²³ Конвенция о дорожном движении. Вена, 8 ноября 1968 года (с изм., внесёнными Европейским соглашением от 1 мая 1971 года) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. – Вып. XXXIII. – Москва, 1979.

²⁴ Об утверждении Положения о порядке допуска водителей к управлению транспортными средствами, приёма экзаменов и выдачи гражданам водительских удостоверений : приказ МВД СССР от 6 января 1987 года № 6 [Электронный ресурс]: Электронный фонд научно-технической документации : сайт. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/9043786> (дата обращения: 07.01.2019).

²⁵ Об утверждении Правил сдачи квалификационных экзаменов и выдачи водительских удостоверений : постановление Правительства Российской Федерации от 8 июля 1997 г. № 831 // Российская газета. – 1997. – № 135; Об утверждении Инструкции по применению Правил сдачи квалификационных экзаменов и выдачи водительских удостоверений : приказ МВД России от 30 декабря 1997 г. № 860 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 1998. – № 6.

6) 2013 г. – по настоящее время – современный период. Как отмечает А. О. Губенков, в основу современного периода «легли кардинальные преобразования в правовом регулировании, после принятия Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О безопасности дорожного движения» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»²⁶.

Такое выделение этапов (периодов) развития административно-правового регулирования допуска к управлению автомобилем транспортными средствами связано, во-первых, со степенью развития автомобильной отрасли в стране; во-вторых, с проблемой аварийности на дорогах; в-третьих, как следствие аварийности и активного автомобильного строительства, с необходимостью установления единых универсальных требований по допуску к управлению; в-четвёртых, с изменением требований государства по обеспечению безопасности дорожного движения и необходимости приведения его в соответствие с требованиями норм международного права, в частности Конвенции о дорожном движении.

Анализ генезиса правового регулирования технического надзора, экзаменационной и регистрационной деятельности органов обеспечения безопасности дорожного движения в России показал, что рассматриваемые направления государственной деятельности имеют ряд специфических особенностей, предпосылки их появления разноплановы и связаны с различными историческими периодами государственного развития России.

По нашему мнению, этапами становления и развития правового регулирования технического надзора в России являются:

1) первая четверть XVIII в. (петровский период) – принятие и введение в действие в 1722 году Табели о рангах, в соответствии с которой впервые вводился «надзор за исправностью средств передвижения». Данные требования носили местный, локальный характер и не распространялись на всю территорию Российской империи;

2) конец XVIII в. – 1917 год (имперский период) – устанавливаются общероссийские правила, согласно которым на полицию были возложены обязанности по проведению ежегодного осмотра конных экипажей; выдаче свидетельства на право использования конных экипажей и установлению требования к процессу движения и стоянке транспортных средств. В рассматриваемый период устанавливаются всеобщие требования к техническому состоянию транспортных средств;

3) октябрь 1917 – декабрь 1991 гг. (советский период) – учреждается государственный орган, в компетенции которого контроль со-

²⁶ Губенков А. О. Административно-правовое регулирование контрольно-разрешительной деятельности экзаменационных подразделений Госавтоинспекции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Орёл, 2017. – 30 с.

стояния и эксплуатации транспортных средств в автомобильных хозяйствах всех ведомств (Цудортранс, 1931), впоследствии вошедший в состав Государственной автомобильной инспекции (1936);

4) 1992–1998 гг. (постсоветский период) – связан с распадом СССР и нормативным правовым регулированием в Российской Федерации, установившим новые требования

по организации и осуществлению технического надзора;

5) с 1999 года по настоящее время (современный этап) – ввиду изменяющихся экономических и технологических условий, несовершенства ранее принятой нормативной правовой базы в России был принят ряд нормативных актов и поправок в уже существующие по осуществлению технического надзора.

Список литературы

1. *Войтенков Е. А.* Современные тенденции и исторический опыт в сфере безопасности дорожного движения: организационно-правовые и социально-экономические аспекты // История государства и права. – 2018. – № 6. – С. 64–67.
2. *Нижник Н. С., Квитчук А. С., Андреева И. А., Чимаров С. Ю., Змерзлый Б. В.* Обеспечение безопасности дорожного движения: генезис системы в Российском государстве : монография. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. – 292 с.
3. *Нижник Н. С.* Полицейско-правовая теория об институционализации государственного управления и месте полиции в механизме государства // Современные проблемы общей теории права : материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 25-летию независимости Республики Казахстан и 60-летию Алматинской академии МВД Республики Казахстан. – Алматы: Алматинская академия МВД Республики Казахстан, 2016. – С. 13–27.
4. *Нижник Н. С.* Правоохранительная система государства: содержание и организационное оформление / Право и государство: проблемы методологии, теории и истории : материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции (17 мая 2019 г.) / редкол.: Л. В. Карнаушенко, А. А. Швец, Е. А. Пушкарев, Н. Ю. Турищева, Н. А. Шеуджен, В. Н. Коротких. – Краснодар: ФГКОУ высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2019. – С. 40–47.
5. *Шевченко П. Н.* Развитие системы безопасности дорожного движения в Российской империи (XIX – начало XX вв.) // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 9. – С. 148–151.
6. *Гарина О. В.* Становление и развитие системы советских органов по обеспечению безопасности дорожного движения: (на материалах Орловской области) : монография. – Орёл: ОрЮИ МВД России им. В. В. Лукьянова, 2019. – 110 с.
7. *Рыжова Ю. В.* Жандармские полицейские управления железных дорог в системе обеспечения транспортной безопасности Российской империи : монография. – Москва: Проспект, 2020. – 136 с.
8. *Квитчук А. С.* Обеспечение безопасности дорожного движения в Российской империи: организационные и нормативные основания / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 300-летию Российской империи) [Электронный ресурс]: в 2 ч. – Ч. 1 : материалы XVIII Международной научной конференции. – Санкт-Петербург, 29–30 апреля 2021 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, А. В. Демидов. – Электронные дан. (3,90 Мб). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. – С. 424–429.
9. *Квитчук А. С.* Автомобилизация как детерминанта расширения сферы правового регулирования общественных отношений в России в первой половине XX века / Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : Международная научно-практическая конференция / под общ. ред. А. И. Каплунова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – С. 571–579.
10. *Квитчук А. С.* Обеспечение безопасности дорожного движения: историко-правовой аспект // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования. – 2021. – № 1 (4). – С. 217–221.
11. *Квитчук А. С., Фомичев Д. С.* Система обеспечения безопасности дорожного движения: детерминанты формирования в СССР / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) [Электронный ресурс]: в 2 ч.. – Ч. 1: материалы XIX Международной научно-теоретической конференции. – Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 978–987.
12. *Зиганшин М. М., Грищенко А. Н.* Функции полиции по обеспечению транспортной безопасности : монография. – Домодедово: ВИПК МВД России, 2019. – 107 с.
13. *Молчанов П. В.* Административно-правовое обеспечение безопасности дорожного движения в Российской Федерации : монография. – Москва, 2019. – 247 с.
14. *Петров А. И.* Техноценозы, социоценозы, ранговые и парето-распределения в оценке региональных особенностей безопасности дорожного движения : монография. – Тюмень: ТИУ, 2019. – С. 178 с.
15. *Ковальчук О. В.* Ретроспектива государственного регулирования безопасности дорожного движения в имперский период России (середина XVII века до 1917 года) // Административное право и процесс. – 2016. – № 2. – С. 69–72.
16. *Войтенков Е. А.* Государственно-правовое обеспечение безопасности дорожного движения в истории России : монография. – Москва: Юрист, 2014. – С. 239.
17. *Губенков А. О.* Становление и развитие института, наделенного административно-правовыми полномочиями по допуску водителей к участию в дорожном движении в России // Общество и право. – 2015. – № 1 (51). – С. 251–255.
18. *Войтенков Е. А.* Историко-правовые особенности и этапы становления отечественной системы обеспечения безопасности дорожного движения // Общество и право. – 2010. – № 3 (30). – С. 17–28.

References

1. *Voytenkov Ye. A.* Sovremennyye tendentsii i istoricheskiy opyt v sfere bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: organizatsionno-pravovyye i sotsial'no-ekonomicheskiye aspekty // *Istoriya gosudarstva i prava.* – 2018. – № 6. – S. 64–67.
2. *Nizhnik N. S., Kvitchuk A. S., Andreyeva I. A., Chimarov S. Yu., Zmerzlyy B. V.* Obespecheniye bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: genezis sistemy v Rossiyskom gosudarstve : monografiya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2021. – 292 s.
3. *Nizhnik N. S.* Politseysko-pravovaya teoriya ob institutsionalizatsii gosudarstvennogo upravleniya i meste politzii v mekhanizme gosudarstva // *Sovremennyye problemy obshchey teorii prava : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 25-letiyu nezavisimosti Respubliki Kazakhstan i 60-letiyu Almatinskoy akademii MVD Respubliki Kazakhstan.* – Almaty: Almatinskaya akademiya MVD Respubliki Kazakhstan, 2016. – S. 13–26.
4. *Nizhnik N. S.* Pravookhranitel'naya sistema gosudarstva: sodержaniye i organizatsionnoye oformleniye / *Pravo i gosudarstvo: problemy metodologii, teorii i istorii : materialy VIII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (17 maya 2019 g.) / redkol.: L. V. Karnausenko, A. A. Shvets, Ye. A. Pushkarev, N. Yu. Turishcheva, N. A. Sheudzen, V. N. Korotkikh.* – Krasnodar: FGKOU vysshego professional'nogo obrazovaniya «Krasnodarskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii», 2019. – S. 40–47.
5. *Shevchenko P. N.* Razvitiye sistemy bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Rossiyskoy imperii (XIX – nachalo XX vv.) // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii.* – 2013. – № 9. – S. 148–151.
6. *Garina O. V.* Stanovleniye i razvitiye sistemy sovetskikh organov po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: (na materialakh Orlovskoy oblasti) : monografiya. – Orol: OrYuI MVD Rossii im. V. V. Luk'yanova, 2019. – 110 s.
7. *Ryzhova Yu. V.* Zhandarmskiy politseyskiy upravleniya zheleznikh dorog v sisteme obespecheniya transportnoy bezopasnosti Rossiyskoy imperii : monografiya. – Moskva: Prospekt, 2020. – 136 s.
8. *Kvitchuk A. S.* Obespecheniye bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Rossiyskoy imperii: organizatsionnyye i normativnyye osnovaniya / *Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 300-letiyu Rossiyskoy imperii) [Elektronnyy resurs]: v 2 ch. – Ch. 1 : materialy XVIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii.* – Sankt-Peterburg, 29–30 aprelya 2021 g. / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, A. V. Demidov. – Elektronnyye dan. (3,90 Mb). – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2021. – S. 424–429.
9. *Kvitchuk A. S.* Avtomobilizatsiya kak determinanta rasshireniya sfery pravovogo regulirovaniya obshchestvennykh otnosheniy v Rossii v pervoy polovine XX veka / *Aktual'nyye problemy administrativnogo i administrativno-protseessual'nogo prava (Sorokinskiye chteniya) : Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya / pod obshch. red. A. I. Kaplunova.* – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2021. – S. 571–579.
10. *Kvitchuk A. S.* Obespecheniye bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: istoriko-pravovoy aspekt // *Upravleniye deyatel'nost'yu po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: sostoyaniye, problemy, puti sovershenstvovaniya.* – 2021. – № 1 (4). – S. 217–221.
11. *Kvitchuk A. S., Fomichev D. S.* Sistema obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: determinanty formirovaniya v SSSR / *Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR) [Elektronnyy resurs]: v 2 ch.: CH. 1: materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii.* – Sankt-Peterburg, 28–29 aprelya 2022 g. / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'yeva. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 978–987.
12. *Ziganshin M. M., Grishchenko A. N.* Funktsii politzii po obespecheniyu transportnoy bezopasnosti : monografiya. – Domodedovo: VIPK MVD Rossii, 2019. – 107 s.
13. *Molchanov P. V.* Administrativno-pravovoye obespecheniye bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Rossiyskoy Federatsii : monografiya. – Moskva, 2019. – 247 s.
14. *Petrov A. I.* Tekhnotsenozy, sotsiotsenozy, rangovyye i pareto-raspredeleniya v otsenke regional'nykh osobennostey bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya : monografiya. – Tyumen': TIU, 2019. – S. 178 s.
15. *Koval'chuk O. V.* Retrospektiva gosudarstvennogo regulirovaniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v imperskiy period Rossii (seredina XVII veka do 1917 goda) // *Administrativnoye pravo i protsess.* – 2016. – № 2. – S. 69–72.
16. *Voytenkov Ye. A.* Gosudarstvenno-pravovoye obespecheniye bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v istorii Rossii : monografiya. – Moskva: Yurist, 2014. – S. 239.
17. *Gubenko A. O.* Stanovleniye i razvitiye instituta, nadelennogo administrativno-pravovymi polnomochiyami po dopusku voditeley k uchastiyu v dorozhnom dvizhenii v Rossii // *Obshchestvo i pravo.* – 2015. – № 1 (51). – S. 251–255.
18. *Voytenkov Ye. A.* Istoriko-pravovyye osobennosti i etapy stanovleniya otechestvennoy sistemy obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // *Obshchestvo i pravo.* – 2010. – № 3 (30). – S. 17.

Статья поступила в редакцию 25.09.2022; одобрена после рецензирования 04.11.2022; принята к публикации 21.11.2022.

The article was submitted September 25, 2022; approved after reviewing November 4, 2022; accepted for publication November 21, 2022.

Научная статья

УДК 303 +340

doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-31-38

Николай Андреевич Кузнецов

аспирант

<https://orcid.org/0000-0002-6537-1852>, Nikolay864@yandex.ru

Санкт-Петербургский государственный университет

Российская Федерация, 199026, Санкт-Петербург, Васильевский остров, 22-я линия, д. 7

Правовая мысль Востока в контексте российского общетеоретического правоведения

Аннотация: В статье поднимается проблема ориентализма, проявляющегося в разнице между аксиолого-эпистемологическими подходами к западному и восточному интеллектуальному наследию в российском правоведении. Цель исследования – определить степень правомерности ориенталистского подхода и наметить методологическую базу, которая позволит реализовать потребность отечественной теории права в диалоге с правовой мыслью Востока. Поставленная цель достигается путём ответа на вопросы о возможности, целесообразности и границах равноправного диалога с политико-правовой мыслью Востока в рамках общей теории права. Для доказательства возможности диалога выявляются эпизодические примеры диалогического подхода в отечественном правоведении и выделяются четыре вида целей, с которыми учёные вступают в диалог с правовым наследием Востока: постановка проблемы, критика, реабилитация восточной мысли, обоснование теоретических положений. Для доказательства целесообразности и необходимости диалога с восточной мыслью указывается на принципы научного познания, методологические проблемы современной теории права, примеры влияния восточного интеллектуального наследия на философскую и правовую мысль Запада. Отдельно критически рассматривается применение принципа мультикультурализма, с помощью примеров обращается внимание на богатство и актуальность политико-правового наследия Востока, анализируются факторы, способные затруднить диалог, и предлагаются пути их преодоления. В качестве границ диалога формулируется его цель, отмечается необходимость избегания эклектичного синтеза, некритических заимствований и применения принципа понятийного европоцентризма. Автор использует материалы и наработки, полученные в рамках правоведческих, исторических и философских исследований.

Ключевые слова: диалог культур, европоцентризм, теория права, методологические проблемы, ориентализм, постмодернизм в юриспруденции, правовая мысль

Для цитирования: Кузнецов Н. А. Правовая мысль Востока в контексте российского общетеоретического правоведения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4 (96). – С. 31–38; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-31-38.

Nikolai A. Kuznetsov

Graduate

<https://orcid.org/0000-0002-6537-1852>, Nikolay864@yandex.ru

Saint Petersburg State University

7, 22nd line of Vasiliievsky island, Saint Petersburg 199026, Russian Federation

The eastern legal thought within Russian general theoretical jurisprudence

Abstract: The article raises the problem of Orientalism, which manifests itself in the difference between the axiological and epistemological approaches to Western and Eastern intellectual heritage in Russian jurisprudence. The purpose of the study is to determine the degree of legitimacy of the Orientalist approach and to outline the methodological basis that will make it possible to realize the need of the domestic theory of law in a dialogue with the legal thought of the East. The goal is achieved by answering questions about the possibility, expediency and boundaries of an equal dialogue with the political and legal thought of the East within the framework of the general theory of law. To prove the possibility of dialogue, episodic examples of the dialogic approach in domestic jurisprudence are identified and four types of goals are identified for which scientists enter into a dialogue with the legal heritage of the East: problem setting, criticism, rehabilitation of Eastern thought, substantiation of theoretical provisions. To prove the expediency and necessity of a dialogue with Eastern thought, the principles of scientific knowledge, methodological problems of modern theory of law, examples of the influence of the Eastern intellectual heritage on the philosophical and legal thought of the West are pointed out. Separately, the application of the principle of multiculturalism is critically examined, with the help of examples, attention is drawn to the richness and relevance of the political and legal heritage of the East, factors that can hinder dialogue are analyzed, and ways to overcome them are proposed. As the boundaries of the dialogue, its goal is formulated, the need to avoid eclectic synthesis and uncritical borrowings and the application of the principle of conceptual Eurocentrism is noted. The author uses materials and developments obtained in the framework of jurisprudence, historical and philosophical research.

Keywords: dialogue of cultures, eurocentrism, theory of law, methodological problems, orientalism, postmodernism in jurisprudence, legal thought

For citation: Kuznetsov N. A. Legal thought of the East in the context of Russian general theoretical jurisprudence // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 4 (96). – P. 31–38; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-31-38.

Введение

В современной российской юридической литературе нередко появляются призывы отказаться от западоцентризма в научных исследованиях в пользу понимания уникальности, но не универсальности западного восприятия права¹. Более того, А. В. Поляков пишет: «...задача нашего правоведения в XXI в. – продолжить поиск... путей формирования нового, интегрального типа правопонимания..., возникающего на основе диалога всех школ и течений в современном правоведении, как западных, так и восточных»².

Однако пока эти идеи в отечественных общетеоретических трудах удовлетворительно воплощаются лишь в контексте культуральных, антропологических и иных подобных исследований, где западные и незападные практики и ментальные представления о праве выступают объектами изучения для познания правовых

явлений (начало чему положили ещё дореволюционные правоведы) или для демонстрации многоаспектной, плюралистичной и релятивной сущности права (что характерно для постклассики) – не случайно постклассическое правоведение особое внимание уделяет социологическим и антропологическим программам юридических исследований [25, с. 166–181, 302–370, 602–649].

Вместе с тем в области обращения к интеллектуальному наследию наблюдается диспропорция. Если западные доктрины рассматриваются в качестве и объектов изучения в рамках истории политических и правовых учений, и средств решения общетеоретических задач, то достижения восточной философской и политико-правовой мысли чаще выступают в роли объекта сугубо компаративистских и историко-правовых исследований.

В данной работе предпринимается попытка, используя правоведческие, философские и исторические исследования, начать критическое осмысление сложившегося в современной общетеоретической юриспруденции ориентализма, чтобы ответить на вопросы о возможности, целесообразности и пределах равноправного диалога с политико-правовой мыслью Востока в рамках общей теории права. Из трёх форм ориентализма, выделенных Э. В. Саидом [14, с. 8–29], для целей

¹ См., напр.: Ковлер А. И. Антропология права : учебник для вузов. – Москва: Норма, 2002. – 480 с.; Сравнительное правоведение : учебное пособие / под ред. Е. Е. Амплеевой, И. Л. Честнова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2017. – 104 с.

² Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : учебное пособие. – Москва: Проспект, 2016. – С. 106–107.

настоящей статьи наиболее релевантным представляется понимание ориентализма как стиля мышления, на основе онтологических обобщений различающего Запад и Восток и обуславливающего разницу между аксиолого-эпистемологическими подходами к западному и восточному интеллектуальному наследию в отечественном правоведении. Предлагаемое исследование направлено не на искоренение (как у Э. В. Саида [14, с. 498–521]), а на смягчение ориентализма, с учётом замечаний Э. В. Саида об ошибочности восприятия ориентализма как лжи и абсолютного зла и о неизбежности проведения границы с «другим» [14, с. 12–18]³.

Диалогические подходы к восточной мысли в российском общетеоретическом правоведении

Существуют разные подходы к понятию «диалог» в зависимости от его цели, функций, субъектов⁴ [см., напр.: 15, с. 12–17; 20, с. 370–379, 631–637]. В данной статье под диалогом понимается процесс познания явлений путём обращения на равноправных началах к результатам их осмысления философами и учёными, представляющими разные культуры [3, с. 11–15; 10, с. 32–33].

В современных отечественных работах в рамках теоретизирования встречаются ссылки на восточную политико-правовую мысль, имеющие разные цели.

1. Цель постановки проблемы. Так, А. И. Ковлер цитирует суждение Лао-цзы о негативных последствиях роста законодательства, чтобы далее рассмотреть эту проблему в контексте современности⁵.

2. Критика. Например, В. С. Нерсесянц даёт достаточно глубокую критику легистских учений Шан Яна и Хань Фэя, отмечая как их недостатки, так и достоинства [12, с. 66–83]. В его книге особенно хорошо видна диалогичность, когда он, обращаясь к легисту как к равноправному субъекту диалога, пишет, например: «Но Хань Фэй упускает из виду...» [12, с. 81].

3. Реабилитация восточной мысли. Одна из статей И. Б. Ломакиной специально посвящена демонстрации разнообразия восприятия права путём доказательства достоинств восточных учений и концепций [8]. Эта форма представления восточной мысли, используемая и настоящим исследованием, подробно рассмотрена Э. В. Саидом как «симпатический подход» [14, с. 174–183, 283–310, 398–425], является одновременно частью ориентализма и необходимым способом его переосмысления, для осуществления которого недостаточно ограничиться данной формой описания доктрин Востока: нужно более активно переходить к реализации непосредственного диалога.

4. Обоснование теоретических положений. Например, в статье Д. И. Луковской и И. Б. Ломакиной гносеологический скептицизм абу Хамида аль-Газали рассматривается наравне с другими теориями познания [9], а В. И. Лафитский включает (с последующей критикой) исламскую компаративистику в круг теоретических подходов к целям сравнительного правоведения [7, с. 89–90]. В. С. Нерсесянц в книге «Право и закон» указывал, что он использовал исследованный материал истории политико-правовых учений (а значит, и учения Востока) для общетеоретических выводов [12, с. 3–5, 357–364].

Несмотря на эпизодический характер, наличие таких ссылок показывает принципиальную возможность диалогического обращения к восточному интеллектуальному наследию.

Факторы, обуславливающие необходимость диалога с восточной мыслью

Учитывая наблюдения В. М. Межуева о склонности русских мыслителей предпочитать европейскую мысль в качестве стороны диалога [10, с. 5], первым аргументом в пользу целесообразности и даже необходимости пропорциональной реализации диалога с восточными доктринами выступает требование непредвзятости и полноты научного познания, девизом которого могут служить слова Гуго Сен-Викторского: «Человек, который считает прекрасной свою родную землю, ещё только незрелый новичок; тот, для кого любая почва как родная – уже сильнее; но совершенен лишь тот, для кого весь мир – чужбина» [цит. по: 14, с. 400].

Вряд ли будет правильным, обращаясь к европейскому интеллектуальному наследию, оставлять без внимания повлиявшие на него восточные доктрины. Известно место арабов в средневековой европейской философии: нередко европейские комментарии к Аристотелю представляли собой компиляции арабских комментариев; Марсилиус Падуанский распространил учение аверроизма о вере и разуме на учение о разделении церкви и государства; некоторое влияние испытал и Фома Аквинский [4, с. 263–295, 521–524; 19, с. 13–16, 65, 92–96]. Китайская философия повлияла на метафизические и юнатуристские изыскания Г. Лейбница (призывавшего обратить внимание на китайские этические и политические учения) и Х. Вольфа [15, с. 22–23; 26]. Идеи китайской философии, причём без ссылок на неё как на источник заимствований (что симптоматично), интерпретировали Д. Юм [13, с. 60] и М. Хайдеггер [6, с. 41–49].

Замечено, что чужой опыт осмысливают и перенимают, когда осознают недостаточность собственного [19, с. 16]. Можно утверждать, что современное правоведение живёт с устойчивым ощущением необходимости обновления и дополнения существующей предметно-методологической базы, сглаживания существенных противоречий [см., напр.: 11, с. 6–89, 311–335, 346–365]. Особенно остро состояние «сплошного вопросительного знака» проявляется в постклассическом правоведении, где абсолютизация

³ Кстати, сам Саид в качестве компромисса был согласен, что ориентализм должен если и не исчезнуть, то «частично смягчиться» [14, с. 513–514, 544–545].

⁴ Новейший философский словарь / под ред. А. А. Грицанова. – Минск: Книжный дом, 2003. – 1279 с.

⁵ Ковлер А. И. Указ. соч. – С. 1–4.

релятивизма и скептицизма вкупе с охотой за понятиями и открытиями точных и естественных наук нередко приводит к гносеологическому нигилизму, некритическому оправданию любых социальных практик и т. д. [17; 20, с. 48]⁶.

Однако почему оказывается легче заимствовать открытия физики, математики, когнитивистики, чем диалогично осмыслить социогуманитарные достижения восточной философии и науки, хотя, как заметил Р. Эллинсон, последнее доступнее пониманию [22, р. 506]? Странность этого обстоятельства особенно явно видна на фоне имеющегося в правоведении интереса к Востоку: кроме фрагментарных случаев диалога и компаративистских исследований, можно указать на существование немалого числа работ, где исследователь-невостоковед пытается взять на себя функции востоковеда, что без выхода на общетеоретическую проблему становится непродуктивным (например, многочисленные статьи об источниках мусульманского права).

Проблемы диалога с восточной мыслью в свете принципа мультикультурализма

Постулат мультикультурализма, установившийся в правоведении благодаря постклассической науке [20, с. 364–368, 509–515], уже не позволяет при построении теорий, претендующих на универсальность, упускать из вида существование незападных культур, но исследователи выбирают разные стратегии работы с инокультурным материалом.

Одни, исходя из упрощённых обобщений, склонны прямо или косвенно критиковать незападное традиционное правосознание как сугубо иррациональное, заведомо не усматривая в «суггестивных» доктринах Востока ничего полезного для современного теоретика. Такова, например, позиция В. В. Денисенко, опирающегося на выводы М. Вебера: даже предложенная им смена бинарных оппозиций «Восток – Запад» на «иррациональная традиция – рационализм» не отменяет того факта, что признание восточных культур рациональными зависит от освоения ими современных секулярных западных ценностей⁷. Не касаясь спорного вопроса оценки роли иррационального, нужно отметить, что знакомство с русско- и англоязычными востоковедными работами и переводами заставляет усомниться в правомерности характеристики традиционных культур вообще и восточных в частности как иррациональных. Так, значительный теоретический интерес представляют исследования, посвящённые исламским теориям толкования [см., напр.: 2, с. 63–178; 21, р. 95–

185]⁸, показывающие многогранность исламской герменевтики, которую в целом можно отнести к стилю умеренного реализма⁹. Весьма ценны традиционные исламские дискуссии о естественном праве, справедливости, легитимации и роли разума [23; 24]. Учение аналитической юриспруденции дополняется восточными подходами к языку в политико-правовой сфере [см., напр.: 2, с. 77–104; 25, р. 57–150, 196–264, 319–334]. Эти и другие достижения восточной мысли были бы невозможны без рационального использования как герменевтических методов, так и логики, лингвистики, социологических и антропологических методов, что свидетельствует в пользу обоснованности критики некоторых выводов М. Вебера, зависевших (в области изучения ислама) от выводов «старой школы» исламоведения, на недостатки которой также указывают [см., напр.: 14, с. 400–401; 21, р. 37–47; 27, р. 18–30].

Отсюда вытекает необходимость перед оценкой интеллектуального наследия Востока внимательно и с диалогических позиций – а не с точки зрения априорного ориенталистского «объяснительного подхода», описывающего Восток как обобщённый статичный объект по принципу «мышления за другого» с уверенностью в неправоте взглядов, отличающихся от принятой теории [14, с. 13–64], – изучить это наследие по доступным и актуальным материалам. Иной подход ничем не лучше предвзятости И. Канта, отвергнувшего китайскую философию по причине её несоответствия его философским воззрениям [26]. В. С. Стёпин отметил, что нередко восточные идеи, прежде отвергавшиеся как ненаучные, впоследствии реабилитировались соответствующими западными научными открытиями [16, с. 35–37]. Но продуктивно ли поддерживать эту ориенталистскую закономерность?

Другой подход к принципу мультикультурализма – признание инаковости восточной мысли и подчёркивание с помощью отдельных фактов плюралистичности мира [см., напр.: 20, с. 37–38, 364–365]. Но этот подход ведёт к отказу от проблематизации и, в итоге, к деликатному, но ориенталистскому по своей сути отказу от возможности рассмотреть имеющееся решение теоретической проблемы, о котором не догадывались, или к иллюзии полноты собственного знания, внешне смягчённой толерантностью по отношению к другим мнениям [14, с. 396–429; 22, р. 511]. Учитывая уже упоминавшиеся затруднения современного правоведения, сомнительно, что мы можем позволить себе остановиться на данном подходе.

Удивительно, но постмодернизм актуализировал ряд вопросов, уже давно обсуждавшихся в рамках традиционной восточной мысли, но не вызывавших на Востоке того интеллектуального кризиса, с которым столкнулись на-

⁶ Я не утверждаю, что синергетика, принцип дополнительности, теорема Гёделя и т. п. априори не подходят правоведению, но соглашаюсь, что недопустимо некритически использовать подобные методы, принципы, понятия. К сожалению, не всегда обоснование их релевантности правоведению удовлетворительно.

⁷ Денисенко В. В. Легитимность права (теоретико-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2020. – 605 с.

⁸ Данной обширной теме посвящены также многочисленные исследования Л. Р. Сюкияйнена, С. Н. Бизюкова, В. Б. Халляка (Wael B. Hallaq), И. Рабб (Intisar Rabb) и др.

⁹ О стилях судебного толкования см.: [18].

ука и философия Запада и России, внезапно открывшие для себя недостатки классической картины мира. Логично задаться вопросом, как исламское понимание множественности научных мнений [2, с. 182–206], идеи социального конструктивизма ашаритов и некоторых шиитских юристов [23, р. 69–125; 24, р. 95–182; 27, р. 60–84], гносеологический скептицизм [23, р. 116–120], парадоксальный релятивизм «Чжуан-цзы» [25, р. 265–303] сочетались со стремлением к истине и традиционализмом. Думается, обращение к этим и другим концепциям восточных доктрин сможет перебросить мостик между постклассической и классической научной рациональностью, став одним из механизмов реализации проекта неоклассицизма, предложенного Е. В. Тимошиной [17, с. 27–29]. Кстати, В. С. Нерсесянц показал, как обращение к восточной мысли может помочь теоретику обнаружить то, что коренилось в родной традиции, но было забыто [12, с. 28–29].

Факторы, затрудняющие диалог с восточной мыслью

Сущностные различия между западными, восточными и российской правовыми системами могут вызвать сомнения в возможности предлагаемого диалога. Если признать этот довод, то придётся признать и невозможность теорий, дающих универсальное объяснение права. Но нет оснований отказываться от научной традиции создания таких теорий, что подтверждается приведёнными выше примерами, свидетельствующими о наличии общего круга проблем, затрагиваемых отечественными, западными и восточными доктринами и требующих всесторонней концептуализации, невозможной без учёта имеющихся точек зрения¹⁰. Признание культурной обусловленности научных выводов [20, с. 87–118] не препятствует российским учёным вступать в теоретический диалог, например, с Г. Л. А. Хартом или Р. Дворкиным, хотя их теории формировались в условиях семьи общего права, заметно отличающихся от условий российской правовой традиции. Если обратиться, например, к исламоведческим работам, то можно заметить, как исламские юристы, используя конкретные нормы права, сами по себе не представляющие для нас теоретического интереса, предлагали теоретические выводы, уже имеющие значение для отечественного правоведения [см., напр.: 27, р. 87–94, 116–124]. Учитывая культурную обусловленность всех научных теорий, между первым и вторым случаями нет разницы, поэтому отличие восточных правовых традиций от нашей не может восприниматься как препятствие к диалогу.

Применяя метод интроспекции (самонаблюдения), я обнаружил, что обращение к идеям конкретного учёного позволяет легче воспринять его как равноправную сторону диалога,

¹⁰ См.: Ковлер А. И. Указ. соч. – С. 195; Сравнительное правоведение: учебное пособие / под ред. Е. Е. Амплеевой, И. Л. Честнова. – С. 7; а также [11, с. 346–379].

отодвигая на задний план его принадлежность к иной культуре (возможно, поэтому легче вступить в диалог с коллегой Р. Дворкиным, чем с абстрактной сущностью «доктрины англосаксонской правовой семьи»). Отдельные замечания Э. В. Саида подтверждают этот вывод [14, с. 244–246]. Поэтому полезно обращать внимание не только на, безусловно, важные обобщения («конфуцианство», «исламское право» и т. п.), но и на идеи конкретных интеллектуалов (Конфуций, Сюнь-цзы, Дун Чжун-шу, Ли Чжи, аль-Газали, аль-Карафи, ас-Сарахси и др.), что даст более адекватное представление о разнообразии доктрин Востока и будет соответствовать благородной задаче современного правоведения по преодолению бессубъектности правовой мысли и чисто повествовательной формы подачи материала [11, с. 6–7].

Второе возможное препятствие к диалогу – различие типов рациональности. Эта проблема уже обсуждается философами в рамках проекта «География рациональности» [1]. Следует обратить внимание, что даже в российском правоведении сосуществуют классический и постклассический стили научного мышления [17, с. 16–19], что не препятствует их взаимодействию. А. В. Смирнов указывает, что свойственная Западу субстанциональная логика проявляется и в арабской науке и, наоборот, доминирующая в арабском мышлении процессуальная логика проявляется и в европейской рациональности [1, с. 20–23]. Данное замечание позволяет говорить о соотнесённости не только классического и постклассического стилей мышления, но и субстанционального и процессуального мышления (возможно, постклассике даже ближе процессуальная логика [17, с. 21–22]). Действительно, различия типов рациональности не помешали арабам освоить и развить учение Аристотеля, европейцам – воспринять арабские комментарии к нему, а на современном этапе восточным мыслителям – с помощью западного интеллектуального наследия переосмыслить свои традиции, благодаря чему появились такие течения, как новое конфуцианство и исламский неомодернизм. Значит, различия между типами рациональности не препятствуют диалогу.

Риск некорректного использования понятийно-категориального аппарата также не должен закрывать путь к диалогу с восточной политико-правовой мыслью. Во-первых, он будет смягчаться при добросовестном и вдумчивом изучении разъяснений востоковедов, сопоставлении разных вариантов перевода и т. д. Во-вторых, ошибки и неточности неизбежны даже в диалоге континентальной и англосаксонской мысли [13, с. 58–60], что не препятствует ему. Неточности при восприятии европейских понятий не помешали, например, развитию японской философии, а напротив, раскрыли те аспекты этих понятий, которые для европейской мысли были неочевидны [5]. Приемлемость и неизбежность подобных результатов можно подкрепить тезисом Г.-Г. Гадамера о выходе воспринимающей стороны за пределы аутентичного замысла [3, с. 18–19].

Границы диалога

Нужно обозначить и границы предлагаемого диалога с политико-правовой мыслью Востока, учёт которых, думается, позволит отечественной теории права одновременно и повысить свою продуктивность, и не утратить строгих методологических ориентиров.

Целью диалога не может быть создание теории, унифицирующей интеллектуальные достижения всех культур по принципу эклектики или устранения культурных различий [6, с. 40; 15, с. 13–15]. Нужно остерегаться и некритических заимствований наработок восточной мысли (будь то соображения романтического экзотизма или «позитивной дискриминации»), так как это лишь усилит некоторые аспекты ориентализма и не будет иметь познавательной ценности [13, с. 65–67]. Как и в случае диалога с западными доктринами, диалог с Востоком должен быть направлен на объективное и как можно более полное теоретическое познание явлений, а также раскрытие того, что в родной традиции содержится имплицитно или было предано забвению.

Отсюда вытекает ещё один предел диалога: нужно избегать введения в теорию права восточной политико-правовой мысли в одеждах восточных понятий. После уяснения восточных понятий при формулировании собственных тезисов нужно руководствоваться принципом понятийного европоцентризма, но не потому, что только западный понятийно-категориальный аппарат является научным, как полагает А. А. Крушинский [6, с. 35], а потому, что он является нашим научным языком, размывание которого ничего не даст для познания, зато приведёт к той же туманной эквилибристике, с которой

можно столкнуться на примере некритического заимствования понятий физики и математики. Чэд Хансен (Chad Hansen) показал, что даже самые загадочные китайские тексты можно осмыслить на привычном нам языке. Поэтому не нужно абсолютизировать непереваемость инокультурных понятий, уходя от раскрытия смысла [12, с. 26–28; 20, с. 500–501]. Кохама Ицуо писал: «Если философствовать на японском языке, то становится хорошо понятно, в чём ошибались Декарт и Хайдеггер» [цит. по: 5, с. 110]. Только если отечественное правоведение будет теоретизировать на своём языке, оно поймёт, в чём были правы или ошибались аш-Шатиби или Хань Юй.

Заключение

Таким образом, отечественное общетеоретическое правоведение нуждается в диалоге с восточными мыслителями, – диалоге, в котором было бы возможно воспринимать их как своих коллег, обоснованно и непредвзято обсуждая с ними общие проблемы и помня при этом, что «Запад есть Запад, Восток есть Восток» во избежание подмены диалога размыванием культурных границ. Как было показано в настоящем исследовании, такой диалог не станет беспрецедентным явлением для российской теории права, и отечественной науке остаётся лишь более активно развить потенциал предлагаемого диалога, уже заложенный в отдельных правоведческих трудах. Если мы включим политико-правовую мысль Востока в общетеоретический курс, то реализуем одну из задач компаративистики, важность которой вслед за В. А. Тумановым подчёркивают современные учёные – способствовать научному сотрудничеству народов [7, с. 85].

Список литературы

1. Бургете-Аяла М. Р., Герасимова И. А. Понятийный европоцентризм: за и против // *Философские науки*. – 2019. – Т. 62. – № 6. – С. 11–33.
2. Вайсс Б. Дж. Дух мусульманского права. – Москва; Санкт-Петербург: Диля, 2008. – 310 с.
3. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. – Москва: Искусство, 1991. – 368 с.
4. Жильсон Э. Философия в средние века: от истоков патристики до конца XIV века. – Москва: Культурная революция, Республика, 2010. – 678 с.
5. Карелова Л. Б. К вопросу об универсальности понятийного аппарата современной западной философии: японский кейс // *Философские науки*. – 2019. – Т. 62. – № 6. – С. 100–113.
6. Крушинский А. А. Дао сквозь призму логоса: понятийный европоцентризм // *Философские науки*. – 2019. – Т. 62. – № 6. – С. 33–53.
7. Лафитский В. И. Сравнительное правоведение в образах права. Том первый. – Москва: Статут, 2010. – 429 с.
8. Ломакина И. Б. Политико-правовая традиция Востока: проблема понимания // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. – 2021. – № 1 (89). – С. 17–25.
9. Луковская Д. И., Ломакина И. Б. Проблема определённости правовознания (в контексте эволюции юснатурализма) // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. – 2020. – № 3 (87). – С. 26–32.
10. Межуев В. М. Россия в диалоге с Европой: генезис взглядов на становление российской цивилизационной идентичности // *Социология власти*. – 2007. – № 1. – С. 5–34.
11. *Наука теории и истории государства и права в поиске новых методологических решений* : монография / отв. ред. А. А. Дорская. – Санкт-Петербург: Астерион, 2012. – 483 с.
12. Нерсесянц В. С. Право и закон: Из истории правовых учений. – Москва: Наука, 1983. – 366 с.
13. Парибок А. В., Псху Р. В. Методологические и содержательные аргументы против «понятийного европоцентризма» // *Философские науки*. – 2019. – Т. 62. – № 6. – С. 54–69.

14. Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. – Санкт-Петербург: Русский мир, 2006. – 636 с.
15. Степанянц М. Т. Расширяя горизонты философии и науки (вместо предисловия) / Философия и наука в культурах Востока и Запада / отв. ред. М. Т. Степанянц. – Москва: Наука, Восточная Литература, 2013. – С. 7–27.
16. Стёпин В. С. Научное понимание в социокультурном измерении / Философия и наука в культурах Востока и Запада / отв. ред. М. Т. Степанянц. – Москва: Наука, Восточная Литература, 2013. – С. 28–37.
17. Тимошина Е. В. Классика, постклассика... Неоклассика: к обоснованию контрпостмодернистской программы в теории права // Известия Высших учебных заведений. Правоведение. – 2014. – № 4 (315). – С. 6–29.
18. Тимошина Е. В. Методология судебного толкования: критический анализ реалистического подхода // Труды Института государства и права РАН. – 2018. – Т. 13. – № 1. – С. 72–102.
19. Уотт У. М. Влияние ислама на средневековую Европу. – Москва: Наука, 1976. – 128 с.
20. Честнов И. Л. Постклассическая теория права. – Санкт-Петербург: АЛЕФ-Пресс, 2012. – 649 с.
21. Ahmad A. A. Structural Interrelations of Theory And Practice in Islamic Law: A Study of Six Works of Medieval Islamic Jurisprudence. – Leiden; Boston: Brill, 2006. – 206 p.
22. Allinson R. A. Complementarity as a Model for East-West Integrative Philosophy // Journal of Chinese Philosophy. – 1998. – Vol. 25. – №. 4. – P. 505–517.
23. Bhojani A.-R. Moral rationalism and Shari'a: independent rationality in modern Shi'a usul al-fiqh. – New York: Routledge, 2015. – 179 p.
24. Emon A. M. Islamic natural law theories. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 222 p.
25. Hansen C. A. Daoist theory of Chinese thought: a philosophical interpretation. – Oxford; New York: Oxford University Press, 1992. – 448 p.
26. Reihman G. M. Categorically Denied: Kant's Criticism of Chinese Philosophy // Journal of Chinese Philosophy. – 2006. – Vol. 33. – № 1. – P. 51–65.
27. Shabana A. Custom in Islamic Law and Legal Theory: The Development of 'Urf and 'Adah in the Islamic Legal Tradition. – New York: Palgrave Macmillan, 2010. – 246 p.

References

1. Burgete-Ayala M. R., Gerasimova I. A. Ponyatiynyy yevropotsentrizm: za i protiv // Filosofskiyе nauki. – 2019. – Т. 62. – № 6. – С. 11–33.
2. Vayss B. Dzh. Dukh musul'manskogo prava. – Moskva; Sankt-Peterburg: Dilya, 2008. – 310 s.
3. Gadamer G.-G. Aktual'nost' prekrasnogo. – Moskva: Iskustvo, 1991. – 368 s.
4. Zhil'son E. Filosofiya v sredniye veka: ot istokov patristiki do kontsa XIV veka. – Moskva: Kul'turnaya revolyutsiya, Respublika, 2010. – 678 s.
5. Karelova L. B. K voprosu ob universal'nosti ponyatiynogo apparata sovremennoy zapadnoy filosofii: yaponskiy keys // Filosofskiyе nauki. – 2019. – Т. 62. – № 6. – С. 100–113.
6. Krushinskiy A. A. Dao skvoz' prizmu logosa: ponyatiynyy yevropotsentrizm // Filosofskiyе nauki. – 2019. – Т. 62. – № 6. – С. 33–53.
7. Lafitskiy V. I. Sravnitel'noye pravovedeniye v obrazakh prava. Tom pervyy. – Moskva: Statut, 2010. – 429 s.
8. Lomakina I. B. Politiko-pravovaya traditsiya Vostoka: problema ponimaniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2021. – № 1 (89). – С. 17–25.
9. Lukovskaya D. I., Lomakina I. B. Problema opredelonnosti pravopoznaniya (v kontekste evolyutsii yusnaturalizma) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2020. – № 3 (87). – С. 26–32.
10. Mezhu'yev V. M. Rossiya v dialoge s Yevropoy: genezis vzglyadov na stanovleniye rossiyskoy tsivilizatsionnoy identichnosti // Sotsiologiya vlasti. – 2007. – № 1. – С. 5–34.
11. Nauka teorii i istorii gosudarstva i prava v poiske novykh metodologicheskikh resheniy : monografiya / отв. ред. А. А. Дорская. – Санкт-Петербург: Asterion, 2012. – 483 с.
12. Nersesyants V. S. Pravo i zakon: Iz istorii pravovykh ucheniy. – Moskva: Nauka, 1983. – 366 s.
13. Paribok A. V., Pskhu R. V. Metodologicheskiye i sodержatel'nyye argumenty protiv «ponyatiynogo yevropotsentrizma» // Filosofskiyе nauki. – 2019. – Т. 62. – № 6. – С. 54–69.
14. Said E. V. Oriyentalizm. Zapadnyye kontseptsii Vostoka. – Sankt-Peterburg: Russkiy mir, 2006. – 636 s.
15. Stepanyants M. T. Rasshiryaya gorizonty filosofii i nauki (vmesto predisloviya) / Filosofiya i nauka v kul'turakh Vostoka i Zapada / отв. ред. М. Т. Stepanyants. – Moskva: Nauka, Vostochnaya Literatura, 2013. – С. 7–27.
16. Stopin V. S. Nauchnoye ponimaniye v sotsiokul'turnom izmerenii / Filosofiya i nauka v kul'turakh Vostoka i Zapada / отв. ред. М. Т. Stepanyants. – Moskva: Nauka, Vostochnaya Literatura, 2013. – С. 28–37.
17. Timoshina Ye. V. Klassika, postklassika... Neoklassika: k obosnovaniyu kontrpostmodernistskoy programmy v teorii prava // Izvestiya Vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye. – 2014. – № 4 (315). – С. 6–29.
18. Timoshina Ye. V. Metodologiya sudebnogo tolkovaniya: kriticheskiy analiz realistscheskogo podkhoda // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. – 2018. – Т. 13. – № 1. – С. 72–102.

19. *Uott U. M.* Vliyaniye islama na srednevekovuyu Yevropu. – Moskva: Nauka, 1976. – 128 s.
20. *Chestnov I. L.* Postklassicheskaya teoriya prava. – Sankt-Peterburg: ALEF-Press, 2012. – 649 s.
21. *Ahmad A. A.* Structural Interrelations of Theory And Practice in Islamic Law: A Study of Six Works of Medieval Islamic Jurisprudence. – Leiden; Boston: Brill, 2006. – 206 p.
22. *Allinson R. A.* Complementarity as a Model for East-West Integrative Philosophy // *Journal of Chinese Philosophy*. – 1998. – Vol. 25. – №. 4. – P. 505–517.
23. *Bhojani A.-R.* Moral rationalism and Shari'a: independent rationality in modern Shi'a usul al-fiqh. – New York: Routledge, 2015. – 179 p.
24. *Emon A. M.* Islamic natural law theories. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 222 p.
25. *Hansen C. A.* Daoist theory of Chinese thought: a philosophical interpretation. – Oxford; New York: Oxford University Press, 1992. – 448 p.
26. *Reihman G. M.* Categorically Denied: Kant's Criticism of Chinese Philosophy // *Journal of Chinese Philosophy*. – 2006. – Vol. 33. – № 1. – P. 51–65.
27. *Shabana A.* Custom in Islamic Law and Legal Theory: The Development of 'Urf and 'Adah in the Islamic Legal Tradition. – New York: Palgrave Macmillan, 2010. – 246 p.

Статья поступила в редакцию 13.06.2022; одобрена после рецензирования 10.10.2022; принята к публикации 12.10.2022.

The article was submitted June 13, 2022; approved after reviewing October 10, 2022; accepted for publication October 12, 2022.

Научная статья
УДК 340
doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-39-44

Александр Владимирович Панфилец
кандидат исторических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0002-4935-696X>, akpanf1950@mail.ru

Андрей Александрович Удальцов
кандидат юридических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0003-2286-817X>, oudaltsov@mail.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Организация юрисконсультской части в Министерстве внутренних дел Российской империи во второй половине XIX века

Аннотация: Актуальность исследования обусловлена, во-первых, особенностями возникновения юридической службы в Министерстве внутренних дел Российской империи в пору реформ Александра II, во-вторых, неполной разработанностью данного аспекта в историографии пореформенной России. Актуальность также заключается в проявлении интереса со стороны молодого поколения юристов к знанию истоков юридической службы.

В статье рассматриваются предпосылки возникновения юридической службы в Министерстве внутренних дел России во второй половине XIX века; обоснования необходимости её создания; деятельность комитетов и комиссий по работе над этим вопросом; конкретные лица, занятые в создании проектов и штатов этой службы. Изучаются функции, обязанности и направления деятельности вновь образованной юридической службы в Министерстве.

Результаты исследования авторов показали, что необходимость создания юридической службы в Министерстве внутренних дел была обусловлена принятием новых Судебных уставов 20 ноября 1864 г., которые обязали разделить административную власть от судебной, для чего понадобились чиновники, знающие законоведение в совершенстве. Именно юрисконсульт должен был сноситься с новой судебной властью по делам, касающимся интересов казны для уменьшения её убытков и защиты должностных лиц в суде, как уголовном, так и гражданском. Назначенный первым центральным юрисконсультутом Министерства внутренних дел России П. Т. Китицын в 1868 г. оправдал высочайшее доверие не только министра П. А. Валуева, но и Александра II, так как уже в 1871 г. он был по совместительству назначен и юрисконсультутом Министерства Императорского двора, что свидетельствует о его высоком профессионализме и отличном знании законов Российской империи.

Ключевые слова: Министерство внутренних дел, Министерство Императорского двора, юрисконсульт, Китицын, Судебные уставы

Для цитирования: Панфилец А. В., Удальцов А. А. Организация юрисконсультской части в Министерстве внутренних дел Российской империи во второй половине XIX века // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4 (96). – С. 39–44; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-39-44.

Alexander V. Panfilets
Cand. Sci. (Hist.), Docent
<https://orcid.org/0000-0002-4935-696X>, akpanf1950@mail.ru

Andrey A. Udaltsov
Cand. Sci. (Jurid.), Docent
<https://orcid.org/0000-0003-2286-817X>, oudaltsov@mail.ru

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

Organization of the legal adviser part in the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in the second half of the XIX century

Abstract: The relevance of the study is due, firstly, to the peculiarities of the emergence of the legal service in the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire at the time of the reforms of Alexander II, and secondly, to the incomplete development of this aspect in the historiography of post-reform Russia. The relevance also lies in the interest of the younger generation of lawyers in knowing the origins of the legal service.

The article deals with the prerequisites for the emergence of the legal service in the Ministry of Internal Affairs of Russia in the second half of the 19th century; substantiation of the need for its creation; activities of committees and commissions to work on this issue; specific personalities involved in the creation of projects and staffing of this service. The functions, duties and activities of the newly formed legal service in the Ministry are being studied.

The results of the authors' study showed that the need to create a legal service in the Ministry of the Interior was due to the adoption of new Judicial Statutes on November 20, 1864, which required the separation of administrative power from the judiciary, which required officials who knew law perfectly. It was the legal adviser who was supposed to communicate with the new judiciary in cases relating to the interests of the treasury in order to reduce its losses and protect officials in court, both criminal and civil. Appointed as the first central legal adviser of the Ministry of Internal Affairs of Russia, P. T. Kititsyn in 1868 justified the highest trust not only of Minister P. A. Valuev, but also of Alexander II, since already in 1871 he was concurrently appointed legal adviser to the Ministry of the Imperial court, which testifies to his high professionalism and excellent knowledge of the laws of the Russian Empire.

Keywords: Ministry of Internal Affairs, Ministry of the Imperial Court, legal adviser, Kititsyn, Judicial Statutes

For citation: Panfilets A. V., Udaltsov A. A. Organization of the legal adviser part in the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in the second half of the XIX century // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 4 (96). – P. 39–44; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-39-44.

История возникновения профессии юриста и юридической службы насчитывает не одно столетие и восходит к Древнерусскому государству. Знанием обычаев, а потом и законов в Древнерусском государстве среди княжеских дружинников в большей мере обладали «ябедники». Они умели организовать судопроизводство и являлись первыми судебными чиновниками, исполнителями воли князя. Так, в конце XVIII века Иван Никитич Болтин – русский историк и гуманист, генерал-майор, писал: «...ябеда, в первобытности своей, особый смысл имело, означающий знание законов и порядок судопроизводства»¹. Первый писанный свод законов Русская Правда, когда преступление было обидой, то есть нанесением физического, материального или морального ущерба конкретному лицу, говорит о помощнике судьи «мечнике», который был более полицейским, чем военным, и занимался доставлением в суд обвиняемых в каких-либо преступлениях, а не только татей². В середине XVI века Иван

Грозный проводит перестройку центрального управления Московским государством, организуя приказную систему, где главными знатоками законодательства выступают приказные дьяки, опиравшиеся на Судебник Ивана IV, а важнейшие уголовные преступления были изъяты из компетенции удельных наместников и волостелей и переданы в ведение Разбойному приказу и губным избам на местах [2, с. 305–307]. После принятия Судебника 1550 года преступление перестает быть обидой и превращается в действие против интересов государства³. В 1649 году по «Соборному уложению» и «Наказу о градском благочинии» царя Алексея Михайловича преступление становится общественно опасным деянием, появляются чиновники, несущие правозащитные функции – объезжие головы и земские ярыжки⁴. Кроме централизованных приказов, утверждается местное воеводское управление. Так, к юрисдикции городских воевод относились основные уголовные дела. Царский наказ обязывал их «...беречь накрепко, чтоб в городе и уезде не было разбоя, воровства, убийства, бою,

¹ Правда Руская или Законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха: С преложением древняго оных наречия и слога на употребительные ныне, и с объяснением слов и названий из употребления вышедших / в изд. приняли участие И. Н. Болтин, И. П. Елагин и А. И. Мусин-Пушкин. – [Санкт-Петербург]: Типография Святейшего правительствующего синода, 1792. – 21+100+16 с.

² Рыбников В. В., Алексушин Г. В. История правоохранительных органов Отечества: учебное пособие. – Москва: Щит-М, 2008. – С. 9.

³ Нижник Н. С. История отечественного права и государства (IX–XVI века): Древняя и Средневековая Русь: учебное пособие. – Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2013. – С. 161–163.

⁴ Мулукаев Р. С., Малыгин А. Я., Епифанов А. Е. История отечественных органов внутренних дел: учебник для вузов. – Москва: Nota bene Медиа Трейд Компания, 2005. – С. 8–10.

грабежа, корчемства, распутства; кто объявится в этих преступлениях, того брать и по сыску наказывать». Также он обязывался судить по всем гражданским делам. Кроме воеводы, на местах по-прежнему «судил-рядил» по уголовным делам и губной староста вместе с целовальником, десятскими и сотскими [3, с. 290–291; 4, с. 178–179].

Великий реформатор Петр I в 1718 году организует регулярную полицию, прокуратуру и превращает полсотни приказов в двенадцать коллегий, правовой статус которых заключался в коллегиальной ответственности и регулировании текущего законодательства, а Сенат не только становится правительствующим в отсутствие государя, но ещё получает права и высшего суда государства. В черед двенадцати коллегий появляется Юстиц-коллегия, которая была высшим апелляционным судом страны по уголовным и гражданским делам, а также осуществляла контроль за судопроизводством на местах [5, с. 86–87]. Екатерина Великая уже на следующий год после восшествия на престол озабочилась кадрами для статской службы, осведомлёнными в юриспруденции, и в Указе от 15 декабря 1763 года в пункте 23 повелела: «Дабы впредь для статской службы иметь учёных приличным благородному Дворянству наукам и знающим Юриспруденцию... при Университете учредить классы Российской Юриспруденции»⁵. Этим была утверждена традиция обязательного обучения юридическим наукам и повышения юридической грамотности государственных служащих. Указами от 1766 и 1768 годов она предписала полиции заниматься разбором различных споров по заключённым контрактам, а виновных в нарушении штрафовать. После реформирования полиции в 1782 году и организации управ благочиния стряпчему управы надлежало знакомить частных приставов и квартальных надзирателей с получаемыми из столицы законами, а уже приставы и надзиратели обязаны были их обнародовать в своих частях и кварталах [7, с. 24].

Александр I, приступив в 1801 году к реформированию государственного аппарата, перевёл управление государством с коллегиальной системы ответственности на персональную, образовав в 1802 году вместо коллегий восемь министерств, среди коих было и Министерство внутренних дел (первый министр В. П. Кочубей), и Министерство юстиции, министром которого, или генерал-прокурором, был назначен известный русский поэт Г. Р. Державин. Дальнейшие реформы и преобразования государственного управления Российской империи связаны с именем «светоча русской бюрократии» Михаила Михайловича Сперанского. Его проект реформирования министерств (1810 года) повысил персональную ответственность министров за состояние порученных дел. У Министерства внутренних дел изъяты правоохранительные функции и переданы во вновь

образованное Министерство полиции, которое тем не менее просуществовало лишь с 1811 по 1819 годы [5, с. 148–169]. В начале XIX века основные государственные документы, законы готовились в отделениях Собственной Его Императорского Величества канцелярии (СЕЙВК). В 1803 году первые юрисконсульты появились в Министерстве юстиции. Спустя тридцать лет юрисконсульты были введены в штаты Морского министерства и Министерства Императорского двора, прежде всего из-за большого количества договоров и их стоимости для казны. Однако чиновников, знающих юриспруденцию, остро не хватало, и тогда Николай I организовал в 1835 году Императорское училище правоведения, которое учреждалось, как было прописано в Уставе училища, «для образования юношества на службу по части судебной...». В действительности же выпускники этого учебного заведения служили в самых различных должностях [7, с. 24–25; 6, с. 139].

«Революция сверху» по отмене крепостного права, проведённая Александром II 19 февраля 1861 года, потребовала реформирования практически всех сторон государственного строительства. Оказалось невозможным остановиться на решении только крестьянского вопроса. Эта радикальная реформа потребовала дальнейших преобразований не только в общегосударственном устройстве, но и в судопроизводстве, и в правоохранительных органах. Кардинально реформируя судопроизводство, делая его гласным с участием присяжных заседателей и состязательностью в процессе между прокурором и адвокатом, необходимо было озаботиться и о чиновниках, которые бы отстаивали теперь в суде дела, касающиеся казённой части [8, с. 37].

Вопрос об организации юрисконсультской части в некоторых министерствах, в том числе и в Министерстве внутренних дел России, возник сразу же после утверждения Правительствующим Сенатом Судебных уставов 20 ноября 1864 года по отделению законодательной и административной власти от судебной. Именно в Судебных уставах и было определено введение в министерства и административные ведомства «особых уполномоченных» для контактов с судебными властями, так как уставы прямо предписывали присутствие «поверенных» административных ведомств на судах при разборах дел, касающихся казны. Так, в уставе гражданского судопроизводства было определено (ст. 309): «К сроку, назначенному на явку, тяжущиеся должны явиться в суд лично или прислать поверенных...», а ст. 1285: «Казённые управления ищут и отвечают на суде не иначе, как в лице особых уполномоченных, которые назначаются из должностных лиц подлежащего ведомства...». Такие же требования содержались и в статьях 1129 и 1157 Установлений уголовного судопроизводства⁶. Для введения в действие Судебных уставов и преобразования

⁵ От юбилея к юбилею. К 70-летию юридической службы системы МВД России. – Санкт-Петербург, 2016. – 252 с.

⁶ Полный свод законов Российской Империи: Все 16 т. со всеми относящими к ним Продолжениями и с доп. узаконениями по 1 сент. 1910 г.: в 2 кн. / под ред. А. А. Добро-

судопроизводства в Российской империи был организован специальный Комитет в Государственном Совете и комиссия при Министерстве юстиции. Эти структуры, начиная с 1865 года, по высочайшему повелению в течение трёх лет проводили заседания и согласования с Александром II по различным вопросам реформирования судебной части, в том числе и по организации юрисконсультских частей в некоторых министерствах, а там, где юрисконсульты уже были, – по их реорганизации [9; 10, л. 17].

Министр внутренних дел Пётр Александрович Валуев (выходец из II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и служивший в своё время под началом М. М. Сперанского), понимая всю меру ответственности, которая ложилась на министерство при введении в действие Судебных уставов, разработал свой проект юрисконсультской части министерства. В этом проекте министр внутренних дел обозначал функциональные обязанности юрисконсульты, его статус по Табели о рангах и предлагал штат центральной юрисконсультской части при министерстве, состоящий из собственно юрисконсульты, двух его помощников и секретаря. При согласовании проекта количество чиновников в юрисконсультской части уменьшилось на одного помощника, а при обсуждении в феврале 1866 года этого проекта в Государственном совете и оставшийся помощник юрисконсульты был вычеркнут из проекта [10].

Проекты в Государственном совете рассматривались довольно долго, и только 25 мая 1867 года состоялось заседание министров для разрешения вопросов, относящихся к учреждению в министерствах: военном, морском, финансов, внутренних дел, государственных имуществ и Императорского двора юрисконсультской части, уже в общих чертах согласованных в вышестоящих инстанциях. В этом заседании принял участие и министр внутренних дел П. А. Валуев. Мнения министров вылились в следующее заключение: «Существующие должности юрисконсультсов в Министерствах Морском, Императорского Двора, Путей Сообщений и при Обер-Прокуроре Синода и вновь учреждаемых по Министерствам Финансов, Государственных имуществ и Внутренних Дел определить в IV класс по Табели о рангах, а по пенсии – во II-ой разряд с содержанием 2 тысячи рублей жалованья, 2 тысячи рублей столовых и 1 тысячи рублей квартирных...». Результаты этого заседания министры поручили «внести на усмотрение законодательной власти» военному министру [9].

Более полугодом проекты юрисконсультских частей в известных министерствах рассматривались по представлению министра юстиции в Государственном совете, Правительствующем сенате и наконец через министра Императорского двора графа Владимира Федоровича Адлерберга были представлены императору Алек-

сандру II только в конце 1867 года. Император утвердил штат юрисконсультских частей при семи министерствах и ведомствах 2 (14 н. ст.) января 1868 года (2 ПСЗ, т. 43, отд. 1, № 45359)⁷. В их числе было и Министерство внутренних дел, в юрисконсультской части которого было определено иметь одного юрисконсульты с денежным содержанием в пять тысяч рублей (по жалованью – 2 тыс. руб., по столовым – 2 тыс. руб. и по квартирным – 1 тыс. руб.). По классам и разрядам эта должность относилась: по должности к 5-му классу, по мундиру к 5-му классу и по пенсии к 3-му разряду. Помощников у него не должно было быть, хотя в остальных шести министерствах и ведомствах они присутствовали. Зато только в юрисконсультской части Министерства внутренних дел был секретарь при юрисконсульте с окладом в одну тысячу рублей только по жалованью, по классам и разрядам его должность относилась: по должности к 8-му классу, по мундиру к 8-му классу и по пенсии к 5-му классу (чем выше класс и разряд, тем должность была менее значимой). На канцелярию им также было положена одна тысяча рублей. Обязанности центрального юрисконсульты Министерства внутренних дел были весьма обширны. В них входило хождение по судебным властям, составление заключений по имеющимся делам и жалобам, написание различных инструкций, участие в различных комитетах и комиссиях министерства, личные доклады министру о наиболее важных делах и выполнение его особых поручений [9, л. 22–23].

После утверждения императором проекта по юрисконсультской части при Министерстве внутренних дел министр назначил 3-е отделение Департамента общих дел аппаратом центрального юрисконсульты министерства. Сразу же встал вопрос о подыскании на эту должность соответствующего ей чиновника. И такой чиновник в аппарате МВД уже был – это действительный статский советник Павел Трофимович Кितिцын (1822 – 4 (16) сентября 1896 гг.), член Совета министра внутренних дел и совещательный член Медицинского совета, сорока шести лет от роду, вероисповедания православного, кавалер орденов Св. Владимира 2 ст., Св. Анны 1 ст., Св. Станислава 1 ст., также имевший бронзовую медаль в память войны 1853–1856 гг. и знаки отличия, неоднократно награждавшийся денежными премиями. П. Т. Кितिцын окончил Киевский университет со степенью кандидата юридических наук, начал службу в должности чиновника канцелярии генерал-губернатора г. Киева, затем был заседателем Подольской палаты гражданского суда, служил в канцелярии наместника бывшего Царства Польского, где с 1851 г. по 1854 г. сверх обязанностей преподавал российское законодательство в Варшавской гимназии. Попечитель Варшавского учебного округа в увольнительном предписании Кितिцына отмечал в его препода-

вольского, обер-прокурора Судебного деп. правительствующего сената; сост. А. Л. Саатчиан [Электронный ресурс]. Режим доступа: rusneb.ru > catalog/000199_000009_00... (дата обращения: 29.04.2022).

⁷ Утверждение некоторых авторов [7, с. 25; 8, с. 37] об учреждении юридической службы в МВД Российской империи в 1865 г. не находит подтверждения в архивах и в ПСЗ.

вании надлежащее усердие и пользу для учеников гимназии. С 1854 г. Кितिцын Высочайшим приказом по гражданскому ведомству был назначен в Министерство внутренних дел сначала на должность советника Ковенского губернского правления, а с 1861 г. – чиновником по особым поручениям и позже членом Совета министра внутренних дел. С 1860 г. постоянно участвовал во всех комитетах и комиссиях министерств и ведомств, где требовались заключения юриста по существующему законодательству или в связи с его кодификацией. Принимал непосредственное участие в комиссиях по устройству помещичьих крестьян, по введению Судебных уставов, по еврейскому вопросу и, конечно же, по написанию проекта об организации юрисконсультской части в Министерстве внутренних дел, а также и в других. Неоднократно выступал на страницах печати с разъяснениями и толкованием действующего законодательства. Вот такого маститого чиновника Министерства внутренних дел 26 января 1868 года Высочайшим приказом назначили первым юрисконсультом министерства с оставлением его во всех прежних должностях. О том, что он оправдал надежды министра, связанные с его определением на новую должность, свидетельствует его назначение по совместительству уже 2 января 1871 года юрисконсультом Министерства Императорского двора так же с оставлением его во всех должностях и денежных содержаниях (к имеющемуся по должности юрисконсульта МВД 5 тыс. руб. ему положили еще 5 тыс. руб. по должности

юрисконсульта Министерства Императорского двора) [8, с. 42; 11].

Юрисконсультскую часть Министерства внутренних дел ждала трудная судьба. В пору реформирования Министерства внутренних дел и СЕИВК М. Т. Лорис-Меликовым уже в 1880 году она упраздняется, и вместо неё в министерстве создаётся судебный отдел по рассмотрению государственных преступлений, а затем ещё и Особое совещание – вне-судебный репрессивный орган при министре внутренних дел в составе двух чинов из МВД и двух чинов из Министерства юстиции. Обязанности юрисконсульта стали поручаться одному из чиновников министерства, что привело к снижению уровня правового обеспечения в системе министерства. Впереди будут различные реструктуризации, возвышения и принижения юридической службы в министерствах и ведомствах как в царской России, так и в Советском Союзе, когда 19 июля 1946 года совершенно секретным приказом за № 00706 министра внутренних дел страны Сергея Никифоровича Круглова была создана Юридическая часть в МВД СССР [8, с. 90]. Эта дата и считается в настоящее время Днём юридической службы МВД России.

Поиски в государственных и ведомственных архивах продолжаются и, возможно, в будущем многое ещё добавится к истории юридической службы Министерства внутренних дел России.

Список литературы

1. Мулукаев Р. С. Полиция в России (IX в. – нач. XX в.): монография. – Н. Новгород: Типография УВД Нижегородской обл., 1993. – 104 с.
2. Ключевский В. О. Русская история. – Москва: Эксмо, 2009. – 912 с.
3. Соловьев С. М. Чтения и рассказы по истории России / сост. и вступ. ст. С. С. Дмитриева; комм. С. С. Дмитриева и Л. П. Дойниковой; ил. В. В. Лукашова. – Москва: Правда, 1989. – 768 с.
4. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. – Москва: АСТ: Астрель, 2010. – 316 с.
5. Борисов А., Малыгин А., Мулукаев Р. Три века российской полиции. – Москва: Рипол классик, 2016. – 608 с.
6. Борисов А. В. Министры внутренних дел России. 1802 – октябрь 1917. – Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2002. – 350 с.
7. 70 лет на страже закона. Юридическая служба МВД России. – Москва: ФКУ «Объединённая редакция МВД России», 2016. – 320 с.: ил.
8. На страже закона. Юридическая служба МВД России. – Москва: Объединённая редакция МВД России, 2011. – 536 с.
9. Дело Департамента Министерства юстиции законодательного отделения, стол 2. «Об устройстве юрисконсультской части при Министерствах» // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1405. – Оп. 65. – Д. 3449. – Л. 5–17 (об.).
10. Дело юрисконсультской части. Об учреждении этой части при Министерстве внутренних дел // РГИА. – Ф. 1284. – Оп. 233. – Д. 7. – Л. 7–10.
11. Дело об определении юрисконсультом Министерства Императорского Двора Действительно-го Статского Советника Кितिцына // РГИА. – Ф. 472. – Оп. 37. – Д. 1. – Л. 7–28 (об.).

References

1. Mulukayev R. S. Politsiya v Rossii (IX v. – nach. XX v.): monografiya. – N. Novgorod: Tipografiya UVD Nizhegorodskoy obl., 1993. – 104 s.
2. Klyuchevskiy V. O. Russkaya istoriya. – Moskva: Eksmo, 2009. – 912 s.
3. Solov'yev S. M. Chteniya i rasskazy po istorii Rossii / sost. i vstup. st. S. S. Dmitriyeva; komm. S. S. Dmitriyeva i L. P. Doynikovoy; il. V. V. Lukashova. – Moskva: Pravda, 1989. – 768 s.

4. *Kostomarov N. I. Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh yeyo glavneyshikh deyateley.* – Moskva: AST: Astrel', 2010. – 316 s.
5. *Borisov A., Malygin A., Mulukayev R. Tri veka rossiyskoy politsii.* – Moskva: Ripol klassik, 2016. – 608 s.
6. *Borisov A. V. Ministry vnutrennikh del Rossii. 1802 – oktyabr' 1917.* Sankt-Peterburg: SPbU MVD Rossii, 2002. – 350 s.
7. *70 let na strazhe zakona.* Yuridicheskaya sluzhba MVD Rossii. – Moskva: FKU «Ob»yedinonnaya redaktsiya MVD Rossii», 2016. – 320 s.: il.
8. *Na strazhe zakona.* Yuridicheskaya sluzhba MVD Rossii. – Moskva: Ob»yedinonnaya redaktsiya MVD Rossii, 2011. – 536 s.
9. *Delo Departamenta Ministerstva yustitsii zakonodatel'nogo otdeleniya, stol 2. «Ob ustroystve yuriskonsul'tskoy chasti pri Ministerstvakh» // Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA).* – F. 1405. – Op. 65. – D. 3449. – L. 5–17 (ob.).
10. *Delo yuriskonsul'tskoy chasti. Ob uchrezhdenii etoy chasti pri Ministerstve vnutrennikh del // RGIA.* – F. 1284. – Op. 233. – D. 7. – L. 7–10.
11. *Delo ob opredelenii yuriskonsul'tom Ministerstva Imperatorskogo Dvora Deystvitel'nogo Statskogo Sovetnika Kititsyna // RGIA.* – F. 472. – Op. 37. – D. 1. – L. 7–28 (ob.).

Статья поступила в редакцию 07.07.2022; одобрена после рецензирования 03.10.2022; принята к публикации 07.10.2022.

The article was submitted July 7, 2022; approved after reviewing October 3, 2022; accepted for publication October 7, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья

УДК 929

doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-45-53

Светлана Владимировна Ремнева

кандидат исторических наук

<https://orcid.org/0000-0002-8169-1856>, sremneva@yandex.ru

*Культурный центр ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области
Российская Федерация, 191024, Санкт-Петербург, ул. Полтавская, д. 12*

Начальник Петроградского губернского жандармского управления Иван Дмитриевич Волков: фрагменты биографии и фотопортрет

Аннотация: Статья посвящена описанию отдельных страниц биографии видной фигуры правоохранительной системы Российской империи начала XX в. – генерал-лейтенанта Отдельного корпуса жандармов Ивана Дмитриевича Волкова (1854–1917), участника событий, связанных с обеспечением безопасности Российского государства, и Февральской революции 1917 г., которая стала заключительным аккордом не только в истории монархии в России, но и в жизни самого генерала.

В статье представлены результаты многолетнего поиска биографических сведений о И. Д. Волкове, в канун Февральской революции занимавшего должность начальника Петроградского губернского жандармского управления. Судьба И. Д. Волкова, сведений о которой в научной литературе было чрезвычайно мало, – красноречивое свидетельство трагизма слома государства и глобальных перемен в жизни России в 1917 г. В трагические для российской монархии дни И. Д. Волков стал жертвой солдатского самосуда.

На основе изучения источников различных видов, использования методов системного анализа, структурно-функционального и метода правовой компаративистики были исследованы материалы, позволяющие восполнить пробелы в биографии И. Д. Волкова: удалось уточнить обстоятельства смерти (дату, причину, место) и место захоронения бывшего начальника Петроградского Главного жандармского управления (далее – ГЖУ). Проведённое исследование позволило ввести в научный оборот не только ранее не использовавшиеся учёными источники, характеризующие организацию и деятельность Отдельного корпуса жандармов и его чинов, но и портрет Ивана Дмитриевича Волкова, который теперь будет являться атрибутированным источником по истории Российской империи начала XX в. Портрет И. Д. Волкова был обнаружен в фонде П. А. Столыпина Саратовского областного музея краеведения и впервые публикуется в настоящей статье.

Ключевые слова: Волков Иван Дмитриевич, Столыпин Петр Аркадьевич, Джунковский Владимир Федорович, Петроградское ГЖУ, Лифляндское ГЖУ, император Николай II, присоединение Лифляндии, Февральская революция 1917 г., солдатский самосуд

Для цитирования: Ремнева С. В. Начальник Петроградского губернского жандармского управления Иван Дмитриевич Волков: фрагменты биографии и фотопортрет // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4 (96). – С. 45–53; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-45-53.

Svetlana V. Remneva

Cand. Sci. (Hist.)

<https://orcid.org/0000-0002-8169-1856>, sremneva@yandex.ru

*Cultural Center of the MIA of Russia in St. Petersburg and the Leningrad re-gion
12, Poltavskaya str., Saint Petersburg, 191024, Russian Federation*

Head of the Petrograd Provincial Gendarmerie Department Ivan Dmitrievich Volkov: fragments of biography and photo portrait

Abstract: The article is devoted to the description of individual pages of the bi-ography of a prominent figure in the law enforcement system of the Russian Empire at the beginning of the 20th century. Lieutenant General of the Separate Corps of Gendarmes Ivan Dmitrievich Volkov (1854–1917), a participant in the events related to ensuring the security of the Russian state, and the February Revolution of 1917, which became the final chord not only in the history of the monarchy in Russia, but also in the life of himself general.

The article presents the results of a long-term search for biographical information about I. D. Volkov, who on the eve of the February Revolution held the post of head of the Petrograd provincial gendarme department. The fate of I. D. Volkov, about which there was extremely little information in the scientific literature, is eloquent evidence of the tragedy of the breakdown of the state and global changes in the life of Russia in 1917.

Based on the study of sources of various types, the use of methods of system analysis, structural-functional and the method of legal comparative studies, materials were studied that made it possible to fill in the gaps in the biography of I. D. Volkov: it was possible to clarify the circumstances of death (date, cause, place) and the place of burial former head of the Petrograd GZhU. The study made it possible to introduce into scientific circulation not only sources that were not previously used by scientists, characterizing the organization and activities of the Separate Corps of Gendarmes and its ranks, but also a portrait of Ivan Dmitrievich Volkov, which will now be an attributed source on the history of the Russian Empire at the beginning of the 20th century. The portrait of I. D. Volkov was discovered in the fund of P. A. Stolypin of the Saratov Regional Museum of Local Lore and is published in this article for the first time.

Keywords: Volkov Ivan Dmitrievich, Stolypin Petr Arkadyevich, Dzhunkov-sky Vladimir Fedorovich, Petrograd GZhU, Livonian GZhU, Emperor Nicholas II, annexation of Livonia, February Revolution of 1917, soldier lynching

For citation: Remneva S. V. Head of the Petrograd Provincial Gendarmerie Department Ivan Dmitrievich Volkov: fragments of biography and photo portrait// Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 4 (96). – P. 45–53; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-45-53.

Начиная с середины 1980-х годов, в круг научных интересов историков были включены темы, в советской историографии остававшиеся без внимания. В частности, события 1917 г. в России и их последствия стали рассматриваться не с классовых позиций пролетариата и крестьянства, а более широко, с точки зрения представителей всех слоёв общества. Появился интерес к силовым структурам дореволюционной России. Из забвения вышли многие ранее забытые имена представителей офицерского полицейского и жандармского корпуса. С тех пор интерес к истории правоохранительных органов России с годами не ослабевает, а только нарастает [1–18].

В 2022 г. исполнилось 105 лет Февральской революции 1917 г. в России. В связи с этим обращение к событиям 1917 г., их оценка, внимание к судьбам чинов, защищавших правопорядок в Петрограде в годы революционных потрясений, с учётом достижений современной историко-правовой науки и новых методологических подходов представляется актуальным и своевременным.

Несмотря на то, что 1917 год находится в центре внимания исследователей больше столетия, точное число жертв Февральской революции до настоящего времени не установлено, списки убитых и раненых в феврале 1917 г. продолжают оставаться неполными, в небольшой

степени дополняя перечень жертв, опубликованный в газетах в марте 1917 г. В частности, ни тогда, ни позже в прессу не попали сведения о гибели начальника Петроградского губернского жандармского управления генерал-лейтенанта Ивана Дмитриевича Волкова (1854–1917).

Советскую историографию подобные сюжеты не интересовали, так как они не отвечали классовому подходу к изучению истории. Только в последние десятилетия на российский офицерский корпус перестали смотреть как на чуждый классовый элемент, врагов Советской власти, и увидели в них соотечественников, чьи судьбы были поломаны революцией 1917 г. и Гражданской войной.

Одним из таких несправедливо забытых исторических персонажей является известный в Российской империи начала XX в. чин МВД – Иван Дмитриевич Волков. Рассказу о его судьбе пока не нашлось места в музейных экспозициях, посвящённых полиции. Причиной сложившейся ситуации является и то, что сведения о судьбе чина Отдельного корпуса жандармов до сих пор не были извлечены из материалов документооборота департамента полиции, и то, что И. Д. Волкова в XXI в. в лицо уже не знал никто – его изображения не было ни в книгах, ни в справочниках, ни в сохранившихся личных вещах.

Обнаружить и опубликовать портрет начальника Петроградского губернского жандарм-

ского управления генерал-лейтенанта И. Д. Волкова, осветить некоторые факты его биографии, связанные с историей создания портрета – на всё это потребовались годы. Началось это историческое расследование в 2010 году, а завершилось только в 2022-м.

Современные историки, описывая подробности гибели И. Д. Волкова, в качестве источника используют только мемуарную литературу, содержащую разные версии убийства генерала. В книге А. Колпакиди и А. Севера «Спецслужбы Российской империи», вышедшей в свет в 2010 г., сказано, что И. Д. Волков, «по воспоминаниям П. Г. Курлова, был убит революционными солдатами во время Февральской революции» [19, с. 304]. На эти же воспоминания в статье, посвящённой ликвидации полицейского аппарата в 1917 г., ссылается И. А. Тропов [20, с. 192].

Какие источники иных видов подтвердят эту версию, долгое время было неизвестно. Сотрудники Санкт-Петербургского университета МВД России предприняли попытку выяснить обстоятельства гибели генерала и найти место его захоронения.

В результате поисков были выявлены различные описания гибели генерала в мемуарной литературе. Мемуары, в которых содержится информация о судьбе И. Д. Волкова, оставили: П. П. Заварзин, бывший начальником Варшавского ГЖУ, находившийся на момент революции в распоряжении Департамента полиции в Петрограде; П. Г. Курлов, являвшийся командиром Отдельного корпуса жандармов, и К.И. Глобачёв, бывший начальник Петербургского охранного отделения.

При этом ни один из них не был свидетелем гибели И. Д. Волкова. Каждый описывал трагические события с чужих слов во время, отдалённое от событий февраля 1917 г. несколькими годами. Поэтому каждый из рассказов дополнен такими деталями, которые не упоминают другие, и все версии можно считать правдивыми только отчасти. Наиболее точной, как показали итоги расследования, оказалась версия К. И. Глобачёва [29].

При проведении исследования была изучена периодическая печать 1917 г. Наиболее информативными оказались «Известия Петроградского совета рабочих депутатов» от 28 февраля 1917 г.¹ и «Петроградская газета» от 15 марта, 22 марта, 5 апреля 1917 г.², содержащие статьи, касающиеся И. Д. Волкова.

Обстановка, царившая в дни Февральской революции в Таврическом дворце, куда доставили И. Д. Волкова, описана в воспоминаниях депутата Государственной думы С. П. Мансырева [30].

Опубликованные источники и архивные материалы позволили собрать сведения о судьбе

И. Д. Волкова [27], его гибели [22, с. 248–253; 23, с. 61–69; 24, с. 195–200] и представить результаты поиска на круглом столе в филиале Музея политической истории России (Санкт-Петербург, ул. Гороховая, 2) и Всероссийской научно-практической конференции «210 лет МВД России: история и современность» 21 сентября 2012 г.

Судьба И. Д. Волкова привлекла внимание исследователей. Статья И. Соловьёва «Верность присяге (300-летию Российской полиции посвящается)» была опубликована в сборнике материалов Международной научно-практической конференции «Стратегия национального развития и задачи российской юридической науки» сначала на интернет-портале [25], а затем и в научном журнале [25, с. 104–108]

Статья была посвящена подвигу сотрудников полиции, мужественно выполнявших свой профессиональный долг в разные переломные моменты истории. Особое внимание уделено биографии и гибели генерала И. Д. Волкова. И. Соловьёв, проанализировав мемуары П. П. Заварзина и К. И. Глобачёва, констатирует, что «...генерал-лейтенант Иван Дмитриевич Волков, в 1915–1917 гг. начальник Петроградского жандармского управления, который, оставаясь верным присяге, не покинул служебного кабинета 27 февраля 1917 г., в результате чего был подвергнут жестоким пыткам и убит разъярённой толпой погромщиков и уголовных элементов» [25, с. 106].

В марте 2017 г. на просторах интернета появилась статья А. Кречетникова «Убитые, раненые и ушибленные: что происходило на улицах в феврале 17-го», приуроченная к 100-летию Февральской революции. А. Кречетников описывает действия Николая II, высших должностных лиц, командующих фронтами, сотрудников петроградской полиции, рассматривает причины бунта солдат Петроградского гарнизона. Автор поднимает вопросы о количестве жертв беспорядков в Петрограде и упоминает факт гибели начальника Губернского жандармского управления И. Д. Волкова. И хотя данная статья – плод журналистских трудов, а не научная публикация, её нельзя обойти вниманием, поскольку она – одна из немногих публикаций, затрагивающих судьбу И. Д. Волкова. О гибели генерала А. Кречетников сообщает следующее: «Начальника губернского жандармского управления Ивана Волкова, который 27 февраля при приближении толпы отправил подчинённых по домам, а сам остался в кабинете, повели под конвоем в Таврический дворец, но уже через несколько минут застрелили на улице» [31]. Это описание гибели генерала пересказывает одну из версий мемуаров и реальным фактам соответствует лишь частично: источники позволили выявить, что И. Д. Волков, действительно был арестован в своем кабинете, но не расстрелян на улице, а доставлен в Таврический дворец [22, с. 253].

Статья А. Кречетникова иллюстрирована пятью фотографиями, на одной из которых,

¹ Арест начальника жандармского управления // Известия Петроградского совета рабочих депутатов. – 1917. – 28 февраля. – С. 2.

² Петроградская газета. – 1917. – 15 марта; 22 марта, 5 апреля.

по мнению автора статьи, изображен генерал И. Волков. Под фото А. Кречетников сделал подпись следующего содержания «Российский госархив фотокинодокументов. Генерал Волков: из этого кабинета его уведут на смерть». На черно-белом фото изображен пожилой мужчина в мундире, сидящий в рабочем кабинете за письменным столом и разговаривающий по телефону. За его спиной на стене висят карты и портреты императоров Николая I и Александра II.

Атрибутирование этой находки журналиста вызвало большие сомнения в соответствии реалиям того времени и потребовало проверки. На наш запрос из Российского государственного архива кинофотодокументов (РГАКФД) был получен ответ о том, что негатив 6-13 имеет следующую аннотацию: «Командир отдельного корпуса жандармов у себя в кабинете. г. Петроград. 1915 г.»; фамилия, инициалы лица, изображенного на фото, не указаны. В 1915 г. данную должность занимали поочередно два человека (В. Ф. Джунковский и Д. Н. Татищев [19, с. 301]), среди которых И. Д. Волкова быть не могло, так как должность «Командир Отдельного корпуса жандармов», которую занимал персонаж фотографии, и должность «Начальник Петроградского губернского жандармского управления», которую занимал И. Д. Волков, – это две разные должности. Подпись под фотографией является плодом фантазии автора статьи, который перепутал должность, фамилию лица, на ней изображенного, и год, когда был сделан снимок. Такое вольное обращение с источниками можно оценить как манипуляцию, которая, произведя эффект, вводит читателей в заблуждение.

Фотография, обнаруженная в статье А. Кречетникова, фотопортретом генерала И. Д. Волкова не являлась. И, несмотря на то, что поиск портрета генерала активно продолжался в архивах Москвы, и по месту службы И. Д. Волкова – в архивах Санкт-Петербурга, Риги, Вильнюса, обнаружить изображение генерала не удалось.

В 2012 г. Саратовский областной музей краеведения выпустил иллюстрированный каталог экспонатов своего музея, посвященный празднованию 150-летия со дня рождения П. А. Столыпина [26]. Небольшой тираж каталога (565 экземпляров) не позволил автору данной статьи узнать о его существовании в год издания. Да к тому же Саратов, в котором И. Д. Волков никогда не служил и не проживал, не рассматривался первоочередным местом поиска материалов о генерале. Поэтому с изданием Саратовского областного музея краеведения удалось познакомиться лишь недавно.

Среди экспонатов Саратовского областного музея краеведения хранится фотоальбом (СМК 26926/1) в коричневом кожаном переплете с накладными металлическими гербами Риги и Лифляндской губернии, выполненный в 1910 г. в фотомастерской «Гебенспергер и К» (фотографы К. Шульц, Э. Шуб, Э. Эггерт). В музейный каталог он вошел под названием

«Альбом фотографий юбилейных торжеств по поводу 200-летия присоединения Лифляндии к Российской империи и видов г. Риги, подаренный Столыпину П. А.».

После гибели председателя Совета министров его вдова, Ольга Борисовна Столыпина, передала в 1911–1912 гг. вещи мужа в историко-археологический музей, созданный при Саратовской учёной архивной комиссии. Коллекции того музея бережно хранились и были переданы Саратовскому областному музею краеведения.

В июле 1910 г. император Николай II с семьей и свитой посетил Ригу в связи с 200-летием присоединения Лифляндии к Российской империи. Торжества в Риге продолжались три дня (3–5 июля 1910 г.) и были запечатлены фотографиями. По итогам празднеств был создан памятный фотоальбом и преподнесён министру внутренних дел, председателю Совета министров П. А. Столыпину, принимавшему участие в этой поездке в составе императорской свиты. Вполне возможно, этот альбом был изготовлен не в единственном экземпляре, и другие почётные гости Риги тоже получили такой подарок. Но хранящийся в Саратове – альбом, преподнесённый П. А. Столыпину.

В альбоме содержится 185 фотографий, запечатлевших достопримечательности города Риги, торжественные мероприятия с участием императора и его семьи, портреты должностных лиц города и губернии.

Оказалось, что в этих торжествах принимал участие и И. Д. Волков. Но не в свите императора, а как член принимающей стороны: с 1903 г. он занимал должность начальника Лифляндского губернского жандармского управления и проживал в Риге, поэтому в июле 1910 г. как глава политической полиции губернии он обеспечивал безопасность членов царской семьи во время их визита в Ригу и, безусловно, был в составе встречающей делегации.

Николай II прибыл в город на своей яхте «Штандарт», по городу передвигался в открытой коляске, общался с жителями города. График визита был насыщен событиями: торжественная встреча государя в порту, посещение императором Кафедрального собора, Домской церкви, дома Черноголовых, Дворянского собрания, Царского сада, Николаевской гимназии, а также открытие памятника Петру I, званый обед на яхте, Высочайший приём в замке, объезд войск в военном лагере в Куртенгофе, посадка дуба в Петровском парке.

В ходе этих мероприятий у государя состоялись встречи и беседы с представителями православного и лютеранского духовенства, лифляндского дворянства, общественных и благотворительных организаций, а также с начальниками отдельных воинских частей, офицерами, дамами и гимназистами.

Торжества получили широкое освещение в центральной³ и местной⁴ прессе. Корреспон-

³ Биржевые ведомости. Утренний выпуск. – 1910. – 4, 6, 7 июля.

⁴ Рижский вестник. – 1910. – 5, 6, 7 июля.

денты подчеркивали, что везде по ходу передвижения царского экипажа стояли жители города, приветствовавшие императора.

Несмотря на множество публичных мероприятий, местные власти и правоохранительные органы успешно справились с задачей обеспечения безопасности императора. После отъезда Николая II 6 июля 1910 г., на площади перед замком товарищ министра внутренних дел генерал П. Г. Курлов поблагодарил чинов полиции, жандармов и стражников за порядок во время царского проезда, после чего раздал Высочайше пожалованные награды и подарки⁵.

Высоко была оценена и деятельность начальника Лифляндского ГЖУ И. Д. Волкова. В 1911 г. он был пожалован подарком из кабинета его Величества – золотым портсигаром с сапфиром и государственным гербом – «за пребывание в Риге в июле 1910 г.» [32], то есть за организацию безопасности государя во время праздничных торжеств.

Деловые качества И. Д. Волкова были оценены и товарищем министра внутренних дел, командующим Отдельным корпусом жандармов В. Ф. Джунковским, прибывшим осенью 1914 г. инспектировать Прибалтийские губернии. Поводом для приезда были следующие обстоятельства. В начале Первой мировой войны из Прибалтийских губерний в столицу шли донесения, вызывающие серьезное беспокойство складывающейся там ситуацией. На долю Лифляндской губернии приходилось наибольшее количество заявлений о нелояльных и даже преступных действиях немецкой части населения; о пристрастии, проявлявшемся чинами администрации; о немецком засилье в крае и покровительстве начальника губернии гофмейстера Н. А. Звягинцева немцам вообще и балтийскому дворянству в особенности. Одним из основных вопросов, подлежащих выяснению, являлась проверка слухов о том, что в губернии проживало много германских подданных, состоявших в деловых отношениях с помещиками и фабрикантами – немцами, и потому подлежащих высылке [33]. Второй важной проблемой являлось уклонение со стороны усадьбовладельцев-немцев от военно-конской повинности. Делом поставки лошадей и автомобилей в войска заведовал вице-губернатор князь Н. Д. Кропоткин, принимавший все меры к тому, чтобы автомобили и лошади владельцев-немцев умышленно браковались [33, с. 414]. Джунковский предложил начальнику ГЖУ генерал-майору Волкову представить имевшиеся у него сведения по этим вопросам.

Визит В. Ф. Джунковского в Лифляндскую губернию был кратким. Однако те факты, на которые он обратил внимание, позволили ему сделать вывод о нецелесообразности дальнейшего пребывания Н. А. Звягинцева на посту губернатора, а князя Н. Д. Кропоткина – в должности вице-губернатора [33, с. 415].

В то же время В. Ф. Джунковский, оценив профессионализм генерал-майора И. Д. Волкова, решил способствовать его продвижению по службе. До начала 1915 г. И. Д. Волков продолжал возглавлять политическую полицию Лифляндии, а в январе 1915 г. И. Д. Волков из Риги был переведен в столицу и назначен на должность начальника Петроградского губернского жандармского управления.

На протяжении своей военной карьеры Иван Дмитриевич служил на разных, в том числе и руководящих должностях в Виленском, Витебском, Тверском, Екатеринославском, Лифляндском губернских жандармских управлениях. Прошёл путь от прапорщика до генерал-лейтенанта, от адъютанта Виленского до начальника Петроградского ГЖУ. Награждён восемью орденами: Святой Анны 4, 3, 1-й степени; Святого Станислава 3, 2, 1-й степени; Святого Владимира 4-й и 3-й степени [23, с. 62].

26 февраля 1917 г. генерал И. Д. Волков был в гостях у своей двоюродной сестры Екатерины Петровны – супруги министра иностранных дел Николая Николаевича Покровского. Собравшиеся обсуждали политическую ситуацию. По словам Покровского, происходящие события правительство расценивало как беспорядки на почве продовольственных затруднений. Принимались экстренные меры к удовлетворению продовольствием потребностей населения. Правительство ожидало, что беспорядки минуют. Генерал Волков более серьёзно относился к беспорядкам, но и он не видел в них того большого выступления, которое решит судьбу царской России; не предчувствовал, что ему самому суждено всего через два дня стать одной из первых жертв революционной бури [34]. Этим и объясняется то, что он не предпринял особых мер ни к охране здания жандармского управления, ни к обеспечению своей собственной безопасности.

27 февраля 1917 г. около 22 часов начальник Петроградского губернского жандармского управления генерал-лейтенант Иван Дмитриевич Волков был арестован революционно настроенными солдатами в здании ГЖУ на Тверской улице и доставлен в Таврический дворец. Там его поместили под охрану в Министерский павильон, где в ночь с 27 на 28 февраля он был заколот охранником. Труп генерала был доставлен в Мариинскую больницу, где врач констатировал смерть. Захоронен он был 10 марта 1917 г. на Николаевском (ныне Никольском) кладбище Александро-Невской лавры. На момент смерти генералу было 63 года. Его могила не сохранилась [23, с. 68].

Но в фондах Саратовского областного музея краеведения сохранился портрет И. Д. Волкова, обнаруженный автором статьи в результате многолетних поисков. Теперь портрет опубликован в журнале «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России». Обнародование портрета позволяет не только увидеть черты лица и внешнего облика героя, но и получить представление о форме одеж-

⁵ Биржевые ведомости. Утренний выпуск. – 1910. – 7 июля.

И. Д. Волков (фотография из фондов Саратовского областного музея краеведения)

ды чинов жандармерии в начале XX в.; а также определить эстетику фотографического дела, портретной съёмки того периода.

Портрет И. Д. Волкова – черно-белая фотография, размером 16,5 x 10 см на картонной основе (темно-зелёного цвета) в вырезной рамке с тиснением и золочением (обрез)⁶. Под фотографией подпись неизвестного автора, нанесенная белой тушью от руки прописными буквами: «Начальн. Лифл. Губ. Жанд. Упр. Ген. Майоръ Иванъ Дмитріевичъ Волковъ» [Начальник Лифляндского Губернского Жандармского Управления Генерал-Майор Иван Дмитриевич Волков].

Поясной фотопортрет, на котором запечатлен И. Д. Волков, выглядит следующим образом: в плетёном кресле сидит мужчина средних лет в парадном жандармском генеральском двубортном мундире с эполетами и вышивкой на воротнике, облокотившись руками на подлокот-

ники; левой рукой он придерживает рукоятку холодного оружия (не определённого образца); рукава мундира с клиновидными обшлагами и вышивкой на них; мундир оборудован аксельбантами, украшен орденом и орденой лентой Святого Станислава, орденом знака святого Владимира 3-й степени и медалями [26, с. 204].

Исследование, направленное на поиск архивных документов, которые позволили уточнить дату и обстоятельства смерти, место захоронения бывшего начальника Петроградского губернского жандармского управления генерал-лейтенанта Волкова Ивана Дмитриевича, трагически погибшего в результате солдатского самосуда в дни Февральской революции 1917 г., завершено. Большая часть работы была проделана еще в 2010–2011 гг.: тогда удалось выяснить обстоятельства гибели и место захоронения И. Д. Волкова. Теперь – найти и опубликовать его фотографию, сделанную в 1910 г., за семь лет до гибели. За помощь в поиске и обнаружении

⁶ СМК. СМК 26296/179.

портрета И. Д. Волкова автор выражает благодарность Эллине Юрьевне Авериной, научному сотруднику литературного музея А. С. Пушкина в Вильнюсе (Литва), и главному хранителю фондов Саратовского областного музея краеведения Марине Викторовне Провоторовой.

Результаты исследования позволяют пролить свет на один из трагических сюжетов истории российской полиции, вывести из забвения имя честного и преданного своему долгу офицера и ввести в научный оборот его портрет.

Список литературы

1. Стоцкий А. П. 300-летняя история полиции России в артефактах: полицейское управление и пожарная команда Васильевской части в Санкт-Петербурге // Вестник Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя : научно-практическое издание. – Саратов, 2016. – С. 126–129.
2. Ремнева С. В. О ликвидации в Петрограде политической полиции в ходе Февральской революции / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) : материалы XIV Международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2017 г. / под ред. Н. С. Нижник: В 2 т. – Т. I. – Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2017. – С. 181–184.
3. Сидоренко Н. С., Нижник Н. С. Фонды Департамента полиции как источник изучения парламентской биографики (на материале архивов Урала) / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) : материалы XIV Международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2017 г. / под ред. Н. С. Нижник: В 2 т. – Т. I. – Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2017. – С. 187–190.
4. Стоцкий А. П. Кронштадтская полиция в начале XX века: благотворители и благотворительность / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) : материалы XIV Международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2017 г. / под ред. Н. С. Нижник: В 2 т. – Т. I. – Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2017. – С. 219–221.
5. Стоцкий А. П. Владислав Францевич Галле: повседневность профессиональной деятельности полицеймейстера Петербурга в годы революционных преобразований России / Великая Российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX – начала XXI вв. : материалы Международной научной конференции, Витебск – Псков, 27 февраля – 3 марта 2017 г. / гл. ред. А. В. Егоров. – Витебск: Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, 2017. – С. 128–131.
6. Нижник Н. С. О неизбежности краха полицейского государства в 1917 году / Великая Российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX – начала XXI вв. : материалы Международной научной конференции, Витебск – Псков, 27 февраля – 3 марта 2017 г. / гл. ред. А. В. Егоров. – Витебск: Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, 2017. – С. 302–306.
7. Стоцкий А. П. Полицейский Петербург: артефакты деятельности столичной полиции (о здании сыскальной полиции на Офицерской улице) Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс] : материалы юбилейной Международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Секция молодых исследователей. Санкт-Петербург, 25 апреля 2018 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (5,11 Мб). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – С. 31–33.
8. Ремнева С. В. Рассуждения об исчезновении могилы Антона Мануиловича Девиера / Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс] : материалы юбилейной Международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (19,6 Мб). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – С. 1696–1700.
9. Стоцкий А. П. Санкт-Петербургская полиция: корпоративная благотворительность в начале XX века / Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс] : материалы юбилейной Международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (19,6 Мб). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – С. 813–817.
10. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Полиция и гражданское общество: направления и формы партнёрского взаимодействия (по материалам международной конференции) // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2018. – № 4. – С. 43–48.
11. Лясович Т. Г., Нижник Н. С., Силкин Н. Н. Становление, эволюция и современное состояние полиции России как предмет научных исследований // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 12. – С. 141–163.
12. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Проблемы совершенствования нормативной основы и практики деятельности полиции в России // Государство и право. – 2018. – № 4. – С. 110–117.
13. Nizhnik N. 300 years in the service to the native land: specifics of the regional development of the police bodies in the Russian empire (on the materials of the jubilee international scientific conference held at St Petersburg university of the Ministry of internal affairs) // Historia provinciae. – 2019. – Т. 3. – № 1. – P. 505–522.
14. Нижник Н. С. Правоохранительная система Российской империи: специфика субъектного состава / Юридическая наука: традиции и инновации : сборник материалов Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей. – Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2019. – С. 202–208.
15. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Российская полиция: три века служения Отечеству // Государство и право. – 2019. – № 6. – С. 138–145.
16. Нижник Н. С. Адъюнкты Санкт-Петербургского университета МВД России: научно-исследовательская деятельность в контексте 300-летия полиции России / Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований [Электронный ресурс] : материалы Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 7 декабря 2018 года / сост. Э. Х. Мамедов. – Электрон. дан. (3,78 Мб). – Санкт-Петербург, 2019. – С. 267–296.
17. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. История Российской империи в контексте теоретико-правового анализа (к 300-летию Российской империи) // Государство и право. – 2021. – № 11. – С. 186–195.

18. *Нижник Н. С., Квитчук А. С., Андреева И. А., Чимаров С. Ю., Змерзлый Б. В.* Обеспечение безопасности дорожного движения: генезис системы в Российском государстве : монография. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. – 292 с.
19. *Колпакиди А. И., Север А.* Спецслужбы Российской Империи : уникальная энциклопедия. – Москва: Эксмо: Яуза, 2010. – 765 с.
20. *Тропов И. А.* Последний оплот режима: полиция в условиях Февральской революции 1917 года : материалы Всероссийской научно-практической конференции «210 лет МВД России: история и современность». Санкт-Петербургский университет МВД России, 21 сентября 2012 г.; В 4 ч. – Ч. 3. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России. 2013. – С. 191–195.
21. «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска : В двух томах. – Том 1. – Москва: Новое литературное обозрение, 2004. – 512 с.
22. *Ремнева С. В.* Гибель жандармского генерала / Следствие продолжается: В 5 кн. – Книга 5. – Санкт-Петербург: Первый класс. 2012. – С. 239–261.
23. *Ремнева С. В.* Тайна гибели жандармского генерала / Политическая история России: прошлое и современность. Исторические чтения. – Выпуск IX. «Гороховая, 2», 2011 / под ред. А. М. Кулегина. – Санкт-Петербург: Норма. 2012. – С. 61–69.
24. *Ремнева С. В.* Петроградская полиция в дни Февральской революции : материалы Всероссийской научно-практической конференции «210 лет МВД России: история и современность». Санкт-Петербургский университет МВД России, 21 сентября 2012 г. В 4 ч. – Ч. 3. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России. 2013. – С. 195–200.
25. *Соловьев И. Н.* Верность присяге (300-летию Российской полиции посвящается) // Труды Академии управления МВД России. – 2016. – № 1 (37), март. – С. 104–108.
26. *Петр Аркадьевич Столыпин.* Коллекция материалов из собрания Саратовского областного музея краеведения : иллюстрированный каталог / Министерство культуры Саратовской обл., Саратовский областной музей краеведения; [сост. Л. В. Маковцева] – Саратов: Новый ветер, 2012. – 384 с.
27. *Ремнева С. В.* Об исследовании обстоятельств, даты гибели и места захоронения генерала Волкова Ивана Дмитриевича // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2011. – № 1 (49). – С. 32–39.
28. *Заварзин П. П.* Жандармы и революционеры / «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска: в двух томах. – Том 2. – Москва: Новое литературное обозрение, 2004. – С. 7–138.
29. *Глобачёв К. И.* Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. – Москва: Российская политическая энциклопедия, 2009. – 519 с.
30. *Мансыров С. П.* Мои воспоминания о Государственной думе / Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 года. – Москва: Книга, 1991. – С. 95–119.
31. *Кречетников А.* Убитые, раненые и ушибленные: что происходило на улицах в феврале 17-го [Электронный ресурс] // Интернет СМИ «Русская служба Би-Би-Си». – 2017. – 10 марта. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/institutional-38747152> (дата обращения: 10.02.2022).
32. *Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург) (РГИА).* – Ф. 508. – Оп. 1. – Ед. хр. № 336. – Л. 14.
33. *Джунковский В. Ф.* Воспоминания: В 2 т. – Т. 2. – Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. – 685 с.
34. *Лопухин В. Б.* Записки бывшего директора департамента министерства иностранных дел. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2008. – 536 с.

References

1. *Stotskiy A. P.* 300-letnyaya istoriya politzii Rossii v artefaktakh: politseyskoye upravleniye i pozhnarnaya komanda Vasil'yevskoy chasti v Sankt-Peterburge // Vestnik Moskovskogo oblastnogo filiala Moskovskogo universiteta MVD Rossii imeni V. Ya. Kikotyа: nauchno-prakticheskoye izdaniye. – Saratov, 2016. – S. 126–129.
2. *Remneva S. V.* O likvidatsii v Petrograde politicheskoy politzii v khode Fevral'skoy revolyutsii / Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (navstrechu 300-letiyu rossiyskoy politzii) : materialy XIV Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 27–28 aprelya 2017 g. / pod red. N. S. Nizhnik: V 2 t. – T. I. – Sankt-Peterburg: Izd-vo SPb un-tа MVD Rossii, 2017. – S. 181–184.
3. *Sidorenko N. S., Nizhnik N. S.* Fondy Departamenta politzii kak is-tochnik izucheniya parlamentskoy biografiki (na materiale arkhivov Urala) / Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (navstrechu 300-letiyu rossiyskoy politzii) : materialy XIV Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 27–28 aprelya 2017 g. / pod red. N. S. Nizhnik: V 2 t. – T. I. – Sankt-Peterburg: Izd-vo SPb un-tа MVD Rossii, 2017. – S. 187–190.
4. *Stotskiy A. P.* Kronshtadtskaya politziya v nachale XX veka: blagotvori-teli i blagotvoritel'nost' / Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (navstrechu 300-letiyu rossiyskoy politzii) : materialy XIV Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 27–28 aprelya 2017 g. / pod red. N. S. Nizhnik: V 2 t. – T. I. – Sankt-Peterburg: Izd-vo SPb un-tа MVD Rossii, 2017. – S. 219–221.
5. *Stotskiy A. P., Vladislav Frantsevich Galle:* povsednevnost' professional'noy deyatel'nosti politismeystera Peterburga v gody revolyutsionnykh preobrazovaniy Rossii / Velikaya Rossiyskaya revolyutsiya 1917 goda v istorii i sud'bakh narodov i regionov Rossii, Belarusi, Yevropy i mira v kontekste istoricheskikh realiy XX – nachala XXI vv. : materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Vitebsk – Pskov, 27 fevralya – 3 marta 2017 g. / gl. red. A. V. Yegorov. – Vitebsk: Vitebskiy gosudarstvennyy universitet imeni P. M. Masherova, 2017. – S. 128–131.
6. *Nizhnik N. S.* O neizbezhnosti krakha politseyskogo gosudarstva v 1917 godu / Velikaya Rossiyskaya revolyutsiya 1917 goda v istorii i sud'bakh narodov i regionov Rossii, Belarusi, Yevropy i mira v kontekste istoricheskikh realiy XX – nachala XXI vv. : materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Vitebsk – Pskov, 27 fevralya – 3 marta 2017 g. / gl. red. A. V. Yegorov. – Vitebsk: Vitebskiy gosudarstvennyy universitet imeni P. M. Masherova, 2017. – S. 302–306.
7. *Stotskiy A. P.* Politseyskiy Peterburg: artefakty deyatel'nosti sto-lichnoy politzii (o zdanii sysknoy politzii na Ofiterskoy ulitse) Rossiyskaya politziya: tri veka sluzheniya Otechestvu [Elektronnyy resurs] : materialy yubileynoy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 300-letiyu rossiyskoy politzii. Sektsiya molodykh issledovateley. Sankt-Peterburg, 25 aprelya 2018 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Elektronnyye dan. (5,11 Mb). – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2018. – S. 31–33.

8. *Remneva S. V.* Rassuzhdeniya ob ischeznoventi mogily Antona Manuilovicha Deviyera / Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu [Elektronnyy resurs] : materialy yubileynoy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 300-letiyu rossiyskoy politsii. Sankt-Peterburg, 23–25 aprelya 2018 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Elektronnyye dan. (19,6 Mb). – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2018. – S. 1696–1700.
9. *Stotskiy A. P.* Sankt-Peterburgskaya politsiya: korporativnaya blago-tvoritel'nost' v nachale XX veka / Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu [Elektronnyy resurs] : materialy yubileynoy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 300-letiyu rossiyskoy politsii. Sankt-Peterburg, 23–25 aprelya 2018 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Elektronnyye dan. (19,6 Mb). – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2018. – S. 813–817.
10. *Nizhnik N. S., Nudnenko L. A.* Politsiya i grazhdanskoye obshchestvo: napravleniya i formy partnerskogo vzaimodeystviya (po materialam mezhdunarodnoy konferentsii) // Grazhdanskoye obshchestvo v Rossii i za rubezhom. – 2018. – № 4. – S. 43–48.
11. *Lyasovich T. G., Nizhnik N. S., Silkin N. N.* Stanovleniye, evolyutsiya i sovremennoye sostoyaniye politsii Rossii kak predmet nauchnykh issledovaniy // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. – 2018. – № 12. – S. 141–163.
12. *Nizhnik N. S., Nudnenko L. A.* Problemy sovershenstvovaniya normativnoy osnovy i praktiki deyatel'nosti politsii v Rossii // Gosudarstvo i pravo. – 2018. – № 4. – S. 110–117.
13. *Nizhnik N.* 300 years in the service to the native land: specifics of the regional development of the police bodies in the Russian empire (on the materials of the jubilee international scientific conference held at St Petersburg university of the Ministry of internal affairs) // Historia provinciae. – 2019. – T. 3. – № 1. – P. 505–522.
14. *Nizhnik N. S.* Pravookhranitel'naya sistema Rossiyskoy imperii: spetsifika sub'yektnogo sostava / Yuridicheskaya nauka: traditsii i innovatsii : sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov, magistrantov, aspirantov i prepodavateley. – Velikiy Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy universitet imeni Yaroslava Mudrogo, 2019. – S. 202–208.
15. *Nizhnik N. S., Nudnenko L. A.* Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu // Gosudarstvo i pravo. – 2019. – № 6. – S. 138–145.
16. *Nizhnik N. S.* Ad'yunkty Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii: nauchno-issledovatel'skaya deyatel'nost' v kontekste 300-letiya politsii Rossii / Pravookhranitel'naya deyatel'nost' organov vnutrennikh del v kontekste sovremennykh nauchnykh issledovaniy [Elektronnyy resurs] : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 7 dekabrya 2018 goda / sost. E. Kh. Mamedov. – Elektron. dan. (3,78 Mb). – Sankt-Peterburg, 2019. – S. 267–296.
17. *Nizhnik N. S., Nudnenko L. A.* Istoriya Rossiyskoy imperii v kontekste teoretiko-pravovogo analiza (k 300-letiyu Rossiyskoy imperii) // Gosudarstvo i pravo. – 2021. – № 11. – S. 186–195.
18. *Nizhnik N. S., Kvitchuk A. S., Andreyeva I. A., Chimarov S. Yu., Zmerzlyy B. V.* Obespecheniye bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: genezis si-stemy v Rossiyskom gosudarstve : monografiya – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2021. – 292 s.
19. *Kolpakidi A. I., Sever A.* Spetssluzhby Rossiyskoy Imperii: uni-kal'naya entsiklopediya. – Moskva: Eksmo: Yauza, 2010. – 765 s.
20. *Tropov I. A.* Posledniy oplot rezhima: politsiya v usloviyakh Fevral'skoy revolyutsii 1917 goda : materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «210 let MVD Rossii: istoriya i sovremennost'». Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 21 sentyabrya 2012 g.; V 4 ch. – CH. 3. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2013. – S. 191–195.
21. «*Okhranka*». Vospominaniya rukovoditeley politicheskogo syska : v dvukh tomakh. – Tom 1. – Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye, 2004. – 512 s.
22. *Remneva S. V.* Gibel' zhandarmskogo generala / Sledstviye prodolzha-yetsya: V 5 kn. – Kniga 5. – Sankt-Peterburg: Pervyy klass. 2012. – S. 239–261.
23. *Remneva S. V.* Tayna gibeli zhandarmskogo generala / Politicheskaya istoriya Rossii: proshloye i sovremennost'. Istoricheskiye chteniya. – Vypusk IX. «Gorokhovaya, 2», 2011 / pod red. A. M. Kulegina. – Sankt-Peterburg: Norma. 2012. – S. 61–69.
24. *Remneva S. V.* Petrogradskaya politsiya v dni Fevral'skoy revolyutsii : materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «210 let MVD Rossii: istoriya i sovremennost'». Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 21 sentyabrya 2012 g. V 4 ch. – CH. 3. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2013. – S. 195–200.
25. *Solov'yev I. N.* Vernost' prisyage (300-letiyu Rossiyskoy politsii posvyashchayetsya) // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2016. – № 1 (37), mart. – S. 104–108.
26. *Petr Arkad'yevich Stolypin.* Kolleksiya materialov iz sobraniya Sa-ratovskogo oblastnogo muzeya krayevedeniya : illyustrirovannyi katalog / Ministerstvo kul'tury Saratovskoy obl., Saratovskiy oblastnoy muzey krayevedeniya; [sost. L. V. Makovtseva] – Saratov: Novyy veter, 2012. – 384 s.
27. *Remneva S. V.* Ob issledovanii obstoyatel'stv, daty gibeli i mesta zakhoroneniya generala Volkova Ivana Dmitriyevicha // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2011. – № 1 (49). – S. 32–39.
28. *Zavarzin P. P.* Zhandarmy i revolyutsionery / «Okhranka». Vospominaniya rukovoditeley politicheskogo syska: v dvukh tomakh. – Tom 1. – Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye, 2004. – 738 s.
29. *Globachev K. I.* Pravda o russkoy revolyutsii: Vospominaniya byvshego nachal'nika Petrogradskogo okhrannogo otdeleniya. – Moskva: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2009. – 738 s.
30. *Mansyrev S. P.* Moi vospominaniya o Gosudarstvennoy dume / Strana gibnet segodnya. Vospominaniya o Fevral'skoy revolyutsii 1917 goda. – Moskva: Kniga, 1991. – S. 95–119.
31. *Krechtnikov A.* Ubityye, ranenyye i ushiblennyye: chto proiskhodilo na ulitsakh v fevrale 17-go. [Elektronnyy resurs] // Internet SMI «Russkaya sluzhba Bi-Bi-Si». – 2017. – 10 marta. <https://www.bbc.com/russian/institutional-38747152> (data obrashcheniya: 10.02.2022).
32. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (Sankt-Peterburg) (RGIA).* – F. 508. – Op. 1. – Yed. khr. № 336. – L. 14.
33. *Dzhunkovskiy V. F.* Vospominaniya: V 2 t. – T. 2. Moskva: Izd-vo im. Sabashnikovykh, 1997. – 685 s.
34. *Lopukhin V. B.* Zapiski byvshego direktora departamenta ministerstva inostrannykh del. – Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, 2008. – 536 s.

Статья поступила в редакцию 21.03.2022; одобрена после рецензирования 03.09.2022; принята к публикации 07.10.2022.

The article was submitted March 23, 2022; approved after reviewing September 3, 2022; accepted for publication October 7, 2022.

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Научная статья
УДК 342.749; 342.98
doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-54-59

Владимир Анатольевич Винокуров
доктор юридических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0003-0002-3010>, tigp@igps.ru

*Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России
Российская Федерация, 196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149*

Проблемы исполнения неправомерных поручений руководителей государственными служащими в современной России

Аннотация: Государственная служба – важный институт любого государства. В нашей стране необходимость правового регулирования государственной службы и деятельности государственных служащих возникла не так давно – в начале XXI века, а потому закреплённые в федеральных законах новые, не существовавшие ранее нормы из сугубо теоретических предписаний только-только стали переходить в практическую плоскость. Грамотное урегулирование требований федерального закона, в нашем случае – в отношении действий государственного служащего и его руководителя при получении и отдаче (соответственно) незаконного приказа, распоряжения или поручения, позволит сохранить нормальную обстановку в государственном органе, не создавать конфликтных ситуаций, споров, которые могут привести к невыполнению государством своих функций.

Статья посвящена проблеме исполнения государственным служащим полученного им неправомерного (не соответствующего законодательству Российской Федерации) приказа, распоряжения или поручения руководителя (начальника).

Для изучения данной проблемы был осуществлён анализ федеральных законов, в которых содержатся нормы, определяющие действия государственного служащего при получении им от руководителя незаконного приказа, распоряжения, поручения или указания, которое не соответствует нормам законодательства Российской Федерации. Рассмотрены некоторые проблемы, возникающие в указанных случаях, с учётом несовершенства формулировок, а также фактической сложности исполнения установленных норм.

В результате рассмотрения ряда федеральных законов о государственной службе представлены отдельные выводы, касающиеся поставленной проблемы. Принимая во внимание необходимость безусловного соблюдения таких основополагающих для решения поставленного вопроса принципов, к которым относятся принцип законности и принцип защиты государственных служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность, автором сформулировано предложение по внесению изменений в Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации».

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, государственная служба Российской Федерации, виды государственной службы, государственный служащий, обязанности государственного служащего, незаконный приказ, незаконное распоряжение, неправомерное поручение

Для цитирования: Винокуров В. А. Проблемы исполнения неправомерных поручений руководителей государственными служащими в современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4 (96). – С. 54–59; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-54-59.

Vladimir A. Vinokurov

Dr. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0003-0002-3010>, tigp@igps.ru

Saint Petersburg University State Fire Service EMERCOM of Russia
149, Moskovsky pr., Saint Petersburg, 196105, Russian Federation

Problems of execution of illegal orders of managers by civil servants in modern Russia

Abstract: Public service is an important institution of any state. In our country, the need for legal regulation of the public service and the activities of civil servants arose not so long ago – at the beginning of the 21st century, and therefore the new norms established in federal laws that did not exist before from purely theoretical prescriptions have just begun to move into practice. Competent regulation of the requirements of the federal law, in our case – in relation to the actions of a civil servant and his manager upon receiving and giving of (respectively) an illegal decision, will allow maintaining a normal situation in a state body; not creating conflict or disputes which may lead to non-compliance of the functions by the state.

The subject of this article is the problem of execution by a civil servant of the illegal (inconsistent with the legislation of the Russian Federation) instructions received from his superior.

To study this problem, an analysis of federal laws was carried out, which contain provisions that determine the actions of a civil servant when he receives an illegal order, resolution, instruction, assignment from his superior, which does not comply with the statutory regulations of the legislation of the Russian Federation. Some problems that arise in these cases are considered, taking into account the imperfection of the wording, as well as the actual complexity of the implementation of the established provisions.

As a result of consideration of a number of federal laws on public service, selected findings are presented regarding the problem posed. Taking into account the need for unconditional observance of such fundamental principles for resolving the issue raised, including the principles of legality of protecting civil servants from unlawful interference in their professional activities, the author formulated a proposal to amend the Federal Law «On the system of public service of the Russian Federation».

Keywords: Constitution of the Russian Federation, civil service of the Russian Federation, types of public service, civil servant, duties of a civil servant, illegal order, unlawful order, illegal assignment

For citation: Vinokurov V. A. Problems of execution of illegal orders of managers by civil servants in modern Russia // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 4 (96). – P. 54–59; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-54-59.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации¹ граждане Российской Федерации имеют равный доступ к государственной службе (часть 4 статьи 32), что проистекает из права граждан Российской Федерации участвовать в управлении делами государства через своих представителей (часть 1 статьи 32).

В целях определения системы и принципов построения государственной службы был принят Федеральный закон «О системе госу-

дарственной службы Российской Федерации»², определяющий систему государственной службы, в которую входят: государственная гражданская служба, военная служба и государственная служба иных видов, правовое регулирование и организация которых осуществляется федеральными законами, а организация гражданской государственной службы субъекта Российской Федерации – законами субъекта Российской Федерации (статья 2). В том же законе зафиксированы основные принципы построения

¹ Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: www.pravo.gov.ru. – 2020. – 4 июля. – № 0001202007040001.

² Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 22. – Ст. 2063.

и функционирования системы государственной службы, среди которых основополагающими, на наш взгляд, являются принцип законности и принцип защиты государственных служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность как государственных органов и должностных лиц, так и физических и юридических лиц (часть 1 статьи 3). Следует полагать, что правовое регулирование и организация государственной службы всех видов должны строиться на основе установленных принципов, включая названные.

В первом законодательном акте, касающемся организации государственной службы Российской Федерации, – Федеральном законе «Об основах государственной службы Российской Федерации»³, действовавшем в 1995–2004 годах, в статье 10, посвящённой обязанностям государственного служащего, была прописана норма, согласно которой государственный служащий обязывался «исполнять приказы, распоряжения и указания вышестоящих в порядке подчинённости руководителей, отданные в пределах их должностных полномочий, за исключением незаконных» (выделено мной – В.В.), а в статье 14, предусматривавшей ответственность государственного служащего, – требование в случае сомнения в правомерности полученного государственным служащим для исполнения распоряжения в письменной форме незамедлительно сообщить об этом своему непосредственному руководителю, руководителю, издавшему распоряжение, и вышестоящему руководителю. Если же вышестоящий руководитель, а в его отсутствие руководитель, издавший распоряжение, в письменной форме подтверждал указанное распоряжение, государственный служащий обязан был его исполнить, но за исключением случаев, когда такое исполнение являлось административно либо уголовно наказуемым деянием. При этом ответственность за исполнение государственным служащим неправомерного распоряжения нёс подтвердивший это распоряжение руководитель.

В несколько иной формулировке обязанности государственного гражданского служащего (статья 15) прописаны в Федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации»⁴, пришедшем в 2004 году на смену вышеуказанному. Вначале говорится о том, что гражданский служащий не вправе исполнять данное ему неправомерное поручение и при его получении должен представить в письменной форме обоснование неправомерности данного поручения с указанием положений законодательства Российской Федерации, которые могут быть нарушены при исполнении данного поручения, а получив от руководителя подтверждение этого поручения в письменной форме, обязан отказаться от его исполнения. Далее указанный закон предусматривает ответ-

ственность не только руководителя, но и гражданского служащего, если последний исполнил неправомерное поручение. К сожалению, отсутствует норма, поясняющая действия государственного служащего в случае неподтверждения руководителем данного ранее поручения, в котором усомнился подчинённый. На наш взгляд, в этой ситуации поручение должно считаться несостоявшимся.

По нашему мнению, формулировка Федерального закона «Об основах государственной службы Российской Федерации» была понятнее и могла быть реализована без возникновения конфликта между государственным служащим и его руководителем. При изложении рассматриваемых норм в Федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации» законодатель, надо полагать, пытался исключить исполнение заведомо незаконных поручений, но в результате реализовать данную норму без ущерба для государственного служащего, государственного органа и государства в целом оказалось практически невозможно. О проблемах реализации данных норм учёные регулярно заявляют в своих работах. Так, М. А. Лапина полагает, что «на практике такой алгоритм действий гражданского служащего в случае получения от руководителя неправомерного поручения может не привести к желаемым результатам» [2, с. 170]. Рассматривая вышеизложенные законодательные нормы, А. А. Демин делает совершенно справедливый вывод: «Из приведённого текста следует, что подчинённый должен объяснить своему руководителю, как правильно трактовать закон, который руководитель, по его мнению, нарушает. Это малореальная ситуация в нормальном государственном аппарате» [1, с. 3]. Действительно, как отмечает А. В. Сигарев, «гражданский служащий попадает в весьма затруднительную ситуацию: в кратчайшее время он должен дать правовую оценку полученного распоряжения, сформулировать и составить письменное возражение, найти в себе смелость представить его руководителю, а потом решиться на “дерзость” отказаться выполнять противоправное поручение» и далее: «Гражданский служащий вынужден выбирать одно из двух зол: выполнив противоправное распоряжение, он может быть привлечён к ответственности ... Отказавшись его выполнять, он вступает в конфликт с руководителем, от которого зависит его дальнейшая карьера» [3, с. 56].

Следует обратить внимание на то, что нормы утратившего силу Федерального закона «Об основах государственной службы Российской Федерации» распространялись на всех государственных служащих независимо от вида государственной службы. Нормы же Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» действуют в отношении государственных гражданских служащих (федеральных и субъекта Российской Федерации), а также государственных служащих иных видов государственной службы, но только

³ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 31. – Ст. 2990.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.

в случае, если в специальном федеральном законе предусматривается отсылка к нормам данного Федерального закона.

Военнослужащим в соответствии с Федеральным законом «О статусе военнослужащих»⁵ предоставляется право на обжалование неправомερных решений и действия (бездействия) органов военного управления и командиров «в порядке, предусмотренном федеральными законами, общевоинскими уставами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации» (пункт 2 статьи 21). Уставом внутренней службы Вооружённых Сил Российской Федерации, утверждённым Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 года № 1495⁶, предусмотрено, что приказ (приказание) командира (начальника) должен соответствовать федеральным законам, общевоинским уставам и приказам вышестоящих командиров (начальников); что командирам (начальникам) запрещается отдавать приказы (приказания), направленные на нарушение законодательства Российской Федерации; что в случае, если командиром (начальником) такой приказ (приказание) будет отдан, то ответственность возлагается на этого командира (начальника). При этом военнослужащий, не согласный с таким приказом, может обжаловать данный приказ только после его выполнения (статьи 41 и 43).

Сотрудники таможенных органов обязаны «выполнять приказы и распоряжения начальников таможенных органов, отданные в пределах их должностных полномочий, за исключением заведомо незаконных»⁷. Для сотрудника органа внутренних дел обязательным является «выполнение приказов и распоряжений руководителей (начальников), отданных в установленном порядке и не противоречащих федеральному закону»⁸. Сотрудники федеральной противопожарной службы обязаны «руководствоваться законодательством Российской Федерации при получении приказа либо распоряжения прямого руководителя (начальника) или непосредственного руководителя (начальника), заведомо противоречащих законодательству Российской Федерации»⁹. Обязательным для сотрудников, проходящих службу в органах принудительного исполнения, является «исполнение приказов

и распоряжений руководителей (начальников), отданных в установленном порядке и не противоречащих федеральному закону»¹⁰.

Как видим, формулировки в законах различные, размещены в статьях, регулирующих различные вопросы (принципы, обязанности и др.), то есть не имеют определённого места в нормативном правовом акте. Однако самым существенным является то, что данные нормы сформулированы весьма нечётко (например, для сотрудников противопожарной службы) или порождают вопросы (например, как поступать сотруднику органа внутренних дел или сотруднику органа принудительного исполнения при получении приказа, противоречащего, скажем, Указу Президента Российской Федерации).

Интересная формулировка содержится в Федеральном законе «О полиции»¹¹, по которой сотрудник полиции не может в оправдание своих действий (бездействия) при выполнении служебных обязанностей ссылаться, в частности, на незаконные требования, приказы и распоряжения вышестоящих должностных лиц. Данное требование можно рассматривать, скорее, как дополнение к главному: запрету на исполнение незаконных поручений (приказов, распоряжений).

Прочитанные нормы федеральных законов, которыми регулируется деятельность военной службы и государственной службы иных видов, позволяют сделать вывод, что вопросы, связанные с неисполнением государственным служащим заведомо незаконных, неправомερных, противоречащих законодательству приказов, распоряжений, указаний, поручений (далее также – поручения) руководителя, регулируются по-разному, не прописывается процедура, которая, с одной стороны, должна позволить избежать выполнения незаконных поручений, наносящих вред не только государственному органу, но и государству в целом, а с другой стороны, не должна создавать конфликтную ситуацию между государственным служащим и его руководителем.

В результате различные формулировки федеральных законов, разные подходы к разъяснению интересующих нас норм, причём зачастую в пользу руководителя, который обычно понимает незаконность отданного поручения, но полагает, что таким именно образом можно решить задачи, стоящие перед ним и государственным органом, который он представляет. И такой подход, безусловно являющийся ошибочным, превращается в систему, поскольку, к сожалению, фактический уровень образования отдельных руководителей недостаточен,

⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 22. – Ст. 2331.

⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 47 (ч. I). – Ст. 5749.

⁷ См. подпункт 3 пункта 1 статьи 17 Федерального закона «О службе в таможенных органах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 30. – Ст. 3586.

⁸ См. пункт 3 части 3 статьи 4 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 49 (ч. I). – Ст. 7020.

⁹ См. пункт 2 части 1 статьи 12 Федерального закона «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 22. – Ст. 3089.

¹⁰ См. пункт 3 части 3 статьи 4 Федерального закона «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 40. – Ст. 5488.

¹¹ См. часть 4 статьи 6 Федерального закона «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

у них нередко отсутствует опыт выполнения поручаемой подчинённому работы или хотя бы понимания технологии её исполнения, а также умение грамотно организовать деятельность вверенной государственной структуры.

Решение рассматриваемой проблемы часто кроется не только в незнании отдельными руководителями норм законодательства Российской Федерации, что объясняется в том числе назначением на должности руководителей по принципу родства, свойства или угодничества, но и в полном бесправии государственного служащего, который настолько зависим от руководителя, что в нормальном деловом общении не может объяснить законодательную неправоту поручения руководителя. Своеобразному попустительству способствует и отсутствие какой бы то ни было ответственности подобных руководителей. Несомненно, если бы руководители предвидели и понимали наступление серьёзных последствий за отданное непропорциональное поручение, то желающих «насладиться властью» в таком аспекте было бы гораздо меньше.

На наш взгляд, для всех видов государственной службы должны быть выработаны идентичные правовые нормы, позволяющие грамотно поступать в ситуациях, возникающих при получении государственным служащим от своего руководителя непропорционального поручения. За основу можно взять подход к исполнению приказа, не соответствующего законодательству Российской Федерации, принятый для военнослужащих, что, по нашему мнению, позволит снизить количество непропорциональных поручений. Для решения данной задачи возможно включение общей нормы в Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации», поскольку данный федеральный закон распространяется на все виды государственной службы.

Несомненно, государственная служба – важный институт любого государства. В нашей стране необходимость правового регулирования государственной службы и деятельности государственных служащих возникла не так давно – в начале XXI века, а потому закреплённые в федеральных законах новые, не существовавшие ранее нормы из сугубо теоретических предписаний только-только стали переходить в практическую плоскость. Грамотное урегулирование требований федерального закона, в нашем случае – в отношении действий государственного служащего и его руководителя при получении и отдаче (соответственно) незаконного поручения, позволит сохранить нормальную обстановку в государственном органе, не создавать конфликтных ситуаций, споров, которые могут привести к невыполнению государством своих функций.

Учитывая изложенное, предлагается дополнить статью 10 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» новыми пунктами 5 и 6 следующего содержания:

«5. Государственный служащий обязан исполнять возложенные на него в установленном

порядке обязанности, а также выполнять приказы, распоряжения, указания и поручения (далее – распоряжения) непосредственного руководителя, отданные в пределах его полномочий, за исключением незаконных. Своё мнение о несоответствии распоряжения нормам законодательства Российской Федерации государственный служащий обязан в любой доступной форме сообщить руководителю, отдавшему незаконное распоряжение, и в случае подтверждения данным руководителем в письменной форме отданного распоряжения выполнить его. Распоряжение, которое в результате не было письменно подтверждено, считается неотданным.

Ответственность за исполненное государственным служащим распоряжение, противоречащее законодательству Российской Федерации, которое было подтверждено руководителем, несёт руководитель, его отдавший.

Руководитель государственного служащего, обязавший исполнить распоряжение, противоречащее законодательству Российской Федерации, подлежит привлечению к дисциплинарной, административной или уголовной ответственности.

6. Распоряжения, отданные руководителем в период действия режимов военного положения или чрезвычайного положения, в условиях чрезвычайной ситуации или проведения контртеррористической операции государственному служащему, осуществляющему действия, направленные на спасение жизни и здоровья людей, имущества, на сохранение основ конституционного строя и государственной целостности Российской Федерации, выполняются без какого-либо подтверждения.

Руководитель государственного служащего, отдавший в указанных в настоящем пункте условиях распоряжение, которое в дальнейшем признано несоответствующим нормам законодательства Российской Федерации, может быть освобождён от ответственности в зависимости от обстановки, в которой это распоряжение принималось».

На основании данной поправки (в случае её принятия) должны быть изменены или дополнены нормы федеральных законов, регламентирующих прохождение всех видов государственной службы, включая службу в органах федеральной противопожарной службы и службу в органах внутренних дел Российской Федерации.

Предложенная формулировка, определяющая, как следует поступать государственному служащему при получении непропорционального распоряжения руководителя, позволит, на наш взгляд, сократить количество отдаваемых государственным служащим незаконных приказов, распоряжений, указаний и поручений, повысить качество принимаемых руководителями решений, соблюдать принцип законности в деятельности государственных служащих, а также будет способствовать дальнейшему формированию Российской Федерации как правового государства.

Список литературы

1. Демин А. А. Проблема правомерности действий государственного служащего при получении незаконного приказа руководителя // Административное право и процесс. – 2010. – № 4. – С. 3–7.
2. Лапина М. А. Реализация исполнительной власти в Российской Федерации: монография. – Москва: Издательство Института проблем риска, 2006. – 238 с.
3. Сигарев А. В. Действия государственного гражданского служащего при получении незаконного приказа руководителя: правовые и психологические аспекты // Административное право и процесс. – 2022. – № 1. – С. 55–57.
4. Булавин С. П., Черников В. В. Правовой статус сотрудника полиции // Административное право и процесс. – 2011. – № 9. – С. 2–10.
5. Левин П. Обязательность приказов для государственных служащих // Законность. – 2000. – № 10. – С. 30–33.
6. Матвиенко Г. В. Особенности дисциплинарной ответственности сотрудников таможенных органов // Современное право. – 2011. – № 4. – С. 107–111.
7. Мирошниченко Я. В. Особенности административно-правового статуса государственных гражданских служащих таможенных органов Российской Федерации // Административное и муниципальное право. – 2010. – № 12. – С. 17–23.
8. Назарова Е. А. Права военнослужащих как объект правозащитной деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Военно-юридический журнал. – 2009. – № 7. – С. 8–21.
9. Третьяков М. А. О некоторых особенностях реализации законодательства о государственной гражданской службе в Министерстве обороны Российской Федерации // Право в Вооружённых Силах. – 2009. – № 10. – С. 66–73.
10. Хабидулина О. В. Правовой режим государственной службы // Lex russica. – 2013. – № 8. – С. 847–856.

References

1. Demin A. A. Problema pravomernosti deystviy gosudarstvennogo sluzhashchego pri poluchenii nezakonnogo prikaza rukovoditelya // Administrativnoye pravo i protsess. – 2010. – № 4. – S. 3–7.
2. Lapina M. A. Realizatsiya ispolnitel'noy vlasti v Rossiyskoy Federatsii: monografiya. – Moskva: Izdatel'stvo Instituta problem riska, 2006. – 238 s.
3. Sigarev A. V. Deystviya gosudarstvennogo grazhdanskogo sluzhashchego pri poluchenii nezakonnogo prikaza rukovoditelya: pravovyye i psikhologicheskiye aspekty // Administrativnoye pravo i protsess. – 2022. – № 1. – S. 55–57.
4. Bulavin S. P., Chernikov V. V. Pravovoy status sotrudnika politsii // Administrativnoye pravo i protsess. – 2011. – № 9. – S. 2–10.
5. Levin P. Obyazatel'nost' prikazov dlya gosudarstvennykh sluzhashchikh // Zakonnost'. – 2000. – № 10. – S. 30–33.
6. Matvienko G. V. Osobennosti distsiplinarnoy otvetstvennosti sotrudnikov tamozhennykh organov // Sovremennoye pravo. – 2011. – № 4. – S. 107–111.
7. Miroshnichenko Ya. V. Osobennosti administrativno-pravovogo statusa gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh tamozhennykh organov Rossiyskoy Federatsii // Administrativnoye i munitsipal'noye pravo. – 2010. – № 12. – S. 17–23.
8. Nazarova E. A. Prava voennosluzhashchikh kak ob»ekt pravozashhitnoy deyatel'nosti Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoy Federatsii // Voенno-yuridicheskij zhurnal. – 2009. – № 7. – S. 8–21.
9. Tretyakov M. A. O nekotorykh osobennostyakh realizatsii zakonodatel'stva o gosudarstvennoy grazhdanskoy sluzhbe v Ministerstve oborony Rossiyskoy Federatsii // Pravo v Vooruzhennykh Silakh. – 2009. – № 10. – S. 66–73.
10. Khabibulina O. V. Pravovoy rezhim gosudarstvennoy sluzhby // Lex russica. – 2013. – № 8. – S. 847–856.

Статья поступила в редакцию 20.06.2022; одобрена после рецензирования 02.12.2022; принята к публикации 12.12.2022.

The article was submitted June 20, 2022; approved after reviewing December 2, 2022; accepted for publication December 12, 2022.

Научная статья
УДК 347.77/78
doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-60-66

Михаил Владимирович Трегубов

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0001-9381-7551>, tregubov-mv@ranepa.ru

*Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Российская Федерация, 199004, Санкт-Петербург, Средний проспект В.О., д. 57/43*

Сергей Иванович Шукшин

кандидат юридических наук

<https://orcid.org/0000-0002-4645-7511>, mo21shukshin@mail.ru

*Санкт-Петербургский государственный институт культуры
Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 2.*

Выбор способа защиты интеллектуальных прав

Аннотация: В настоящее время признаётся, что интеллектуальная собственность и интеллектуальные права – одна из основ современного делового мира, оказывающая значительное влияние на развитие экономики. Поэтому вопросы выбора способа защиты интеллектуальных прав являются предметом непрекращающихся дискуссий. Авторы анализируют проблему в двух аспектах: с точки зрения государственной и международной политики и с точки зрения возможности защиты своих интеллектуальных прав участниками гражданского оборота. Цель исследования – изучить механизм защиты прав интеллектуальной собственности, а также исследовать проблемы компенсации морального вреда и самозащиты в сфере интеллектуальной собственности. В ходе подготовки статьи использовались общенаучные логические методы, а также частноправовой формально-юридический метод. Авторы отмечают, что конфликт между интересами правообладателя исключительных прав, с одной стороны, и общими правами на участие и доступ, с другой, является характерной чертой современного общества и культуры, поэтому интеллектуальная собственность и интеллектуальные права представляют интерес не только как юридический институт, но и как культурная модель и социально-экономический механизм. С развитием цифровых технологий сам принцип исключительности интеллектуальных прав всё чаще оспаривается в теории и на практике, что закономерно ведёт к пересмотру сложившихся представлений о защите указанных прав.

Ключевые слова: интеллектуальные права, интеллектуальная собственность, исключительные права, защита интеллектуальных прав, способы защиты, самозащита

Для цитирования: Трегубов М. В., Шукшин С. И. Выбор способа защиты интеллектуальных прав // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4 (96). – С. 60–66; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-60-66.

Mikhail V. Tregubov

Cand. Sci (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0001-9381-7551>, tregubov-mv@ranepa.ru

*Northwest Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation
57/43, Sredny Prospekt V. O., Saint Petersburg, 199004, Russian Federation*

Sergey I. Shukshin

Cand. Sci (Jurid.)

<https://orcid.org/0000-0002-4645-7511>, mo21shukshin@mail.ru

*Saint Petersburg State University of Culture
2, Palace Embankment, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation*

Choice of intellectual rights protection method

Abstract: The world community recognizes that intellectual property and intellectual rights are one of the foundations of the modern business world. The issues of choosing ways to protect intellectual property rights are the subject of constant discussions. The authors analyze the problem in two aspects: from the point of view of state and international policy and from the point of view of the possibility of protecting their intellectual rights by participants in civil turnover. The purpose of the study is to study the mechanism of intellectual property rights protection, as well as to study the problems of compensation for moral damage and self-defense in the field of intellectual property. When preparing the article, general scientific logical methods were used, as well as a private formal legal method. The authors note that the conflict between the interests of the copyright holder of exclusive rights, on the one hand, and the general rights of participation and access, on the other, is a characteristic feature of modern society and culture, therefore intellectual property and intellectual rights are of interest not only as a legal institution, but also as a cultural model and socio-economic mechanism. With the development of digital technologies, the very principle of exclusivity of intellectual rights is increasingly being questioned both in theory and in practice, which naturally leads to a revision of existing ideas about the protection of these rights.

Keywords: intellectual property rights, intellectual property, exclusive rights, protection of intellectual rights, methods of protection, self-defense

For citation: Tregubov M. V., Shukshin S. I. Choice of intellectual rights protection method // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 4 (96). – P. 60–66; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-60-66.

В российском правовом поле термин «интеллектуальные права» был закреплен с принятием в 2006 году части 4 ГК РФ. Законодатель не сформулировал его определение, однако в ст. 1226 ГК РФ указано, что таковыми правами признаются исключительное право, являющееся имущественным правом, а также личные неимущественные права и иные права (право следования, право доступа и др.) на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации. Таким образом в наиболее общем смысле интеллектуальные права – это субъективные права на интеллектуальную собственность.

Введение интеллектуальной собственности является одним из крупных институциональных и правовых нововведений конца XVIII – начала XIX веков. Интеллектуальная собственность предполагает необходимость правовой защиты, предоставляемой определённым производителям новых знаний (авторам, изобретателям и т. д.), которые таким образом обладают исключительными правами на использование своих творений (произведений, изобретений и т. д.). Помимо юридического аспекта, история интеллектуального права – это политическая и культурная история, в частности, отношения между защитой творца как собственника и защитой культуры и науки как общего блага человечества. Сейчас не вызывает сомнений необходимость знаний и инноваций для развития экономической деятельности. Сегодня интеллектуальная собственность – это основа бизнеса, интеллектуальные права позволяют защищать инновации в продуктах и услугах; повысить узнаваемость, привлекательность и ценность продукции на рынке; выделить компанию и её продукцию среди конкурентов; ограничить доступ к технической и коммерческой информации и знаниям. Таким образом, интел-

лектуальная собственность и интеллектуальные права являются одной из основ современного делового мира [1, с. 12].

Защита интеллектуальной собственности и интеллектуальных прав играет важную роль в развитии экономики страны.

Рассмотрим выбор способа защиты интеллектуальных прав в двух аспектах: с точки зрения государственной и международной политики в этой сфере и с точки зрения возможности защиты своих интеллектуальных прав участниками гражданского оборота.

Теоретические дебаты о легитимности интеллектуальной собственности ведутся в рамках двух подходов. Первый подход, эссенциалистский, состоит в мобилизации локковской теории труда (теории естественного права) или кантовской концепции личности: автор будет собственником своих произведений, потому что они являются плодом его труда или продолжением его личности [2, с. 107]. Крайнее проявление такого подхода – провозглашение защиты универсальной интеллектуальной собственности, неограниченной по продолжительности и свободно передаваемой. Другой подход – утилитаризм: интеллектуальная собственность оправдана, если она увеличивает общественное благосостояние [3]. Но если, с одной стороны, это способствует творчеству и изобретательству – на это обычно обращают внимание защитники патентов на программы или укрепление авторского права в интернете, – с другой стороны, это может привести к таким негативным последствиям, как блокирование будущих инноваций и творений благодаря упрямствующим стратегиям правообладателей.

Полагаем, что интеллектуальные права важны как стимул для творческой работы. Любопытно, кто вкладывает свое время в создание чего-то художественного, творческого или научного,

также должен иметь возможность извлечь из этого пользу и превратить творчество в деньги. Кроме того, он должен быть защищён от третьих лиц, незаконно использующих плоды творческого труда.

В случае с классической собственностью, развивающейся на протяжении многих сотен лет, существует широкий общественный консенсус. Признание и защита интеллектуальной собственности не столь очевидны. Здесь переплетаются интересы самого творца, правообладателя и пользователя. Эти интересы должны быть сбалансированы. Как оценить прирост или потерю общественного благосостояния в результате увеличения интеллектуальной собственности?

С одной стороны, патент и авторское право действуют как механизм стимулирования инвестиций в производство знаний и новых произведений, вознаграждая изобретателя и автора и повышая уровень частной прибыльности, ожидаемой от их производства. Рынок, не регулируемый интеллектуальной собственностью, наоборот, снизит ожидаемую прибыль и приведёт к тому, что имитаторы и пираты будут выбирать только произведения и изобретения, приносящие чистую прибыль (успешные фильмы, пользующиеся спросом лекарства и т. д.), оставляя только законных производителей нести бремя ответственности и затраты на изобретение или создание (практически безвозвратные).

С другой стороны, устанавливая исключительные права как общее правило, интеллектуальная собственность фактически ограничивает использование знаний. Поэтому для утилитарного подхода этот компромисс – посредственный, не обеспечивающий максимального распространения знаний и культуры даже при нулевой стоимости этого распространения. Это оправдывает такие институциональные положения, как существование общественного достояния, обязательство публиковать патенты или исключения из авторского права, такие как право на краткое цитирование и частное копирование. Помимо этого компромисса между «стимулированием и распространением» стратегическое использование интеллектуальной собственности может также создавать социальные издержки. Например, компании могут быть заинтересованы в ограничении распространения инноваций или работ, которые они используют для создания дефицита и получения прибыли (повышать трансфертные цены, иметь монополию). Они могут зарегистрировать, но не использовать патент («спящий» патент), чтобы помешать конкурентам, или отказаться передать интеллектуальные права на новый способ использования, чтобы предотвратить конкуренцию. Такие стратегии тем более разрушительны, что творчество и изобретение являются не только производством знания, они также представляют собой последовательные процессы, требующие предшествующего приобретения и усвоения знаний ранее существовавших работ.

Конфликт по поводу соотношения между исключительными правами, с одной стороны,

и общими правами на участие и доступ, с другой, является структурной чертой современного общества и культуры. Поэтому с культурной, социальной, правовой и экономической точек зрения интеллектуальная собственность и интеллектуальные права представляют интерес не только как юридический институт, но и как культурная модель и социально-экономический механизм. Международный режим интеллектуальной собственности основан на принципах взаимного признания национальных интеллектуальных прав, равного отношения к иностранцам и гражданам в соответствующем национальном патентном и авторском праве и гармонизации законодательства [4]. Нравственные, правовые, институциональные и организационные основы международной охраны прав интеллектуальной собственности были заложены в 1880-х годах: Конвенция Парижского союза, основанного в 1883 г., регулировала международную патентную охрану, а Бернский союз, основанный в 1886 г., регулировал международную защиту литературной и художественной собственности. В 1967 г. Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) стала новой зонтичной организацией и возглавила расширение режима прав интеллектуальной собственности с глобальным охватом. Международно-правовую базу для защиты интеллектуальных прав в настоящее время составляют Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), принятые Всемирной торговой организацией (ВТО) в апреле 1994 г., Договор ВОИС по авторскому праву (1996 год), Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам (1996 год). В этих нормативных правовых актах используется подход, благоприятствующий правам интеллектуальной собственности (в том числе и виртуальном мире), а не публичному пользователю произведений. Содействуя защите владельцев интеллектуальной собственности, эти договоры устанавливают лишь исключительные ограничения интеллектуальных прав и открывают возможность широкой договорной практики как метода распространения результатов интеллектуальной деятельности. Таким образом, можно сделать вывод, что на уровне государственной и международной политики сделан выбор в пользу коммерческой логики защиты интеллектуального права: речь идёт, согласно очень старой риторике, о защите экономических и интеллектуальных инвестиций.

Однако развитие цифровых технологий заставляет по-новому рассмотреть вопросы эффективности интеллектуальной собственности и защиты интеллектуальных прав [5, с. 29]. Как и в других областях, цифровые технологии оказались хорошим индикатором противоречий и дисфункций интеллектуальной собственности как с точки зрения её соответствия социальным практикам, так и с точки зрения средств её реализации. Мы являемся свидетелями радикальной трансформации способов производства, распределения и потребления интеллектуальных продуктов. Нелегальное ска-

чивание отражает сложность установления цен на товары в экономике с нулевыми предельными издержками, требует поиска других форм финансирования для авторов и правообладателей, а также защиты их исключительных прав. Исключительность интеллектуальных прав может поддерживаться с помощью систем защиты от копирования. Но последние весьма уязвимы. Технические обходные пути следуют один за другим, разрабатываются все более изощрённые технологии нейтрализации, анонимизации и обмена, с которыми все труднее бороться, разве что ставя под сомнение сам принцип функционирования интернета.

Предположим, что эти проблемы решены, технические средства эффективны достаточно, чтобы маргинализировать любую незаконную практику обмена. Не будет ли сохранение принципа исключительности в таких условиях нарушением требуемого баланса, сочетающего достаточное вознаграждение авторов, доступ обществу к широкому культурному разнообразию, сохранение инноваций и уважение к личным свободам? Пока однозначного ответа на этот вопрос нет. В настоящее время наиболее перспективной представляется разработка идеи о глобальной лицензии [6], основанной на добровольной оплате интернет-пользователями или даже сбор с оборота основных операторов контента. Такие лицензии обязывали бы авторов уступить свои права любому, готовому выплатить им компенсацию, и использовать их произведения в соответствии со своими интеллектуальными правами.

Обращаясь к вопросу защиты своих интеллектуальных прав участниками гражданского оборота, рассмотрим национальные способы защиты.

В российском законодательстве интеллектуальные права – один из видов авторских прав. В юридической литературе в широком смысле под защитой гражданских прав понимается возможность человека отстаивать свои законные права и интересы, используя любые разрешённые законом способы защиты [7]. Таким образом, защита предполагает участие нескольких субъектов: того, кто желает быть защищаемым, и того, кто будет эту защиту обеспечивать, а в ряде случаев и того, от чьих действий защищаются. Отметим, что для осуществления авторских прав не требуется прохождения какой-либо процедуры, они возникают автоматически при создании произведения при условии, что оно соответствует определённым условиям формы и оригинальности. Что касается изобретений, то они должны быть новыми, неочевидными и предназначенными для промышленного применения. Чтобы быть признанными, права изобретателя требуют оформления патента с соблюдением формальностей, связанных с составлением проекта и подачей заявки.

Следует признать, что легального определения «защита права» в гражданском законодательстве не содержится. В настоящее время научные подходы к пониманию сущности «за-

щиты гражданских прав» ещё не оформились, однако все исследователи отмечают безусловную связь деятельности по защите прав с неким материально-правовым основанием, в качестве которого в научной литературе чаще всего рассматривается нарушение права. Ряд авторов основанием для защиты права полагают не только факт нарушения права, но и более ранний аспект – посягательство на право в рамках возникновения реальной угрозы охраняемым правам и интересам [8]. Полагаем, что с подобным подходом нельзя согласиться, поскольку в данном случае происходит смешение понятий «защита гражданских прав» и «охрана гражданских прав». Считаем, что понятие правовой защиты соотносится с понятием правовой охраны как часть и целое, причем правовая защита превентивной направленности, в отличие от охраны, не имеет и применяется лишь в случаях нарушения прав.

Общепризнанного представления о понятии «основания защиты прав» в настоящее время в науке ещё не сложилось, в действующем законодательстве Российской Федерации легального определения оснований защиты прав также не содержится, однако имеются указания на основания и условия применения отдельных способов защиты. Полагаем, что основания для защиты гражданского права следует рассматривать в объективном смысле – как обстоятельства, вызывающие и оправдывающие действия по защите права, и в субъективном смысле – как проявление воли субъекта правоотношения.

В статье 12 ГК РФ обозначены способы защиты прав, которые в цивилистической доктрине делятся на две основные группы: меры защиты гражданских прав и меры ответственности за нарушение гражданских прав. К первой группе мер относятся: признание права; восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; признание оспоримой сделки недействительной и применение последствий её недействительности, применение последствий недействительности ничтожной сделки; признание недействительным решения собрания; признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления; самозащита права; присуждение к исполнению обязанности в натуре; прекращение или изменение правоотношения; неприменение судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону. Ко второй группе отнесены: возмещение убытков; взыскание неустойки; компенсация морального вреда.

Указанный перечень является открытым в легальных пределах. Так, для защиты личных неимущественных прав, согласно статье 1251 ГК РФ, могут быть применены способы признания права, восстановления положения, существовавшего до нарушения права, пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, компенсации морального вреда, публикации решения суда о допущенном нарушении, а при защите чести, достоинства

и деловой репутации – путём опровержения, возмещения убытков и компенсации морального вреда. Защита исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и на средства индивидуализации осуществляется в соответствии со ст. 1252–1253 ГК РФ, в частности, путём предъявления требований о признании права, о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения (например, об удалении информации, нарушающей исключительные права, или об ограничении доступа к ней), о возмещении убытков, об изъятии материального носителя, о публикации решения суда о допущенном нарушении с указанием действительного правообладателя, ликвидация юридического лица и прекращение деятельности индивидуального предпринимателя, выплата компенсации. Также ст. 1301 ГК РФ предусматривает в качестве специального способа защиты исключительных прав предоставление права автору произведения требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации:

1) в размере от десяти тысяч рублей до пяти миллионов рублей, определяемом по усмотрению суда, исходя из характера нарушения;

2) в двукратном размере стоимости контрафактных экземпляров произведения;

3) в двукратном размере стоимости права использования произведения, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование произведения тем способом, который использовал нарушитель.

Предоставляя право на защиту и определив способы такой защиты, законодатель обязывает реализовывать их в рамках соответствующих форм защиты. В вопросе классификации и определения понятия «форма защиты гражданских прав» так же, как и в подходах к «способам защиты», единства мнений в цивилистической теории не наблюдается. Разделение формы на юрисдикционную и неюрисдикционную в настоящее время в отечественной цивилистике преобладает [9, с. 162].

Юрисдикционная форма защиты предполагает обращение управомоченного лица за защитой своих прав (нарушенных либо оспариваемых) к уполномоченным государством органам – суду, либо в случаях, прямо указанных в законе, – к административным органам, а также нотариусам. Реализация защиты интеллектуальных прав через неюрисдикционную форму происходит посредством защиты правообладателей без обращения в государственные органы. Обычно такая форма выражается в направлении претензионных писем нарушителям интеллектуальных прав и в указанных законом случаях обязательно предшествует судебной защите.

Форма защиты является разновидностью правовой деятельности субъекта по защите права на порядок. Способ защиты представляют предусмотренные законом действия, целью которых является восстановление нарушенного права, подтверждение оспариваемого права либо ре-

ализация охраняемого законом интереса. Средство защиты трактуется как требования заинтересованного лица, выраженное в определенной форме – иск, претензия и т. п., о необходимости осуществлять меры защиты. Полагаем, что форма, способ и средство защиты гражданских прав представляют собой элементы более сложного правового явления, которое можно назвать механизмом правовой защиты гражданских прав.

Право на выбор определённого способа защиты прав является важнейшим компонентом права правообладателя на защиту, которое представляет собой обеспеченное охранительными гражданско-правовыми нормами субъективное гражданское право. Такая позиция согласуется с общими принципами гражданского права, установлениями Конституции РФ и судебной практикой. Верховный Суд РФ¹, исходя из положений ст. 45, 46 Конституции РФ и ст. 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, полагает невозможным отказать в иске по мотивам неприемлемости избранного истцом способа защиты. Выбор способа защиты нарушенного интеллектуального права осуществляется заявителем и должен действительно привести к восстановлению нарушенного права или реальной защите законного интереса, способ защиты должен быть соразмерен нарушению и не должен выходить за пределы, необходимые для его применения. Суд вправе самостоятельно определять способ восстановления нарушенного права заявителя.

Самостоятельность выбора способа защиты касается не только качественного, но и количественного аспекта – защита, как правило, носит комплексный характер [7], т. е. исковое требование может включать два и более способов, к примеру, признать авторские права и взыскать компенсацию.

Выбор ограничен лишь наличием соответствующего способа защиты в законодательстве. Так, истец обратился с требованием о взыскании компенсации за нарушение исключительного права в размере 632 800 рублей, обязанности прекратить дальнейшее использование произведений. Суд указал, что отсутствуют основания для удовлетворения требования истца об обязанности прекратить дальнейшее использование произведений ответчиком произведений, исключительные права на которые принадлежат истцу. Нормы гражданского законодательства не предусматривают такого способа защиты права, но абзацем 2 пункта 1 статьи 1229 ГК РФ предусмотрено правило, в соответствии с которым отсутствие запрета правообладателя на использование результата интеллектуальной деятельности не считается согласием (разрешением) на его использование любыми третьими лицами. Таким образом, ответчик не вправе использовать эти произведения в силу закона, без вынесения по этому поводу отдельного судебного акта (Поста-

¹ Пункт 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 8.

новление Двадцатого ААС от 26 ноября 2018 г. по делу № А68-2547/2017).

Отметим, что хотя такой способ защиты, как компенсация морального вреда, имеется в перечне допустимых способов, исключительное право не подлежит защите путём взыскания компенсации, поскольку является имущественным правом (п. 1 Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23 сентября 2015 г.). Однако это не значит, что по делам в сфере защиты интеллектуальных прав взыскание морального вреда невозможно. Так, истец обратился в суд с иском о взыскании компенсации за нарушение авторских исключительных прав и о взыскании с ответчика компенсации морального вреда в сумме 50 000 рублей, причиненного ему в связи с незаконным использованием результата творческой деятельности. Ответчик, используя произведение истца, переработал его, не указав истца в качестве автора, чем нарушил личные неимущественные права. Истец указал, что поведение ответчика вызвало у него большую тревогу за будущее своих фотографий, а также переживания из-за постоянной угрозы бесцеремонного нарушения прав и законных интересов. Неуважение ответчика к авторскому труду вызывает у истца психологические страдания. Суд удовлетворил требование о компенсации морального вреда, но снизив сумму до 10 000 рублей. (Решение Евпаторийского городского суда № 2-890/2020 2-890/2020~М-576/2020 М-576/2020 от 19 мая 2020 г. по делу № 2-890/20200). Из судебной практики можно сделать следующие выводы: истец обязан представить суду доказательства того, что он является автором спорного произведения, а также доказательства использования его авторских прав ответчиком. Сам по себе факт размещения в сети интернет это не доказывает; суд не занимается самостоятельно сбором доказательств, поскольку их мог собрать лично истец; без подтверждения наличия морального вреда или нарушения права действия могут расцениваться как злоупотребление правом, поскольку направлены на получение выгоды от взыскиваемых компенсаций за нарушение авторских прав, а не на защиту таких прав.

При анализе выбора способов защиты, хотелось бы обратить внимание на такой неоднозначный способ как самозащита. Самозащита гражданских прав – сложный юридический феномен. Данная дефиниция в учебной и научной литературе по гражданскому праву используется в различных контекстах: 1) форма гражданско-правового принуждения; 2) неюрисдикционная форма защиты гражданских прав; 3) право на самозащиту; 4) способ защиты гражданских прав, указанный в статье 12 ГК РФ; 5) гражданско-правовой институт [10].

Анализируя самозащиту как меру частного принуждения в гражданском праве, отметим, что у самозащиты есть свои особые способы, выбор которых остается за конкретным ли-

цом, чье право нарушено. В качестве способов самозащиты большая часть исследователей выделяют: необходимую оборону и крайнюю необходимость, объединяя их общим термином – фактические действия; меры оперативного воздействия; меры охранительного характера; удержание, группируя указанные способы в зависимости от используемых подходов [10]. Могут ли расцениваться как самозащита авторских прав технические средства защиты, в том числе основанные на компьютеризированной технике исключения и контроля – «цифровой водяной знак», файлы с управлением цифровыми правами (DRM), программным обеспечением, которое не позволяет покупателю документа копировать и распространять его и проч. (ст. 1299 ГК РФ)? Полагаем, что это не средство защиты, а средство охраны, поскольку права ещё не нарушены, и применение технических средств носит превентивный характер. Как меру охраны можно расценивать также возможность автора (правообладателя) включить интеллектуальную собственность в специальный Таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности (ТРОИС), что позволит блокировать импорт / экспорт контрафактных товаров и параллельного импорта, минимизировать репутационные риски. Процедура включения в ТРОИС предусматривает обращение в Уполномоченный орган – Федеральную таможенную службу России.

В рамках исследования неюрисдикционных форм защиты представляет интерес возможность использования проверочной закупки контрафактного объекта авторских прав по инициативе и силами правообладателя (автора) в качестве способа защиты. Анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что проведение проверочной закупки объекта авторского права как таковым способом защиты прав не является, но допускается судами в качестве правомерных действий по сбору доказательственной базы факта нарушения права для целей и на основании самозащиты. Собственно, способом защиты в данной ситуации является требование компенсации (например, решение Шелеховского городского суда № 2-1126/2020 от 15 октября 2020 г. по делу № 2-1126/2020; постановление СИП от 3 июня 2019 г. № С01-362/2019 по делу № А13-15191/2018).

В заключение отметим, что конфликт между частными и общественными интересами, между защитой творца как собственника и защитой культуры и науки как общего блага человечества с самого начала занимает центральное место в системе концепции интеллектуальной собственности и интеллектуальных прав. С упрощением цифровых технологий и обобщением практик обмена (контентом или ноу-хау) сам принцип исключительности интеллектуальных прав и его эффективность всё чаще оспариваются в теории и на практике, что требует пересмотра подходов к защите исключительных прав как на международном, так и на национальном уровнях.

Список литературы

1. Васильев А. В., Уринсон Я. М. Состояние, проблемы и перспективы интеллектуальной собственности в Российской Федерации // Бизнес. Общество. Власть. – 2020. – № 2–3 (36–37). – С. 8–19.
2. Савина В. С. Развитие концепции права интеллектуальной собственности на различных исторических этапах // Аграрное и земельное право. – 2019. – № 10 (178). – С. 107–109.
3. Иванова Д. В. Утилитарная теория интеллектуальной собственности // Традиции и инновации в праве : материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 20-летию юридического факультета и 50-летию Полоцкого государственного университета, Новополоцк, 6–7 октября 2017 года. – Новополоцк: Полоцкий государственный университет, 2017. – С. 261–263.
4. Новосельцев О. В. О понятии интеллектуальной собственности с позиций международного права // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2020. – № 1 (27). – С. 49–65.
5. Щербачева Л. В. Защита интеллектуальных прав в цифровую эпоху // Криминологический журнал. – 2021. – № 1. – С. 26–29.
6. Зенин И. А. О концепции глобальной лицензии как инструменте управления правами на объекты интеллектуальной собственности в цифровой среде // Право интеллектуальной собственности. – 2015. – № 3. – С. 4–7.
7. Мерзлякова А. В. Некоторые аспекты выбора способа защиты интеллектуальных прав // Журнал правовых и экономических исследований. – 2017. – № 4. – С. 50–53.
8. Папулов А. Г. К вопросу об основаниях защиты гражданских прав // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 1 (77). – С. 112–115.
9. Полякова Ю. А., Воробьёва О. А., Иванов А. И. Защита интеллектуальной собственности и законных интересов правообладателя // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – № 2 (27). – С. 160–163.
10. Кархалев Д. Н. Восстановление нарушенных гражданских прав во внесудебном порядке // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 3. – С. 90–111.
11. Мамедова А. Х., Малофеев А. А. К вопросу о проблеме защиты исключительных прав на служебные произведения в МВД России (на примере Санкт-Петербургского университета МВД России) / Актуальные проблемы частного и публичного права : материалы межвузовской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 6 апреля 2018 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – С. 171–174.

References

1. Vasil'yev A. V., Urinson Ya. M. Sostoyaniye, problemy i perspektivy intellektual'noy sobstvennosti v Rossiyskoy Federatsii // Biznes. Obshchestvo. Vlast'. – 2020. – № 2–3 (36–37). – S. 8–19.
2. Savina V. S. Razvitiye kontseptsii prava intellektual'noy sobstvennosti na razlichnykh istoricheskikh etapakh // Agrarnoye i zemel'noye pravo. – 2019. – № 10 (178). – S. 107–109.
3. Ivanova D. V. Utilitarnaya teoriya intellektual'noy sobstvennosti // Traditsii i innovatsii v prave : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchonnoy 20-letiyu yuridicheskogo fakul'teta i 50-letiyu Polotskogo gosudarstvennogo universiteta, Novopolotsk, 6–7 oktyabrya 2017 goda. – Novopolotsk: Polotskiy gosudarstvennyy universitet, 2017. – S. 261–263.
4. Novosel'tsev O. V. O ponyatii intellektual'noy sobstvennosti s pozitsiy mezhdunarodnogo prava // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. – 2020. – № 1 (27). – S. 49–65.
5. Shcherbacheva L. V. Zashchita intellektual'nykh prav v tsifrovuyu epokhu // Kriminologicheskij zhurnal. – 2021. – № 1. – S. 26–29.
6. Zenin I. A. O kontseptsii global'noy litsenzii kak instrumente upravleniya pravami na ob'yekty intellektual'noy sobstvennosti v tsifrovoy srede // Pravo intellektual'noy sobstvennosti. – 2015. – № 3. – S. 4–7.
7. Merzlyakova A. V. Nekotoryye aspekty vybora sposoba zashchity intellektual'nykh prav // Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy. – 2017. – № 4. – S. 50–53.
8. Papulov A. G. K voprosu ob osnovaniyakh zashchity grazhdanskikh prav // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2018. – № 1 (77). – S. 112–115.
9. Polyakova Yu. A., Vorobyova O. A., Ivanov A. I. Zashchita intellektual'noy sobstvennosti i zakonnykh interesov pravoobladatelya // Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal. – 2019. – № 2 (27). – S. 160–163.
10. Karkhalev D. N. Vosstanovleniye narushennykh grazhdanskikh prav vo vnesudebnom poryadke // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. – 2020. – № 3. – S. 90–111.
11. Mamedova A. Kh., Malofeyev A. A. K voprosu o probleme zashchity isklyuchitel'nykh prav na sluzhebnyye proizvedeniya v MVD Rossii (na primere Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii) / Aktual'nyye problemy chastnogo i publichnogo prava : materialy mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 6 aprelya 2018 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2018. – S. 171–174.

Статья поступила в редакцию 07.09.2022; одобрена после рецензирования 11.10.2022; принята к публикации 12.10.2022.

The article was submitted September 7, 2022; approved after reviewing October 11, 2022; accepted for publication October 12, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Частно-правовые (цивилистические) науки

Научная статья
УДК 343.3
doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-67-71

Алавдин Супянович Гардалоев
vschr95@mail.ru

Верховный Суд Чеченской Республики
Российская Федерация, Чеченская Республика, 364051, Грозный, ул. Идрисова, д. 40

Совершенствование деятельности коллекторов как элемент защиты прав заёмщиков

Аннотация: Актуальность исследования обусловлена бурным развитием рынка потребительского кредитования. Важное социально-экономическое значение потребительского кредитования неоспоримо, поскольку способствует росту уровня жизни населения, повышает спрос на товары народного потребления, стимулируя тем самым их производство и торговлю. Однако этому процессу неизбежно сопутствует рост просроченной задолженности по потребительским кредитам.

В связи с этим нуждаются в рассмотрении вопросы деятельности коллекторов (как с научно-правовой, так и с практических позиций).

Исходя из гипотезы, что отношения по выдаче потребительского кредита (займа) продолжают до погашения финансовых обязательств (т. е. их прекращения), в статье анализируется уголовно-правовая защита по ст. 1715 УК РФ прав и законных интересов заёмщиков. Основное внимание сосредоточено на анализе законной деятельности коллекторов и предотвращении соответствующих возможных правонарушений с их стороны. Исследуются возможные варианты установления уголовной ответственности за превышение полномочий при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности коллекторами. Приводятся факторы обоснования установления уголовной ответственности за неправомерные действия при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности. Обосновывается вывод о том, что правоотношения, связанные с возвратом просроченной задолженности по потребкредиту (займу), в настоящее время находятся за пределами уголовно-правовой охраны ст. 1715 УК РФ, что не позволяет в полной мере обеспечить защиту прав и законных интересов заёмщиков.

Ключевые слова: потребительский кредит, коллектор, потребитель финансовых услуг, кредитная организация, просроченная задолженность

Для цитирования: Гардалоев А. С. Совершенствование деятельности коллекторов как элемент защиты прав заёмщиков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4 (96). – С. 67–71; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-67-71.

Alavdin S. Gardaloev
vschr95@mail.ru

Supreme Court of the Chechen Republic
40, str. Idrisova, Grozny, 364051, Chechen Republic, Russian Federation

Improving the activity of collectors as an element of protecting the rights of borrowers

Abstract: The relevance of the study is due to the rapid development of the consumer lending market. The important socio-economic significance of consumer lending is undeniable, since it contributes to an increase in the standard of living of the population, increases the demand for consumer goods, thereby stimulating their production and trade. However, this process is inevitably accompanied by an increase in arrears on consumer loans.

In this regard, the issues of the activities of collectors need to be considered (both from scientific, legal and practical positions).

Based on the hypothesis that the relationship for issuing a consumer loan (loan) continues until the repayment of financial obligations (i.e., their termination), the article analyzes the criminal law protection under Art. 1715 of the Criminal Code of the Russian Federation of the rights and legitimate interests of borrowers. The main attention is focused on the analysis of the legal activities of collectors and the prevention of relevant possible offenses on their part. Possible options for establishing criminal liability for excess of authority in the implementation of activities to return overdue debts by collectors are being explored. The factors justifying the establishment of criminal liability for illegal actions in the implementation of activities to return overdue debts are given. The conclusion is substantiated that the legal relations associated with the return of overdue debts on consumer credit (loan) are currently outside of the criminal law protection of Art. 1715 of the Criminal Code of the Russian Federation. This fact does not allow to fully ensure the protection of the rights and legitimate interests of borrowers.

Keywords: consumer credit, collector, consumer of financial services, credit institution, overdue debt

For citation: Gardaloev A. S. Improving the activity of collectors as an element of protecting the rights of borrowers // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 4 (96). – P. 67–71; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-67-71.

Не только отношения по выдаче потребительского кредита (займа), но и продолжающиеся правоотношения, вплоть до погашения финансовых обязательств (т. е. их прекращения) охватываются целью, поставленной законодателем при введении ст. 1715 УК РФ – защита прав потребителей финансовых услуг, «это свидетельствует о выходе предпринимательских рисков за имущественные пределы» [4]. Следовательно, деятельность лиц по возврату просроченной задолженности также должна входить в предмет уголовно-правовой охраны указанной нормы. Некоторые авторы обращали своё внимание на исследование правоотношений по выдаче займов и деятельности коллекторов [5], но многие вопросы остались за границами их научных изысканий.

В соответствии со ст. 12 ФЗ № 230-ФЗ¹ «коллекторскую» деятельность осуществляют юридические лица, включённые в государственный реестр, и основным видом деятельности которых является деятельность по возврату просроченной задолженности. Это так называемые «внешние коллекторы». Чаще всего они «покупают» долги по договору уступки права требования (ст. 388 ГК РФ).

Кредитные организации и организации, имеющие право выдавать займы, могут иметь собственные службы (например, службы собственной экономической безопасности и др.), деятельность которых также заключается в работе с просроченными долгами. Их принято называть «внутренние коллекторы».

Коль скоро займодавец (лицо, его представляющее), лицо, получившее право требования к заёмщику по договору потребительского кредита (займа) в порядке уступки, универсального правопреемства или при обращении взыскания на имущество правообладателя, являются в соответствии с ФЗ «О потребительском кредите (займе)» кредиторами (ч. 3 ст. 3), т. е. субъектами правоотношений, урегулированных данным законом, можно предположить, что незаконная деятельность коллекторских агентств и самих организаций, предоставивших кредит (заём) при взыскании долгов с потребителей не менее опасна (а может быть, и более опасна), чем предоставленный кредит «несубъектом».

Субъект в ст. 1715 УК РФ поименован как индивидуальный предприниматель или лицо, которое в силу своего служебного положения постоянно, временно либо по специальному полномочию исполняет возложенные на него обязанности по руководству организацией. Таким лицом является руководитель или иное должностное лицо, выполняющее управленческо-распорядительные функции. Следовательно, за пределами уголовно-правового запрета остаются так называемые «штатные» сотрудники. И если их преступную взаимосвязь доказать не получится, то и состава преступления,

¹ О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях»: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ (в ред. от 1 июля 2021 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40955> (дата обращения: 03.08.2022).

предусмотренного ст. 1715 УК РФ, не будет. Такая ситуация может сложиться, например, в следующем случае: оператор микрокредитной организации предоставляет заём потребителю (сейчас эта услуга может быть оказана on-line). На стадии проверки сообщения до возбуждения уголовного дела он утверждает, что заём предоставил по своему усмотрению. О том, что организация не имеет права осуществлять данную деятельность, ему было неизвестно.

Здесь следует отметить, что речь не идёт о так называемых «чёрных коллекторах», которые путём угроз, шантажа, насилия, порчи имущества занимаются взиманием долгов. Чаще всего они «выбивают» долги по договорам, заключённым с нарушением регулятивного законодательства. Их деятельность в самом общем виде можно оценить как вымогательство в совокупности с преступлениями против личности. Имеются ввиду «внешние коллекторы» и «внутренние коллекторы», действующие изначально только в рамках «правового поля».

Идея установления уголовной ответственности за превышение полномочий при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности не нова. Ещё в 2016 г. группой депутатов был предложен законопроект о внесении в главу 32 УК РФ ст. 2031 УК РФ «Превышение полномочий при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности»². По техническим причинам проект был отклонён³. Но анализ текста проектируемой нормы дает основание утверждать, что статья была явно «сырая»: ответственность наступала «в случае распространения любым публичным способом сведений, позорящих должника, членов его семьи или близких родственников, а равно если были существенно нарушены права и законные интересы граждан либо охраняемых законом интересов общества и государства». Как видно, был предусмотрен только один незаконный способ воздействия на должника, а далее предлагаемая редакция содержала абстрактные понятия.

Полагаем, установление уголовной ответственности за неправомерные действия при осуществлении деятельности по возврату про-

сроченной задолженности можно обосновать следующими факторами.

1. По данным Банка России ежегодно количество заёмщиков растёт, и их основная доля приходится на заёмщиков потребительских кредитов; 2/3 всех заёмщиков имеют задолженность по необеспеченному потребительскому кредиту и (или) кредитной карте; ежегодный прирост числа новых заёмщиков с просроченной задолженностью составляет 3–4 %; наиболее часто просрочка возникает по необеспеченным потребительским кредитам на небольшие суммы (до 100 тыс. руб.), однако основной объём «плохой» задолженности сформирован кредитами на сумму более 100 тыс. рублей⁴. Указанные данные приведены без учёта займов микрофинансовых организаций и информации, передаваемой банкам кредитных историй коллекторскими агентствами⁵.

2. Ст. 14.16 КоАП РФ устанавливает ответственность за нарушение законодательства о потребительском кредите, а при наличии административного наказания может наступать уголовная ответственность по ст. 1715 УК РФ.

В ст. 14.57 КоАП РФ установлена ответственность за нарушение требований законодательства о защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности. При этом норма разделена на три части по признакам субъекта: 1 – сам кредитор или лицо, действующее в его интересах («внутренний коллектор»); 2 – юридическое лицо, включённое в реестр лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности («внешний коллектор»); 3 – учредитель, член совета директоров или коллегиального органа организации, включённой в реестр лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности («руководство внешнего коллектора»). Однако систематическое нарушение коллекторами ст. 14.57 КоАП РФ не «перерастает» в уголовную ответственность. Получается, что выдача потребкредита (займа) «несубъектом» более опасна, чем нарушение закона о возврате просроченной задолженности по такому кредиту (займу). Разумеется, ст. 14.56 и 14.57 КоАП РФ охраняют правоотношения, регулируемые разными федеральными законами⁷, но это означает

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части усиления ответственности лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности : проект Федерального закона № 1167917-6 (ред., внесённая в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 7 сентября 2016 г.) [Электронный ресурс] // Текст документа приведён в соответствии с публикацией на сайте <http://asozd.duma.gov.ru/> по состоянию на 07.09.2016.

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части усиления ответственности лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности: выписка из протокола заседания Совета ГД ФС РФ от 29 ноября 2016 г. № 13 О проекте федерального закона № 1167917-6 [Электронный ресурс] // Текст документа приведён в соответствии с публикацией на сайте <http://asozd.duma.gov.ru/> по состоянию на 30.11.2016.

⁴ Анализ тенденций на рынке кредитования физических лиц в 2015–2019 годах на основе данных бюро кредитных историй : информационно-аналитический материал. – Москва, 2019 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации. – Режим доступа: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/31947/20191101_dfs.pdf. (дата обращения: 03.08.2022).

⁵ Там же. – С. 4.

⁶ Там же. – С. 13.

⁷ Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)» и Федеральный закон «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях».

Статистика административных дел по ст. 14.56 и 12.57 КоАП РФ

Год	Ст. 14.56 КоАП РФ (количество дел)	Ст. 12.57 КоАП РФ (количество дел)
2021	700	2314
2020	561	2919
2019	1232	2294
2018	314	1220
2017	199	593

лишь разные этапы отношений заёмщика с иными субъектами (либо кредитной организацией, либо с коллекторским агентством). Взаимозависимость данных правоотношений очевидна.

3. Как справедливо отмечает Н. Д. Гомонова, «лица с просроченной задолженностью находятся в вертикальном отношении с кредиторами и лицами, действующими от их имени, и поставлены в условия финансовых затруднений. Это указывает на тот факт, что действия недобросовестных взыскателей характеризуются повышенным уровнем общественной опасности при наступлении тяжких последствий, и они не вписываются в рамки административной и гражданско-правовой ответственности».

4. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации наблюдается следующая статистическая картина административных дел по ст. 14.56 и 12.57 КоАП РФ (см. табл. 1).

Увеличение количества административных дел в 2019 г. в значительной степени объясняется организационными изменениями: улучшение качества работы бюро кредитных историй, а соответственно, появление «новых» клиентов, имеющих просроченную задолженность по потребительскому кредиту, определение администратора – ФССП России, расширение перечня «банковских продуктов» с привлекательными условиями. Относительное снижение количества рассматриваемых дел в 2020 и 2021 гг. связано с общим спадом экономики и, как следствие, покупательной способности ввиду пандемии. Обращает на себя внимание то, что количество административных дел за нарушение прав физических лиц при взыскании просроченной задолженности в 2–3 раза превышает количество дел о незаконном осуществлении деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов).

Несомненно, проблема не может быть решена исключительно уголовно-правовыми средствами. Так, ещё в 2016 г. принят федеральный закон, направленный на защиту интересов физических лиц, имеющих просроченную задолженность (далее – ФЗ №230-ФЗ)⁸, в 2019 г. Банк России ввёл показатель долговой нагрузки, влияющий на принятие банком решения о выдаче кредита⁹, а действие ФЗ № 230-ФЗ перестало распространяться на просроченную за-

долженность по коммунальным платежам¹⁰, в 2020 г. установлена обязанность для кредитора в 30-дневный срок внести соответствующие сведения в Единый федеральный реестр сведений о фактах деятельности юридических лиц при передаче задолженности иному лицу; в 2021 г. определён федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц – Федеральная служба судебных приставов России, которой, помимо отчётов, коллекторские агентства¹¹ каждые полгода представляют копии договоров обязательного страхования ответственности, информацию о чистых активах, учредителях коллекторского агентства¹²; внесены корректировки в ФЗ № 230-ФЗ об обязательности письменного согласия любого лица (не только должника, но и иных лиц) о добровольном взаимодействии с коллекторским агентством, уточнены требования к программному оборудованию, существенно расширены контрольные функции ФССП России. В научной литературе предлагается применять принцип ситуативности, учитывающий причины неуплаты, и, соответственно, выработки оптимальных

¹⁰ О внесении изменений в статьи 155 и 162 Жилищного кодекса Российской Федерации и статью 1 Федерального закона «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях»»: Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 214-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44500> (дата обращения: 26.08.2022).

¹¹ Здесь и далее имеются в виду собственно коллекторские агентства, т. е. организации, внесённые в государственный реестр и службы собственной экономической безопасности кредитных организаций, которые де-юре коллекторскими агентствами не являются, но выполняют ту же функцию – взыскание просроченной задолженности.

¹² Об утверждении формы отчёта о деятельности по возврату просроченной задолженности, перечня документов и сведений, представляемых юридическим лицом, включённым в государственный реестр юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности, а также сроков и периодичности их представления: приказ Минюста России от 30 июня 2021 г. № 108 (зарегистрировано в Минюсте России 30 июня 2021 г. № 64045) // Официальный сайт Федеральной службы судебных приставов. – Режим доступа: https://fssp.gov.ru/prikaz_minjusta_rossii_ot_30062021__108/ (дата обращения: 22.07.2022).

⁸ См.: О защите прав и законных интересов физических лиц...: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ.

⁹ Анализ тенденций на рынке кредитования... – С. 10.

сценариев общения с должником, возможность получения ФССП России информации о статистике звонков и переговоров от операторов связи, ограничение количества звонков от «роботов-коллекторов», т. к. в настоящее время лимит звонков установлен только от живых людей, возможность доступа ФССП России к данным закрытой части кредитных историй граждан, содержащихся в бюро кредитных историй.

Подводя итог, можно сделать вывод, что в настоящее время за пределами уголовно-правовой охраны ст. 1715 УК РФ находятся правоотношения, связанные с возвратом просроченной задолженности по потребкредиту

(займу). В обоснование необходимости включения указанных правоотношений в предмет охраны рассматриваемой статьи, приведена статистическая информация Банка России по существенному росту просроченной задолженности среди населения; статистика, размещённая Судебным департаментом при Верховном Суде России, указывающая на существенное превышение количества административных дел, связанных с нарушением прав и законных интересов лиц, имеющих просроченную задолженность (ст. 14.57 КоАП РФ) относительно нарушений при незаконной выдаче потребительского кредита (займа) (ст. 14.16 КоАП РФ).

Список литературы

1. Боровская О. Е. Деятельность коллекторских агентств: проблемы и перспективы // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2020. – № 3-2 (61). – С. 12–16.
2. Гомонова Н. Д. Проблемы защиты прав граждан, пострадавших от деятельности лиц, осуществляющих возврат просроченной задолженности // Вестник исполнительного производства. – 2020. – № 4. – С. 40–55.
3. Михайликов В. Л., Надежин Н. Н. Гражданско-правовой статус индивидуального предпринимателя : научно-практическое пособие. – Белгород: БелЮИ МВД России, 2008. – 120 с.
4. Надежин Н. Н. Предпринимательский риск в гражданских правоотношениях // Безопасность бизнеса. – 2019. – № 4. – С. 17–21.
5. Осипова М. А. Противоправная деятельность коллекторов в гражданском обществе как угроза общественной безопасности // Государственная власть и местное самоуправление. – 2017. – № 4. – С. 36–40.
6. Скрипченко Н. Ю. Уголовная ответственность за незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов): анализ законодательных новелл // Банковское право. – 2022. – № 1. – С. 72–77.
7. Ступина С. А. Незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов): вопросы квалификации // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 11 (162). – С. 315–316.
8. Тарасенко О. А. Предпринимательская деятельность коллекторов и перспективы её развития // Юрист. – 2014. – № 14. – С. 28–31.
9. Шуклин С. Д. Потребительский кредит: Тенденции развития и пути совершенствования в современных условиях // Синергия наук. – 2021. – № 65. – С. 118–123.
10. Махиборода М. Н., Ананьева Е. О. Правовые основы деятельности коллекторских агентств // Российская юстиция. – 2019. – № 5. – С. 13–16.

References

1. Borovskaya O. Ye. Deyatel'nost' kollektorskikh agentstv: problemy i perspektivy // Ekonomika i biznes: teoriya i praktika. – 2020. – № 3-2 (61). – S. 12–16.
2. Gomonova N. D. Problemy zashchity prav grazhdan, postradavshikh ot deyatel'nostilits, osushchestvlyayushchikh vozvrat prosrochennoy zadolzhennosti // Vestnik ispolnitel'nogo proizvodstva. – 2020. – № 4. – S. 40–55.
3. Mikhaylikov V. L., Nadezhin N. N. Grazhdansko-pravovoy status individual'nogo predprinimatel'ya; nauchno-prakticheskoye posobiye. – Belgorod: BelYUI MVD Rossii, 2008. – 120 s.
4. Nadezhin N. N. Predprinimatel'skiy risk v grazhdanskikh pravootnosheniyakh // Bezopasnost' biznesa. – 2019. – № 4. – S. 17–21.
5. Osipova M. A. Protivopravnaya deyatel'nost' kollektorov v grazhdanskom obshchestve kak ugroza obshchestvennoy bezopasnosti // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye. – 2017. – № 4. – S. 36–40.
6. Skripchenko N. Yu. Ugolovnaya otvetstvennost' za nezakonnoye osushchestvleniye deyatel'nosti po predostavleniyu potrebitel'skikh kreditov (zaymov): analiz zakonodatel'nykh novell // Bankovskoye pravo. – 2022. – № 1. – S. 72–77.
7. Stupina S. A. Nezakonnoye osushchestvleniye deyatel'nosti po predostavleniyu potrebitel'skikh kreditov (zaymov): voprosy kvalifikatsii // Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. – 2021. – № 11 (162). – S. 315–316.
8. Tarasenko O. A. Predprinimatel'skaya deyatel'nost' kollektorov i perspektivy yeyo razvitiya // Yurist. – 2014. – № 14. – S. 28–31.
9. Shuklin S. D. Potrebitel'skiy kredit: Tendentsii razvitiya i puti sovershenstvovaniya v sovremennykh usloviyakh // Sinergiya nauk. – 2021. – № 65. – S. 118–123.
10. Makhboroda M. N., Anan'yeva Ye. O. Pravovyye osnovy deyatel'nosti kollektorskikh agentstv // Rossiyskaya yustitsiya. – 2019. – № 5. – S. 13–16.

Статья поступила в редакцию 05.09.2022; одобрена после рецензирования 03.10.2022; принята к публикации 14.10.2022.

The article was submitted September 5, 2022; approved after reviewing October 3, 2022; accepted for publication October 14, 2022.

Научная статья
УДК 347.948
doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-72-77

Эмиль Шамилевич Тахмазов

соискатель

<https://orcid.org/0000-0002-0989-6726>, tahmazlaw@gmail.com

*Саратовская государственная юридическая академия
Российская Федерация, 410028, Саратов, ул. Чернышевского, д. 104*

Некоторые проблемы признания недействительным завещания на основании пункта 1 статьи 177 Гражданского кодекса Российской Федерации

Аннотация: В статье рассматриваются процессуальные проблемы рассмотрения гражданских дел о признании недействительным завещания, совершённого лицом, не способным в этот момент понимать значения своих действий или руководить ими. Особенности такой категории дел являются гносеологическая ограниченность возможностей по доказыванию и короткий срок эффективной защиты прав в судебном порядке – до шести месяцев, а также сложности, связанные с установлением персоны надлежащего ответчика.

Предлагаются материальные и процессуальные способы решения описанных в статье проблем. В частности, предлагается предоставить наследникам, которые были бы призваны к наследству в отсутствие завещания, право на получение от лиц, удостоверивших завещание, информации о его содержании, право оспаривать завещания до открытия наследства по правилам п. 2 ст. 177 ГК РФ или возможность обратиться с соответствующим иском в суд без указания ответчика. Предлагается формально закрепить в актах Пленума Верховного Суда необходимость во всяком деле исследуемой категории ставить вопрос о назначении посмертной судебной экспертизы. Также предлагается сужение широты дискреционных полномочий суда при разрешении ходатайства о проведении повторной судебной экспертизы по исследуемой категории дел.

Ключевые слова: завещание, порок воли, сделка, судебная экспертиза, экспертное заключение, тайна завещания

Для цитирования: Тахмазов Э. Ш. Некоторые проблемы признания недействительным завещания на основании пункта 1 статьи 177 Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4 (96). – С. 72–77; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-72-77.

Emil Sh. Takhmazov

Graduate

<https://orcid.org/0000-0002-0989-6726>, tahmazlaw@gmail.com

Saratov State Law Academy

104, Chernyshevsky str., Saratov, 410028, Russian Federation

Some problems of invalidating a will on the basis of § 1 of article 177 of the Civil Code of the Russian Federation

Abstract: The article deals with the procedural problems of considering civil cases on the invalidation of a will made by a person who is not able at that moment to understand the meaning of his actions or to manage them. The peculiarities of this category of cases are the epistemological limited possibilities for proving and the short period of effective protection of rights in court - up to six months, as well as the difficulties associated with establishing the personality of the proper defendant.

Material and procedural ways of solving the problems described in the article are proposed. In particular, it is proposed to provide heirs who would be called to inherit in the absence of a will, the right

to receive information about contents from persons who certified the will, the right to challenge wills before opening the inheritance in accordance with the rules of paragraph 2 of Art. 177 of the Civil Code of the Russian Federation or the opportunity to file a corresponding claim in court without specifying the defendant. It is proposed to fix formally in the acts of the Plenum of the Supreme Court the need to raise the issue of appointing a post-mortem forensic examination in any case of the category under study. It is also proposed to narrow the breadth of discretionary powers of the court when resolving a petition for a repeated forensic examination in the category of cases under study.

Keywords: testament, vice of will, transaction, forensic examination, expert opinion, secrecy of the will

For citation: Takhmazov E. Sh. Some problems of invalidating a will on the basis of § 1 of article 177 of the Civil Code of the Russian Federation // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 4 (96). – P. 72–77; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-72-77.

Завещание как сделка может обладать различными пороками, влекущими его недействительность. Как и в любой другой сделке, завещание может иметь порок воли наследодателя, выражающийся в различии между действительной волей лица и зафиксированным в документе изъявлением, формальных причинах невозможности совершать сделки или в возникшей неспособности завещателя в принципе понимать значение и смысл своих действий.

Один из пороков воли, согласно п. 1 ст. 177 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ), обнаруживается при совершении завещания лицом, не способным в этот момент понимать значение своих действий и руководить ими, если дееспособности в целом такое лицо не лишено. Не имеют при этом значения причины, обусловившие возникновение соответствующего состояния физического лица: оно может быть вызвано действиями как самого лица², так и воздействием внешних факторов [1]. Некоторые авторы именуют такое состояние «фактической недееспособностью»³, другие относят его к разновидностям частноправовой невозможности [2, с. 87–88].

Такой порок влечет оспоримость завещания, т. е. даёт возможность заинтересованному лицу – несостоявшемуся наследнику, в силу п. 1 ст. 177 ГК РФ по своей инициативе противодействовать правовому эффекту посмертной воли завещателя посредством обращения в суд. Недействительность завещания с этим недостатком, очевидно, затрагивает исключительно частные интересы субъектов гражданского права, в связи с чем законодатель не отнёс эти сделки к числу ничтожных.

Вместе с тем реализация предоставленных заинтересованным лицам возможностей сопряжена с некоторыми препятствиями, которые могут затруднить или сделать невозможным оспаривание завещания.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ в ред. от 25 января 2022 г. [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 03.08.2022).

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 58-КГ16-18 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 03.08.2022).

³ Абрамова Е. Н., Аверченко Н. Н., Байгушева Ю. В. (и др.). Гражданское право : учебник: в 3 т. – Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. – Москва: ТК Велби, 2009. – С. 459.

Согласно абз. 2 п. 2 ст. 1131 ГК РФ⁴, оспаривание завещания до открытия наследства, т. е. до смерти наследодателя (ст. 1113 ГК РФ), не допускается. В литературе это объясняется необходимостью сохранения свободы волеизъявления наследодателя в целях соблюдения принципа свободы завещания, а также отсутствием правового эффекта завещания в силу прямого указания п. 5 ст. 1118 ГК РФ [3], отсутствия объекта правовой защиты как такового [4, с. 17].

Из-за перечисленных причин и этической недопустимости возбуждения процедуры оспаривания последней воли ещё живого человека заинтересованное в таком оспаривании лицо сталкивается с некоторыми процессуальными сложностями.

Во-первых, как разъяснено в п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о наследовании», суд отказывает в принятии искового заявления о признании завещания недействительным, предъявленного в суд до открытия наследства, а если заявление принято, – прекращает производство по делу (часть 1 статьи 3, часть 1 статьи 4, часть 2 статьи 134, статья 221 ГПК РФ)⁵. Поэтому и со дня открытия наследства, если истцу известен ответчик – наследник, начинается течение срока исковой давности – такой вывод следует из смысла п. 5 ст. 1118 ГК РФ и п. 2 ст. 1131 ГК РФ. Срок исковой давности о признании завещания недействительной сделкой в силу п. 2 ст. 181 ГК РФ составляет один год. Таким образом, даже зная ответчика, содержание завещания и имея потенциальную возможность установить невменяемость на момент совершения завещания ещё живого наследодателя, обратиться в суд прежде его смерти не удастся.

Вторая трудность также связана со временем, отведённым истцу для эффективной защиты своих прав, в частности, путём принятия мер по обеспечению иска. Реализация этого процессуального механизма, как известно, невозможна

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ в ред. от 1 июля 2021 г. [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 03.08.2022).

⁵ О судебной практике по делам о наследовании : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 в ред. от 24 декабря 2020 г. [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 03.08.2022).

ранее обращения заинтересованного лица в суд с иском заявлением.

Как следует из п. 1 ст. 1163 ГК РФ, по общему правилу свидетельство о праве на наследство выдается наследникам в любое время по истечении шести месяцев со дня открытия наследства. Следовательно, у наследника по завещанию есть реальная возможность уже через шесть месяцев после смерти наследодателя получить необходимый документ и распорядиться составленным наследством имуществом. Если к этому моменту заинтересованное в оспаривании завещания лицо не обратится в суд с иском и не потребует принятия мер по его обеспечению, даже в случае благоприятного для заявителя исхода дела получить положенное имущество или его денежный эквивалент может оказаться непросто. Таким образом, срок для эффективной защиты своих прав в деле о признании завещания недействительным сокращается до шести месяцев со дня открытия наследства.

Третье затруднение также связано с дефицитом времени, но обусловлено уже поведением третьего участника наследственных правоотношений – нотариуса или другого удостоверяющего завещание лица. Это лицо, применяя неверно правило о тайне завещания, предусмотренное ст. 1123 ГК РФ, или действуя по иным мотивам, может отказать в предоставлении сведений о персоне ответчика и содержании завещания обратившемуся. За то время, пока заинтересованное лицо будет обжаловать неправомерный отказ нотариуса или другого удостоверяющего завещание лица, искать необходимую информацию другим способом, например, посредством розыска экземпляра завещания среди вещей наследодателя, и без того короткое время на эффективную защиту своих прав может быть упущено.

Возможное решение перечисленных проблем видится в дозволении заинтересованному лицу оспаривать завещание до открытия наследства хотя бы в случаях, предусмотренных п. 2 ст. 177 ГК РФ, т. е. как сделку, совершённую гражданином, впоследствии признанном недееспособным, если доказано, что в момент её совершения он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими.

Этически более приемлемым и не требующим столь радикального вмешательства в принципиальное правовое регулирование представляется прямое указание в законе на обязанность нотариуса или иного лица, уполномоченное на удостоверение последней воли, после открытия наследства раскрывать содержание завещания гражданам, которые могли призываться к наследованию, если бы завещание не совершалось.

Проблема эффективной защиты может быть обусловлена, как указывалось ранее, существенно отсутствием информации об ответчике, в связи с чем даже на техническом уровне представляется уместным в целях решения обозначенной проблемы наделить истца, оспаривающего завещание, правом обращения в суд без указания ответчика. Такой подход уже знаком

отечественному правопорядку, в частности, п. 3 ст. 1175 ГК РФ допускает предъявление требований кредиторов к наследственному имуществу, в целях сохранения которого к участию в деле привлекается исполнитель завещания или нотариус. Создание описываемой возможности заинтересованным в оспаривании завещания лицам, как видно, не навредит функционирующему институту тайны завещания, не вступает в противоречие с этическими нормами, но позволяет увеличить срок эффективной защиты своих прав в рамках исследуемой категории дел.

Другая категория проблем, связанных с рассмотрением дела о признании недействительным завещания, совершённого лицом, не способным понимать значение своих действий и руководить ими, связана с процессом доказывания.

В предмет доказывания по такому гражданскому делу входит установление наличия или отсутствия состояния, при котором наследодатель не мог понимать значение своих действий и руководить ими именно в момент совершения завещания.

Установить психическое состояние наследодателя в определённый момент, исследуя его психику непосредственно, невозможно в силу известной причины – он не находится в живых. Вместе с тем заинтересованное лицо не лишено права предоставлять видео- и аудиозаписи, обличающие, например, речь и (или) образ действий гражданина, медицинскую документацию, в т. ч. из учреждений психиатрической направленности, показания свидетелей, непосредственно наблюдавших поведение наследодателя.

Период, в течение которого потенциально порочная воля реализуется и формализуется, как правило, довольно краток и может составлять менее одного часа. Кроме того, как указывалось ранее, болезненное состояние психики не обязательно связано с недугом, в т. ч., психическим, оно может быть внезапным или носить приступообразный характер. Всё это обуславливает известные сложности со сбором и представлением в суд каких-либо свидетельств психического состояния совершившего завещание гражданина.

Если же удалось обнаружить и предоставить в суд допустимые и относимые доказательства, обличающие, на первый взгляд, угнетённое состояние психики наследодателя, установить его неспособность понимать значение своих действий и руководить ими суд не в состоянии ввиду отсутствия необходимых специальных знаний. В этом случае, в силу ст. 79 ГПК РФ, необходимо назначение по делу судебной посмертной психолого-психиатрической экспертизы.

По общему правилу назначение экспертизы по такому делу не является строго обязательным, во всяком случае, из гражданского законодательства такого не следует. Даже на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, когда необходимость экспертного заключения следует из обстоятельств дела и представленных

доказательств, судья правомочен, но не обязан назначать экспертизу.

Некоторые исследователи данной проблематики полагают, что назначение судебной экспертизы по рассматриваемой категории дел возможно только при наличии достаточных доказательств [5, с. 104–105; 6]. Оценка доказательств, в т. ч. на предмет их достаточности (ч. 3 ст. 67 ГПК РФ), осуществляется судом, следовательно, только от его усмотрения зависит, будет ли назначена по такому делу судебная экспертиза.

Кроме того, в силу презумпции дееспособности наследодателя на момент совершения сделки [7, с. 21; 8, с. 8], необходимости сохранения сделки в целях защиты частной автономии воли [9], бремя доказывания угнетённого психического состояния возложено на истца. Если истец окажется некомпетентным, а суд не проявит процессуальной активности и экспертиза по делу не будет назначена, то ничего не остаётся, кроме как отказать в удовлетворении исковых требований. В этом случае, как представляется, говорить о полном, всестороннем и объективном исследовании обстоятельств дела не приходится.

В связи с этим было бы верным указать, например, на уровне постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации на необходимость при рассмотрении дел такой категории, во всяком случае ставить вопрос о назначении судебной экспертизы.

Сложность сбора доказательств и довольно короткий период подлежащего исследованию состояния наследодателя создают трудности не только для суда и сторон, но и для эксперта, посмертно исследующего психику единственного участника оспариваемой сделки. Это чревато допущением в экспертном заключении чисто гносеологических ошибок, неверными выводами или выводами, носящими вероятностный характер.

Частью 2 ст. 87 ГК РФ предусмотрен особый способ проверки экспертного заключения посредством проведения повторного исследования, поручаемого другому эксперту или экспертам. Наличие такого способа проверки заключения, с учётом ограниченных возможностей эксперта, представляется критически значимым не только для суда, но и для стороны, сомневающейся в правильности сделанных выводов.

Вместе с тем, по мнению Конституционного Суда Российской Федерации, сомнений стороны и заявления соответствующего ходатайства недостаточно для назначения повторной экспертизы. По мнению Суда, право принимать решение о назначении и проведении повторной судебной экспертизы принадлежит исключительно суду, рассматривающему дело, что вытекает из принципов самостоятельности суда⁶

⁶ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гуденко Бориса Ивановича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 87 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 26 апреля 2021 г. № 739-О [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 03.08.2022).

и его независимости⁷. Такой вывод обоснован действующими во взаимосвязи положениями ч. 1 ст. 87, ст. 166 и п. 5 ч. 1 ст. 225 ГПК РФ, которые «...не предполагают произвольного отказа в удовлетворении ходатайства о назначении повторной экспертизы (при наличии названных условий) и тем самым направлены на принятие законного и обоснованного решения по делу и являются процессуальной гарантией права на судебную защиту»⁸.

Взаимосвязанные правоположения, приведённые Судом, возлагают на суд, рассматривающий дело, во всяком случае, обязательно мотивировать определение об отказе в удовлетворении ходатайства о назначении по делу повторной экспертизы. К сожалению, суды зачастую не стремятся обременять себя необходимостью полноценно мотивировать отказ в удовлетворении ходатайства.

Так, например, согласно тексту решения Дзержинского районного суда г. Ярославля от 18 мая 2020 г. по делу № 2 – 23/2020, в назначении повторной экспертизы было отказано: «Суд полагает, что у суда нет оснований не доверять заключению экспертизы...»⁹.

В другом деле, пересматриваемом во Втором кассационном суде общей юрисдикции, мотивы отклонения ходатайства о назначении повторной экспертизы исчерпались указанием на констатацию того, что «Суд, отказывая в назначении повторной экспертизы, обоснованно исходил из отсутствия объективных оснований для её производства»¹⁰.

Приведённые мотивационные формулировки едва ли можно считать исчерпывающими, что не обеспечивает реализацию гарантий судебного процесса или его рационализацию, а лишь направлено на уменьшение нагрузки судов. Оправданным такой подход считать нельзя, во-первых, потому что доступность пересмотра судебных постановлений нивелирует предполагаемый эффект процессуальной экономии, во-вторых, суд, назначивший повторную экспертизу и даже приостановивший в связи с этим

⁷ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Федоровой Ксении Георгиевны на нарушение ее конституционных прав рядом норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 19 июля 2016 г. № 1714-О [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 03.08.2022).

⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фролова Александра Семеновича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 87 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 28 января 2021 г. № 113-О [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 03.08.2022).

⁹ Решение Дзержинского районного суда г. Ярославля от 18 мая 2019 г. по делу № 2 – 23/2020 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Дзержинского районного суда г. Ярославля. – Режим доступа: // <http://dzerzhinsky.jrs.sudrf.ru/> (дата обращения: 03.08.2022).

¹⁰ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 2 декабря 2021 г. по делу № 88-28536/2021 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 03.08.2022).

производство по делу, не утрачивает возможность рассматривать иные дела.

Такой подход, как видно, не только не обеспечивает судебную систему действительной процессуальной экономией, но и негативно сказывается на принципе равноправия сторон, если под ним понимать в том числе «равные возможности доказывания основания своих требований и возражений, исходя из своих позиций на спорное правоотношение» [10, с. 39]. Как указывалось ранее, эксперт, проводя посмертную судебную психолого-психиатрическую экспертизу, не имеет возможности исследовать психику наследодателя непосредственно, что создаёт риск получения неверных или вероятностного характера выводов, но сторона, не доверяющая исследованию, не вправе требовать назначения повторной экспертизы, которая, возможно, восполнит гносеологические упущения, допущенные прежним исследователем.

Стоит, однако, иметь в виду, что сторона, требующая назначения по делу судебной экспертизы, не лишена возможности таким образом злоупотребить своим процессуальным правом, в целях, например, увеличения сроков рассмотрения дела, вступления в силу судебного решения. Это кажется тем более возможным и удобным с учётом положения абз. 2 ч. 2 ст. 85 ГПК РФ, согласно которому эксперт или судебно-экспертное учреждение не вправе отказаться от проведения порученной им экспертизы в установленный судом срок, мотивируя это отказом стороны произвести оплату экспертизы до её проведения.

Представляется правильным законодательно обязать суд удовлетворять ходатайство о назначении повторной судебной экспертизы по делам из числа исследуемой категории, кроме случаев, когда назначение экспертизы не имеет практического смысла в связи с признанием стороной обстоятельств в смысле ч. 2 ст. 68 ГПК РФ или признания иска. Помимо возложения обязанности на суд представляется правильным обязать ходатайствующую сторону внести до определённого срока установленную сумму на депозит суда или на банковский счёт экспер-

та (экспертного учреждения). Неисполнение же этой обязанности должно влечь утрату стороной права требования назначения повторной экспертизы в последующем при рассмотрении данного дела. Это, как представляется, позволит эффективно обеспечить процессуальную экономию, гарантии судебной защиты и принципа равноправия сторон, а также противодействовать попыткам злоупотребления процессуальными правами.

Выводы

1. Срок эффективной судебной защиты при признании завещания недействительным на основании п. 1 ст. 177 ГК РФ не превышает шести месяцев. Увеличение такого срока возможно путём предоставления наследникам, которые были бы призваны к наследству в отсутствие завещания, права на получение от нотариуса или иных лиц, удостоверивших завещание, информации о его содержании, права оспаривать завещание до открытия наследства по правилам п. 2 ст. 177 ГК РФ или возможности обратиться с соответствующим иском в суд без указания ответчика.

2. Особое доказательственное значение по данной категории дел имеет заключение посмертной психолого-психиатрической экспертизы. В связи с этим необходимо указать, например, на уровне постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации на необходимость, во всяком случае, ставить вопрос о назначении судебной экспертизы.

3. Для обеспечения соблюдения принципа равноправия сторон и проверки правильности экспертного заключения особую важность имеет назначение по делу повторной судебной экспертизы. В связи с этим предлагается сужение широты дискреционных полномочий суда при разрешении ходатайства о проведении повторной судебной экспертизы. В этой части необходимо установить обязанность суда назначать проведение повторной экспертизы с условием о совершении ходатаем предварительной оплаты работы эксперта.

Список литературы

1. Склоцкий К. И. Сделка и её действие. Комментарий главы 9 ГК РФ. Принцип добросовестности [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 14.08.2022).
2. Филиппова С. Ю. Невозможность в частном праве: понятие, виды, правовые последствия. Опыт систематизации норм частного права // Хозяйство и право. – 2019. – № 1. – С. 80–97.
3. *Наследственное право*: Постатейный комментарий к разделу V Гражданского кодекса Российской Федерации / под общ. ред. М. А. Димитриева. – Екатеринбург: «Издательство УМЦ УПИ», 2012. – 180 с.
4. Останина Е. А. Взаимная связь сделок и признание завещания недействительным // Наследственное право. – 2011. – № 3. – С. 17–22.
5. Марухно В. М. Посмертная экспертиза в вопросах недействительности завещания // Общество и право. – 2011. – № 5. – С. 104–107.
6. Смолина Л. А., Лебедева Е. А. Признание завещания недействительным по пороку субъективной стороны: проблемы правоприменительной практики // Нотариус. – 2019. – № 1. – С. 35–39.
7. Новицкий И. Б. Сделки. Исковая давность. – Москва: Госюриздат, 1954. – 247 с.
8. Рабинович Н. В. Недействительность сделок и ее последствия. – Ленинград: изд-во Ленинградского университета, 1960. – 171 с.

9. Байбак В. В., Бевзенко Р. С., Будылин С. Л. и др. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. – Москва: М-Логос, 2018 [Электронное издание. Редакция 1.0]. – 1264 с. // СПС «Консультант Плюс».

10. Матюшенкова Ю. Л. Некоторые аспекты арбитражной практики по налоговым спорам. Москва, 2002. – 169 с.

11. Малофеев А. А. Недействительность сделок с пороками воли. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2010. – 140 с.

References

1. Sklovskiy K. I. Sdelka i yeyo deystviye. Kommentariy glavy 9 GK RF. Printsip dobrosovestnosti [Elektronnyy resurs] // SPS «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 14.08.2022).

2. Filippova S. Yu. Nevozmozhnost' v chastnom prave: ponyatiye, vidy, pravovyye posledstviya. Opyt sistematizatsii norm chastnogo prava // Khozyaystvo i pravo. – 2019. – № 1. – S. 80–97.

3. Nasledstvennoye pravo: Postateynny kommentariy k razdelu V Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii / pod obshch. red. M. A. Dimitriyeva. – Yekaterinburg: «Izdatel'stvo UMTS UPI», 2012. – 180 s.

4. Ostanina Ye. A. Vzaimnaya svyaz' sdelok i priznaniye zaveshchaniya nedeystvitel'nym // Nasledstvennoye pravo. – 2011. – № 3. – S. 17–22.

5. Marukhno V. M. Posmertnaya ekspertiza v voprosakh nedeystvitel'nosti zaveshchaniya // Obshchestvo i pravo. – 2011. – № 5. – S. 104–107.

6. Smolina L. A., Lebedeva Ye. A. Priznaniye zaveshchaniya nedeystvitel'nym po poroku sub'yektivnoy storony: problemy pravoprimeritel'noy praktiki // Notarius. – 2019. – № 1. – S. 35–39.

7. Novitskiy I. B. Sdelki. Iskovaya davnost'. – Moskva: Izdatel'stvo: Gosyurizdat, 1954. – 247 с.

8. Rabinovich N. V. Nedeystvitel'nost' sdelok i yeye posledstviya. – Leningrad: izd-vo Leningradskogo universiteta, 1960. – 171 s.

9. Baybak V. V., Bevzenko R. S., Budylin S. L. i dr. Sdelki, predstavitel'stvo, iskovaya davnost': postateynny kommentariy k stat'yam 153–208 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii / отв. ред. А. Г. Карапетов. – Москва: М-Логос, 2018 [Elektronnoye izdaniye. Redaktsiya 1.0]. – 1264 s. // SPS «Konsul'tant Plyus».

10. Matyushenkova Yu. L. Nekotoryye aspekty arbitrazhnoy praktiki po nalogovym sporam. Moskva, 2002. – 169 s.

11. Malofeyev A. A. Nedeystvitel'nost' sdelok s porokami voli. – Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2010. – 140 s.

Статья поступила в редакцию 05.09.2022; одобрена после рецензирования 17.10.2022; принята к публикации 21.10.2022.

The article was submitted September 5, 2022; approved after reviewing October 17, 2022; accepted for publication October 21, 2022.

Уголовно-правовые науки

Научная статья
УДК 343.214
doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-78-89

Михаил Матвеевич Бабаев

доктор юридических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0003-1656-2529>, babaevmm@yandex.ru

*Всероссийский научно-исследовательский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25*

Юрий Евгеньевич Пудовочкин

доктор юридических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0003-1100-9310>, 11081975@list.ru

*Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина
Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9*

Судебное толкование уголовного закона: вопросы теории

Аннотация: Толкование закона в судебной деятельности, а равно поиск специфических особенностей толкования уголовного закона, относятся к разряду тем, актуальность которых в современных условиях многократно возрастает. Противоречие между нарастающими процессами сверхкриминализации и ростом обеспокоенности по поводу соблюдения прав и свобод человека актуализирует статус толкования как одного из важнейших аспектов юридической деятельности, прямо обеспечивающих верховенство права в уголовно-правовых отношениях.

В любом нормативном тексте всегда сосредоточено множество субъективных смыслов, только один из которых объективно может быть положен в основу судебного решения. На основе обобщения сложившихся подходов к пониманию толкования закона выделяются две его базовые модели – модель презентации парламентского смысла и модель презентации судебного смысла закона. Доказывается, что правоприменение определено именно судебным смыслом закона, установление которого в процессе толкования выступает значимым компонентом судебной правовой политики. Работа по уяснению смысла уголовного закона обладает спецификой, предопределённой публичным характером отрасли уголовного права, который накладывает свой отпечаток на образ действий суда в пределах реализации принципа разделения властей. Однако эта специфика не может состоять, как это принято считать в науке, в ограничении используемых судом методов толкования или установлении жёсткой иерархической последовательности применения методов толкования.

Специфика толкования уголовного закона должна быть определена не методами толкования, но принципами уголовного права. Их содержание, в свою очередь, должно раскрываться через обращение к целям уголовно-правового регулирования. По итогам исследования установлено, что общий подход к толкованию уголовного закона, которое, будучи в приоритетном порядке буквальным, должно сочетать ограничительное понимание любых правоограничений и широкое понимание любых защит от обвинения в преступлении.

Ключевые слова: уголовный закон, толкование уголовного закона, методы толкования закона, принципы уголовного права, цели уголовного права

Для цитирования: Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Судебное толкование уголовного закона: вопросы теории // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4 (96). – С. 78–89; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-78-89.

Mikhail M. Babaev

Dr. Sci (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0003-1656-2529>, babaevmm@yandex.ru

*Russian Research Institute
of the Ministry of the Interior of Russia
25, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation*

Yuri E. Pudovochkin

Dr. Sci (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0003-1100-9310>, 11081975@list.ru

*Kutafin Moscow State Law University
9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, 117418, Russian Federation*

Judicial interpretation of the criminal law: questions of theory

Abstract: The interpretation of the law in judicial activity, as well as the search for specific features of the interpretation of the criminal law, belong to the category of topics whose relevance in modern conditions is increasing much. The contradiction between the growing criminalization and the increasing concern about the observance of human rights and freedoms actualize the status of interpretation as one of the most important aspects of legal activity, directly ensuring the rule of law in criminal law relations.

In any law-making text, there are always a lot of subjective meanings, only one of which can objectively be the basis of a judicial decision. Based on the generalization of the existing approaches to understanding the interpretation of the law, two of its basic models are distinguished - the model of the presentation of the parliamentary meaning and the model of the presentation of the judicial meaning of the law. It is proved that law enforcement is determined precisely by the judicial meaning of the law, the establishment of which in the process of interpretation is a significant component of judicial legal policy. Understanding the meaning of the criminal law has a specificity being predetermined by the public nature of the branch of criminal law, this impresses the course of action of the court within the framework of the implementation of the principle of separation of powers. However, this specificity cannot consist of, as it is commonly considered to be in science, in limiting the methods of interpretation used by the court or establishing a rigid hierarchical sequence in the application of methods of interpretation.

The specificity of the interpretation of the criminal law should be determined not by the methods of interpretation, but by the principles of criminal law. Their content, in turn, should be revealed through an appeal to the goals of criminal law regulation. According to the results of the study, the general approach to the interpretation of the criminal law, which being literal as a matter of priority, should combine a restrictive understanding of any legal restrictions and a broad understanding of any defenses against a charge of a crime.

Keywords: criminal law, interpretation of criminal law, methods of interpretation of the law, principles of criminal law, goals of criminal law

For citation: Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. Judicial interpretation of the criminal law: questions of theory // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 4 (96). – P. 78–89; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-78-89.

Введение

Необходимость научного мониторинга проблемы толкования закона вообще и судебного толкования в частности определяется несколькими цивилизационно значимыми обстоятельствами:

– во-первых, кардинальными правовыми реформациями роли и места суда в системе органов государственной власти и в правовой системе России, которые начались в конце XX века и которые состоят в обретении судом подлинной независимости, предписанной принципом разделения властей, что диктует необходимость теоретического осмысления и функционального назначения судебной системы, и самого понятия «правоприменение»;

– во-вторых, противоречивыми процессами правовой глобализации, трансплантации и отторжения правового опыта иностранных государств, сближения и размежевания правовых систем, которые сопровождаются среди прочего внедрением идентичных правовых конструкций в правовые системы государств, имеющих различные традиции и опыт функционирования судов;

– в-третьих, чрезвычайно возросшей скоростью трансформации уголовного закона, причём как в части появления новых уголовно-правовых норм, ранее неизвестных судебной практике, так и в части многократного изменения, зачастую противоречивого и непоследовательного, правовых норм, которые можно отнести к разряду традиционных.

Общий обзор научных источников позволяет установить, что среди специалистов нет существенных расхождений во взглядах по поводу понятия судебного толкования и его способов. Вместе с тем наблюдаются значимые методологические расхождения в вопросах политико-правовой оценки результатов и пределов судебного толкования, его роли и места в правовом регулировании, разработки методологии судебного толкования.

«Смысл» или «смыслы» закона

Рефреном едва ли не всех теоретических рассуждений о законе и праве звучит мысль о том, что закон должен быть сформулирован ясно, чётко, определённо, недвусмысленно, полно, адекватно, объективно и т. д. Очевидно, что эти требования обращены к созданию некоей идеальной модели закона, которая, как и любой идеал, недостижима. Но даже в гипотетической ситуации создания идеального закона его применение судами требует предварительного уяснения смысла нормативных положений, что свидетельствует о вечно существующей и не зависящей от качества закона проблеме соотношения текста нормативного правового акта и смысла отражённых в этом тексте правовых предписаний. Поиск смысла закона на основе толкования его текста – важнейшая задача суда.

Еще в середине прошлого столетия Г. Кельзен писал: «Требование юридической техники состоит в том, чтобы правовая норма была

сформулирована как можно более чётко, чтобы её смысл не вызывал сомнений. Однако, поскольку правовые нормы в основном написаны человеческим языком, а человеческий язык часто неоднозначен, это требование может быть сформулировано лишь приблизительно. Поэтому очень часто в правовой норме можно найти несколько значений. Доктрина о том, что правовая норма имеет фактически только одно значение и что существует научный метод, который позволяет всегда находить это единственное правильное значение, является фикцией, используемой традиционной юриспруденцией для поддержания иллюзии правовой безопасности» [1, с. 201–202].

Действительно, если бы в норме права был скрыт один единственно возможный смысл, сама потребность в дискуссии по поводу толкования закона была бы явно не столь значимой, каковой она сегодня представляется. Если норма права предполагает наличие единственного смысла, и этот смысл неотделим от текста закона, сам смысл превращается в некоторую онтологическую реальность. Применение различными субъектами (судом, следователем, адвокатом, учёным-исследователем и т. д.) стандартного набора методов познания этой реальности приводило бы всех к одному и тому же результату. В случае если бы результат познания нормы различными субъектами различался или если применение различных методов познания одним и тем же субъектом приводило бы к различным результатам, можно было бы смело утверждать либо об ошибке в применении метода познания, либо о применении неадекватного объекту метода, либо о сознательном, субъективно мотивированном искажении действительности.

Наличие в правовой норме единственно возможного смысла предполагает постановку вопроса о толковании как деятельности, направленной исключительно на его выявление, но не на конструирование. Однако в реальности мы с неизбежностью сталкиваемся с рядом обстоятельств, опровергающих это допущение. Во-первых, сложно объяснимыми становятся многочисленные ошибки судебной практики, связанные с неправильным применением уголовного закона. Во-вторых, во многом излишними и неоправданными выглядят непрекращающиеся научные исследования, посвящённые вопросам толкования одних и тех же правовых норм. В-третьих, необъяснимым выглядит и периодический пересмотр Пленумом Верховного Суда РФ своих же рекомендаций по вопросам толкования закона и квалификации преступлений на фоне неменяющегося текста Уголовного кодекса РФ.

Сказанное может служить достаточными аргументами в пользу признания очевидного факта: любой закон, любая правовая норма потенциально скрывают в себе множество возможных смыслов. Это расхождение текста и смысла выступает основной точкой опоры герменевтической философии и развитой во многом на её основе коммуникативной теории

права, чьи авторитет и значимость в современном социальном, гуманитарном и правовом знании вряд ли можно оспорить. По большому счёту можно утверждать, что в тексте уголовного закона заложено столько смыслов и значений, сколько субъектов возьмется за его интерпретацию и толкование. Если ограничиваться нормативной и правоприменительной сферой, то как минимум можно говорить о смыслах, которые вкладывает в закон сам законодатель, суд, сторона обвинения и сторона защиты. Поиск смыслов закона таким образом есть не только увлекательная научная задача, но и насущная проблема правоприменительной практики.

Теоретические модели поведения суда при установлении смысла закона

Множество смыслов в законе ставит для суда непростую задачу – выбрать тот, которым он будет руководствоваться. В практическом отношении эта задача включает в себя поиск ответов на два вопроса: а) следует ли суду стремиться к установлению аутентичного, то есть парламентского смысла закона, руководствуясь содержанием законодательного намерения, или же он должен истолковать закон таким, каков он есть согласно официальному тексту, руководствуясь собственными представлениями о существе и назначении закона; б) следует ли суду толковать закон исключительно буквально или же допустимо контекстуальное толкование закона, с учётом не только его места в системе правовых предписаний, но и условий социальной, политической, экономической, культурной и т. д. реальности текущего момента.

В современной науке и правоприменительной практике однозначного понимания ответов на эти вопросы не существует. Максимально упрощая ситуацию, можно обозначить два типовых, модельных решения проблемы. Условно назовем их «модель презентации парламентского смысла» и «модель презентации судебного смысла» (см. табл. 1):

а) Модель презентации парламентского смысла закона

Эта модель, насколько мы можем судить, пользуется особенной популярностью в российской системе права и правосудия. Если предположить, что задача суда состоит только в практическом воплощении законов, содержание и смысл которых определяются исключительно парламентом, если довести почти до Абсолюта принцип разделения властей, то надо очевидно признать, что в процессе правоприменения суд, с одной стороны, толкуя «букву закона», должен подчеркнута руководствоваться законодательным намерением, не привнося от себя ничего, что могло бы хоть как-то и хоть в чём-то расходиться с этим намерением, а с другой стороны, должен выявить волю, намерение законодателя посредством грамматического, логического, системного толкования текста закона. Буквальное толкование закона в соответствии с законодательным намерением в таком случае выступает единственно верным и единственно допустимым.

В рамках рассматриваемой модели понимание законодательной воли не отличается единообразием. Можно выделить как минимум два существенно различающихся, хотя и способных к сосуществованию подхода.

Первый состоит в отождествлении воли законодателя и его намерения (цели) в момент принятия закона. При этом намерение законодателя, как показывают некоторые исследования, не является неуловимым и эфемерным, оно реально и вполне может быть установлено [2; 3]. В многочисленных решениях Конституционного Суда РФ содержится масса свидетельств выявления этого намерения, прежде всего на основании Пояснительных записок к законопроектам. Сознательно не останавливаясь сейчас на проблеме их качества и содержания, отметим, что дополнительным источником выявления воли законодателя в данном случае могут служить материалы обсуждения законопроекта в соответствующих комитетах и комиссиях

Таблица 1

Модели толкования

	Модель презентации парламентского смысла закона	Модель презентации судебного смысла закона
«Закон»	то, что сказал или намеревался сказать законодатель	то, что сказал суд
«Правовая норма»	объект толкования	итог толкования
«Роль суда»	правотолкование и правоприменение	правотолкование, правоприменение и правотворчество
«Восполнение закона»	альтернативно: а) не допускается; б) допускается путём распространительного или ограничительного толкования; в) допускается при буквальном толковании закона и применении принципов права	допускается относительно свободно
«Политика»	отсутствует в деятельности суда	формируется область судебной политики

Государственной Думы РФ, результаты сопоставления текстов законопроектов, обсуждаемых в первом и последующем законодательных чтениях, таблицы поправок к законопроектам, официальные отзывы на законопроект, стенограммы парламентских заседаний и т. д.

Второй подход различает намерения и волю. Воля законодателя в данном случае усматривается не в том, что хотел сказать законодатель в тексте нормативного правового акта, а в том, что он действительно сказал. Как пишет П. С. Яни: «Что бы ни имели в виду авторы законопроекта при создании нормы (как это может быть установлено из пояснительных записок, материалов обсуждения в законодательном органе и т. п.), но если в итоге предложенное ими и закреплённое в законе описание группы реальных жизненных фактов соответствует иному, применяться норма может только в соответствии с написанным, а не с желаемым» [4, с. 56–57].

Различия в толковании понятия «воля законодателя», понятны: закон – это то, «что хотел сказать законодатель» или то, «что сказал законодатель». Но повторим: эти различающиеся подходы вполне могут сосуществовать в рамках теоретических построений. При этом, как правило, обращение к выяснению намерений авторов закона мыслится как дополнительная исследовательская процедура в случае, когда в выяснении смысла закона, исходя из его буквального текста, возникают некоторые затруднения. В любом случае толкование здесь мыслится как выяснение законодательной воли, то есть смысла закона, который заложен в нём самим законодателем.

О недопустимости придания закону смысла, противоречащего аутентичному (то есть заложенному самим законодателем) смыслу, цели законоположений и сути возникающих на их основе правоотношений вполне определён неоднократно высказывался Конституционный Суд РФ¹.

Вместе с тем изучение судебной практики по уголовным делам не позволило нам найти хотя бы одно судебное решение, в тексте которого суд аргументировал бы свою позицию, ссылаясь именно на волю или намерение законодателя. Это не означает, между тем, что соответствующие понятия суду неизвестны или, тем более, что они им игнорируются.

¹ По делу о проверке конституционности подпункта «к» пункта 1 статьи 5 Закона Российской Федерации «О налоге на добавленную стоимость» в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Конфетти» и гражданки И. В. Савченко : постановление Конституционного Суда РФ от 28 марта 2000 г. № 5-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2020. – № 4; По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части реализации мер по повышению престижа и привлекательности военной службы по призыву» в связи с запросом Парламента Чеченской Республики : постановление Конституционного Суда РФ от 30 октября 2014 г. № 26-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2015. – № 1.

Так, например, рассматривая дело об административном правонарушении и отменяя постановление суда, которым К. был признан виновным в совершении правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.6.1 КоАП РФ, на том основании, что находился на улице без средств индивидуальной защиты органов дыхания (маски, респиратора), Верховный Суд Республики Татарстан, исследовав содержание самого КоАП РФ и корреспондирующих ему иных нормативных правовых актов, указал (дословно): «Анализ приведённого правового регулирования свидетельствует о том, что воля законодателя, предпринявшего меры к введению запретов и ограничений в различных сферах жизнедеятельности человека, была направлена на снижение риска передачи новой коронавирусной инфекции в контактно-социальной среде. Поэтому не во всех случаях передвижение в общественном месте без средств индивидуальной защиты идёт вразрез с установленным в регионе режимом повышенной готовности. Если пребывание граждан в общественном месте без маски (респиратора) не сопровождалось взаимодействием с иными лицами и (или) предметами, вещами и товарами, к которым имеется общий доступ, то ... оно не посягает на отношения в области общественной безопасности»².

Выявление и установление судом воли законодателя в рамках рассматриваемой модели мыслится как вполне реальная задача. Предполагается, что, буквально толкуя закон, суд объективно разъясняет волю законодателя, причём такое разъяснение оказывается под силу как высшему судебному органу страны, так и судам нижестоящих инстанций. Этой воле должен быть подчинён весь правоприменительный процесс, а отклонение от неё – это правоприменительная ошибка.

Множество субъектов-интерпретаторов воли законодателя в данном случае не рассматривается как существенная проблема при условии, что все эти субъекты (все суды) выражают волю законодателя единообразно. Консенсус судебной практики и отсутствие возражений со стороны самого законодателя (в форме коррекции правовых норм) рассматривается как свидетельство того, что суды верно обнаружили и верно следуют намерениям законодателя.

В том случае, если в интерпретации судами законодательной воли обнаруживаются разночтения и эти разночтения не являются свидетельством ошибки суда, вопрос о справедливости и точности того или иного толкования приобретает особенное значение. Такие разночтения могут касаться двух основных ситуаций: во-первых, признания наличия или отсутствия пробела в праве, и во-вторых, признания допустимости двух или более вариантов толкования содержания нормы права. Именно эти ситуации демонстрируют «слабое место» рассматриваемой модели толкования закона: возможность

² Верховный Суд Республики Татарстан. Решение от 8 июля 2020 г. по делу № 5-250/2020.

суда «говорить от имени» законодателя демонстрирует потенциальную возможность «говорить вместо законодателя».

Необходимость выработки универсальных правил преодоления этих сложностей предполагает учёт одного из главных противоречий в области толкования закона, возникающих между, с одной стороны, требованиями принципа разделения властей, не допускающими подмены парламента судом, а с другой стороны, недопустимостью отказа в праве и правосудии даже в ситуации неполноты и неясности закона. Обращаясь к этому вопросу, Конституционный Суд РФ высказался следующим образом: «Если взаимоисключающие варианты толкования одной и той же нормы (продиктованные, помимо прочего, различиями в её понимании при сопоставлении с другими нормами) оказываются не лишёнными определённого юридического обоснования, укладываемого в конституционные рамки законодательного усмотрения, а единая судебная практика применения такой нормы не сформирована, установление её действительного юридического содержания даже с помощью обращения к конституционным целям и принципам может оказаться весьма затруднительным. В подобной ситуации *наиболее корректным способом* (выделено нами – М. Б., Ю. П.) выявления намерений законодателя при введении соответствующего правового регулирования является – во исполнение принципа разделения властей – законодательное уточнение нормативных положений, неясность (неоднозначность) которых, не преодолимая средствами юридического толкования, создаёт серьёзные препятствия для полноценного обеспечения принципа равенства перед законом и судом в процессе их применения»³.

Обратим внимание на словосочетание – «наиболее корректным». Оно предполагает, что вмешательство законодателя в разрешение противоречия является наиболее правильным, наиболее желательным, предпочтительным. Но вместе с тем оно не исключает, что могут существовать и «наименее корректные» способы выявления воли и намерений законодателя. Они, согласно тексту решения Конституционного Суда РФ, не исключаются категорически из области правового регулирования и правоприменения. И эти способы, очевидно, связаны с судебным толкованием закона.

³ По делу о проверке конституционности части 5 статьи 36 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам военной службы в органах военной прокуратуры и военных следственных органах Следственного комитета Российской Федерации» в связи с запросом Северо-Кавказского окружного военного суда : постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2018 г. № 16-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2018. – № 4; По делу о проверке конституционности положений части 1 и пункта 2 части 2 статьи 20 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан США Н. Д. Вордена и П. Д. Олджэма : постановление Конституционного Суда РФ от 19 июля 2017 г. № 22-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2017. – № 6.

Отношение же к толкованию закона при ошибках и неточностях закона у специалистов, выстраивающих свои рассуждения в рамках рассматриваемой нами модели толкования, весьма различно. Некоторые допускают возможность корректировки объёма закона посредством толкования за счёт таких его видов, как распространительное или ограничительное [5, с. 28], другие авторы, возражая против распространительного, ограничительного толкования закона и применения его по аналогии, доказывают, что в рассматриваемых сложных случаях имеет место не восполнение пробелов закона судом, а «толкование и применение судом принципов и норм права, содержащихся в иных формах национального или международного права» [6, с. 19].

Как бы то ни было, при любом подходе деятельность суда в ситуациях неточности, неясности, неполноты законов акцентированно противопоставляется деятельности правотворческой, ибо никакой интерпретатор не может служить заменой законодателю для изменения смысла нормы, но он может заполнить лакуны, когда любая другая возможность исчерпана [7].

Очевидно, что такие подходы к пониманию толкования закона и оценке роли суда не оставляют, по большому счёту, места для рассуждений о «судебном правотворчестве», «судебном праве» и «судебной правовой политике». Суд в рамках таких построений – предельно дистанцированный от законодательной практики орган, выполняющий в рамках государственного аппарата, основанного на принципе разделения властей, исключительную функцию применения норм права, и по умолчанию наделённый возможностью выявлять на основе текстов нормативных правовых актов и принципов права волю парламента, «говорящий от имени парламента» орган, реализующий выработанную им правовую политику.

б) *Модель презентации судебного смысла закона*

Эта модель основана на двух теоретических допущениях.

Во-первых, на явном или неявном различии и порой противопоставлении права и закона. Эта идея хорошо знакома специалистам. Применительно к проблеме толкования она преломляется в дискуссию о том, является ли содержание правовой нормы исходной точкой в толковании или его итогом. Толкование закона, правовых норм, отмечают исследователи, зависит от того, какое значение мы придаём понятию нормы. Норма может быть определена как нормативный текст, но в то же время может восприниматься как его содержание, установленное по итогам толкования закона; в этом случае норма является не объектом интерпретационной деятельности, а её результатом [8]. Понятно, что правовая норма, если понимать её как итог толкования текста закона, не может быть «дана нам в непосредственных ощущениях»; она всегда есть некая мысленная конструкция. И в этом отношении она объединяет собой сам текст,

результат его интерпретации и аргументы, положенные в её основу. В понятии толкования интерпретация и аргументы нерасторжимы, потому что интерпретация, которая не аргументируется, – это не подлинная интерпретация, а интуитивное понимание [9]. Отсюда – один шаг до признания интерпретатора текста закона соавтором правовой нормы. Об этом прямо пишут некоторые специалисты: закон не является полноценным источником права, и суды возводят здание права наряду с законодателем, «право – результат совместной работы законодателя и судов» [10].

Вторая предпосылка связана с относительно «мягким» прочтением принципа разделения властей, признанием более широкой функциональной роли суда в государстве. «Разделение властей пользуется большим почтением в нашей политической и судебной риторике, – отмечают юристы, – но всегда было трудно классифицировать всю деятельность правительства на три и только три, аккуратно и взаимно эксклюзивные категории» [11, р. 1307]. В этой связи предполагается, что правотворчество не является исключительно парламентской функцией, а суд, выполняя своё прямое предназначение – отправляя правосудие, имеет возможность участвовать в правотворческом процессе, причём не просто участвовать в процессе принятия законов парламентом в качестве «внешнего эксперта», но и самостоятельно творить, создавать правовые нормы, быть их автором. Разумеется, эта возможность суда мыслится не как его главная функция (уважение к принципу разделения властей этого не допускает), но как функция, с одной стороны, «побочная», которая проявляется в сложных ситуациях неясности и неполноты законов, а с другой стороны, вполне «имманентная», поскольку задача суда видится не столько в формальном применении законов, сколько в защите права, прав человека и в обеспечении справедливости. Следовательно, в тех ситуациях, когда применение нормативного правового акта в его буквальном истолковании грозит попранием самого духа и принципов права, суд вправе таким образом интерпретировать закон, применить или отказать в его применении, чтобы справедливость не была нарушена. Подобное истолкование закона предполагает весьма широкую свободу суда в обращении с текстом нормативных источников, вплоть до содержательной коррекции его буквального смысла, что, по сути, предполагает творческую, волевою деятельность суда по созданию оригинальной правовой нормы [12, р. 408].

Исходя из этих предпосылок, сторонниками рассматриваемой модели толкования провозглашается, что суд не только «объявляет» законодательную волю, выявив её в процессе интерпретации закона и действуя в соответствии с ней, но и «формирует» эту волю, адаптируя и приспособляя закон к сложным правоприменительным случаям. Известное высказывание Цицерона о том, что «судья – это говорящий закон, а закон – это немой судья»,

приобретает в данном случае совершенно специфическое звучание. Закон – это не то, что хотел сказать или сказал законодатель, закон – это то, что сказал суд. Выявленный судом смысл текста нормативного акта и становится собственно смыслом закона. Утверждать в данном случае, что суд выявил именно смысл, заложенный в закон парламентом, невозможно по той причине, что результат интерпретации (смысл закона) не может быть оторван от субъекта интерпретации (суда). Суд не может говорить от имени парламента, он говорит сам, от своего имени. Для парламента текст закона – это итог рассуждений, для суда – начало. И то, что скажет суд, толкуя закон, есть слова не парламента, но самого суда. В соответствии с самостоятельно установленным смыслом закона суд и применяет закон, что подчёркивает и гарантирует независимость суда в системе разделения властей и его самостоятельную роль в обеспечении права.

Важно подчеркнуть, что рассматриваемая модель толкования как самостоятельный объект критики не возникает до тех пор, пока само толкование мыслится в качестве исключительно познавательной деятельности, основанной на применении средств лингвистической и систематической интерпретации текста нормативного правового акта, до тех пор, пока толкование остается в границах выяснения буквального значения слов и выражений, использованных законодателем при составлении закона. Однако, когда на результате толкования отражаются итоги деятельности суда по изменению объёма или содержания нормы, возникает и сама эта модель, и сопровождающие её дискуссии о разграничении правотолкования и правотворчества.

Специфическая особенность этой дискуссии состоит, на наш взгляд, не в том, что исследователи по-разному воспринимают сам факт наличия судебного правотворчества в качестве итога правотолковательной деятельности суда, а в оценке этого факта, в признании его допустимости или недопустимости, полезности или разрушительности для правовой системы. Основной вектор критики в данном случае вполне прогнозируем и понятен: судейский активизм, приводящий к судебному правотворчеству, стирает грань между толкованием нормативного текста и формулированием нового текста [13].

Толкование закона как проявление судебной политики

Представленные модели толкования закона принципиально различаются в вопросе, обладает ли суд в процессе толкования хоть сколько-нибудь значимыми возможностями правотворчества? В зависимости от ответа на него и строятся в науке критические теории толкования. Однако стоит обратить внимание, что основой для критики выступает не само по себе толкование, а его итог – приводит или не приводит оно к созданию новой нормы права. Сам процесс толкования при этом выводится за рамки объекта критического анализа, подразуме-

ваясь в качестве неотъемлемой части функционирования суда и процесса правоприменения. Между тем важно признать, что толкование уголовного закона – это деятельность, которая не регламентирована законом. Будучи элементом правоприменения, толкование само по себе не является правоприменительной деятельностью; оно – это познавательная деятельность суда.

Толкование направлено на выяснение смысла закона, выступает условием его применения, и остаётся, если допустимо так выразиться, в полном интеллектуальном и волевом усмотрении суда. Суд сам определяет, какие именно фрагменты текста закона и как именно толковать, какие способы и приёмы толкования использовать, к каким источникам толкования и с какой целью обращаться. Это свобода обращения с толкованием имеет своим следствием и свободу его результатов. Единственное ограничение, которое тут существует, заключается в восприятии судом своей роли в правоприменительном процессе и собственных возможностей в интерпретации текста закона. Ограничение в толковании есть, таким образом, самоограничение суда. Но такое самоограничение есть тоже проявление субъективного выбора. Выбор одной из двух представленных выше моделей толкования закона остаётся выбором суда.

Самостоятельность суда в процессе толкования закона, толкование с учётом собственного опыта, знания, правосознания – всё это предполагает наделение итогов судебного толкования субъективным смыслом. Иными словами, из множества смыслов закона суд выявляет «свой собственный» и применяет правовую норму, руководствуясь именно им.

Из этой посылки всегда исходит Конституционный Суд РФ, проверяя конституционность тех или иных законоположений, применённых судом, оценивая как «буквальный» смысл закона, так и смысл, придаваемый ему «официальным толкованием» и «сложившейся правоприменительной практикой». Совпадение смысла закона, выявленного судом, со смыслом закона, который вкладывал в него законодатель, является с одной стороны, разделяемой многими целью, но с другой стороны, может мыслиться как вполне случайное явление. Это совпадение смыслов во многом презюмируется как следствие конституционной добропорядочности органов государственной власти, соблюдения ими своей функциональной роли и конституционных ограничений компетенции. Но презумпция эта является, во-первых, вполне опровержимой, а во-вторых, что для нас важнее, – остаётся только презумпцией, то есть предположением, истинность которого не есть объективная реальность, но лишь результат конвенционального соглашения всех участников правотворческого и правоприменительного процесса.

Самостоятельное выявление судом смысла закона в процессе свободного выбора модели толкования, его объекта и способов содержит в себе существенный политический элемент.

Толкование как проявление судебной политики отчетливо проявляет себя при сочетании двух условий.

– Во-первых, когда речь идёт о толковании законов, содержащих неясности, неопределённости, двусмысленности. Разрешение посредством судебного толкования сомнений в содержании закона всегда основано на возможности выбора того или иного смысла закона. Выбор этот определяется не только (а иногда и не столько) факторами, расположенными внутри системы права. Он диктуется среди прочего широким комплексом внеправовых обстоятельств (соображениями справедливости и гуманизма, правосознанием судьи, пониманием и оценкой характеристик социальной среды и целей законодательства и т. д.). Такой выбор и есть основа для проявления судебной политики.

– Во-вторых, когда толкование закона не ограничивается рамками отдельной правоприменительной ситуации. Конституционный Суд РФ признал: «Толкование законодательных предписаний имеет место не только при принятии публично-властного решения в отношении конкретного лица, – оно может быть осуществлено путём разъяснения нормативного содержания того или иного законоположения применительно ко всем правоотношениям, возникающим на его основе, что требует принятия уполномоченным органом соответствующего акта, с тем чтобы довести его до сведения всех субъектов правоотношений, на которых распространяется разъясняемое предписание закона. ... Акт, содержащий разъяснение нормативных правовых актов, будучи направленным на практику правоприменения в целом, а не на конкретное правоотношение, характеризуется повторяющимся, регулярным, а не индивидуально-распорядительным воздействием на общественные отношения»⁴. В случае когда толкованию закона судом придается всеобщее значение, когда такое толкование становится обязательным для всех иных правоприменителей, оно приобретает характер универсального и обязывающего предписания. Неважно при этом, создаётся в процессе толкования новая норма права или не создаётся, сама обязательность итогов толкования делает такое толкование актом политическим.

Особенности толкования уголовного закона

Один из наименее исследованных в теории вопросов состоит в обосновании и поиске особенностей толкования уголовных законов.

⁴ По делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества «Газпром нефть»: постановление Конституционного Суда РФ от 31 марта 2015 г. № 6-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2015. – № 3.

Специфика уголовного права как публичной отрасли, регламентирующей применение самых суровых из всех возможных в правовой системе страны правоограничений, должна по меньшей мере предопределять постановку вопроса о наличии некоторых серьёзных, концептуальных особенностей толкования уголовного закона в части характеристики его пределов, используемых методов, принципов и т. д.

Однако вопрос этот требует обсуждения с момента его постановки. Существует ли в принципе специфика толкования уголовного закона?

Некоторые исследователи подчёркивают, что теоретические основы толкования уголовного права не отличаются от толкования в других отраслях права [14]. В то же время широко распространено мнение, что уголовный закон в силу определяющих уголовное право принципов должен толковаться особым образом, а именно – буквально и в спорных случаях подчёркнуто ограничительно [15].

Представляется, что в обсуждении данного вопроса надо исходить из теоретического понимания сущности толкования закона и характера его связей с теорией и практикой правового регулирования, в частности, надо уточнять, идёт ли речь о толковании как исключительно теоретических упражнениях, подчёркнуто академической деятельности, или же речь идёт о толковании как элементе практической деятельности суда и проявлении судебной политики. При всей взаимосвязи этих оттенков толкования они всё же существенно различаются. Академическая интерпретация уголовного закона более свободна в плане используемых методов и может иметь совершенно различные цели, тогда как толкование уголовного закона судом лишено этой академической свободы и в большей степени связано с канонами судебной политики, правилами применения закона и правовым режимом той или иной отрасли права. Если взять за данность, что частноправовое и публично-правовое, диспозитивное и императивное правовое регулирование суть принципиально отличные режимы, предопределяющие не только строение и содержание правовых норм, но и порядок их применения, то должно быть очевидным, что толкование уголовного закона не может и не должно строиться по тем же самым правилам, что и толкование законов цивилистических. Толкование законов в различных отраслях права, имея общую методологическую платформу в виде конституционных стандартов, должно учитывать специфику самой отрасли, предопределённую в том числе и самими конституционными стандартами правового регулирования. По этой причине толкование уголовного закона как политико-правовая деятельность суда, вне сомнений, обладает определёнными особенностями.

Сами эти особенности зачастую усматриваются в ограниченном наборе методов или способов, допустимых для толкования уголовного закона. Здесь юристы демонстрируют два основных подхода. Первый состоит в под-

чёркнутом дистанцировании от иных, кроме грамматического и систематического, методов толкования уголовного закона, в фактическом отказе от самой возможности их применения [16, с. 35; 17]. Второй подход менее жёсткий. Он допускает применение иных, помимо грамматического и систематического, методов толкования уголовного закона, но исключительно в качестве неосновных, вспомогательных процедур, отводя им последнее место в последовательной иерархии методов толкования [18].

Однако попытки ограничить или ранжировать значимость отдельных методов толкования уголовного закона вряд ли могут быть признаны удачными. Во-первых, сами методы грамматической и логической интерпретации не являются столь уж простыми и однозначными, а их применение также сопряжено с необходимостью «выхода за пределы текста» уголовного закона, о чем убедительно свидетельствует анализ проблем грамматического толкования в контексте обеспечения соответствия национального законодательства нормам и принципам международного права [19], а также известными представлениями об ограниченных возможностях формальной логики в толковании законов и необходимости сочетания формально-логического анализа с категориями диалектики, раскрывающими социально-политическое и социально-экономическое содержание правовых норм в конкретных исторических условиях [20, с. 215–216]. Во-вторых, даже если пренебречь этими сложностями, представленные подходы нельзя признать оптимальными ещё и потому, что будучи перенесёнными из области академических рассуждений на почву правоприменения, они лишаются какой-либо строгой нормативной основы. И нет никаких причин для того, чтобы правоприменитель предпочёл эти теоретические построения иным.

Верным в связи с изложенным представляется замечание М. Кремнитцера: «Критикуя важность и силу доктрины толкования, мы хотим предостеречь от двух тенденций: одномерной концепции толкования, полностью сосредоточенной на одном из методов толкования, как если бы она была всеохватывающей; и мнение о том, что можно определить однозначный и общий порядок предпочтения или приоритета среди различных методов толкования... Суть интерпретации заключается в синтезе различных методов, где интерпретатор владеет всеми из них и подходит к своему искусству непредвзято, учитывая все соответствующие факторы и возможности, другими словами, действуя мудро. ... Поскольку все методы толкования являются законными и необходимыми, вопрос о предоставлении приоритета любому конкретному методу является вопросом степени и акцента» [21, р. 359].

С учётом этого обстоятельства более продуктивным представляется иное направление поиска особенностей толкования уголовного закона, а именно то, что связано с анализом принципов уголовного права. Специфика толкования

уголовного закона, поскольку она существует, задана выраженной в принципах уголовного права спецификой режима уголовно-правового регулирования, а потому единственно допустимое толкование – это то, что подчинено принципам уголовного права.

Как верно отмечается в литературе, в уголовном праве преобладающую роль играют принципы законности, снисходительности (в нашей традиции – принцип толкования всех сомнений в пользу обвиняемого) и строгого построения (в привычном для нас прочтении – правовой определённости) уголовных законов [15].

Каждый из них (и все они вместе) создают определённую методологию толкования уголовного закона и в то же время предъявляют ряд требований к законодателю в части создания уголовно-правовых запретов, причём как самостоятельных, открытых требований, так и неявных, состоящих, среди прочего, в том, что законодатель при конструировании уголовного закона должен учитывать существующую методологию толкования, понимать и прогнозировать, как именно созданные им нормы могут быть истолкованы судом в процессе правоприменения.

Вытекающие из принципов уголовного права требования к толкованию уголовного закона создают особую методологию его интерпретации. В связи с этим само толкование должно определяться прежде всего правильным пониманием содержания принципов уголовного права. Этот тезис может представляться самоочевидным, хотя, на наш взгляд, он не в полной мере осмыслен наукой, а сама связь толкования и принципов представлена по большей части в качестве интуитивного, нежели аналитического знания.

Проблема многократно осложняется ещё и тем, что принципы уголовного права, определяя содержание уголовного закона и правоприменение, сами по себе детерминируются соображениями более высокого, уголовно-политического порядка и непосредственно связаны с представлениями о целях уголовного права. Игнорирование цели уголовного права при раскрытии содержания принципов грозит серьёзными последствиями. Б. Ристиводжевич, на наш взгляд, убедительно показал, что строгое следование формальным соображениям принципа законности при отказе от телеологии уголовного права создает гораздо больше опасностей для злоупотребления уголовным правом, нежели корректировка самого принципа законности [22].

Вопрос о цели уголовного права всегда интересовал специалистов, и сегодня, в условиях свехкриминализации, растущей пунитивности и репрессивности законодательства, и как следствие, банализации преступлений и девальвации уголовного права, становится особенно актуальным. Традиционная шкала ответов на проблему цели уголовного права располагается в границах следующих представлений: «уголовное право охраняет коллективные интересы от индивидуальных преступных актов» – «уголов-

ное право защищает личность от необоснованного государственного принуждения», «уголовное право обеспечивает всестороннюю защиту коллективных интересов» – «уголовное право обеспечивает субсидиарную, точечную, фрагментарную защиту коллективных интересов». Иногда эти представления позиционируются как исключительно противоположные друг другу, иногда подчёркивается их диалектическое единство. Но вполне очевидно, что каждое из этих представлений задаёт свой, весьма специфический фон для толкования уголовного закона, прямо влияя на его результаты, причём как применительно к конкретной правотолковательной ситуации, так и для общества в целом.

Не углубляясь в анализ телеологии уголовного права, отметим, что в нашем представлении цель его состоит одновременно в масштабной и всесторонней защите прав и свобод человека от любых попыток их необоснованного ограничения государством и точечной защите отдельных коллективных интересов от наиболее опасных деяний. Отсюда – и общий подход к толкованию уголовного закона, которое, будучи в приоритетном порядке буквальным, должно сочетать ограничительное понимание любых правоограничений и широкое понимание любых защит от обвинения в преступлении. «Там, где интерпретатор может выбирать между конструкцией, которая тривиализирует запрет, и конструкцией, которая этого не делает, он должен выбрать последнее» [21, p. 365].

Заключение

Р. Дворкин еще 40 лет назад справедливо отметил, что юридическая практика – это «упражнение в толковании», причём не только в тех ситуациях, когда юристы толкуют конкретные документы или уставы, но и в целом. Закон задуман как глубокий и основательный политический акт, а потому юристы и судьи не могут избежать политики в широком смысле политической теории [23, p. 179].

В настоящий момент этот тезис не только не оспорен, но и стал основой для развития широкой исследовательской программы толкования как особого вида деятельности судов, которая не может быть сведена к стандартным правоприменительным процедурам, но непосредственно связана с разработкой и реализацией судебной политики. При всех существующих успехах в этой сфере научного знания есть как минимум два обстоятельства, которые применительно к проблемам уголовного права детерминируют актуальность исследования вопросов толкования закона: во-первых, связь суда и политики всё ещё остается полем столкновения остро дискуссионных и диаметрально противоположных мировоззренческих позиций, а во-вторых, на этом поле крайне слабо представлены ростки самостоятельной теории толкования уголовного закона.

Обозначив лишь некоторые из проблемных вопросов темы, можно с уверенностью сказать только одно: традиционные подходы к толко-

ванию уголовного закона, основанные на разработке отдельных методов толкования, сегодня являются как минимум устаревшими. Подлинная теория толкования уголовного закона должна базироваться на совокупном учёте двух исходных учений: о роли суда в системе правового

регулирования в контексте принципа разделения властей и о целях уголовно-правового регулирования. Только определившись с этими исходниками, можно создать теорию, концептуализирующую толкование закона в качестве важнейшего компонента судебной уголовной политики.

Список литературы

1. *Kelzen G.* Наука и политика // Труды Института государства и права РАН. – 2020. – Т. 15. – № 1. – С. 183 – 209 (перевод с английского А. Б. Дидикина и Е. А. Вакаатовой по изданию 1951 г.: Kelsen H. Science and Politics // The American Political Science Review. 1951. Vol. XLV. № 3. Pp. 641 – 661). DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-1-kelsen.
2. *Ekins R.* The Nature of Legislative Intent. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 303 p. ISBN: 978-0-19-964699-9.
3. *Skoczeń I.* Implicatures within Legal Language. Law and Philosophy Library. – Vol 127. Krakow: Springer, 2019. – 172 p. https://doi.org/10.1007/978-3-030-12532-5_5.
4. *Яни П. С.* Вопросы толкования уголовного закона // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. – 2012. – № 4. – С. 55–75.
5. *Курылев С. В.* О применении советского закона // Советское государство и право. – 1966. – № 11. – С. 21–29.
6. *Еришов В. В.* «Судебное правотворчество»: pro et contra // Правосудие. – 2020. – Т. 2. – № 1. – С. 7–35. DOI: 10.37399/issn2686-9241.2020.1.7-35.
7. *Mihai Gh. C.* Fundamentele Dreptului. Argumentare și Interpretare în Drept. – București: Ed. Lumina Lex, 2000. – 383 p.
8. *Craiovan I.* Tratat de Teoria Generală a Dreptului, Editia a IV-a. – București: Ed. Universul Juridic, 2020. – 633 p. ISBN: 978-606-39-0732-6.
9. *Guastini R.* Il Diritto Come Linguaggio. Lezioni. – Torino: Editore, 2006. – 232 p. ISBN: 978-88-3486-402-9.
10. *Herget J. E., Wade I., Bülow O.* Gesetz Und Richteramt: Statutory Law and the Judicial Function // The American Journal of Legal History. – 1995. – Vol. 39. – Iss.1. – pp. 71 – 94. <https://doi.org/10.2307/845751>.
11. *Chayes A.* The Role of the Judge in Public Law Litigation. Harvard Law Review, 1976. – Vol. 89. – Pp. 1281–1316. <https://doi.org/10.2307/1340256>.
12. *Herget J. E., Wallace S.* The German Free Law Movement as the Source of American Legal Realism. Virginia Law Review, 1987. – Vol. 73. – Pp. 399–455. <https://doi.org/10.2307/1073069>.
13. *Ignatescu C.* The Concept of Judicial Interpretation. Postmodern Openings, 2013. – Vol. 4. – Pp. 17–23. DOI: 10.18662/po/2013.0404.03.
14. *Giezek J.* Struktura Przepisu (Normy) Prawa Karnego, 2007. – Pp. 50 – 58. In: Bojarski M. (Ed.). Prawo Karne Materialne. Część Ogólna i Szczegółowa. Warszawa: LexisNexis. – 869 p. ISBN: 978-83-8223-673-6.
15. *Ornowska A.* Introducing Hermeneutic Methods in Criminal Law Interpretation in Europe. – 2010. – Pp. 251–278. In: Jemielniak, J. and Mikłaszewicz P. (Eds). Interpretation of Law in the Global World: From Particularism to a Universal Approach. Springer-Verlag. Berlin, Heidelberg. – 377 p. DOI: 10.1007/978-3-642-04886-9_13.
16. *Щенельков В. Ф.* Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты : монография – Москва: Юрлитинформ, 2003. – 416 с. ISBN 5-93295-078-1.
17. *Herman Sh.* Quot Judices Tot Sententiae: A Study of the English Reaction to Continental Interpretive Techniques. Legal Studies, 1981. – Vol. 1, № 2. – Pp. 165–189. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1748-121X.1981.tb00119.x>.
18. *Liang Genlin* Interpretation of the Application of Criminal Law from the Perspective of a Legally Prescribed Punishment for a Specified Crime. Frontiers of Law in China. – 2007. – Vol. 2, № 3. – Pp. 418–445. DOI: 10.1007/s11463-007-0020-2.
19. *Nita B., Swiatłowski A.* Linguistic Pluralism and Interpretation of European Law in the Third Pillar, Discussed with Reference to the Example of Article 54 of the Convention Implementing the Schengen Agreement. – 2010. – Pp. 231 – 250. In: Jemielniak, J. and Mikłaszewicz P. (eds). Interpretation of Law in the Global World: From Particularism to a Universal Approach. Springer-Verlag. Berlin, Heidelberg. 377 p. DOI: 10.1007/978-3-642-04886-9_12.
20. *Брайнин Я. М.* Уголовный закон и его применение. – Москва: Юридическая литература, 1967. – 240 с.
21. *Kremnitzer M.* Interpretation in Criminal Law. Israel Law Review. –2016. – Vol. 21, № 3-4. – P. 358–387. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0021223700009195>.
22. *Рустивојевић Б.* О Поретку Начела у Циљном (Телеолошком) Тумачењу у Кривичном Праву / Зборник Радова Правног Факултета у Новом Саду. – 2012. – № 4. – С. 241 – 256. DOI:10.5937/zrpfns46-3237.
23. *Dworkin R.* Law as Interpretation. Critical Inquiry. – 1982. Vol. 9, № 1. – Pp. 179 – 200. DOI: 10.1086/448194.

References

1. *Kelzen G.* Nauka i politika // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. – 2020. – Т. 15. – № 1. – С. 183 – 209 (perevod s angliyskogo A. B. Didikina i Ye. A. Vakatoovoy po izdaniyu 1951 g.: Kelsen H. Science and Politics // The American Political Science Review. 1951. Vol. XLV. № 3. Pp. 641 – 661). DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-1-kelsen.

2. *Ekins R.* The Nature of Legislative Intent. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 303 p. ISBN: 978-0-19-964699-9.
3. *Skoczeń I.* Implicatures within Legal Language. Law and Philosophy Library. – Vol 127. Krakow: Springer, 2019. – 172 p. https://doi.org/10.1007/978-3-030-12532-5_5.
4. *Yani P. S.* Voprosy tolkovaniya ugolovnogo zakona // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11. Pravo. – 2012. – № 4. – S. 55–75.
5. *Kurylev S. V.* O primenenii sovetского zakona // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. – 1966. – № 11. – S. 21–29.
6. *Yershov V. V.* «Sudebnoye pravotvorchestvo»: pro et contra // Pravosudiye. – 2020. – Т. 2. – № 1. – S. 7–35. DOI: 10.37399/issn2686-9241.2020.1.7-35.
7. *Mihai Gh. C.* Fundamentele Dreptului. Argumentare și Interpretare în Drept. – București: Ed. Lumina Lex, 2000. – 383 p.
8. *Craiovan I.* Tratat de Teoria Generală a Dreptului, Editia a IV-a. – București: Ed. Universul Juridic, 2020. – 633 p. ISBN: 978-606-39-0732-6.
9. *Guastini R.* Il Diritto Come Linguaggio. Lezioni. – Torino: Editore, 2006. – 232 p. ISBN: 978-88-3486-402-9.
10. *Herget J. E., Wade I., Bülow O.* Gesetz Und Richteramt: Statutory Law and the Judicial Function // The American Journal of Legal History. – 1995. – Vol. 39. – Iss.1. – pp. 71 – 94. <https://doi.org/10.2307/845751>.
11. *Chayes A.* The Role of the Judge in Public Law Litigation. Harvard Law Review, 1976. – Vol. 89. – Pp. 1281–1316. <https://doi.org/10.2307/1340256>.
12. *Herget J. E., Wallace S.* The German Free Law Movement as the Source of American Legal Realism. Virginia Law Review, 1987. – Vol. 73. – Pp. 399–455. <https://doi.org/10.2307/1073069>.
13. *Ignatescu C.* The Concept of Judicial Interpretation. Postmodern Openings, 2013. – Vol. 4. – Pp. 17–23. DOI: 10.18662/po/2013.0404.03.
14. *Giezek J.* Struktura Przepisu (Normy) Prawa Karnego, 2007. – Pp. 50 – 58. In: Bojarski M. (Ed.). Prawo Karne Materialne. Część Ogólna i Szczegółowa. Warszawa: LexisNexis. – 869 p. ISBN: 978-83-8223-673-6.
15. *Ornowska A.* Introducing Hermeneutic Methods in Criminal Law Interpretation in Europe. – 2010. – Pp. 251–278. In: Jemielniak, J. and Mikłaszewicz P. (Eds). Interpretation of Law in the Global World: From Particularism to a Universal Approach. Springer-Verlag. Berlin, Heidelberg. – 377 p. DOI: 10.1007/978-3-642-04886-9_13.
16. *Shchepel'kov V. F.* Ugolovnyy zakon: preodoleniye protivorechiy i nepolnoty : monografiya – Moskva: Yurlitinform, 2003. – 416 s. ISBN 5-93295-078-1.
17. *Herman Sh.* Quot Judices Tot Sententiae: A Study of the English Reaction to Continental Interpretive Techniques. Legal Studies, 1981. – Vol. 1, № 2. – Pp. 165–189. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1748-121X.1981.tb00119.x>.
18. *Liang Genlin* Interpretation of the Application of Criminal Law from the Perspective of a Legally Prescribed Punishment for a Specified Crime. Frontiers of Law in China. – 2007. – Vol. 2, № 3. – Pp. 418–445. DOI: 10.1007/s11463-007-0020-2.
19. *Nita B., Swiatłowski A.* Linguistic Pluralism and Interpretation of European Law in the Third Pillar, Discussed with Reference to the Example of Article 54 of the Convention Implementing the Schengen Agreement. – 2010. – Pp. 231 – 250. In: Jemielniak, J. and Mikłaszewicz P. (eds). Interpretation of Law in the Global World: From Particularism to a Universal Approach. Springer-Verlag. Berlin, Heidelberg. 377 p. DOI: 10.1007/978-3-642-04886-9_12.
20. *Braynin Ya. M.* Ugolovnyy zakon i yego primeneniye. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1967. – 240 s.
21. *Kremnitzer M.* Interpretation in Criminal Law. Israel Law Review. – 2016. – Vol. 21, № 3-4. – P. 358–387. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0021223700009195>.
22. *Ristivojević B.* O Poretku Nachela u Tsillnom (Teleoloshkom) Tumachenju u Krivichnom Pravu / Zbornik Radova Pravnog Fakulteta u Novom Sadu. – 2012. – № 4. – S. 241 – 256. DOI:10.5937/zrpfns46-3237.
23. *Dworkin R.* Law as Interpretation. Critical Inquiry. – 1982. Vol. 9, № 1. – Pp. 179 – 200. DOI: 10.1086/448194.

Статья поступила в редакцию 08.09.2022; одобрена после рецензирования 11.10.2022; принята к публикации 14.10.2022.

The article was submitted September 08, 2022; approved after reviewing October 11, 2022; accepted for publication October 14, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 343.326
doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-90-97

Константин Владимирович Боричев

аспирант

<https://orcid.org/0000-0002-0856-2126>, bogeni@yandex.ru

*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина
Российская Федерация, 196605, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10*

О роли региональных международных организаций безопасности в противодействии терроризму (на примере Организации Договора о коллективной безопасности)

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению вопросов противодействия международному и региональному терроризму посредством применения такого института, как региональная международная организация безопасности – Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Дается краткая характеристика современного терроризма и террористических проявлений в Центральном-Азиатском регионе с учётом складывающейся ситуации в Афганистане в конце XX – начале XXI вв. В исторической ретроспективе анализируются факторы, повлиявшие на рост террористической активности. Исследуются причины создания региональной международной организации безопасности – Организации Договора о коллективной безопасности, основные положения её Устава, особенно касающиеся противодействия террористическим угрозам. На примере проведения коллективными силами оперативного реагирования ОДКБ контртеррористической операции в Казахстане в январе 2022 года исследуются особенности такого межгосударственного вида оперативно-боевого мероприятия. Изучены иные варианты создания межгосударственных подразделений антитеррора на примере европейского ATLAS. Определены основные направления развития ОДКБ по противодействию терроризму в регионе государств-участников Организации. Выявлены факторы, которые будут способствовать повышению эффективности принимаемых антитеррористических мер для поддержания стабильности в регионе, а также основные детерминанты регионального терроризма. Обозначены угрозы террористического характера для стран-участниц Организации Договора о коллективной безопасности ОДКБ и варианты их минимизации и ликвидации при помощи использования сил и средств ОДКБ.

Ключевые слова: контртеррористическая операция, международный терроризм, коллективная безопасность, противодействие терроризму, терроризм, террористический акт

Для цитирования: Боричев К. В. О роли региональных международных организаций безопасности в противодействии терроризму (на примере Организации Договора о коллективной безопасности) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4 (96). – С. 90–97; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-90-97.

Konstantin V. Borichev

Graduate

<https://orcid.org/0000-0002-0856-2126>, bogeni@yandex.ru

*The Pushkin Leningrad State University
10, Petersburg highway, Pushkin, Saint-Petersburg, 196605, Russian Federation*

About the Role of regional international security organizations in countering terrorism (on the example of the Collective Security Treaty Organization)

Abstract: The article is devoted to the consideration of issues of countering international and regional terrorism through the use of such an institution as a regional international security organization – the Collective Security Treaty Organization. A brief description of modern terrorism and terrorist manifestations in the Central Asian region is given, taking into account the current situation in Afghanistan in the late 20th – early 21st centuries. In historical retrospect, the factors that influenced the growth of terrorist activity are analyzed. The reasons for the creation of a regional international security organization – the Collective Security Treaty Organization, the main provisions of its Charter, especially those related to countering terrorist threats, are investigated. Using the example of the CSTO collective rapid response forces conducting a counter-terrorism operation in Kazakhstan in January 2022, the features of such an interstate type of operational combat event are investigated. Other options for the creation of inter-state antiterrorism units have been studied using the example of the European ATLAS. The main directions of the development of the CSTO in countering terrorism in the region of the Organization's member states have been identified. The factors that will contribute to improving the effectiveness of the anti-terrorist measures taken to maintain stability in the region, as well as the main determinants of regional terrorism, are identified. The threats of a terrorist nature for the CSTO member states and options for their minimization and elimination through the use of CSTO forces and means are outlined.

Keywords: counter-terrorist operation, international terrorism, collective security, counter-terrorism, terrorism, terrorist act

For citation: Borichev K. V. About the Role of regional international security organizations in countering terrorism (on the example of the Collective Security Treaty Organization) // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 4 (96). – P. 90–97; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-90-97.

Введение

За последние два года мировое сообщество столкнулось с новым видом угрозы – пандемией коронавирусной инфекции, которая внесла существенные коррективы в деятельность всех государственных органов большинства стран мира, сильно осложнила социально-экономическую обстановку во многих регионах. Вместе с тем, несмотря на закрытие на длительный период государственных границ ряда стран, введение «локдауна» на продолжительное время в крупных мегаполисах и большинстве населённых пунктов по всему миру, угроза совершения преступлений террористической направленности сохранилась. Более того, идеологами международных террористических организаций указаный временной промежуток, характеризующийся нестабильностью в социально-экономической и политической сферах, просчётами государственных органов в организации работы с населением, следствием чего стал рост безработицы и снижение уровня жизни жителей многих государств, был использован для вовлечения новых сторонников в свои ряды. В то же время участники международных террористических организаций, используя растерянность и абсолютную нескоординированность в работе государственных органов разных стран, в т. ч. правоохранительных, предприняли успешные

попытки по активизации своей деятельности в регионах влияния, захвату территорий, ранее находившихся под контролем правительственных сил, усилению своего влияния на международной политической арене. Ярким примером таких событий стал захват летом 2021 года всей полноты власти в Афганистане движением «Талибан», которое решением Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 года № ГКПИ 03-116 было признано террористической организацией¹.

Исторически сложилось, что месторасположение Афганистана между Востоком и Западом повлияло на то, что он стал одним из важнейших центров, обеспечивающих оптимальную логистику перемещения всех видов товаров с Востока на Запад и в обратном направлении. При этом важно понимать, что все транснациональные торговые процессы находились и находятся под контролем ряда мировых держав, которые используют их не только в экономических, но и в военно-стратегических,

¹ Решение Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116 [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал Национального антитеррористического комитета Российской Федерации. – URL: <http://nac.gov.ru/print/zakonodatelstvo/sudebnye-resheniya/reshenie-verhovnogo-suda-rf-ot-14-fevralya.html> (дата обращения: 17.08.2022).

политических и иных целях в своих интересах. По мнению зарубежных исследователей, начало XXI века ознаменовалось усилением борьбы ряда держав за мировое господство, которая развернулась в Центральной Азии именно на территории Афганистана. С учётом того, что Афганистан является, по сути, транзитным коридором для энергоресурсов в Центрально-Азиатском регионе, с помощью которого могут быть соединены богатые месторождения углеводородов соседних с ним стран с Аравийским морем или с Индийским океаном, то борьба за господство над Афганистаном – это ещё и экономический вопрос, в т. ч. энергетической безопасности Европы, и важная составляющая дальнейшей судьбы ряда военно-политических альянсов [10, с. 130–131].

На этом фоне Российская Федерация на протяжении всего периода с 1991 года не осталась в стороне от той ситуации, которая разворачивалась в Афганистане и сопредельных с ним государствах, у которых были заключены с Россией двусторонние договорные отношения о взаимопомощи или которые являлись участниками региональных международных организаций безопасности. На наш взгляд, важная роль в обеспечении безопасности и правопорядка в Центрально-Азиатском регионе с момента своего создания и по настоящее время отведена Организации Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ), к деятельности которой в ближайшие годы, с учётом происходящих внешне- и внутривнутриполитических процессов в Афганистане и сопредельных государствах, будет проявлено особо пристальное внимание всего мирового сообщества, так как на неё в том числе возложена задача по поддержанию мира и правопорядка на территории Центрально-Азиатского региона.

ОДКБ: цели создания, основные задачи и функции, механизмы деятельности

15 мая 1992 года в Ташкенте (Узбекистан) представителями России, Армении, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана был подписан Договор о коллективной безопасности. В течение 1993 года к Договору присоединились Азербайджан, Белоруссия и Грузия. По завершении процедур национальной ратификации странами-участницами Договор вступил в силу 20 апреля 1994 года. В дальнейшем состав участников претерпел определённые изменения. Действительно, на рубеже XX и XXI веков проблемы терроризма и противодействия ему стали одними из важнейших не только для отдельно взятого государства, но и в целом для всего мирового сообщества в связи с ростом масштабов этой угрозы и изошрённостью и жестокостью террористических актов последних десятилетий². Современные террористические акты носят бескомпромиссный характер и обо-

рачиваются многочисленными человеческими жертвами [4, с. 5]. В связи с этим ввиду складывающейся обстановки в регионах влияния, в т. ч. усиления активности международных террористических организаций, совершения ими на постоянной основе масштабных террористических актов по всему миру, в 2002 году было принято решение о создании ОДКБ как полноценной международной организации, которая в соответствии с Уставом с точки зрения международного права стала региональной международной организацией безопасности и получила в 2004 году статус наблюдателя ООН [6, с. 7–8].

В настоящее время в ОДКБ, помимо Российской Федерации, входят Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская республика и Республика Таджикистан³.

Основополагающим документом, определяющим цели, задачи, функции и направления деятельности ОДКБ, является её Устав, принятый 7 октября 2002 года. Так, в соответствии со ст. 3 Устава ОДКБ, в качестве основных целей Организации выступают:

- укрепление мира, международной и региональной безопасности и стабильности;
- защита на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета государств-членов⁴.

При этом особое внимание обращается на то, что приоритет в достижении указанных целей принадлежит политическим и дипломатическим средствам, которые должны быть максимально эффективно применены для достижения основных целей ОДКБ в регионе её влияния.

Важной составляющей деятельности ОДКБ является организация и формирование эффективно действующей системы коллективной безопасности, которая призвана обеспечить коллективную защиту в случае возникновения угрозы безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету, и реализацию права на коллективную оборону, включая создание коалиционных (коллективных) сил Организации, региональных (объединённых) группировок войск (сил), миротворческих сил, объединённых систем и органов управления ими, военной инфраструктуры (ст. 7 Устава ОДКБ)⁵.

Действительно, после вывода советских войск из Афганистана в 1989 году, распада СССР в 1991 году, Россия и бывшие союзные республики в большинстве своём стали подвергаться активному воздействию извне как со стороны иностранных государств (в основном

³ Официальный Интернет-портал Организации Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс]. – URL: // <https://odkb-csto.org/> (дата обращения: 21.08.2022).

⁴ Устав Организации Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Организации Договора о коллективной безопасности. – URL: // https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti/ (дата обращения: 21.08.2022).

⁵ Там же.

² Ланцов С. А. Террор и террористы : словарь. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004. – С. 6.

западноевропейских и США) и их спецслужб, так и международных террористических организаций, которые пытались использовать сложившуюся ситуацию с целью усиления своего влияния в Центрально-Азиатском регионе, вовлечения в свои ряды новых сторонников, пополнения запасов вооружения и боеприпасов, установления своего контроля над новыми территориями. Этот период был также ознаменован началом процесса активного возрождения терроризма квазирелигиозных сект и общин – исламского терроризма, который был основан именно на превратно истолкованных догматах исламского вероучения [9, с. 198]. Особое опасение на тот период и по настоящее время вызывает радикализация местного населения, проведение соответствующей деструктивной работы по распространению идеологии терроризма, вовлечение в открытое вооружённое противостояние с правительственными силами новых участников террористических организаций. Актуальность данных угроз террористического характера определяется прежде всего появлением новых форм террористических деяний и созданием благоприятной политической и социально-экономической обстановки для роста террористической активности в регионе [2, с. 144].

По мнению Е. М. Примакова, Афганистан в 1970-х годах стал площадкой, на которой при поддержке ЦРУ США возникла международная террористическая организация «Аль-Каида» (признана террористической, её деятельность запрещена на территории Российской Федерации), целью которой изначально была борьба с советскими войсками, значительный воинский контингент которых с 1979 по 1989 годы находился в Афганистане. Однако, после вывода Вооружённых Сил СССР с территории Афганистана главной мишенью «Аль-Каиды» стали США и ряд западных стран. Таким образом, религиозно-экстремистский запал «Аль-Каиды» был умело, но в конечном счёте абсолютно бездумно использован США в годы «холодной войны», что привело к возникновению современного международного терроризма, борьба с которым продолжается по сей день [8, с. 26].

Отметим, что ситуация в Афганистане и на прилегающих к нему территориях на протяжении последних десятилетий оставалась нестабильной. В связи с этим в целях нормализации криминогенной обстановки в приграничных территориях Российской Федерации, усиления охраны Государственной границы России на южных рубежах и противодействия распространению терроризма, безопасности границы со стороны Таджикистана и взаимодействия с таджикскими правоохранительными органами и вооружёнными силами по обеспечению режима Государственной границы осуществляют военнослужащие военной базы Вооружённых Сил Российской Федерации, которая располагается на территории Таджикистана и была и остаётся основополагающим элементом стабильности в Центрально-Азиатском регионе.

Знаковым для всего Афганистана стал 2021 год. В течение первой его половины завершился вывод вооружённых сил США, дислоцировавшихся на протяжении почти 20 лет на территории данного государства. При этом западные партнёры – участники коалиции, чьи военнослужащие участвовали в операциях по противодействию МТО «Аль-Каида» и «ИГИЛ» (данные организации признаны террористическими и их деятельность запрещена в Российской Федерации) в Афганистане, основное внимание при выводе войск уделили лишь эффективной логистике перемещения военнослужащих и техники, позволившей в кратчайшие сроки покинуть регион дислокации. Вместе с тем до сих пор остаётся открытым вопрос, с какой целью в Афганистане было оставлено вооружение, по разным оценкам, на общую сумму свыше 80 млрд. долларов США, включающее, помимо современного огнестрельного оружия и боеприпасов к нему, тысячи единиц военной техники, в т. ч. тяжёлобронированной, артиллерии, специальных технических средств для проведения операций специального назначения, и даже вертолёты? Разумеется, в настоящее время большая часть данного вооружения и техники находится в руках представителей МТО «Движение Талибан» (её деятельность запрещена на территории Российской Федерации), которые активно формируют вновь создаваемые органы государственной власти в Афганистане, вооружённые силы, а также подразделения специального назначения, имеющие современное вооружение и техническое оснащение. На наш взгляд, всё это было сделано с одной целью – не допустить стабилизации обстановки в регионе. Оставленное вооружение и техника будут, безусловно, использоваться не только для поддержания порядка в Афганистане его новым правительством, но и попадут в руки представителей различных радикальных группировок, международных террористических организаций и противников талибов, тем самым создав все условия для ведения полноценных боевых действий и осуществления диверсий и террористических актов на территории как Афганистана, так и сопредельных государств. Это в свою очередь может привести к дестабилизации ситуации в Центрально-Азиатском регионе в целом.

На этом фоне особенно острой является ситуация на таджикостано-афганской границе, где на протяжении всего 2021 года неоднократно фиксировались случаи незаконного перехода на территорию Таджикистана афганцев, а также отмечалась явная напряжённость в связи с развёртыванием со стороны Афганистана пунктов постоянной и временной дислокации вооружённых формирований талибов. На наш взгляд, существенную роль в стабилизации ситуации в регионе должна сыграть именно ОДКБ, с учётом того, что Таджикистан является её членом и уже исторически сложившимся объектом устремлений Российской Федерации по обеспечению безопасности и правопорядка вблизи своих южных границ. В связи с этим неоднократно от-

мечалось, что в Центрально-Азиатском регионе ОДКБ на протяжении последних десятилетий, а особенно в настоящее время, ориентирована на обеспечение пограничного режима на таджикостано-афганской границе и её защиты от незаконного пересечения. Вместе с тем вне сферы влияния ОДКБ на данный момент остаются два граничащих с Афганистаном государства – Туркменистан и Узбекистан [6, с. 13]. Представляется, что для обеспечения стабильности в регионе необходимо развитие политического, социально-экономического, торгового и особенно военного сотрудничества между Россией и Туркменистаном и Узбекистаном, усиления влияния ОДКБ в регионе и создание эффективной модели сотрудничества Организации с данными государствами. При этом особое внимание должно быть обращено именно на развитие сотрудничества в сфере противодействия терроризму, обмен оперативной информацией о террористических угрозах, проведение совместных антитеррористических учений, заключение различного рода межгосударственных соглашений в области антитеррора, которые позволят своевременно выявлять вероятные угрозы террористического характера и оперативно реагировать на полученную информацию с целью недопущения совершения террористических актов и иных преступлений террористического характера, а также своевременно выявлять лиц, причастных к противоправной деятельности.

По мнению исследователей международного терроризма, на протяжении многих лет всё более изощёренные и хорошо организованные террористические акты подчёркивали недостатки в подготовке властей разных стран к борьбе с терроризмом. Однако антитеррористические подразделения довольно быстро устраняли пробелы в своей профессиональной служебной деятельности и оперативно реагировали на вновь возникающие угрозы террористического характера. Одним из важных достижений является именно совместное обучение методам борьбы с терроризмом, проводимое специальными подразделениями и правоохранительными органами разных стран, что в свою очередь существенно повышает эффективность реализуемых антитеррористических мер [11, р. 138]. В качестве одного из эффективных примеров такого межгосударственного взаимодействия специальных подразделений можно привести созданное в 2001 году трансевропейское объединение ATLAS, которое за последние годы показало свою эффективность. Благодаря консолидации действий европейских спецподразделений, удалось сформировать единую антитеррористическую структуру, обладающую необходимыми умениями и навыками, способную уверенно противостоять террористической угрозе в любой точке Европы [7, с. 162].

Роль ОДКБ в противодействии терроризму в Центрально-Азиатском регионе

В одном из своих интервью Н. Н. Бордюжа, на тот момент являвшийся генеральным секре-

тарём ОДКБ, отмечал, что усиление активности террористических сообществ и организаций в разных регионах, их объединение и систематическое финансирование, доступ к современному вооружению и постоянное пополнение новыми сторонниками оказывает негативное воздействие на состояние безопасности в государствах-членах ОДКБ. При этом сфера их влияния и масштаб деятельности имеют тенденции к расширению. Это в свою очередь приводит к активизации экстремистских сообществ и организаций в зоне ответственности ОДКБ⁶.

Особое опасение вызывает тот факт, что на сегодня в рядах сторонников международных террористических организаций состоят несколько тысяч граждан государств-членов ОДКБ. Указанные лица помимо непосредственного участия в боевых действиях на стороне террористов в Сирии и иных регионах высокой террористической активности проходят обучение в специальных тренировочных лагерях, подвергаются идеологической обработке. На наш взгляд, после возвращения домой лица подобного рода должны находиться под постоянным контролем со стороны национальных специальных служб и правоохранительных органов, так как полученные ими опыт и навыки могут быть использованы для создания законспирированных террористических ячеек на территории государств-участников ОДКБ и совершения террористических актов и иных преступлений террористической направленности. В связи с этим особую актуальность приобретает организация постоянного оперативного взаимодействия между субъектами антитеррора среди государств-участников ОДКБ с целью обмена в максимально сжатые сроки информацией о лицах, являющихся сторонниками международных террористических организаций, которые должны быть поставлены под постоянный оперативный контроль по месту своего пребывания.

События января 2022 года, произошедшие в Казахстане, лишь подтвердили важность информационного взаимодействия по линии обеспечения государственной безопасности стран-участниц ОДКБ и оказания своевременной помощи. Так, по запросу президента Казахстана для обеспечения безопасности критически важных объектов инфраструктуры, стабилизации общественного порядка на территории страны и нейтрализации вооружённых групп лиц была проведена антитеррористическая операция, для которой привлечены коллективные силы оперативного реагирования (далее – КСОР) ОДКБ в составе войсковых и специальных подразделений России, Белоруссии, Таджикистана и Киргизии.

⁶ Александров А. Генеральный секретарь ОДКБ Николай Бордюжа: «В ОДКБ готовы к любому развитию событий» – газета «Красная звезда» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Организации Договора о коллективной безопасности. – URL: // https://odkb-csto.org/news/smi/generalnyy_sekretar_odkb_nikolay_bordyuzha_v_odkb_gotovy_k_lyubomu_razvitiyu_sobytyi_gazeta_krasnaya/#loaded (дата обращения: 30.08.2022).

КСОР были образованы в 2009 году Решением Совета коллективной безопасности ОДКБ на основании Соглашения о КСОР ОДКБ от 14 июня 2009 года. В соответствии с указанными регламентирующими документами КСОР созданы не только для предотвращения и отражения вооружённого нападения на страны-участницы ОДКБ, но и для участия в мероприятиях по борьбе с международным терроризмом, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, незаконным оборотом оружия и боеприпасов, а также борьбе с другими видами транснациональной организованной преступности. КСОР также могут быть привлечены к выполнению задач по ликвидации чрезвычайных ситуаций и оказанию чрезвычайной гуманитарной помощи, по усилению войск прикрытия государственных границ и охраны государственных и военных объектов сторон, а также в обеспечении оперативного развёртывания объединённых (региональных) группировок войск (сил) и решении иных задач, определённых Советом коллективной безопасности ОДКБ. В декабре 2010 года Президентом России был подписан соответствующий Федеральный закон № 366-ФЗ, который ратифицировал Соглашение о создании КСОР ОДКБ⁷.

Важно отметить, что в соответствии со ст. 9 Соглашения о создании КСОР ОДКБ к ним, помимо войсковых подразделений, отнесены и подразделения специального назначения национальных органов государственной безопасности и спецслужб, подразделения специального назначения (группы специалистов) органов внутренних дел (полиции) и внутренних войск, а также подразделения органов, уполномоченных в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций⁸. Вместе с тем указанные специалисты привлекаются на временной основе лишь для выполнения мероприятий в рамках своей профессиональной компетенции.

Данное обстоятельство связано прежде всего с тем, что задачи по противодействию современным угрозам, в том числе терроризму, являются комплексными, и войсковая составляющая в них играет только одну из ролей. В частности, анализируя события января 2022 года в Казахстане и данные, полученные из открытых источников, можно прийти к выводу, что сложившаяся ситуация является мультифакторальной. Так, помимо острой социальной напряжённости, приведшей к массовым беспорядкам в городах Казахстана, президентом Казахстана было официально объявлено, что организаторами протестов выступают террористические

организации, целью которых является захват власти в стране. При этом до сих пор остаётся открытым вопрос о роли иностранных специальных служб (западноевропейских, турецких, китайских и США) в произошедших событиях. Вместе с тем сложившаяся ситуация привела в резкому ухудшению криминогенной обстановки в регионе: были захвачены склады с вооружением (в т. ч. тяжёлым) и боеприпасами, увеличилось количество совершённых преступлений в отношении мирных граждан, начались массовые кражи, грабежи и т. д. Кроме того, ряду высокопоставленных сотрудников спецслужб и правоохранительных органов Казахстана были предъявлены обвинения в государственной измене и организации массовых беспорядков, что свидетельствует о политической составляющей произошедших событий и серьёзном конфликте властных структур Казахстана.

Важно отметить, что интернационализация террористической деятельности происходит в большинстве случаев на фоне хронической напряжённости и давних конфликтов в отношениях между государствами, а также в связи с недовольством этнических или социальных групп, полагающих, что господствующие политические и социально-экономические структуры не отвечают их законным интересам [3, с. 196–197]. При этом для России, как и для иных стран-участниц ОДКБ, крайне опасен экстремизм и терроризм по национальной и религиозной принадлежности, особенно для их приграничных территорий и полиэтнических и многоконфессиональных регионов [5, с. 21].

С учётом изложенных факторов, важным является недопущение использования КСОР ОДКБ для разрешения национальных политических споров и конфликтов, которые могут быть замаскированы под различные иные ситуации. Главной задачей КСОР ОДКБ было и остаётся обеспечение безопасности государств-участников. Именно в связи с этим в январе 2022 года было принято решение о привлечении КСОР ОДКБ и направлении их по запросу президента Казахстана для оказания содействия в восстановлении правопорядка и общественной безопасности Казахстана с учётом имеющихся сведений о возможной причастности террористических группировок к дестабилизации ситуации в регионе.

Принимая во внимание тот факт, что за последние десятилетия Вооружённые Силы Российской Федерации и подразделения специального назначения получили колоссальный опыт при проведении войсковых и оперативно-боевых мероприятий по ликвидации террористических угроз различного характера, не вызывает сомнений, что в рамках КСОР ОДКБ Казахстану была оказана своевременная помощь, ситуация в регионе была стабилизирована, а террористическая угроза оперативно ликвидирована в кратчайшие сроки.

Заключение

В настоящее время ОДКБ является одной из региональных международных организаций без-

⁷ Подписан закон о ратификации соглашения о Коллективных силах оперативного реагирования ОДКБ [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/9921> (дата обращения: 30.08.2022).

⁸ Соглашение о Коллективных силах оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902272592> (дата обращения: 30.08.2022).

опасности. Вместе с тем, с учётом специфики её стран-участниц, у Организации имеется ряд особенностей. Прежде всего это региональная многовекторность. Связано это с географическим расположением государств, что существенно влияет на интересы стран-участниц и формирование трёх группировок сил: Россия – Белоруссия (европейское), Россия – Армения (кавказское), Россия – страны Центральной Азии. При этом с учётом многочисленных попыток со стороны международных террористических организаций и правительств зарубежных стран дестабилизировать ситуацию в Центрально-Азиатском регионе данное направление в сфере противодействия терроризму для России является одним из основных. Общими являются также угрозы, связанные с исламским терроризмом, наркотрафиком, организованной преступностью, незаконным оборотом оружия, взрывчатых веществ и боеприпасов, а также нелегальная миграция. При этом события 2021–2022 годов показали, что задачами ОДКБ в регионе, помимо защиты таджикистано-афганской границы и недопущения распространения террористической угрозы с территории Афганистана, становится и про-

ведение комплекса войсковых и специальных оперативно-боевых мероприятий по противодействию терроризму и нейтрализации террористической угрозы в государствах-участниках ОДКБ. Действительно, стабильная обстановка в Таджикистане, Киргизии и Казахстане – это один из основных факторов, обеспечивающих устойчивое развитие Центрально-Азиатского региона, безопасность Российской Федерации на трансграничных территориях, а также невозможность распространения террористической угрозы.

Вместе с тем указанные задачи в рамках ОДКБ могут быть реализованы лишь при условии полноценного участия всех стран-участниц в деятельности Организации и совместного участия в решении всех вопросов, в т. ч. в применении КСОП. Важной составляющей является активизация в обмене между странами-участницами имеющейся оперативной информацией о лицах и организациях, причастных к террористической деятельности, с целью своевременного реагирования на вновь возникающие угрозы и возможностью максимально быстрой их нейтрализации и ликвидации.

Список литературы

1. Дорохина К. М. Анализ стратегии организации Договора о коллективной безопасности в сфере противодействия терроризму // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2018. – №5. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-strategii-organizatsii-dogovora-o-kollektivnoy-bezopasnosti-v-sfere-protivodeystviya-terrorizmu> (дата обращения: 06.10.2022).
2. Богомолов С. Ю. Ответственность за финансирование терроризма: уголовно-правовое и криминологическое исследование : монография / под ред. А. В. Петрянина. – Москва: Проспект, – 2018. – 256 с.
3. Дикаев С. У. Террор, терроризм и преступления террористического характера (криминологическое и уголовно-правовое исследование). – Санкт-Петербург: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 448 с.
4. Капитонова Е. А., Романовский Г. Б. Современный терроризм : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2015. – 216 с.
5. Клейберг Ю. А. Девиантология терроризма и экстремизма : монография. – Москва: Издательство Московского психолого-социального университета, 2016. – 140 с.
6. Кокошина З. А. ОДКБ и её роль в современной системе международных отношений / изд. 3-е, стереотип. – Москва: Ленанд, 2021. – 80 с.
7. Павлик М. Ю., Боричев К. В. Особенности взаимодействия европейских государств в борьбе с терроризмом // Ленинградский юридический журнал. – 2018. – № 4 (54). – С. 154–164.
8. Примаков Е. М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). – Москва: ИИК «Российская газета», 2006. – 384 с.
9. Бельский В. Ю. Бороздин А. Н., Гусев Н. Н., Делягин М. Г. и др. Терроризм в исторической ретроспективе и современных условиях : монография / под ред. В. Ю. Бельского, А. И. Сацуты. – Москва: Юнити-Дана, 2019. – 479 с.
10. Терроризм в современном мире. 2-е изд. / под ред. В. Л. Шульца; Центр исслед. проблем безопасности РАН. – Москва: Наука, 2011. – 603 с.
11. Davies Barry B. E. M. Terrorism. Inside a World Phenomenon. – London: Virgin Books Ltd, 2005. – 310 p.

References

1. Dorokhina K. M. Analiz strategii organizatsii Dogovora o kolektivnoy bezopasnosti v sfere protivodeystviya terrorizmu // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskiye nauki. – 2018. – №5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-strategii-organizatsii-dogovora-o-kollektivnoy-bezopasnosti-v-sfere-protivodeystviya-terrorizmu> (data obrashcheniya: 06.10.2022).
2. Bogomolov S. Yu. Otvetstvennost' za finansirovaniye terrorizma: ugovovno-pravovoye i kriminologicheskoye issledovaniye : monografiya / pod red. A. V. Petryanina. – Moskva: Prospekt, – 2018. – 256 s.

3. *Dikayev S. U. Terror, terorizm i prestupleniya terroristicheskogo kharaktera (kriminologicheskoye i ugovovno-pravovoye issledovaniye)*. – Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo R. Aslanova «Yuridicheskij tsentr Press», 2006. – 448 s.

4. *Kapitonova Ye. A., Romanovskiy G. B. Sovremennyy terorizm : monografiya*. – Moskva: Yurlitinform, 2015. – 216 s.

5. *Kleyberg Yu. A. Deviantologiya terorizma i ekstremizma : monografiya*. – Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo psikhologo-sotsial'nogo universiteta, 2016. – 140 s.

6. *Kokoshina Z. A. ODKB i yeyo rol' v sovremennoy sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy / izd. 3-ye, stereotip*. – Moskva: Lenand, 2021. – 80 s.

7. *Pavlik M. Yu., Borichev K. V. Osobennosti vzaimodeystviya yevropeyskikh gosudarstv v bor'be s terorizmom // Leningradskiy yuridicheskij zhurnal*. – 2018. – № 4 (54). – S. 154–164.

8. *Primakov Ye. M. Konfidentsial'no: Blizhniy Vostok na stsene i za kulisami (vtoraya polovina XX – nachalo XXI veka)*. – Moskva: IIK «Rossiyskaya gazeta», 2006. – 384 s.

9. *Bel'skiy V. Yu., Borozdin A. N., Gusev N. N., Delyagin M. G. i dr. Terorizm v istoricheskoy retrospektive i sovremennykh usloviyakh : monografiya / pod red. V. YU. Bel'skogo, A. I. Satsuty*. – Moskva: Yuniti-Dana, 2019. – 479 s.

10. *Terorizm v sovremennom mire. 2-ye izd. / pod red. V. L. Shul'tsa; Tsentr issled. problem bezopasnosti RAN*. – Moskva: Nauka, 2011. – 603 s.

11. *Davies Barry B. E. M. Terrorism. Inside a World Phenomenon*. – London: Virgin Books Ltd, 2005. – 310 p.

Статья поступила в редакцию 01.07.2022; одобрена после рецензирования 03.10.2022; принята к публикации 12.10.2022.

The article was submitted July 1, 2021; approved after reviewing October 3, 2022; accepted for publication October 12, 2022.

Научная статья
УДК 343.3/.7
doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-98-105

Василий Владимирович Векленко
доктор юридических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0003-1373-6271>, o.tyshkovets@spbu.ru

*Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9*

Арби Русланович Акиев
кандидат юридических наук
<https://orcid.org/0000-0001-6540-9606>, melhi530@mail.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Проблемы квалификации легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём (ст. 174, 174¹ УК РФ)

Аннотация: В настоящее время противодействие легализации (отмыванию) денежных средств и иного имущества, добытых преступным путём, по праву признается одним из приоритетных направлений современной уголовно-правовой политики. По мнению криминологов, легализация (отмывание) денежных средств и иного имущества, добытых преступным путём, выступает одним из детерминантов латентности предикатных преступлений, поскольку существенно затрудняет выявление, раскрытие и расследование таких преступлений.

Между тем противодействие этому криминальному явлению вызывает множество трудностей, часть которых носит сугубо уголовно-правовой характер. Наиболее актуальными сегодня являются вопросы уголовно-правовой оценки преступлений, предусмотренных ст. 174 и ст. 174¹ Уголовного кодекса Российской Федерации.

В представленной статье авторским коллективом рассматриваются отдельные проблемы квалификации легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём, которые обусловлены прежде всего спецификой предмета преступного посягательства, а также сложностями уголовно-правовой оценки соучастия при совершении преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174¹ УК РФ.

Цель исследования: вопросы уголовно-правовой оценки преступлений, предусмотренных ст. 174 и ст. 174¹ Уголовного кодекса Российской Федерации.

Методологической основой являются: сравнительно-правовой метод, метод формальной логики, толкования правовых норм.

В качестве выводов авторами обосновываются и формулируются предложения по совершенствованию законодательной конструкции составов анализируемых уголовно-правовых норм, направленные на их унификацию.

Ключевые слова: легализация (отмывание) денежных средств, предмет преступления, соучастие в преступлении, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа, квалификация

Для цитирования: Векленко В. В., Акиев А. Р. Проблемы квалификации легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём (ст. 174, 174¹ УК РФ) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4 (96). – С. 98–105; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-98-105.

Vasiliy V. Veklenko

Doct. Sci. (jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0003-1373-6271>, o.tyshkovets@spbu.ru

Saint Petersburg State University

7/9, Universitetskaya embankment, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation

Arbi R. Akiev

Cand. Sci. (jurid.)

<https://orcid.org/0000-0001-6540-9606>, melhi530@mail.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Problems of qualifying legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal way (Articles 174, 174¹ of the Criminal Code of the Russian Federation)

Abstract: In the presented article, the authors consider certain problems of qualifying the legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal way, which are primarily due to the specifics of the subject of the criminal offense, as well as the difficulties of the criminal law assessment of complicity in the commission of crimes under Art. Art. 174 and 174¹ of the Criminal Code of the Russian Federation.

Due to criminologists legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal way (Articles 174, 174¹ of the Criminal Code of the Russian Federation) is one of the determinants of latency of predicted crimes because it makes more difficult to find, to solve and to investigate such crimes.

The aim of the research is the criminal and legal appreciation of crimes under articles 174 and 174¹ of the Criminal Code of the Russian Federation.

The methodological basis includes comparative and legal method, the method of formal logics and interpretation of the norms of the law.

In order to eliminate the problems stated within the framework of this work, the authors substantiate and formulate proposals for improving the legislative structure of the compositions of the analyzed criminal law norms, aimed at their unification.

Keywords: legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means; subject of a crime, complicity in a crime; a group of persons by prior agreement; organized group; qualification

For citation: Veklenko V. V., Akiev A. R. Problems of qualification of legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal way (Articles 174, 174¹ of the Criminal Code of the Russian Federation) // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 4 (96). – P. 98–105; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-98-105.

Последние несколько десятилетий мы наблюдаем активное развитие законодательства в сфере противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов. Ярким тому примером выступает принятие в 2001 году самостоятельного Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» (далее – ФЗ «О противодействии легализации»), в который ежегодно на систематической основе вносятся изменения и дополнения¹.

¹ О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма: федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ (в ред. от 14 июля 2022 г.) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

Так, только в 2022 году в указанный федеральный закон было внесено 5 изменений, а в 2021 году их было 12. Пристальное внимание законодателя к проблеме борьбы с рассматриваемым видом преступных посягательств объясняется тем, что легализация (отмывание) преступных доходов – это многогранное криминальное явление, повышенный уровень общественной опасности которого обусловлен наличием сопутствующего легализации как минимум одного преступного посягательства – предикатного преступления. Нередко легализация (отмывание) преступных доходов тесно связана с финансированием различных террористических и экстремистских сообществ и организаций. По мнению криминологов, легализация (отмывание) денежных средств и ино-

го имущества, добытых преступным путём, выступает одним из детерминантов латентности предикатных преступлений, поскольку существенно затрудняет выявление, раскрытие и расследование таких преступлений [1, с. 251]. Кроме того, ввод денежных средств криминального происхождения в легальный денежный оборот создаёт благоприятную основу для функционирования теневой экономики и выступает финансовой базой для существования преступности в целом, в том числе организованной и транснациональной, причиняя тем самым вред финансовой стабильности и экономической безопасности государства.

В связи с этим очевидно, что и в настоящее время противодействие легализации (отмыванию) денежных средств и иного имущества, добытых преступным путём, по праву признаётся одним из приоритетных направлений современной уголовно-правовой политики. Между тем противодействие этому криминальному явлению вызывает множество трудностей, часть которых носит сугубо уголовно-правовой характер. Наиболее актуальными сегодня являются вопросы уголовно-правовой оценки преступлений, предусмотренных ст. 174 и ст. 174¹ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)².

В первую очередь следует рассмотреть предмет этих составов преступлений. Предмет легализации (отмывания) преступных доходов разнообразен и может выражаться как в вещах материального мира, так и в интеллектуальных ценностях, посягательства на которые нарушают общественные отношения, охраняемые уголовным законом. В законе предмет преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174¹ УК РФ, определяется так: «Денежные средства или иное имущество, приобретённое преступным путём». Учитывая, что уголовно-правовая характеристика предмета легализации (отмывания) преступных доходов в значительной степени раскрыта в рамках постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 (далее – ППВС РФ № 32)³, обратим внимание на следующее.

В соответствии с уголовным законом и указанными разъяснениями высшей судебной инстанции России, «предметом преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174¹ УК РФ, являются не только денежные средства или иное имущество, незаконное приобретение которых является признаком конкретного состава преступления (например, хищения, получения взятки), но и денежные средства или иное имущество, полученные в качестве материального вознаграждения за совершенное преступление

(например, за убийство по найму) либо в качестве платы за сбыт предметов, ограниченных в гражданском обороте»⁴. Между тем в настоящее время широко распространена легализация доходов, не только приобретённых в результате совершения преступления, но и полученных иным незаконным путём. Например, путём совершения административных правонарушений. Так, в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)⁵ немало административных правонарушений, связанных с причинением существенного материального ущерба, размеры которого могут представлять угрозу для экономической безопасности государства. Вместе с тем в административном законодательстве не установлена ответственность за легализацию (отмывание) доходов, полученных в результате совершения административного правонарушения или иных незаконных (непреступных) деяний. Действующее уголовное законодательство не допускает возможности привлекать к ответственности по ст. 174, 174¹ УК РФ лиц в случаях легализации (отмывания) ими денежных средств или иного имущества, приобретённых не в результате совершения преступления, а в результате совершения иных незаконных действий, в частности, административных правонарушений. Все эти факторы указывают на наличие своеобразного правового пробела в действующем отечественном законодательстве, который может быть использован злоумышленниками в преступных целях.

Это красноречиво подтверждает правоприменительная практика в сфере производства по делам об административных правонарушениях. Так, суд Краснодарского края по ст. 14.11 КоАП РФ «Незаконное получение займа или кредита» от 21 июля 2019 года, установил, что гражданин К. путём заведомо ложных сведений о среднемесячном доходе и месте работы получил два кредита в размере 300 000 рублей и 350 000 рублей. Также было установлено, что виновный полученные денежные средства легализовал путём совершения финансовой операции. По данному административному постановлению лицо привлечено к ответственности только за совершённое им административное правонарушение, в то время как к уголовной ответственности по ст. 174¹ УК РФ за легализацию незаконно полученных им денежных средств, привлечено не было⁶.

Аналогичным образом происходит незаконное приобретение доходов от совершения других административных правонарушений, которые впоследствии также могут быть легализованы.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 24 сентября 2022 г.) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

³ О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путём: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 (в ред. от 26 февраля 2019 г.) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

⁴ Там же.

⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 4 ноября 2022 г.) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

⁶ Постановление суда Краснодарского края по делу № 1-0981/2001-5/2020 от 27 июня 2019 г. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. – URL: <https://sudact.ru/doc/ONDeqSdhjbUv/> (дата обращения: 26.10.2022).

Например, в постановлении мирового судьи Мотыгинского района Красноярского края по ст. 15.6 КоАП РФ «Непредставление (несообщение) сведений, необходимых для осуществления налогового контроля» от 3 декабря 2020 года, вынесенного в отношении директора Л., указано, что должностным лицом Межрайонной инспекции Федеральной налоговой службы по Красноярскому краю было установлено, что директор Л. систематически нарушал срок предоставления налоговой декларации по налогу на добавленную стоимость. В результате своих противоправных действий директор Л. скрыл свои доходы на сумму в размере 715 000 рублей 20 копеек, которые в дальнейшем были им легализованы⁷.

В целях ликвидации обозначенного пробела регулирования общественных отношений в сфере легализации (отмывания) незаконно полученных доходов считаем целесообразным предусмотреть в ст. 174, 174¹ УК РФ в качестве основания уголовной ответственности за легализацию денежных средств и иного имущества, полученных в результате совершения административных правонарушений, изложив наименование и диспозицию данных уголовно-правовых норм в новой редакции с учётом предлагаемых изменений.

Количественная характеристика предмета легализации связана с размером легализации (отмывания) доходов, полученных незаконным путём. В ст. 174, 174¹ УК РФ закреплены следующие размеры предмета: крупный размер – это сумма, превышающая один миллион пятьсот тысяч рублей (ч. 2 ст. 174, ч. 2 ст. 174¹ УК РФ) и особо крупный размер – сумма, превышающая шесть миллионов рублей (п. «б» ч. 4 ст. 174, п. «б» ч. 4 ст. 174¹ УК РФ). Обращает на себя внимание, что оба размера предмета легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путём, законодатель отнёс к числу отягчающих квалифицирующих признаков состава преступления, в то время как основной состав легализации (ч. 1 ст. 174, ч. 1 ст. 174¹ УК РФ) не содержит указания на минимальный предел суммы легализуемого преступного дохода.

Официальные статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации демонстрируют следующий весьма примечательный факт: уголовные дела по ст. 174, 174¹ УК РФ выявляются, возбуждаются и доходят до суда, как правило, в случаях, когда размер предмета легализации является крупным или особо крупным. Так, в 2019 году по ч. 2 и ч. 4 ст. 174 УК РФ и ч. 2 и ч. 4 ст. 174¹ УК РФ были осуждены 8 человек, в 2020 году – 9 человек, в 2021 – 19 человек. Вместе с тем по ч. 1 ст. 174 УК РФ и ч. 1 ст. 174¹ УК РФ в 2019 году

количество осуждённых было вдвое меньше – 4 человека, в 2020 году – всего 2, в 2021-м – 5⁸.

Представляется, что наличие в правоприменительной практике тенденции привлечения к уголовной ответственности за факты легализации денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём, преимущественно в крупном и особо крупном размере, обусловлено следующими причинами. Во-первых, такие случаи преступной деятельности виновным лицам сложнее скрыть в силу того, что в соответствии с действующим законодательством основная часть финансовых операций и (или) сделок на крупные денежные суммы тщательно контролируется как со стороны специализированного уполномоченного государственного органа (Федеральная служба по финансовому мониторингу), так и служб безопасности организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом (в случаях если такие финансовые операции и (или) сделки осуществляются с участием данных организаций) [2, с. 184]. К примеру, исходя из ст. 6 ФЗ «О противодействии легализации», ряд операций с денежными средствами или иным имуществом в наличной форме (снятие со счёта или зачисление на счёт юридического лица денежных средств в наличной форме, покупка или продажа наличной иностранной валюты физическим лицом и др.) «подлежат обязательному контролю, если сумма, на которую они совершаются, равна или превышает 1 миллион рублей либо равна сумме в иностранной валюте, эквивалентной 1 миллиону рублей, или превышает её».

Во-вторых, именно крупные и особо крупные размеры легализации (отмывания) преступных доходов наносят существенный вред экономической безопасности государства. Представляется, что легализованные, к примеру, 2000 рублей вряд ли могут нанести непоправимый вред экономике страны в целом. При этом совокупность расходов государства, необходимых только для осуществления производства по такому уголовному делу, обойдется государству дороже, чем ущерб, причинённый таким преступлением, что обусловлено многоступенчатостью и длительностью уголовного судопроизводства, широким кругом его участников на различных стадиях уголовного судопроизводства и пр.

С учётом изложенного полагаем, что в ст. 174, 174¹ УК РФ целесообразно установить нижний предел размера предмета легализации (отмывания) преступных доходов, с которого возможно привлечение к уголовной ответственности по основному составу рассматриваемого преступления, т. е. по ч. 1 ст. 174 УК РФ и по ч. 1 ст. 174¹ УК РФ в виде «значительного размера», определив его в примечании к ст. 174 УК РФ, где в настоящее время раскрыто содержание «крупного размера» и «особо крупного размера» легализации (отмывания) преступных доходов. При интерпретации суммы «значительного размера» легализации (отмывания) денежных средств

⁷ Постановление мирового судьи в Мотыгинском районе Красноярского края по делу № 1-191/2089 от 03 декабря 2020 г. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: <https://sudact.ru/doc/DeqSdAwoUv/> (дата обращения: 28.10.2022).

⁸ Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 05.11.2022).

и иного имущества, добытых преступным путём, можно взять за основу положения уже упомянутой ранее ст. 6 ФЗ «О противодействии легализации»⁹ и указать в качестве минимального криминообразующего размера легализации, например, «сумму, превышающую один миллион рублей». Полагаем, что установление в ч. 1 ст. 174 УК РФ и в ч. 1 ст. 174¹ УК РФ минимального размера предмета легализации (отмывания) денежных средств и иного имущества, добытых преступным путём, в виде значительного размера с указанием его конкретной суммы позволит более эффективно осуществлять противодействие анализируемому виду преступных посягательств в случаях, когда меры уголовно-правового воздействия на виновных лиц действительно необходимы и целесообразны.

В целях противодействия легализации преступных доходов в незначительном размере, а равно их легализации по частям в значительном, крупном и особо крупном размерах, наряду с введением в основной состав рассматриваемых преступлений категории «значительный размер», логичным шагом представляется параллельное установление административной ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств и иного имущества, приобретённых преступным путём, в главе 15 КоАП РФ «Административные правонарушения в области финансов, налогов и сборов, страхования, рынка ценных бумаг, добычи, производства, использования и обращения драгоценных металлов и драгоценных камней» и дополнение данной главы статьёй, аналогичной по законодательной конструкции ст. 174 УК РФ и ст. 174¹ УК РФ (без частей и без указания на субъект правонарушения), предусматривающей ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём, в небольшом размере (т. е. не превышающем 1 миллион рублей).

Следует отметить, что многие исследователи уделяли внимание количественной характеристике предмета легализации (отмывания) преступных доходов и на основе размера предмета легализации предлагали дифференцировать административную и уголовную ответственность за анализируемое негативное явление. Так, К. Э. Емцева предлагает установить уголовную ответственность за легализацию, если легализуемая сумма будет превышать 250 000 рублей. Также она предлагает привлекать лицо к административной ответственности, если оно легализовало сумму менее 250 000 рублей¹⁰. Аналогичным образом З. А. Тхайшаов предлагает ввести административную ответственность

в случаях, если легализуемая сумма совершена в незначительных размерах. По его мнению, наиболее подходящая сумма, с которой возможно привлечение к уголовной ответственности за легализацию, должна начинаться с 300 000 рублей¹¹.

Таким образом, можно заключить, что предложение о введении наряду с уголовной административной ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств и иного имущества, полученных незаконным путём, где критерием разграничения данных видов ответственности будет выступать сумма денежного выражения предмета посягательства, не только хорошо знакомо и активно используется в отечественном законодательстве (например, ст. 7.27 КоАП РФ и ст. 158, 159, 160 УК РФ; ст. 6.8 КоАП РФ и ст. 228 УК РФ и др.), но и находит поддержку в уголовно-правовой доктрине.

Количественная сторона предмета легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путём, отражается и в квалифицирующих признаках составов преступлений, предусмотренных ст. 174, 174¹ УК РФ, соответствующих крупному и особо крупному размеру рассматриваемого общественно опасного посягательства. Анализ мнений, высказанных в доктрине уголовного права, наряду с изучением материалов судебно-следственной практики, позволяют сделать вывод о том, что эти размеры нуждаются в пересмотре.

Так, в современной судебно-следственной практике наиболее часто встречаемые размеры предмета легализации, по которым суды привлекают виновных лиц к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 174 и ч. 2 ст. 174¹ УК РФ – это суммы в среднем от 1 500 000 до 5 500 000 рублей, а по п. «б» ч. 4 ст. 174 УК РФ и по п. «б» ч. 4 ст. 174¹ УК РФ – это сумма, превышающая 10 000 000 рублей¹². В научной литературе в отношении особо крупного размера отдельные учёные также высказываются в поддержку позиции, согласно которой целесообразно привлекать за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём в особо крупном размере, в случаях, когда сумма легализуемого дохода, полученного в результате совершения преступления, равна как минимум 10 000 000 рублей¹³.

Принимая во внимание мнения учёных и результаты обобщения материалов

⁹ О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма: федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ (в ред. от 14 июля 2022 г.) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

¹⁰ Емцева К. Э. Противодействие легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, приобретённого преступным путём: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2016. – 26 с.

¹¹ Тхайшаов З. А. Легализация (отмывание) доходов, приобретённых преступным путём: законодательные и правоприменительные аспекты (по материалам судебной практики Краснодарского края и Республики Адыгея): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2005. – 24 с.

¹² Изучено более 50 судебных решений по уголовным делам, предусмотренным ст. 174 и 174¹ УК РФ, рассмотренным судами в период с 2016 по 2022 гг., опубликованных в Государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Правосудие» (ГАС «Правосудие») и на интернет-ресурсе «Судебные и нормативные акты РФ» («СудАкт»).

¹³ Кириленко В. С. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2012. – 26 с.

судебно-следственной практики, считаем целесообразным внести в соответствующие квалифицированные составы преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174¹ УК РФ, изменения в части, касающейся крупного и особо крупного размера предмета легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путём, указав новые размеры в примечании к ст. 174 УК РФ, сформулировав их следующим образом: «...совершёнными в крупном размере...признаются финансовые операции и другие сделки с денежными средствами или иным имуществом, совершённые на сумму, превышающую три миллиона рублей, а в особо крупном размере – десять миллионов рублей».

Представляют интерес квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки преступлений, предусмотренных ст. 174, 174¹ УК РФ, связанные с соучастием в преступлении – «деяния, совершённые группой лиц по предварительному сговору» (п. «а» ч. 3 ст. 174 УК РФ, п. «а» ч. 3 ст. 174¹ УК РФ) и «деяния, совершённые организованной группой» (п. «а» ч. 4 ст. 174 УК РФ, п. «а» ч. 4 ст. 174¹ УК РФ).

Согласно п. 14 ППВС РФ № 32, группа лиц по предварительному сговору в данном преступлении образуется лишь в случае, когда в преступлении, предусмотренном ст. 174¹ УК РФ, участвуют два и более соисполнителя, обладающих признаками субъекта данного преступления. Иными словами, два или более субъекта, участвующие в рассматриваемом преступлении, отмывают преступный доход от совершенного ими ранее преступления. Как обозначено в ППВС РФ № 32, «если имеет место только один исполнитель, обладающий признаками субъекта преступления, предусмотренного ст. 174¹ УК РФ, а остальные лица, участвующие в легализации, не обладают такими признаками, то они будут нести уголовную ответственность по ст. 174 УК РФ»¹⁴.

Таким образом, если в легализации участвует один виновный, легализующий (отмывающий) доход от совершённого им ранее преступления, и два иных лица, помогающих ему легализовать такой преступный доход, но не участвовавших в совершении предикатного преступления, то будет вменяться квалифицирующий признак «группа лиц по предварительному сговору», но уже не по п. «а» ч. 3 ст. 174¹ УК РФ, а по п. «а» ч. 3 ст. 174 УК РФ. На наш взгляд, обозначенные правила квалификации соучастия в виде «группы лиц по предварительному сговору» вносят путаницу и порождают ошибки в квалификации и отграничении преступлений, предусмотренных ст. 174 УК РФ и ст. 174¹ УК РФ.

Согласно п. 15 ППВС РФ № 32, при вменении признака «организованная группа» возника-

ет ещё больше трудностей – тут признаки специального субъекта вообще не учитываются. Таким образом, складывается по сути безвыходная ситуация: если в составе организованной группы есть один специальный субъект (например, сам преступник, отмывающий свой преступный доход) и несколько других лиц (субъекты преступления, предусмотренного ст. 174 УК РФ), то имеет место организованная группа, и всем указанным лицам, вне зависимости от наличия или отсутствия у них признаков специального субъекта, обозначенных в ст. 174¹ УК РФ, должен вменяться п. «а» ч. 4 ст. 174¹ УК РФ¹⁵.

Однако проблема состоит в том, что преступные действия всех указанных лиц, входящих в состав организованной группы, также могут быть квалифицированы и по п. «а» ч. 4 ст. 174 УК РФ, где закреплён аналогичный квалифицирующий признак, вменяемый согласно разъяснению Верховного Суда РФ, на аналогичных условиях. Между тем, согласно ч. 2 ст. 6 УК РФ, «никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление». Соответственно, законом запрещено одновременно вменять такой организованной группе, совершающей легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём, одновременно п. «а» ч. 4 ст. 174 УК РФ и п. «а» ч. 4 ст. 174¹ УК РФ. Необходимо выбрать лишь одну квалификацию из двух возможных. Однако как и на каких основаниях необходимо делать выбор, правоприменителю абсолютно непонятно, поскольку санкции указанных норм и основания их вменения тождественны, а в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 32 разъяснения на этот счёт отсутствуют.

В теории обозначенный вопрос довольно часто становится предметом научных дискуссий. Так, многие учёные считают, что исполнителем в преступлениях со специальным субъектом могут быть только лица, указанные в соответствующих уголовно-правовых нормах, а общие субъекты могут быть исключительно организаторами, подстрекателями или пособниками [6, с. 27]. Между тем существуют и другие мнения. Например, ряд специалистов не отрицают, что общий субъект может быть соисполнителем преступления со специальным субъектом [7, с. 46]. Многие юристы, которые исследуют вопрос о квалифицирующих признаках, в основном выдвигали предложения по поводу необходимости применять признак, включающий в себя группу лиц по предварительному сговору, только в тех случаях, когда соисполнители уже начали свои преступные действия, направленные на совершение экономического преступления¹⁶. Иными словами, если к субъекту, осуществляющему легализацию, в процессе

¹⁴ О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путём: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 (в ред. от 26 февраля 2019 г.) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

¹⁵ Там же.

¹⁶ Лупырь М. В. Уголовно-правовая оценка легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретённых лицом в результате совершения им преступления (ст. 174.1 УК РФ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2019. – 23 с.

уже начатых им действий присоединились черты лица, то данный признак будет отсутствовать [3, с. 24].

По нашему мнению, под исполнителями или соисполнителями преступлений, предусмотренных ст. 174 и ст. 174¹ УК РФ, понимаются лица, которые осуществляют юридически значимые действия для осуществления финансовой операции или иной сделки, заведомо направленной на отмыwanie преступных доходов.

С учётом изложенных выше подходов в сфере квалификации соучастия в легализации (отмывании) доходов, полученных в результате совершения преступления, полагаем, что отсутствует необходимость в наличии двух самостоятельных уголовно-правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность за анализируемое преступное деяние. Полагаем, многих ранее обозначенных проблем, связанных с квалификацией соучастия в легализации (отмывании) денежных средств и иного имущества, добытого преступным путём, и соответственно, вменения квалифицирующих признаков, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 174¹ УК РФ и п. «а» ч. 4 ст. 174¹ УК РФ, можно легко избежать, посредством объединения ст. 174 УК РФ и ст. 174¹ УК РФ в единую уголовно-правовую норму.

О возможности такого решения свидетельствует сама законодательная конструкция ст. 174 и ст. 174¹ УК РФ, которая является практически

аналогичной: количество частей в данных статьях, количество и наименование квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков – одинаковые, санкции – тоже идентичные. Оба преступления, предусмотренные ст. 174 и ст. 174¹ УК РФ, устанавливают уголовную ответственность за легализацию денежных средств или иного имущества, добытых преступным путём, и составы данных преступлений практически идентичны. Их непосредственный объект (в том числе предмет), признаки объективной стороны и признаки субъекта тождественны. Основное отличие данных составов преступлений заключается в субъекте преступления. Так, в ст. 174 УК РФ круг субъектов преступного посяательства ограничивается лицами, которые не участвовали в совершении предикатного преступления, в то время как в ст. 174¹ УК РФ субъект преступления обязательно должен быть исполнителем (соисполнителем) или иным соучастником предикатного преступления, в результате совершения которого им были получены преступные доходы [10, с. 69]. При такой практически полной идентичности норм, исходя из принципа экономии уголовного законодательства и в целях оптимизации целесообразно объединить две данные статьи в одну на основе единого субъекта преступления – физического вменяемого лица, достигшего возраста уголовной ответственности 16 лет.

Список литературы

1. *Леонов А. И., Беденко А. В., Волокитина Ю. О.* Некоторые проблемы расследования преступлений, связанных с легализацией денежных средств, приобретённых в результате незаконного сбыта наркотических средств // Вестник Воронежского института МВД России. – 2020. – № 1. – С. 248–254.
2. *Мынжанов Е. К.* Об особенностях противодействия легализации преступных доходов // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2022. – № 2 (32). – С. 182–188.
3. *Гаухман Л. Д.* Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – Москва: Центр ЮрИнфоР, 2015. – 316 с.
4. *Орымбаев Р.* Специальный субъект преступления. – Алма-Ата: Наука, 1977. – 152 с.
5. *Бавсун М. В., Лутырь М. В.* Проблемные вопросы квалификации легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретённых лицом в результате совершения им преступления (ст. 174.1 УК РФ) / Актуальные проблемы правоприменительной деятельности органов внутренних дел: сборник научных трудов. – Омск: Омская академия МВД России, 2019. – С. 342–363.
6. *Киселев И. А.* Грязные деньги: уголовная ответственность за отмывание преступных доходов и её применение в борьбе с преступностью и коррупцией. – Москва: ИД «Юриспруденция», 2009. – 151 с.
7. *Муксинова А. Ф.* Некоторые вопросы квалификации легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретённых в результате незаконного оборота наркотиков // Юристъ-Правоведъ. – 2018. – № 3 (86). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-kvalifikatsii-legalizatsii-otmyvaniya-denezhnyh-sredstv-ili-inogo-imuschestva-priobretennyh-v-rezultate-nezakonnoego> (дата обращения: 23.08.2022).
8. *Боярская А. В.* Проблемы судебного толкования признаков легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретённого преступным путём // Правоприменение. – 2019. Юристъ-Правоведъ. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sudebnogo-tolkovaniya-priznakov-legalizatsii-otmyvaniya-denezhnyh-sredstv-ili-inogo-imuschestva-priobretennogo-prestupnym> (дата обращения: 23.08.2022).
9. *Фоминих А. В.* Легализация (отмывание) денежных средств и иного имущества, приобретённого преступным путём: проблемы квалификации // Молодой учёный. – 2020. – № 17 (307). – С. 249–251.
10. *Яппаров Р. М., Яппаров Р. Р.* Некоторые проблемы квалификации действий по легализации (отмыванию) денежных средств и иного имущества, приобретённых преступным путём // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). – 2017. – № 2 (35). – С. 42–49.

References

1. Leonov A. I., Bedenko A. V., Volokitina Yu. O. Nekotoryye problemy rassledovaniya prestupleniy, svyazannykh s legalizatsiyey denezhnykh sredstv, priobretonnykh v rezul'tate nezakonnogo sbyta narkoticheskikh sredstv // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. – 2020. – № 1. – S. 248–254.
2. Mynzhanov Ye. K. Ob osobennostyakh protivodeystviya legalizatsii prestupnykh dokhodov // Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii. – 2022. – № 2 (32). – S. 182–188.
3. Gaukhman L. D. Kvalifikatsiya prestupleniy: zakon, teoriya, praktika. – Moskva: Tsentr YurInfoR, 2015. – 316 s.
4. Orymbayev R. Spetsial'nyy sub'yekt prestupleniya. – Alma-Ata: Nauka, 1977. – 152 s.
5. Bavsun M. V., Lupyriy M. V. Problemnyye voprosy kvalifikatsii legalizatsii (otmyvaniya) denezhnykh sredstv ili inogo imushchestva, priobretonnykh litsom v rezul'tate soversheniya im prestupleniya (st. 174.1 UK RF) / Aktual'nyye problemy pravoprimenitel'noy deyatel'nosti organov vnutrennikh del : sbornik nauchnykh trudov. – Omsk : Omskaya akademiya MVD Rossii, 2019. – S. 342–363.
6. Kiselev I. A. Gryaznyye dengi: ugolovnaya otvetstvennost' za otmyvaniye prestupnykh dokhodov i yeyo primeneniye v bor'be s prestupnost'yu i korruptsiyey. – Moskva: ID «Yurisprudentsiya», 2009. – 151 s.
7. Muksinova A. F. Nekotoryye voprosy kvalifikatsii legalizatsii (otmyvaniya) denezhnykh sredstv ili inogo imushchestva, priobretonnykh v rezul'tate nezakonnogo oborota narkotikov // Yurist»-Pravoved». – 2018. – № 3 (86). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-kvalifikatsii-legalizatsii-otmyvaniya-denezhnyh-sredstv-ili-inogo-imushchestva-priobretonnykh-v-rezultate-nezakonnogo-obrashcheniya>; 23.08.2022).
8. Boyarskaya A. V. Problemy sudebnogo tolkovaniya priznakov legalizatsii (otmyvaniya) denezhnykh sredstv ili inogo imushchestva, priobretonnogo prestupnym putem // Pravoprimeneniye. – 2019. Yurist»-Pravoved». – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sudebnogo-tolkovaniya-priznakov-legalizatsii-otmyvaniya-denezhnyh-sredstv-ili-inogo-imushchestva-priobretonnogo-prestupnym-putem> (data obrashcheniya: 23.08.2022).
9. Fominykh A. V. Legalizatsiya (otmyvaniye) denezhnykh sredstv i inogo imushchestva, priobretonnogo prestupnym putem: problemy kvalifikatsii // Molodoy uchonyy. – 2020. – № 17 (307). – S. 249–251.
10. Yapparov R. M., Yapparov R. R. Nekotoryye problemy kvalifikatsii deystviy po legalizatsii (otmyvaniyu) denezhnykh sredstv i inogo imushchestva, priobretonnykh prestupnym putem // Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta sotsial'nykh tekhnologiy). – 2017. – № 2 (35). – S. 42–49.

Статья поступила в редакцию 23.09.2022; одобрена после рецензирования 02.11.2022; принята к публикации 24.11.2022.

The article was submitted September 23, 2022; approved after reviewing November 02, 2022; accepted for publication November 24, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 343
doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-106-111

Элина Салмановна Дикаева
адъюнкт

<https://orcid.org/0000-0002-2650-3111>, dikaeva.elina2015@yandex.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Понятие «личность условно-досрочно освобождённого от уголовного наказания» как частный элемент предмета криминологии

Аннотация: Цель исследования – проанализировать понятие «личность преступника» как базовый элемент предмета криминологии, лежащий в основе понятий «личность осуждённого» и «личность условно-досрочно освобождённого от уголовного наказания». В ходе написания статьи были использованы следующие методы: теоретический анализ, то есть выделение и рассмотрение отдельных сторон, признаков, особенностей, свойств явлений; индуктивные и дедуктивные методы – логические методы обобщения полученных эмпирическим путём данных, а также формально-юридический метод, применяемый в исследовании юридического понятия условно-досрочно освобождения, выявлении и изучении его признаков. Предлагается рассматривать категорию «личность преступника» в широком и в узком смысле слова. В широком смысле слова эта категория должна включать в себя как лиц, в отношении которых вынесено обвинительное решение суда, так и лиц, в отношении которых прекращено уголовное дело по нереабилитирующим основаниям. В узком смысле эта категория включает в себя только лиц, в отношении которых есть вступивший в законную силу обвинительный приговор суда, которых следует называть «личность осуждённого». Категория «личности условно-досрочно освобождённого от уголовного наказания» является исходной от понятия «личность осуждённого».

Ключевые слова: условно-досрочно, освобождение, личность преступника, осуждённый, освобождённый, криминологическая характеристика, детерминанты, преступность

Для цитирования: Дикаева Э. С. Понятие «личность условно-досрочно освобождённого от уголовного наказания» как частный элемент предмета криминологии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4 (96). – С. 106–111; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-106-111.

Elina S. Dikaeva
Graduate

<https://orcid.org/0000-0002-2650-3111>, dikaeva.elina2015@yandex.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

The notion of the term «personality of the parolee from criminal punishment» as a particular element of the object of criminology

Abstract: The purpose of the study is to analyze the notion of «criminal personality» as a basic element of the subject of criminology, which underlies the notions of «personality of a convict» and «personality of a parolee». In the course of writing the article, the following methods were used: theoretical analysis, that is, the selection and consideration of individual aspects, signs, features, properties of phenomena; inductive and deductive methods - logical methods of generalizing empirically obtained data, as well as a formal legal method used in the study of the legal concept of parole, identifying and studying its features. It is proposed to consider the category of «criminal personality» in the broad sense and in depth. In the broad sense of the

word, this category should include both indictees and individuals against whom the criminal case has been terminated on non-exculpatory grounds. In depth, this category includes only individuals for whom there has been a final conviction which should be called «personality of a convict». The category of «personality of a parolee» is the starting point from the concept of «personality of a convict».

Keywords: parolee, release, criminal personality, convict, released, criminological characteristics, determinants, crime

For citation: Dikaeva E. S. The notion of the term «personality of the parolee from criminal punishment» as a particular element of the object of criminology // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 4 (96). – P. 106–111; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-106-111.

Личность преступника является одним из основных блоков криминологической науки. Сама наука криминология зарождалась и развивалась на базе исследования этого элемента предмета криминологии, когда ранние исследователи причин преступности задались вопросом: «Почему именно это лицо совершило преступление?». Лишь относительно недавно исследователи задались другим вопросом: «Почему некоторые люди вообще не совершают преступления» [1, с. 81–82]¹. Ни на первый, ни на второй вопросы исследователям пока не удалось дать однозначный ответ. Более того, несмотря на наличие многочисленных трудов, посвящённых изучению лица, совершившего преступление, среди учёных нет единства мнений относительно характеристик личности преступника.

Так, одни авторы выделяют в характеристике личности преступника структурированные сегменты качеств, прямо или косвенно связанных с антиобщественным поведением человека, обуславливающих или облегчающих совершение преступления или дающих возможность понять его причины². Другие авторы характеризуют личность преступника как «совокупность интегрированных в ней социально значимых негативных свойств, образовавшихся в процессе многообразных и систематических взаимодействий с другими людьми» [2, с. 213]. Третьи считают, что личность преступника, отличается от личности правопослушного человека не наличием или отсутствием какой-либо подструктуры, а содержанием, прежде всего нравственным, каждой из них, отмечая при этом, что очень важной подструктурой являются социальные и психологические аспекты жизненного опыта [3, с. 4]. Даже в вопросе «А есть ли личность преступника?» учёные разделились. Одни авторы склонны считать, что такая личность есть и должна быть предметом криминологического анализа³ [2, с. 21; 4, с. 92] и предпринимают попытки вы-

делять характерные признаки⁴, [5, с. 14; 6, с. 217], другие авторы занимают противоположную позицию [7, с. 89].

Анализ многих научных трудов, посвящённых личности преступника, позволяет сделать вывод, что личность преступника, по крайней мере, с теми признаками, о которых пишут авторы, вряд ли может быть. В научной литературе не предложен ни один признак, который был бы характерен только для личности преступника. Выделяемое в литературе в качестве главной черты личности преступника деформированное нравственное и правовое сознание и т. д.⁵ характерно не только для лиц, совершивших преступление. Множество лиц с такими признаками вовсе не совершают преступлений, соответственно, они не могут быть включены в категорию «личность преступника». Во всех случаях, когда речь заходит о личности преступника, всегда имеют в виду личность, в отношении которой есть осуждающее её решение суда. Ю. М. Антонян в своих работах признает, что понятие «личность преступника» является абстрактным и что оно включает в себя тех, кто может совершить преступление или уже сделал это, но не привлечён к ответственности [8, с. 28].

Как видим, и здесь автор выделяет слишком неопределённое число людей, которые охватываются этим абстрактным понятием. Ввиду того, что нет людей, которые в своей жизни никогда не совершали преступления [9, с. 37], такое определение личности преступника позволяет относить к этой категории любое лицо, обладающее признаками субъекта преступления (возраст, вменяемость), что само по себе кажется ошибочным.

Поскольку единственным признаком, присущим только личности преступника, является вступивший в законную силу обвинительный приговор суда то, может быть, есть необходимость в том, чтобы отказаться от этого термина?

Полагаем, что в научной дискуссии по данному вопросу понятие «личность преступника» следует рассматривать в широком и в узком смысле слова. В широком смысле это понятие

¹ Шестаков Д. А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире : учебник / 2-е изд., перераб. и доп.; предисл.: В. П. Сальникова. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2006. – С. 60.

² Казаков В. В. Криминологические и уголовно-правовые меры противодействия преступлениям, совершаемым в жилищно-коммунальной сфере : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2011. – С. 51–52.

³ Старков О. В. Криминология: Общая, Особенная и Специальная части : учебник. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2012. – С. 339.

⁴ Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. – Москва: Норма, 2005. – С. 84; Криминология: учебник для вузов / А. Ф. Агапов, Л. В. Барина, В. Г. Гриб и др. под ред. В. Д. Малкова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юстицинформ, 2006. – С. 213.

⁵ Алауханов Е. О. Криминология : учебник. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2013. – С. 81.

включает в себя как лиц, в отношении которых есть судебное решение об их виновности, так и лиц, которые совершили преступление, но по различным основаниям, предусмотренным УК РФ или УПК РФ, не были привлечены или не могли быть привлечены к уголовной ответственности или наказаны.

Дело в том, что множеству лиц, реально совершивших преступление, уголовное наказание вовсе не назначается. А в некоторых случаях, лица, совершившие преступление, подлежат освобождению от уголовной ответственности на досудебной стадии производства по уголовному делу, где решение об освобождении от уголовной ответственности выносит не суд, а следователь или дознаватель (ст. 213 УПК РФ). Все основания для освобождения от уголовной ответственности или наказания делятся на реабилитирующие (ч. 2 ст. 133, ч. 2 ст. 212, 213, ч. 8 ст. 302 УПК РФ) и нереабилитирующие (ст. 75–78 УК РФ, ст. 25–28.1, п. 3–6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ). Лица, в отношении которых уголовные дела прекращены по реабилитирующим основаниям, никак не могут быть включены в категорию «личность преступника», хотя в отношении них было возбуждено уголовное дело, избрана мера пресечения, назначено наказание и т. д. Реабилитирующие основания прекращения уголовного дела предполагают, что конкретное лицо было необоснованно привлечено к уголовной ответственности (например, при отсутствии события преступления, при отсутствии в деянии состава преступления, при непричастности подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления и др. (п. 1, 2, 5, 6 ч. 1 ст. 24, п. 1 ч. 2 ст. 27 УПК РФ)).

Нереабилитирующие основания прекращения уголовного дела и, соответственно, освобождения от уголовной ответственности или от уголовного наказания означают, что лицо фактически совершило преступление, но не может быть наказано в силу, например, истечения сроков давности или примирения с потерпевшим, уплаты судебного штрафа, отсутствия заявления потерпевшего, амнистии, помилования и др. В подобных случаях, если лицо не было против применения такого основания прекращения уголовного дела, освобождение от уголовной ответственности или от уголовного наказания означает, что оно согласилось с тем фактом, что органам следствия известно о совершённом им преступлении и ими велось производство по данному делу. Прекращение уголовного преследования по некоторым нереабилитирующим основаниям не допускается, если подозреваемый или обвиняемый против этого возражает (ч. 2 ст. 27 УПК РФ). В таком случае производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке, а суд, как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ, обязан до выяснения мнения подсудимого по данному вопросу разъяснить ему юридические последствия принятия судебного решения о прекращении уголовного дела, в том числе возможность конфискации принадлежащего ему имущества,

признанного вещественным доказательством, предъявления к нему гражданского иска о возмещении вреда, причинённого преступлением⁶.

Соответственно, категория «личность преступника» в широком смысле слова должна включать в себя как лиц, в отношении которых вынесено обвинительное решение суда, так и лиц, в отношении которых прекращено уголовное дело по нереабилитирующим основаниям.

В узком смысле о личности преступника можно говорить только применительно к лицам, которые признаны виновными в совершении преступления вступившим в законную силу обвинительным приговором суда. Если суд своим решением признал лицо виновным в совершении преступления – преступником, то такую личность правильнее называть уже не личностью преступника, а «личностью осуждённого».

По мнению Ю. М. Антоняна, личность осуждённого «строго ограничена рамками назначенного наказания, вне их такой личности не может быть» [8, с. 28–29]. Однако следует отметить, что УПК РФ предусматривает возможность вынесения приговора как с назначением наказания, подлежащего отбыванию осуждённым, так и с назначением наказания и освобождением от его отбывания, а также без назначения наказания (ч. 5 ст. 302 УПК РФ). Последнее означает, что речь идёт о случаях, когда в ходе судебного рассмотрения уголовного дела выясняется, что по данному делу истекли сроки давности уголовного преследования или был вынесен акт об амнистии (ч. 8 ст. 302 УПК РФ). Обвинительный приговор с назначением наказания и освобождением от его отбывания возможен в случае издания акта об амнистии, освобождающей от применения наказания, назначенного осуждённому данным приговором, а также тогда, когда время нахождения подсудимого под стражей по данному уголовному делу с учётом правил зачёта наказания, установленных ст. 72 УК РФ, поглощает наказание, назначенное подсудимому судом. Поэтому к категории «личность осуждённого» следует отнести всех лиц, в отношении которых вынесен обвинительный приговор суда, безотносительно того, какой это обвинительный приговор.

Таким образом, категория «личность преступника» является устоявшимся в науке элементом предмета криминологии и должна рассматриваться и в широком, и в узком смысле слова. В широком смысле слова категория «личность преступника» включает в себя всех лиц, в отношении которых вынесен обвинительный приговор суда, а также тех лиц, кто не был привлечён к уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. В узком смысле слова данная категория включает в себя только лиц, в отношении которых вынесен исключи-

⁶ О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 // Российская газета. – 2017. – 29 декабря.

тельно обвинительный приговор суда. Для криминологической характеристики лиц, в отношении которых вынесен обвинительный приговор суда, следует использовать термин «личность осуждённого».

Криминологический образ личности осуждённого существенно отличается от личности неосуждённого. Поэтому для успешной разработки теории предупреждения преступности, особенно рецидивной, криминологическому анализу должны быть подвергнуты демографические, социально-ролевые, социально-психологические и другие признаки личности осуждённого, которые в той или иной степени связаны с преступным деянием, объясняют причины, повлиявшие на формирование мотива указанной личности совершить преступление, и причины конкретного поведения в момент совершения преступления и после его совершения. Установление этих признаков важно ещё и потому, что именно они должны быть объектом воздействия основных средств исправления осуждённого и критериями, характеризующими лицо, претендующее на смягчение условий отбывания наказания, изменение вида и режима наказания, а также на условно-досрочное освобождение.

Вместе с тем следует учитывать и то, что признаки личности осуждённого до его осуждения и после осуждения тоже отличаются, как отличаются личности осуждённого к реальному лишению свободы или к лишению свободы условно. В период отбывания наказания под воздействием режима и других средств исправления у осуждённого к реальному лишению свободы появляются новые цели (цель улучшить себе условия отбывания наказания или освободиться условно-досрочно), достижение которых заставляет его не только лучше адаптироваться к условиям отбывания наказания, но и своим поведением сформировать у администрации учреждения мнение о том, что он не нуждается в дальнейшем отбывании наказания.

Определённые отличия личностных свойств можно обнаружить и у осуждённых за умышленные и за неосторожные преступления, у впервые осуждённых и осуждённых при рецидиве, у осуждённых за коррупционные преступления и за преступления против личности (собственности, правосудия, общественной безопасности и т. д.). Составляющими категории «личность осуждённого», являются такие категории, как «личность осуждённого несовершеннолетнего», «личность осуждённой женщины», «личность рецидивиста», «личность постпенитенциарного рецидивиста» и т. п. Некоторые из этих категорий достаточно хорошо исследованы в науке, другие только вводятся в научный оборот.

В частности, В. С. Харламов и Л. В. Смирнов вводят в научный оборот термин «личность постпенитенциарного рецидивиста» и определяют его как носителя «характерной для криминальной субкультуры совокупности свойств и качеств, отличающегося упорным нежелани-

ем вести себя в соответствии с охраняемыми законом нормами поведения и предпочтением криминальных вариантов решения личных проблем, отбывшим наказание в виде лишения свободы и совершившим новое умышленное преступление» [10, с. 143–152].

Из приведённого определения можно вывести юридически значимые признаки, характерные для этой личности: во-первых, эта личность была осуждена за совершённое преступление к реальному лишению свободы; во-вторых, эта личность частично или полностью отбыла назначенное наказание и, в-третьих, эта личность вновь совершила умышленное преступление. Все другие признаки, приведённые в определении (упорное нежелание вести себя в соответствии с законом, предпочтение криминальных вариантов решения личных проблем и др.) являются факультативными. Они могут иметь разные проявления, установление которых тоже важно не только для формирования криминологического портрета личности постпенитенциарного рецидивиста, но и для вынесения справедливого наказания за повторное совершение преступления, учитывающего личность виновного (ст. 6 УК РФ).

Личность осуждённого в научной литературе исследована достаточно глубоко, особенно в работах, посвящённых отдельным видам преступлений (личность коррупционера, личность вооружённого преступника, личность террориста, личность насильника и т. д.). Хотя в самих исследованиях говорится о личности преступника, но фактически исследуется личность именно осуждённого. В отечественной литературе никогда не исследовалась личность осуждённого, условно-досрочно освобождённого от наказания. И это при том, что данный вид освобождения является самым распространённым (около 55 %) и у этой категории самый высокий процент рецидива (около 65 %). Именно последнее обстоятельство вынудило законодателя внести коррективы в институт условно-досрочного освобождения (далее – УДО), вводя ряд новых условий, в числе которых и частичное или полное возмещение вреда, причинённого преступлением⁷. Соответствующие разъяснения дал и Пленум Верховного Суда России, внося дополнения в постановление № 8 от 21 апреля 2009 г.⁸

⁷ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве : федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.01.2021); О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 104-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.01.2021).

⁸ О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 г. / № 8 (ред. от 17 ноября 2015 г.) // Российская газета. – 2015. – 30 октября.

Для выведения понятия «личность условно-досрочно освобождённого от уголовного наказания» необходимо выделить отличительные юридические признаки, характеризующие правовой статус лица, отбывающего наказание в виде содержания в дисциплинарной воинской части, принудительных работ или лишения свободы. К таким признакам, на наш взгляд относятся:

- 1) фактическое отбытие лицом части назначенного судом наказания (ч. 3 ст. 79 УК РФ);
- 2) вынесение судом постановления о том, что для своего исправления данное лицо не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания;
- 3) частичное или полное возмещение вреда, причинённого преступлением;
- 4) возможность возложения на условно-досрочно освобождаемого от наказания дополнительных обязанностей, предусмотренных ч. 5 ст. 73 УК РФ;
- 5) фактическое освобождение от назначенного судом наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части, принудительных работ или лишения свободы до окончания срока, назначенного приговором суда;
- 6) постановка на профилактический учёт в территориальном органе внутренних дел и уголовно-исполнительной инспекции;
- 7) исполнение обязанностей, возложенных на лицо, в течение оставшейся не отбытой части наказания.

Это юридически значимые признаки, которые характеризуют именно условно-досрочное освобождение от наказания. При этом последние три признака взаимосвязаны и могут присутствовать только вместе и только в случае, когда суд воспользуется своим правом возложить на освобождаемое лицо дополнительные обязанности.

Второй признак – вынесение судом постановления о том, что для своего исправления данное лицо не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания, предполагает наличие конкретных доказательств, положительно характеризующих осуждённого за весь период отбывания наказания. Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда, при оценке поведения осуждённого, его отношения к труду, учёбе в период отбывания наказания суду необходимо принимать во внимание всю совокупность имеющихся об этом сведений. Здесь речь не может идти о том, что лицо исправилось или достигну-

та цель его исправления. Более того, Пленум указывает, что, даже наличие у осуждённого взысканий само по себе не может свидетельствовать о том, что лицо нуждается в дальнейшем отбывании назначенного судом наказания. Разрешая этот вопрос, судам предписывается учитывать конкретные обстоятельства, тяжесть и характер каждого нарушения за весь период отбывания наказания, данные о снятии и погашении взысканий и др. Третий признак – частичное или полное возмещение вреда, причинённого преступлением, является дополнительным подтверждением того, что лицо осознало содеянное им, раскаялось и твёрдо решило возместить причинённый ущерб и вести в дальнейшем правооптимальный образ жизни.

Таким образом, УК РФ и УИК РФ не предусматривают никаких критериев, основываясь на которых суд мог бы определить степень исправления, способность лица адаптироваться к жизни на свободе, воздержаться от повторного совершения преступления. Администрация учреждения, где лицо отбывает наказание, лишена возможности препятствовать реализации осуждённым своего права на УДО. А характеристика, даже отрицательная, для суда носит исключительно информативный характер. Осуждённые умело используют эти обстоятельства в своих целях, подстраиваясь под условия, которые учитывает суд, принимая решения. Для этого достаточно не получать взысканий некоторое время, обычно перед представлением на УДО, выйти на неоплачиваемые работы (если не трудоустроен), возместить потерпевшему незначительную сумму денег (обычно из тех, что на счёт прислали родственники). Ответы на такие вопросы, как: поддерживал ли осуждённый социально-полезные связи с родственниками, будет ли он трудоустроен, решены ли жилищные вопросы и т. д., суд во внимание не принимает, основываясь исключительно на формальных моментах: отсутствие взыскания, наличие поощрения и хотя бы частичное возмещение вреда. Это обстоятельство значительно сужает поле для криминологического анализа личности лица, подавшего прошение об условно-досрочном освобождении от наказания.

Полагаем, что реализация осуждённым своего права на смягчение наказания должна быть связана с возможностью суда установить, что лицо не нуждается в дальнейшем отбывании назначенного судом наказания.

Список литературы

1. Sutherland E. H., Cressey D. R. Principles of Criminology. – New York, 1966. 721 p. – URL: <https://bookree.org/reader?file=1181988&>.
2. Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Личность преступника. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. – 470 с.
3. Антонян Ю. М., Бабаев М. М., Бурчихин А. Н., Гаврина Е. Е. и др. Личность осуждённого : монография / под ред. Ю. М. Антоняна. – Москва: Юрлитинформ, 2017. – 288 с.
4. Бурлаков В. Н. Криминогенная личность и индивидуальное предупреждение преступлений: проблемы моделирования. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1998. – 235 с.
5. Дикаев С. У. К вопросу о криминологической характеристике личности террориста // Вестник научных трудов Нижнекамского филиала Московского гуманитарно-экономического инсти-

туда. Серия 8: Политическая криминология. – Нижнекамск: Нижнекамский филиал МГЭИ, – 2003. – С. 9–16.

6. *Бышевский Ю. В.* Пол и возраст лиц, совершающих кражи // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. – 2016. – Вып. 1. – С. 211–226.

7. *Гилинский Я. И.* Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль / 2-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2009. – 504 с.

8. *Антонян Ю. М.* Личность осуждённого // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2017. – № 5. – С. 27–33.

9. *Гилинский Я. И.* Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль / 4-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2018. – 517 с.

10. *Харламов В. С., Смирнов Л. В.* Личность постпенитенциарного рецидивиста // Журнал правовых и экономических исследований. – 2020. – № 4. – С. 143–152.

References

1. *Sutherland E. H., Cressey D. R.* Principles of Criminology. – New York, 1966. 721 p. // – URL: <https://bookree.org/reader?file=1181988&>.

2. *Antonyan Yu. M., Kudryavtsev V. N., Eminov V. Ye.* Lichnost' prestupnika. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskiy tsentr Press, 2004. – 470 s.

3. *Antonyan Yu. M., Babayev M. M., Burchikhin A.N., Gavrina Ye.Ye. i dr.* Lichnost' osuzhdonnogo: monografiya / pod red. d-ra yurid. nauk, professora Yu. M. Antonyana. – Moskva: Yurlitinform, 2017. – 288 s.

4. *Burlakov V. N.* Kriminogennaya lichnost' i individual'noye preduprezhdeniye prestupleniy: problemy modelirovaniya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskaya akademiya MVD Rossii, 1998. – 235 s.

5. *Dikayev S. U.* K voprosu o kriminologicheskoy kharakteristike lichnosti terrorista // Vestnik nauchnykh trudov Nizhnekamskogo filiala Moskovskogo gumanitarno-ekonomicheskogo instituta. Seriya 8: Politicheskaya kriminologiya. – Nizhnekamsk: Nizhnekamskiy filial MGEI, – 2003. – S. 9–16.

6. *Byshvskiy Yu. V.* Pol i vozrast lits, sovershayushchikh krazhi // Vestn. Severo-Kavkazskogo gumanitarnogo in-ta. – 2016. – Vyp. 1. – S. 211–226.

7. *Gilinskiy Ya. I.* Kriminologiya: teoriya, istoriya, empiricheskaya baza, sotsial'nyy kontrol'. – 2-ye izd., pererab. i dop. – Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo R. Aslanova «Yuridicheskiy tsentr Press», 2009. – 504 s.

8. *Antonyan Yu. M.* Lichnost' osuzhdonnogo // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravleniye. – 2017. – № 5. – S. 27–33.

9. *Gilinskiy Ya. I.* Kriminologiya: teoriya, istoriya, empiricheskaya baza, sotsial'nyy kontrol'. – 4-ye izd., pererab. i dop. – Sankt-Peterburg: ООО Izdatel'skiy Dom «Alef-Press», 2018. – 517 s.

10. *Kharlamov V. S., Smirnov L. V.* Lichnost' postpenitentsiarnogo retsidivista // Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy. – 2020. – № 4. – S. 143–152.

Статья поступила в редакцию 14.06.2022; одобрена после рецензирования 21.10.2022; принята к публикации 17.11.2022.

The article was submitted June 14, 2022; approved after reviewing October 21, 2022; accepted for publication November 11, 2022.

Научная статья
УДК 343.2
doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-112-118

Александр Николаевич Игнатов

доктор юридических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0002-0976-167X>, aleksandrignatov@mail.ru

*Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Российская Федерация, 117997, Москва, ул. Академика Волгина, 12*

Кирилл Валерьевич Вишневецкий

доктор юридических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0002-7794-3889>, kvishneveckiy@mail.ru

*Краснодарский университет МВД России
Российская Федерация, 350005, Краснодар, ул. Ярославская, 128*

Алексей Александрович Кашкаров

доктор юридических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0003-0294-442X>, kashkarov79@ya.ru

*Крымский филиал Краснодарского университета МВД России
Российская Федерация, Республика Крым, 295053, Симферополь, ул. Академика Х. Х. Стевена, 14*

Содержание понятия «предмет преступления» в условиях постиндустриальности

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы, связанные с характеристикой понятия «предмет преступления», проанализированы некоторые современные точки зрения, относительно содержания понятия «предмет преступления». Отмечено, что существующие подходы относительно характеристики предмета преступления не отвечают требованиям, которые сформировались в современных постиндустриальных условиях. В статье обращается внимание на то, что вопросы, связанные с определением сущности, роли, места и значения предмета преступления, до сих пор остаются открытыми. При определении предмета преступления как понятия, содержательно относящегося, безусловно, к миру материального, следует исходить из того, что абсолютно весь окружающий нас материальный мир есть соединение трёх его составляющих – вещества, энергии и информации. Целью публикации является стремление авторов расширить представление о трансформации природы и сущности предмета преступления в определяемых эволюционным развитием человечества и научно-техническим прогрессом условиях постиндустриальности. Также статья направлена на формирование, разработку и аргументацию научно обоснованных предложений относительно признания в качестве предмета преступления не только вещей материального мира, но и информации, и энергии. В статье сделан вывод, что предмет преступления – это материальные объекты (вещество, энергия, информация), посредством манипуляции с которыми осуществляется посягательство на охраняемые уголовным законом общественные отношения.

Ключевые слова: предмет преступления, объект преступления, вещество, энергия, информация

Для цитирования: Игнатов А. Н., Вишневецкий К. В., Кашкаров А. А. Содержание понятия «предмет преступления» в условиях постиндустриальности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4 (96). – С. 112–118; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-112-118.

Aleksandr N. Ignatov

Dr. Sci. (Jurid.), Professor
<https://orcid.org/0000-0002-0976-167X>, aleksandrignatov@mail.ru

*Moscow University of the MIA of Russia named after V.Ya. Kikotya
12, Academic Volgin str., Moscow, 117997, Russian Federation*

Kirill V. Vishnevetskii

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0002-7794-3889>, kvishnevecky@mail.ru

Krasnodar University of the MIA of Russia

128, Yaroslavskaya str., Krasnodar, 350005, Russian Federation

Aleksey A. Kashkarov

Dr. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0003-0294-442X>, kashkarov79@ya.ru

Crimean Branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

14, Academic H. H. Steven str., Simferopol, 295053, Republic of Crimea, Russian Federation

The content of the concept of «subject of a crime» under conditions of postindustriality

Abstract: The publication deals with the issues related to the characteristics of the concept of «the subject of a crime». It also analyzes some modern points of view, concerning the content of the concept of «subject of a crime». The authors note that the existing approaches to the characteristic of the subject of a crime do not meet the requirements, which have been developed in modern post-industrial conditions. The authors also draw attention to the fact that the issues related to the definition of the essence, role, place and meaning of the subject of a crime still remain unsolved. When defining the subject of a crime as a concept related to the material world, it should be noted that absolutely the entire material world consists of three components – matter, energy and information. The aim of the research is expanding the understanding the transformation of the nature and essence of the subject of a crime under conditions of postindustriality determined by the evolutionary development of mankind and scientific and technological progress. Moreover, the article is aimed at the formation, development and argumentation of scientifically based proposals regarding the recognition of not only things of the material world, but also information and energy as the subject of a crime. The authors make a conclusion that the subject of a crime can be considered as material objects (substance, energy, information), the manipulation with which can lead to encroachment on public relations protected by criminal law.

Keywords: subject of a crime, object of a crime, matter, energy, information

For citation: Ignatov A. N., Vishnevetskii K. V., Kashkarov A. A. Content of the concept of «subject of crime» under conditions of post-industrial environment // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 4 (96). – P. 112–118; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-112-118.

Введение

В литературе отмечается, что предмет преступления имеет важное правоприменительное [1] и доктринальное [2] значение. Предмет преступления позволяет не только конкретизировать сущность объекта преступления, но и играет непосредственную роль при познании механизма совершения преступления, определении характера причиняемого вреда и размера ущерба и пр., а в конечном счёте позволяет определить наличие основания привлечения к уголовной ответственности.

Вместе с тем вопросы, связанные с определением сущности, роли, места и значения предмета преступления до сих пор остаются открытыми. До сих пор в отечественной теории уголовного права дискуссионным остаётся вопрос предмета преступления и его отнесение либо к объекту преступления, либо к объективной стороне преступления, либо выделение его в качестве самостоятельного элемента состава преступления. Так, например, М. П. Бикмурзин

полагает, что «предмет преступления не входит в число признаков, характеризующих объект преступления, а относится к факультативным признакам объективной стороны состава преступления»¹. По мнению В. Д. Филимонова, предмет преступления – это своего рода соединительное звено, которое одновременно характеризует и объект преступления, и его объективную сторону [3, с. 35]. В. В. Хилота считает, что предмет преступления требует самостоятельного рассмотрения как один из элементов состава преступления, так как беспредметных преступлений, по его мнению, не бывает [4, с. 78].

Не вдаваясь в глубокий теоретический анализ положений относительно места нахождения предмета преступления в составе преступления, отметим, что мы придерживаемся концепции, согласно которой предмет преступления вы-

¹ Бикмурзин М. П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005. – 32 с.

стует признаком объекта преступления. Также заметим, что мы не отождествляем понятия «предмет преступления» и «объект преступления», которые соотносятся как часть (предмет преступления) и целое (объект преступления).

Как верно отмечает И. В. Кузнецов, «предмет преступления, будучи заключён в рамки охраняемого уголовным законом общественного отношения, на которое направлено посягательство, материализует его, переводит абстрактное понятие объекта посягательства в физическую форму»². Роль предмета в механизме совершения преступления и, соответственно, его значение для уголовно-правовой квалификации определяется тем, что посредством воздействия (манипуляции) на предмет преступления осуществляется посягательство на объект преступления.

Цель публикации определяется стремлением авторов расширить представление о трансформации природы и понимания сущности предмета преступления в определяемых эволюционным развитием человечества и научно-техническим прогрессом условиях постиндустриальности. Как совершенно справедливо пишет Ю. Е. Пудовочкин, «потребности сегодняшнего дня настоятельно требуют отказаться от ставшего догмой понимания предмета преступления только исключительно как вещи (предмета материального мира)»³. Условия постиндустриальности объективно определяют необходимость более широкого подхода к пониманию предмета преступления и его отражению как в доктрине уголовно-правовой науки, так и в законодательстве и правоприменительной практике.

Описание исследования и результаты

Методологической основой исследования выступают современные общенаучные принципы и методы познания социально-правовых явлений. В работе использованы системный, структурно-функциональный, сравнительно-правовой, формально-логический, лингвистический методы, а также методы дедукции и индукции, анализа и синтеза, абстрагирования, аналогии, анализа документов, контент-анализа. Системный подход позволил сформировать представление о внутренних и внешних взаимосвязях признаков, характеризующих предмет преступления, использование структурно-функционального подхода дало возможность сформулировать понятие «предмет преступления». Иные методы показали пути изучения предмета преступления в современных условиях постиндустриального общества.

Задачами исследования являются: установление сущностной характеристики предмета преступления в условиях постиндустриально-

сти, определение роли предмета преступления в механизме совершения преступления, анализ проблемы определения «предметных» составов преступлений, а также выработка понятия «предмет преступления» соответствующего его сущностным характеристикам.

Наиболее сложным и проблематичным является вопрос о содержательной сущности предмета преступления. Согласно исторически сложившейся, устоявшейся в теории уголовного права «классической» концепции предмета преступления, в качестве такового следует признавать вещи материального мира. Так, по мнению Н. И. Загородникова, предметом преступления являются те вещи материального мира, воздействуя на которые субъект причиняет вред объекту преступления [6, с. 61]. Как вещь, в связи с которой или по поводу которой совершается преступление, определяли предмет преступления Я. М. Брайнин [7, с. 58–59], а также А. Н. Трайнин [8, с. 179]. По мнению Е. А. Фролова, под предметом преступления следует понимать предметы и вещи, которые служат материальным (вещественным) поводом, условием или свидетельством существования определённых общественных отношений и посредством изъятия, уничтожения, создания либо видоизменения которых причиняется ущерб объекту преступления [9, с. 222]. Н. И. Коржанский определял предмет преступления как конкретную материальную вещь, в которой проявляются определённые стороны, свойства общественных отношений, путём воздействия на которую причиняется социально опасный вред⁴ и т. д.

По нашему мнению, при определении предмета преступления как понятия, содержательно относящегося, безусловно, к миру материального, следует исходить из того, что абсолютно весь окружающий нас материальный мир есть соединение трёх его составляющих – вещества, энергии и информации.

Очевидно, что вещество (в контексте рассматриваемой нами проблематики более простая к восприятию форма существования материи, определяющая сущности предмета преступления) не вызывает особых проблем при теоретическом и практическом обосновании. Именно материя в своём предметном, вещественном выражении лежит в основе формирования «классического» представления о предмете преступления («вещи», «материальные вещи», «вещи материального мира», «предметы и вещи» и т. п.).

Однако при определении сущности предмета преступления необходимо учитывать, что, как отмечает А. Ф. Простов, «после расщепления атома «материалистический» этап развития человеческой цивилизации закончился, и что ему на смену пришёл новый «энергоинформа-

² Кузнецов И. В. Понятие и виды предметов преступлений в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2007. – 26 с.

³ Пудовочкин Ю. Е. Учение о составе преступления : учебное пособие. – Москва: Юрлитинформ, 2009. – 248 с.

⁴ Коржанский Н. И. Предмет преступления (понятие, виды и значение для квалификации) : учебное пособие. – Волгоград: Высшая следственная школа, 1976. – 56 с.

ционный» этап – этап тотальной информации и поиска новых видов энергии»⁵.

Что касается определения энергии как предмета преступления, то, по нашему мнению, учитывая физическую природу последней, данное положение не должно вызывать возражений.

В то же время отечественный законодатель (и как следствие, правоприменитель) не признаёт энергию предметом преступления. Незаконное и противоправное потребление электроэнергии посредством несанкционированного подключения к энергосетям в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»⁶ признаётся получением незаконной выгоды имущественного характера и квалифицируется по ст. 165 УК РФ. Нам представляется, что такого рода модель характеристики состава преступления не соответствует концепции предмета преступления в современных условиях.

Разъясним свою позицию относительно признания электроэнергии в качестве предмета преступления, исходя из положений, закреплённых в абзаце 3 пункта 22 вышеуказанного Постановления, в котором отмечено, что получение незаконной выгоды имущественного характера виновным лицом выражается в неучтённом потреблении электроэнергии, то есть виновное лицо использует полезные свойства, которыми обладает электроэнергия, кроме того, виновное лицо осознаёт, что для генерации (производства) и доставления электроэнергии конечному потребителю затрачиваются определённые материальные ресурсы, а также то обстоятельство, что электроэнергия обладает ценной, и соответственно незаконное потребление электроэнергии виновным лицом причиняет вред собственнику энергоресурсов. Да, бесспорно, некоторыми материальными признаками, как например газ или нефть, электроэнергия не обладает, однако она обладает таким физическим признаком, как объём, а, соответственно, возможностью измерения и учёта, а также стоимостью.

Соответственно, считаем полностью обоснованным и рациональным подход зарубежного законодателя к определению энергии, в частности, в качестве предмета преступлений против собственности.

Так, например, в соответствии с уголовным законодательством Франции кражей признаётся незаконное изъятие собственности другого лица (ст. 311-1 УК Франции). При этом согласно ст. 311-2 УК Франции, мошенническое изъятие

энергии в ущерб другим приравнивается к краже⁷. В соответствии с § 276 УК Дании, любое лицо, которое без согласия владельца похищает любые материальные объекты с целью получения для себя или других незаконных выгод путём присвоения, признаётся виновным в краже. Для этого и для следующих параграфов любое количество энергии, которое производится, сохраняется или используется для производства света, тепла, силы или движения или для любых других финансовых целей должно быть признано эквивалентом материального объекта [16]. Уголовный кодекс Украины предусматривает ответственность за хищение воды, электрической или тепловой энергии путём её самовольного использования. Согласно диспозиции ч. 1 ст. 188-1 УК Украины, уголовная ответственность наступает за хищение горячей или питьевой воды, электрической или тепловой энергии путём её самовольного использования без прибор учёта, результаты измерения которых используются для осуществления коммерческих расчётов (если использование приборов учёта обязательно), или в результате умышленного повреждения приборов учёта или любым другим способом, если такими действиями причинён значительный ущерб⁸.

Определения информации в качестве предмета преступления, по нашему мнению, также не должно вызывать возражений, исходя из физической природы последней.

Физикам неизвестен ни один пример, где есть материя (вещество, энергия), которая не содержит в себе информации, или чтобы информация передавалась без движения энергии⁹. Информация в силу своей физической природы может создаваться, храниться, копироваться, передаваться, уничтожаться и пр.

Информация материальна, вне материи информация не существует, поскольку информация всегда нуждается в материальном носителе, при отсутствии которого она не существует. Материальный носитель, как и способ кодирования информации при заданном носителе, могут быть совершенно различными. При этом носителями содержательно одной и той же информации могут быть совершенно разные объекты [10, с. 320–323]. Так, например, словесное сообщение может кодироваться звуковыми волнами, нервными сигналами в процессе говорения, знаками, написанными на бумаге, глиняной табличке, бересте или высеченными на камне, электрическими импульсами при телеграфной или телефонной передаче, числами,

⁵Простов А. Ф. Проблемы эффективности проектно-целевого управления общественно-политическими системами в России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Москва, 2005. – 30 с.

⁶О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.supcourt.ru/documents/own/26108/> (дата обращения: 14.07.2022).

⁷Code penal français [Электронный ресурс] // Сайт «Légifrance – Le service public de la diffusion du droit». – Режим доступа: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006070719/LEGISCTA000006165324/?anchor=LEGIARTI000006418127#LEGIARTI000006418127 (дата обращения: 14.07.2022).

⁸Кримінальний кодекс України [Электронный ресурс] // Сайт «Законодательство Украины». – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2341-14#Text> (дата обращения: 14.07.2022).

⁹Там же.

символами или графикой при компьютерной передаче и так далее.

Следует учитывать, что содержание и восприятие информации зависит не только от того, каким носителем она представлена и каким способом она кодирована, но и от того, какой системой она воспринимается, поскольку разность смыслов информации зависит от системы, в которую поступает один и тот же сигнал. В зависимости от системы восприятия один и тот же объект может выступать носителем различной информации. Так, рукописный текст по-разному воспринимается обычным читателем, графологом, химиком, криминалистом и т. д. В некоторых случаях информация может отражать качества её носителя, например, цвет предмета или его форму. В данном случае качество предмета можно рассматривать как определённую информацию, записанную в данном предмете [10, с. 320–323]. Так, государственную тайну может представлять смысл сообщаемых, разглашаемых в личной беседе или записанных в ходе прослушивания телефонных переговоров сведений и информация, отражающая характеристики того или иного образца вещества, детали и т. п.

Сущность информации как объекта материального мира можно проиллюстрировать на примере характеристики предмета преступления, предусмотренного ст. 2172 УК РФ. Исходя из характеристик предмета преступления, предусмотренного указанной нормой, можно сделать вывод, что содержательная часть документа – экспертизы промышленной безопасности – выражена в заведомо недостоверной информации, в силу чего информацию, облечённую в форму документа (в материальной или цифровой форме) следует признавать предметом преступления. Информация, отражённая на материальном носителе – документе, обуславливает трансформацию общественных отношений и, как следствие, неизбежно приводит к причинению вреда объектам, находящимся под охраной уголовного закона. В свою очередь, предмет преступления, предусмотренного ст. 242 УК РФ, должен обладать информационными свойствами, а именно, порнографические материалы, признаваемые предметом преступления, должны содержать именно информацию порнографического характера, которая соответствующим образом воспринимается и осознаётся людьми. Признание материалов порнографическими, как известно, происходит на основании экспертного заключения, для вынесения которого изучается именно содержательная, информационная составляющая такого рода материалов, после чего даётся заключение, является ли исследуемый материал предметом преступления.

Учитывая изложенное выше, исходя из материальной сущности предмета преступления, можем определить содержание и дать следующую дефиницию понятия: «*Предмет преступления*» – это материальные объекты (вещество, энергия, информация), посредством

манипуляций с которыми осуществляется посягательство на охраняемые уголовным законом общественные отношения».

Исходя из указанного определения, отражающего материальную сущность и содержательное видовое разнообразие предмета преступления, считаем необходимым обратить внимание на имеющееся сегодня в законодательстве и уголовно-правовой науке безосновательное отнесение некоторых нематериальных объектов к данной категории.

Так, в частности, учёные предлагают относиться к предмету преступлений против собственности наряду с вещами также и имущественные права (носящие как вещный, так и обязательственный характер, обладающие потребительской стоимостью) [11, с. 75–78]. Отечественное уголовное законодательство в качестве предмета, например, мошенничества (ст. 159 УК РФ) предусматривает имущество, право на имущество, а предмета вымогательства (ст. 163 УК РФ) – имущество, право на имущество, а также действия имущественного характера.

Во-первых, следует категорически возразить против законодательного закрепления в качестве предмета преступления наряду с имуществом права на имущество. Отделение вещи от субъективного права на вещь невозможно с точки зрения цивилистической доктрины и законодательства.

Во-вторых, признание в качестве предмета преступления такой юридической фикции, как имущественные права, не является целесообразным и противоречит материальной природе предмета преступления. Безусловно, имущественные права, имеющие характер требований (в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права) могут выступать элементом общественных отношений в сфере экономики. Соответственно, привнося негативные изменения в данные общественные отношения (например, связанные с переходом права требования от одного лица другому и т. п.), преступное деяние может причинять им вред. Однако механизм причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям не связан в данном случае с манипуляциями с каким-либо предметом преступления.

Совершить кражу имущественных прав просто физически невозможно. Таким образом, на наш взгляд, предметом кражи могут выступать исключительно вещи. При этом, на имущественные права может быть осуществлено преступное посягательство, например, путём мошенничества. В данном случае виновное лицо может похитить какую-либо вещь путём обмана или злоупотребления доверием, либо приобрести имущественное право путём обмана или злоупотребления доверием.

Указание на то, что в качестве имущества как предмета преступлений против собственности следует рассматривать «...овеществлённые в документах права требования, а также имущественные права в случаях, когда они

входят в неделимый объект права собственности¹⁰, представляется нам «абстрактной абстракцией».

В-третьих, при принуждении лица к осуществлению «действий имущественного характера», на наш взгляд, следует вести речь не о преступлении против собственности, а о преступлении против свободы, чести и достоинства, как то: использование рабского труда, либо принуждение к совершению сделки или отказу от её совершения и пр.

Отдельно следует возразить против признания человека предметом преступления. Так, некоторые авторы утверждают, что «потерпевший в российском уголовном праве, как признак объекта преступления – это субъект (обязательный участник) уголовно-правовых отношений», и его следует рассматривать в качестве «одушевлённой разновидности предмета»¹¹.

Имея, безусловно, биологическую основу существования как живого организма, человек является биосоциальным существом [12, с. 63–73], которому присущи сознание, воля и душа. В силу указанных характеристик человек выступает субъектом социального взаимодействия, т. е. общественных отношений. И сведение всей человеческой сущности в случае совершения в отношении того или иного лица преступления к «роли» предмета, на наш взгляд, недопустимо.

Актуальным сегодня является вопрос о признании в качестве предмета преступления внутренних органов и тканей человека. Сфера трансплантации внутренних органов человека и его тканей является одной из наиболее криминализованных [13, с. 22–27], что ставит перед отечественным законодателем задачу, связанную с регламентацией и соответственно охраной общественных отношений в сфере трансплантологии. Если вопрос с законодательной регламентацией трансплантологии внутренних органов человека разрешён Законом Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека», то уголовно-правовая охрана общественных отношений в сфере трансплантации обеспечивается лишь п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ и ст. 120 УК РФ. Уголовно-правовая охрана общественных отношений в сфере трансплантологии, как нам представляется, не соответствует правилам и принципам криминализации общественно опасных деяний, существующие нормы не обеспечивают

необходимую правовую защиту таких отношений, в результате чего в отечественной теории уголовного права остается открытым вопрос относительно признания внутренних органов человека и его тканей в качестве предмета преступления. Указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости внесения дополнения в УК РФ в части установления уголовной ответственности за незаконные действия с донорскими органами и тканями человека.

Мы полагаем, что внутренние органы человека, его ткани могут выступать предметом преступления в силу того, что они обладают признаками, которые присущи объектам материального мира, они имеют физическое выражение, обладают определённой стоимостью [14, с. 216–221], могут быть предметом сделки купли-продажи, иных возмездных сделок при условии их изъятия в пригодном для трансплантации состоянии либо использования иным образом (например, для изучения). Однако отметим, что внутренние органы человека, его ткани в случае их анатомического повреждения, не связанного с последующим изъятием в целях трансплантации, не могут выступать в качестве предметов преступлений, предусмотренных ст. 111–118 УК РФ, а также иных статей УК РФ, в которых телесные повреждения (вред здоровью) предусмотрены в качестве конструктивных признаков объективной стороны преступлений. Тело умершего человека является предметом преступления, предусмотренного ст. 244 УК РФ.

Заключение

Роль предмета в механизме совершения преступления и, соответственно, его значение для уголовно-правовой квалификации определяется тем, что посредством воздействия (манипуляции) на предмет преступления осуществляется посягательство на объект преступления. При определении предмета преступления как понятия, содержательно относящегося, безусловно, к миру материального, следует исходить из того, что абсолютно весь окружающий нас материальный мир есть соединение трёх его составляющих – вещества, энергии и информации. Под предметом преступления следует понимать материальные объекты (вещество, энергию, информацию), посредством манипуляций с которыми осуществляется посягательство на охраняемые уголовным законом общественные отношения. В законодательстве и уголовно-правовой науке некоторые нематериальные объекты безосновательно отнесены к категории «предмет преступления». При этом не получают надлежащего уголовно-правового отражения в качестве такового такие объекты материального мира, как органы и ткани человека, электроэнергия и другие.

¹⁰ Вишнякова Н. В. Объект и предмет преступлений против собственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2003. – 26 с.

¹¹ Коргулев А. Г. Предмет преступления в современном уголовном праве: компаративный анализ аналитической философии и экзистенциализма : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2021. – 30 с.

Список литературы

1. Улезько С. И. Предмет преступления, предмет общественного отношения, предмет преступного воздействия / Проблемы противодействия организованной преступности в экономической сфере : материалы регион. науч.-практ. конф. проф.-преподават. состава, апр. 2004 г. – Ростов н/Д : Изд-во РГЭУ «РИНХ», 2004 (Азов : ООО Изд-во ТАНА). – С. 58–62.
2. Пудовочкин Ю. Е., Игнатов А. Н., Кашикарров А. А. Полиобъектные составы преступлений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2017. – № 1. – С. 118–123.
3. Филимонов В. Д. Охранительная функция уголовного права. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. – 198 с.
4. Хиллута В. В. Предмет преступления в науке уголовного права: проблемы и противоречия // Журнал российского права. – № 7. – 2016. – С/ 70–79.
5. Загородников Н. И. Понятие объекта преступления в советском уголовном праве // Труды ВЮА. – Вып. XIII. – Москва: РИО ВЮА, 1951. – С. 32–46.
6. Браинин Я. М. Некоторые вопросы учения о составе преступления в советском уголовном праве // Юридический сборник № 4 : сборник статей. – Киев : Издательство Киевского государственного университета, 1950. – С. 58–59.
7. Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. – Москва: Госюриздат 1957. – 364 с.
8. Фролов Е. А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления // Сборник учёных трудов. – Вып. 10 / редкол.: Галиакбаров Р. М., Давыдов П. М., Кофман В. И., Ливчак Б. Ф., Мелехова А. К., Недобоева А. Е., Петрищева Г. И., Прохоров В. Т., Свинкина А. И., Черданцев А. Ф.; отв. за вып.: Семенов В. М. – Свердловск, 1969. – С. 184–225.
9. Ляпунов А. А. Проблемы теоретической и прикладной кибернетики. – Москва: Наука, 1980. – 335 с.
10. Улезько С. И. Понятие предмета в преступлениях против собственности в современном уголовном праве // Общество и право. – 2015. – № 1 (51). – С. 75–78.
11. Игнатов А. Н. О биосоциальной природе преступности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2016. – № 1. – С. 63–73.
12. Гришин Д. А., Хомякова М. А. Криминальная трансплантация и коллизии российского законодательства // Российское право: образование, практика, наука. – 2018. – № 2. – С. 22–27.
13. Рыжкова Е. В., Сокол В. О. Чёрная трансплантология. Незаконное изъятие органов // Наука и знание: конкурентный потенциал общества, науки и бизнеса в условиях глобального мира : сб. ст. по итогам науч.-практ. конф. (Новороссийский филиал Московского гуманитарно-экономического университета, 8 апреля 2016 года) / отв. ред. Т. А. Куткович. – Ставрополь: Логос, 2016. – С. 216–221.

References

1. Ulez'ko S. I. Predmet prestupleniya, predmet obshchestvennogo otnosheniya, predmet prestupnogo vozdeystviya / Problemy protivodeystviya organizovannoy prestupnosti v ekonomicheskoy sfere : materialy region. nauch.-prakt. konf. prof.-prepodavat. sostava, apr. 2004 g. redkol.: Ulez'ko S. I (otv. red.), Volochay S. N., Podroykina I. A. – Rostov n/D, 2004. – S. 58–62.
2. Pudovochkin Yu. Ye., Ignatov A. N., Kashkarov A. A. Poliob»yektnyye sostavy prestupleniy // Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki. – 2017. – № 1. – S. 118–123.
3. Filimonov V. D. Okhranitel'naya funktsiya ugovolnogo prava. – Sankt-Peterburg.: Yuridicheskiy tsentr Press, 2003. – 198 s.
4. Khilyuta V. V. Predmet prestupleniya v nauke ugovolnogo prava: problemy i protivorechiya // Zhurnal rossiyskogo prava. – № 7. – 2016. – S 70–79.
5. Zagorodnikov N. I. Ponyatiye ob»yekta prestupleniya v sovetskom ugovolnom prave // Trudy VYUA. – Вып. XIII. – Москва: RIO VYuA, 1951. – Т. 13. – С. 32–46.
6. Braynin Ya. M. Nekotoryye voprosy ucheniya o sostave prestupleniya v sovetskom ugovolnom prave // Yurid. sb. Kiyevskogo gos. un-ta. – Kiyev, 1950. – № 4. – С. 58–59.
7. Traynin A. N. Obshcheye ucheniye o sostave prestupleniya. – Moskva: Gosyurizdat 1957. – 364 s.
8. Frolov Ye. A. Spornyye voprosy obshchego ucheniya ob ob»yekte obitaniya // Sbornik uchenykh trudov. – Вып. 10 / redkol.: Galiakbarov R. M., Davydov P. M., Kofman V. I., Livchak B. F., Melekhova A. K., Nedoboyeva A. Ye., Petrishcheva G. I., Prokhorov V. T., Svinkina A. I., Cherdantsev A. F.; отв. za vyp.: Semenov V. M. - Sverdlovsk, 1969. – S. 184–225.
9. Lyapunov A. A. Problemy teoreticheskoy i prikladnoy kibernetiki. – Moskva: Nauka, 1980. – 335 s.
10. Ulez'ko S. I. Ponyatiye predmeta v prestupleniyakh protiv sobstvennosti v sovremennom ugovolnom prave // Obshchestvo i pravo. – 2015. – № 1 (51). – С. 75–78.
11. Ignatov A. N. O biosotsial'noy prirode prestupnosti // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. – 2016. – № 1. – С. 63–73.
12. Grishin D. A., Khomyakova M. A. Kriminal'naya transplantatsiya i kollizii rossiyskogo zakonodatel'stva // Rossiyskoye pravo: obrazovaniye, praktika, nauka. – 2018. – № 2. – С. 22–27.
13. Ryzhkova Ye. V., Sokol V. O. Chornaya transplantologiya. Nezakonnoye iz»yatiye organov // Nauka i znaniye: konkurentnyu potentsial obshchestva, nauki i biznesa v usloviyakh global'nogo mira : sb. st. po itogam nauch.-prakt. konf. (Novorossiyskiy filial Moskovskogo gumanitarno-ekonomicheskogo universiteta, 8 aprelya 2016 goda) / отв. red. T. A. Kutkovich. – Stavropol': Logos, 2016. – S. 216–221.

Статья поступила в редакцию 02.09.2022; одобрена после рецензирования 05.10.2022; принята к публикации 17.10.2022.

The article was submitted September 2, 2022; approved after reviewing October 5, 2022; accepted for publication October 17, 2022, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 343
doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-119-124

Евгений Сергеевич Квасников
адъюнкт

<https://orcid.org/0000-0002-2418-3900>, evgen1219@mail.ru

*Омская академия МВД России
Российская Федерация, 644092, Омск, ул. Комарова, д. 7*

Отягчающие обстоятельства нарушения требований охраны труда (ст. 143 УК РФ)

Аннотация: Автор анализирует законодательную дифференциацию уголовной ответственности за нарушение требований охраны труда (ст. 143 УК РФ) в зависимости от наступивших последствий. В статье излагаются исторические аспекты закрепления законодателем отягчающих обстоятельств нарушения требований охраны труда. Сопоставляется юридическое описание диспозиции ст. 143 УК РФ в части, касающейся диспозиций составов смежных преступлений с таким описанием, а также иных преступлений против трудовых прав граждан. Анализируются мнения учёных относительно необходимости повышения уровня уголовно-правовой охраны безопасного труда. Обосновывая повышенную степень общественной опасности при совершении соответствующего деяния с сопутствующим осознанным или неоднократным нарушением установленных требований, наступлением последствий в виде причинения тяжкого вреда здоровью двум или более лицам, а также иным тяжким последствиям, автор обозначает проблему преуменьшения значимости уголовно-правовой охраны безопасного труда на современном этапе. Указывается на пробелы в законодательной регламентации некоторых квалифицирующих отягчающих обстоятельств и на отсутствие в законе учёта степени общественной опасности при осознанном или неоднократном нарушении требований охраны труда. С учётом того, что отягчающие обстоятельства имеют существенное значение для квалификации преступления, оказывают влияние на вину, опасность преступления или ответственность виновного, автор отмечает значимость совершенствования уголовного закона в соответствующей части.

Ключевые слова: отягчающие обстоятельства; общественная опасность; охрана труда; преступление; уголовная ответственность

Для цитирования: Квасников Е. С. Отягчающие обстоятельства нарушения требований охраны труда (ст. 143 УК РФ) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4 (96). – С. 119–124; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-119-124.

Evgeny S. Kvasnikov
Graduate

<https://orcid.org/0000-0002-2418-3900>, evgen1219@mail.ru

*Omsk Academy of the MIA of Russia
7, Komarov str., Omsk, 644092, Russian Federation*

Aggravating circumstances of violating labor protection requirements (art. 143 of the Criminal Code of the Russian Federation)

Abstract: The article deals with the legislative differentiation of criminal responsibility for violating labor protection requirements (art. 143 of the Criminal Code) depending on the consequences occurred.

The author outlines the historical aspects of legislating the aggravating circumstances for violating labor protection requirements. The legal description of the disposition of Article 143 of the Criminal Code of the Russian Federation in the part concerning the dispositions of related crimes with such a description is compared with other crimes against the labor rights of citizens. The opinions of scholars/ scientists regarding the need to increase the level of criminal law protection of safe labor are analyzed. Justifying the increased degree of public danger in committing the relevant act with concomitant deliberate or repeated violation of the

established requirements, the occurrence of consequences in the form of causing serious harm to the health of two or more persons, as well as other severe consequences, the author identifies the problem of downplaying the significance of criminal legal protection of safe labor at the present stage.

Gaps in the legislative regulation of some qualifying aggravating circumstances and the lack of consideration in the law of the degree of public danger in case of deliberate or repeated violation of labor protection requirements are pointed out. Taking into account the fact that aggravating circumstances are essential the significance of aggravating circumstances for qualifying a crime, affecting the degree of guilt and the danger of a crime or the responsibility of the perpetrator, the author underlines the importance of improving the criminal law in the relevant part.

Keywords: aggravating circumstances; public danger; labor protection; crime; criminal liability

For citation: Kvasnikov E. S. Aggravating circumstances of violating labor protection requirements (art. 143 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 4 (96). – P. 119–124; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-119-124.

Существенное значение для квалификации преступления, определения вида и размера наказания имеют отягчающие обстоятельства. Актуальность проблем, связанных с данными обстоятельствами, имеет место как на законодательном уровне, так и в теории уголовного права, где вопросы их понятия, типологии и т. п. по сей день остаются дискуссионными. Представители науки уголовного права считают необходимым для положительного практического применения уголовного закона дальнейшее исследование проблем отягчающих обстоятельств [1, с. 6], с чем нельзя не согласиться, поскольку такие проблемы обусловлены в том числе пройденным историческим путём развития уголовного законодательства, характеризующегося в данной части отсутствием системного подхода к регламентации отягчающих обстоятельств.

Так, впервые в отечественном уголовном законодательстве было упомянуто об «обстоятельствах, увеличивающих вину и наказание», а также об определении наказания по «особенным» обстоятельствам, сопровождавшим преступление, «более или менее увеличивающим» вину преступника, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.¹ Затем, с принятием нового уголовного закона, рассматриваемые обстоятельства стали определяться как «обстоятельства, усиливающие ответственность»². В особенной части УК РСФСР 1922 г. содержались формулировки о «смягчающих вину обстоятельствах». Однако без термина «вина» имели место «особо отягчающие обстоятельства»³. Неопределенность в терминологии была и в УК РСФСР 1926 г. – в ст. 47 шла речь об «отягчающих обстоятельствах»⁴. Лишь с принятием нового уголовного законодательства была

введена формулировка «обстоятельства, отягчающие ответственность»⁵.

В научной литературе встречается ряд терминов, обозначающих различные понятия «отягчающих обстоятельств», однако позиция авторов относительно необходимости разграничения отягчающих обстоятельств, отнесения их к определённому типу в основном одинакова. Так, С. В. Бородин употребляет термин «отягчающие ответственность обстоятельства» в двух значениях: как имеющие значение для определения наказания лицу, совершившему преступление, в соответствии со ст. 63 УК РФ; и как признаки конкретного состава преступления, влияющие на его квалификацию [2, с. 41]. Э. В. Кабурнеев разделяет их на обстоятельства, оказывающие влияние на установление степени общественной опасности преступления и личности преступника, указанные в Общей части уголовного закона обстоятельства; и на обстоятельства, составляющие качественную характеристику преступления (указанные в Особенной части) [3, с. 70].

В. В. Векленко и К. Д. Николаев указывают, что в общем смысле отягчающие обстоятельства представляют собой сопутствующие и непосредственно связанные с преступлением признаки и условия, определяющие преступление как более опасное для общества по сравнению с основным составом. Авторы разделяют систему данных обстоятельств на два типа. К первому типу относятся учитываемые при назначении наказания в рамках санкции Особенной части УК РФ обстоятельства, закреплённые в Общей части УК РФ. Ко второму типу авторы относят квалифицирующие отягчающие обстоятельства, относящиеся к признакам состава преступления в нормах Особенной части УК РФ [1, с. 9, 12].

Разделяя данную точку зрения, отметим, что сходство отягчающих обстоятельств, указанных и в Общей, и в Особенной частях УК РФ, в том, что они неразрывно связаны с наказанием, а именно, в его изменении в направлении увеличения.

⁵ Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. – Москва: Юридическая литература, 1984. – С. 15; Уголовный кодекс РСФСР (с изм. и доп. по сост. на 10 мая 1995 г.). – Новосибирск, 1995. – С. 29.

¹ Свод законов Уголовных. Часть первая: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – Санкт-Петербург, 1885. – С. 24, 28–29.

² Новое Уголовное уложение, высочайше утверждённое 22 марта 1903 г. – Санкт-Петербург, 1903. – С. 22.

³ Отечественное законодательство XI–XX веков: в 2 ч. / под ред. О. И. Чистякова. – Ч. II: XX в. – Москва: Юрист, 1999. – С. 118–120, 124–125, 140.

⁴ Карницкий Д., Рогинский Г. Уголовный кодекс РСФСР: пособие для слушателей правовых вузов, школ и юридических курсов. – Москва: ОГИЗ, 1936. – С. 68.

Квалифицирующие отягчающие обстоятельства преступного нарушения требований охраны труда (ст. 143 УК РФ) определены ч. 2 и 3 указанной нормы – причинение по неосторожности смерти одному лицу или двум и более лицам.

Преступление, предусмотренное ст. 143 УК РФ – преступление, совершенное по неосторожности. Причинение смерти по неосторожности современное отечественное уголовное законодательство не интерпретирует как убийство, в отличие от уголовного законодательства, действовавшего в ранний период времени (от УК РСФСР 1960 г. и ранее). Вместе с тем от такого рода преступлений страдает личность, являющаяся наиболее важным, фундаментальным объектом уголовно-правовой охраны. Поэтому независимо от того, в каком разделе УК РФ расположен состав рассматриваемого преступления, при котором смерть потерпевшему причиняется по неосторожности (например, ст. 109 – преступление против личности; ч. 2 и 3 ст. 143 – преступление против конституционных прав и свобод человека и гражданина; ч. 3 ст. 215, ч. 2 и 3 ст. 216, ч. 2 и 3 ст. 217, ч. 2 и 3 ст. 219, ч. 2–6 ст. 264 – преступления против общественной безопасности и общественного порядка и др.), человек, его права и свободы, в том числе такое важнейшее право, как право на жизнь, должны оставаться высшей ценностью и равным образом защищаться.

О необходимости совершенствования регламентации уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за причинение смерти по неосторожности, в научных кругах упоминалось не единожды: от важности соблюдения принципа защиты права человека на жизнь в равной степени, защищая такое право установлением недифференцированной уголовной ответственности за причинение смерти по неосторожности [4, с. 166, 167]; несправедливости смягчения санкций за причинение смерти по неосторожности в результате нарушения требований охраны труда и об учёте ценности человеческой жизни [5, с. 104]; до введения новых квалифицирующих отягчающих обстоятельств – при увеличенном количестве потерпевших [6, с. 15], в том числе несовершеннолетних [7]; криминализации умышленного поставления работника в условия, опасные для его жизни [8, с. 35, 9].

Важность совершенствования уголовно-правовой охраны безопасного труда подчёркивается несоизмеримостью в статистических данных – так, масштаб травматизма на рабочих местах остаётся внушительным (за 2016–2021 гг., количество нарушений таких требований составило более полумиллиона случаев)⁶, число направленных материалов в правоохранительные органы для решения

вопроса о возбуждении уголовных дел по ст. 143 УК РФ превышает двадцать тысяч. Вместе с тем по данным ГИАЦ МВД России, за период с 2016 по 2021 гг. количество зарегистрированных уголовных дел по ст. 143 УК РФ составило 4664, число уголовных дел, направленных в суд – 1006. При этом количество осуждённых лиц составляет 678. Крайняя несоизмеримость приводимых данных говорит о высокой латентности преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ. Однако из 678 осуждённых к реальному лишению свободы были приговорены лишь 32; к условному лишению свободы – 360; к ограничению свободы – 4; к штрафу – 159; к исправительным работам – 45; к обязательным работам – 35. Таким образом, более суровому наказанию (связанному с реальным лишением свободы) подверглись 4,71 % от общего количества осуждённых. Большая часть преступников подвергалась иным видам наказания⁷. Исходя из этого, можно говорить о неадекватности применяемых уголовных наказаний за совершение рассматриваемых преступлений.

При анализе политики государства и законодательства в сфере уголовно-правовой охраны труда в советский период времени и в настоящее время можно сделать вывод, что сегодня значение уголовно-правовой охраны трудящихся явно преуменьшено. Об этом говорит противоречие в превалировании частных и публичных интересов в указанные периоды. Так, если положения Конституции РСФСР 1978 г. (в части признания руководящей силы страны в Коммунистической партии, в основе деятельности которой лежало марксистско-ленинское учение, конечной целью которого, как известно, было построение коммунистического общества) и УК РСФСР 1960 г. (в части понимания законодателем повышенной степени общественной опасности преступлений против государства, а не личности, с чего, собственно, и начинается Особенная часть уголовного закона) свидетельствуют о преобладании публичных интересов над интересами личности, сейчас ценности выстроены несколько иным образом – человек, его права и свободы объявлены высшей ценностью на конституционном уровне; Особенная часть УК РФ начинается с преступлений против личности, то есть интересы государства отходят на второй план.

Вместе с тем УК РФ, в отличие от УК РСФСР 1960 г., предусматривает менее суровые санкции за нарушение требований охраны труда. Например, за причинение в результате нарушения этих правил хотя бы одному лицу смерти или причинение тяжких телесных повреждений нескольким лицам санкция ст. 140 УК РСФСР предусматривала лишение свободы на срок до

⁶ Официальный сайт Федеральной службы по труду и занятости [Электронный ресурс]. – URL: <https://rostrud.gov.ru/control/> (дата обращения: 30.05.2022).

⁷ Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК [Электронный ресурс] // Судебная статистика РФ : сайт. – URL: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 30.05.2022).

пяти лет. За причинение одному лицу смерти ст. 143 УК РФ предусматривает санкцию в виде лишения свободы на срок до четырёх лет. За причинение тяжкого вреда нескольким лицам; за само нарушение упомянутых правил, ставящее людей в условия, опасные для их жизни и здоровья; причинение телесных повреждений или утрату трудоспособности современный уголовный закон санкций не предусматривает.

Таким образом, такое особо важное благо, как жизнь, и права человека в целом охраняются в настоящее время в меньшей степени по сравнению с периодом, когда публичные интересы преобладали над интересами личности. Об этом свидетельствует в том числе то, что круг криминообразующих последствий однородных со ст. 143 УК РФ преступлений, либо преступлений, связанных с нарушением специальных правил, значительно шире, чем в универсальной уголовно-правовой норме (совершение деяния, ставящего в условия, угрожающие здоровью, или за сам факт нарушения требований; причинение вреда здоровью любой тяжести; причинение крупного ущерба). Более того, в уголовном законе содержатся составы преступлений, посягающих на трудовые права, предусматривающие уголовную ответственность за совершение деяний независимо от опасных для жизни и здоровья последствий (например, ст. 144¹, ст. 145, ч. 1, 2 ст. 145¹ УК РФ).

В юридической литературе отмечается, что степень общественной опасности в числе других факторов определяется реальным вредом, причиняемым деянием, либо причинением которого оно угрожает [10, с. 68]. Положения ст. 2 УК РФ определяют задачу уголовного законодательства приоритета охраны конституционных прав и свобод каждого (в частности потерпевшего), а также предупреждение преступлений. Из содержания действующей ст. 143 УК РФ следует, например, что степень общественной опасности при причинении в результате деяния тяжкого вреда здоровью одному лицу и причинение такого вреда в результате нарушения требований нескольким лицам будет одинакова.

В этой связи вряд ли можно утверждать, что ст. 143 УК РФ согласуется со ст. 2 УК РФ. Сопоставляя по аналогии степень общественной опасности, то же самое можно сказать об отсутствии регламентации в законе большей ответственности за осознанное либо неоднократное нарушение требований охраны труда. Несомненно, такие действия и мотивы, как преследование личных интересов, намеренная неорганизация рабочих мест, непроведение инструктажа по технике безопасности (например, с целью скрыть факт трудовых отношений), нарушение из чувства безнаказанности после нарушения, совершенного ранее, и т. п. повышают общественную опасность рассматриваемого преступления.

Об увеличении степени общественной опасности нарушения установленных требований также свидетельствует многообразие производств и производственных процессов. Так,

в России насчитывается более 174 тысяч опасных производственных предприятий⁸. Представляется, что последствия нарушения требований охраны труда на таких объектах могут быть опасными для жизни или здоровья не только для определённого работника, но и для неопределённого круга лиц.

В результате нарушения требований безопасности при осуществлении трудовой деятельности за 2019 год на поднадзорных объектах горнорудной и нерудной отрасли произошла 1 авария (40 несчастных случаев со смертельным исходом), за аналогичный период 2018 года – 4 аварии (35 случаев смертельного травматизма). За 2019 год на объектах металлургической и коксохимической промышленности произошли 2 аварии (11 несчастных случаев со смертельным исходом); за 2018 год 2 аварии (14 смертельных случаев). За 2019 год на объектах обращения взрывчатых материалов промышленного назначения допущены 2 несчастных случая со смертельным исходом при отсутствии аварий (5 аварий и 3 смертельных случая за аналогичный период 2018 года). За 2019 год на опасных производственных объектах химического комплекса зафиксированы 2 аварии и 1 групповой несчастный случай со смертельным исходом (3 человека). За 2019 год на объектах хранения и переработки растительного сырья зарегистрированы 2 аварии и 3 несчастных случая со смертельным исходом⁹ и др.

Ответственность за нарушение требований промышленной безопасности опасных производственных объектов, в результате которого по неосторожности человеку был причинён тяжкий вред здоровью, наступила его смерть либо причинён крупный ущерб, предусмотрена ст. 217 УК РФ. Согласно положениям п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда № 41¹⁰, нарушение специальных правил при работах на

⁸ В настоящий момент официальная информация об общем количестве производств в России и об их принадлежности к тому или иному классу опасности является закрытой. Единственным надёжным источником информации о ситуации в этом сегменте остаётся Ростехнадзор, но он публикует только эпизодические данные в формате новостей без установленной регулярности. Информация представлена за 2017 год. – См.: Фролов Никита. Что такое классы опасности производственных объектов [Электронный ресурс] // Онлайн-журнал «Attek». – URL: <https://www.centrattek.ru/info/OPO-kanegoriya-i-reestr/> (дата обращения: 01.05.2022).

⁹ Доклад о правоприменительной практике контрольно-надзорной деятельности в Федеральной службе по экологическому, технологическому и атомному надзору при осуществлении федерального государственного надзора в области промышленной безопасности за 2019 год. Утверждён приказом Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору от 28 апреля 2020 года № 176 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/564882577> (дата обращения: 26.05.2022).

¹⁰ О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2018 года № 41 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

опасных производственных объектах, повлекшее за собой соответствующие последствия, следует квалифицировать по ст. 217 УК РФ. Определение опасного производственного объекта дано в законе¹¹. В числе отграничивающих исследуемый состав преступления от ст. 217 УК РФ критериев, является повышенная общественная опасность, связанная с отнесением предприятий (их частей) к источникам повышенной опасности¹².

Однако предприятие, хоть и обладающее признаками и критериями такого объекта, но без проведения определённых законом процедур отнесения объекта к опасным (в том числе без его идентификации), юридически обладать таким статусом не будет, поскольку соответствующая запись в государственном реестре отсутствует. Кроме того, опасным производственным объектом может являться не всё предприятие в целом, а его части (которые должны быть должным образом зарегистрированы), на которых производятся соответствующие виды работ. И даже если деятельность предприятия (организации) не обладает спецификой повышенной опасности, отдельные виды работ (не проводимых на систематической основе) при их единичном осуществлении могут такой спецификой обладать.

Общественная опасность нарушения требований охраны труда в данном случае остаётся повышенной, поскольку фактически или данное предприятие (его части) или отдельный вид проводимых работ остаются источником повышенной опасности. Так, например в результате нарушения требований охраны труда гр. Д. при производстве ремонтных работ цистерны автомобиля, предназначенной для перевозки легковоспламеняющихся, взрывоопасных, токсичных и т. д. грузов, гр. Б., взял ручную углошлифовальную электрическую машину, взобрался на автоцистерну и начал резать корпус автоцистерны, вследствие чего произошло искрообразование, вызвавшее загорание паровоздушной смеси нефтепродукта, последующий взрыв и разрушение корпуса цистерны, в результате чего Б. скончался¹³. Разумеется, последствия в виде причинения тяжкого вреда здоровью или смерти от произошедшего взрыва были потенциальны для неопределённого количества лиц.

¹¹ О промышленной безопасности опасных производственных объектов : федеральный закон от 21 июля 1997 № 116-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹² Иоффе О. С. Обязательственное право. – Москва: Юридическая литература, 1975. – С. 804.

¹³ Приговор Ленинского районного суда г. Новосибирска суда по ч. 2 ст. 143 УК РФ по делу № 1-934/2017 от 27 ноября 2017 года [Электронный ресурс] // Судебная практика : сайт. – URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/544407.html> (дата обращения: 26.05.2022).

В связи с этим в качестве квалифицирующего отягчающего обстоятельства можно выделить в том числе нарушение требований охраны труда, повлекшее за собой и причинение тяжкого вреда здоровью либо смерти лица (лиц) и иные тяжкие последствия (несчастный случай на производстве, авария, катастрофа) либо заведомо создавшее реальную угрозу наступления таких последствий (напомним, что п. 6 ст. 81 ТК РФ предусматривает определение грубого нарушения трудовых обязанностей, в числе которого указаны данные последствия).

Учёт степени общественной опасности при введении новых квалифицирующих отягчающих обстоятельств необходим, их регламентация в тексте закона социально обусловлена в том числе и повышенной степенью общественной опасности. В современном уголовном законодательстве отягчающие обстоятельства оказывают влияние на наказание, а не на вину, опасность преступления или ответственность виновного¹⁴. Квалифицирующие отягчающие обстоятельства влияют именно на такие категории.

Подводя итог, можно сказать, что предыдущий опыт изложения нормы о преступлении, связанном с нарушением требований охраны труда, его латентный характер, повторяемость нарушений, говорят о необходимости ужесточения уголовной ответственности за нарушение требований охраны труда. В целях обеспечения прав и законных интересов лиц, связанных трудовыми отношениями; общественной безопасности; достижения целей уголовного наказания, предусмотренных частью второй статьи 43 УК (исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений); построения диспозиции нормы с учётом признаков, содержащихся в диспозициях родственных норм, полагаем необходимо в качестве квалифицирующих отягчающих обстоятельств предусмотреть:

1) осознанное или неоднократное нарушение требований охраны труда, в результате которого был причинен тяжкий вред здоровью или смерть;

2) нарушение требований охраны труда, повлекшее причинение тяжкого вреда здоровью двум или более лицам;

3) нарушение требований охраны труда, повлекшее причинение тяжкого вреда здоровью либо смерть и иные тяжкие последствия (несчастный случай на производстве, авария, катастрофа) либо если такое нарушение заведомо создавало реальную угрозу наступления указанных последствий.

¹⁴ Уголовное право (Общая часть) / под. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамовой. – Москва: Норма, Инфра-М, 1998. – С. 388.

Список литературы

1. Векленко В. В., Николаев К. Д. Отягчающие обстоятельства хищений : монография. – Омск: Омская академия МВД России, 2009. – 274 с.

2. Бородин С. В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. – Москва: Юрист, 1994. – 204 с.

3. Кабурнеев Э. В. Понятие квалифицирующих признаков и их роль в дифференциации уголовной ответственности за убийство // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2007. – № 4. – С. 70–73.
4. Татарников В. Г. Некоторые вопросы совершенствования норм об уголовной ответственности за преступления, совершённые по неосторожности // *Вестник Иркутского государственного технического университета.* – 2007. – Т. 3. – № 1 (29). – С. 166–170.
5. Нуркаева Т. Н., Диваева И. Р. Нарушение требований охраны труда: вопросы толкования, квалификации и совершенствования законодательства // *Актуальные проблемы права и государства в XXI веке.* – 2017. – Т. 9. – № 1. – С. 100–106.
6. Беляева И. М. Объективные признаки преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ // *Вестник ЮУрГУ. Серия: Право.* – 2007. – № 4 (76). С. 44–47.
7. Петрашко И. А. Меры совершенствования уголовно-правовой защиты трудовых прав граждан // Проблемы в российском законодательстве. – 2012. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/meru-sovershenstvovaniya-ugolovno-pravovoy-zaschity-trudovyh-prav-grazhdan> (дата обращения: 30.10.2022).
8. Курманов А. С. Пути совершенствования уголовно-правовой нормы, направленной на охрану права на безопасные условия труда // *Юридическая наука и правоохранительная практика.* – 2011. – № 4 (18). – С. 29–35.
9. Ходусов А. А. Нарушение требований охраны труда в действующем законодательстве России и зарубежных стран // *Безопасность бизнеса.* – 2016. – № 2. – С. 15–18.
10. Дагель П. С. Условия установления уголовной наказуемости // *Известия высших учебных заведений. Правоведение.* – 1975. – № 4. – С. 67–74.

References

1. Veklenko V. V., Nikolayev K. D. Otyagchayushchiye obstoyatel'stva khishcheniy : monografiya. – Omsk: Omskaya akad. MVD Rossii, 2009. – 274 s.
2. Borodin S. V. Otvetstvennost' za ubiystvo: kvalifikatsiya i nakazaniye po rossiyskomu pravu. – Moskva: Yurist, 1994. – 204 s.
3. Kaburneyev E. V. Ponyatiye kvalifitsiruyushchikh priznakov i ikh rol' v differentsiatsii ugolovnoy otvetstvennosti za ubiystvo // *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika.* – 2007. – № 4. – С. 70–73.
4. Tatarnikov V. G. Nekotoryye voprosy sovershenstvovaniya norm ob ugolovnoy otvetstvennosti za prestupleniya, sovershennyye po neostorozhnosti // *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta.* – 2007. – Т. 3. – № 1 (29). – С. 166–170.
5. Nurkayeva T. N., Divayeva I. R. Narusheniye trebovaniy okhrany truda: voprosy tolkovaniya, kvalifikatsii i sovershenstvovaniya zakonodatel'stva // *Aktual'nyye problemy prava i gosudarstva v XXI veke.* – 2017. – Т. 9. – № 1. – С. 100–106.
6. Belyayeva I. M. Ob»yektivnyye priznaki prestupleniya, predusmotrennogo st. 143 UK RF // *Vestnik YUUrGU. Seriya: Pravo.* – 2007. – № 4 (76). S. 44–47.
7. Petrashko I. A. Mery sovershenstvovaniya ugolovno-pravovoy zashchity trudovykh prav grazhdan // *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve.* – 2012. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mery-sovershenstvovaniya-ugolovno-pravovoy-zaschity-trudovyh-prav-grazhdan> (data obrashcheniya: 30.10.2022).
8. Kurmanov A. S. Puti sovershenstvovaniya ugolovno-pravovoy normy, napravlennoy na okhranu prava na bezopasnyye usloviya truda // *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika.* – 2011. – № 4 (18). – С. 29–35.
9. Khodusov A. A. Narusheniye trebovaniy okhrany truda v deystvuyushchem zakonodatel'stve Rossii i zarubezhnykh stran // *Bezopasnost' biznesa.* – 2016. – № 2. – С. 15–18.
10. Dageľ P. S. Usloviya ustanovleniya ugolovnoy nakazuyemosti // *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye.* – 1975. – № 4. – С. 67–74.

Статья поступила в редакцию 17.06.2022; одобрена после рецензирования 14.11.2022; принята к публикации 18.11.2022.

The article was submitted June 17, 2022; approved after reviewing November 14, 2022; accepted for publication November 18, 2022.

Научная статья
УДК 343.983.25
doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-125-132

Дмитрий Сергеевич Коровкин

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0002-8647-9707>, korovkinds@mail.ru

Алексей Юрьевич Григорьев

кандидат технических наук

<https://orcid.org/0000-0002-9302-708X>, augrigorev70@yandex.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Особенности судебно-экспертного исследования противопехотных мин ПМН-4 отечественного производства

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы, касающиеся особенностей судебно-экспертного взрывотехнического исследования противопехотных фугасных мин ПМН-4 на основе опыта производства экспертиз данных объектов, осуществлявшихся в Экспертно-криминалистическом центре Главного управления внутренних дел по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Изложены отдельные проблемы субъективного, организационного и методического характера, возникающие в ходе организации и производства судебно-взрывотехнических экспертиз взрывных устройств промышленного изготовления (военного назначения), обозначены возможные пути их решения.

Рассмотрены конструктивные особенности противопехотной мины ПМН-4, имеющие значение для организации и проведения её судебно-экспертного исследования, с учётом того, что изделие не предусматривает возможности разборки после заводской сборки и поступает в войска в полностью снаряженном виде и с установленным взрывателем.

Так как судебный эксперт-взрывотехник не обладает достаточным комплексом знаний в области особенностей штатного использования противопехотных мин, сформулировано предложение по привлечению для организации и проведения экспериментов специалистов в области эксплуатации инженерных боеприпасов из числа сотрудников Министерства обороны.

Предложены методические рекомендации по проведению экспертного эксперимента, направленного на решение вопроса о способности противопехотной мины ПМН-4 к использованию по целевому назначению (взрыву) путём имитации её срабатывания, предусмотренного конструкцией взрывателя нажимного действия и правилами эксплуатации. В эксперименте на взрыватель мины опускался груз весом в 24 кг с высоты около 0,5 м, имитируя воздействие на взрыватель груза более 15 кгс, что гарантирует его срабатывание, предусмотренное конструкцией изделия.

Ключевые слова: противопехотная мина, взрывчатое вещество, взрывное устройство, инженерный боеприпас, судебная взрывотехническая экспертиза, экспертный эксперимент

Для цитирования: Коровкин Д. С., Григорьев А. Ю. Особенности судебно-экспертного исследования противопехотных мин ПМН-4 отечественного производства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4 (96). – С. 125–132; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-125-132.

Dmitry S. Korovkin

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-8647-9707>, korovkinds@mail.ru

Alexey Yu. Grigoriev

Cand. Sci. (Technical.)

<https://orcid.org/0000-0002-9302-708X>, augrigorev70@yandex.ru

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

Features of forensic examination of domestically produced antipersonnel mines PMN-4

Abstract: The issues of the features of forensic explosive research of anti-personnel high explosive mines PMN-4 based on the experience of the production of examinations of these objects carried out in the Forensic Center of the Main Department of Internal Affairs in St. Petersburg and the Leningrad region are considered.

Individual problems of a subjective, organizational and methodological nature arising in the course of the organization and production of forensic explosive examination of explosive devices of industrial manufacture, military use are outlined and possible ways of their solution are indicated.

The design features of the PMN-4 antipersonnel mine are considered, which are important for the organization and conduct of its forensic examination, taking into account the fact that the product does not provide for the fact of disassembly after factory assembly and enters the troops in fully equipped form and with a fuse installed.

Taking into account the fact that the forensic explosives expert does not have a sufficient set of knowledge in the field of the features of the regular use of anti-personnel mines, a proposal has been formulated to attract specialists in the field of engineering ammunition operation from among the employees of the Ministry of Defense to organize and conduct expert experiments.

Methodological recommendations are proposed for conducting an expert experiment aimed at solving the issue of the ability of the PMN-4 antipersonnel mine to be used for its intended purpose (explosion) by simulating its operation, provided for by the design of the push-action fuse and the operating rules. In the experiment, a load weighing 24 kg was lowered onto the mine fuse from a height of about 0.5 m, thereby simulating the impact on the fuse of a load of more than 15 kg, which guarantees its operation, provided for by the design of the product.

Keywords: antipersonnel mine, explosive substance, explosive device, engineering ammunition, forensic explosive expertise, expert experiment

For citation: Korovkin D. S., Grigoriev A. Yu. Features of forensic examination of domestically produced antipersonnel mines PMN-4 // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 4 (96). – P. 125–132; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-125-132.

Введение

Актуальность темы определена тем, что в практической деятельности взрывотехнических подразделений экспертных служб ФСБ и МВД России встречаются инженерные боеприпасы различных видов, моделей и назначения, а в специальной литературе, рассчитанной на использование судебными экспертами-взрывотехниками, вопросы их исследования не рассматривались в необходимом объёме. Все существующие методические рекомендации ориентированы преимущественно на исследование взрывных устройств самодельного изготовления или же артиллерийских снарядов, миномётных мин и боеприпасов ближнего боя (гранат различных видов)¹ [3]. В данных работах также практически не освещаются вопросы, связанные с особенностями организации и методикой экспертных исследований в части, касающейся проведения эксперимента, повторяющего штатное использование боеприпаса. Способность к использованию по целевому назначению (производству взрыва) традицион-

но предлагается осуществлять путём подрыва боеприпаса накладным зарядом взрывчатого вещества с применением в качестве средства взрывания электродетонатора. Такой способ, безусловно, позволяет однозначно ответить на вопрос о способности (пригодности) заряда взрывчатого вещества к взрывчатому превращению, но не о способности взрывного устройства заводского изготовления к взрыву в условиях его штатного применения. Это обусловлено тем, что при такой методике проведения эксперимента, направленного на определение использования объекта по целевому назначению, не соблюдается принцип достоверности, подразумевающий воссоздание или научно обоснованную имитацию условий штатного применения.

В связи с вышеизложенным цель настоящей статьи авторы определили как рассмотрение особенностей организации и производства судебно-экспертного взрывотехнического исследования противопехотных фугасных мин нажимного действия на примере исследования противопехотной мины ПМН-4.

Описание исследования

На современном этапе развития экспертно-криминалистических подразделений МВД России одной из основных задач повышения эффективности профессиональной деятельности остается разработка новых и совершенствование уже существующих методов судебно-экс-

¹ Дильдин Ю. М., Мартынов В. В., Семенов А. Ю., Шмырев А. А. Взрывные устройства промышленного изготовления и их криминалистическое исследование : учебно-практическое пособие. – Москва: ВНКЦ МВД СССР, 1991. – 120 с.; Дильдин Ю. М., Мартынов В. В., Семенов А. Ю., Шмырев А. А. Основы криминалистического исследования самодельных взрывных устройств : учебное пособие. – Москва: ВНКЦ МВД СССР, 1991. – 94 с.

пертного исследования объектов, обладающих повышенной общественной опасностью. К таким объектам традиционно относится огнестрельное оружие и патроны к нему, взрывчатые вещества и взрывные устройства. Последняя категория объектов представляет наибольшую угрозу, поскольку их применение не только представляет опасность для жизни и здоровья граждан, но и обладает морально-психологическим и социальным воздействием на общество² [5–6], что при массовом их применении в свою очередь способно привести к дестабилизации общественной и политической жизни. Особенно это актуально в условиях ведения локальных конфликтов и проведения специальных миротворческих операций, связанных с применением инженерных боеприпасов (различных типов противотанковых и противопехотных мин).

Практика исследования взрывчатых веществ и взрывных устройств в отечественных экспертно-криминалистических подразделениях показывает, что существуют отдельные проблемы субъективного, организационного и методического характера при проведении исследования отдельной категории взрывных устройств промышленного изготовления военного назначения.

Особенно это касается вопросов, связанных с судебным экспертным исследованием противопехотных мин, поступающих в распоряжение эксперта в окончательно снаряжённом состоянии, а именно, когда средство взрывания находится непосредственно в заряде взрывчатого вещества снаряжения изделия (взрыватель установлен в мину на заводе-изготовителе).

Проблемы субъективного характера исследования данных объектов обусловлены тем, что:

- у большинства экспертов-взрывотехников экспертно-криминалистических служб МВД России нет специального высшего технического образования в области конструирования и технологий снаряжения штатных боеприпасов, стоящих на вооружении Российской армии;

- в штате взрывотехнических подразделений ЭКЦ крайне мало сотрудников, являвшихся в прошлом военнослужащими инженерно-технического состава Вооружённых Сил;

- отсутствие в программах подготовки и переподготовки сотрудников взрывотехнических экспертных подразделений, дающих право на самостоятельное производство взрывных работ, разделов, посвящённых организации проведения экспертных экспериментов со взрывными устройствами: программы ориентированы на организацию уничтожения взрывоопасных объектов, без учёта специфики их судебного-экспертного исследования, в ходе которого осуществляется штатное срабатывание (подрыв);

- отсутствие практики подготовки специалистов в области взрывотехнической экспертизы на базе образовательных организаций

высшего образования системы МВД России, осуществляющих подготовку по специальности «Судебная экспертиза», с учётом решения ими специфических задач в области взрывотехники;

- крайне низкое взаимодействие представителей взрывотехнических подразделений МВД России с военнослужащими инженерных (сапёрных) полигонов Министерства обороны и представителями испытательных площадок предприятий военно-промышленного комплекса.

К проблемам объективного характера можно отнести отсутствие в распоряжении МВД России специализированной полигонной базы, на которой можно проводить взрывотехнические эксперименты на высоком профессиональном уровне, с соблюдением необходимых требований техники безопасности и объективности проведения экспериментов.

Особое место среди рассматриваемых проблем следует отнести отсутствию методических рекомендаций, ориентированных на исследование инженерных мин промышленного (заводского) изготовления в части, касающейся особенностей проведения экспериментального исследования, проводимого по правилам технического эксперимента, принятым в сферах, связанных с разработкой и использованием промышленных взрывных устройств³. Под техническим экспериментом принято понимать комплекс мероприятий, технических средств и методов, направленных на проведение эксперимента по подрыву взрывного устройства, исходя из его конструкции, заданных технических параметров и штатных способов подрыва.

При этом в отличие от проблем субъективного и организационного характера, решение которых связано с изменениями в сфере образования и межведомственного взаимодействия, решение проблем методического характера зависит от взвешенного научного подхода и привлечения профессионалов из смежных областей, специализирующихся на применении и производстве боеприпасов.

Примером успешного решения задач методического характера может служить судебное-экспертное исследование 15 противопехотных мин ПМН-4 отечественного производства, осуществлявшееся по заданию военно-следственного отдела СК России экспертами отдела взрывотехнических экспертиз Экспертно-криминалистического центра МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Мины были изъяты в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий на территории Северо-Западного федерального округа и поступили на исследование в штатной упаковке.

На разрешение экспертизы органом следствия были поставлены следующие вопросы:

- относятся ли представленные на исследование объекты к категории боеприпасов и взрывных устройств?

² Федоренко В. А., Колотушкин С. М. Криминалистическое исследование взрывных устройств и следов их применения : курс лекций. – Саратов: Изд-во СЮИ МВД России, 2004. – 192 с.

³ Дильдин Ю. М., Мартынов В. В., Семенов А. Ю., Шмырев А. А. Основы криминалистического исследования самодельных взрывных устройств. – 94 с.

– содержат ли представленные на исследование объекты взрывчатые вещества, и если да, то какие?

– пригодны ли представленные объекты к производству взрыва?

В практике работы взрывотехнического направления ЭКЦ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области впервые на исследование одновременно поступили 15 однотипных инженерных изделий, обладающих внешними конструктивными признаками взрывных устройств промышленного изготовления.

В ходе изучения специальной справочной литературы экспертами было установлено, что:

– корпус мины пластмассовый цилиндрический, серого цвета, имеет полости для размещения заряда ВВ и механизмов взрывателя. Корпус герметичный, сверху закрыт резиновым колпаком, который крепится к нему с помощью стального хомута⁴ (рис. 1–3);

Рис. 1. Противопехотная мина ПМН-4. Вид сверху

Рис. 2. Противопехотная мина ПМН-4. Вид сбоку

– противопехотная фугасная мина ПМН-4 предназначена для минирования местности с целью нанесения потерь живой силе противника;

⁴ Противопехотная фугасная мина ПМН-4. Инструкция по устройству и применению. – Москва: Военное издательство, 1994 г. – 15 с.

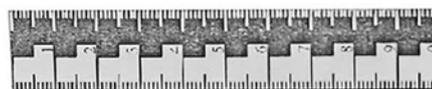

Рис. 3. Противопехотная мина ПМН-4. Вид снизу

– противопехотная мина ПМН-4 имеет взрыватель нажимного действия;

– мина поступает в войска, хранится и транспортируется в окончательно снаряженном виде;

– масса мины 300 г;

– мина снаряжается зарядом смеси взрывчатого вещества состава ТГ-40 (сплав тротила с гексогеном, тротила 40 %), вес заряда взрывчатого вещества 50 г⁵ [9–10];

– время дальнего взведения 1–40 мин (в зависимости от температуры окружающей среды);

– усилие срабатывания мины 5–15 кгс (1 кгс = 1 кг);

– механизм дальнего взведения мины ПМН-4 гидромеханический и работает по принципу выдавливания густого геля (жидкий каучук) через калиброванные отверстия, после того, как будет удалена предохранительная чека вместе с блокирующей скобой;

– срок боевой работы в минном поле 1 год (срок работы мины определяется с момента её установки до момента вероятного выхода из строя под влиянием внешних факторов);

Маркировочные обозначения мины включают в себя:

– номер завода изготовителя;

– номер партии и год её выпуска;

– наименование изделия в виде краткой аббревиатуры;

– клейма внутренней приёмки.

Мины упаковываются в ящики по 40 шт. (масса брутто 28 кг) окончательно снаряжёнными. Размер ящика 20,5 x 66 x 60 см (рис. 4–5).

Содержание маркировочных обозначений исследуемых объектов и отсутствие следов, свидетельствующих о нарушениях целостности промышленной сборки, позволяет прийти к предварительному выводу об относимости объектов к категории инженерных боеприпасов, минам

⁵ Нелезин П. В., Ноздрачев А. В., Сильников М. В., Шайтанов А. В. Применение и обезвреживание взрывчатых веществ : учебное пособие / под общей редакцией В. П. Сальникова – Санкт-Петербург, Изд-во Фонд «Университет», 2001. – 215 с.

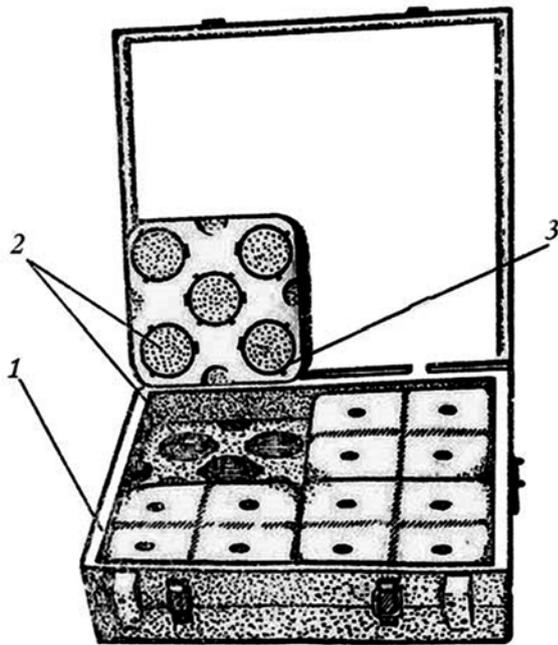

Рис. 4. Упаковка мин ПМН-4:
1 – упаковка (ящик); 2 – мины;
3 – вкладыши полистирольные

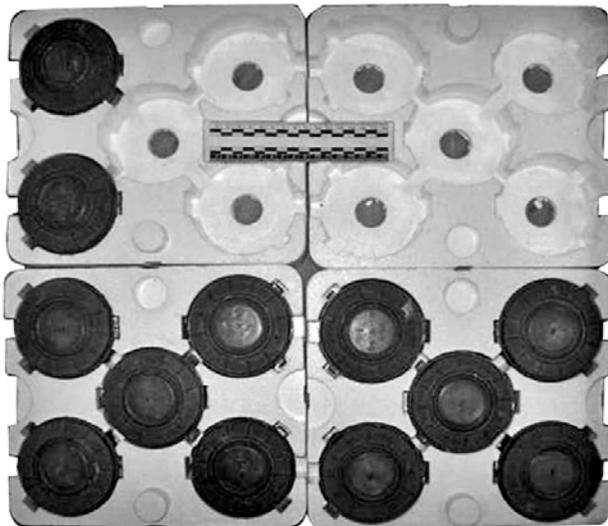

Рис. 5. Упаковка мин ПМН-4

противопехотным и, соответственно, к взрывным устройствам промышленного изготовления.

Учебные инженерные боеприпасы на корпусе имеют маркировочное обозначение в виде полосы белого цвета и букву «У», выполненную красителем чёрного цвета, перед аббревиатурой наименования изделия (рис. 6).

Как правило, при взрыве мины почти полностью разрушается стопа ноги, которой солдат противника наступил на мину. В зависимости от расстояния от места взрыва вторая нога также может быть повреждена. Смерть может наступить от болевого шока или от потери крови при несвоевременном оказании первой помощи.

Мина относится к категории необезвреживаемых боеприпасов.

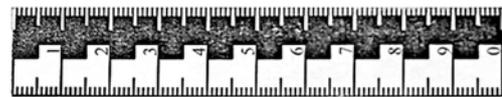

Рис. 6. Учебная противопехотная мина ПМН-4.
Вид снизу

При работе с миной ПМН-4 не требуется никаких предварительных действий при подготовке её к применению (осмотр, вывинчивание пробки, вставление запала, и т. п.) и нет никаких элементов, которыми требуется комплектовать мину (запал). Это обеспечивает высокую безопасность и возможность пользования миной малоквалифицированными солдатами.

Подготовительных действий перед применением мины не требуется. Для перевода мины в боевое положение необходимо просто выдернуть предохранительную чеку и удалить блокирующую скобу. С этого момента начинается процесс перевода мины в боевое положение. Обратный процесс невозможен.

В связи с тем, что ответ на вопросы относительно наличия в конструкции изделий заряда взрывчатого вещества, их способности к взрыву и, соответственно, окончательного решения вопроса об относимости к категории боеприпасов и взрывных устройств невозможен без проведения экспериментального подрыва, возник вопрос о грамотном методическом обеспечении проведения эксперимента. Решение задачи, связанной с наличием заряда взрывчатого вещества в исследуемых изделиях, осложнялось невозможностью безопасного демонтажа изделия, поскольку это не предусмотрено его конструкцией по причине неизвлекаемости средства взрывания (взрывателя).

Учитывая, что поступление на исследование таких объектов во взрывотехнические подразделения экспертных служб МВД России происходит крайне редко, что нет готовой, отработанной схемы проведения эксперимента, было принято решение обратиться за консультацией к специалистам инженерных войск Министерства обороны с целью выработки алгоритма проведения эксперимента, направленного на решение вопроса о пригодности исследуемых объектов к производству взрыва.

Для выработки методики проведения экспериментов с исследуемыми объектами была создана рабочая группа, в которую вошли специалисты инженерных войск Министерства обороны (сапёры). Было принято решение при проведении экспериментов учитывать не только тактико-технические характеристики мин ПМН-4, но и особенности их установки.

Мина ПМН-4 устанавливается на поверхность грунта либо в грунт с маскировочным слоем 2 см, а также в снег с маскировочным слоем снега 20 см или на бродах глубиной до 50 см. Установка мины производится вручную или же выкладкой с автомобиля (по лоткам или сбрасыванием через борт). Перед установкой мины необходимо проверить отсутствие механических повреждений и наличие чеки.

Для установки мины в грунт вручную необходимо: отрыть лунку глубиной 3–3,5 см; установить мину в лунку; замаскировать мину и место установки. На местности с растительным покровом, обеспечивающим маскировку, мина может устанавливаться на поверхность грунта. В зимних условиях при глубине снега до 20 см мина устанавливается на грунт, а при большей глубине – на утрамбованный снег.

При установке мины запрещается нажимать на датчик цели после удаления чеки; применять мины, имеющие повреждения и выдернутые чеки.

Все операции по установке мины после удаления чеки должны быть завершены за время, не превышающее 30 с.

Мины, установленные на местности в боевое положение, снимать и обезвреживать запрещается. Мины уничтожаются взрывом заряда ВВ массой 0,2 кг, положенным рядом с миной, или многократным проездом по минному полю танков с трапами.

Исходя из правил штатного применения мин ПМН-4, было принято решение о проведении экспериментов, имитирующих её штатную установку и подрыв, в результате воздействия на взрыватель нажимного действия⁶.

Первоначально на подрывной площадке полигона было выбрано место для проведения дистанционного подрыва мины, которое отвечало бы необходимым условиям обеспечения безопасности лица, осуществляющего подрыв.

В качестве укрытий было принято решение использовать готовые инженерные защитные сооружения – габионы. Габионы представляют собой сплетённые из металлической проволоки корзины без дна кубической формы, которые заполнены песком или грунтом. За этими защитными фортификационными сооружениями будет располагаться непосредственно исполнитель экспериментальных подрывов.

Исходя из тактико-технических характеристик противопехотной мины ПМН-4 (усилие срабатывания мины 5–15 кгс), было принято решение воздействовать на них грузом, вес ко-

торого будет заведомо превышать необходимый для срабатывания взрывателя нажимного действия мины. В качестве такого груза была выбрана гиря весом в 24 кг.

В том месте, где предполагалось проведение экспериментальных подрывов, предварительно был отрыт шурф глубиной около 0,5 м и диаметром около 0,4 м. Затем к гире весом 24 кг привязывался капроновый шнур длиной примерно 75 м, свободный конец которого закреплялся с тыльной стороны укрытия, где располагался эксперт.

После окончания проведения подготовительного этапа рабочая группа специалистов приступила непосредственно к экспериментальным подрывам. Для этого, поочередно представленные на экспертизу мины ПМН-4 (с учётом соблюдения правил безопасности) устанавливались по одной на дно отрытого шурфа (рис. 7).

Рис. 7. Мина ПМН-4, установленная на дно шурфа

Эксперименты проводились в зимнее время, при минусовых температурах, что значительно увеличивало время постановки мин на боевой взвод. Исходя из тактико-технических характеристик представленных мин ПМН-4 время дальнего взведения 1–40 мин (в зависимости от температуры окружающей среды), после установки каждой мины необходимо было дожидаться максимального времени дальнего взведения. В связи с этим по рекомендациям специалистов Министерства обороны РФ была установлена временная пауза ожидания взведения каждой мины не менее чем 45 мин.

По прошествии установленного времени дистанционно, из укрытия груз сбрасывался на мины. В ходе всех проведённых экспериментов при воздействии груза на взрыватели мин мгновенно происходили взрывы зарядов взрывчатого вещества. Наблюдаемые визуальные эффекты в виде размера, цвета, плотности облака газообразных веществ соответствовали взрыву заряда бризантного взрывчатого вещества, весом около 50 г в тротиловом эквиваленте (рис. 8–9).

⁶ Противопехотная фугасная мина ПМН-4. Инструкция по устройству и применению. – Москва: Военное издательство, 1994 г. – 15 с.

Таким образом, в результате проведения серии экспертных экспериментов было установлено, что представленные на экспертизу противопехотные фугасные мины ПМН-4 пригодны для производства взрывов.

С целью установления состава заряда взрывчатого вещества снаряжения мин

Рис. 8. Эксперимент по воздействию гири весом 24 кг на мину ПМН-4

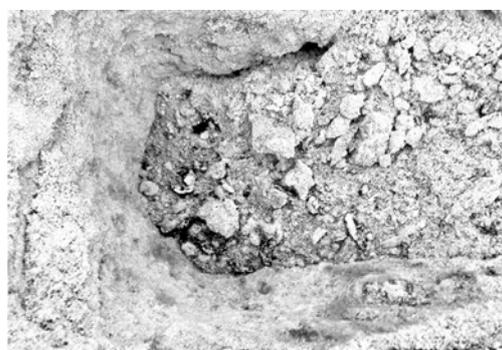

Рис. 9. Результат эксперимента по воздействию гири весом 24 кг на мину ПМН-4

на основании существующих рекомендаций по результатам проведённых экспериментов проводился отбор проб для дальнейшего исследования следовых количеств взрывчатых веществ. Далее в химической лаборатории методом тонкослойной хроматографии были выявлены следовые количества бризантного взрывчатого вещества тротила и бризантного взрывчатого вещества гексогена, что в свою очередь дало возможность прийти к выводу о смешанном характере взрывчатого вещества, входящего в снаряжение исследуемых мин⁷

⁷ Стецкевич А. Д., Семенов А. Ю., Кузьмин В. В., Соколюк Р. Н., Чернов А. И., Смелов В. Ю. Исследование остат-

[11]. Исходя из тактико-технических характеристик было установлено, что снаряжение мин имеет рецептуру ТГ-40 (сплав тротила с гексогеном, (тротила 40 %, гексогена 60 %). Результат химического исследования полностью подтверждает качественный состав взрывчатого вещества, входящего в состав штатного снаряжения мин ПМН-4.

Благодаря проведённому эксперименту, все поставленные на разрешение взрывотехнической экспертизы вопросы были решены, что позволило прийти к следующим выводам:

- представленные на исследование объекты, являются противопехотными фугасными минами ПМН-4 нажимного действия; относятся к боеприпасам, предназначенным для поражения целей, одновременно с этим являются окончательно снаряженными взрывными устройствами;

- представленные мины содержат заряд смешанного бризантного взрывчатого вещества ТГ-40 (сплав тротила с гексогеном, тротила 40 %), весом 50 г каждая;

- все представленные на исследование мины ПМН-4 пригодны для производства взрыва штатным образом.

Вывод

Таким образом, результаты комплекса проводимых взрывотехнических исследований противопехотных фугасных мин ПМН-4, без осуществления технического эксперимента не могут носить объективный характер, а также дать однозначный ответ на вопрос о пригодности представленных мин к взрыву штатным образом.

Проведение вышеописанных экспериментов, учитывая повышенную опасность их для исполнителей испытаний, носит исключительно рекомендательный характер, возможность поделиться своим положительным опытом.

Решение о проведении данных взрывотехнических работ принимается исключительно руководителем экспертного подразделения с учётом уровня профессиональной подготовки сотрудников взрывотехнического направления, технической возможности и уровня взаимодействия с представителями инженерных полигонов и испытательных площадок.

ков взрывного устройства после взрыва / Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. II / под ред. А. Ю. Семёнова; общ. ред. В. В. Мартынова. – Москва: ЭКЦ МВД России, 2012. – С. 304 – 320.

Список литературы

1. Демидова Т. В., Бушуев В. В. Эффективность судебно-экспертной деятельности: проблемы и пути решения // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – № 2. – С. 43–45.
2. Глаголева Т. А. Система методов, применяемых в судебно-баллистической экспертизе // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 4. – С. 37– 39.
3. Стецкевич А. Д., Караваев М. В., Семенов А. Ю., Кузьмин В. В., Наумов А. Б., Соколюк Р. Н., Чернов А. И., Смелов В. Ю. Исследование изъятого предмета (изделия) в целях установления принадлежности (непринадлежности) к взрывным устройствам. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. – Ч. II / под ред. А. Ю. Семёнова; общ. ред. В. В. Мартынова. – Москва: ЭКЦ МВД России, 2012. – С. 270–288.

4. Соколова О. А. Развитие методов судебной экспертизы Т. Ф. Одиночкиной и её деятельность на кафедре оружейведения и трасологии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 4. – С. 95–98.
5. Галахов С. С. Криминальные взрывы. – Москва: Экзамен, 2002. – 288 с.
6. Гальцев Ю. В., Ефтоков С. А., Медрес Е. П., Рябинин Г. А., Рябинин А. Г. Взрывология : справочник / под ред. Г. А. Рябинина. – Санкт-Петербург: Изд-во ДНК, 2007. – 678 с.
7. Кокин А. В. Проблемы единого научно-методического подхода к экспертной практике, специализации экспертов и их профессиональной подготовке // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2017. – № 4–2. – С. 22–29.
8. Андреев К. К., Беляев А. Ф. Теория взрывчатых веществ. – Москва: Оборонгиз, 1960. – 596 с.
9. Поздняков З. Г., Росси Б. Д. Справочник по промышленным взрывчатым веществам и средствам взрывания. – Москва: Изд-во Недра, 1977. – 253 с.
10. Тузков Ю. Б., Семенов А. Ю., Стецкевич А. Д., Наумов А. Б., Дьяконов А. В., Шумилов С. А. и др. Исследование следовых количеств взрывчатых веществ / Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. II / под ред. А. Ю. Семёнова; общ. ред. В. В. Мартынова. – Москва: ЭКЦ МВД России, 2012. – 800 с.
11. Ярмак К. В. Предупреждение экспертных ошибок в свете использования современных технологий при производстве судебных экспертиз // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 3. – С. 10–14.

References

1. Demidova T. V., Bushuyev V. V. Effektivnost' sudebno-ekspertnoy deyatel'nosti: problemy i puti resheniya // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 2. – S. 43–45.
2. Glagoleva T. A. Sistema metodov, primenyayemykh v sudebno-ballisticheskoy ekspertize // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2018. №4. – S. 37–39.
3. Stetskevich A. D., Karavayev M. V., Semenov A. Yu., Kuz'min V. V., Naumov A. B., Sokolyuk R. N., Chernov A. I., Smelov V. Yu. Issledovaniye iz»yatogo predmeta (izdeliya) v tselyakh ustanovleniya prinadlezhnosti (neprinadlezhnosti) k vzryvnym ustroystvam. Tipovyye ekspertnyye metodiki issledovaniya veshchestvennykh dokazatel'stv. – Ch. II / pod red. A. Yu. Semonova. Obshchaya redaktsiya V. V. Martynova. – Moskva: EKTS MVD Rossii, 2012. – S. 270–288.
4. Sokolova O. A. Razvitiye metodov sudebnoy ekspertizy T. F. Oдиночкиной i yeye deyatel'nost' na kafedre oruzhiyevedeniya i trasologii Moskovskogo universiteta MVD Rossii imeni V. Ya. Kikotyа // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2018. №4. – S. 95–98.
5. Galakhov S. S. Kriminal'nyye vzryvy. – Moskva: Izd-vo Ekzamen, 2002. – 288 s.
6. Gal'tsev Yu. V., Yeftyukov S. A., Medres Ye. P., Ryabinin G. A., Ryabinin A. G. Vzryvologiya: spravochnik / pod red. Ryabinina G. A. – Sankt-Peterburg: Izd-vo DNK, 2007. – 678 s.
7. Kokin A. V. Problemy yedinogo nauchno-metodicheskogo podkhoda k ekspertnoy praktike, spetsializatsii ekspertov i ikh professional'noy podgotovke // Izvestiya TulGU. Ekonomicheskkiye i yuridicheskkiye nauki. – 2017. – № 4–2. – S. 22–29.
8. Andreyev K. K., Belyayev A. F. Teoriya vzryvchatykh veshchestv. – Moskva: Izd-vo Oborongiz, 1960. – 596 s.
9. Pozdnyakov Z. G., Rossi B. D. Spravochnik po promyshlennym vzryvchatym veshchestvam i sredstvam vzryvaniya. – Moskva: Izd-vo Nedra, 1977. – 253 s.
10. Tuzkov Yu. B., Semenov A. Yu., Stetskevich A. D., Naumov A. B., D'yakonov A. V., Shumilov S. A. i dr. Issledovaniye sledovyykh kolichestv vzryvchatykh veshchestv / Tipovyye ekspertnyye metodiki issledovaniya veshchestvennykh dokazatel'stv. – Ch. II / pod red. A. Yu. Semonova. Obshchaya redaktsiya V. V. Martynova. – Moskva: EKTS MVD Rossii, 2012. – 800 s.
11. Yarmak K. V. Preduprezhdeniye ekspertnykh oshibok v svete ispol'zovaniya sovremennykh tekhnologiy pri proizvodstve sudebnykh ekspertiz // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2015. №3. – S. 10–14.

Статья поступила в редакцию 05.09.2022; одобрена после рецензирования 02.12.2022; принята к публикации 12.12.2022.

The article was submitted September 5, 2022; approved after reviewing December 2, 2022; accepted for publication December 12, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 343
doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-133-141

Вилли Андреевич Маслов

кандидат юридических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0001-5539-5220>, villi@e1.ru

Уральский юридический институт МВД России
Российская Федерация, 620057, Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66

Реализация принципа гуманизма в уголовно-правовой политике

Аннотация: В целях оценки реализации принципа гуманизма в уголовно-правовой политике современной России исследуется нормативное закрепление, доктринальная интерпретация и законодательные корректировки норм уголовного закона. Для корректного понимания принципа гуманизма и уточнения его специфики применительно к рассматриваемой проблеме выделяется ряд направлений деятельности государства в рамках реализации уголовной политики, сформированных в виде последовательных этапов (стадий) борьбы с преступностью. Анализ изменения санкции ч. 1 ст. 204 УК РФ позволил утверждать, что наиболее корректным предлагается именовать действия законодателя как «непоследовательные, но в целом соответствующие требованиям принципа гуманизма», поскольку ряд законодательных корректировок (к примеру, снижение как верхних, так и нижних границ кратности штрафа) «находятся в рамках» гуманистических начал, в то время как иные изменения (к примеру, повышение максимального наказания в виде лишения свободы с двух до трёх лет в период 2008–2016 гг.) именовать гуманными достаточно дискуссионно. Неоднозначная оценка дана реализации принципа гуманизма при законодательных корректировках обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание. Факты исключения неоднократности; корректировки ч. 1 ст. 62 УК РФ как относительно снижения назначаемого наказания при совершении одного из действий, предусмотренных или п. «и», или п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, так и относительно рамок назначаемого наказания с трёх четвертей до двух третей; и ряд иных законодательных новелл можно отнести к проявлениям законодательного гуманизма. В то же время отнесение к действиям в соответствии с принципом гуманизма включения в перечень отягчающих наказание обстоятельств совершения умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел, а также совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма признано дискуссионным.

Ключевые слова: наказание, принцип гуманизма, уголовная политика, уголовно-правовая политика, смягчающие наказание обстоятельства, отягчающие наказание обстоятельства

Для цитирования: Маслов В. А. Реализация принципа гуманизма в уголовно-правовой политике // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4 (96). – С. 133–141; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-133-141.

Willy A. Maslov

Cand. Sci. (Jurid.), Docent
<https://orcid.org/0000-0001-5539-5220>, villi@e1.ru

Ural Law Institute of the MIA of Russia
66, Korepin str., Yekaterinburg, 620057 Russian Federation

Implementation of the principle of humanism in criminal law policy

Abstract: In order to assess the implementation of the principle of humanism in the criminal law policy of modern Russia, the author investigates the regulatory consolidation, doctrinal interpretation and legislative adjustments of the norms of the criminal law. For a correct understanding of the principle of humanism and clarification of its specifics in relation to the problem under consideration, a number of areas of state activity are identified within the framework of the implementation of criminal policy, formed in the form of successive stages of the fight against crime. Analysis of the change in the sanction, Part 1, Art. 204 of the Criminal Code of the Russian Federation made it possible to assert that it is proposed to refer

to the actions of the legislator as «inconsistent, but in general meeting the requirements of the principle of humanism» as the most correct, whereas a number of legislative adjustments (for example, reduction of both the upper and lower limits of the fine multiplicity) «are within the limits» of humanistic principles, while other changes (for example, the increase of the maximum sentence of imprisonment from two to three years in the period from 2008 to 2016) can be called humane is rather debatable. An ambiguous assessment is given to the implementation of the principle of humanism in the context of legislative adjustments to circumstances mitigating and aggravating punishment. Facts of exclusion of repetition; adjustments of Part 1 of Art. 62 of the Criminal Code of the Russian Federation as to the reduction of the imposed punishment when one of the actions provided for in paragraph “и” or paragraph “к” of Part 1 of Art. 61 of the Criminal Code of the Russian Federation is committed, and regarding the scope of the imposed punishment from three quarters to two thirds; and a number of other legislative innovations can be attributed to manifestations of legislative humanism. At the same time, the inclusion in the list of aggravating circumstances of the commission of an deliberate crime by an employee of the internal affairs body, as well as the commission of a crime in order to promote, justify and support terrorism, is considered debatable as actions in accordance with the principle of humanism.

Keywords: punishment, principle of humanism, criminal policy, criminal law policy, mitigating circumstances, aggravating circumstances

For citation: Maslov W. A. Implementation of the principle of humanism in criminal law policy // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 4 (96). – P. 133–141; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-133-141.

Введение

Как известно, ст. 7 Уголовного кодекса Российской Федерации закрепляет правовые основы принципа гуманизма, содержащие, с одной стороны, требование обеспечения безопасности человека, с другой стороны, указание на то, что меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не должны иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства.

Данные концептуальные положения требуют детального рассмотрения ввиду неоднозначных оценок современной отечественной уголовной политики, в том числе констатации того, что «происходящие в последние годы изменения уголовного закона, официально объявляемые проявлением гуманизации и либерализации, в действительности не имеют отношения к этим высоким идеям, выступая свидетельством реализации отдельных несистемных властных импульсов, продиктованных субъективными политико-прагматическими целями» [1, с. 45].

Указанные авторы справедливо задаются вопросом: «Неужели (действительно ли) казнь преступника, пожизненное заключение, длительный срок лишения свободы, т. е. все бесчеловечные, связанные с подавлением человеческого в человеке наказания, неужели жестокость к виновному можно рассматривать как проявление человеколюбия к потерпевшему со стороны государства? Полагаем, что в данном случае уместно говорить о справедливости, о воздаянии «по делам его». Если угодно – о мести. Но гуманизм здесь – неадекватное словоприменение» [1, с. 41]. Как следствие, учёные поднимают вопрос о принципиальной возможности уголовного наказания быть гуманным или либеральным [1, с. 44].

В свете указанных позиций представляется весьма актуальным рассмотрение вопросов доктринального понимания, закреплённого как

на конституционном уровне, так и на уровне уголовного закона, принципа гуманизма, а также практики реализации гуманистических начал в уголовно-правовой политике современной России.

Описание исследования

Начать рассмотрение заявленной тематики считаем возможным с рассмотрения используемых в настоящем исследовании дефиниций. Под уголовной политикой мы будем понимать стратегическую деятельность государства по противодействию преступности в целях охраны прав и свобод личности, в то время как под уголовно-правовой политикой – деятельность государственных органов по нормативному определению концептуальных основ борьбы с преступностью посредством закрепления целесообразных мер воздействия за совершение антиобщественных деяний.

Отметим, что принцип гуманизма доктринально признается принципом уголовной политики в трудах таких учёных, как Г. Ю. Лесников¹, Д. В. Семькин², Н. А. Лопашенко [2, с. 46], Э. Ф. Побегайло [3, с. 14], М. В. Бавсун³. При этом нередко данный принцип указывается одним из первых, что, исходя из ранжированности (распределения по значимости) системы принципов уголовного права, мы признаем корректным.

¹ Лесников Г. Ю. Уголовная политика современной России (методологические, правовые и организационные основы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2005. – С. 9.

² Семькин Д. В. Уголовная политика Российской Федерации в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2008. – С. 8.

³ Бавсун М. В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Омск, 2013. – С. 27.

Стоит сказать, что принцип гуманизма – общий принцип всей правовой системы [4, с. 41], закреплённый как основа государственной политики и правовой системы в ст. 2 Конституции России. В то же время гуманизм – категория, приковывающая взгляды учёных разных направлений: философов [5–7], педагогов [8–9] и психологов [10–11], что неизбежно накладывает свой специфический «отпечаток» при определении юридического содержания гуманизма как принципа уголовной политики.

Гуманизм чаще всего понимается как признание человека высшей ценностью и, как следствие, организация общественных отношений с учётом данного требования.

Известный российский исследователь Э. Ф. Побегайло в своих трудах указывает на существенные качества принципа гуманизма, в частности, отмечая, что «принцип гуманизма с позиций уголовной политики имеет двуединую направленность, две стороны. Одна обращена к потерпевшим от преступлений, реальным и возможным, другая – к преступнику» [3, с. 15; 12, с. 13]. Он также считает, что «гуманизм должен проявляться прежде всего по отношению к обществу в целом. Человечность, гуманизм есть терпимость к человеческим слабостям и нетерпимость к тяжким, бесчеловечным преступлениям» [13].

Отдельного внимания заслуживает точка зрения Э. Ф. Побегайло, согласно которой «в соответствии с принципом гуманизма лицу, совершившему преступление, должно быть назначено минимальное наказание, достаточное для его исправления и предупреждения новых преступлений. Нормы уголовного законодательства направлены на то, чтобы каждый оступившийся человек, нарушивший закон, мог исправиться, искупить свою вину и вернуться к честной жизни» [14, с. 68], а также то, что «важнейшее требование гуманизма в сфере борьбы с преступностью – оградить человека как высшую социальную ценность от преступных посягательств» [14, с. 68].

Соглашаясь с указанной точкой зрения, отметим то обстоятельство, что гуманизация уголовной политики не должна идти по пути безусловного смягчения ответственности под лозунгом «человеколюбия», а «должна предполагать и последовательную криминализацию деяний, причиняющих существенный вред человеку и гуманистическим ценностям общества, и максимально возможное в данных условиях места и времени сокращение уровня репрессивности закона и правоприменительной практики» [1, с. 41].

В целях корректного понимания принципа гуманизма применительно к уголовной политике представляется возможным выделить ряд направлений деятельности государства в рамках реализации уголовной политики, сформированных в виде последовательных этапов (стадий) борьбы с преступностью.

Во-первых, стадия выявления и определения наиболее общественно опасных деяний

(в том числе характеризуемых распространённостью и массовостью), деяний, утративших общественную опасность, в целях решения вопроса о целесообразности корректировки уголовного закона.

С точки зрения реализации принципа гуманизма на данном этапе необходимо делать акцент на том, что наименее общественно опасные деяния (общественно вредные) не нуждаются в криминализации, и лишь те деяния, которые способны причинить обществу существенный вред, нуждаются в уголовно-правовой охране (запрете их совершения). Недопустимы криминализация и пенализация не имеющих реальной общественной опасности деяний, вследствие чего человек без асоциальных установок признается преступником, и его связь с законопослушным обществом в той или иной мере утрачивается.

Подчеркнём, что указанная деятельность (определение общественной опасности деяний в целях решения вопроса о целесообразности их регламентации уголовным законом) носит преимущественно не уголовно-правовой, а криминологический характер, поскольку предполагает учёт обстоятельств, устанавливаемых средствами и приёмами криминологического прогнозирования (методами криминологической футурологии).

Во-вторых, стадия установления правовых основ борьбы с общественно опасными деяниями.

Данная стадия может быть интерпретирована как: криминализация / пенализация с учётом необходимости установления справедливой с точки зрения общества меры ответственности; декриминализация / депенализация как необходимый законодательный инструмент при обнаружении существенного снижения общественной опасности деяний, ранее представлявших угрозу для общества; дифференциация ответственности как закономерная реакция на изменяющиеся общественные отношения.

При этом в данном случае мы говорим не только о формировании статей Особенной части УК РФ, но и о концептуальных положениях Общей части, закладывающих правовой материальный фундамент борьбы с преступностью. С точки зрения принципа гуманизма наиболее существенными представляются положения, регламентирующие понятие и категоризацию преступлений, институты рецидива, совокупности, формы вины, стадий совершения преступления, соучастников в преступлении. Особое место в указанном перечне занимает институт наказаний. Данная совокупность взаимосвязанных положений и есть тот фундамент, который призван создать для правоприменителей чёткое и недвусмысленное понимание (в том числе и определённые «рамки») их возможностей в части выполнения задач, стоящих перед уголовной политикой.

В-третьих, стадия привлечения лиц, совершивших преступление, к ответственности. На данном этапе реализуется правопримени-

тельная деятельность (юридическая оценка конкретного факта действительности): раскрытие и расследование преступления, установление виновного лица, индивидуализация и реализация наказания.

Содержательно данные действия осуществляются в рамках уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной политики. Говоря о гуманистической составляющей, стоит сказать, что данный этап представляет особое значение, поскольку именно в этот период, с одной стороны, ограничиваются права конкретного человека (того самого, который является «высшей ценностью»), с другой стороны, обеспечивается общественный правопорядок.

В-четвертых, стадия ресоциализации лиц, отбывших наказание (реинтеграции их в законопослушное общество). Данная постпенитенциарная деятельность в свете гуманистических начал направлена на оказание содействия лицам, в той или иной степени потерявшим социальные связи.

Неоспоримым представляется то обстоятельство, что гуманизм уголовной политики состоит в том, что уголовный закон должен быть предельно суров с лицами, представляющими существенную опасность для общества, и снисходителен к тем, кто оступился однократно, не имея злого умысла и асоциальных установок «был вынужден» преступить черту закона ввиду тяжёлой жизненной ситуации, поддавшись сиюминутному желанию получить несколько больше того, на что имеет право, и т. д.

Здесь уместно будет подчеркнуть, что гуманизм – лишь один из принципов, закреплённых в уголовном законе, что предполагает необходимость как законодателя, так и правоприменителя руководствоваться при принятии решений не только гуманистическими началами, но и требованиями справедливости, законности и т. д. Проблема в данном случае кроется в возможных противоречиях, возникающих в процессе регулирования общественных отношений как путём правотворчества, так и при применении существующих норм. Принципиальная основа деятельности заинтересованных субъектов – практика гибкого сочетания различных основополагающих начал – обуславливает необходимость в условиях противоречий избирать компромиссный вариант. Однако необходимо понимать и то, что подобные противоречия априори не должны иметь характер концептуальных, что предполагает обоснованность дифференцированного рассмотрения практики реализации тех или иных принципов (в нашем случае – принципа гуманизма).

Говоря о терминологическом парадоксе, суть которого верно подметили М. М. Бабаев и Ю. Е. Пудовочкин, говоря, что наиболее строгое наказание, к примеру, смертная казнь, или длительные сроки лишения свободы, по определению не может именоваться гуманным, стоит отметить следующее.

Во-первых, обозначенная авторами «неа-

декватность словоприменения» возможна только в случае понимания гуманности наказания как требования, обращённого лишь к отношениям с преступником. В то же время принцип гуманизма много шире по своему содержанию и включает, как мы уже установили, помимо отношения к преступнику (в меру снисходительного), ещё и, как нам представляется, более значимую составляющую – гуманность по отношению к обществу. В связи с этим считать факт лишения свободы на длительный срок лица, совершившего, к примеру, серийное убийство, проявлением заботы о правах и свободах членов общества кажется нам вполне допустимым. Необходимо понимать, что подобные лица с выраженной деформацией и строго асоциальными установками представляют существенную угрозу, если представить им свободу передвижения и не осуществлять неустанный контроль за их действиями.

Во-вторых, существующая в настоящее время система наказаний, не имеющая известных царскому периоду истории нашего отечества членовредительских, калечащих и позорящих наказаний, сама по себе существенным образом гуманна, даже с учётом факта нерешённости вопроса смертной казни и наличия среди наказаний длительных сроков лишения свободы.

Необходимо уточнить, что указанный тезис может быть предпосылкой к выводу о том, что отсутствие в настоящее время членовредительских наказаний, предполагающее, что наказание не может иметь своей целью причинения физических страданий или унижения человеческого достоинства (ч. 2 ст. 7 УК РФ), означает, что любое назначенное с учётом положений уголовного закона наказание должно быть признано гуманным. Данный вывод несколько поспешен и по сути способен нивелировать гуманизм как принцип, при том, что в настоящее время особое внимание уделяется как раз вопросам выбора наиболее оптимального соотношения «деяние–наказание» (соответствие назначенного наказания общественной опасности совершенного деяния), вследствие чего претерпевает изменения как уголовный закон, так и правоприменительная практика судов в части назначаемого наказания.

В-третьих, сущность любого наказания состоит в лишении или ограничении прав лица, при этом необходимо понимать, что это не просто лицо, а лицо, признанное виновным в совершении преступления. Отношение к данному лицу, концентрированно выраженное в привлечении к ответственности и назначении наказания именно, как к преступившему черту закона – вынужденная, но необходимая мера.

Определившись с тем, что принцип гуманизма имеет определённую специфику в зависимости от направления деятельности государства в рамках реализации уголовной политики, а также с корректностью использования термина «гуманное наказание», позволим себе перейти к рассмотрению вопроса о реализации принципа гуманизма в уголовно-правовой политике России.

Стоит отметить некоторые обстоятельства, на которые указывает М. М. Бабаев, говоря о работе законодателя по ужесточению правил реализации уголовной ответственности, которые идут несколько вразрез с периодически высказываемыми лозунгами о гуманизации уголовной политики. К примеру, учёный говорит о том, что «максимально возможные размеры наказания в виде штрафа за отдельные виды преступлений многократно возросли» [1, с. 43].

Отметим, что тенденция последних лет (с 2011 года) состоит как раз в установлении кратности как в Общей части УК РФ (ст. 46), так и в санкциях статей Особенной части УК РФ, в частности, устанавливающих ответственность за коррупционные правонарушения.

В качестве примера проанализируем законодательные изменения санкции ч. 1 ст. 204 УК РФ – Коммерческий подкуп (сознательно возмём в качестве индикаторов два вида наказания – штраф и лишение свободы):

С 1996 г. санкция предусматривала наказание от 200 до 500 минимальных размеров оплаты труда / лишение свободы до двух лет.

В 2003 г. санкция в виде штрафа была преобразована в твёрдый рублёвый эквивалент до 200 тысяч рублей / лишение свободы до двух лет (ФЗ от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ).

В 2008 г. без изменения размера штрафа законодатель увеличил срок лишения свободы до трёх лет (ФЗ от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ).

В 2011 г. законодатель отказался от твёрдого рублёвого эквивалента и указал возможность назначения штрафа в размере от десятикратной до пятидесятикратной суммы коммерческого подкупа / лишения свободы до трёх лет (ФЗ от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ).

В 2016 г. законодатель предусмотрел возможность назначения наказания в виде штрафа как до 400 тысяч рублей, так и в размере от пятикратной до двадцатикратной суммы коммерческого подкупа, либо лишения свободы до 2 лет со штрафом до 5-кратной суммы коммерческого подкупа (или без такового) (ФЗ от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ).

Данные законодательные трансформации наглядно демонстрируют следующую тенденцию:

– первый период (с 1996 г. по 2003 г.) можно характеризовать как период максимально точной регламентации вариантов реакции правоприменителя с минимальной степенью судебного усмотрения;

– второй этап (с 2004 г. по май 2011 г.) характеризуется установлением твёрдого эквивалента штрафа, существенным расширением границ судебного усмотрения в части его размера и исключением (как оказалось, окончательным) из санкции нормы нижней границы штрафа, что позволило судам варьировать сумму штрафа от 2500 до двухсот тысяч рублей;

– третий этап (с мая 2011 г. по июль 2016 г.) характеризуется отказом от твёрдого эквивалента штрафа и установлением беспрецедентных сумм штрафа от десяти- до пятидесятикратного

размера. Данный этап, как представляется, можно считать наименее проработанным решением законодателя, поскольку такая кратность в совокупности с отказом от твёрдого эквивалента привела к тому, что суды были вынуждены назначать альтернативные наказания;

– заключительный, четвёртый этап (с июля 2016 г. по настоящее время) связан, если можно так сказать, с «доработкой» поспешного законодательного решения 2016 года и характеризуется снижением как нижнего порога суммы штрафа до пятикратного размера, так и верхнего порога до двадцатикратного, а также возвращением в санкцию твёрдого эквивалента.

Некоторые вопросы вызывает также законодательный подход к изменению наказуемости коммерческого подкупа лишением свободы. В данном случае повышение предельного срока лишения свободы в 2008 году до трёх лет вплоть до 2016 года в совокупности с указанными выше особенностями третьего этапа привели к тому, что с 2011 по 2016 год лица, совершившие коммерческий подкуп, оказались в существенно худшей ситуации, нежели лица, совершившие аналогичные деяния в иные периоды (как до декабря 2008 года, так и после июля 2016 года).

Можно сделать вывод о наличии в действиях законодателя признаков, свойственных гуманистическим началам, в части работы с санкцией ч. 1 ст. 204 УК РФ, однако последовательной такую деятельность назвать нельзя по следующим основаниям:

– во-первых, исключение нижних пределов санкций в 2003 г. с учётом правоприменительных реалий сказывается на практике назначения наказания в части существенного его снижения, что в целом не может не признаваться признаком гуманизма. Безусловно, проблема широты границ судебного усмотрения в настоящее время как никогда актуальна, однако, стоит согласиться, что при должном уровне профессионализма судей и при условии соблюдения принципов справедливости и индивидуализации наказания гуманистические начала также будут учтены;

– во-вторых, несмотря на существенный рост максимальной суммы штрафа (с двадцати минимальных размеров оплаты труда до четырехсот тысяч рублей) с учётом времени действия уголовного закона, составляющего четверть века, а также кризисных явлений мирового и российского уровня, следствием которых стала инфляция, существенно выходящая за рамки прогнозных значений Центрального банка России, говорить о том, что данный рост противоречит принципу гуманизма в той части, в которой предполагает возможность назначения несоразмерно большой суммы штрафа, признаем дискуссионным;

– в-третьих, введённая с 2016 г. кратность может с уверенностью называться гуманным проявлением уголовно-правовой политики, поскольку произошло существенное снижение как нижнего (в два раза), так и верхнего (в два с половиной раза) пределов кратности;

– в-четвертых, повторимся относительно неоднозначной оценки динамики изменения санкции в виде лишения свободы, тем не менее отметив, что, на наш взгляд, изменения, внесённые в данную часть в 2016 году (на данный момент окончательные) можно характеризовать как соответствующие принципу гуманизма.

Продолжая рассмотрение вопроса реализации отечественным законодателем принципа гуманизма, позволим себе привести точку зрения М. М. Бабаева, который в качестве показателя действий законодателя, в той или иной степени ужесточающих правила реализации уголовной ответственности, указывал на расширение перечня отягчающих наказание обстоятельств [1].

Для ответа на вопрос о том, в каком направлении, с точки зрения гуманизма уголовно-правовой политики, идёт законодатель, реформируя Уголовный кодекс России в части смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств, проанализируем законодательные коррективы десятой главы уголовного закона:

– в 2003 году из перечня отягчающих обстоятельств была исключена неоднократность (ФЗ от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ);

– в 2010 году законодатель дополнил перечень отягчающих наказание обстоятельств п. «о» «совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел» (ФЗ от 22 июля 2010 г. № 155-ФЗ);

– в 2012 году исчерпывающий перечень отягчающих обстоятельств вновь был расширен, и в соответствии с п. «п» ответственность была ужесточена за совершение преступления в отношении несовершеннолетних лицами, ответственными за их воспитание (родителями, педагогическими работниками и т.д.) (ФЗ от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ);

– в 2013 году ст. 63 УК РФ была дополнена ч. 1.1, в соответствии с которой у суда появилось право признания отягчающим обстоятельством совершение преступления в состоянии опьянения (ФЗ от 21 октября 2013 г. № 270-ФЗ);

– в 2014 году произошло очередное дополнение перечня отягчающих обстоятельств п. «р», который установил повышенную ответственность за совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма (ФЗ от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ).

Говоря о внесённых законодателем изменениях в нормы, регламентирующие обстоятельства, смягчающие наказание, стоит отметить:

– в 2008 году законодатель скорректировал ст. 62 УК РФ, указав на то, что если ранее для получения права на снижение назначаемого срока или размера наказания до трёх четвертей от максимально возможного необходимо было наличие смягчающих обстоятельств, предусмотренных как п. «и» (явка с повинной, активное содействие...), так и п. «к» (возмещение имущественного ущерба, заглаживание вреда...), то после вступления изменений в силу для получения указанного права допустимо совершение действий, предусмотренных либо п. «и» либо п. «к» (ФЗ от 14 февраля 2008 г. № 11-ФЗ).

Кроме того, этим же законодательным актом было установлено, что вышеуказанные положения не применяются, если санкция статьи Особенной части УК РФ предусматривает пожизненное лишение свободы или смертную казнь;

– в 2009 году законодатель скорректировал рамки назначаемого при наличии обстоятельств, предусмотренных ч. 1 ст. 62 УК РФ, наказания с трёх четвертей до двух третей.

Кроме того, с учётом появления в российском уголовно-процессуальном законодательстве института досудебного соглашения о сотрудничестве в части назначения наказания были установлены требования, в соответствии с которыми при заключении данного соглашения, явке с повинной (активном содействии и т. д.) и отсутствии отягчающих обстоятельств срок и размер наказания не может превышать половины максимально возможного.

Отдельно отметим, что из общего правила, не допускающего применения ч. 1 ст. 62 УК РФ в случае наличия в статье Особенной части УК РФ пожизненного лишения свободы или смертной казни, сделано исключение, устанавливающее, что заключение досудебного соглашения о сотрудничестве предполагает как невозможность применения данных видов наказаний, так и необходимость снижения назначаемого наказания по меньшей мере до двух третей от предусмотренного статьёй Особенной части УК РФ;

– в 2011 в ст. 63 УК РФ году были внесены поправки, которые расширили возможности суда в части применения п. «а» ч. 1 данной статьи, и если ранее смягчающим обстоятельством признавалось совершение впервые преступления небольшой тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств, то сейчас таким признавалось совершение преступления как небольшой, так и средней тяжести (ФЗ от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ).

Кроме того, данным законодательным актом ст. 62 УК РФ была дополнена ч. 5, в соответствии с которой наказание, назначенное лицу, согласившемуся с предъявленным ему обвинением, не может превышать двух третей от максимально возможного в санкции статьи Особенной части УК РФ;

– в 2013 году положение ч. 5 ст. 62 УК РФ претерпели изменения в части уточнения ситуации производства по уголовному делу, дознание по которому проводилось в сокращённой форме, предусматривающие назначение наказания не более одной второй от максимально возможного наказания за совершённое преступление.

Вышеуказанная деятельность законодателя с точки зрения принципа гуманизма уголовно-правовой политики может быть интерпретирована следующим образом:

1) во-первых, стоит выделить те законодательные коррективы, которые можно с большой степенью уверенности отнести к проявлениям гуманистических начал, это:

– исключение неоднократности;
 – корректировка ч. 1 ст. 62 УК РФ относительно снижения назначаемого наказания при совершении одного из действий, предусмотренных или п. «и» или п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ;

– корректировка рамок назначаемого при наличии обстоятельств, предусмотренных ч. 1 ст. 62 УК РФ наказания с трёх четвертей до двух третей;

– регламентация особенностей назначения наказания при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, согласия обвиняемого с предъявленным обвинением как в части неприменимости самых строгих наказаний, так и ограничения при применении иных видов наказаний;

2) во-вторых, такие законодательные коррективы, как установка на неприменимость положений ч. 1 ст. 62 УК РФ, если санкция статьи Особенной части УК РФ предусматривает пожизненное лишение свободы или смертную казнь; ужесточение ответственности при совершении преступления в отношении несовершеннолетних лицами, ответственными за их воспитание; возможность признатьотягчающим обстоятельством совершение преступления в состоянии опьянения признаем соответствующим требованиям гуманизации в целом.

В качестве иллюстрации относительно признания отягчающим обстоятельством совершения преступления в состоянии опьянения стоит привести точку зрения А. А. Гребенькова, согласно которой взаимосвязь употребления алкоголя и агрессивного поведения свидетельствует о повышенной опасности лиц, осведомлённых о наличии предрасположенности к агрессии, возможных неблагоприятных последствиях употребления алкоголя, и, несмотря на это, доводящих себя до состояния опьянения [15, с. 50]. Здесь стоит поддержать законодателя в диспозитивности установки на учёт данных обстоятельств судом. Подход, предполагающий дифференциацию ответственности в отношении лиц, злоупотребляющих алкогольными напитками, представляется достаточно гуманным по отношению к обществу, особенно в свете научных исследований, доказывающих необходимость создания государственной целевой программы по борьбе с пьянством и алкоголизмом [16].

В-третьих, включение в перечень отягчающих наказание обстоятельств совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел, равно как совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма, мы склонны признать скорее отступлением от уголовно-правового принципа гуманизма.

Сказанное аргументируем тем, что, говоря, к примеру, о совершении умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел, мы склонны согласиться с авторами, обосновывающими необходимость исключения данного отягчающего наказание обстоятельства из уголовного закона [17]. Справедливо, что при со-

вершении преступления в рамках исполнения должностных обязанностей таким сотрудником факт злоупотребления служебным положением будет учитываться в границах конкретной статьи Особенной части УК РФ как составляющая должностного преступления. Если говорить об ином умышленном преступлении, то в отсутствие связи с исполняемыми служебными обязанностями говорить о какой бы то ни было повышенной общественной опасности не приходится, что и приводит нас к выводу о несоответствии законодательного положения принципу гуманизма.

Говоря об отягчающем обстоятельстве – совершении преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма – стоит отметить, что терроризм в действительности признается одной из глобальных проблем современности⁴. Осознавая данный факт, законодатель на протяжении последних лет кардинально пересмотрел отношение к данному асоциальному явлению: начиная с повышения максимальной санкции в ч. 1 ст. 205 УК РФ с десяти до пятнадцати лет лишения свободы до дополнения уголовного закона составами содействия террористической деятельности, публичного оправдания или пропаганды терроризма, обучения в целях осуществления террористической деятельности, организации и участия в террористическом сообществе или террористической организации, несообщения о террористических преступлениях.

Отметим, что данные нововведения получили достаточно неоднозначную, если не сказать скорее отрицательную оценку учёных [18; 19], в том числе ввиду множественности возникших правовых коллизий [20]. В то же время из-за подчас признаваемой даже слишком детальной уголовной регламентации экстремистских и террористических проявлений представляется, что дополнение статьи таким отягчающим наказанием обстоятельством, как совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма, излишне.

Заключение

В качестве выводов стоит отметить следующее.

Во-первых, гуманизм как конституционное положение, одновременно нормативно закреплённое в уголовном законе, в настоящее время доктринально признается принципом уголовной политики, под которым мы понимаем императивное требование необходимости при определении и реализации стратегии борьбы

⁴ См.: Калинин А. Е. Современный терроризм: этнополитический и региональный контекст : автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Ставрополь, 2009. – 19 с.; Григоров А. А. Уголовно-правовая ответственность за терроризм в современном праве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2012. – 31 с.; Азимов Р. А. Терроризм как фактор дестабилизации современного российского общества и государства: детерминанта, идеология, механизмы предупреждения : автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Нижний Новгород, 2013. – 27 с.

с преступностью исходить из приоритета прав человека как высшей ценности.

Во-вторых, в целях корректного понимания принципа гуманизма применительно к уголовной политике представляется возможным выделить ряд направлений деятельности государства в рамках реализации уголовной политики, сформированных в виде последовательных этапов (стадий) борьбы с преступностью: стадия выявления и определения наиболее общественно опасных деяний и деяний, утративших общественную опасность, в целях решения вопроса о целесообразности корректировки уголовного закона; стадия установления правовых основ борьбы с преступностью; стадия привлечения лиц, совершивших преступление, к ответственности; стадия ресоциализации отбывших наказание. При этом на каждой стадии существует специфика реализации требований гуманизма.

В-третьих, отвечая на вопрос о принципиальной возможности наиболее суровых наказаний, к примеру, пожизненного лишения свободы, именоваться гуманными, мы пришли к выводу о допустимости такой формулировки ввиду того обстоятельства, что уголовно-правовое содержание гуманизма предопределено тем, что в структуре рассматриваемых правоотношений стоит выделять два ключевых субъекта – преступника и государство (представляющее интересы общества). Столь суровое наказание может именоваться гуманным, поскольку оно гуманно по отношению именно к обществу и позволяет обезопасить членов общества от лица, оставить которое на свободе не представляется возможным.

В-четвертых, относительно реализации принципа гуманизма в уголовно-правовой политике анализ изменения санкции ч. 1 ст. 204 УК РФ позволил утверждать, что не представляется возможным дать однозначную оценку де-

ятельности законодателя в контексте гуманизма. С одной стороны, как исключение нижних пределов в санкции статьи, так и снижение как верхних, так и нижних границ кратности наказания мы склонны причислять к проявлениям гуманизма, равно как и обоснованное увеличение твёрдой суммы штрафа вплоть до существующей в настоящее время. С другой стороны, факты как отказа от твёрдой суммы штрафа, так и повышения максимального наказания в виде лишения свободы с двух до трёх лет в период с 2008 по 2016 год признавать реализацией гуманистических начал считаем достаточно дискуссионным. Думается, наиболее корректным будет именовать действия законодателя как «непоследовательные, но в целом соответствующие требованиям принципа гуманизма».

В-пятых, также неоднозначную тенденцию стоит отметить относительно реализации принципа гуманизма при законодательных корректировках обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание. Факты исключения неоднократности; корректировки ч. 1 ст. 62 УК РФ как относительно снижения назначаемого наказания при совершении одного из действий, предусмотренных или п. «и» или п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, так и относительно рамок назначаемого наказания с трёх четвертей до двух третей; закрепления особенностей назначения наказания при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, согласия обвиняемого с предъявленным обвинением с уверенностью можно отнести к проявлениям законодательного гуманизма. В то же время признаем дискуссионным отнесение к действиям в соответствии с принципом гуманизма включение в перечень отягчающих наказание обстоятельств совершения умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел, а также совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма.

Список литературы

1. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Изменения российского уголовного закона и их уголовно-политическая оценка // Государство и право. – 2012. – № 8. – С. 35–45.
2. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. – Москва: Волтерс Клувер, 2009. – 579 с.
3. Побегайло Э. Ф. Об углубляющемся кризисе российской уголовной политики // Современные проблемы уголовной политики : материалы III Международной научно-практической конференции (Краснодар, 28–30 сентября 2012 года): в 2 т. / под ред. А. Н. Ильяшенко. – Т. 1. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России. – 2012. – С. 14–24.
4. Вопленко Н. Н. Понятие и классификация принципов права // Ленинградский юридический журнал. – 2014. – № 4. – С. 35–48.
5. Лекторский В. А. Идеалы и реальность гуманизма // Вопросы философии. – 1994. – № 6. – С. 22–28.
6. Миллер В. И. Осмысление сущности феномена «Право» в гуманистической традиции // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2017. – № 39. – С. 133–140. DOI: 10.17223/1998863X/39/14.
7. Миллер В. И. Философское познание сущности и многообразия природы права и гуманизма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2017. – № 40. – С. 122–131. DOI: 10.17223/1998863X/40/12.
8. Загвязинский В. И. Реальный гуманизм и тенденции развития образования // Образование и наука. Известия Уральского научно-образовательного центра РАО. – 2000. – № 1. – С. 10–15.
9. Нигматов З. Г. Принципы гуманизма и аксиологии в образовании // Образование и саморазвитие. – 2015. – № 2. – С. 138–144.
10. Балл Г. А. Рациогуманизм как форма современного гуманизма и его значение для методологии человековедения // Мир психологии. – 2013. – № 3. – С. 208–223.
11. Балл Г. А. Психологические принципы современного гуманизма // Вопросы психологии. – 2009. – С. 3–12.
12. Побегайло Э. Ф. Криминологическая обоснованность современной уголовной политики: проблемные вопросы и пути их решения / сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции, посвящён-

ной памяти профессором кафедры уголовного права В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2016. – 618 с. (С. 10–19).

13. *Побегайло Э. Ф.* Проблема гуманизации российского уголовного законодательства в современных условиях // Российский криминологический взгляд. – 2011. № 2. – С. 203–207.

14. *Побегайло Э. Ф.* К вопросу о криминологической обоснованности дальнейшей гуманизации российского уголовного законодательства // Общество & человек. – 2011. – № 1. – С. 68–71.

15. *Гребеньков А. А.* Алкогольное опьянение и агрессивное поведение человека: уголовно-правовой и криминологический аспекты // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2012. – № 2. – С. 47–51.

16. *Ендольцева А. В., Никитин А. М.* Пьянство, его истоки и криминологическая сущность // Российский следователь. – 2013. – № 13. – С. 27–30.

17. *Муромцев Г. И., Сорочкин Р. А.* Проблемы применения п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ в рамках уголовно-правового механизма борьбы с коррупцией // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2012. – № 55. – С. 11–17.

18. *Рарог А. И.* Уголовный кодекс России против терроризма // Lex Russica (Русский Закон). – 2017. – № 4. – С. 155–178. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.125.4.155-178.

19. *Иванцов С. В.* Организованные формы террористической и экстремистской деятельности: регламентация и реализация ответственности // Общество и право. – 2016. – № 2. – С. 91–97.

20. *Ульянова В. В.* Проблемы реализации уголовной ответственности за содействие террористической деятельности в форме финансирования терроризма // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 3. – С. 442–447.

References

1. *Babayev M. M., Pudovochkin Yu. Ye.* Izmeneniya rossiyskogo ugovolnogo zakona i ikh ugovolno-politicheskaya otsenka // Gosudarstvo i pravo. – 2012. – № 8. – С. 35–45.

2. *Lopashenko N. A.* Ugolovnaya politika. – Moskva: Volters Kluver, 2009. – 579 s.

3. *Pobegaylo E. F.* Ob uglublyayushchemsya krizise rossiyskoy ugovolnoy politiki // Sovremennyye problemy ugovolnoy politiki : materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Krasnodar, 28–30 sentyabrya 2012 goda): v 2 t. / pod red. A. N. P'yashenko. – T. 1. – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii. – 2012. – С. 14–24.

4. *Voplenko N. N.* Ponyatiye i klassifikatsiya printsipov prava // Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal. – 2014. – № 4. – С. 35–48.

5. *Lektorskiy V. A.* Idealy i real'nost' gumanizma // Voprosy filosofii. – 1994. – № 6. – С. 22–28.

6. *Miller V. I.* Osmysleniye sushchnosti fenomena «Pravo» v gumanisticheskoy traditsii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. – 2017. – № 39. – С. 133–140. DOI: 10.17223/1998863X/39/14.

7. *Miller V. I.* Filosofskoye poznaniye sushchnosti i mnogoobraziya prirody prava i gumanizma // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. – 2017. – № 40. – С. 122–131. DOI: 10.17223/1998863X/40/12.

8. *Zagvyazinskiy V. I.* Real'nyy gumanizm i tendentsii razvitiya obrazovaniya // Obrazovaniye i nauka. Izvestiya Ural'skogo nauchno-obrazovatel'nogo tsentra RAO. – 2000. – № 1. – С. 10–15.

9. *Nigmatov Z. G.* Printsipy gumanizma i aksiologii v obrazovanii // Obrazovaniye i samorazvitiye. – 2015. – № 2. – С. 138–144.

10. *Ball G. A.* Ratsiogumanizm kak forma sovremennogo gumanizma i yego znacheneye dlya metodologii chelovekovedeniya // Mir psikhologii. – 2013. – № 3. – С. 208–223.

11. *Ball G. A.* Psikhologicheskiye printsipy sovremennogo gumanizma // Voprosy psikhologii. – 2009. – С. 3–12.

12. *Pobegaylo E. F.* Kriminologicheskaya obosnovannost' sovremennoy ugovolnoy politiki: problemnyye voprosy i puti ikh resheniya / sbornik trudov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchonnoy pamyati professorov kafedry ugovolnogo prava V. A. Yeleonskogo i N. A. Ogurtsova. – Ryzan': Akademiya prava i upravleniya Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2016. – 618 s. (С. 10–19).

13. *Pobegaylo E. F.* Problema gumanizatsii rossiyskogo ugovolnogo zakonodatel'stva v sovremennykh usloviyakh // Rossiyskiy kriminologicheskiy vzglyad. – 2011. № 2. – С. 203–207.

14. *Pobegaylo E. F.* K voprosu o kriminologicheskoy obosnovannosti dal'neyshey gumanizatsii rossiyskogo ugovolnogo zakonodatel'stva // Obshchestvo & chelovek. – 2011. – № 1. – С. 68–71.

15. *Greben'kov A. A.* Alkogol'noye op'yaneniye i agressivnoye povedeniye cheloveka: ugovolno-pravovoy i kriminologicheskiy aspekty // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. – 2012. – № 2. – С. 47–51.

16. *Yendol'tseva A. V., Nikitin A. M.* P'yanstvo, yego istoki i kriminologicheskaya sushchnost' // Rossiyskiy sledovatel'. – 2013. – № 13. – С. 27–30. 17. *Muromtsev G. I., Sorochkin R. A.* Problemy primeneniya p. «о» ch. 1 st. 63 UK RF v ramkakh ugovolno-pravovogo mekhanizma bor'by s korruptsiyey // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskiye nauki. – 2012. – № 55. – С. 11–17.

18. *Rarog A. I.* Ugolovnyy kodeks Rossii protiv terrorizma // Lex Russica (Russkiy Zakon). – 2017. – № 4. – С. 155–178. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.125.4.155-178.

19. *Ivantsov S. V.* Organizovannyye formy terroristicheskoy i ekstremistskoy deyatel'nosti: reglamentatsiya i realizatsiya otvetstvennosti // Obshchestvo i pravo. – 2016. – № 2. – С. 91–97.

20. *Ulyanova V. V.* Problemy realizatsii ugovolnoy otvetstvennosti za sodeystviye terroristicheskoy deyatel'nosti v forme finansirovaniya terrorizma // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. – 2014. – № 3. – С. 442–447.

Статья поступила в редакцию 24.06.2022; одобрена после рецензирования 04.11.2022; принята к публикации 20.11.2022.

The article was submitted June 24, 2022; approved after reviewing November 4, 2022; accepted for publication November 20, 2022.

Научная статья
УДК: 343.98
doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-142-148

Сергей Валерьевич Пахомов
кандидат юридических наук, доцент
svpakhomov@inbox.ru

*Ростовский юридический институт МВД России
Российская Федерация, 344015, Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

Отдельные теоретические вопросы определения форм и видов взаимодействия, осуществляемого в ходе раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в сфере агропромышленного комплекса

Аннотация: Правоприменительная практика показывает, что установление обширного круга обстоятельств в ходе раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в сфере агропромышленного комплекса, представляется затруднительным без участия в данном процессе должностных лиц органов исполнительной власти, осуществляющих контроль и надзор за субъектами в указанной сфере.

Цель исследования заключается в анализе проблемных аспектов определения форм и видов взаимодействия, осуществляемого в ходе раскрытия и расследования преступлений.

Автором также обосновывается необходимость сочетания разных методов и средств в процессе раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в сфере АПК.

В процессе анализа применяется системный подход, методы аналогии, исследования документов.

Закономерности раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в сфере агропромышленного комплекса, предопределяют значимость уточнения отдельных теоретических положений, связанных с выделением форм и видов взаимодействия. Особенность взаимодействия проявляется в рациональном сочетании средств и методов, которыми наделены должностные лица правоохранительных органов и государственных органов, осуществляющих контроль и надзор за деятельностью участников агропромышленной деятельности. Формирование научно обоснованных рекомендаций, связанных с предметом рассмотрения, основывается на специфике правовых, организационных и тактических аспектов взаимодействия на ведомственном и межведомственном уровнях.

Ключевые слова: расследование преступлений, сфера агропромышленного комплекса, субъекты взаимодействия, формы взаимодействия, контрольно-надзорные органы

Для цитирования: Пахомов С. В. Отдельные теоретические вопросы определения форм и видов взаимодействия, осуществляемого в ходе раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в сфере агропромышленного комплекса // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4 (96). – С. 142–148; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-142-148.

Sergey V. Pakhomov
Cand. Sci (Jurid.), Docent
svpakhomov@inbox.ru

*Rostov Law Institute of the MIA of Russia
83, Eremenko str., Rostov-on-Don, 344015, Russian Federation*

Certain theoretical issues of determining forms and kinds of interaction in investigating and solving crimes committed in the sphere of agro-industrial complex

Abstract: Law enforcement practice reveals difficulties in establishing a wide range of circumstances in investigating and solving crimes committed in the sphere of agro-industrial complex. The reality requires the participation of the executive authorities' officials in monitoring and supervising subjects involved in this area.

The purpose of the study is to analyse the problematic aspects of determining forms and kinds of interaction in investigating and solving crimes.

The author also substantiates the need to combine different methods and means in investigating and solving crimes committed in the agro-industrial complex.

The analysis is based on the systematic approach, as well as on the methods of analogy, documents examination.

The patterns of investigating and solving crimes committed in the agro-industrial complex predetermine the need to clarify certain theoretical provisions related to highlighting forms and types of interaction. The peculiarity of interaction seems to be in a rational combination of means and methods that law enforcement agencies' and state bodies' officials monitoring and supervising agro-industrial activities are endowed with. The formation of scientifically-based recommendations related to the research subject is build upon the specifics of the legal, organizational and tactical aspects of interaction at the departmental and interdepartmental levels.

Keywords: crimes investigation, sphere of the agro-industrial complex, subjects of interaction, forms of interaction, control and supervisory authorities

For citation: Pakhomov S. V. Certain theoretical issues of determining of forms and kinds of interaction exercised during the disclosure and investigation of crimes committed in the sphere of agro-industrial complex // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 4 (96). – P. 142–148; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-142-148.

В развитие изложенных нами в предшествующих публикациях положений, касающихся отдельных аспектов раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в сфере агропромышленного комплекса [1; 2; 3], предпримем попытку дальнейшего освещения теоретических проблем, связанных с определением форм и видов взаимодействия, осуществляемого в рамках указанной криминалистической деятельности.

Бытующее в криминалистической науке представление о взаимодействии как о согласованной по целям и задачам, времени и месту совместной деятельности следователя и сотрудников органа дознания, направленной на решение задач уголовного судопроизводства, лишь частично отражает сущностные характеристики взаимодействия при раскрытии и расследовании преступлений, совершаемых в сфере агропромышленного комплекса (далее – АПК). Правоприменительная практика показывает, что установление обширного круга обстоятельств представляется затруднительным без участия в данном процессе должностных лиц органов исполнительной власти, осуществляющих контроль и надзор (далее – КНО) за субъектами АПК. Взаимообусловленные начала деятельности указанных должностных лиц и субъектов раскрытия и расследования предполагают

реализацию разных по правовым основаниям, форме и содержанию методов выявления и закрепления криминалистически значимых сведений, но деятельность во взаимосвязи таких методов приводит к успешному разрешению соответствующих криминалистических задач.

Необходимость сочетания разных методов и средств в процессе раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в сфере АПК, также подтверждается разрабатываемыми на ведомственном уровне нормативными правовыми актами (далее – НПА), которые содержат положения, определяющие алгоритмы совместной деятельности правоохранительных органов и КНО. Такие документы предполагают разные уровни отношений между указанными должностными лицами, которые выражаются:

- в совместной выработке механизмов предупреждения и профилактики преступлений и правонарушений в сфере агропромышленной деятельности;

- в совместном участии субъектов данных отношений в процессуальных действиях и непроцессуальных мероприятиях по выявлению, раскрытию и расследованию указанных преступлений;

- в обмене информацией, необходимой для дальнейшего принятия субъектом раскрытия и расследования организационных и процессу-

альных решений в ходе раскрытия и расследования преступлений в сфере АПК.

Вышесказанное приводит к необходимости уточнения отдельных криминалистических теоретических положений, формирующих представление о форме и видах взаимодействия, осуществляемого в ходе раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в сфере АПК.

В криминалистической науке традиционно формы взаимодействия подразделяются на два вида – процессуальное и непроцессуальное. В первом случае основанием для отнесения взаимодействия к процессуальной форме являются положения, содержащиеся в уголовно-процессуальном законе, закрепляющие процессуальный порядок и условия указанного вида процессуальной деятельности. Отношения субъектов, выстраиваемые за рамками уголовно-процессуальных предписаний, основанные на положениях титульных законов, ведомственных или межведомственных приказов, инструкций и рекомендаций, отнесены к непроцессуальной форме взаимодействия. К ней же относятся и отношения, направленные на решение ряда организационных задач расследования (планирование расследования, проведение совместных совещаний, получение консультаций у специалистов и др.), поэтому иногда такая форма взаимодействия именуется организационной.

Фактически одним из оснований выделения указанных форм взаимодействия является наличие правовой регламентации, определяющей различные организационно-тактические аспекты его осуществления. Однако заметим, что разработка подзаконных НПА, касающихся организации взаимодействия, так или иначе, базируется на нормах уголовно-процессуального закона, конкретизируя его, определяя механизмы реализации задач, разрешаемых субъектами взаимодействия. Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что нормативное регулирование, затрагивающее отношения в области взаимодействия субъектов одной или разной ведомственной принадлежности, осуществляется совокупностью разнообразных правовых норм. Поскольку процессуальный закон и непроцессуальные (подведомственные) нормативно-правовые акты определяют и юридическую форму, и тактическое содержание, то такую форму взаимодействия следует определить как *процессуально-процедурную*¹. Следовательно, процессуально-процедурное взаимодействие определяется с учётом двух ключевых условий: наличие действующих правовых средств конкретной отрасли правоотношений и закрепление определённого порядка (процедуры) проведения каких-либо действий и принятия решений [4, с. 167]. Непроцессуальное взаимо-

действие, как было отмечено нами выше, следует обозначать рамками решения отдельных организационных задач расследования.

Вместе с тем необходимо выделить одно важное обстоятельство, которое является признакообразующим при определении того, в каком случае должностное лицо КНО может быть отнесено к субъекту взаимодействия, а в каком случае таковым не является. Ключевыми элементами в этом контексте, как мы полагаем, следует назвать целеобусловленность и совместное достижение поставленной цели. Таким образом, целесообразно выделить такие виды взаимодействия, как *непосредственное* и *опосредованное*. Непосредственное взаимодействие определяется характером действий, осуществляемых должностными лицами КНО и субъектами расследования, выражающихся в реализации специфических средств и методов, которыми они наделены в соответствии с законом [5, с. 145–146], возможностью самостоятельного, но при этом согласованного принятия организационных или тактических решений, без которых затруднено или невозможно выявление, собирание и исследование доказательств. Опосредованное взаимодействие не предполагает прямого участия должностного лица КНО в процедурах решения задач раскрытия и расследования, а использование субъектом расследования потенциала КНО ограничено потребностью в получении криминалистически значимой информации за счёт её ресурсов и установленной соотношением обязанностей КНО представления соответствующей информации. В связи с этим полагаем верным говорить о такой разновидности взаимодействия, как *содействие* одного должностного лица другому. Таким образом, непосредственное взаимодействие характеризуется выраженным активно-функциональным признаком, а опосредованное – пассивно-функциональным признаком, которые выступают основополагающими при определении соответствующих направлений взаимодействия, в том числе с участием должностных лиц КНО.

Обозначив ранее три основных направления, рассмотрим их подробнее.

Первое направление взаимодействия при раскрытии и расследовании преступлений, совершаемых в сфере АПК, заключается в совместном участии субъектов данных отношений в процессуальных действиях и непроцессуальных мероприятиях по собиранию, исследованию и оценке доказательств. В рамках указанного направления субъектами взаимодействия применяются присущие их компетенции методы поиска, анализа, исследования и др. При этом реализация указанных функций возможна в условиях одновременного коллективного участия субъектов одного или разных ведомств в решении одной определённой промежуточной задачи расследования (ситуация 1) либо на протяжении всего процесса расследования с периодическим участием того или иного субъекта в решении ряда криминалистических задач (ситуация 2).

¹ Под «процедурой» нами понимается официально установленный или принятый порядок, последовательность, способ действий: См.: Процедура [Электронный ресурс] // Сайт «Социологический словарь». – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/social/ПРОЦЕДУРА> (дата обращения: 16.08.2022).

Проявление первой ситуации типично в условиях безотлагательности установления и закрепления первичной криминалистически значимой информации, отражающей данные об основных признаках преступления, при которых наиболее ярко проявляются закономерности активного межведомственного взаимодействия. В данной ситуации руководящими началами выступают межведомственные нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы осуществления совместных действий по выявлению и закреплению необходимой криминалистически значимой информации. Так, например, имеется положительная практика совместного участия сотрудников ОВД и должностных лиц налоговых органов в выездных налоговых проверках субъектов агропромышленной деятельности, алгоритм проведения которых определён межведомственным приказом². В качестве положительного примера следует выделить и межведомственный приказ, утвердивший Инструкцию о порядке взаимодействия при выявлении, пресечении, расследовании и раскрытии преступлений в сфере лесопользования³. Данный нормативный акт прямо не относится к объекту исследуемых нами отношений, но наглядно свидетельствует о важности правильного сочетания специальных средств и методов в условиях целенаправленного, взаимообусловленного компетентностного подхода. Полагаем, что разрешение задач расследования рассматриваемых нами преступлений станет эффективным при принятии подобной инструкции с учётом имеющихся в правоприменительной практике аналогий.

Вторая ситуация охватывается примерами взаимодействия должностных лиц правоохранительных органов в условиях функционирования различных организационно-управленческих систем, таких как следственно-оперативная группа и следственная группа. Изучение правоприменительной практики свидетельствует о том, что деятельность следователя, сотрудников ЭБиПК, специалистов в составе СОГ на ведомственном уровне осуществляется, как правило, на этапе проверки сообщения о преступлении или на начальном этапе расследования, когда существует необходимость безотлагательного установления основной группы обстоятельств преступления (личности преступника, способа совершения, предварительных сумм ущерба и пр.), однако на последующих этапах расследования активность субъектов взаимодействия в составе СОГ снижается.

² Об утверждении порядка взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых правонарушений и преступлений : приказ МВД России № 495, приказ ФНС России № ММ-7-2-347 от 30 июня 2009 г. (в ред. от 12 ноября 2013 г.) [Электронный ресурс] // СПС Гарант – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12169413/> (дата обращения: 17.10.2022).

³ Об утверждении Инструкции о порядке взаимодействия при выявлении, пресечении, расследовании и раскрытии преступлений в сфере лесопользования : приказ Генпрокуратуры России № 740, МВД России № 758, МЧС России № 502, Минприроды России № 598, СК России № 104, ФТС России № 1807 от 08.11.2018 г.

Причин тому несколько, и основная – то, что сотрудники ЭБиПК прежде всего ориентированы на раскрытие преступления, которое считается таковым, когда установлено лицо, совершившее преступление, а факт раскрытия находит отражение в материалах ведомственной статистической отчётности (выставляется статистическая карточка по форме 1 на выявленное преступление). Сама по себе СОГ носит временный характер и, несмотря на то, что отношения между следователем и оперативным сотрудником имеют элементы сотрудничества и соподчинения, фактически следователь не обеспечен гарантиями властно-распорядительных полномочий [6, с. 64].

Эти и другие факторы говорят в пользу создания *постоянно действующей СОГ* из числа должностных лиц правоохранительного органа, осуществляющих деятельность по линейному принципу. Специализация указанных субъектов позволяет реализовывать специфические знания и навыки, эффективно применять специфические средства и методы выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершенных в сфере АПК⁴.

Однако их расследование чаще всего осуществляется на межведомственном уровне с участием должностных лиц правоохранительных органов разной подведомственности, что предопределяет особенности выстраивания организационно-управленческой структуры взаимодействия. Схожие проблемы возникают и на межведомственном уровне взаимодействия, однако, если в пределах одного ведомства (органов внутренних дел) действует соответствующий нормативный правовой акт, регулирующий отношения в части создания и функционирования СОГ, то порядок создания межведомственных СОГ на законодательном уровне пока ещё не урегулирован.

Таким образом, повышение эффективности взаимодействия должностных лиц правоохранительных органов как на ведомственном, так и на межведомственном уровнях при раскрытии и расследовании преступлений в сфере АПК возможно путём принятия нормативного правового акта, регулирующего порядок создания и функционирования постоянно действующей следственно-оперативной группы на условиях прямого процессуального подчинения всех субъектов взаимодействия в рамках решения задач расследования.

Здесь следует отметить, что структура СОГ не должна ограничиваться включением на постоянной основе в неё следователя и опе-

⁴ Так, в структуре региональных управлений ЭБ и ПК, как правило, создаются отделы, на которые возложены обязанности по противодействию преступлениям в агропромышленном комплексе. В следственных подразделениях МВД России функционируют отделы (отделения) созданные для расследования преступлений в сфере экономики. В структуре управлений (межрайонных отделов) ЭБ и ПК созданы отделы (отделения) документальных исследований, а в экспертных учреждениях МВД РФ и НИЛСЭ Минюста России осуществляют деятельность специалисты в той области специальных знаний, которые необходимы при расследовании преступлений в сфере АПК и т. д.

ративного сотрудника (оперативных сотрудников). Специфика преступлений, совершаемых в сфере АПК, свидетельствует о преобладании в следовой картине признаков длящихся во времени преступных деяний, а сами следы распределяются в разных документах (финансовых, организационных, регистрационных и др.) и на разных носителях (бумажных, электронных), находящиеся не только в распоряжении подозреваемого, но и в различных органах (налоговых, нотариальных и др.). Распределённые следы преступления и его последствия, как правило, выявляются в процессе группового анализа всей совокупности указанных документов, в которых отражаются признаки нарушения установленного законом порядка закрепления фактов финансово-хозяйственной деятельности, несоответствия данных и прочие признаки [7, с. 66]. Субъектом аналитической деятельности выступает специалист-экономист, а выявление, фиксация и анализ документов осуществляются на протяжении практически всего расследования; именно в этом контексте роль специалиста в установлении криминалистически значимой информации важна, поэтому включение подобного специалиста на условиях обязательного участника взаимодействия в рамках постоянно действующей СОГ, по нашему мнению, является обоснованной необходимостью.

Кроме того, полагаем, что постоянно действующая СОГ создаст хорошие условия для возникновения устойчивых профессиональных связей с КНО и отдельными коммерческими организациями (региональные структуры Минсельхоза, банковские организации, налоговые органы, органы Роспотребнадзора и др.), позволяющие использовать их потенциал в ходе расследования преступлений, оперативно получать необходимые сведения, при необходимости привлекать к участию в процессуальных и иных мероприятиях должностных лиц указанных органов и организаций и т. д.

Второе немаловажное направление взаимодействия выражается в совместном участии субъектов правоохранительных ведомств и КНО в выработке механизмов предупреждения и профилактики преступлений и правонарушений, совершаемых в сфере АПК. Данное направление работы всех органов государственной власти строится в соответствии со стратегиями развития различных сфер общественных отношений. Не является исключением и социально-экономическое развитие (и в целом экономическая безопасность государства), обеспечение которого призвана осуществить, в том числе, агропромышленная сфера. Поэтому деятельность по разработке мер противодействия преступности в указанной сфере носит программный и системный характер как на федеральном, так и на региональном (а иногда и на муниципальном) уровне. Взаимодействие в указанном направлении осуществляется в рамках работы координационных советов, межведомственных комиссий и конференций⁵. Однако, несмотря на важность реализации указанных

государственных задач применительно к объекту исследуемых отношений, пока ещё отсутствуют конкретные предпосылки для эффективного функционирования данных форм межведомственного объединения. В отдельных субъектах на региональном уровне созданы межведомственные комиссии, задача которых заключается в осуществлении контроля за соблюдением условий и порядка распределения государственных грантов, субсидий и прочих выплат в рамках реализации целевых программ, связанных с поддержкой агропромышленного комплекса. Вместе с тем признать такую практику достаточной для решения всех вопросов, связанных с агропромышленной сферой, будет неверно. Выработка механизмов предупредительной деятельности должна носить комплексный характер и охватывать все производственно-экономические отрасли указанной сферы.

Третье направление взаимодействия сопряжено с решением задач информационного обеспечения расследования преступлений, совершаемых в сфере АПК. Информационный обмен выражается в двух формах: предоставление справочной информации по запросам правоохранительного органа (и наоборот) и направление КНО информации о признаках преступления в правоохранительный орган для принятия процессуального решения.

В первом случае взаимодействие осуществляется в виде содействия по инициативе заинтересованной стороны – инициатора запроса, а окончание такого содействия выражается в фактическом направлении запрашиваемой информации инициатору запроса без дальнейшего анализа результата её использования.

Во втором случае, инициатором направления сведений является сторона, выявившая в рамках осуществления своих функций признаки преступления или правонарушения в деянии субъекта АПК; но в этом случае сторона-инициатор в обязательном порядке должна быть уведомлена о принятых решениях по направленным материалам⁶.

⁵ О создании Межведомственной рабочей группы по противодействию преступлениям в сфере экономики : приказ Генпрокуратуры России от 27 октября 2006 г. № 178, ФСБ России от 1 ноября 2006 г. № 516, МВД России от 28 октября 2006 г. № 868, ЦБ России от 30 октября 2006 г. № ОД-554 (в ред. от 6 мая 2008 г.) / ИБ Страс «Юрист»; Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путём : приказ Генпрокуратуры России № 511, Росфинмониторинга № 244, МВД России № 541, ФСБ России № 433, ФТС России № 1313, СК России № 80 от 21 августа 2018 г. [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – Режим доступа: / <https://sudact.ru/law/prikaz-genprokuratury-rossii-n-511-rosfinmonitoringa-n/instruktsiya-po-organizatsii-informatsionnogo-vzaimodeistviia/> (дата обращения: 17.08.2022).

⁶ Положение о порядке взаимодействия между Счётной палатой Российской Федерации и Следственным комитетом Российской Федерации [Электронный ресурс] // СПС Гарант – Режим доступа: / <https://base.garant.ru/70200264/> (дата обращения: 17.08.2022).

Определение форм взаимодействия имеет важное методологическое значение, поскольку выступает теоретической основой для выработки научно обоснованных рекомендаций по формированию правовых, организационных, тактико-технологических механизмов совершенствования указанной криминалистической деятельности. Они проявляются в тех или иных взаимосвязях, которые в конечном итоге реализуются в нескольких целеобусловленных направлениях взаимодействия, обозначенных нами выше.

Особенности раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в сфере АПК, определяют специфику осуществления взаимодействия следователя с сотрудниками органа дознания, а также с должностными лицами государственных органов контроля и надзора. Указанная специфика заключается в рациональном сочетании средств и методов, которыми в соответствии с компетенциями наделены субъекты взаимодействия. Их комплексное применение позволяет эффективно разрешать задачи расследования.

Список литературы

1. Пахомов С. В. Ситуационный подход к процессу раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в сфере агропромышленного комплекса // Общество и право. – 2020. – № 3 (73). – С. 64–68.
2. Пахомов С. В. Информационное обеспечение раскрытия и расследования преступлений, совершаемых на объектах агропромышленного комплекса // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2020. – № 4 (90). – С. 146–152.
3. Пахомов С. В. Некоторые особенности оценки следователем результатов оперативно-розыскной деятельности, направленной на выявление преступлений, совершаемых в сфере агропромышленного комплекса // Юрист-Правовед. – 2022. – № 1 (101). – С. 32–38.
4. Булыгин Д. А. Вопросы взаимодействия следственных и оперативных подразделений при раскрытии и расследовании экономических преступлений / Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы XIII Международной научно-практической конференции : в 2 ч. – Ч. 1. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2015. – С. 166–168.
5. Сырецкий М. В. Критерии направления поручений органу дознания о производстве следственных действий / Проблемы криминалистической науки, следственной и экспертной практики : межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 8. – Омск: Омская академия МВД России, 2015. – С. 145–146.
6. Зеленский В. Д. Отдельные теоретические вопросы структуры органа расследования преступлений // Российская юстиция. – 2014. – № 6. – С. 63–65.
7. Прорвич В. А. Комплексное применение специальных знаний для выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере экономики // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 3. – С. 65–67.
8. Серебровская Д. Д. Исследование преступных связей при раскрытии преступлений в сфере агропромышленного комплекса // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. – 2016. – № 12. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-prestupnyh-svyazey-pri-raskrytii-prestupleniy-v-sfere-agropromyshlennogo-kompleksa> (дата обращения: 17.06.2022).
9. Мельников К. Н. Особенности выявления и раскрытия преступлений в сфере агропромышленного комплекса // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 19. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vyyavleniya-i-raskrytiya-prestupleniy-v-sfere-agropromyshlennogo-kompleksa> (дата обращения: 17.06.2022).
10. Янин С. А. К вопросу об организации расследования преступлений в сфере агропромышленного комплекса // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – № 4 (38). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-organizatsii-rassledovaniya-prestupleniy-v-sfere-agropromyshlennogo-kompleksa> (дата обращения: 17.06.2022).

Reference

1. Pakhomov S. V. Situatsionnyy podkhod k protsessu raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy, sovershayemykh v sfere agropromyshlennogo kompleksa // Obshchestvo i pravo. – 2020. – № 3 (73). – S. 64–68.
2. Pakhomov S. V. Informatsionnoye obespecheniye raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy, sovershayemykh na ob'yektakh agropromyshlennogo kompleksa // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2020. – № 4 (90). – S. 146–152.
3. Pakhomov S. V. Nekotoryye osobennosti otsenki sledovatelem rezul'tatov operativno-rozysknoy deyatelnosti, napravlennoy na vyyavleniye prestupleniy, sovershayemykh v sfere agropromyshlennogo kompleksa // Yurist-Pravoved. – 2022. – № 1 (101). – S. 32–38.
4. Bulygin D. A. Voprosy vzaimodeystviya sledstvennykh i operativnykh podrazdeleniy pri raskrytii i rassledovanii ekonomicheskikh prestupleniy / Aktual'nyye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami : materialy XIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii : v 2 ch. – Ch. 1. – Barnaul: Barnaul'skiy yuridicheskii institut MVD Rossii, 2015. – S. 166–168.

5. *Syretskiy M. V.* Kriterii napravleniya porucheniy organu doznaniya o proizvodstve sledstvennykh deystviy / Problemy kriminalisticheskoy nauki, sledstvennoy i ekspertnoy praktiki : mezhvuz. sb. nauch. tr. – Vyp. 8. – Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2015. – S. 145–146.

6. *Zelenskiy V. D.* Otdel'nyye teoreticheskiye voprosy struktury organa rassledovaniya prestupleniy // Rossiyskaya yustitsiya. – 2014. – № 6. – S. 63–65.

7. *Prorvich V. A.* Kompleksnoye primeneniye spetsial'nykh znaniy dlya vyyavleniya, raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy v sfere ekonomiki // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2017. – № 3. – S. 65–67.

8. *Serebrovskaya D. D.* Issledovaniye prestupnykh svyazey pri raskrytii prestupleniy v sfere agropromyshlennogo kompleksa // Nauka. Mysl': elektronnyy periodicheskiy zhurnal. – 2016. – № 12. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-prestupnyh-svyazey-pri-raskrytii-prestupleniy-v-sfere-agropromyshlennogo-kompleksa> (data obrashcheniya: 17.06.2022).

9. *Mel'nikov K. N.* Osobennosti vyyavleniya i raskrytiya prestupleniy v sfere agropromyshlennogo kompleksa // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. – 2012. – №19. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vyyavleniya-i-raskrytiya-prestupleniy-v-sfere-agropromyshlennogo-kompleksa> (data obrashcheniya: 17.06.2022).

10. *Yanin S. A.* K voprosu ob organizatsii rassledovaniya prestupleniy v sfere agropromyshlennogo kompleksa // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. – 2016. – №4 (38). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-organizatsii-rassledovaniya-prestupleniy-v-sfere-agropromyshlennogo-kompleksa> (data obrashcheniya: 17.06.2022).

Статья поступила в редакцию 03.08.2022; одобрена после рецензирования 03.10.2022; принята к публикации 18.10.2022.

The article was submitted August 3, 2022; approved after reviewing, October 3, 2022; accepted for publication October 18, 2022.

Научная статья
УДК 343.159.5
doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-149-157

Павел Михайлович Титов
кандидат юридических наук
<https://orcid.org/0000-0002-8362-4972>, titov1995@yandex.ru

*Уральский юридический институт МВД России
Российская Федерация, 620057, Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66*

Реабилитация по уголовным делам частного обвинения: проблемы теории и практики

Аннотация: Актуальность темы исследования. Возбуждение уголовного дела, проведение предварительного расследования и судебного разбирательства являются обязанностью компетентных государственных органов. Вместе с тем в российском уголовном процессе присутствует так называемое частное обвинение: по некоторым составам преступлений уголовное преследование инициируется и осуществляется только потерпевшим, которому придаётся статус частного обвинителя.

Постановка проблемы. Возникает вопрос, допустима ли реабилитация обвиняемых, в отношении которых дело прекращено или вынесен оправдательный приговор. В настоящее время реабилитация по делам частного обвинения законодательно предусмотрена только в случаях, когда судом первой инстанции был постановлен обвинительный приговор, который затем был отменён вышестоящим судом. При этом не решён вопрос, имеет ли право на возмещение вреда обвиняемый, в отношении которого обвинительный приговор не выносился, а уголовное преследование было прекращено в суде первой инстанции.

Цели и методы исследования. Цель исследования – установление оснований возникновения у лица права на реабилитацию и на возмещение вреда, определение субъекта и порядка возмещения вреда.

Задачи исследования: проанализировать законодательство; систематизировать нормативно закреплённые основания возникновения права на реабилитацию по данной категории дел; уяснить возможность возмещения вреда в случаях, когда уголовное преследование осуществлялось только частным обвинителем; определить порядок возмещения вреда.

Методологической основой исследования послужил метод диалектического материализма. Применялись общенаучные методы научного познания, а также специальные методы.

Результаты и ключевые выводы. По делам частного обвинения необходимо различать возникновение у обвиняемого права на реабилитацию в уголовно-процессуальном смысле (когда судом первой инстанции был вынесен обвинительный приговор, впоследствии отменённый вышестоящим судом), и права на возмещение вреда (когда уголовное преследование производилось частным обвинителем, и было прекращено судом первой инстанции). При этом право на возмещение вреда возникает только при злонамеренности действий потерпевшего.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовное преследование, частное обвинение, моральный вред, реабилитация, возмещение вреда, защита от уголовного преследования

Для цитирования: Титов П. М. Реабилитация по уголовным делам частного обвинения: проблемы теории и практики // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4 (96). – С. 149–157; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-149-157.

Pavel M. Titov
Cand. Sci. (Jurid.)
<https://orcid.org/0000-0002-8362-4972>, titov1995@yandex.ru

*Ural Law Institute of the MIA of Russia
66, Korepin str., Yekaterinburg, 620057 Russian Federation*

Rehabilitation in criminal cases of private prosecution: problems of theory and practice

Abstract: Urgency of research. According to Articles 2, 17, 46 of the Constitution of the Russian Federation, the human being, his rights and freedoms are recognized as the supreme value, and observation and protection of these rights and freedoms is a duty of the State; every citizen is guaranteed judicial protection of his rights.

Criminal proceedings, which from a social point of view serve as a tool to protect the rights of victims of crimes, are based on a public-law basis. The initiation of criminal proceedings, preliminary investigation and trial are the responsibility of the competent public authorities. At the same time, in the case of unlawful or unjustified prosecution of a person, the harm caused to him is compensated at the expense of the federal budget in the framework of the rehabilitation procedure.

At the same time in Russian criminal proceedings there is the so-called private prosecution: for some offenses criminal prosecution is initiated and carried out only by the victim, who is granted the status of a private prosecutor. The state in cases of private prosecution is represented only by the court, which resolves the criminal-legal conflict between the victim and the accused.

Problem Statement. Since state bodies do not prosecute cases of private prosecution, the question arises whether rehabilitation of defendants, against whom the case was terminated or acquitted, is admissible. Currently, the legislation provides rehabilitation in cases of private prosecution only in cases where the court of first instance issued a verdict of guilty, which was subsequently overturned by a higher court. At the same time, the question of whether the accused, against whom there was no conviction and the criminal prosecution was terminated in the court of first instance, is entitled to compensation is not resolved. On the one hand, the accused, being subjected to criminal prosecution, has undergone certain negative consequences. On the other hand, it is not clear whether the private prosecutor should be considered «guilty» of making an unsubstantiated accusation. There is a clear competition between two constitutionally guaranteed rights: the right of the victim to protection from crime, including through independent appeal to court to bring the perpetrator to criminal liability, and the right of the person to compensation of damage caused by unjustified criminal prosecution.

Objectives and methods of research. The purpose of the study is to establish the grounds for the emergence of a person's right to rehabilitation and to compensation for harm caused by unjustified criminal prosecution, to determine the subject and the procedure of compensation for harm.

Research objectives: to analyze the legislation on rehabilitation in cases of private prosecution; to systematize the normatively enshrined grounds for the right to rehabilitation in this category of cases; to clarify the possibility of compensation in cases where the criminal prosecution was carried out only by a private prosecutor; to determine the procedure for compensation.

The methodological basis of the study was the method of dialectical materialism. General scientific methods of scientific knowledge were used: logical, systematic, functional, induction and deduction, analysis and synthesis, as well as special methods: comparative-legal, formal-legal.

Results and key conclusions. In cases of private prosecution it is necessary to distinguish occurrence of the defendant's right to rehabilitation in the criminal procedural sense (when the court of first instance rendered a guilty verdict, which was subsequently overturned by a higher court), and the right to compensation for damages (when the criminal prosecution was carried out by a private prosecutor and was terminated by the court of first instance). At the same time, the right to compensation arises only if the victim's actions are malicious and if they constitute crimes such as slander or knowingly false denunciation. In other cases, the victim exercises their constitutional right to access to justice and to protection from crimes.

Keywords: criminal proceedings, criminal prosecution, private prosecution, moral damage, rehabilitation, compensation for harm, protection from criminal prosecution

For citation: Titov P. M. Rehabilitation in criminal cases of private prosecution: problems of theory and practice // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 4 (96). – P. 149–157; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-149-157.

Введение

В силу того, что уголовное судопроизводство в целом носит публично-правовой характер, по делам публичного и частно-публичного обвинения, составляющим подавляющее большинство от общего количества дел, уголовное преследование осуществляется органами предварительного расследования и прокурором. Соответственно, ошибочное решение о привлечении лица к уголовной ответственности

принимается данными государственными органами от лица государства. В силу отмеченного обстоятельства именно государство обязано нести ответственность за эту ошибку, повлекшую нарушение конституционных прав гражданина. Реабилитация в том смысле, в каком этот термин закреплён в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ), по сути и является ответственностью государства перед незаконно привлечённым к уголов-

ной ответственности гражданином. Поскольку по делам частного обвинения уголовное преследование осуществляется не государственными органами, а частным обвинителем, в теории уголовного процесса и правоприменительной практике долгое время полагалось, что реабилитация в принципе не распространяется на дела частного обвинения [1, с. 2–6].

Такая ситуация породила обращения граждан в Конституционный Суд Российской Федерации, который сформулировал правовую позицию с изложением основных подходов к реабилитации по делам частного обвинения, включающую следующие основные положения.

Во-первых, реабилитация в уголовно-процессуальном понимании обуславливается незаконными действиями государственных органов (органов предварительного расследования, прокурора и суда).

Во-вторых, по делам частного обвинения реабилитация может наступить только при принятии государственными органами незаконных решений, нарушающих права и свободы обвиняемого (то есть вынесения обвинительного приговора суда, который впоследствии отменён с прекращением уголовного преследования по реабилитирующим основаниям).

В-третьих, само по себе вынесение оправдательного приговора мировым судьёй по делу частного обвиняемого не влечёт возникновения у оправданного права на реабилитацию, поскольку мировой судья в указанной ситуации реализует обязанности по защите законных прав и интересов гражданина, подвергающегося уголовному преследованию.

В-четвертых, без принятия незаконного решения государственным органом реабилитация по делу частного обвинения невозможна в том смысле, в каком эта процедура предусмотрена УПК РФ. При этом лицо, в отношении которого уголовное преследование прекращено по реабилитирующим основаниям, имеет право на возмещение причинённого ему ущерба в гражданском порядке.

В-пятых, ответственность за привлечение лица к уголовной ответственности возлагается на частного обвинителя.

В-шестых, ответственность частного обвинителя возможна только при злонамеренном характере его действий – когда они не имели под собой никаких оснований и были обусловлены исключительно намерением причинить вред другому лицу.

Принятие Конституционным Судом Российской Федерации указанного решения обусловило изменение в уголовно-процессуальном законе, а также оживление дискуссии в научной среде по проблематике реабилитации и возмещения вреда, причинённого необоснованным уголовным преследованием по делам частного обвинения.

Отмеченные аспекты исследовали, в частности, М. А. Баранова [2, с. 55–56], И. С. Дикарев [3, с. 11–15], В. В. Иванов [4, с. 24–27], А. Д. Кузнецова [5, с. 122–125], А. А. Подопри-

гора и Ю. Б. Чупилкин [6, с. 46–50], Ю. В. Севастьянова [7, с. 11–16].

Вместе с тем проблемы реабилитации по делам частного обвинения решены далеко не в полной мере. В науке практически не рассматривался вопрос о возможности реабилитации в случаях, когда судом первой инстанции был вынесен оправдательный приговор, но до этого в отношении обвиняемого избиралась мера пресечения. Не достигнуто единства мнений по поводу оснований приобретения права на возмещение вреда в случаях, когда уголовное преследование осуществлялось частным обвинителем, и судом первой инстанции был вынесен оправдательный приговор. Неясно, допускается ли возложение на потерпевшего обязанностей по возмещению вреда при прекращении уголовного дела по инициативе потерпевшего. Не вполне понятно, могут ли на потерпевшего возлагаться обязанности по принесению извинений перед лицом, которому выдвигалось обвинение в частном порядке.

Нерешённость отмеченных проблем на теоретическом уровне приводит к отсутствию единообразия правоприменительной практики, что может повлечь нарушение законодательства и субъективных прав участников судопроизводства, принятие незаконных и необоснованных решений.

Целью исследования является уяснение оснований и порядка приобретения права на возмещение вреда, причинённого необоснованным частным уголовным преследованием.

Задачи исследования:

- проанализировать нормы УПК РФ, регламентирующие реабилитацию по делам частного обвинения;
- определить основания возникновения права на реабилитацию;
- охарактеризовать порядок реализации права на возмещение вреда, причинённого уголовным преследованием по делам частного обвинения.

Описание исследования

В целях реализации правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации в 2013 году была принята ч. 21 ст. 133 УПК РФ, в которой закреплено правило о возможности реабилитации по делам частного обвинения.

В данной норме выделены две ситуации.

Ситуация первая – уголовное дело было возбуждено и расследовано органом предварительного следствия или дознания в порядке ч. 4 ст. 20 УПК РФ. Вместе с тем эту ситуацию вряд ли возможно относить к частному обвинению, поскольку уголовное преследование утрачивает частный характер и осуществляется в публичном порядке, вред незаконным осуждением или незаконным привлечением к уголовной ответственности причиняется исключительно действиями государственных органов. В связи с этим в случае незаконного привлечения лица к уголовной ответственности в полной мере применяются положения гл. 18 УПК РФ.

Таким образом, первая ситуация характеризуется полной ответственностью государства за незаконное привлечение лица к уголовной ответственности, что соответствует публично-правовому типу уголовного судопроизводства и – в его рамках – публичному порядку уголовного преследования.

Ситуация вторая – уголовное дело было возбуждено судом в порядке ст. 318 УПК РФ, то есть по правилам частного обвинения. В данной ситуации лицо, привлекаясь к уголовной ответственности, приобретает право на реабилитацию только в том случае, если судом первой инстанции был вынесен обвинительный приговор, который впоследствии был отменен и по делу в итоге постановлен оправдательный приговор (абз. 3 п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 года № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве»). Таким образом, если по делу частного обвинения, по которому возбуждено производство инициировано частным обвинителем, изначально был постановлен обвинительный приговор, это означает незаконное осуждение лица. Соответственно, государство несёт за это ответственность [3, с. 14], поэтому после отмены обвинительного приговора и прекращения уголовного преследования по реабилитирующим основаниям лицо приобретает право на реабилитацию.

Вторая ситуация носит в некотором смысле бинарный характер. С одной стороны, уголовное преследование иницируется частным обвинителем, и мировой судья, принимая заявление к производству и тем самым возбуждая уголовное дело, лишь предоставляет потерпевшему право на защиту своих прав, нарушенных преступлением. С другой стороны, итоговое решение по делу, которым лицо осуждается за совершение преступления (обвинительный приговор), выносится именно судом.

Следовательно, вторая ситуация предполагает, что вред незаконным осуждением причиняется государством в лице суда, однако по результатам уголовного преследования, произведённого не государственным органом, а частным обвинителем. При этом никакого «разделения ответственности» не происходит.

Поскольку в конечном итоге соответствующее решение принималось государственным органом – судом, обязанность по реабилитации в полном объёме возлагается на государство, как и по делам публичного и частно-публичного обвинения.

Как в первой, так и во второй ситуациях содержание права на реабилитацию включает все положения, предусмотренные гл. 18 УПК РФ, то есть право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда (в том числе денежная компенсация, а также принесение извинения прокурором) и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах.

Вместе с тем возникает вопрос, распространяется ли право на реабилитацию на лиц, в отношении которых осуществлялось уголовное преследование в частном порядке, однако обвинительный приговор не был вынесен, то есть если при рассмотрении в первой инстанции дело прекращено мировым судьёй либо по делу постановлен оправдательный приговор. Следует признать, что в ряде случаев такое возможно. Таким образом, имеет место третья ситуация возникновения у обвиняемого права на возмещение вреда, наступившего в результате уголовного преследования в частном порядке, причём в рамках этой ситуации вред причиняется исключительно действиями частного обвинителя, а не государственных органов.

Очевидно, что право на реабилитацию отсутствует, если уголовное преследование обвиняемого прекращено мировым судьёй по основаниям, характерным для частного обвинения.

Во-первых, в силу примирения обвиняемого с частным обвинителем. Примирение – двусторонний акт, в котором выражается воля не только частного обвинителя, но и обвиняемого. Частный обвинитель заявлением о примирении снимает претензии уголовно-правового характера к обвиняемому, а обвиняемый, по смыслу этого основания прекращения уголовного преследования, отказывается от каких-либо претензий к частному обвинителю по поводу незаконности осуществления уголовного преследования.

В противном случае примирение будет означать постановку потерпевшего в крайне невыгодное положение – обвиняемый, сознавая, что уголовное преследование прекращено и более ему не угрожает, начнёт после этого предъявлять к потерпевшему претензии о возмещении какого-либо «ущерба», а потерпевший утратит правомочия по возобновлению уголовного преследования. Такая конструкция принципиально противоречит не только закреплённому в ч. 1 ст. 6 УПК РФ назначению уголовного судопроизводства, но и социальному содержанию данного вида деятельности как регулятора общественных отношений и способа реализации правоохранительной функции государства.

Во-вторых, вследствие отказа частного обвинителя от обвинения. Данное основание, в отличие от примирения сторон, предполагает осознание частным обвинителем непричастности обвиняемого к преступлению. На первый взгляд, поскольку частный обвинитель сам признал необоснованность инициированного им уголовного преследования, у обвиняемого должно возникнуть право на реабилитацию. Однако более углублённый анализ приводит к противоположному выводу. Частное уголовное преследование не сопровождается официальным предъявлением обвинения, избранием меры пресечения, поэтому обвиняемый в ходе частного уголовного преследования не претерпевает такие же негативные последствия, как в рамках публичного и частно-публичного обвинения.

С учётом изложенного суды в ряде случаев, рассматривая в порядке гражданского судопроизводства вопросы о возмещении вреда, причинённого осуществлением уголовного преследования в рамках частного обвинения, отказывают в удовлетворении подобных требований в связи с тем, что какого-либо вреда обвиняемому не было причинено¹.

Кроме того, частный обвинитель, снимая свои уголовно-правовые претензии к обвиняемому заявлением об отказе от обвинения, освобождает обвиняемого от любых угроз привлечения к уголовной ответственности. Соответственно, для потерпевшего должна быть предусмотрена своеобразная «компенсация» в виде отсутствия у обвиняемого права на заявление каких-либо встречных претензий о возмещении вреда.

Вместе с тем в настоящее время правоприменительная практика допускает возмещение обвиняемому вреда с возложением обязанности по его компенсации на частного обвинителя в силу того, что выдвинутое им обвинение оказалось неподтверждённым, а, следовательно, необоснованным.

Необходимо учитывать весьма существенную разницу между реабилитацией по делам публичного обвинения и возмещением вреда по делам частного обвинения.

По делам публичного обвинения общепризнанным обстоятельством является то, что реабилитация происходит независимо от виновности конкретного сотрудника органа предварительного расследования, прокуратуры и суда в незаконном привлечении к уголовной ответственности обвиняемого. По данной категории уголовных дел как бы подразумевается виновность государства в целом в лице его правоприменительных (в том числе судебных) органов за некавалифицированное и недостаточно внимательное осуществление уголовного преследования и правосудия, что повлекло осуждение невиновного лица.

По делам частного обвинения необходимо установить противоправность и незаконность действий частного обвинителя по выдвиганию обвинения лицу, подвергающемуся уголовному преследованию.

Вместе с тем неясно, что понимать под противоправностью и незаконностью действий частного обвинителя. В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, обращение в суд с требованием привлечения лица к уголовной ответственности само по себе не должно признаваться незаконным только в силу того, что в судебном разбира-

тельстве обвинение не подтвердилось, поскольку иначе были бы нарушены конституционные права на обращение в государственные органы и на судебную защиту².

Бряд ли можно согласиться с В. В. Ивановым, утверждающим, что «даже если лицо было оправдано судом первой инстанции и в период производства по делу судьёй не принималось никаких незаконных действий и решений, лицу был причинён моральный вред уже самим необоснованным привлечением к уголовной ответственности» [4, с. 26]. Реализация такого подхода привела бы не просто к ухудшению положения лиц, пострадавших от преступлений, а полностью нивелировала бы их конституционное право на защиту от преступлений путём инициирования частного уголовного преследования. Соответственно, законные интересы граждан, в отношении которых совершены подобные преступления, остались бы в принципе незащищёнными, что недопустимо в правовом государстве.

А. А. Подопригора и Ю. Б. Чупилкин справедливо полагают: «Не обладая достаточными знаниями и механизмом по собиранию доказательств, частный обвинитель, защищая свои права, поставлен законодателем в ситуацию, обязывающую его оценить риски уголовного преследования, что изначально ограничивает его право на доступ к правосудию» [6, с. 48]. Кроме того, необходимо учитывать, что право на доступ к правосудию носит более первичный характер по сравнению с правом на защиту от уголовного преследования. Право на доступ к правосудию и на защиту от преступления возникает у законопослушного гражданина в силу совершения преступного деяния, нарушившего интересы данного лица. Право на защиту от уголовного преследования появляется у лица, в отношении которого ведётся судопроизводство. Таким образом, если бы отсутствовал факт совершения преступления, не было бы повода для возникновения права на защиту от уголовного преследования. Исходя из этого, недопустимо ставить потерпевшего от преступления в такие рамки, в которых он будет опасаться реализовать своё конституционное право на доступ к правосудию [8, с. 38–40; 9, с. 137–139]. Исключением может быть только ситуация, в которой лицо умышленно подаёт заведомо ложное заявление о привлечении другого гражданина к уголовной ответственности, поскольку в этом случае изначально отсутствует нарушенное право потерпевшего.

Таким образом, само по себе вынесение оправдательного приговора по делу частного

¹ Решение Качканарского городского суда Свердловской области № 2-33/2019 от 11 февраля 2019 г. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/DzZx15Y8zdLP/?page=9> (дата обращения: 10.06.2022 г.); Решение Сысертского районного суда Свердловской области № 2-1952/2017 от 18 ноября 2019 г. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Cс6RUel9RjJV/> (дата обращения: 10.06.2022 г.).

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Морозовой Лидии Викторовны на нарушение её конституционных прав абзацем третьей статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации; определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 года № 1058-О [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. – URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision135794.pdf> (дата обращения: 10.06.2022 г.).

обвинения не влечёт автоматически возникновения права у обвиняемого на реабилитацию. Правоприменительная практика в целом придерживается данной позиции. Так, Камышловский городской суд Свердловской области в порядке гражданского судопроизводства отказал в признании права на реабилитацию лицу, оправданному по делу частного обвинения, отметив, что не установлено каких-либо злоупотреблений частного обвинителя, его намерения причинить вред подсудимому путём выдвижения обвинения. Частный обвинитель, подав заявление о привлечении лица к уголовной ответственности, лишь реализовал своё право на личное обращение в государственные органы. Истцом не доказано, что обращение ответчика в суд имело целью причинение истцу вреда, не следует это и из объяснений и показаний свидетелей данных в рамках уголовного дела и проверки, проведённой органами Следственного комитета Российской Федерации³.

Следует отметить, что судами иногда принимаются и иные решения, когда право на реабилитацию признается за обвиняемым по делу частного обвинения без установления какой-либо заведомости действий со стороны частного обвинителя⁴. Такие решения, по сути, представляют собой исключения из общего правила, однако их наличие свидетельствует о нерешённости проблемы и необходимости достижения единообразия правоприменительной практики.

Применительно к делам частного обвинения необходимо согласиться с авторами, указывающими, что гражданско-правовая ответственность частного обвинителя перед обвиняемым может наступить только при наличии злонамеренности в действиях частного обвинителя [7, с. 14; 10, с. 91–93].

При этом каких-либо универсальных критериев злонамеренности действий частного обвинителя не сформулировано в законе и не выработано в правоприменительной практике.

С определённой долей условности для выработки таких критериев можно использовать правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой «возложение на частного обвинителя обязанности возместить лицу, которое было им обвинено в совершении преступления и чья вина не была доказана в ходе судебного разбирательства, понесённые им вследствие этого расходы, не может расцениваться как признание частного обвинителя виновным в таких преступлениях, как

клевета или заведомо ложный донос»⁵. Если рассматривать решение Конституционного Суда Российской Федерации как бы «от обратного», то можно сделать вывод, что осуждение лица, выступавшего по делу частного обвинения частным обвинителем, за клевету или заведомо ложный донос, точно свидетельствует о злонамеренности его действий, заведомой для него незаконности привлечения лица к уголовной ответственности по делу частного обвинения.

Вместе с тем возникает наиболее спорный вопрос: вправе ли суд, рассматривающий гражданский иск, сам признать злонамеренность в действиях частного обвинителя и признать решение о реабилитации лица, выступавшего в качестве обвиняемого по делу частного обвинения. Иными словами, допускается ли принятие такого решения без подтверждения в действиях частного обвинителя состава преступления, предусмотренного ст. 1281 или ст. 306 Уголовного кодекса Российской Федерации⁶ (далее – УК РФ). Представляется, что такие решения незаконны, поскольку суд «даёт собственную оценку доказательствам и обстоятельствам уголовного дела, что фактически является переоценкой ранее установленных обстоятельств» [7, с. 16].

Права авторы, полагающие, что компенсация лицу, подвергнутому уголовному преследованию в частном порядке, должна рассматриваться и именоваться не как реабилитация в том смысле, в каком она предусмотрена УПК РФ, а как возмещение вреда в гражданском порядке [5, с. 125]. В этом аспекте следует возразить Ю. В. Севастьяновой, предлагающей закрепить в УПК РФ обязанность мирового судьи предупредить частного обвинителя о гражданской ответственности в случае подачи ложного заявления [7, с. 16]. При этом возражения заключаются не в том, что у частного обвинителя в принципе не может наступить гражданская ответственность, а в том, что фиксация подобной нормы в уголовно-процессуальном законе не представляет необходимости. Ответственность за возмещение вреда в рассматриваемой ситуации наступает исключительно в рамках гражданского законодательства, поэтому вряд ли целесообразно закреплять данное правило в УПК РФ.

Тем более нет необходимости вводить в УПК РФ положения, регламентирующие порядок возмещения вреда, причинённого в ходе частного уголовного преследования. Поскольку возникающие правоотношения носят граж-

³ Решение Камышловского городского суда Свердловской области по делу № 2-785/2020 от 22 июля 2020 г. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/U1GmpHBeOLml/> (дата обращения: 10.06.2022 г.).

⁴ Решение Славянского городского суда Краснодарского края № 2-910/2019 от 5 августа 2019 г. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VJBZ7bOcPRd2/> (дата обращения: 10.06.2022 г.).

⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Забродиной Раисы Борисовны на нарушение её конституционных прав частью девятой статьи 132 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 февраля 2004 года № 106-О [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. – URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision33026.pdf> (дата обращения: 10.06.2022 г.).

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

данско-правовой характер, необходимость применения соответствующих норм Гражданского кодекса Российской Федерации⁷ (далее – ГК РФ) является толкованием права и носит характер разъяснения. В силу этого целесообразно уточнить порядок их применения в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

По смыслу закона и в соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, по делам частного обвинения принятие решения о возмещении вреда, причинённого исключительно действиями частного обвинителя, невозможно в рамках непосредственно уголовного дела. Суд первой инстанции, постановляя оправдательный приговор, а тем более прекращая дело, не должен разъяснять в итоговом решении право оправданного на реабилитацию. Для возмещения ущерба лицу, имевшее статус обвиняемого по делу частного обвинения, должно в обязательном порядке обратиться в суд в гражданско-правовом порядке с иском о признании злонамеренности действий частного обвинителя и взыскании с него сумм в порядке компенсации ущерба, причинённого уголовным преследованием. При этом, как было отмечено, злонамеренность действий частного обвинителя должна подтверждаться вступившим в законную силу обвинительным приговором суда, либо постановлением о прекращении уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям. Данные процессуальные документы подлежат обязательному представлению в суд, рассматривающий в гражданском порядке заявление о возмещении вреда, причинённого незаконным уголовным преследованием.

Не вполне ясно, какой именно нормой ГК РФ необходимо руководствоваться, принимая решение о компенсации вреда, причинённого обвиняемому по делу частного обвинения исключительно действиями частного обвинителя. Для этого не подходит ст. 1070 ГК РФ, поскольку она распространяет своё действие исключительно на деятельность органов предварительного расследования, прокуратуры и суда. Представляется, что нормативным основанием выступает норма наиболее общего характера – ч. 1 ст. 1064 ГК РФ, закрепляющая, что вред, причинённый личности или имуществу гражданина, подлежит возмещению в полном объёме лицом, причинившим вред, а также ч. 1 ст. 15 ГК РФ, в соответствии с которой лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причинённых ему убытков.

В связи с изложенным возникает важный вопрос: какие виды возмещения вреда, предусмотренные гл. 18 УПК РФ, могут быть применены к лицу, оправданному по делу частного обвинения. Следует учитывать, что сущность и характер принятого судом решения (оправ-

дательного приговора) подразумевает невозможность ограничения обвиняемого в трудовых, пенсионных и жилищных правах, поэтому восстановление в этих правах изначально не предполагается. Неприменима и норма о возмещении того имущественного вреда, который назван в ст. 135 УПК РФ (утраченные заработная плата, пенсия, пособие; конфискованное или утраченное в доход государства имущество; уплаченные штрафы и взысканные процессуальные издержки), поскольку наступление подобных последствий при вынесении оправдательного приговора в принципе невозможно.

Соответственно, остаётся только устранение последствий морального вреда, причём исключительно в форме денежной компенсации (ст. 1100, ч. 1 ст. 1101 ГК РФ). Вряд ли возможно возложение на частного обвинителя обязанности по принесению официального извинения перед обвиняемым. Осуществляя уголовное преследование, частный обвинитель отстаивает не только свою точку зрения на происшедшее событие, но и личный интерес. По делам публичного и частного-публичного обвинения прокурор приносит извинения от имени государства в целом, и возложение на него подобной обязанности вполне оправданно с учётом места прокуратуры в системе правоприменительных органов государства. Вместе с тем возложение обязанности по принесению официального извинения на частного обвинителя недопустимо именно по причине частного характера осуществляемого им уголовного преследования, поскольку в противном случае частный обвинитель был бы вынужден отказываться от своей личной точки зрения на произошедший инцидент, но такое принуждение недопустимо в правовом государстве.

Возникает вопрос, имеет ли право на реабилитацию лицо, в отношении которого судом первой инстанции был постановлен оправдательный приговор, однако в процессе разбирательства к нему применялась мера пресечения, и если да, то за чей счёт будут производиться компенсационные выплаты. Для ответа на данный вопрос следует исходить из того, что избранные меры пресечения, хотя бы и по делу частного обвинения, относятся к исключительной компетенции суда, если даже это решение принимается по ходатайству стороны обвинения (частного обвинителя). Избрание меры пресечения призвано обеспечить не только интересы потерпевшего, но прежде всего – интересы правосудия, то есть предотвращение вероятного негативного поведения обвиняемого, что в конечном итоге направлено на достижение возможности вынесения по делу законного решения. Избранные меры пресечения носят публично-правовой характер, поэтому ответственность за принятие этого решения должна возлагаться на государство. Таким образом, если к обвиняемому была применена мера пресечения, а затем по делу был вынесен оправдательный приговор, оправданный приобретает право на компенсацию за счёт средств федерального бюджета, а не за счёт средств частного обвинителя.

⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть II) от 26 января 1996 года № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

Разумеется, можно возразить против такого подхода, указав на то, что мера пресечения избирается мировым судьёй во взаимосвязи с обвинением, выдвинутым частным обвинителем. С учётом специфики частного обвинения мировой судья не проверяет обоснованность подозрения, а устанавливает лишь наличие оснований для избрания меры пресечения (возможность обвиняемого скрыться, совершить новое преступление, воспрепятствовать производству по делу). Получается, что на мирового судью возлагается ответственность не за избрание меры пресечения как таковой, а за то, что им не была проверена непричастность обвиняемого к совершению преступления, уголовное преследование по которому инициируется и поддерживается исключительно частным обвинителем.

Однако в рассматриваемой ситуации должны превалировать положения о том, что вред, причинённый государственным органом, подлежит возмещению вне зависимости от вины конкретного сотрудника этого органа. Возложение ответственности по компенсации причинённого ущерба на частного обвинителя не представляется возможным, поскольку в противном случае оказывалось бы, что он несёт ответственность за действия и решения, которые он не только не совершал, но и в принципе не мог совершить в силу отсутствия соответствующих полномочий.

Заключение

Проведённый анализ проблем реабилитации по делам частного обвинения позволяет сделать следующие выводы.

1. Реабилитация по делам частного обвинения возможна в следующих случаях:

а) уголовное дело возбуждено в порядке ч. 4 ст. 20 УПК РФ – то есть когда вред причинён исключительно действиями государственных органов (при этом фактически уголовное преследование приобретает публично-правовой характер и реабилитация будет регламентироваться нормами, регулирующими порядок судопроизводства по делам публичного обвинения);

б) уголовное дело возбуждено мировым судьёй, при этом по делу был постановлен обвинительный приговор, который впоследствии отменён и вынесен оправдательный приговор – то есть когда вред причинён действиями государственного органа (суда), но в результате уголовного преследования, осуществлённого частным обвинителем.

2. Реабилитация по делам частного обвинения при постановлении оправдательного приговора судом первой инстанции возможна в случае избрания к обвиняемому меры пресечения мировым судьёй.

3. Реабилитация по делам частного обвинения невозможна, если уголовное преследование прекращено по инициативе частного обвинителя (в связи с отказом от обвинения либо из-за примирения с обвиняемым).

4. При оправдании обвиняемого мировым судьёй лицо приобретает право не на реабилитацию в том смысле, в каком этот термин употребляется в гл. 18 УПК РФ, а на возмещение причинённого ему вреда в порядке гражданского судопроизводства.

5. Возмещение обвиняемому вреда при вынесении судом первой инстанции оправдательного приговора возможно только при злонамеренности действий частного обвинителя, когда они направлены не на защиту своих прав, пострадавших от преступления, а на заведомо необоснованное привлечение другого лица к уголовной ответственности.

6. Под злонамеренностью частного обвинителя следует понимать исключительно случаи, когда в его действиях усматриваются составы таких преступлений, как «клевета» или «заведомо ложный донос», и виновность лица в их совершении подтверждается вступившим в законную силу приговором суда.

7. Возмещение вреда по делу частного обвинения включает в себя только денежную компенсацию морального вреда.

8. Возмещение вреда производится за счёт средств частного обвинителя.

Список литературы

1. Елагина А. А. Практика реабилитации // Мировой судья. – 2013. – № 7. – С. 2–6.
2. Баранова М. А. О принципиальной возможности применения положений о реабилитации по уголовным делам частного обвинения // Судебная власть и уголовный процесс. – 2019. – № 1. – С. 48–56.
3. Дикарев И. С. Реабилитация по уголовным делам частного обвинения: компенсация морального вреда, восстановление иных нарушенных прав // Мировой судья. – 2012. – № 6. – С. 11–15.
4. Иванов В. В. Реабилитация по делам частного обвинения (в свете Постановления Конституционного Суда РФ от 17 октября 2011 г.) // Мировой судья. – 2012. – № 4. – С. 24–27.
5. Кузнецова А. Д. Возмещение вреда лицу, уголовное преследование которого осуществлялось в порядке частного обвинения // Уголовное право. – 2015. – № 2. – С. 122–125.
6. Подопригора А. А., Чупилкин Ю. Б. Актуальные вопросы института реабилитации в российском уголовном процессе // Российская юстиция. – 2015. – № 7. – С. 46–50.
7. Севастьянова Ю. В. Особенности реабилитации по делам частного обвинения // Адвокат. – 2014. – № 7. – С. 11–16.
8. Стельмах В. Ю. Концепция прощения как альтернатива концепции компромисса в уголовном судопроизводстве // Администратор суда. – 2021. – № 4. – С. 38–40.
9. Стельмах В. Ю. Прекращение уголовного преследования по диспозитивным основаниям: компромисс или прощение? // Правосудие. – 2022. – № 1. – С. 122–143.

10. *Смоляков П.* Новые вопросы компенсации морального вреда, причинённого уголовным преследованием по делам частного обвинения // Уголовное право. – 2012. – № 6. – С. 87–93.

References

1. *Yelagina A. A.* Praktika rehabilitatsii // Mirovoy sud'ya. – 2013. – № 7. S. 2–6.
2. *Baranova M. A.* O printsipial'noy vozmozhnosti primeneniya polozheniy o rehabilitatsii po уголовным делам частного обвинения // Sudebnaya vlast' i уголовnyy protsess. – 2019. – № 1. – С. 48–56.
3. *Dikarev I. S.* Rehabilitatsiya po уголовным делам частного обвинения: kompensatsiya moral'nogo вреда, vosstanovleniye inykh narushennykh prav // Mirovoy sud'ya. – 2012. – № 6. – С. 11–15.
4. *Ivanov V. V.* Rehabilitatsiya po делам частного обвинения (v svete Postanovleniya Konstitutsionnogo Suda RF ot 17 oktyabrya 2011 g.) // Mirovoy sud'ya. – 2012. – № 4. – С. 24–27.
5. *Kuznetsova A. D.* Vozmeshcheniye vredalitsu, уголовnoye presledovaniye kotorogo osushchestvlyalos' v poryadke частного обвинения // Uголовnoye pravo. – 2015. – № 2. – С. 122–125.
6. *Podoprigora A. A., Chupilkin Yu. B.* Aktual'nyye voprosy instituta rehabilitatsii v rossiyskom уголовном protsesse // Rossiyskaya yustitsiya. – 2015. – № 7. – С. 46–50.
7. *Sevast'yanova Yu. V.* Osobennosti rehabilitatsii po делам частного обвинения // Advokat. – 2014. – № 7. – С. 11–16.
8. *Stel'makh V. Yu.* Kontseptsiya proshcheniya kak al'ternativa kontseptsii kompromissa v уголовном sudoproizvodstve // Administrator suda. – 2021. – № 4. – С. 38–40.
9. *Stel'makh V. Yu.* Prekrashcheniye уголовногo presledovaniya po dispozitivnym osnovaniyam: kompromiss ili proshcheniye? // Pravosudiye. – 2022. – № 1. – С. 122–143.
10. *Smolyakov P.* Novyye voprosy kompensatsii moral'nogo вреда, prichinennogo уголовным presledovaniyem po делам частного обвинения // Uголовnoye pravo. – 2012. – № 6. – С. 87–93.

Статья поступила в редакцию 06.06.2022; одобрена после рецензирования 04.11.2022; принята к публикации 15.11.2022.

The article was submitted June 6, 2022; approved after reviewing November 4, 2022; accepted for publication November 15, 2022.

Научная статья
УДК 343.9.01
doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-158-165

Меруерт Нурлановна Турунова

адъюнкт

<https://orcid.org/0000-0001-9386-0859>, meruertmn@icloud.com

Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Субъекты противодействия влиянию интернета на преступность несовершеннолетних

Аннотация: Актуальность исследования определяется тем, что негативные процессы в любой сфере общественной жизни, болезненнее всего отражаются на несовершеннолетних, требуя особого внимания в направлении устранения деструктивных явлений. Ситуация усугубляется всеобщей глобализацией, развитием цифровой среды, ростом мобильной коммуникации, эскалацией организованной преступности за национальные рамки и т. д.

В сложившихся условиях особое значение приобретает противодействие преступности несовершеннолетних, опосредованной деструктивным влиянием интернета, в котором особые полномочия определены для органов внутренних дел.

Цель статьи – отразить особенности и проблемы правового регулирования полномочий органов внутренних дел в сфере противодействия преступности, связанной с деструктивным воздействием на личность несовершеннолетнего глобальной информационной сети.

Объектом выступают меры по противодействию преступности несовершеннолетних, опосредованной деструктивным влиянием интернета.

В качестве предмета рассматриваются проблемы в сфере правового регулирования и пути их преодоления.

Методы исследования: анализ, моделирование, обобщение, классификация, аналогия.

В статье нашли отражение вопросы, касающиеся полномочий органов внутренних дел по противодействию преступности несовершеннолетних, опосредованной негативным влиянием сети, система субъектов противодействия, с которой органы внутренних дел взаимодействуют.

Новизна: в связи с динамичностью воздействия интернета на личность несовершеннолетнего в сочетании с обстоятельствами, рассматриваемыми в качестве криминогенных, предложены некоторые коррективы в работе по противодействию преступности, продуцируемой подобным влиянием и реализуемой органами внутренних дел. Предлагается включить в Инструкцию по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации, утверждённую приказом МВД России от 15 октября 2013 г. № 845, новый раздел «Организация работы по профилактике преступлений несовершеннолетних, обусловленных влиянием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»» с указанием на основные направления и формы профилактики, позволяющие расширить содержание деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: интернет, несовершеннолетний, преступность, криминогенная обстановка, деструктивное влияние, вовлечение в преступление, информационно-телекоммуникационные технологии

Для цитирования: Турунова М. Н. Субъекты противодействия влиянию интернета на преступность несовершеннолетних // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4 (96). – С. 158–165; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-158-165.

Meruert N. Turunova

Graduate

<https://orcid.org/0000-0001-9386-0859>, meruertmn@icloud.com

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Subjects of counteraction to the Internet influence on juvenile delinquency

Abstract: The relevance of the study is determined by the fact that negative processes in any sphere of public life most painfully affect minors, requiring special attention in the direction of eliminating destructive phenomena. The situation is aggravated by general globalization, the development of the digital environment, the growth of mobile communications, the escalation of organized crime beyond national boundaries, etc.

of the research is determined by the fact that negative processes in any sphere of public life most painfully affect minors, requiring special attention in the direction of eliminating destructive phenomena. The situation is aggravated by general globalization, the development of the digital environment, the growth of mobile communications, the escalation of organized crime beyond national boundaries, etc.

Under the current conditions, countering juvenile delinquency mediated by the destructive influence of the Internet, in which special powers are defined for internal affairs bodies, is of particular importance.

The purpose of the article is to reflect the features and problems of legal regulation of the powers of the internal affairs bodies in the field of combating crime associated with the destructive impact on the personality of a minor of the global information network.

The object of research is aimed at studying of measures to combat juvenile delinquency, mediated by the destructive influence of the Internet.

Problems of legal regulation and ways to overcome them are considered as a subject,

Research methods: analysis, modeling, generalization, classification, analogy.

The article reflects issues related to the powers of the internal affairs bodies to combat juvenile delinquency, mediated by the negative influence of the network, the system of counteraction subjects with which the internal affairs bodies interact.

Novelty: due to the dynamism of the impact of the Internet on the personality of a minor, in combination with circumstances considered as criminogenic, some adjustments are proposed in the work to combat crime produced by such influence and implemented by the internal affairs bodies. It is proposed to include in the Instruction on the organization of the activities of juvenile divisions of the internal affairs bodies of the Russian Federation, approved by order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated October 15, 2013 No. 845, a new section «Organization of work on the prevention of juvenile crimes caused by the influence of the information and telecommunication network «Internet»» with an indication of the main directions and forms of prevention, allowing to expand the content of the juvenile divisions activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation.

Keywords: Internet, minor, crime, criminogenic situation, destructive influence, involvement in crime, information and telecommunication technologies

For citation: Turunova M. N. Subjects of counteraction to the Internet influence on juvenile delinquency // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 4 (96). – P. 158–165; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-158-165.

Введение. Интернет, представляющий собой глобальную децентрализованную систему многоаспектных информационно-телекоммуникационных корреляций со специальным предназначением, заключающимся в целевой трансляции (передаче) информации посредством вычислительной техники и сетей связи [1, с. 7], оказывает как положительное, так и негативное влияние на личность несовершеннолетнего, способствуя тем самым и созиданию, и разрушительному воздействию на нравственные и иные ценности. Помимо нарастания стресса, как и увеличения рисков формирования депрессивного состояния [2, с. 309], интернет-аддикции, неврозов, изменяется вся человеческая природа несовершеннолетнего, формируется новый феномен «Homo Virtualis», подвергающийся деструктивному воздействию сети. В результате подобных явлений у несовершеннолетнего возникает неспособность адекватно оценивать ситуацию, возникшую проблему, формулировать правильные выводы [3], происходит модификация ценностных ориентаций [4, с. 16], способствующих развитию детерминант преступности. Понимание подобных проблем криминогенной подверженности лиц возраста несовершеннолетия деструктив-

ному влиянию информационно-инновационной глобализации, криминогенному воздействию интернета способствует необходимости профилактики преступности, опосредованной подобным влиянием, системой субъектов профилактики преступности, в которой ведущая и координирующая роль принадлежит органам внутренних дел (ОВД России).

Вопросы деструктивного влияния информационных технологий на психологическое и социальное состояние и преступность несовершеннолетних находятся в центре внимания учёных. Тема разработанности обозначенных проблем в современной науке, однако, не является достаточной в связи с увеличением криминогенных рисков в интернете. Фокус одних исследований направлен на изучение фактов негативного воздействия интернета на личность несовершеннолетнего (игровая зависимость; виртуальные знакомства с лицами, характеризующимися противоправным поведением; знакомства в среде неформальных молодёжных групп; навязчивая потребность в азартных играх) (Ю. А. Егоров, Н. А. Кузнецова, Е. А. Петрова [5], О. М. Шабалин [6], М. Д. Герасимова [7], др.). Часть учёных исследует деструктивное поведение, проявляющееся в возрасте не-

совершеннолетия под влиянием негативной интернет-информации с корреляцией психологических, поведенческих факторов риска, разрушающих внешние и внутренние структуры несформированной личности, способствующие противоправным деяниям (В. В. Каберник [8], Е. Д. Муханова [9], К. А. Иванова, А. А. Степанов, Е. В. Немчимов [10] и др.). Отдельные учёные изучают деятельность ОВД России по профилактике деяний, обусловленных особым деструктивным влиянием информационно-телекоммуникационного пространства на личность несовершеннолетнего (Г. Ф. Хаметдинова [11], С. С. Дубов [12], С. Э. Жаркова [13] и др.).

Цель статьи заключается в выявлении особенностей и проблем профилактики преступности лиц возраста несовершеннолетия, обусловленной воздействием криминогенных факторов интернета, реализуемой ОВД России как одним из субъектов профилактики преступности.

Задачи исследования: проведение научного анализа профессиональных полномочий ОВД России в сфере профилактики преступности несовершеннолетних, обусловленной деструктивным влиянием сети; выявление проблем; обоснование предложений, направленных на повышение эффективности профилактического воздействия на систему детерминант преступности, продуцируемой влиянием интернет-контента.

Описание исследования. Принимая во внимание современный уровень киберугроз в отношении несовершеннолетних как комплекс криминологически значимых специфик информационных технологий интернета, негативно воздействующих на несовершеннолетнего: на психическое, нравственное здоровье; на возможность информационного управления личностью; на поддержку социально опасных позиций, взглядов, а также в связи с констатацией нарушений у несовершеннолетнего в механизмах детерминации позитивного поведения, формированием противоправного поведения, особое значение приобретает профилактика преступности, продуцируемой подобным влиянием.

Об актуальности профилактики преступности, опосредованной деструктивным влиянием интернета, и об особой (ведущей, координирующей) роли в системе субъектов профилактики преступности, принадлежащей ОВД России, свидетельствуют позиция Конституционного Суда РФ¹ и анализ национальных статистических данных. В 2021 г. было зарегистрировано 518 тыс. деяний, совершённых с использованием информационных технологий, в том числе, преступлений несовершеннолетних, что больше на 1,4 %, чем в 2022 г., и в 1,8

раза, чем в 2019 г. При этом численность заявлений о кибермошенничестве (хищение, совершённое посредством обмана и с использованием электронных средств платежа) увеличилась на 5,1 %, превысив 249 тыс. деяний. По итогам 2021 года ущерб от деяний, связанных с компьютерными преступлениями, был оценён в 150 млрд рублей. Около четверти противоправных посягательств было обусловлено иными составами, например, незаконная организация, проведение азартных игр, в которые активно вовлекаются несовершеннолетние.

Однако благодаря деятельности ОВД России по профилактике преступности, в 2021 г. число заявлений о возбуждении уголовных дел по поводу деяний с компьютерным взломом сократилось на 10,6 %, составив 157 тыс.²; в первом полугодии 2022 г. массив деяний, совершённых посредством деструктивного влияния интернета, уменьшился на 6,9 %³ (249 тыс.) – кибермошенничество, кардинг, фишинг и иные. В целом благодаря профилактике преступности, реализуемой ОВД России, в 2022 г. отмечается постепенное снижение уровня преступности, опосредованной влиянием интернета, в т. ч. преступности несовершеннолетних и против несовершеннолетних (2018 г. – 80 тыс. дел; 2019 г. – 117,6 тыс. дел; 2020 г. – 225,5 тыс. дел; 2021 г. – 271,1 тыс. дел). В первом полугодии 2022 г. уменьшился массив преступлений, совершённых с применением пластиковых карт (с 89,9 тыс. до 61,9 тыс. дел); совершённых посредством мошенничества при помощи телефонных звонков (с 108,9 тыс. до 95,1 тыс.), при применении иных информационно-телекоммуникационных систем (с 18,7 тыс. до 15,6 тыс.). Однако, в первом полугодии 2022 г. возросло число кибератак, как совершённых лицами возраста несовершеннолетия, так и против несовершеннолетних⁴.

Сопоставляя уровень преступности несовершеннолетних в 2020 г. и в 2021 г., необходимо отметить: в 2021 г. в структуре национальной преступности киберпреступления составили 26,5 % (271,1 тыс.), при этом в результате эффективной профилактики со стороны ОВД России темпы прироста подобных посягательств снижены (по сравнению с 2020 г. – март: + 33,7 %, апрель: + 31,5 %, май: + 25,7 %, июнь: + 20,3 %). В почти 3,3 тыс. деяний жертвами преступлений выступали несовершеннолетние⁵. Общая рас-

² Число киберпреступлений в России выросло в 1,8 раза [Электронный ресурс] // TAdviser – портал выбора технологий и поставщиков : сайт. – URL: <https://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения: 25.11.2022).

³ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–август 2022 года. [Электронный ресурс]. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/32515852/> (дата обращения: 25.11.2022).

⁴ Шатухин Даниил. МВД: в первой половине 2022 года впервые снизилось количество преступлений, совершённых с помощью ИТ [Электронный ресурс] // Хабр : сайт. – URL: <https://habr.com/ru/news/t/680246/> (дата обращения: 25.11.2022).

⁵ Генеральная прокуратура. Состояние преступности в России. 2019, 2020, 2021 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <https://genproc.gov.ru> (дата обращения: 25.11.2022).

¹ По запросу Лабитнангского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа «О части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2011 года № 1623-О-О [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. – URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Secretariat/> (дата обращения: 25.11.2022).

крываемость со стороны ОВД России составила 51,7 % преступлений, уголовному преследованию подверглись более 716,5 тыс. лиц (меньше на 0,2 %, чем в 2020 г.), среди которых 23,5 тыс. несовершеннолетних (меньше на 13,4 %, чем в 2020 г.), при этом, каждый пятый несовершеннолетний (4,1 тыс. человек) до совершения деяния состоял на профилактическом учёте в подразделениях ОВД по делам несовершеннолетних. В первом полугодии 2022 г., несмотря на снижение уровня преступности несовершеннолетних на 5,7 % (связывается с результатами профилактической деятельности участковых уполномоченных полиции и инспекторов по делам несовершеннолетних), подростки по-прежнему оказываются втянутыми в преступность, обусловленную влиянием интернета. Как отмечает директор по развитию российской компании «РТК-Солар», несовершеннолетние за вознаграждение принимают активное участие как в кардинге (вид мошенничества с использованием платёжных карт), так и в политическом хактивизме (незаконное использование компьютеров в целях продвижения политических идей), в распространении компьютерных вирусов. Отмечено увеличение в 2022 г. участия данных лиц в партизанских преступных кибердружинах, которые совершают все больше преступлений посредством установки на компьютере вредоносного программного обеспечения⁶.

Сущность профилактики подобной преступности, реализуемой ОВД России, заключается в целенаправленной правоохранительной деятельности по претотвращению преступных актов несовершеннолетних, опосредованных негативным влиянием сети, реализуемой при взаимодействии с иными специализированными и неспециализированными субъектами профилактики: по обнаружению, изучению, фиксации противоправных актов, по устранению причин и условий преступности, обусловленной влиянием сети, по правовому воспитанию лиц, характеризующихся девиантным, делинквентным поведением, т. е. склонных к совершению преступления, по ресоциализации [14, с. 277].

О ведущей и координирующей роли ОВД России в сфере профилактики преступности лиц возраста несовершеннолетия, которая опосредована деструктивным влиянием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», об укреплении уверенности граждан в защищённости от киберпреступности свидетельствует анкетирование граждан, проведённое автором в 2019–2021 гг. (2019 г. – 55,7 %, 2020 г. – 65,9 %, 2021 г. – 68,1 %) ⁷.

⁶ Известия: подростков всё чаще вовлекают в совершение киберпреступлений [Электронный ресурс] // Gazeta.ru: сайт – URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2022/10/19/18827863.shtml?updated> (дата обращения: 25.11.2022).

⁷ Уточнённый годовой отчёт Министерства внутренних дел Российской Федерации о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» за 2021 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/gosprogram/Gosprogramma/2020> (дата обращения: 25.11.2022).

На результативность профилактики преступности несовершеннолетних, продуцируемой интернет-контентом, реализуемой ОВД России, оказывает положительное влияние криминологический мониторинг, представляющий собой сбор и анализ статистической информации, позволяющей установить количественные показатели, уровень латентности, причины, условия и последствия преступных деяний, особенности личности преступника. Посредством криминологического мониторинга ОВД России исследуется генезис преступности, обусловленной влиянием интернета, и формируется система мер общей и индивидуальной профилактики, определяется их эффективность. Основная цель криминологического мониторинга – определение уровня криминологической безопасности, оценка эффективности деятельности ОВД России по профилактике преступности [15].

Прогнозирование как сегмент криминологического мониторинга, осуществляемого в НИИ Университета прокуратуры РФ во взаимодействии с ОВД России и ВНИИ МВД России, в том числе посредством применения математических методов и метода экспоненциального криминологического сглаживания, реализуется на основе анализа количественных и качественных особенностей причин преступности несовершеннолетних, обусловленной влиянием интернета.

Криминологический мониторинг свидетельствует, что основные направления профилактической деятельности ОВД России в 2020–2022 гг. – это обеспечение эффективности профилактики преступных деяний, включая преступность несовершеннолетних, реализуемой посредством воздействия информационно-телекоммуникационных технологий. Так, в рамках Межгосударственной программы совместных мер борьбы с преступностью на 2019–2023 гг. в 2020–2022 гг. ОВД России проведены мероприятия по профилактике, выявлению и пресечению преступлений, связанных с производством и распространением в интернете порнографической и экстремистской продукции, а также эксплуатацией несовершеннолетних. В результате органами внутренних дел в России выявлено около 400 преступлений, из которых 279 имели отношение к производству порнографической продукции и распространению её посредством интернета. Так, за совершение данных деяний в 2020 г. к уголовной ответственности привлечены 116 лиц; пресечена противоправная деятельность в интернете двух организованных преступных групп; выявлено 1615 фактов вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность, 77 % из которых реализовано посредством информационно-телекоммуникационной сети⁸. Аналогичная слож-

⁸ Уточнённый годовой отчёт Министерства внутренних дел Российской Федерации о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» за 2020 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/gosprogram/Gosprogramma/2020> (дата обращения: 25.11.2022).

ная ситуация складывалась в 2021 и 2022 гг. При этом доля преступности несовершеннолетних от общего массива преступности в 2021 г. составила 2,6 %, среди которых лиц в возрасте 14–17 лет – 4,9 %, были осуждены 14855 несовершеннолетних, в том числе за киберпреступления⁹.

Признавая ведущую и координирующую роль ОВД в системе субъектов профилактики преступности лиц возраста несовершеннолетия, обусловленной негативным влиянием интернета, необходимо отметить, что основания для признания того, что все подразделения ОВД России реализуют полномочия в сфере профилактики подобных преступлений, отсутствуют. Между тем некоторые подразделения ОВД России характеризуются высокими результатами деятельности именно в данной сфере.

Значительный объём подобных полномочий осуществляют подразделения участковых уполномоченных полиции, а также созданных в системе ОВД России IT-подразделений по противодействию деяниям, совершённым посредством интернета; Бюро специальных технических мероприятий Управления «К»; УОС МВД России (подразделения по взаимодействию с институтами гражданского общества и средствами массовой информации); следственные подразделения ОВД России; подразделения уголовного розыска, органов дознания и входящие в их структуру территориальные, в т. ч. линейные управления органов полиции на стадии предварительного расследования.

С целью профилактики преступности лиц возраста несовершеннолетия, обусловленной негативным влиянием интернет-контента, в 2020–2022 гг. увеличено присутствие ОВД России в различных мероприятиях, отражённых на «Официальном интернет-сайте МВД России», на интернет-площадках в социальных сетях «ВКонтакте» (количество участников – более 227 тыс.), «Одноклассники» (более 201 тыс. человек), «Facebook» (около 22 тыс. человек), Твиттер-ленте МВД России (152 тыс. человек), на странице «Пресс-центр МВД России» в сети Instagram (более 272 тыс. человек), в том числе в рамках официального канала МВД России на видеохостинге «YouTube» (более 56 тыс. человек)¹⁰.

МВД России с целью профилактики преступности, обусловленной деструктивным влиянием интернета на личность несовершеннолетнего, принимает участие в реализации государственной программы «Безопасный интернет», в рамках которой в 2008 г. создан Центр

безопасного интернета¹¹. Посредством данного института, признанного уполномоченным российским членом Европейской сети Центров безопасного интернета (Insafe), действующим в рамках Европейской Комиссии (Safer Internet Programme) и объединяющим российские Центры безопасного интернета стран Евросоюза и Российской Федерации, реализуются мероприятия по снижению уровня киберугроз. В Центре создана Молодежная интернет-палата, представляющая собой сообщество несовершеннолетних, которые нуждаются в полезном для развития личности интернет-пространстве. Во взаимодействии с ОВД России Молодежная интернет-палата реализует меры по ослаблению киберугроз с помощью пропаганды общепризнанных ценностей, распространения познавательных интернет-ресурсов, информирования о механизмах обеспечения безопасности в сети, предоставлению помощи в формировании безопасных образовательных и развивающих сервисов для лиц возраста несовершеннолетия. В Центре организуются встречи с представителями правоохранительных органов, органов законодательной и исполнительной власти по вопросам профилактики противодействия негативному влиянию интернета, осуществляется постоянное межрегиональное взаимодействие субъектов профилактики преступности.

МВД России для повышения эффективности профилактики преступности несовершеннолетних, связанной с негативным воздействием интернета, участвует в реализации многих региональных программ. Подобный комплексно-целевой подход нашёл отражение в программе «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Кемеровской области – Кузбассе на 2021–2023 годы», где сказано, что особой проблемой современного общества является использование информационно-телекоммуникационных технологий для совершения антиобщественных актов, в т. ч. против несовершеннолетних, как особо уязвимой категории в данных условиях.

В связи с этим со стороны как органов внутренних дел, так и других субъектов профилактики необходима более эффективная деятельность, направленная на пресечение бесконтрольного использования интернета подростками, способствующего психотравмирующему воздействию на личность, побуждающего к рискованному, агрессивному, жестокому поведению, склонению и вовлечению несовершеннолетних в преступную деятельность, в деструктивные организации, а также к суициду¹².

⁹ Шамаева Екатерина. В 2021 году в России осудили 14855 несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Тиньков-журнал : сайт. – URL: <https://journal.tinkoff.ru/juvenile-justice-stat/> (дата обращения: 25.11.2022).

¹⁰ Уточнённый годовой отчёт Министерства внутренних дел Российской Федерации о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» за 2020 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/gosprogram/Gosprogramma/2020> (дата обращения: 10.01.2022).

¹¹ Центр безопасного интернета России [Электронный ресурс] // Официальный сайт. – URL: <http://www.saferunet.ru> (дата обращения: 10.11.2022).

¹² Об утверждении комплексной программы «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Кемеровской области – Кузбассе» на 2021–2023 годы : постановление Правительства Кемеровской области – Кузбасса от 2 февраля 2021 г. № 44 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/574613686> (дата обращения: 10.11.2022).

Посредством взаимодействия органов внутренних дел с другими субъектами профилактики (с Главным управлением наркоконтроля МВД России, Следственным комитетом России, ФСБ России и т. п.), предпринимаются меры по профилактике наркопреступности, по снижению актов вовлечения несовершеннолетних в подобную деятельность, а также в потребление наркотиков. Так, в 2021 г. при участии ОВД России в комплексной оперативно-профилактической операции «Дети России-2021», реализуемой Главным управлением наркоконтроля МВД России, было выявлено и раскрыто 4742 преступления несовершеннолетних, связанных с оборотом наркотиков, 75 % из которых были обусловлены деструктивным влиянием интернет-контента. С указанной целью ОВД России проведено около 50000 мероприятий, проверено 7,6 тыс. организаций, в которых круглосуточно находятся несовершеннолетние. В рамках данного прогрессивного проекта ОВД России при взаимодействии с Министерством здравоохранения, Министерством образования и науки, Министерством просвещения и Федеральным агентством по делам молодёжи (Росмолодёжь) реализовано около 157 тыс. информационно-просветительских интерактивных мероприятий (два этапа: с 5 по 14 апреля 2021 г. и с 15 по 24 ноября 2021 г.)¹³.

Определённые полномочия по профилактике преступности несовершеннолетних, которая связана с негативным влиянием интернета, возложены на подразделения ОВД России по делам несовершеннолетних, которые изучают и используют материалы, размещённые в средствах массовой информации, сообщения органов власти, общественных объединений, обращения граждан, другие материалы, включающие публичную информацию; извещают территориальный орган Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций о выявлении на страницах интернет-сайтов сведений о пропаганде суицида, об иных действиях противоправного характера, опасных для жизни и здоровья несовершеннолетних.

Анализ приказа МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации», в котором отражены названные полномочия, показывает, что в документе отсутствует правовая норма, устанавливающая непосредственные способы воздействия подразделений по делам несовершеннолетних ОВД России на несовершеннолетних, находящихся под воздействием деструктивной интернет-информации.

В результате подобного законодательного подхода акцент сделан не на профилактику пре-

ступной деятельности молодёжи, а на устранение её последствий, на противодействие явлениям рецидива, на ресоциализацию.

Результаты исследования. Принимая во внимание дефиницию категории «информационная безопасность» (состояние защищённости, при котором отсутствует риск, имеющий корреляцию с причинением негативной информацией вреда здоровью, физическому и психическому, духовному, развитию личности несовершеннолетнего), необходимо совершенствование правового регулирования профилактики подобного воздействия со стороны подразделения ОВД России по делам несовершеннолетних посредством дополнительных компетенций. Целесообразно включить в Инструкцию по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних ОВД России, утверждённую приказом МВД России от 15 октября 2013 г. № 845, новый раздел «Организация работы по профилактике преступлений несовершеннолетних, обусловленных влиянием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»», указав основные направления и формы профилактики, позволяющие расширить содержание деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации.

Усилению практико-ориентированного подхода к профилактике преступности способствует также взаимодействие сотрудников ОВД России с разработчиками программного обеспечения, с представителями различных образовательных организаций.

В связи с динамикой криминогенного воздействия интернета на несовершеннолетнего в сочетании с обстоятельствами, рассматриваемыми традиционно в качестве криминогенных, национальная модель профилактики преступности, продуцируемая подобным влиянием, и реализуемая ОВД России, должна формироваться также посредством:

- максимального участия ОВД России в разработке государственных программ по профилактике преступности, в том числе по молодёжной политике;

- взаимодействия ОВД России со специализированными учреждениями для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации (социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних, осуществляющие профилактику правонарушений, безнадзорности и социальную реабилитацию лиц, оказавшихся в сложной жизненной ситуации; социальные приюты для несовершеннолетних, обеспечивающие временное проживание и социальную реабилитацию лиц, нуждающихся в экстренной социальной помощи; центры помощи детям-сиротам и несовершеннолетним, оставшимся без попечения родителей, предназначенные для временного содержания, оказания содействия в дальнейшем устройстве).

В заключение отметим: поскольку на современном этапе преимущественно воздействием информационных ресурсов интернета несовер-

¹³ Фалалеев Михаил. Полиция выявила 4742 наркопреступления среди несовершеннолетних // Российская газета. – 2021. – 12 декабря.

шеннолетние получают доступ к деструктивной информации о склонении, вовлечении в преступность, включая сферу террористической, экстремистской направленности, как и к информации, которая провоцирует суицидальное и другое опасное для личности несовершеннолетнего поведение, сущность профилактики данной преступности со стороны ОВД России целесообразно определить в качестве целенаправленной деятельности, реализуемой при вза-

имодействии с иными специализированными и неспециализированными субъектами профилактики по выявлению, изучению и фиксации, устранению детерминант преступности, продуцируемой интернетом, по общей и индивидуальной профилактике, включая сферу правового воспитания несовершеннолетних, в том числе, которые характеризуются противоправным поведением, различными рисками, включая интернет-аддикцию.

Список литературы

1. Анисимова А. С. К вопросу о понятии сети «Интернет» в теории права и законодательстве // Юридическая наука. – 2015. – № 4. – С. 5–8.
2. Рогач О. В., Фролова Е. В. Анализ влияния социальных сетей на современных подростков: ключевые проблемы и деструктивные последствия // Вестник Пермского университета. – 2022. – № 2. – С. 305–314.
3. Уварова Л. Н., Арсланова Н. Р. Исследование влияние Интернета на людей // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. – 2021. – № 01 (54). [Электронный ресурс] сайт научно-издательского центра «Открытое знание». – URL: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/issledovanie-vliyanie-interneta-na-lyudej.html> (дата обращения: 20.11.2022).
4. Беляев Д. А. Виртуальное Net-бытие пост (сверх) человека // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2012. – № 3 (18). – С. 68–73.
5. Егоров А. Ю., Кузнецова Н. А., Петрова Е. А. Особенности личности подростков с интернет-зависимостью // Вопросы психического здоровья детей и подростков. – 2005. – Т. 5. – № 2. – С. 20–27.
6. Шабалин О. М. О необходимости исследования влияния интернета на делинквентное поведение несовершеннолетних // Вестник ПГГПУ. – 2017. – № 2. Гуманитарные и общественные науки. – С. 175–180.
7. Герасимова Д. В. Интернет и его влияние // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 11 (часть 4). – С. 649–651.
8. Каберник В. В. Инновации в методах вербовки, используемых террористическими организациями в цифровой среде // Противодействие идеологии терроризма в образовательной сфере и молодежной среде (сборник статей). – 2019. – № 5. – С. 117–124.
9. Муханова Е. Д. Новые формы кибер-буллинга в социальных сетях (на примере «сообществ смерти») // Современное образование. – 2020. – № 2. – С. 43–58.
10. Иванов К. А., Степанов А. А., Немчинов Е. В. Правовое регулирование в информационной сфере // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 1 (98) январь. – С. 96–101.
11. Хаметдинова Г. Ф. Полномочия инспектора подразделения по делам несовершеннолетних в сфере обеспечения безопасности детей в информационном пространстве // Вестник экономической безопасности. – 2020. – № 3 (40). – С. 65–70.
12. Дубов С. С., Линьков В. В., Карбаинова М. А. Информационная безопасность ребёнка в цифровом пространстве Российской Федерации // Российский технологический журнал. – 2019. – Т. 7. – № 4 (30). – С. 21–30.
13. Жаркова С. Э. Влияние информационного пространства на формирование социальной безопасности личности ребёнка // Социально-экономические, политические и исторические аспекты развития северных и арктических регионов России : материалы всероссийской науч. конф. (с международным участием) (17–18 октября 2018 г., Сыктывкар): в 2 ч. – Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСИУ, 2018. – Ч. 2. – 198 с.
14. Иваницкий А. А. Профилактика преступлений в Российской Федерации // Вопросы студенческой науки. – 2020. – № 11 (51). – С. 276–279.
15. Ишук Я. Г., Пинкевич Т. В., Смольянинов Е. С. Цифровая криминология. Москва: Академия управления МВД России, 2021. – URL: https://mvd.ru/upload/site120/folder_page/015/122/996/Tsifrovaya_kriminologiya.pdf (дата обращения: 20.11.2022).

References

1. Anisimova A. S. K voprosu o ponyatii seti «Internet» v teorii prava i zakonodatel'stve // Yuridicheskaya nauka. – 2015. – № 4. – S. 5–8.
2. Rogach O. V., Frolova Ye. V. Analiz vliyaniya sotsial'nykh setey na sovremennykh podrostkov: klyuchevyye problemy i destruktivnyye posledstviya // Vestnik Permskogo universiteta. – 2022. № 2. – S. 305–314.
3. Uvarova L. N., Arslanova N. R. Issledovaniye vliyaniye Interneta na lyudey // Mir pedagogiki i psikhologii: mezhdunarodnyy nauchno-prakticheskiy zhurnal. – 2021. – № 01 (54). [Elektronnyy resurs] Sayt nauchno-izdatel'skogo tsentra «Otkrytoye znaniye». – URL: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/issledovanie-vliyanie-interneta-na-lyudej.html> (data obrashcheniya: 20.11.2022).

4. *Belyayev D. A.* Virtual'noye Net-bytiye post (sverkh) cheloveka // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2012. – № 3 (18). – S. 68–73.
5. *Yegorov A. Yu., Kuznetsova N. A., Petrova Ye. A.* Osobennosti lichnosti podrostkov s internet-zavisimost'yu // Voprosy psikhicheskogo zdorov'ya detey i podrostkov. – 2005. – Т. 5. – № 2. – S. 20–27.
6. *Shabalin O. M.* O neobkhodimosti issledovaniya vliyaniya interneta na delinkventnoye povedeniye nesovershennoletnikh // Vestnik PGGPU. – 2017. – № 2. Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki. – S. 175–180.
7. *Gerasimova D. V.* Internetiyeogo vliyaniye // Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy. – 2016. – № 11 (chast' 4). – S. 649–651.
8. *Kabernik V. V.* Innovatsii v metodakh verbovki, ispol'zuyemykh terroristicheskimi organizatsiyami v tsifrovoy srede // Protivodeystviye ideologii terrorizma v obrazovatel'noy sfere i molodozhnoy srede (sbornik statey). – 2019. – № 5. – S. 117–124.
9. *Mukhanova Ye. D.* Novyye formy kiber-bullinga v sotsial'nykh setyakh (na primere «soobshchestv smerti») // Sovremennoye obrazovaniye. – 2020. – № 2. – S. 43–58.
10. *Ivanova K. A., Stepanov A. A., Nemchimov Ye. V.* Pravovoye regulirovaniye v informatsionnoy sfere // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. – 2019. – № 1 (98) yanvar'. – S. 96–101.
11. *Khametdinova G. F.* Polnomochiya inspektora podrazdeleniya po delam nesovershennoletnikh v sfere obespecheniya bezopasnosti detey v informatsionnom prostranstve // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. – 2020. – № 3 (40). – S. 65–70.
12. *Dubov S. S., Lin'kov V. V., Karbainova M. A.* Informatsionnaya bezopasnost' rebonka v tsifrovom prostranstve Rossiyskoy Federatsii // Rossiyskiy tekhnologicheskii zhurnal. – 2019. – Т. 7. – № 4(30). – S. 21–30.
13. *Zharkova S. E.* Vliyaniye informatsionnogo prostranstva na formirovaniye sotsial'noy bezopasnosti lichnosti rebonka // Sotsial'no-ekonomicheskkiye, politicheskkiye i istoricheskkiye aspekty razvitiya severnykh i arkticheskikh regionov Rossii : materialy vsrossiyskoy nauch. konf. (s mezhdunarodnym uchastiyem) (17–18 oktyabrya 2018 g., Syktyvkar): v 2 ch. – Syktyvkar: GOU VO KRAGSiU, 2018. – CH. 2. – 198 s.
14. *Ivanitskiy A. A.* Profilaktika prestupleniy v Rossiyskoy Federatsii // Voprosy studencheskoy nauki. – 2020. – № 11 (51). – S. 276–279.
15. *Ishchuk Ya. G., Pinkevich T. V., Smol'yaninov Ye. S.* Tsifrovaya kriminologiya. Moskva: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2021. – URL: https://mvd.ru/upload/site120/folder_page/015/122/996/Tsifrovaya_kriminologiya.pdf (data obrashcheniya: 20.11.2022).

Статья поступила в редакцию 25.08.2022; одобрена после рецензирования 30.11.2022; принята публикации 02.12.2022.

The article was submitted August 25, 2022; approved after reviewing November 30, 2022; accepted for publication December 2, 2022.

Общая педагогика, история педагогики и образования

Научная статья
УДК 376.58
doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-166-172

Татьяна Витальевна Калашникова
кандидат психологических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0003-0131-5824>, tana-ka58@yandex.ru

Мария Михайловна Калашникова
кандидат психологических наук
<https://orcid.org/0000-0001-5550-5290>, maria-ka@yandex.ru

*Академия ФСИИ России,
Российская Федерация, 390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1*

Роль С. П. Яковлева в организации работы воспитательно-исправительных приютов для несовершеннолетних женского пола с девиантным поведением в России

Аннотация: В статье на основе архивных материалов впервые рассматривается историография жизненного пути С. П. Яковлева – государственного и общественного деятеля, книгоиздателя, литератора, журналиста, благотворителя. Особое внимание уделено его роли в деятельности по исправлению, воспитанию и образованию несовершеннолетних нищенствующих, преступивших закон девочек. С. П. Яковлев стал организатором, попечителем первого в России специализированного воспитательно-исправительного приюта для них, разработчиком устава приюта. Передовые психолого-педагогические идеи относительно работы с данной категорией несовершеннолетних с девиантным поведением, опыт работы приюта он представлял и отстаивал в многочисленных публикациях в журналах, отчётах о деятельности Болшевского приюта, докладах на международных тюремных конгрессах, съездах представителей воспитательно-исправительных заведений в России. Им ставились и решались в рамках деятельности Болшевского приюта вопросы об особенностях подбора, работы, функциональных обязанностей персонала приюта; об исправительных приютах как профессиональных ремесленно-учебных заведениях, с необходимым объёмом школьных знаний в рамках программы начальных училищ; об учёте индивидуальных особенностей и способностей воспитанниц при обучении ремёслам с предоставлением им после выхода из приюта возможности трудоустройства; о необходимости патроната как обязанности приюта с учётом знаний об индивидуально-психологических особенностях патронируемых, причин, которые привели к правонарушениям, о степени исправления к моменту выхода из приюта.

Признанием его заслуг явилось переименование Болшевского приюта в 1900 г. в Яковлевский.

Ключевые слова: С. П. Яковлев, несовершеннолетние женского пола, воспитательные приюты, персонал, патронат, воспитание, международные тюремные конгрессы

Для цитирования: Калашникова Т. В., Калашникова М. М. Роль С. П. Яковлева в организации работы воспитательно-исправительных приютов для несовершеннолетних женского пола с девиантным поведением в России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4 (96). – С. 166–172; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-166-172.

Tatiana V. Kalashnikova

Cand. Sci. (Psy.), Professor

<https://orcid.org/0000-0003-0131-5824>, tana-ka58@yandex.ru

Maria M. Kalashnikova

Cand. Sci. (Psy.)

<https://orcid.org/0000-0001-5550-5290>, maria-ka@yandex.ru candidate of

*Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia,
1, Sennaya str., Ryazan, 390000, Russian Federation*

The role of S. P. Yakovlev in organizing the work of educational and correctional shelters for female minors with deviant behavior in Russia

Abstract: Based on archival materials, the article for the first time examines the historiography of the life path of S. P. Yakovlev, a statesman and public figure, book publisher, writer, journalist, philanthropist. Particular attention is paid to his role in the activities of the correction, upbringing and education of underage beggar girls who have broken the law. S. P. Yakovlev became the organizer, trustee of the first specialized educational and correctional shelter for them in Russia, the developer of the shelter's charter. He presented and defended advanced psychological and pedagogical ideas regarding work with this category of minors with deviant behavior, the experience of the shelter in numerous publications in magazines, reports on the activities of the Bolsheviky shelter, reports at international prison congresses, congresses of representatives of educational and correctional institutions in Russia. Within the framework of the activities of the Bolsheviky shelter, he raised and resolved questions about the features of the selection, work, and functional duties of the staff of the shelter; about correctional shelters as professional trade and educational institutions, with the necessary amount of school knowledge within the framework of the program of elementary schools; on taking into account the individual characteristics and abilities of pupils when teaching crafts with the provision of employment opportunities for them after leaving the shelter; about the need for patronage as a duty of the shelter, taking into account the knowledge about the individual psychological characteristics of the patronized, the reasons that led to the offenses, about the degree of correction by the time of leaving the shelter.

Recognition of his merits was the renaming of the Bolsheviky shelter in 1900 to Yakovlevsky.

Keywords: S. P. Yakovlev, female minors, educational shelters, staff, patronage, education, international prison congresses

For citation: Kalashnikova T. V., Kalashnikova M. M. The role of S. P. Yakovlev in organizing the work of educational and correctional shelters for female minors with deviant behavior in Russia // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 4 (96). – P. 166–172; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-166-172.

Актуальность

Категория несовершеннолетних осуждённых женского пола считается наиболее сложной среди всей популяции осуждённых не только в проявлении индивидуально-психологических и социально-психологических особенностей личности, но и в организации процесса их исправления, ресоциализации и реабилитации [8; 10]. Исторически сложилось невнимательное отношение к данной категории осуждённых, объясняемое в первую очередь относительно низким удельным весом преступности несовершеннолетних женского пола как в преступности несовершеннолетних, так и в общей преступности.

Значимость для исправления и ресоциализации несовершеннолетних осуждённых женского пола имеет психолого-педагогическая

работа в условиях воспитательного учреждения, исторически опирающаяся больше на практический опыт А. С. Макаренко, меньше – В. Н. Сорока-Россинского, С. Т. Шацкого. Возможно, у персонала современных воспитательных учреждений есть знания об опыте К. В. Рукавишниковой в создании воспитательно-исправительного приюта в Москве для мальчиков [6; 7]. Если же спросить, кто такой Сергей Павлович Яковлев и какова его роль в истории профилактики преступности несовершеннолетних в России, то кроме специалистов узкого профиля ответить на этот вопрос смогут немногие практические работники, осуществляющие функции исправления, ресоциализации и реабилитации несовершеннолетних осуждённых.

С. П. Яковлев

До революционных событий 1917 года в России озабоченность проблемами преступности, бродяжничества, проституции несовершеннолетних женского пола со стороны передовых представителей общества способствовала открытию в 1874 году первого в стране специализированного воспитательно-исправительного приюта для девочек – Болшевского. Основательницей приюта была княгиня А. Н. Стрекалова, а одним из попечителей – Сергей Павлович Яковлев.

Представляется важным в связи с этим рассмотрение вопроса о роли С. П. Яковлева в организации работы воспитательно-исправительного приюта для несовершеннолетних женского пола с девиантным поведением, в том числе и осуждённых за различные виды преступлений. Это позволит актуализировать прошлый положительный опыт психолого-педагогического воздействия на данную категорию несовершеннолетних с целью повышения эффективности исправления и ресоциализации несовершеннолетних осуждённых женского пола на современном этапе функционирования воспитательных колоний уголовно-исполнительной системы [9, с. 134].

Описание исследования

Историография жизненного пути С. П. Яковлева (1839–1906) незначительна, основной материал представлен О. Р. Фрейман

в работе «Пажи за 185 лет» (1895)¹. В этом же источнике удалось обнаружить и фотографию С. П. Яковлева². Исследование разрозненных, кратких дополнительных информативных материалов позволило установить, что С. П. Яковлев родился 10 июня 1839 года в православной семье дворян Владимирской губернии. Отец – штабс-ротмистр Павел Павлович Яковлев (1806–1870), мать – Елизавета Васильевна (1818–1883) из рода Калачовых. В родительской семье кроме С. П. Яковлева было ещё двое детей: сестра Софья Павловна (1850–?) и младший брат Михаил Павлович (1855–1930).

Сергей Павлович Яковлев был старшим ребёнком в семье. Он получил военное образование, обучаясь в престижном военно-учебном заведении Российской империи – Пажеском корпусе, готовившем кадровых офицеров лейб-гвардии. В старшем классе был произведён в звание камер-пажа, что считалось большой честью, так как получить данное звание могли только отличники в учёбе и поведении, свободно владевшие иностранными языками.

В 1857 году С. П. Яковлев окончил Пажеский корпус и был зачислен прапорщиком в лейб-гвардии 1-й стрелковый батальон³, а в 1858 году вышел в отставку. Далее была работа на государственной службе.

В 1859 году – служба в Министерстве внутренних дел, а также чиновником для особых поручений при московском генерал-губернаторе. В заключении Государственного совета «О чиновниках особых поручений разных ведомств» (одобрено императором Николаем I от 20 ноября 1835 г.) указано, что их должностные обязанности не вписываются в круг действий «обыкновенных штатных чиновников», их необходимо «действительно употреблять для выполнения особенных поручений» связанных с выполнением тайных распоряжений как региональной так и верховной власти (расследование должностных преступлений, взяточничества, конфликтных ситуаций, контрольно-инспекторские функции, разрешение внештатных ситуаций и др.)⁴. Содержание критериев для назначения на эту должность (опыт работы, положительные рекомендации с прежнего места службы, хорошее образование, по-

¹ Фрейман О. Р. Пажи за 185 лет. – Фридрихсгамн : Тип. Акц. о-ва, – Вып. 3–4, 1895 // [Электронный ресурс] // Сайт Национальной электронной библиотеки. – URL : https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003548858/ (дата обращения: 24.03.2022).

² Там же. – С. 853.

³ Исторический очерк лейб-гвардии первого стрелкового Его Императорского Величества батальона с 1856 по 1885 год. – Санкт-Петербург: Тип. Ф. С. Сушинского, 1885 // [Электронный ресурс] // Сайт «Электронная энциклопедия и библиотека Руниверс». – URL : <https://runivers.ru/lib/book7713/439332/> (дата обращения: 24.03.2022).

⁴ Заключение Государственного Совета «О чиновниках особых поручений разных ведомств» / Полное собрание законов Российской империи. – Т. 10. – Ч. 2. – Санкт-Петербург: 1835. – № 8595. – С. 115–117 // [Электронный ресурс] // Сайт «Электронная энциклопедия и библиотека Руниверс». – URL : <https://runivers.ru/lib/book3136/9878/> (дата обращения: 24.03.2022).

ложительные личностные качества) косвенно характеризует личность С. П. Яковлева.

С 1870 по 1874 г. С. П. Яковлев работал в Главном управлении государственного коннозаводства корреспондентом по Тверской губернии⁵. Он основал журнал «Конноводство и коневодство» и был его редактором.

Сформированная в семье потребность в благотворительной деятельности отразилась в том, что с именем С. П. Яковлева «навсегда связана масса филантропических учреждений⁶. В 1863 году вместе с А. Н. Стрекаловой и другими учредителями (С. Д. Мертваго, Е. Г. Торлецкой, С. С. Стрекаловым, П. М. Хрущовым) он основал в Москве Общество поощрения трудолюбия, которое находилось под покровительством императрицы и имело значительный денежный капитал. При Обществе были открыты женская гимназия, в которой С. П. Яковлев являлся попечителем, профессиональная школа, Троицкая больница, убежище увечных воинов, народная столовая, ночлежный дом.

В 1868 году С. П. Яковлев основал в Москве типографию, а в 1872 году была высочайше утверждена «Печатня С. П. Яковлева». Типографии С. П. Яковлева, кроме Москвы, были открыты в Санкт-Петербурге, Екатеринославле (Днепропетровск), Самаре, Киеве, Харькове, Саратове.

Особое значение в общественной деятельности С. П. Яковлева имеет открытие и с первых дней руководство работой Болшевского приюта для девочек (1874). О. Р. Фрейман написал по этому поводу, что «учреждение – единственное в своём роде на нашем необъятном отечестве!»⁷. Кроме того, С. П. Яковлев в числе других явился учредителем убежища Св. Марии Магдалены в Москве. После 1874 года он был председателем Московского попечительного комитета Императорского человеколюбивого общества.

С. П. Яковлев отличался способностью к литературному творчеству – писал фельетоны, обозрения экономической и внутренней жизни, критические статьи, публиковавшиеся в различных журналах, был издателем и редактором журналов: «Вестник Московской политехнической выставки» (переименованный в позже «Вестник промышленности»), «Русский спорт», «Конноводство и коневодство». Его перу принадлежит произведение «Императрица Александра Феодоровна».

С. П. Яковлев был женат (супруга – Мария Константиновна) и имел по крайней мере, двух сыновей, один из которых – Анатолий Сергеевич

Яковлев (1886–1907) – занимался литературной деятельностью, был участником Московского кружка любителей драматического искусства.

Таким образом, Сергей Павлович Яковлев – государственный и общественный деятель, книгоиздатель, литератор, журналист, благотворитель – проявил целенаправленную активность в деле исправления, воспитания и образования несовершеннолетних нищенствующих, преступивших закон девочек, став организатором и попечителем первого в России специализированного воспитательно-исправительного приюта для них. Передовые психолого-педагогические идеи относительно работы с данной категорией несовершеннолетних с девиантным поведением, опыт работы приюта он представлял и отстаивал в многочисленных публикациях в журналах, отчётах о деятельности Болшевского приюта, докладах на международных тюремных конгрессах, съездах представителей воспитательно-исправительных заведений в России.

С. П. Яковлев входил в состав делегации России на первой Международной выставке гигиены и спасения погибающих в 1876 г. в Брюсселе, где представлял опыт организации Болшевского приюта на основе следующих документов: план здания приюта, устав, отчёт о деятельности приюта. В уставе кроме распорядка дня приведены сведения об использовании в приюте семейной системы воспитания, согласно которой воспитанницы делились на семьи из 20 человек по возрасту, имели отдельную спальню, столовую, мастерскую и особую надзирательницу. Предусматривалось общение семей при богослужениях и играх. Обозначенные в уставе требования к подбору персонала, конкретизированы в отчёте о деятельности приюта. Рекомендовалось принимать на эту должность кандидатов с учётом двух основных критериев: практический опыт работы «на поприще воспитания детей» и право на преподавание в первоначальных училищах. Главным направлением деятельности по исправлению воспитанниц провозглашалось нравственное воспитание, а не «карательная мера в лишении свободы». В обязанности персонала при выполнении воспитательных функций входило наблюдение «за нравственностью детей, за их занятиями, за исполнением их служебных обязанностей», ведение журнала с целью фиксации интересных наблюдений за поведением детей, ведение списка девочек с указанием их социально-демографических данных. Функция надзора реализовывалась через контроль исполнения строгих правил поведения и распорядка дня приюта. Эксперты выставки оценили представленные материалы и присудили экспоненту бронзовую медаль «за устройство и содержание приюта»⁸.

⁸ Болшевский исправительный приют для нищенствующих девочек: Очерк деятельности приюта с основания его по 1 января 1884 года / О-во поощрения трудолюбия в Москве. – Москва: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1884. – С. 28 // [Электронный ресурс] // Сайт «ЭБ Научное наследие России». – URL : <http://www.e-heritage.ru/ras/view/publication/general.html?id=43503907> (дата обращения: 28.03.2022).

⁵ Список чинам Главного управления государственного коннозаводства. – Санкт-Петербург: Тип. Эд. Метцга, 1874 // [Электронный ресурс] // Сайт «Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина». – URL : <https://www.prlib.ru/item/451248> (дата обращения: 15.05.2022).

⁶ Фрейман О. Р. Пажи за 185 лет. – Фридрихсгамн : Тип. Акц. о-ва, – Вып. 3–4, 1895, С. 532 // [Электронный ресурс] // Сайт Национальной электронной библиотеки. – URL : https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003548858/ (дата обращения: 24.03.2022).

⁷ Фрейман О. Р. Пажи за 185 лет. – Фридрихсгамн : Тип. Акц. о-ва, – Вып. 3–4, 1895, С. 532 // [Электронный ресурс] // Сайт Национальной электронной библиотеки. – URL : https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003548858/ (дата обращения: 24.03.2022).

О психолого-педагогической работе с воспитанницами Болшевского приюта С. П. Яковлев докладывал на международных пенитенциарных конгрессах и съездах представителей русских исправительных приютов. По данным Л. И. Беляевой, С. П. Яковлев принял участие в работе второго Международного пенитенциарного конгресса (Стокгольм, 20–26 августа 1878 г.), где выступил с двумя докладами: «О праве судей отсылать в приюты несовершеннолетних, действовавших без разума» и «О пределах законной ответственности родителей за проституцию детей» [1, с. 72]. В решении конгресса в отношении несовершеннолетних было отмечено, что при их действиях без разума необходимо не наказание, а воспитание. При отсутствии семьи правонарушителей следует помещать в исправительные заведения, в которых число воспитанников должно быть таким, чтобы директор заведения мог лично наблюдать за каждым. Предлагалось раздельное содержание несовершеннолетних по полу и возрасту с 10 лет. Отдельно было обращено внимание на девочек с девиантным поведением, которым «следует давать воспитание, которое приучало бы их к разумному ведению хозяйства»⁹.

В 1881 году С. П. Яковлев вместе с А. Н. Стрекаловой и М. К. Киричко принял участие в работе I съезда представителей воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних (Москва, 20–27 октября 1881 г.). Опираясь на опыт работы, он перед съездом обозначил следующие проблемы: об ответственности родителей, детей которых поместили в приют; об отношении к детям, при оставлении ими приюта; о возможной помощи приютам со стороны Главного Тюремного управления и местных тюремных комитетов; о проблеме помещения в приют признанными судом детей, действовавших без разума. Также на съезде обсуждался вопрос о материальной поддержке деятельности приютов. В своём выступлении С. П. Яковлев отметил, что срок нахождения детей в приютах должен определяться целями воспитания, а не тюремным сроком, что в приютах не должно быть воспитанников старше 18 лет, что в случае помещения детей в приют по приговору суда родители не имеют право требовать возвращения детей из приюта. Идеи С. П. Яковлева активно поддерживал председатель съезда К. В. Рукавишников, под руководством которого делегаты съезда посетили Болшевский приют и сделали пожертвования.

С. П. Яковлев принимал активное участие в работе II съезда представителей воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних (Киев, 10–17 сентября 1884 г.). В докладе «О способах обучения малолетних ремеслу и грамоте и отношении рабочих часов

в мастерских и классах» он предложил исправительные приюты считать профессиональными ремесленно-учебными заведениями с необходимым объёмом школьных знаний в рамках программы начальных училищ. Опираясь на опыт Болшевского приюта, он рекомендовал иметь в приютах два варианта обучения ремеслам: один – для физически и умственно слабых детей, другой – для более способных. При выборе ремёсел следовало учитывать местные возможности с целью не только организации обучения, но и трудоустройства воспитанников после выхода из приюта.

С. П. Яковлев подготовил ответы на 11-й и 12-й вопросы программы съезда, в частности, «О попечительстве над окончившими воспитание в исправительном приюте». В них он подчёркивал необходимость патроната, который «должен входить в круг обязанностей попечительства каждого исправительного учреждения»¹⁰, а при его организации следовало обращать особое внимание на знания индивидуально-психологических особенностей патронируемого, причин, которые привели его к правонарушению, о степени исправления к моменту выхода из приюта, а также особенности деятельности этого приюта [2, с. 80]. В противном случае, по мнению С. П. Яковлева, патронат как мера будет бесплодным.

Активная позиция К. В. Рукавишникова и С. П. Яковлева в деле организации воспитательно-исправительных приютов и особенно в реализации нравственного исправления воспитанников была отмечена II съездом: они были избраны делегатами на Международный пенитенциарный конгресс в Риме (Рим, 16–24 ноября 1885 г.). Как уполномоченный от делегации России по исправительным приютам С. П. Яковлев выступал с двумя докладами: «До какого предела должна распространяться законная ответственность родителей, опекунов, воспитателей за преступления их детей и воспитанников» и «Какое право следует предоставить суду по отношению к отсылке молодых преступников в исправительные учреждения как в случае их освобождения от уголовной ответственности, в виду совершения преступления без разума, так и в случае присуждения их к некоторым видам лишения свободы»¹¹. Для участников конгресса была организована выставка изделий воспитанников исправительных заведений России.

В 1890 году участники Международного пенитенциарного конгресса, проходившего 15–24 июня в Санкт-Петербурге, с целью ознакомле-

¹⁰ Болшевский исправительный приют для нищенствующих девочек: Очерк деятельности приюта с основания одного по 1 января 1884 года / О-во поощрения трудолюбия в Москве. – Москва: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1884. – С. 123 // [Электронный ресурс] // Сайт «ЭБ Научное наследие России». – URL : <http://www.e-heritage.ru/ras/view/publication/general.html?id=43503907> (дата обращения: 28.03.2022).

¹¹ Болшевский ремесленно-исправительный приют для нищенствующих девочек // Трудовая помощь. – 1900. – № 10. – С. 565–572.

⁹ Свод решений международных тюремных конгрессов Лондонского (1872 г.), Стокгольмского (1878 г.) и Санкт-Петербургского (1890 г.) // Тюремный вестник. – 1894. – № 5. – С. 252.

ния с опытом организации и психолого-педагогической работы по исправлению и воспитанию несовершеннолетних правонарушителей в России посетили Болшевский исправительный приют для нищенствующих девочек и Рукавишниковский приют в Москве.

Активное участие принимал С. П. Яковлев в работе IV съезда представителей русских воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних (Москва, 27 августа – 2 сентября 1895 г.). При обсуждении деятельности воспитательно-исправительных приютов С. П. Яковлеву первому предоставили слово, подчеркнув тем самым высокий уровень его компетентности¹². Он поделился с делегатами успехами в воспитательной работе в приюте, которые нашли отражение, в частности, в трудовой подготовке воспитанниц. Это сделало возможным с 1891 года приглашать на выпускной экзамен депутатов Московской ремесленной управы, которые воспитанницам, успешно прошедшим экзамен и заслуживающим звание мастериц, выдавали свидетельство, позволяющее открыть свое дело. Также Московской ремесленной управой было принято решение о возможности причисления воспитанниц к ремесленному сословию при условии внесения приютом небольшого взноса. Ремесленные работы воспитанниц Болшевского приюта были представлены на выставке в Чикаго в 1892 г., где «удостоились особого отличия». С. П. Яковлев сообщил, что для ознакомления с деятельностью Болшевского приюта ежегодно рассылаются отчёты во все воспитательно-исправительные приюты России.

Одно из направлений общественной деятельности С. П. Яковлева – благотворительность. В составе делегации от России он принял участие в работе III Международного конгресса по общественному призрению и благотворительности (Париж, 1900) как председатель Московского отделения Императорского человеколюбивого общества совместно с новым попечителем Болшевского ремесленно-исправительного приюта Борисом Федоровичем Штиглицем. В число вопросов, которые обсуждались на съезде, был включён и вопрос о воспитании и обучении детей в приютах, одобрено создание особых «предохранительных» и исправительных приютов для беспризорных, порочных и «нравственно заброшенных» детей [3, с. 345]. Конгресс учредил Международный комитет конгрессов по призрению и благотворительности, исполнительным органом, которого стало бюро конгрессов из 14 человек, среди которых был С. П. Яковлев.

Заключение

Анализ исторических документов показывает, что содержание социальной деятельности С. П. Яковлева характеризует его как человека активного, целеустремленного. Сама его деятельность была не только разнообразной, но и продуктивной. Её результатом явилась помощь в организации специализи-

рованного Болшевского воспитательно-исправительного приюта для девочек и последующего попечительства его деятельности. При этом попечительство не сводилось только к заботе о материальных нуждах, потребностях приюта, а имело психолого-педагогический характер. С. П. Яковлев разработал первый Устав приюта, в качестве позитивного воспитательного воздействия учредил на собственные средства именные стипендии для поощрения лучших воспитанниц, явился пропагандистом в общественной, научной среде в России и за рубежом психолого-педагогических идей исправления несовершеннолетних осуждённых женского пола. Им ставились вопросы об особенностях работы воспитателя (первоначально смотрительницы) в воспитательно-исправительных приютах для девочек, разрабатывались требования к их подбору и функциональные обязанности.

Признанием его заслуг явилось переименование Болшевского приюта в 1900 г. в Яковлевский.

Умер Сергей Павлович Яковлев в 1906 году. На заседании седьмого съезда представителей русских исправительных заведений для малолетних (Москва, 12–20 октября 1907 г.) председатель съезда Н. С. Таганцев, открывая утреннее заседание, особо отметил значительный вклад С. П. Яковлева как постоянного члена всех съездов в их работу и «его деятельность в пользу единственного большого приюта для девочек, полувившего его имя»¹³.

Болшевский специализированный приют для девочек, успешно проработавший 44 года, прекратил своё существование после Октябрьской революции (здание приюта разрушено в 1984 году). Опыт его работы был предан забвению. Выстроенная, в том числе и благодаря попечительной деятельности, педагогическому и просветительскому таланту С. П. Яковлева, система нравственного исправления воспитанниц, включавшая в себя учёбу, труд, обучение ремеслу, идеи и реализацию в приюте патроната, оказалась забытой. Совершенствование современных психолого-педагогических инноваций в работе с несовершеннолетними осуждённым [4; 5] усиливает значимость роли С. П. Яковлева как одного из идейных организаторов специальных воспитательно-исправительных учреждений для несовершеннолетних женского пола с девиантным поведением.

¹² Словесные сообщения о деятельности приютов и колоний: о Болшевском приюте / Труды... Четвёртого Съезда представителей... русских исправительных заведений для малолетних. – Москва, 1896. – С. 9–13 // [Электронный ресурс] // Сайт Национальной электронной библиотеки. – URL : https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003554068/ (дата обращения: 17.03.2022).

¹³ Труды Седьмого Съезда представителей... русских исправительных заведений для малолетних. – Москва: Постоян. бюро съездов, 1909. – С. 10 // [Электронный ресурс] // Сайт Национальной электронной библиотеки. – URL : https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003762915 (дата обращения: 17.03.2022).

Список литературы

1. Беляева Л. И. Международные пенитенциарные конгрессы и развитие учения о воспитании несовершеннолетних правонарушителей // Пенитенциарная наука. – 2012. – Вып. 17. – С. 69–81.
2. Беляева Л. И. Международные конгрессы патронажа о предупреждении преступлений // Труды Академии управления МВД России. – 2012. – № 1 (21). – С. 78–83.
3. Булгакова Л. А. Участие России в международных конгрессах по призрению и благотворительности / Благотворительность в истории России: новые документы и исследования. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2008. – С. 343–368.
4. Душкин А. С., Гончарова Н. А. Индивидуально-психологические ресурсы личности несовершеннолетних в профилактике их вовлечения в совершение антиобщественных действий // Прикладная юридическая психология. – 2021. – № 1 (54). – С. 33–40.
5. Душкин А. С., Сулов Ю. Е., Шибалева Г. Е. О комплексном обосновании типологии несовершеннолетних преступников: криминолого-психологический аспект // Прикладная психология и педагогика. – 2021. – Т. 6. – № 2. – С. 1–10.
6. Калашишникова Т. В., Калашишникова М. М. Исторический опыт педагогического сопровождения несовершеннолетних осуждённых в России // Вестник Кузбасского института. – 2016. – № 3 (28). – С. 158–165.
7. Куркина И. Н. Особенности воспитательной работы с осуждёнными, отбывающими наказание в воспитательных колониях: история и современность // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2019. – № 5. – С. 57–65.
8. Поздняков В. М., Калашишникова Т. В., Овсянникова М. В., Калашишникова М. М. Особенности проявления эмоциональной зрелости осуждёнными женского пола, отбывающими наказание в виде лишения свободы // Психология и право. – 2021. – № 3. – Т. 11. – С. 94–108.
9. Симакова Т. А., Калашишникова Т. В. Психологические особенности ресоциализации несовершеннолетних осуждённых, отбывающих наказание в воспитательных колониях / Уголовно-исполнительная система: реалии и перспективы развития : материалы II Международной научно-практической конференции. – Псков, 2020. – С. 133–138.
10. Филипенко Е. В., Витольник Г. А., Душкина Е. В. Проблема профилактики девиантного поведения несовершеннолетних как предмет психолого-педагогического анализа // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2021. – № 2 (92). – С. 208–218.

References

1. Belyaeva L. I. Mezhdunarodnye penitentsiarnye kongressy i razvitie ucheniya o vospitanii nesovershennoletnikh pravonarushitelei // Penitentsiarnaya nauka. – 2012. – Vyp. 17. – S. 69–81.
2. Belyaeva L. I. Mezhdunarodnye kongressy patronata o preduprezhdenii prestuplenii // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2012. – № 1 (21). – S. 78–83.
3. Bulgakova L. A. Uchastie Rossii v mezhdunarodnykh kongressakh po prizreniyu i blagotvoritel'nosti / Blagotvoritel'nost' v istorii Rossii: novye dokumenty i issledovaniya. – SPb: Nestor-Istoriya, 2008. – S. 343–368.
4. Dushkin A. S., Goncharova N. A. Individual'no-psikhologicheskie resursy lichnosti nesovershennoletnikh v profilaktike ikh вовлечения v sovershenie antiobshchestvennykh deistvii // Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya. – 2021. – № 1 (54). – S. 33–40.
5. Dushkin A. S. O kompleksnom obosnovanii tipologii nesovershennoletnikh prestupnikov: kriminologo-psikhologicheskii aspekt / A. S. Dushkin, Yu. E. Suslov, G. E. Shibaeva // Prikladnaya psikhologiya i pedagogika. – 2021. – T. 6. – № 2. – S. 1–10.
6. Kalashnikova T. V., Kalashnikova M. M. Istoricheskii opyt pedagogicheskogo soprovozhdeniya nesovershennoletnikh osuzhdennykh v Rossii // Vestnik Kuzbasskogo instituta. – 2016. – № 3 (28). – S. 158–165.
7. Kurkina I. N. Osobennosti vospitatel'noi raboty s osuzhdennymi, otbyvayushchimi nakazanie v vospitatel'nykh koloniyakh: istoriya i sovremennost' // Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy. – 2019. – № 5. – S. 57–64.
8. Pozdnyakov V. M. Osobennosti proyavleniya emotsional'noi zrelosti osuzhdennymi zhenskogo pola, otbyvayushchimi nakazanie v vide lisheniya svobody / V. M. Pozdnyakov, T. V. Kalashnikova, M. V. Ovsyannikova, M. M. Kalashnikova // Psikhologiya i pravo. – 2021. – № 3. – T. 11. – S. 94–108.
9. Simakova T. A., Kalashnikova T. V. Psikhologicheskie osobennosti resotsializatsii nesovershennoletnikh osuzhdennykh, otbyvayushchikh nakazanie v vospitatel'nykh koloniyakh / Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: realii i perspektivy razvitiya: materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. – Pskov, 2020. – S. 133–138.
10. Filipenko E. V. Problema profilaktiki deviantnogo povedeniya nesovershennoletnikh kak predmet psikhologopedagogicheskogo analiza / E. V. Filipenko, G. A. Vitol'nik, E. V. Dushkina // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2021. – № 2 (92). – S. 208–218.

Статья поступила в редакцию 03.08.2022; одобрена после рецензирования 03.10.2022; принята к публикации 11.10.2022.

The article was submitted August 3, 2022; approved after reviewing, October 3, 2022; accepted for publication October 11, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Методология и технология профессионального образования

Научная статья
УДК 378.147
doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-173-181

Николай Вениаминович Астафьев
доктор педагогических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0002-5059-8018>, astnic@mail.ru

*Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России
Российская Федерация, 625049, Тюмень, Амурская ул., 75,*

Перспективы сетевой формы реализации основных профессиональных образовательных программ в МВД России

Аннотация: Расширение практической направленности обучения служит резервом в повышении качества подготовки специалистов для подразделений МВД России. При организации обучения по очной форме его практическую направленность может обеспечить создание образовательно-производственных центров (кластеров) на основе интеграции образовательных организаций и комплекствующих территориальных органов МВД России с использованием сетевой формы.

В статье рассматриваются перспективные направления реализации в образовательных организациях МВД России профессиональных образовательных программ в сетевой форме.

Так, при реализации в сетевой форме программ профессиональной подготовки появляется возможность использования ресурсов территориальных органов (полигонов, стрельбищ, автодромов и т. д.); обеспечения подготовки обучающегося к выполнению обязанностей по занимаемой должности; профессиональной подготовки курсантов образовательных организаций высшего образования МВД России, дислоцированных в мегаполисах Российской Федерации, к несению службы по обеспечению охраны общественного порядка при проведении публичных массовых мероприятий; повышения квалификации по занимаемой должности в процессе оперативно-служебной деятельности.

Реализация в МВД России профессиональных образовательных программ среднего профессионального образования должна учитывать условия федерального проекта «Профессионалитет» государственной программы Российской Федерации «Развитие образования», а именно – необходимо разработать, апробировать и внедрить новую образовательную технологию на основе интеграции образовательных организаций и территориальных органов МВД России.

Реализация в сетевой форме профессиональных образовательных программ высшего образования – бакалавриата и магистратуры – определяет необходимость прохождения краткосрочных стажировок в подразделениях аппарата территориального органа по месту дислокации образовательной организации МВД России.

Реализация в сетевой форме программ подготовки кадров высшей квалификации в адъюнктуре позволяет проводить междисциплинарные научные исследования с использованием научно-педагогических ресурсов нескольких образовательных организаций, что допускает наличие двух научных руководителей или научного руководителя и научного консультанта.

Ключевые слова: профессиональное образование; организация обучения, качество подготовки; сетевая форма; инновационное оборудование

Для цитирования: Астафьев Н. В. Перспективы сетевой формы реализации основных профессиональных образовательных программ в МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4 (96). – С. 173–181; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-173-181.

Nikolai V. Astafiev

Dr. Sci. (Ped.), Professor

<https://orcid.org/0000-0002-5059-8018>, astnic@mail.ru

*Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the MIA of Russia
75, Amurskaya str., Tyumen, 625049, Russian Federation*

Prospects for a network form of implementation of the main professional educational programs in the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract: Increasing in the practical orientation of training is a reserve for improving the quality of training of specialists for the departments of the Ministry of Internal Affairs of Russia. In organizing full-time education, the practical orientation of training can be ensured by the creation of educational-production centers (clusters) using a network form in the integration of educational organizations and the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The article deals with promising areas for the implementation of professional educational programs in the network form in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Thus, in implementing professional training programs in a network form, it becomes possible to use the resources of territorial bodies (polygons, shooting ranges, autodromes, etc.); to ensure students training to fulfill their future duties; to train cadets of educational institutions of higher education of the Ministry of Internal Affairs of Russia, located in the megacities of the Russian Federation, for ensuring the protection of public order during public mass events; to develop professional competences in operational activities.

The implementation of professional educational programs of secondary vocational education in the Ministry of Internal Affairs of Russia should take into account the conditions of the federal project «Professionalism» of the state program of the Russian Federation «Development of Education». It is necessary to develop, test and introduce a new educational technology based on the integration of educational organizations and territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The implementation of professional educational programs of higher education - bachelor's and master's programs - in the network form determines the need for short-term internships in the subdivisions of territorial body at the location of the educational organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The implementation of programs for training highly qualified personnel in postgraduate studies in the network form makes it possible to conduct interdisciplinary scientific research using the scientific and pedagogical resources of several educational organizations. That allows the presence of two supervisors or a supervisor and a scientific consultant.

Keywords: professional education; organization of training, quality of training; network form; innovative equipment

For citation: Astafiev N. V. Prospects for a network form of implementation of the main professional educational programs in the Ministry of Internal Affairs of Russia // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 4 (96). – P. 173–181; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-173-181.

Множеством исследований подтверждено, что сетевая и дуальная формы организации образовательного процесса имеют существенные преимущества, т. к. обеспечивают социализацию выпускников в производственном (служебном) коллективе [1], адаптацию к условиям производственной деятельности [2], наиболее эффективны при подготовке специалистов среднего звена [3], позволяя интегрировать образование, науку и производство [4], повышая конкурентоспособность образовательной организации [5]. Силловые ведомства рассматривают сетевую форму как перспективу развития профессионального образования. Так, Министерство обороны Российской Федерации провело совещание по вопросу совершенствования сетевой формы реализации основных профессиональных образовательных программ¹.

Ранее нами рассматривались вопросы использования сетевой формы при реализации программ профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел [6]. Нормативная правовая база образовательной деятельности с использованием сетевой формы реализации образовательных программ обеспечена как законом, так и нормативными правовыми актами², в том числе МВД России³. Отечественными исследователями рассматриваются вопросы использования в образовательных организациях МВД России зарубежного опыта дуального метода обучения полицейских [7], вопросы подготовки кадров для органов предварительного расследования [8]. Дуальное обучение используется в Карагандинской академии МВД республики Казахстан им. Б. Бейсенова⁴.

Рассмотрим действующие нормативно-правовые акты, регламентирующие порядок реализации профессиональных образовательных программ в сетевой форме.

¹ В Военном университете состоялось совещание по реализации основных профессиональных образовательных программ в сетевой форме обучения [Электронный ресурс] // Официальный сайт Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации. – 2021. – 24 июня. – URL: <https://vumo.mil.ru/more/Novosti/item/332528/> (дата обращения: 10.07.2022).

² Об организации и осуществлении образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ (вместе с Порядком организации и осуществления образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ) : приказ Минобрнауки России № 882, Минпросвещения России № 391 от 5 августа 2020 г. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202009110027> (дата обращения: 12.06.2022).

³ Об утверждении Инструкции о проведении мониторинга федеральных государственных организаций, осуществляющих образовательную деятельность, находящихся в ведении Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 24 декабря г. 2019 № 961 (в ред. от 15 ноября 2021 г.) // СПС Страс «Юрист» (дата обращения: 12.06.2022).

⁴ Дуальное обучение [Электронный ресурс] // Официальный сайт Карагандинской академии МВД РК имени Б. Бейсенова. – URL: <https://kpa.gov.kz/dualnoe-obucheni/> (дата обращения: 22.06.2022).

Нормативные правовые акты, регламентирующие реализацию основных профессиональных

образовательных программ в сетевой форме

В соответствии с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» (далее ФЗ об образовании) к основным профессиональным образовательным программам относятся⁵: образовательные программы среднего профессионального образования – программы подготовки квалифицированных рабочих, служащих, программы подготовки специалистов среднего звена; образовательные программы высшего образования – программы бакалавриата, программы специалитета, программы магистратуры, программы подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктура), программы ординатуры, программы ассистентуры-стажировки; основные программы профессионального обучения – программы профессиональной подготовки по профессиям рабочих, должностям служащих, программы переподготовки рабочих, служащих, программы повышения квалификации рабочих, служащих.

Под сетевой формой понимается организация обучения с использованием ресурсов нескольких организаций, осуществляющих образовательную деятельность, в том числе иностранных, а также, при необходимости, с использованием ресурсов иных организаций⁶. При этом сетевая форма не является обязательной и применяется образовательной организацией только в тех случаях, когда это требуется для обеспечения необходимого уровня подготовки выпускников и является целесообразным.

В реализации образовательных программ с использованием сетевой формы наряду с организациями, осуществляющими образовательную деятельность, также могут участвовать научные организации, медицинские организации, организации культуры, физкультурно-спортивные и иные организации, обладающие ресурсами, необходимыми для осуществления обучения, проведения учебной и производственной практики и осуществления иных видов учебной деятельности, предусмотренных соответствующей образовательной программой.

О преимуществе реализации образовательных программ с применением сетевой формы впервые было сказано в 2015 году в письме Минобрнауки России⁷:

– сетевая форма направлена на повышение качества образования и позволяет аккумулировать лучший опыт ведущих зарубежных и оте-

⁵ Ч. 3 ст. 12. Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

⁶ Ч. 1 ст. 13 и ст. 15 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

⁷ О методических рекомендациях : письмо Министерства образования и науки Российской Федерации от 28 августа 2015 г. № АК-2563/05 [Электронный ресурс] // Сайт «Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации». – URL: <https://legalacts.ru/doc/pismo-minobrnauki-rossii-ot-28082015-n-ak-256305/> (дата обращения: 12.06.2022).

чественных образовательных организаций, в том числе в области профессиональной подготовки кадров, а также актуализировать образовательные программы с учётом уровня и особенностей ресурсного обеспечения реальной профессиональной деятельности;

– освоение образовательной программы обучающимися в течение определённого времени за пределами своей образовательной организации способствует развитию личностных качеств, компетенций устной и письменной коммуникации, в том числе и на иностранном языке, развивает способность адаптироваться к иной образовательной среде, традициям и педагогическим подходам, к профессиональной среде;

– сетевая форма расширяет границы информированности обучающихся об имеющихся образовательных и иных ресурсах и позволяет сделать осознанный выбор собственной образовательной траектории, что повышает мотивацию к учёбе, осознание ответственности за достижение результата;

– перспективным является создание образовательных программ, нацеленных на подготовку специалистов, способных к профессиональной деятельности на стыке различных направлений науки и техники (например, инженерная медицина). Такого рода образовательные программы в вариативной части чаще всего выходят за пределы предметной области одного образовательного стандарта и требуют привлечения ресурса научной или профессиональной организации;

– сетевая форма активизирует обмен перекрестным опытом подготовки кадров между образовательными организациями, создает условия для повышения уровня профессионально-педагогического мастерства преподавательских кадров, для использования в процессе обучения современной материально-технической и методологической базы.

В 2019 году Минпросвещения России были подготовлены методические рекомендации для субъектов Российской Федерации по вопросам реализации основных и дополнительных общеобразовательных программ в сетевой форме⁸. В данном письме сказано, что организация сетевой формы реализации образовательных программ направлена на решение ряда целей и задач, стоящих перед современной системой образования, таких как:

– повышение качества образования с учётом возможности использования как инновационного оборудования и другого материально-технического, инфраструктурного обеспечения организаций – участников сетевого взаимодей-

ствия, так и высококвалифицированного кадрового состава;

– улучшение образовательных результатов обучающихся;

– повышение эффективности использования имеющихся материально-технических и кадровых ресурсов как образовательных, так и иных организаций – участников сетевого взаимодействия;

– рациональное использование финансовых средств за счёт объединения нескольких организаций при решении общей цели и задачи, отвечающей интересам всех участников взаимодействия;

– повышение вариативности образовательных программ, в том числе дополнительных общеобразовательных программ;

– формирование системы кадрового обеспечения организаций – участников сетевого взаимодействия, включающей непрерывное повышение профессионального мастерства педагогических работников.

Рассмотрим различные варианты использования сетевой формы для реализации основных профессиональных образовательных программ в образовательных организациях МВД России.

Программы профессионального обучения

Порядок организации и осуществления образовательной деятельности по основным программам профессионального обучения регламентирован приказом Минпросвещения России⁹ и приказом МВД России.

Использование сетевой формы реализации программ профессионального обучения профессиональной подготовки (ПО ПП) в МВД России

Использование ресурсов, принадлежащих территориальным органам, и необходимых для обеспечения образовательного процесса:

– открытые стрельбища для обучения и совершенствования навыков в стрельбе из автоматов, снайперских винтовок и иного боевого ручного стрелкового оружия;

– полигоны для тактико-специальной подготовки (объекты учётно-заградительной системы (мобильные инспекционно-досмотровые комплексы (МИДК); контрольно-пропускные пункты; блок-посты); пункты временной дислокации; полигоны для подготовки к зачистке зданий и сооружений и др.);

– автодромы и специальный служебный автотранспорт.

⁸ Методические рекомендации для субъектов Российской Федерации по вопросам реализации основных и дополнительных общеобразовательных программ в сетевой форме (утв. Минпросвещения России 28 июня 2019 г. № МР-81/02 вн) [Электронный ресурс] // Сайт «Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации». – URL: <https://legalacts.ru/doc/metodicheskie-rekomendatsii-dlja-subektov-rossiiskoi-federatsii-po-voprosam-realizatsii/> (дата обращения: 12.06.2022).

⁹ Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по основным программам профессионального обучения : приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 26 августа 2020 г. № 438 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202009110057?> (дата обращения: 12.06.2022).

Программа профессиональной подготовки курсантов образовательных организаций высшего образования МВД России, дислоцированных в мегаполисах Российской Федерации (подготовка к несению службы по обеспечению охраны общественного порядка при проведении публичных массовых мероприятий)

Основные организационно-педагогические условия реализации программы

Цель программы профессиональной подготовки – подготовить курсантов образовательных организаций высшего образования МВД России к несению службы по обеспечению охраны общественного порядка при проведении публичных массовых мероприятий.

Организации, реализующие образовательную программу в сетевой форме: организации, осуществляющие образовательную деятельность – образовательные организации высшего образования МВД России, дислоцированные в мегаполисах Российской Федерации и организации, ресурсы которых необходимы для проведения практических занятий и тактико-специальных учений – специальные полки полиции; полки (батальоны) патрульно-постовой службы полиции.

Места проведения практических занятий и тактико-специальных учений: учебно-тренировочные полигоны специального полка полиции либо полка (батальона) патрульно-постовой службы полиции и объекты несения службы – места проведения публичных массовых мероприятий.

Методическое обеспечение: профессорско-преподавательский состав образовательных организаций МВД России.

Педагогическое обеспечение: профессорско-преподавательский состав образовательных организаций высшего образования МВД России; командиры строевых подразделений, инструкторы профессиональной подготовки специального полка полиции, полка (батальона) патрульно-постовой службы полиции.

Временные параметры реализации программы профессиональной подготовки: курсовое обучение, первый-второй курс.

Программа профессиональной подготовки слушателей образовательных организаций МВД России (подготовка к выполнению обязанностей по занимаемой должности) (учебные дисциплины «Актуальные вопросы...» действующих программ профессиональной подготовки по должности служащего «Полицейский»).

Основные организационно-педагогические условия реализации программы

Цель программы профессиональной подготовки – подготовить слушателей образовательных организаций МВД России к выполнению обязанностей по занимаемой должности.

Организации, реализующие программу профессиональной подготовки в сетевой форме: организации, осуществляющие обра-

зовательную деятельность – образовательные организации МВД России, центры профессиональной подготовки территориальных органов МВД России и организации, ресурсы которых необходимы для проведения практических занятий – комплекующие территориальные органы МВД России.

Места проведения занятий по разделу «Актуальные вопросы...» программы профессиональной подготовки: отделения, отделы и т. д. комплекующих подразделений территориальных органов МВД России, в которых проходит службу слушатель.

Методическое обеспечение: профессорско-преподавательский состав образовательных организаций МВД России.

Педагогическое обеспечение: непосредственный начальник (заместитель начальника) отделения, отдела и т. д. комплекующего подразделения территориального органа МВД России, в котором проходит службу слушатель.

Временные параметры реализации раздела «Актуальные вопросы...» образовательной программы профессиональной подготовки: курсовое обучение.

Использование сетевой формы реализации программ профессионального обучения повышения квалификации (ПО ПК) в МВД России

Программа повышения квалификации по занимаемой должности в процессе оперативно-служебной деятельности – профессиональная служебная и физическая подготовка младшего начальствующего состава (ПО ПК сотрудников подразделений территориальных органов МВД России, в которых имеется образовательная организация или центр профессиональной подготовки, а также хорошая служебная логистика)

Основные организационно-педагогические условия реализации программы

Цель программы повышения квалификации – совершенствование профессиональных компетенций личного состава подразделений УМВД России на районном уровне для выполнения обязанностей по занимаемой должности.

Организации, реализующие образовательную программу в сетевой форме: образовательные организации МВД России либо центры профессиональной подготовки территориальных органов МВД России и территориальные органы МВД России.

Место проведения занятий, методическое и педагогическое обеспечение:

– по разделам «Правовая подготовка» (30 час.), «Служебная подготовка» (20 час.) – отделения, отделы и т. д. подразделений территориальных органов МВД России, в которых проходит службу сотрудник. Непосредственный начальник (заместитель начальника) отделения, отдела и т. д. подразделения территориального органа МВД России, в котором проходит службу сотрудник.

– по разделам «Огневая подготовка» (20 час.), «Физическая подготовка» (100 час.), «Служебная подготовка» (10 час.) – образовательные организации МВД России, центры профессиональной подготовки территориальных органов МВД России.

Профессорско-преподавательский состав образовательных организаций МВД России.

Временные параметры реализации программы: февраль–октябрь.

Программы среднего профессионального образования

В соответствии с письмом Минпросвещения России и Департамента государственной политики в сфере среднего профессионального образования и профессионального обучения допускаются любые варианты сочетаний организаций-участников в рамках сетевой формы реализации образовательных программ¹⁰: только образовательные организации-участники; образовательные организации-участники и организации, обладающие ресурсами; только организации, обладающие ресурсами – при таком формате организаций-участников сетевая образовательная программа в полном объеме реализуется базовой организацией.

В рамках федерального проекта «Профессионалитет» государственной программы Российской Федерации «Развитие образования»¹¹ в период с 1 июня 2022 г. по 31 декабря 2025 г. предусмотрено проведение эксперимента по разработке, апробации и внедрению новой образовательной технологии конструирования образовательных программ среднего профессионального образования – создания образовательно-производственных центров (кластеров) на основе интеграции образовательных организаций, реализующих программы среднего профессионального образования, и организаций, действующих в реальном секторе экономики. Взаимодействие между участниками эксперимента обеспечивается посредством использования возможностей сетевой формы реализации образовательных программ.

¹⁰ Об использовании сетевой формы при реализации образовательных программ среднего профессионального образования: письмо Министерства просвещения Российской Федерации и Департамента государственной политики в сфере среднего профессионального образования и профессионального обучения от 24 июля 2021 г. № 05-995 [Электронный ресурс] // Сайт «Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации». – URL: <https://legalacts.ru/doc/pismo-minprosveshchenija-rossii-ot-24072021-n-05-995-ob-ispolzovanii/> (дата обращения: 12.06.2022).

¹¹ О проведении эксперимента по разработке, апробации и внедрению новой образовательной технологии конструирования образовательных программ среднего профессионального образования в рамках федерального проекта «Профессионалитет»: постановление Правительства Российской Федерации от 16 марта 2022 г. № 387 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203180005?> (дата обращения: 12.06.2022).

В соответствии с п. 4.2. Комплекса мероприятий по совершенствованию системы подготовки кадров для органов внутренних дел Российской Федерации (на 2022–2023 годы)¹² ДГСК МВД России, образовательные организации высшего образования МВД России до июля 2022 года должны «...увеличить набор на обучение по основным профессиональным образовательным программам среднего профессионального образования – программам подготовки специалистов среднего звена по специальности 40.02.02 Правоохранительная деятельность, в том числе по очной форме обучения, в целях комплектования должностей, для замещения которых высшее образование не требуется». В связи с этим проработка вопроса о реализации программ среднего профессионального образования, в том числе в сетевой форме и с созданием образовательно-производственных центров (кластеров), является актуальной.

Программы высшего образования

Профессиональные образовательные программы высшего образования – бакалавриат и магистратура

Нормативное правовое регулирование реализации программ высшего образования в сетевой форме определяется федеральными государственными образовательными стандартами высшего образования¹³ и приказом МВД России, определяющим порядок организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации¹⁴. В соответствии с п. 75.2 данного приказа образовательные организации МВД России организуют прохождение курсантами, слушателями и адъюнктами всех видов практик, предусмотренных основными профессиональными образовательными программами в соответствии с их направ-

¹² Комплекс мероприятий по совершенствованию системы подготовки кадров для органов внутренних дел Российской Федерации (на 2022–2023 годы): утверждён Министром внутренних дел Российской Федерации генералом полиции Российской Федерации В. А. Колокольцевым 20 декабря 2021 г. № 1/14566.

¹³ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – специалитет по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности: приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 31 августа 2020 г. № 1138 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202009150037?> (дата обращения: 12.06.2022); Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.02 Обеспечение законности и правопорядка: приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 27 июля 2021 г. № 677 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202108190028?> (дата обращения: 12.06.2022).

¹⁴ Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 5 мая 2018 г. № 275 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 12.06.2022).

ленностью (профилем), на основании договоров с органами, организациями, подразделениями МВД России или структурными подразделениями иных федеральных органов исполнительной власти, с которыми МВД России заключило соглашение о взаимодействии по вопросам подготовки кадров.

В соответствии с п. 4.7. Комплекса мероприятий по совершенствованию системы подготовки кадров для органов внутренних дел Российской Федерации (на 2022–2023 годы) ДГСК МВД России, образовательные организации высшего образования МВД России до сентября 2023 года должны «...обеспечить подготовку кадров в образовательных организациях высшего образования МВД России с учётом оптимизации перечня специализаций и профилей подготовки, направленной на обеспечение служебной мобильности выпускников при их назначении на должности после окончания обучения». Это обстоятельство, на наш взгляд, определяет необходимость организации учебного процесса в сетевой форме, реализуемого не только в виде практики, но и в виде краткосрочных стажировок в подразделениях аппарата территориального органа по месту дислокации образовательной организации МВД России.

Программа подготовки кадров высшей квалификации в адъюнктуре

В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации 2021 года программы аспирантуры (адъюнктуры) реализуются организацией как самостоятельно, так и с использованием сетевых форм их реализации¹⁵. Сетевая форма реализации программ адъюнктуры обеспечивает адъюнктам возможность освоения программы адъюнктуры и (или) отдельных курсов, дисциплин (модулей), практики, иных компонентов, предусмотренных программами адъюнктуры (в том числе различных вида, уровня и (или) направленности), с использованием ресурсов нескольких организаций, осуществляющих образовательную деятельность, в том числе иностранных, а также при необходимости с использованием ресурсов иных организаций. Организация освоения программ адъюнктуры при использовании сетевой формы реализации указанных программ осуществляется в соответствии с локальными нормативными актами организации. Если программой адъюнктуры предусмотрено проведение адъюнктом междисциплинарных научных исследований или при реализации программы адъюнктуры используется сетевая форма, адъюнкту разрешается иметь двух научных руководителей или научного руководителя и научного консуль-

танта, в том числе одного из числа работников другой организации. Научный консультант должен иметь учёную степень кандидата наук, или учёную степень доктора наук, или учёную степень, полученную в иностранном государстве, признаваемую в Российской Федерации.

В соответствии с приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 20 октября 2021 г. с 1 марта 2022 года вступают в силу и действуют до 1 марта 2028 года федеральные государственные требования к структуре программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), условиям их реализации и срокам освоения этих программ¹⁶. При реализации программы адъюнктуры в сетевой форме выполнение требований к условиям реализации программ адъюнктуры осуществляется с использованием ресурсов нескольких организаций, осуществляющих образовательную деятельность, включая иностранные, а также при необходимости с использованием ресурсов иных организаций, использующих сетевую форму реализации программы адъюнктуры.

Основные организационно-педагогические условия реализации программы

Организации, реализующие программу подготовки научных и научно-педагогических кадров в сетевой форме: образовательная организация МВД России, имеющая в своей структуре адъюнктуру, но не имеющая диссертационного совета по научной специальности адъюнктуры – обеспечивает реализацию учебного плана и научное руководство; образовательная организация МВД России, при которой создан диссертационный совет по научной специальности и научные школы – обеспечивает научное руководство и предоставляет возможность для защиты диссертации.

В соответствии с Комплексом мероприятий по совершенствованию системы подготовки кадров для органов внутренних дел Российской Федерации (на 2022–2023 годы)¹⁷ в течение шести месяцев с момента вступления в силу соответствующего постановления Правительства Российской Федерации, т. е. до 1 сентября 2022 года ДГСК МВД России должен разработать проект приказа МВД России, устанавливающего особенности реализации образовательными организациями МВД России программ подготовки научных и научно-педагогических кадров.

¹⁶ Об утверждении федеральных государственных требований к структуре программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), условиям их реализации, срокам освоения этих программ с учётом различных форм обучения, образовательных технологий и особенностей отдельных категорий аспирантов (адъюнктов): приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 20 октября 2021 г. № 951 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202111230037> (дата обращения: 12.06.2022).

¹⁵ Об утверждении Положения о подготовке научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре): постановление Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2021 № 2122 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202111300127> (дата обращения: 12.06.2022).

Дополнительные профессиональные программы

В 2015 году в Минобрнауки России подготовлены методические рекомендации по реализации дополнительных профессиональных программ с использованием сетевой формы¹⁸. В рекомендациях сказано, что «...качество реализации дополнительных профессиональных программ в сетевой форме определяется созданием интегрированных структур, обеспечивающих воспроизводство самих образовательных программ, технологическим, информационным обеспечением системы дополнительного профессионального образования, которое соответствует потребностям самих обучающихся и потребностям рынка труда, расширением использования информационно-коммуникационных технологий и сетевых сервисов в практике

профессиональной деятельности педагогических работников, развитием образовательных сетей, изучением и внедрением передового зарубежного и международного опыта в части разработки форм и методов реализации дополнительных профессиональных программ».

Программа повышения квалификации по занимаемой должности в процессе оперативно-служебной деятельности – профессиональная служебная и физическая подготовка среднего и старшего начальствующего состава (ДПО ПК сотрудников подразделений территориальных органов МВД России, в которых имеется образовательная организация или центр профессиональной подготовки). Основные организационно-педагогические условия реализации программы совпадают с программами профессионального обучения повышения квалификации (ПО ПК), но в число субъектов обучения не входят сотрудники отрядов специального назначения подразделений по контролю за оборотом наркотиков, отделов (отделений, групп) физической защиты подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите.

Предлагаемые варианты реализации в образовательных организациях МВД России основных профессиональных образовательных программ в сетевой форме не являются исчерпывающими, актуализируют проблему и должны стать предметом дальнейшей профессиональной дискуссии.

¹⁷ Комплекс мероприятий по совершенствованию системы подготовки кадров для органов внутренних дел Российской Федерации (на 2022–2023 годы) : письмо МВД России от 20 декабря 2021 г. № 1/14566.

¹⁸ О направлении методических рекомендаций по реализации дополнительных профессиональных программ (вместе с «Методическими рекомендациями по реализации дополнительных профессиональных программ с использованием дистанционных образовательных технологий, электронного обучения и в сетевой форме») : письмо Минобрнауки России от 21 апреля 2015 г. № ВК-1013/06 [Электронный ресурс] // Сайт «Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации». – URL: <https://legalacts.ru/doc/pismo-minobrnauki-rossii-ot-21042015-n-vk-101306/>? (дата обращения: 12.06.2022).

Список литературы

1. Исаков А. В., Исакова Н. Н. Дуальное обучение как фактор социализации выпускников // Современное образование: содержание, технологии, качество. – 2018. – Т. 2. – С. 221–223.
2. Югфельд Е. А., Панкина М. В. Дуальная система образования как катализатор успешной профессиональной и социальной адаптации будущего специалиста // Образование и наука. – 2014. – № 3(112). – С. 49–62.
3. Каруна Т. А., Гридин П. С. Дуальное обучение – эффективная система подготовки квалифицированных рабочих и специалистов среднего звена // Педагогический поиск. – 2017. – № 9-10. – С. 38–39.
4. Юсупова Ф. З., Тахирова Н. Б. Дуальное обучение – одна из эффективных форм интеграции образования, науки и производства // Достижения науки и образования. – 2017. – № 5 (18). – С. 63–65.
5. Ярушкина Е. А., Чумакова Н. А., Бугаенко В. Э. Сетевая форма обучения как фактор повышения конкурентоспособности образовательной организации в экономике современной России // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. – 2016. – № 2 (180). – С. 178–183.
6. Астафьев Н. В., Найн А. А. Использование сетевой формы профессионального обучения для подготовки сотрудников органов внутренних дел к выполнению обязанностей по занимаемой должности // Право и образование. – 2019. – № 6. – С. 64–72.
7. Синников В. Б. Использование дуального метода обучения в подготовке будущих сотрудников полиции в ведомственных образовательных организациях: между образованием и практикой // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2017. – № 3 (29). – С. 142–147.
8. Кирсанова А. М. Возможности дуального обучения при подготовке кадров для органов предварительного расследования в образовательных организациях системы МВД России // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2021. – № 1 (40). – С. 164–167.
9. Карнаухов О. П. Актуальные вопросы совершенствования профессиональной подготовки кадров органов внутренних дел // Вестник УЮИ. – 2022. – № 2 (96). – С. 159–163.
10. Григорьева Н. В., Мокрецова Л. А., Швец Н. А. Технология подготовки специалистов в условиях дуального обучения // Вестник ТГПУ. – 2018. – № 1 (190). – С. 109–115.

References

1. *Isakov A. V., Isakova N. N.* Dual'noye obucheniye kak faktor sotsializatsii vypusknikov // *Sovremennoye obrazovaniye: soderzhaniye, tekhnologii, kachestvo.* – 2018. – Т. 2. – S. 221–223.
2. *Yugfel'd Ye. A., Pankina M. V.* Dual'naya sistema obrazovaniya kak katalizator uspeшной professional'noy i sotsial'noy adaptatsii budushchego spetsialista // *Obrazovaniye i nauka.* – 2014. – № 3(112). – S. 49–62.
3. *Karuna T. A., Gridin P. S.* Dual'noye obucheniye – effektivnaya sistema podgotovki kvalifitsirovannykh rabochikh i spetsialistov srednego zvena // *Pedagogicheskiy poisk.* – 2017. – № 9-10. – S. 38–39.
4. *Yusupova F. Z., Takhirova N. B.* Dual'noye obucheniye – odna iz effektivnykh form integratsii obrazovaniya, nauki i proizvodstva // *Dostizheniya nauki i obrazovaniya.* – 2017. – № 5 (18). – S. 63–65.
5. *Yarushkina Ye. A., Chumakova N. A., Bugayenko V. E.* Setevaya forma obucheniya kak faktor povysheniya konkurentosposobnosti obrazovatel'noy organizatsii v ekonomike sovremennoy Rossii // *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Ekonomika.* – 2016. – № 2 (180). – S. 178–183.
6. *Astaf'yev N. V., Nayn A. A.* Ispol'zovaniye setevoy formy professional'nogo obucheniya dlya podgotovki sotrudnikov organov vnutrennikh del k vypolneniyu obyazannostey po zanimayemoy dolzhnosti // *Pravo i obrazovaniye.* – 2019. – № 6. – S. 64–72.
7. *Sinnikov V. B.* Ispol'zovaniye dual'nogo metoda obucheniya v podgotovke budushchikh sotrudnikov politsii v vedomstvennykh obrazovatel'nykh organizatsiyakh: mezhdub obrazovaniyem i praktikoy // *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii.* – 2017. – № 3 (29). – S. 142–147.
8. *Kirsanova A. M.* Vozmozhnosti dual'nogo obucheniya pri podgotovke kadrov dlya organov predvaritel'nogo rassledovaniya v obrazovatel'nykh organizatsiyakh sistemy MVD Rossii // *Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii.* – 2021. – № 1 (40). – S. 164–167.
9. *Karnaukhov O. P.* Aktual'nyye voprosy sovershenstvovaniya professional'noy podgotovki kadrov organov vnutrennikh del // *Vestnik UYuI.* – 2022. – № 2 (96). – S. 159–163.
10. *Grigor'yeva N. V., Mokretsova L. A., Shvets N. A.* Tekhnologiya podgotovki spetsialistov v usloviyakh dual'nogo obucheniya // *Vestnik TGPU.* – 2018. – № 1 (190). – S. 109–115.

Статья поступила в редакцию 27.05.2022; одобрена после рецензирования 03.10.2022; принята к публикации 10.10.2022.

The article was submitted May 27, 2022; approved after reviewing October 3, 2022; accepted for publication October 10, 2022.

Научная статья
УДК 342.4
doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-182-186

Леонид Леонидович Грищенко

доктор юридических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0002-1389-1928>, VVG_59@mail.ru

Андрей Петрович Андруник

доктор педагогических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0001-9073-518X>, andrunik72@mail.ru

Наталья Владимировна Сердюк

доктор педагогических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0001-5538-3406>, natalyaserduk@inbox.ru

Академия управления МВД России

Российская Федерация, 125171, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

Методология обучения принятию решения в особых условиях

Аннотация: Для того чтобы грамотно принять решение в сложной оперативной обстановке, обучающимся необходимо владеть методологическими основами разработки и принятия решений.

В статье рассмотрены вопросы, раскрывающие методику обучения слушателей Академии управления МВД России принятию управленческих решений в особых условиях.

Управленческие решения в указанных обстоятельствах должны быть обоснованными, своевременными и компетентными. С научной точки зрения теория принятия решений содержит в себе систему основных идей и закономерностей с определением технологии и методов принятия решений.

Основным положением по организации оперативно-служебной деятельности является алгоритм работы руководителя территориального органа МВД России, разработанный кафедрами Академии и принятый в качестве базового в процессе подготовки слушателей. Структурно алгоритм представляет последовательность действий руководителя территориального органа МВД России от получения информации до принятия решения и его реализации.

Авторы обращают внимание на последовательность отработки теоретических вопросов, развитие умений и навыков в процессе проведения групповых упражнений, штабных тренировок и командно-штабных учений (КШУ). Такая последовательность занятий является важной и в то же время достаточно эффективной при формировании у обучающихся профессиональных навыков по выполнению ими обязанностей в процессе оперативно-служебной деятельности в особых условиях.

Ключевые слова: групповое упражнение, командно-штабное учение, знания, умения, навыки

Для цитирования: Грищенко Л. Л., Андруник А. П., Сердюк Н. В. Методология обучения принятию решения в особых условиях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4 (96). – С. 182–186; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-182-186.

Leonid L. Grishchenko

Dr. Sci. (Jurid.), Professor
<https://orcid.org/0000-0002-1389-1928>, VVG_59@mail.ru

Andrey P. Andrunik

Dr. Sci. (Ped.), Docent
<https://orcid.org/0000-0001-9073-518X>, andrunik72@mail.ru

Natalya V. Serdyuk

Dr. Sci. (Ped.), Professor
<https://orcid.org/0000-0001-5538-3406>, natalyaserduk@inbox.ru

Academy of Management of the MIA of Russia

8, Zoyi i Alexandra Kosmodemyanskikh str., Moscow, 125171, Russian Federation

Teaching methodology that influence decision making under special conditions

Abstract: In order to make decisions in a difficult operational environment, students need to master the methodological foundations of developing and making decisions.

The article deals with issues revealing teaching techniques to make managerial decisions under special conditions by trainees of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Management decisions under these circumstances must be reasonable, timely and competent. The decision-making theory contains a system of basic ideas and patterns with the definition of technology and decision-making methods.

The main provision of the organization of operational and official activities is the algorithm for work of the head of the territorial body of the Ministry of Internal Affairs of Russia developed by the departments of the Academy and adopted as the base of the training process. The algorithm represents an action sequencing performed by the head of the territorial body from obtaining information to decision making and implementing it.

The authors draw attention to the sequence of theoretical issue practice, skills and abilities being transferred during group exercises, staff training and command-and-staff training exercises. Such a training sequence is important and effective to develop students' professional skills to perform duties in the process of operational activities under special conditions.

Keywords: group exercise, command-and-staff training, knowledge, skills

For citation: Grishchenko L. L., Andrunik A. P., Serdyuk N. V. Teaching methodology that influence decision making under special conditions // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 4 (96). – P. 182–186; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-182-186.

Академия управления МВД России (далее – Академия) является образовательной организацией высшего образования в системе МВД Российской Федерации. Одно из направлений подготовки слушателей в Академии – реализация программы магистратуры по направлению «Государственное и муниципальное управление» (шифр 38.04.04). В статье (без рассмотрения всего объёма занятий по учебной дисциплине) даётся авторское видение методики получения слушателями знаний, умений и навыков при принятии управленческих решений по организации оперативно-служебной деятельности территориальных органов МВД России в особых условиях.

Основным положением по организации оперативно-служебной деятельности является алгоритм работы руководителя территориального органа МВД России, разработанный кафедрами Академии и принятый в качестве базового в процессе подготовки слушателей. Структурно алгоритм представляет последовательность действий руководителя территориального органа МВД России от получения информации до принятия решения и его реализации, а содержательно включает организационные мероприятия на каждом этапе управленческого цикла. Алгоритм разработан на основе научного анализа и практики организации деятельности органов управления различного предназначения и уровней, прошёл апробацию в практических органах МВД России в процессе выполнения задач при возникновении чрезвычайных обстоятельств.

Одним из основных и неперенных условий успешного освоения обучающимися алгоритма управления в особых условиях является применение в обучении методологии непрерыв-

ного изучения от теории к практике, включающей: лекционное и семинарское изучение теории организации деятельности территориальных органов МВД России в особых условиях; закрепление знаний в процессе самостоятельной подготовки и приобретение умений при проведении групповых упражнений; выработка навыков на штабных тренировках и командно-штабных учениях (далее – КШУ) [10, с. 155–158].

Но если методика лекционных, семинарских занятий, самостоятельная работа с материалом по изучаемой тематике мало отличаются от классических форм и методов, то применяемые теоретико-практические занятия имеют свою специфику.

Одним из основных методов закрепления знаний и приобретения умений для слушателей является групповое упражнение. Его цель – привитие обучающимся умения действовать в роли определённого должностного лица и усвоение теоретических положений на фоне учебной обстановки, а также для формирования у будущих управленцев профессиональных и морально-психологических качеств руководителя при организации выполнения задач в особых условиях. В учебной практике групповое упражнение применяется после того, как обучающиеся приобрели прочные теоретические знания по конкретной теме или виду оперативно-служебной деятельности территориального органа МВД России в особых условиях.

В процессе подготовки к групповому упражнению обучающиеся, объединённые в учебную группу, самостоятельно изучают рекомендованную литературу, затем созданную по замыслу руководителя обстановку и готовятся к действиям в роли одного из должностных лиц органа управления территориального органа МВД России.

Хотя данные занятия проводятся с группой, особое внимание при их подготовке и проведении обращается на индивидуальное обучение каждого слушателя в назначенной должности.

Сущность проведения группового упражнения заключается в том, что все обучающиеся в одной должности (распределённой роли) последовательно решают поставленные учебные вопросы. Обязанности других должностных лиц, связанных с изучением отдельных вопросов, выполняет сам руководитель занятия. По решению преподавателя обязанности других должностных лиц могут быть возложены на помощника руководителя из числа обучающихся, назначенных из состава группы на соответствующие должности. В этом случае групповое упражнение включает в себя элементы командно-штабного учения.

Создаваемая для проведения групповых упражнений обстановка максимально приближена к реальным условиям оперативно-служебной деятельности территориальных органов МВД России в особых условиях. Занятия могут проводиться в аудитории, на учебном полигоне с использованием мультимедийных средств, на учебном объекте или в ситуационном центре Академии управления МВД России [5, с. 238–241].

Несомненным достоинством групповых упражнений является то, что они достаточно просты по организации, не требуют существенных затрат ресурсов, общедоступны и применимы практически в любых условиях, дают обучающимся возможность применять приобретённые теоретические знания для решения конкретных практических вопросов, вырабатывают и совершенствуют умения в отдельных учебных вопросах, что весьма важно при переходе к более сложным видам занятий (штабным тренировкам, командно-штабным учениям и т. д.).

Групповые упражнения развивают у обучающихся инициативу и активность, а также позволяют руководителю контролировать правильное применение ими теоретических знаний при решении практических задач по оперативно-служебной деятельности территориальных органов МВД России в особых условиях.

Продолжительность групповых упражнений, как правило, определяется темой, объёмом учебного материала, необходимого для её раскрытия, и в зависимости от состава обучающихся они могут длиться 2–4 учебных часа.

Проводить групповые упражнения целесообразно по тем темам, по которым необходимо привить обучающимся практические умения и навыки руководства силами и средствами территориальных органов МВД России. Так, например, при подготовке слушателей по дисциплинам кафедры управления органами внутренних дел в особых условиях ЦКШУ целесообразно использовать данную форму занятий при оценке обстановки, принятии управленческих решений на применение сил и средств территориальных органов МВД России при чрезвычайных обстоятельствах, организации взаимодействия, ресурсного обеспечения, организации управления.

Достаточно эффективными являются групповые упражнения при изучении слушателями вопросов управления территориальными органами МВД России при введении режимов чрезвычайного или военного положения, при организации действий подчинённых сил и средств по борьбе с диверсионно-террористическими силами, при угрозе и с началом войны.

Отработка практических задач осуществляется последовательно при назначении слушателей на соответствующие должности (например: заместитель начальника управления – начальник полиции; заместитель начальника управления – начальник следственного управления; заместитель начальника полиции по охране общественного порядка; начальник службы тыла и т. д.).

По завершении отдельной отработки практических вопросов организации оперативно-служебной деятельности по учебной обстановке следует переходить к иным формам практических занятий – штабным тренировкам, командно-штабным учениям [7, с. 166].

Штабные тренировки могут проводиться по специальным темам, когда возникает необходимость в обучении слушателей принятию управленческих решений либо с привлечением части управленческого аппарата территориального органа МВД России (например, организация ресурсного обеспечения сил и средств территориального органа МВД России при проведении специальной операции), либо на применение отдельного (нескольких отдельных) элемента группировки территориального органа МВД России, создаваемого для выполнения задач в особых условиях (например, управления группой блокирования в специальной операции по поиску и задержанию вооружённых преступников).

При подготовке и в процессе штабной тренировки обучающиеся распределяются по заранее определённым ролям (должностям) органа управления. При этом либо один из слушателей, либо сам преподаватель выступает в роли руководителя территориального органа МВД России (руководителя оперативного штаба).

Для активизации творческого подхода к подготовке данных для принятия управленческого решения в составе учебного коллектива на идентичные роли могут назначаться 2–3 слушателя, а при необходимости они объединяются в микрогруппы управления оперативного штаба (например: группа руководства; группа общего планирования и подготовки управленческих документов; группа информации и контроля; группа направлений; группа взаимодействующих органов).

Готовя данные для принятия управленческого решения, группа обсуждает содержание предполагаемого варианта, формулирует свои предложения, которые докладываются в качестве варианта руководителю территориального органа МВД России при проведении служебного совещания.

Ключевой формой практических занятий в Академии являются командно-штабные учения. Именно на КШУ обеспечивается дифференцированный подход к обучению слушателей

выполнению управленческих задач по различному должностному предназначению.

Для проведения КШУ, как правило, используется уже готовая и апробированная на групповых упражнениях и штабных тренировках общая обстановка. Содержание частной обстановки готовится к каждому КШУ индивидуально, исходя из тем учебного плана и практики применения территориальных органов МВД России в период, не превышающий года.

Основными целями КШУ могут являться:

- совершенствование навыков обучающихся в выполнении функциональных обязанностей должностных лиц органов управления при организации выполнения задач в особых условиях;
- отработка вопросов слаженности действий в работе органов управления МВД России при решении задач в особых условиях;
- проверка знаний и умений слушателей по организации деятельности сил и средств территориальных органов МВД России при осложнении обстановки на подведомственной территории.

На КШУ в учебной группе создаётся пункт управления территориального органа МВД России (оперативный штаб). Один обучающийся назначается на должность его руководителя, а другие действуют в роли офицеров управления. При отработке нового учебного вопроса на указанные должности могут назначаться другие слушатели. Основное внимание на занятии уделяется обучению слушателей в роли руководителя территориального органа МВД России и его заместителей. КШУ может проводиться с применением средств связи и автоматизации и без них, а также с использованием ситуационного центра Академии управления МВД России.

При этом применение средств связи и автоматизации даёт возможность качественно и оперативно отрабатывать вопросы: сбора и обобщения данных обстановки; оценки ситуации и прогнозирования возможного её развития; подготовки предложений для принятия решения; постановки задач с помощью средств связи и соблюдения требований скрытого управления.

Наиболее полно условия работы слушателей при проведении КШУ могут быть приближены к реальной оперативно-служебной деятельности при их проведении на учебном полигоне, с использованием мультимедийных средств, на учебном объекте или с использованием потенциала ситуационного центра Академии управления МВД России.

Перспективным, по нашему мнению, будет являться именно ситуационный центр Академии управления МВД России, который создается:

для проведения мониторинга качества и эффективности оперативно-служебной деятельности территориальных органов МВД России; выработки ведомственных показателей оценок оперативной обстановки; создания современной системы управления, основанной на развитии организационных механизмов своевременного и качественного принятия решений; сокращения избыточного оборота документов; развития современных методологических основ при принятии управленческих решений; создания аппарата информационно-аналитической поддержки управленческих решений; информационной поддержки и обеспечения деятельности группировки сил и средств, задействованной в системе обеспечения правопорядка в общественных местах; межведомственного и внутрисистемного взаимодействия при охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности; определения мер опережающего (упреждающего) реагирования на развитие складывающейся ситуации; поддержки информационными ресурсами и техническими средствами обучающихся при проведении группового упражнения, а также при реализации научно-исследовательских и информационно-аналитических целей, поставленных на занятии; разработки и внедрения современных методов оперативного анализа и реализации мер, направленных на повышение объективности контроля знаний обучающихся¹.

Вынося занятия на местность или учебный объект, преподаватель добивается большего эффекта, приближая обучающихся непосредственно к реальной обстановке. Такие занятия способствуют повышению выучки обучающихся. На местности отрабатываются также вопросы ориентирования, руководства силами и средствами в ходе специальных операций, при чрезвычайных обстоятельствах и в других случаях.

Практические занятия позволяют не только вырабатывать у обучающихся необходимые умения и навыки, повышать их теоретический кругозор, но и формировать у них высокие морально-психологические и профессиональные управленческие качества: дисциплинированность, исполнительность, инициативность, творчество, самостоятельность, находчивость, эмоционально-волевую устойчивость и т. д. Это обеспечивается целеустремлённой организацией занятий, умелым созданием обстановки и применением соответствующих методических приёмов при их проведении.

Княжев В. Б., Майдыков А. Ф., Холостов К. М. и др. Ситуационное управление в деятельности органов внутренних дел : курс лекций. – Москва, 2020. – С. 80.

Список литературы

1. Бавсун И. Г., Ильин С. А. Организация дополнительного профессионального образования резерва руководящего состава территориальных органов МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2018. – № 3 (74). – С. 48–52.
2. Войлошников О. Д. Использование возможностей учебно-практического полигона «Ситуационный центр» для проведения практических занятий по тактико-специальной подготовке и подготовке сотрудников МВД России к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств // Академическая мысль. – 2018. – № 4 (5). – С. 104–109.

3. Жарова В. В. К некоторым вопросам совершенствования организации подготовки органов оперативного управления в системе МВД России // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 2 (42). – С. 143–146.
4. Жуковская И. В. Самоактуализация личности руководителей территориальных органов МВД России на районном уровне в ходе развивающего консультирования // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2019. – № 3 (78). – С. 269–276.
5. Княжев В. Б., Грищенко Л. Л., Горох Д. И. Правовое обеспечение деятельности ситуационных центров органов государственной власти // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 3 (207). – С. 238–241.
6. Княжев В. Б., Грищенко Л. Л. К вопросу о создании ситуационного центра Академии управления МВД России в целях дальнейшего совершенствования уровня подготовки (обучения) руководящего состава органов внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 1 (41). – С. 54–58.
7. Кунавцев Т. С. Концепция педагогической поддержки саморазвития личности сотрудника органа внутренних дел Российской Федерации в непрерывном образовании : монография. – Москва: Академия управления МВД России, 2022. – 168 с.
8. Меньших В. В., Середя Е. Н. Концептуальная модель и технология обучения коллективным действиям по принятию решений при возникновении чрезвычайных обстоятельств // Труды Академии управления МВД России. – 2016. – № 2 (38). – С. 51–56.
9. Самороковский А. Ф. Описательная модель обучения сотрудников ОВД решению задач при возникновении чрезвычайных обстоятельств // Вестник Воронежского института МВД России. – 2016. – № 4. – С. 148–155.
10. Сердюк Н. В. Педагогическая герменевтика в управленческом образовании руководителей органов внутренних дел: ценности и смыслы. – Психологические проблемы смысла жизни и акме: электронный сборник материалов XXV Международного симпозиума / отв. ред.: Г. А. Вайзер, Т. А. Попова, Н. В. Кисельникова. – Москва: ФГБНУ «Психологический институт РАО», 2021 – 345 с.

References

1. Bavsun I. G., Il'in S. A. Organizatsiya dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya rezerva rukovodyashchego sostava territorial'nykh organov MVD Rossii // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. – 2018. – № 3 (74). – S. 48–52.
2. Voyloshnikov O. D. Ispol'zovaniye vozmozhnostey uchebno-prakticheskogo poligona «Situatsionnyy tseñtr» dlya provedeniya prakticheskikh zanyatiy po taktiko-spetsial'noy podgotovke i podgotovke sotrudnikov MVD Rossii k deystviyam pri vzniknovenii chrezvychaynykh obstoyatel'stv // Akademicheskaya mysl'. – 2018. – № 4 (5). – S. 104–109.
3. Zharova V. V. K nekotorym voprosam sovershenstvovaniya organizatsii podgotovki organov operativnogo upravleniya v sisteme MVD Rossii // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2017. – № 2 (42). – S. 143–146.
4. Zhukovskaya I. V. Samoaktualizatsiya lichnosti rukovoditeley territorial'nykh organov MVD Rossii na rayonnom urovne v khode razvivayushchego konsul'tirovaniya // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. – 2019. – № 3 (78). – S. 269–276.
5. Knyazhev V. B., Grishchenko L. L., Gorokh D. I. Pravovoye obespecheniye deyatel'nosti situatsionnykh tseñtrov organov gosudarstvennoy vlasti // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2022. – № 3 (207). – S. 238–241.
6. Knyazhev V. B., Grishchenko L. L. K voprosu o sozdanii situatsionnogo tseñtra Akademii upravleniya MVD Rossii v tselyakh dal'neyshego sovershenstvovaniya urovnya podgotovki (obucheniya) rukovodyashchego sostava organov vnutrennikh del // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2017. – № 1 (41). – S. 54–58.
7. Kupavtsev T. S. Kontseptsiya pedagogicheskoy podderzhki samorazvitiya lichnosti sotrudnika organa vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii v nepreryvnom obrazovanii : monografiya. – Moskva: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2022. – 168 s.
8. Men'shikh V. V., Sereda Ye. N. Kontseptual'naya model' i tekhnologiya obucheniya kollektivnym deystviyam po prinyatiyu resheniy pri vzniknovenii chrezvychaynykh obstoyatel'stv // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2016. – № 2 (38). – S. 51–56.
9. Samorokovskiy A. F. Opisatel'naya model' obucheniya sotrudnikov OVD resheniyu zadach pri vzniknovenii chrezvychaynykh obstoyatel'stv // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. – 2016. – № 4. – S. 148–155.
10. Serdyuk N. V. Pedagogicheskaya germenevtika v upravlencheskom obrazovanii rukovoditeley organov vnutrennikh del: tsennosti i smysly. – Psikhologicheskkiye problemy smysla zhizni i akme: elektronnyy sbornik materialov XXV Mezhdunarodnogo simpoziuma / отв. ред.: G. A. Vayzer, T. A. Popova, N. V. Kisel'nikova. – Moskva: FGBNU «Psikhologicheskiiy institut RAO», 2021 – 345 s.

Статья поступила в редакцию 05.11.2022; одобрена после рецензирования 02.12.2022; принята к публикации 09.12.2022.

The article was submitted November 5, 2022; approved after reviewing December 2, 2022; accepted for publication December 9, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 325
doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-187-192

Рустам Борисович Хыбыртов
<https://orcid.org/0000-0002-9150-7952>, fppe@yandex.ru

Михаил Львович Куликов
кандидат педагогических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0001-7871-3711>, fppe@yandex.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Пути повышения профессионального мастерства спортсменов-рукопашников на основе сравнительного анализа зарубежных школ единоборств

Аннотация: Качественное информационное обеспечение подготовки высококвалифицированных российских спортсменов невозможно без организации системы регулярного мониторинга, отбора, аналитической обработки и систематизации публикаций ведущих зарубежных тренеров, учёных и специалистов. В связи с этим основу содержания исследования составляет сравнительный анализ подготовки высококвалифицированных спортсменов зарубежных школ единоборств.

В статье раскрываются различные аспекты подготовки спортсменов, касающиеся биомеханики двигательных действий, физического развития спортсменов высокого класса, особенностей их тренировочного процесса и соревновательной деятельности. Рассматриваются пути повышения различных сторон спортивной подготовки, показаны конкретные приёмы работы, прежде всего направленные на отработку ударной техники руками, которые позволяют достичь необходимого результата. Представлены современные научные исследования теории и практики подготовки спортсменов, осуществлён системный анализ методологии по основным направлениям деятельности. Рассмотренные отличительные особенности достижения профессионального спортивного мастерства в зарубежных школах единоборств могут служить основой для разработки эффективных программ подготовки спортсменов-рукопашников.

Результатом исследования выступает вывод о том, что важным компонентом спортивной подготовки спортсменов единоборцев – боксёров и рукопашников – является достижение высокого уровня технико-тактической подготовленности, физического и функционального развития, а также психологической устойчивости, что в комплексе позволяет обеспечить оптимальный уровень эффективности применения атакующих ударов и защитных комбинаций.

Ключевые слова: высококвалифицированные спортсмены, рукопашный бой, выполнение ударов, бокс, спортивная подготовка, профессиональное мастерство, ударная техника руками, исследования

Для цитирования: Хыбыртов Р. Б., Куликов М. Л. Пути повышения профессионального мастерства спортсменов-рукопашников на основе сравнительного анализа зарубежных школ единоборств // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4 (96). – С. 187–192; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-187-192.

Rustam B. Khybyrtov
<https://orcid.org/0000-0002-9150-7952>, fppe@yandex.ru

Mikhail L. Kulikov
Cand. Sci (Ped.), Docent
<https://orcid.org/0000-0001-7871-3711>, fppe@yandex.ru

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

Ways to improve the professional skills of hand-to-hand athletes based on a comparative analysis of foreign martial arts schools

Abstract: High-quality information support for training highly qualified Russian athletes is impossible without the organization of a system of regular monitoring, selection, analytical processing and systematization of leading foreign coaches' scientists' and specialists' publications. In this regard, the content of the research is based on a comparative analysis of training highly qualified athletes in different foreign martial arts schools.

The article reveals various aspects of athletes' training involving the biomechanics of motor actions, the physical development of high-class athletes, the features of their training process and competitive activity. Ways to improve various aspects of sports training are considered; specific result-oriented methods, primarily aimed at working out striking techniques with hands, are shown. Modern scientific studies of the theory and practice of training athletes are presented; a systematic analysis of the methodology in the main areas of activity is carried out. The considered distinctive features of achieving professional sport skills in foreign martial arts schools can serve as the basis for the development of effective training programs for hand-to-hand athletes.

The author makes a conclusion that the important component in the martial arts training of boxers and hand-to-hand fighters is the achievement of a high level of technical and tactical preparedness, physical and functional development, as well as psychological stability, which together ensure the optimal level of effectiveness of the use of attacking blows and defensive combinations.

Keywords: highly qualified athletes, hand-to-hand combat, striking, boxing, sports training, professional skills, hand striking technique, research

For citation: Khybyrtov R. B., Kulikov M. L. Ways to improve the professional skills of hand-to-hand athletes based on a comparative analysis of foreign martial arts schools // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 4 (96). – P. 187–192; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-187-192.

На современном этапе развития рукопашного боя одним из значимых вопросов подготовки высококвалифицированных рукопашников выступает качественное информационное обеспечение организации и осуществления тренировочного процесса и соревновательной деятельности. При этом тренеры и специалисты стараются не разглашать данные об авторских подходах и методах тренировки своих спортсменов, учитывая уровень международной спортивной конкуренции. Однако ценным источником соответствующей информации служат научные и методические публикации ведущих учёных в печатных изданиях и на электронных ресурсах различных стран. В связи с этим актуальным является оперативный мониторинг публикуемых зарубежных научно-методических материалов, их аналитическая обработка, отбор, систематизация и высококвалифицированный перевод под редакцией опытных специалистов по видам спорта. Подготовленные таким образом методические материалы позволят существенно повысить квалификацию тренеров спортивных сборных команд Российской Федерации и ближайшего резерва и результативность выступления спортсменов на крупнейших российских и международных соревнованиях.

Задачей нашего исследования было выявление актуальной проблематики, сбор и анализ фактической информации зарубежных исследований по различным аспектам под-

готовки спортсменов высокого класса в рукопашном бою.

Учёные из Таиланда R. Tong-Iam, P. Rachanavy, C. Lawsirirat (2017) [1] с помощью оптико-электронного динамометрического аппаратно-программного комплекса «Qualisys» и программного обеспечения «Qualisys Track Manager (QTM)», Visual3D описали двигательную модель выполнения прямых ударов с учётом изменения силы реакции опоры. В данной модели авторами выделены три основных стадии. 1-я стадия – «стартовое положение»: вес тела рукопашника полностью переносится с ближней на дальнюю от соперника ногу, при этом пальцы ближней ноги отрываются от поверхности опоры, что обеспечивает наибольшее угловое перемещение туловища и увеличение дистанции удара, а также аккумулялирование энергии для выполнения прямого удара (продолжительность стартового положения составляет примерно треть общего времени выполнения удара). 2-я стадия – «подъем пальцев ближней ноги» – включает момент начала переноса веса спортсмена с дальней на ближнюю ногу, сила реакции опоры которой до этого равна нулю. На этой стадии рукопашник начинает выполнение прямого удара. Общая средняя продолжительность второй стадии составляет около 28 % общего времени выполнения удара. В ходе 3-й стадии – «опускание пальцев ближней ноги» – происходит перенос веса спортсмена на ближнюю к сопернику ногу и непосредственно вы-

полняется удар в цель. При этом сила реакции опоры ближней ноги увеличивается, а дальней – соответственно уменьшается. Длительность финальной стадии у спортсмена варьируется от 29,5 % до 45 % общего времени выполнения удара. Авторы указывают, что финальная стадия («опускание пальцев ближней ноги») имеет чрезвычайно важное значение при выполнении мощных прямых ударов, поскольку здесь происходит максимальное изменение величины угла вращения туловища и угловой скорости вращения туловища по мере увеличения силы реакции опоры, действующей на ближнюю ногу. Таким образом, вращение туловища обеспечивает передачу энергии в кинетической цепи от нижних конечностей к верхним конечностям, при этом ближняя к сопернику нога выполняет функцию центра вращения, а дальняя нога толкает тело спортсмена вперёд, создавая мощный импульс для выполнения удара.

Турецкие учёные S. Aktaj, A. Tatlici, O. Qakmakç (2019) [2], используя изокинетический динамометр (Cybex, Humac Norm 2004), установили значения показателей силы мышц верхних и нижних конечностей высококвалифицированных спортсменов. При этом максимальная мышечная сила (вращающий момент) доминантной ноги спортсмена при максимальном разгибании в коленном суставе достигала 224,900 Н/м и 135,70 Н/м при угловой скорости 60°/с и 180°/с, соответственно, а при максимальном сгибании – 120,5 Н/м и 72,3 Н/м при 60°/с и 180°/с, соответственно. Максимальные показатели силы при внутренней ротации плечевого сустава достигали 63,7 Н/м и 56,2 Н/м при угловой скорости 60°/с и 180°/с соответственно. Авторы указывают, что высококвалифицированные боксёры обладают более развитой группой мышц, осуществляющих внутреннюю ротацию плечевого сустава, что обеспечивает высокую эффективность выполнения ударов. При этом авторы в целях повышения работоспособности при выполнении защитных действий рекомендуют включать в тренировки спортсменов большее количество упражнений для развития силы мышц, обеспечивающих наружное вращение плечевого сустава.

Польский ученый K. Busko (2019) [3] для изучения биомеханических показателей спортсменов применил комплекс специального оборудования, включающий: силовую платформу Kistler 9281A, специальные регистраторы моментов сил SMS1 и SMS2, велоэргометр Monark 874 E, а также боксёрский мешок-симулятор BTS-3 со встроенным тензометром и двумя сигнальными диодами для указания последовательности ударов («JBA» Zb. Staniak, Poland). Автором установлено, что сумма максимальных вращающих моментов 10 мышечных групп спортсменов составляет $3088,5 \pm 760,7$ Н/м. Максимальная относительная выходная мощность спортсменов достигала $11,56 \pm 0,92$ Вт/кг. Разница высоты при выполнении прыжка вверх с места и прыжка вверх с разбега составила $0,081 \pm 0,029$ м. Кроме этого, автором выявлена асимметрия по-

казателя силы дальней и ближней к сопернику руки при выполнении прямого удара (40,8 %) и хука (16,7 %). При этом сила удара дальней от соперника руки была выше. Автор рекомендует для мониторинга силы ударов и подбора адекватных тренировочных методов и упражнений в ходе тренировочного процесса использовать прыжковые тесты или тесты с кратковременной максимальной нагрузкой (например, на велоэргометре с нагрузкой 2,5 % и 5 % от массы тела).

Учёные из Франции S. El-Oujaji, T. Provot, M. Bourgain, D. Dinu (2019) [4] на основе данных, полученных при использовании костюма MVN Biomech Link, оснащённого 17 инерциальными датчиками, установили, что показатель устойчивости тела взрослых высококвалифицированных боксёров приближается к 50 %, демонстрируя более эффективное распределение веса спортсменами на обе ноги, а показатель устойчивости юниоров высокой квалификации (меньше 50 %) указывает на более низкий контроль над перемещением центра давления в момент выполнения ударов.

Антропометрические характеристики спортсменов являются важными базовыми параметрами, обуславливающими успешность освоения специальных технико-тактических навыков, дальнейшее спортивное совершенствование и, как следствие, результативность соревновательной деятельности.

Турецким учёным V. Ayar (2020) [5] в ходе многолетнего мониторинга антропометрических показателей победительницы чемпионатов Турции, Европы и мира в весовой категории до 75 кг Бусеназ Сюрменели установлены характерные для высококвалифицированных представительниц боксёрской элиты в этой весовой категории показатели индекса массы тела ($25,6 \text{ кг/м}^2$) и соматотипа (4-5-1), которые указывают на преобладание мезоморфного типа телосложения над эндоморфным. Автор рекомендует таким спортсменкам включать в свои тренировочные программы комплексы упражнений, направленные на укрепление мышц и снижение содержания жира в организме.

Индийскими учёными D. Kumar, S. Tyagi (2019) [6] выявлена статистически значимая взаимосвязь между результативностью боксёров и такими антропометрическими характеристиками, как рост, индекс массы тела (ИМТ), процент содержания жира в организме, длина руки, длина предплечья и длина ноги. При этом одним из наиболее эффективных прогностических параметров результативности в бою авторы считают показатель длины рук спортсмена.

Известно, что одной из главных задач тренировочного процесса в таких высокоинтенсивных видах спорта, как бокс, рукопашный бой, является повышение мощности мышц спортсменов, что обеспечивает улучшение показателей их физической выносливости и способности наносить быстрые точные удары с максимальной силой. Поэтому тренеры, учёные и специалисты ведут постоянный поиск наиболее эффективных методов развития мощности ударов.

Авторы разработали короткую тренировочную программу повышения мощности у высококвалифицированных спортсменов (14 тренировок в течение 7 недель), включающую упражнения «жим штанги, лежа на скамье» и «выпрыгивание из приседа со штангой на плечах», с учётом нагрузок оптимальной мощности. Суть программы заключается в выполнении трёх повторений каждого упражнения с максимальной скоростью при каждом подходе, начиная с 40 % от массы тела спортсмена при «выпрыгивании из приседа со штангой на плечах» и 30 % – при «жмиме штанги, лежа на скамье». При этом нагрузка постепенно увеличивается на 10 % и 5 % от массы тела спортсменов соответственно для каждого упражнения до наступления снижения показателей средней мощности, средней пропульсивной мощности и максимальной мощности мышц боксёров. Между подходами предусмотрены интервалы отдыха 5 мин. Авторами доказано, что в результате применения данной тренировочной программы достигнуто существенное увеличение выходной мощности мышц членов сборной команды по боксу.

Корейские ученые К.-J. Kim, S.-B. Lee, S. Park (2018) [7] представили 16-недельную программу специальных тренировок, направленных на повышение уровня физической подготовленности, силы и мощности ударов боксёров национальной сборной Кореи. Разработанная авторами программа специальных тренировок по боксу состояла из трех частей: 1) круговые тренировки, направленные на развитие мощности, выполнялись в утреннее время (с 10:30 до 12:00); 2) тренировки с трубчатыми эспандерами и с мячами проводились после полудня (с 15:30 до 17:00); 3) специальный вариант челночного бега для развития мощности. Круговые тренировки и тренировки с трубчатыми эспандерами и мячами проводились 3 раза в неделю (3 серии упражнений (подхода) в каждой тренировке с интервалом отдыха 7 минут между подходами). В каждом подходе выполнялись от 8 до 10 повторений упражнения с акцентом на взрывную силу. Для круговых тренировок интенсивность физической нагрузки составляла от 50 % до 70 % максимальной нагрузки. Для тренировок с трубчатыми эспандерами и с мячами применялись эспандеры разных цветов (зелёные, синие и чёрные) и медицинские мячи (3, 4 и 5 кг). Интенсивность тренировок и количество повторений постепенно увеличивались на протяжении тренировочного периода. Челночный бег для развития мощности выполнялся на двух тренировках в неделю (3 раунда (подхода) по 190 секунд с 1-минутными интервалами отдыха за тренировку). Каждый подход состоял из 4 этапов. Авторы утверждают, что применение программы специальных тренировок позволило увеличить показатели максимальной силы туловища и рук, значительно повысить мощность прямого и бокового ударов боксёров.

Разминка (разогрев) перед поединком применяется в качестве средства активизации систем организма спортсмена, предотвращения

риска травматизма и повышения результативности выступления. Учёные из Великобритании и Катара В. Cunniffe, М. Ellison, М. Loosemore, М. Cardinale (2017) [5] выявили постепенное снижение показателей уровня работоспособности спортсменов сборной, достигнутого благодаря проведению «разогрева», в период между разминкой и выходом спортсменов на ковёр. При этом высота прыжка вверх с места с приседом значительно снизилась уже через 15 минут, а показатели силы, выходной мощности и скорости жима штанги лежа на скамье, ухудшились к 25-й минуте после разминки. Исходя из этого, авторы рекомендуют правильно подбирать время для проведения разминки спортсменов перед поединками для достижения и сохранения необходимого уровня их работоспособности, а также использовать средства и методы поддержания и предотвращения снижения температуры мышц спортсменов после разминки, например, использовать термокомпрессы, особенно для спортсменов с низким содержанием жира.

В процессе поединка наблюдается неизбежное утомление, сопровождаемое снижением быстроты и динамики движений. Польские учёные Е. Sienkiewicz-Dianzenza, Т. Maszczyk (2019) [8] в результате изучения влияния утомления на координационные способности (ловкость и скорость реакции) боксёров-любителей показывают, что результаты выполнения боксёрами тестов, включающих повторные анаэробные физические нагрузки, и определение индекса эффективности (соотношения между средним значением результатов попыток выполнения тестов и их максимальным значением) позволят тренерам осуществлять объективную классификацию боксёров, основываясь на сильных и слабых сторонах их подготовленности, и оптимизировать соответствующие программы тренировок.

Изучая психологические факторы в боксе, учёные из Китая и Испании Х. Chen, G. Zhang, Х. Yin, Y. Li, G. Cao, С. Gutierrez-Garcia, L. Guo (2019) [9] установили, что снижение уровня самоэффективности боксёров неизбежно сопровождается увеличением вероятности проявления у них агрессивного поведения. При этом самоэффективность и самоконтроль выступают в роли ключевых факторов повышения результативности спортсменов во время напряжённых турниров по боксу и способствуют сдерживанию импульсивного поведения и сохранению рационального мышления в ходе поединков. Авторы рекомендуют включать тренировки самоэффективности и самоконтроля в тренировочные планы боксёров в периоды между соревнованиями и во время соревнований, что позволит снизить уровень агрессивного поведения. Также самоэффективность, самоконтроль и агрессивное поведение следует учитывать в качестве основных показателей в процессе психологического отбора боксёров.

Индийским учёным J. Singh (2018) [10] получены результаты, свидетельствующие, что боксёры национального уровня обладают хоро-

шо развитыми способностями восстанавливать своё психологическое состояние, выдерживать давление, а также уверенностью и общей психологической устойчивостью по сравнению с боксёрами, соревнующимися на региональном уровне.

Другому индийскому учёному P. Malik (2019) [11] удалось описать психологические характеристики индийских боксёров-призёров и спортсменов, выступивших неудачно, в возрастных категориях до 17 лет и до 21 года в ходе проведения турнира «Khelo India». При этом автор однозначно утверждает, что призёры обладали более высокой уверенностью в своих силах, что и дало им возможность добиться большего успеха на соревнованиях.

Проведённый анализ зарубежных источников научно-методической информации позволил выявить основные тенденции, касающиеся:

- биомеханики двигательных действий (двигательная модель выполнения прямых ударов; показатели силы мышц и максимальных вращающих моментов, асимметрия выполнения ударов и параметры устойчивости);
- физического развития спортсменов (тенденция увеличения антропометрических показателей; возможности прогнозирования результативности; модельные показатели);
- особенностей их тренировочного процесса (тренировочные программы спортсменов сборных команд; программа ускоренной акклиматизации; изменение уровня работоспособности спортсменов сборной перед выходом на ковер; влияние утомления на координационные способности; метод компьютерной визуализации уровня квалификации);

- соревновательной деятельности (характеристика соревновательной деятельности спортсменов в ходе соревнований);

- психологической подготовки (роль самоэффективности, самоконтроля в агрессивном поведении спортсменов; психологическая характеристика спортсменов национального и регионального уровней, а также спортсменов-призёров и спортсменов, выступивших неудачно).

Можно сделать вывод, что важными компонентами спортивной подготовки спортсменов-единоборцев – боксёров и рукопашников – являются достижение высокого уровня технико-тактической подготовленности, физического и функционального развития, а также психологической устойчивости, что в комплексе позволяет обеспечить оптимальный уровень эффективности применения атакующих ударов и защитных комбинаций. Это подтверждается и нашими собственными исследованиями [12]. В рукопашном бою для реализации атакующих и защитных действий спортсмены используют как правую, так и левую части тела в зависимости от особенностей выполняемых технико-тактических действий. При этом эффективность атаки зависит от уровня развития способности спортсмена использовать быстрые и сильные удары при сохранении равновесия тела и точности движений.

Материалы исследования целесообразно использовать в работе спортивных школ, секций, в учебном процессе специализированных образовательных организаций физической культуры и спорта, в системе повышения квалификации тренеров.

Список литературы

1. Тонг-Иам Р., Рачанапи П., Лоусирират С. Кинематический и кинетический анализ прямого удара: роль вращения туловища в нанесении мощного прямого удара // Журнал физического воспитания и спорта. – 2017. – №17 (4). – Ст. 287. – С. 2538–2543.
2. Акташ С., Татличи А., Чакмакчи О. Определение изокинетической силы верхней и нижней частей тела элитных боксёров-мужчин // Турецкий журнал спорта и физических упражнений. – 2019. – Т. 21. – Вып. 2. – С. 188–191.
3. Бушко К. Биомеханические характеристики боксёров-любителей // Архив БУДО. Укрепление здоровья и профилактика. – 2019. – Т. 15. – С. 23–31.
4. Эль-Уджаджи С., Провот Т., Бурген М., Дину Д. Разница в стабильности между двумя элитными боксерскими группами: предварительное исследование // Компьютерные методы в биомеханике и биомедицинской инженерии. – 2019. – Т. 22. – Вып.1. – С. S481-S483. Режим доступа: [https:// www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10255842.2020](https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10255842.2020).
5. Аян В. Изучение индекса массы тела и соматотипа элитной женщины-боксёра (продольное исследование) // Prime Journal of Social Science. – 2020. – Т. 7 (6). – С. 1538–1541.
6. Кумар Д., Тяги С. Выбранные антропометрические характеристики как предикторы производительности в боксе // Журнал управленческих исследований и анализа (JMRA). – 2019. – Т. 6. – Вып. 1 (2). – С. 200–207.
7. Ким К.-Дж., Ли С.-Б., Пак С. Влияние специфичных для бокса тренировок на физическую форму и силу удара у корейских национальных боксёров // Наука о физических упражнениях. – 2018. – Т. 27. – № 4. – С. 296–302.
8. Сенкевич-Дианценза Э., Машичик Л. Влияние усталости на ловкость и быстроту реакции в боксе // Биомедицинская кинетика человека. – 2019. – № 11. – С. 131–135.
9. Чен Х., Чжан Г., Инь Х., Ли Ю., Цао Г., Гутьеррес-Гарсия К., Го Л. Взаимосвязь между самоэффективностью и агрессивным поведением у боксёров: Посредническая роль самоконтроля // Границы психологии. – 2019. – Т. 10. – Ст. 212. – С. 1–9.

10. Сингх Дж. Сравнение психической выносливости мужчин-боксёров национального уровня и уровня штата // Международный журнал здоровья, физического воспитания и компьютерных наук в спорте. – 2018. – Т. 30. – № 1. – С. 63–66.

11. Малик П. Оценка психологических особенностей у медалистов и немедалистов среди юниоров – индийских боксёров // Международный журнал физиологии, питания и физической культуры. – 2019. – № 4 (2). – С. 440–443.

12. Хыбыртов Р. Б., Куликов М. Л. Методика построения тренировочного процесса и режим дня спортсменов-рукопашников // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 2 (90). – С. 189–193.

References

1. Tong-Iam R., Rachanavi P., Lousirirat S. Kinematicheskiy i kineticheskiy analiz pryamogo udara: rol' vrashcheniya tulovishcha v nanesenii moshchnogo pryamogo udara // Zhurnal fizicheskogo vospitaniya i sporta. – 2017. – №17 (4). – St. 287. – S. 2538–2543.

2. Aktash S., Tatlich A., Chakmakchi O. Opredeleniye izokineticheskoy sily verkhney i nizhney chastei tela elitnykh bokserov-muzhchin // Turetskiy zhurnal sporta i fizicheskikh uprazhneniy. – 2019. – Т. 21. – Vyp. 2. – S. 188–191.

3. Bushko K. Biomekhanicheskiye kharakteristiki bokserov-lyubiteley // Arkhiv BUDO. Ukrepleniye zdorov'ya i profilaktika. – 2019. – Т. 15. – S. 23–31.

4. El'-'Udzhadzhi S., Provot T., Burgen M., Dinu D. Raznitsa v stabil'nosti mezhdru dvumya elitnymi bokserami gruppami: predvaritel'noye issledovaniye // Komp'yuternyye metody v biomekhanike i biomeditsinskoj inzhenerii. – 2019. – Т. 22. – Vyp.1. – S. S481-S483. Rezhim dostupa: [https:// www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10255842.2020](https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10255842.2020).

5. Ayan V. Izucheniye indeksa massy tela i somatotipa elitnoy zhenshchiny-boksora (prodol'noye issledovaniye) // Prime Journal of Social Science. – 2020. – Т. 7 (6). – S. 1538–1541.

6. Kumar D., Tyagi S. Vybrannyye antropometricheskiye kharakteristiki kak prediktory proizvoditel'nosti v bokse // Zhurnal upravlencheskikh issledovaniy i analiza (JMRA). – 2019. – Т. 6. – Vyp. 1 (2). – S. 200–207.

7. Kim K.-Dzh., Li S.-B., Pak S. Vliyaniye spetsifichnykh dlya boksa trenirovok na fizicheskuyu formu i silu udara u koreyskikh natsional'nykh bokserov // Nauka o fizicheskikh uprazhneniyakh. – 2018. – Т. 27. – № 4. – S. 296–302.

8. Senkevich-Diantsenza E., Mashchik L. Vliyaniye ustalosti na lovkost' i bystrotu reaktsii v bokse // Biomeditsinskaya kinetika cheloveka. – 2019. – № 11. – S. 131–135.

9. Chen X., Chzhan G., In' Kh., Li Yu., Tsao G., Gut'yerres-Garsiya K., Go L. Vzaimosvyaz' mezhdru sameffektivnost'yu i agressivnym povedeniyem u bokserov: Posrednicheskaya rol' samokontrolya // Granitsy psikhologii. – 2019. – Т. 10. – St. 212. – S. 1–9.

10. Singkh Dzh. Sravneniye psikhicheskoy vynoslivosti muzhchin-bokserov natsional'nogo urovnya i urovnya shtata // Mezhdunarodnyy zhurnal zdorov'ya, fizicheskogo vospitaniya i komp'yuternykh nauk v sporte. – 2018. – Т. 30. – № 1. – S. 63–66.

11. Malik P. Otsenka psikhologicheskikh osobennostey u medalistov i nemedalistov sredi yuniorov – indiykikh bokserov // Mezhdunarodnyy zhurnal fiziologii, pitaniya i fizicheskoy kul'tury. – 2019. – № 4 (2). – S. 440–443.

12. Khybyrtov R. B., Kulikov M. L. Metodika postroyeniya trenirovochnogo protsessa i rezhim dnya sportsmenov-rukopashnikov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2021. – № 2 (90). – S. 189–193.

Статья поступила в редакцию 22.04.2022; одобрена после рецензирования 04.11.2022; принята к публикации 11.11.2022.

The article was submitted April 22, 2022; approved after reviewing November 4, 2022; accepted for publication November 11, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Юридическая психология и психология безопасности

Научная статья

УДК 325

doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-193-200

Денис Витальевич Дзьоник

кандидат юридических наук

<https://orcid.org/0000-0002-9737-1080>, kaf-up-spbumvd@ya.ru

Леонид Трофимович Бородавко

доктор педагогических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0002-3017-7507>, borodavkoleonid27@mail.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Личностные особенности трудовых мигрантов с признаками социально-психологической дезадаптации

Аннотация: Проблема психологической адаптации личности постоянно находится в фокусе внимания исследователей и выступает в качестве ведущего фактора при поиске методов и средств психологической профилактики правонарушающего поведения. Однако психологический потенциал исследований особенностей социально-психологической адаптации мигрантов во взаимосвязи с их личностными особенностями и склонностью к правонарушениям не используется в полной мере.

Цель исследования – изучение психологических особенностей трудовых мигрантов с признаками дезадаптации.

Объектом исследования выступили трудовые мигранты, в том числе 50 – характеризующихся делинквентным поведением (привлечение к ответственности в соответствии с КоАП РФ, УК РФ) и 50 – с правопослушным поведением.

Психодиагностический инструментарий исследования: скрининговый опросник «Шкала удовлетворенности жизнью» (УДЖ) Н. Н. Мельниковой, анкета «Социальное благополучие» Н. Н. Мельниковой, опросник «Шкала психологического благополучия» В. Рифф, многофакторный личностный опросник 16 PFP. Кеттелла (форма С), опросник «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» С. Хобфолла (в адапт. Н. В. Водопьяновой, Е. А. Старченковой).

В статье представлены результаты эмпирического исследования личностных особенностей мигрантов с признаками дезадаптации.

Авторы приходят к выводу, что к психологическим особенностям трудовых мигрантов с признаками дезадаптации относятся низкий уровень удовлетворённости жизнью, недостаточное психологическое благополучие, что выражается в меньшем самопринятии, снижении жизненных целей и позитивных отношений с социумом, но в большей автономности и уверенности в управлении

окружением. Личностными особенностями трудовых мигрантов с признаками дезадаптации являются скрытность, эмоциональная нестабильность, открытость, смелость, низкие нормативность поведения и самоконтроль. В трудных жизненных ситуациях для них характерно неадаптивное поведение, выражающееся в импульсивности, склонности к манипуляциям, агрессивным и асоциальным действиям.

Ключевые слова: психология трудовой миграции, социально-психологическая адаптация, удовлетворённость жизнью, психологическое благополучие, признаки дезадаптации

Для цитирования: Дзюник Д. В., Бородавко Л. Т. Личностные особенности трудовых мигрантов с признаками социально-психологической дезадаптации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4 (96). – С. 193–200; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-193-200.

Denis V. Dzionik

Cand. Sci (Jurid.)

<https://orcid.org/0000-0002-9737-1080>, kaf-up-spbumvd@ya.ru

Leonid T. Borodavko

Dr. Sci (Ped.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-3017-7507>, borodavkoleonid27@mail.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Personal characteristics of labor migrants with signs of socio-psychological maladaptation

Abstract: The problem of psychological adaptation of the individual is in the constant focus of attention of researchers and acts as a leading factor in the search for methods and means of psychological prevention of delinquent behavior. However, the psychological potential of studies of the characteristics of the socio-psychological adaptation of migrants in conjunction with their personal characteristics and propensity to delinquency is not fully used.

The purpose of the study is to study the psychological characteristics of labor migrants with signs of maladaptation.

The object of the study were labor migrants, including 50 who are characterized by delinquent behavior (bringing to account in accordance with the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, the Criminal Code of the Russian Federation) and 50 with law-abiding behavior.

Psychodiagnostic research tools: screening questionnaire «Life Satisfaction Scale» (LSS) by N. N. Melnikova, questionnaire «Social well-being» by N. N. Melnikova, questionnaire «Scale of psychological well-being» by V. Riff, multifactorial personality questionnaire 16 PFP. Cattell (form C), questionnaire «Strategies for overcoming stressful situations» by S. Hobfall (adapted by N. V. Vodopyanova, E. A. Starchenkova).

Keywords: psychology of labor migration, socio-psychological adaptation, life satisfaction, psychological well-being, signs of disadaptation

For citation: Dzionik D. V., Borodavko L. T. Personal characteristics of labor migrants with signs of socio-psychological maladaptation // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 4 (96). – P. 193–200; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-193-200.

Введение

Социально-экономическое и политическое развитие общества характеризуется определёнными показателями, среди которых одним из наиболее реалистичных является уровень миграции населения. При этом миграционные процессы, происходящие в обществе, оказывают существенное воздействие на все сферы общественной жизни.

Высокие темпы экономического развития Российской Федерации обуславливают значительную миграционную активность на её территории. В настоящее время число нелегальных мигрантов довольно существенно по отношению к общему числу иностранных граждан,

временно пребывающих на территории России. Общее количество фактов постановки на миграционный учёт иностранных граждан и лиц без гражданства в 2020 году составило 9,8 млн чел.¹ Численность незаконных мигрантов, по данным МВД России, сегодня составляет: «более 332 тыс. выходцев из Узбекистана, 247 тыс. из Таджикистана, 152 тыс. граждан Украины, 120 тыс. из Азербайджана, 115 тыс. из Киргизии, 61 тыс.

¹ Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–декабрь 2020 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. – URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 20.03.2022).

из Армении, 56 тыс. из Молдавии и 49 тыс. из Казахстана»². Число трудовых мигрантов из стран бывшего СССР выводит Россию на лидирующие позиции по соотношению мигрантов и собственных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на территории государства.

Однако по итогам I квартала 2022 года МВД России фиксирует существенный рост преступности со стороны мигрантов: количество совершенных ими преступлений составило 10,4 тыс., что на 8.1 % превышает число преступлений, выявленных по итогам аналогичного периода 2021 года. В числе совершаемых мигрантами выявлены тяжкие и особо тяжкие виды деяний, оказывающие резко негативное влияние на общественную безопасность государства: разбои, изнасилования, убийства³.

Анализ современных исследований демонстрирует их направленность на проблему «секьюритизации» миграционных процессов, ужесточение контроля и пресечение нелегальной миграции, однако психологическим аспектам влияния переселения на состояние мигранта внимание уделено недостаточное.

Теоретические основы исследования. Стремительное увеличение миграционных потоков на территории России наблюдается с конца предыдущего столетия, что, по мнению Д. А. Звигиной (2017) обусловлено достаточно прагматичными причинами экономического и неэкономического характера. К первым исследователем относит высокий уровень безработицы в родном государстве, движение капитала, перенаселение, субъективное желание мигрантов улучшить собственные условия существования; ко вторым – политические, правовые, нравственные причины [5].

Для самого мигранта, оказавшегося в непривычной, а порой и кардинально иной социальной ситуации, которая, особенно на первоначальных этапах, наполнена различными препятствиями и проблемами, существует также ряд последствий, которые в первую очередь связывают с понятием адаптации. Ряд исследователей (А. В. Котельникова, 2009⁴; Н. С. Хрусталева, 2010 [9]; Е. А. Буаэр, 2019⁵ и т. д.) подчеркивают существенный психотравмирующий характер социально-психологической адаптации к жизни в новом государстве, новом обще-

стве и новой культуре. По мнению Н. С. Хрусталева (2010), психические травмы связаны:

- с чувством вины перед семьей, члены которой в большинстве случаев остаются в родном государстве;
- с утратой прежнего социально-трудового статуса и необходимостью заново занимать место в обществе;
- с размыванием чувства собственной значимости в обществе;
- с комплексом эмоций и чувств, вызванных переездом в иную среду, физической утратой (пусть и временной) родственных связей;
- с нарушением процессов самоощущения, самоидентификации и т. д. [9].

Нарушения социально-психологической адаптации размывают представления о будущем, ещё более дестабилизируя состояние мигранта: неуверенность в завтрашнем дне, неопределённость трудоустройства, отсутствие перспектив, непонимание временных границ решения бытовых трудностей усиливают тенденцию к дезадаптации [4]. Сложность для дезадаптированного мигранта представляет и установление межличностных контактов: взаимодействие в новой культуре им кажется неконструктивным, они видят себя менее умелыми в коммуникациях и не принятыми иной этнической общностью [3].

О. Г. Мокрецова (2015) полагает, что актуальным психотравмирующим состоянием, связанным с временным переселением в другое государство, являются ностальгические переживания, глубина которых связана со степенью психологического благополучия личности мигранта в обществе государства-реципиента, его психологическими особенностями и видом профессиональной деятельности, в которой он осуществляет свои трудовые функции⁶.

Под ностальгией понимается компенсаторная личностная реакция, наступающая в результате коренного изменения жизненных стереотипов, вызванного переселением в другое государство [6]. Ностальгия представляет собой неосознаваемое стремление к связи настоящего с прошлым и обеспечивает восстановление внутреннего самосознания.

А. А. Овчинников, А. Н. Султанова (2014) выявили, что глубокое переживание ностальгии негативно сказывается на социально-психологической адаптации мигрантов, вызывая в первую очередь деструкцию отношений с окружающими [7]. В зависимости от стремления возвратиться на Родину или полной аккультурации в государстве-реципиенте иностранными социологами Ф. Дювель и Д. Вогель выделены следующие типы мигрантов:

1) ориентированные на возвращение – отличаются небольшим сроком пребывания в принимающей стране, не связывают себя новыми социальными контактами, имеют опреде-

² МВД потребовало от всех нелегальных мигрантов покинуть РФ до 15 июня: выступление зам. главы МВД России А. Горюхова [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Известия». – URL: <https://iz.ru/1152877/2021-04-17/mvd-potrebovalo-ot-vsekh-nelegalnykh-migrantov-pokinut-rf-do-15-iiunia> (дата обращения: 20.03.2022).

³ Характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2021 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. – <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics?ysclid=l2k8tzpauh> (дата обращения: 03.05.2022).

⁴ Котельникова А. В. Личностные корреляты посттравматического стресса (на материале выборки вынужденных переселенцев) : автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 2009. – 22 с.

⁵ Буаэр Е. А. Травматерапия и процесс психологической адаптации мигрантов : учебное пособие. – Москва, 2019. – 27 с.

⁶ Мокрецова О. Г. Социально-психологические особенности адаптации трудовых мигрантов из Узбекистана : автореф. дис. ... канд. психолог. наук. – Санкт-Петербург, 2015. – 25 с.

лённую цель, по достижении которой возвращаются к родной семье;

2) транснациональные – характеризуются стремлением обеспечивать семью, оставшуюся на родине или мигрирующую вместе с ними, решение о возвращении на родину принимается, исходя из объективности положительных и отрицательных факторов;

3) эмигранты / иммигранты – обладают выраженным стремлением постоянно проживать в государстве-реципиенте, но поддерживают крепкие связи с родными и близкими, проживающими в родном государстве, придерживаются традиций и обычаев собственного народа. Устанавливают широкие социальные контакты в государстве-реципиенте, ведут образ жизни, близкий к принятому в принимающей культуре, не стремятся к возвращению на родину;

4) кочующие – относительно новый вид мигрантов, характеризующийся непрерывающимися переездами из государства в государство в поисках более комфортных условий проживания и трудоустройства. Легко перенимают традиции и обычаи народов, с которыми их сталкивает временное переселение, возвращение на родину не является для них важным, поэтому зачастую они принимают гражданство иного государства [10].

Целью эмпирического исследования стало изучение психологических особенностей трудовых мигрантов с признаками дезадаптации.

В качестве гипотезы выдвинуто предположение, что социально-психологическая дезадаптация трудовых мигрантов имеет прямые связи с низким уровнем удовлетворённости жизнью, социального и психологического благополучия, а также рядом личностных особенностей (замкнутость, склонность к риску, эмоциональная неустойчивость, низкий самоконтроль).

База и выборка исследования. Эмпирическое исследование особенностей социально-психологической адаптации трудовых мигрантов проводилось с сентября 2021 года по март 2022 года на базе Управления по вопросам миграции ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Объектом исследования выступили трудовые мигранты, в том числе 50 – отличающиеся делинквентным поведением (привлечение к ответственности в соответствии

с КоАП РФ, УК РФ), и 50 – с правопослушным поведением.

Психодиагностический инструментарий исследования: скрининговый опросник «Шкала удовлетворенности жизнью» (УДЖ) Н. Н. Мельниковой, анкета «Социальное благополучие» Н. Н. Мельниковой, опросник «Шкала психологического благополучия» В. Рифф, многофакторный личностный опросник 16 PFR. Кеттелла (форма С), опросник «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» С. Хобфолла (в адаптации Н. В. Водопьяновой, Е. А. Старченковой).

Статистическая обработка результатов проведена посредством расчета U-критерия Манна-Уитни, применённого в результате невозможности использования параметрических методов сравнения групп из-за несоответствия распределения показателей нормальному закону, выявленного при помощи критерия согласия Колмогорова.

Результаты исследования и их обсуждение. У трудовых мигрантов с нарушением адаптации значимо более высокие значения получили показатели личностных свойств, напрямую связанных с низким адаптационным потенциалом (рис. 1). Так, для трудовых мигрантов с нарушением адаптации в сравнении с трудовыми мигрантами без признаков дезадаптации в большей мере характерны:

- личностная незрелость, дисгармоничность в принятии решений, что выражается в частичной, а в ряде случаев полной утрате мигрантами способности к адаптации в обществе (0,01);
- неудовлетворённость своими индивидуально-психологическими особенностями (0,05);
- сниженная потребность во взаимодействии с другими людьми, поддержании длительных дружеских контактов, расширении круга знакомств (0,01);
- негативные чувства по отношению к окружающей социальной реальности: неуверенность, подавленность, пассивность, агрессия и чувство обиды (0,01);
- привычное приписывание вины в собственных неудачах влиянием извне (случаю, действию других людей), а также видение причин происходящих позитивных событий в действии внешних факторов (0,01);

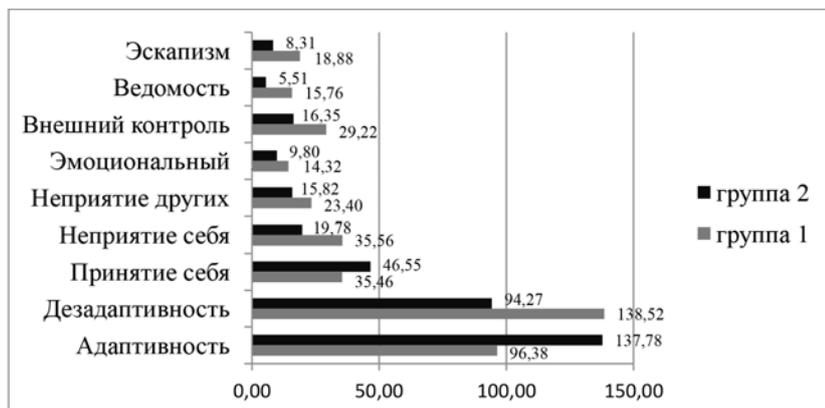

Рис. 1. Особенности социально-психологической адаптации трудовых мигрантов

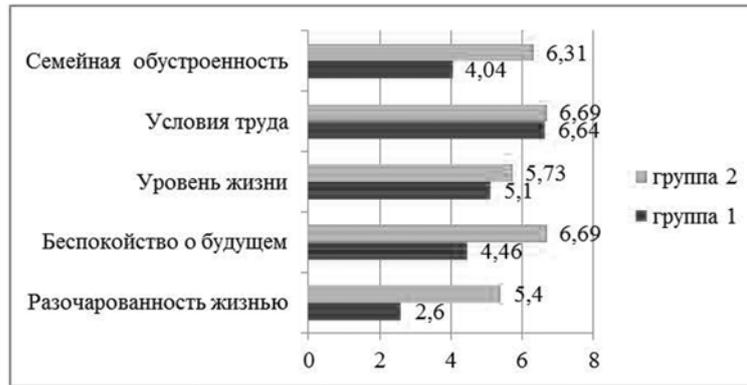

Рис. 2. Особенности социального благополучия и удовлетворённости жизнью трудовых мигрантов

- стремление к подчинению, выполнению задач, поставленных другими (0,01);
- избегание проблемных ситуаций (0,01).

У трудовых мигрантов с нарушением адаптации значимо более высокие значения получены по ряду показателей удовлетворённости жизнью и социального благополучия (рис. 2). Так, для трудовых мигрантов без нарушения адаптации по сравнению с трудовыми мигрантами с признаками дезадаптации в большей мере характерны беспокойство о будущем (0,01) и разочарованность жизнью (0,01).

Им в большей мере присуща удовлетворённость такими аспектами социального существования, как уровень жизни (0,05), семейная обустроенность (0,01) и условия профессиональной деятельности (0,01).

У трудовых мигрантов с нарушением адаптации значимо более высокие значения получены по ряду показателей психологического благополучия (рис. 3). Так, для трудовых мигрантов без нарушения адаптации в сравнении с трудовыми мигрантами с признаками дезадаптации в большей мере характерны:

- позитивное отношение как умение сопереживать и понимать окружающих, способность быть коммуникативным, успешно общаться и поддерживать отношения (0,01);
- наличие разнообразных жизненных целей, связанное с переживанием смысла жизни (0,01);

- самопринятие, которое показывает позитивную самооценку себя в своей жизни, принятие и осознание собственных недостатков и положительных качеств (0,01);

- стремление к самоактуализации, раскрытию своих способностей, к самостоятельной деятельности (0,01);

– психологическое благополучие, которое включает в себя позитивную самооценку себя в своей жизни, принятие и осознание своих недостатков и положительных качеств, умение сопереживать и понимать окружающих, быть коммуникативным, умение поддерживать отношения (0,01).

Трудовым мигрантам с признаками дезадаптации в большей мере свойственны:

- автономность, позволяющая мигранту действовать независимо от внутренних и внешних установок, демонстрируя способность к самостоятельности, что проявляется в большем ощущении свободы в выборе способа поведения, уместного в конкретной ситуации, к демонстрации самостоятельности (0,01);

- уверенность в возможности управлять окружающей средой, преодолевать жизненные трудности и добиваться намеченных целей, отсутствие тенденций к переживанию чувства беспомощности и пассивности при неудаче (0,01).

В выборке трудовых мигрантов с нарушением адаптации по ряду личностных свойств

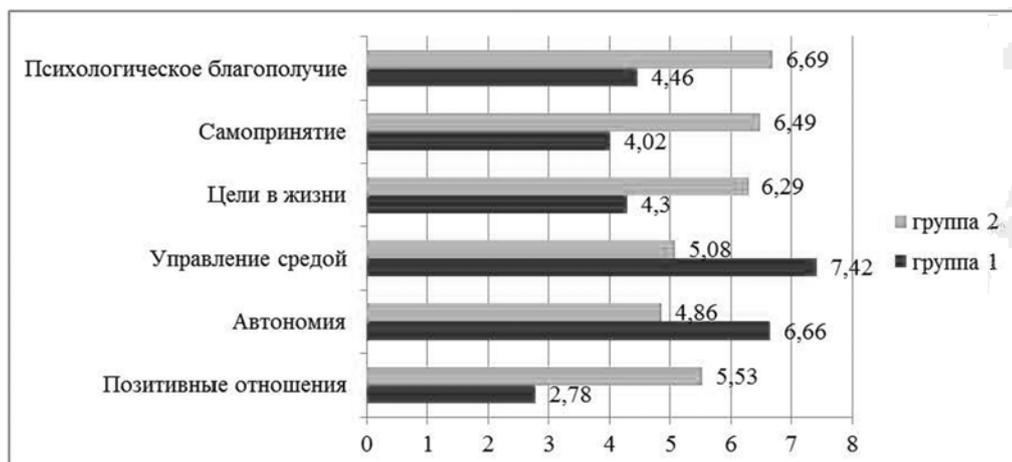

Рисунок 3. Особенности психологического благополучия трудовых мигрантов

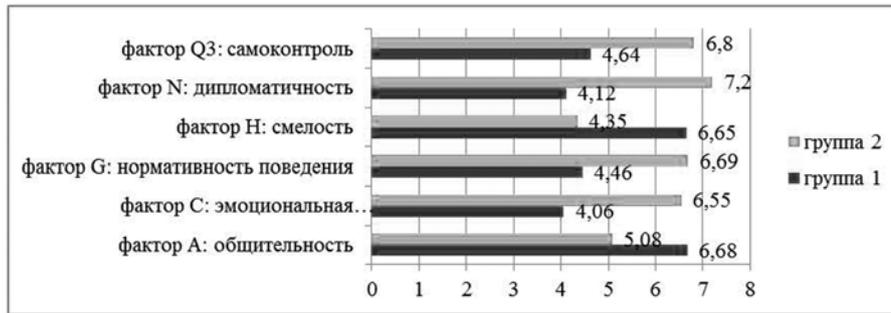

Рис. 4. Особенности личностных свойств трудовых мигрантов

получены значения показателей, значительно отличающиеся от значений показателей в выборке трудовых мигрантов без признаков дезадаптации (рис. 4). Так, для трудовых мигрантов с нарушением адаптации по сравнению с трудовыми мигрантами без признаков дезадаптации в большей мере свойственны:

- скрытность и обособленность во взаимодействии с другими людьми, ригидность, строгость в оценке других, необщительность, трудности в установлении и поддержании межличностных контактов (0,01);
- импульсивность, эмоциональная неустойчивость, неустойчивость интересов, низкая толерантность к разочарованию, раздражительность и утомляемость (0,01);
- тенденции к непостоянству, подверженность влиянию внешних и внутренних факторов, неорганизованность и недисциплинированность, гибкость по отношению к правовым, социальным, моральным, религиозным нормам, в ряде случаев склонность к асоциальному поведению (0,01);
- смелость, предприимчивость, энергичность и активность, склонность к риску в незнакомых ситуациях и с незнакомыми людьми, склонность к принятию неординарных решений (0,01);
- прямолинейность и простота, бестактность, непосредственность поведения, низкая способность к анализу чужих высказываний и поведения, низкая проницательность (0,01);
- низкая способность к контролю за своими высказываниями и поведением, невнимательность к другим, невнимательность к социальным нормам и требованиям (0,01).

В выборке трудовых мигрантов с нарушением адаптации по ряду копинг-стратегий получены значения показателей, значительно отличающиеся от значений показателей копингов в выборке трудовых мигрантов без признаков дезадаптации (рис. 5). Так, для трудовых мигрантов с нарушением адаптации по сравнению с трудовыми мигрантами без признаков дезадаптации в трудных жизненных ситуациях в большей мере свойственно:

- действовать импульсивно, по первому побуждению, под влиянием внешних и внутренних факторов, без предварительного обдумывания своих высказываний и поступков, оценки всех «за» и «против» для принятия оптимального решения (0,01);
- действовать посредством манипулирования другими людьми с целью достижения значимых для себя результатов (0,01);
- действовать, выходя за рамки социально приемлемого поведения: эгоцентрично, не считаясь с обстоятельствами и интересами других (0,01);
- действовать агрессивно, испытывать негативные чувства при неудачах и конфликтах, проявлять их гневом, злостью, раздражительностью, испытывать аутоагрессивные чувства обиды, вины, разочарования (0,01).

Напротив, трудовым мигрантам без признаков дезадаптации в сравнении с трудовыми мигрантами с признаками дезадаптации в трудных жизненных ситуациях в большей мере свойственно:

- активно и последовательно отстаивать собственные интересы, заявлять о своих правах, целях и намерениях, при этом уважи-

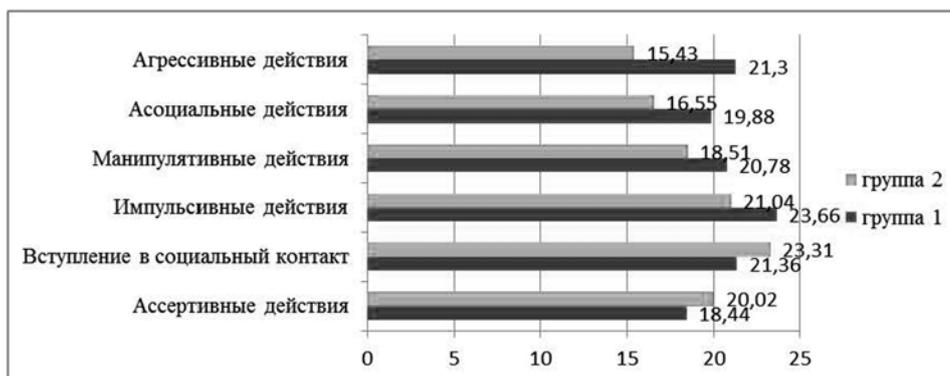

Рис. 5. Особенности копинг-стратегий трудовых мигрантов

тельно относясь к интересам и потребностям других (0,05);

– вступать во взаимодействие с другими людьми с целью совместного более эффективного решения затруднительного вопроса (0,01).

Выводы

Таким образом, проведенное исследование показало, что:

1) погружение трудового мигранта в иную культуру и систему социально-экономических отношений обуславливает актуальность проблемы его социально-психологической адаптации, под которой понимается процесс включения личности во взаимодействие с социальной средой, предполагающий ориентировку в ней, осознание проблем, возникающих в ходе этого взаимодействия, и нахождение путей их разрешения, набор наиболее адекватной для неё деятельности в данных условиях для достижения соответствия между собой (своими интересами, потребностями, возможностями) и социальной средой. Социально-психологическая адаптация заключается в достижении равновесия между личностью и новой социальной средой;

2) психологическими особенностями трудовых мигрантов с признаками дезадаптации являются сниженная удовлетворённость такими сферами жизни, как семейная сфера,

сфера профессиональной деятельности, а также уровень жизни. Они испытывают меньшее психологическое благополучие, что выражается в ослабленном самопринятии, снижении жизненных целей и позитивных отношений с социумом, в большей автономности и уверенности в управлении окружением. У трудовых мигрантов с нарушением адаптации значимо более высокие значения получили показатели личностных свойств, напрямую связанных с низким адаптационным потенциалом (дезадаптивность, неприятие себя и других, эмоциональный дискомфорт, экстернальность, ведомость, эскапизм). Их личностными особенностями также являются скрытность, эмоциональная нестабильность, открытость, смелость, низкие нормативность поведения и самоконтроль. В трудных жизненных ситуациях для них в большей мере характерно неадаптивное поведение, отражающееся в импульсивности, склонности к манипуляциям, агрессивным и асоциальным действиям;

3) полученные эмпирические результаты имеют широкие перспективы для проведения дальнейших исследований в направлении оценки показателей социально-психологической адаптации личности трудовых мигрантов в рамках психологической профилактики и коррекции правонарушающего поведения.

Список литературы

1. Дьяченко Д. И., Сыроижко В. В. Современные миграционные процессы в Российской Федерации, их нормативно-правовое регулирование // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2021. – № 2-1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-migratsionnye-protsessy-v-rossiyskoy-federatsii-ih-normativno-pravovoe-regulirovanie> (дата обращения: 07.10.2022).
2. Дзьоник Д. В. Результаты изучения удовлетворённости жизнью и деятельностью трудовых мигрантов / Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2022) : материалы Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 15 апреля 2022 года / под редакцией Ю. А. Шаранова, сост. И. Ю. Кобозев, А. А. Сарсенова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 193–198.
3. Злоказов К. В., Рожков А. А. Эмпирическое исследование характеристик социального пространства в представлении преступников // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 1 (89). – С. 234–240.
4. Ильянкova Е. И., Морозов А. В. Влияние личностных особенностей несовершеннолетних правонарушителей на представления о собственном будущем // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2022. – № 4 (239). – С. 55–62.
5. Звягина Д. А. Миграция населения: факторы, причины, последствия : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции «Социально-гуманитарные проблемы современности» / под общ. ред. Е. П. Ткачевой. – Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2017. – С. 95–97.
6. Недува А. А. Психология и психопатология ностальгии у эмигрантов // Психиатрия. – 2013. – № 2 (58). – С. 44–47.
7. Овчинников А. А., Султанова А. Н. Сравнительный анализ психологического благополучия и стратегий адаптации студентов-мигрантов и студентов титульного этноса // Медицина и образование в Сибири. – 2014. – № 4. – С. 15.
8. Смородина В. А., Бородавко Л. Т. Организационные и правовые основы информационно-пропагандистской работы в органах внутренних дел : монография. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. – 240 с.
9. Хрусталева Н. С. Переживание психической травмы и печали в условиях эмиграции // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2010. – Вып.1. – С. 253–260.
10. Triandafyllidou A. (ed.). Contemporary polish migration in Europe. Complex patterns of movement and settlement. – New York: Edwin Mellen Press, 2006. – 340 p.

References

1. *D'yachenko D. I., Syroizhko V. V.* Sovremennyye migratsionnyye protsessy v Rossiyskoy Federatsii, ikh normativno-pravovoye regulirovaniye // *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*. 2021. № 2-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-migratsionnyye-protsessy-v-rossiyskoy-federatsii-ih-normativno-pravovoe-regulirovanie> (data obrashcheniya: 07.10.2022).
2. *Dzònik D. V.* Rezul'taty izucheniya udovletvoronnosti zhizn'yu i deyatel'nost'yu trudovykh migrantov / Aktual'nyye problemy psikhologii pravookhranitel'noy deyatel'nosti: kontseptsii, podkhody, tekhnologii (Vasil'yevskiy chteniya – 2022) : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 15 aprelya 2022 goda / pod redaktsiyey YU. A. Sharanova, sost. I. YU. Kobozev, A. A. Sarsenova. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2022. – S. 193–198.
3. *Zlokazov K. V., Rozhkov A. A.* Empiricheskoye issledovaniye kharakteristik sotsial'nogo prostranstva v predstavlenii prestupnikov // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. – 2021. – № 1 (89). – S. 234–240.
4. *Il'yankova Ye. I., Morozov A. V.* Vliyaniye lichnostnykh osobennostey nesovershennoletnikh pravonarushiteley na predstavleniya o sobstvennom budushchem // *Vedomosti ugolovno-isspolnitel'noy sistemy*. – 2022. – № 4 (239). – S. 55–62.
5. *Zvyagina D. A.* Migratsiya naseleniya: faktory, prichiny, posledstviya : sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Sotsial'no-gumanitarnyye problemy sovremennosti» / pod obshch. red. Ye. P. Tkachevoy. – Agentstvo perspektivnykh nauchnykh issledovaniy (APNI), 2017. – S. 95–97.
6. *Neduva A. A.* Psikhologiya i psikhopatologiya nostalgii u emigrantov // *Psikhiatriya*. – 2013. – № 2 (58). – S. 44–47.
7. *Ovchinnikov A. A., Sultanova A. N.* Sravnitel'nyy analiz psikhologicheskogo blagopoluchiya i strategiy adaptatsii studentov-migrantov i studentov titul'nogo etnosa // *Meditcina i obrazovaniye v Sibiri*. – 2014. – № 4. – S. 15.
8. *Smorodina V. A., Borodavko L. T.* Organizatsionnyye i pravovyye osnovy informatsionno-propagandistskoy raboty v organakh vnutrennikh del : monografiya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2016. – 240 s.
9. *Khrustaleva N. S.* Perezhivaniye psikhicheskoy travmy i pechali v usloviyakh emigratsii // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika*. – 2010. – Vyp.1. – S. 253–260.
10. *Triandafyllidou A. (ed.)*. Contemporary polish migration in Europe. Complex patterns of movement and settlement. – New York: Edwin Mellen Press, 2006. – 340 p.

Статья поступила в редакцию 01.07.2022; одобрена после рецензирования 03.10.2022; принята к публикации 07.10.2022.

The article was submitted July 1, 2021; approved after reviewing October 3, 2022; accepted for publication October 7, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Отзывы, рецензии

Научная статья
УДК 340.1
doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-201-212

Надежда Степановна Нижник
доктор юридических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0002-3369-9490>, n.nishnik@bk.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Государственно-правовой институт наружного наблюдения в Российской империи – предмет исследования современных учёных

Аннотация: На заседании диссертационного совета 03.2.008.03 по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по научной специальности 5.1.1 Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки), созданного на базе ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД России», 4 октября 2022 года, прошла защита диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук А. В. Матвеева на тему «Институт наружного наблюдения в правоохранительной системе Российской империи (историко-правовое исследование)», подготовленной под руководством доктора юридических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации Н. С. Нижник. Диссертационный совет, заседание которого прошло под председательством доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации М. В. Бавсуна, единогласно принял решение о том, что диссертация А. В. Матвеева представляет собой научно-квалификационную работу, которая имеет существенное значение для историко-правовой науки и соответствует требованиям, установленным Положением о присуждении учёных степеней, а также о присуждении А. В. Матвееву учёной степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.1.

Статья представляет собой анализ актуальности диссертации и результатов научного исследования, проведённого А. В. Матвеевым.

Ключевые слова: Российская империя, правоохранительная система, полицейская система, полиция Российской империи, служба наружного наблюдения, метод наружного наблюдения, филёры, участковые полицейские надзиратели, вокзальные полицейские надзиратели, Центральный филёрский отряд, губернские жандармские управления, А. В. Матвеев

Для цитирования: Нижник Н. С. Государственно-правовой институт наружного наблюдения в Российской империи – предмет исследования современных учёных // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4 (96). – С. 201–212; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-201-212.

Nadezhda S. Nizhnik

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0002-3369-9490>, n.nishnik@bk.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

The State-legal Institute of Outdoor Surveillance in the Russian Empire is the subject of research by modern scientists

Abstract: At the meeting of the dissertation Council 03.2.008.03, for the defense of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Science in the scientific specialty 5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences), created on the basis of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, on October 4, 2022, the dissertation defense was passed for the degree of Candidate of Legal Sciences A. V. Matveev on the topic «Institute of surveillance in the law enforcement system of the Russian Empire (historical and legal research), led by Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation N. S. Nizhnik. The Dissertation Council, the meeting of which was chaired by Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation M. V. Bavsun, unanimously decided that A. V. Matveev's dissertation is a scientific qualification work that is essential for historical and legal science and meets the requirements established by the Regulations on Awarding Academic Degrees, as well as on awarding A. V. Matveev the degree of Candidate of Legal Sciences in the specialty 5.1.1.

The article is an analysis of the relevance of the dissertation and the results of the scientific study conducted by A. V. Matveev.

Keywords: Russian Empire, law enforcement system, police system, police of the Russian Empire, surveillance service, surveillance method, detectives, precinct police wardens, station police wardens, Central police detective squad, provincial gendarmerie departments

For citation: Nizhnik N. S. The State-legal Institute of Outdoor Surveillance in the Russian Empire is the subject of research by modern scientists // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 4 (96). – P. 201–212; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-201-212.

В современных условиях круг детерминант, оказывающих влияние на эффективность реализации правоохранительной функции государства, значительно расширился. Российская Федерация на современном этапе испытывает колоссальное влияние факторов, дестабилизирующих развитие государства, что вызывает острую необходимость в своевременном противодействии различным угрозам внутренней и внешней безопасности. Необходимость противодействия угрозам безопасности Российской Федерации обусловила рост значения правоохранительной системы государства и её элементов – органов, призванных обеспечивать поддержание общественного порядка и государственной безопасности, а также специальных методов и приёмов их деятельности. Для решения задач в сфере обеспечения безопасности личности, общества и государства, защиты прав граждан, их свобод и собственности в современных условиях необходим учёт опыта правоохранительных органов, уже накопленного на разных этапах исторического развития.

Однако история правоохранительной системы России и отдельных её составляющих до настоящего времени не получила комплексного исследования. Дискуссионными продолжают оставаться вопросы о закономерности /

случайности революционных преобразований в России в 1917 г. и роли в крахе российской монархии эффективности функционирования правоохранительной системы имперского государства [1–3].

В сфере организации и деятельности полиции современное государство имеет дело с дискурсивным и институциональным наследием эпохи полицейского государства [4, с. 41–54], в связи с чем, по справедливому замечанию К. Вольцендорфа, именно «здесь имеет смысл порыться в почве прошлого, чтобы увидеть органические взаимосвязи и силы, до сих пор присутствующие и в настоящем» [5, с. 4–5].

В современной российской науке оформилось самостоятельное исследовательское направление – полициеведение [6, с. 44; 7, с. 222], серьёзное внимание вновь обращено к изучению полицейского права [8–11] и российской полицистики [12–20]. Интерес к полицейской деятельности и полиции имеет под собой объективные основания.

Полиция представляет собой структурно-функциональный элемент правоохранительной системы. Основные этапы развития правоохранительной системы российского государства сопряжены с эволюцией её политико-правовой системы и во многом детерминированы спе-

цифровой формы государства. На протяжении всей российской истории правоохранительная система являлась наиболее действенным орудием власти и была способна эффективно разрешать самые острые социально-политические конфликты, обеспечивать выявление и уничтожение противников существующего строя. Она, однако, оказывалась бессильной в кризисных ситуациях, требовавших кардинальных политических решений.

Деятельность полиции имела амбивалентный характер. С одной стороны, полиция выступала как средство поддержания повседневного порядка, регулирования общественной жизни в общих интересах безопасности и благополучия, с другой – как орудие противодействия явному или неявному неподчинению власти, как субъект, способный применить негативные санкции в случаях неповиновения воле органов государственной власти.

Полиция используется для легитимации политических решений: легитимацию, как правило, обеспечивают символические ресурсы, выступающие мотивом одобрения или, по меньшей мере, некритического принятия решений [2, с. 59], но если символического уровня для обеспечения добровольных мотивов согласия с принятыми решениями недостаточно, то политическая власть прибегает к силовым ресурсам, широко используя армию и полицию.

Важным фактором принятия решений, адекватных сложившейся в конкретном регионе в конкретное время ситуации, является информация, позволяющая осуществлять комплексный анализ обстановки, определять направления воздействия на общественные отношения и формы и выбирать средства этого воздействия. Для сбора информации в различных государствах широкое применение с древних времен находил метод наружного наблюдения. При этом в историко-правовой литературе комплексные исследования применения метода наружного наблюдения, который используется в оперативно-розыскной деятельности правоохранительных органов и современной России, до настоящего времени не произведены, и значит, уроки исторического прошлого учтены не в полной мере. В контексте устранения этого пробела в знаниях и была задумана исследовательская работа А. В. Матвеева¹.

Феномен наружного наблюдения А. В. Матвеев изучал в контексте событий, фактов, процессов и явлений российской истории в хронологических рамках конца XIX – начала XX в. Используя системный подход к рассмотрению наружного наблюдения в Российской империи, А. В. Матвеев дал комплексную характеристику наружного наблюдения, которое рассматривал и как метод осуществления оперативно-розыск-

ной деятельности, и как подразделение политической полиции Российской империи (службу наружного наблюдения – элемент государственно-правового института), и как государственно-правовой институт. Службой наружного наблюдения Российской империи, полагает А. В. Матвеев, накоплен богатый опыт использования различных приемов и средств для сбора информации, способствующей противодействию антигосударственной преступности.

Диссертация А. В. Матвеева содержит комплексный анализ степени разработанности вопросов, касающихся государственно-правового института наружного наблюдения. В исследовании вопросов, касающихся наружного наблюдения, А. В. Матвеев определил пять этапов, критерием выделения которых были избраны «различная интенсивность изучения проблем политической полиции, различия в привлекаемых для изучения источников и широте поднимаемых исследователями вопросов» [21, с. 5–6].

Первые о наружном наблюдении как методе политического сыска и специальной службе, широкая публика узнала из публикаций архивов охранных отделений после Февральской революции 1917 г. В дореволюционной историографии работ, посвященных наружному наблюдению, нет. Первые попытки охарактеризовать службу наружного наблюдения сделали А. Волков², В. Б. Жилинский³, В. Я. Ирецкий⁴, М. А. Осоргин⁵, С. Б. Членов⁶, изучавшие деятельность охранных отделений в первые годы Советской власти. Авторы рассказывали о структуре системы политического сыска в рухнувшей Империи, об использовании секретной агентуры для противостояния революционным партиям. Основным объектом внимания авторов этих публицистических работ были секретные сотрудники – филеры.

После того, как свет увидели мемуары руководителей органов политического сыска Российской империи П. П. Заварзина⁷, А. И. Спиридовича⁸, К. И. Глобачева⁹, В. Д. Новицкого¹⁰,

² Волков А. Петроградское охранное отделение. – Петроград: Знание – сила, 1917. – 16 с.

³ Жилинский В. Б. Организация и жизнь Охранного отделения во времена царской власти. – Москва: Тип. т-ва Рябушинских, 1918. – 63 с.

⁴ Ирецкий В. Я. ... Охранка: Страница русской истории. – Петроград: Новая Россия, 1917. – 28 с.

⁵ Осоргин М. А. Охранное отделение и его секреты. – Москва: Грядущее, 1917. – 32 с.

⁶ Членов С. Б. Московская охранка и её секретные сотрудники: по данным Комиссии по обеспечению нового строя. С приложением списков сотрудников, опубликованных Комиссией. – Москва: Отдел печати Московского совета Р и К. Д., 1919. – 92 с.

⁷ Заварзин П. П. Работа тайной полиции. – Париж: Издание автора, 1924. – 176 с.

⁸ Спиридович А. И. Записки жандарма. – Москва: Художественная литература, 1991. – 268 с.

⁹ Глобачев К. И. Правда о русской революции: воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения / под ред. З. И. Перегудовой. – Москва: Росспэн, 2009. – 519 с.

¹⁰ Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма. – Москва: Издательство МГУ, 1991. – 254 с.

¹ Матвеев А. В. Институт наружного наблюдения в правоохранительной системе Российской империи (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2022. – 257 с.

у исследователей появилась возможность выделить множество форм применения метода наружного наблюдения политической полицией Российской империи. Так, П. Е. Щеголев¹¹ описал работу агентов Центрального филёрского отряда Санкт-Петербургского охранного отделения, особенности профессиональной подготовки филёров и полицейских надзирателей, привел примеры находчивости филёров при выполнении ими служебных задач.

В 1940-е – 1950-е годы изучение истории политической полиции Российской империи оказалось под негласным запретом, в связи с чем деятельность службы наружного наблюдения исследованию не подлежала. Только в условиях либерализации политической жизни в 1960-х годах появились работы, авторы которых, основываясь на архивных материалах, смогли обратиться к анализу структуры и особенностей функционирования органов политической полиции, к исследованию методов работы Департамента полиции МВД Российской империи. В трудах Р. С. Мулукаева¹², Д. И. Шинджикашвили¹³, А. Н. Ярмыш¹⁴ получили характеристику место и роль службы филёров в правоохранительной системе Российской империи.

В 1980-е годы, когда появился доступ к новым документам и материалам, касающимся правоохранительных органов Российской империи, интерес к деятельности политической полиции нашел отражение в публикациях Л. И. Тютюнник¹⁵, З. И. Перегудовой¹⁶, А. А. Миролюбова¹⁷, Ю. Ф. Овченко¹⁸, М. И. Сизикова, А. В. Борисова, А. Е. Скрипилёва [21]. И хотя деятельность службы наружного наблюдения предметом специального исследования учёных не становилась, учёные обратили внимание на необходимость и результативность применения метода наружного наблюдения органами политической полиции. Предметом диссертационных исследований Л. И. Тютюнник, З. И. Перегудовой, А. А. Миролюбова выступила деятельность Департамента полиции, поэто-

му освещение получили методы политического сыска, в том числе и наружного наблюдения. В диссертации Ю. Ф. Овченко подробно рассмотрена деятельность Московского охранного отделения, которое в условиях нарастания революционной напряжённости использовало различные методы политического сыска, в том числе и наружного наблюдения. Опыт работы филёров Московского охранного отделения был использован для создания нормативных основ организации и функционирования службы наружного наблюдения во всей России.

А. В. Матвеев обратил внимание на работы Ф. М. Лурье [23], который описал структуру службы наружного наблюдения и особенности работы заграничной агентуры Департамента полиции, а также труд Ч. А. Рууда и С. А. Степанова [24], в котором описана специфика служебной деятельности филёров, осуществлявших наружное наблюдение за ключевыми фигурами революционного движения, и приёмы работы выдающегося филёра Е. П. Медникова.

С начала 2000-х годов возможности изучения материалов, касающихся политической полиции Российской империи, расширились [25, с. 74–75]: многие документы были рассекречены и стали доступны исследователям. Важный вклад в изучение проблем политической полиции внесла З. И. Перегудова [26]: на основе анализа архивных документов была охарактеризована структура органов политической полиции, перечислены функции подразделений политической полиции (в том числе службы наружного наблюдения), дана характеристика основных методов их работы.

Вклад в рассмотрение нормативной базы и особенностей деятельности политической полиции Российской империи внёс С. Н. Жаров¹⁹, уделивший внимание и службе наружного наблюдения. Отдельные вопросы, касающиеся службы наружного наблюдения, получили освещение в работах Ю. А. Реента, В. С. Измозика, А. Фомушкина, М. С. Чудаковой, И. В. Попова, В. Ю. Пиотровского, П. А. Кошеля.

А. В. Матвеев оценил вклад в исследование деятельности органов политической полиции диссертационных работ, защищённых в XXI в., И. В. Сирицы, Г. В. Романовой, Р. В. Рябинцева, М. В. Макаричева, В. Г. Дорохова, В. Ю. Келлера, Е. Е. Гладышевой, Е. А. Гончаровой, М. Н. Бродниковой, М. А. Аракелян, Т. М. Лаврик, С. Ю. Плужникова, Т. Л. Матиенко, А. Ю. Кеклиса, К. П. Краковского, Д. А. Бакшта, В. О. Зверева; монографии К. Ю. Мелешина и Т. Е. Хлыновской, посвящённой наружному наблюдению в деятельности отечественных спецслужб, в которой авторы обобщили уже известную информацию о становлении и развитии метода наружного наблюдения в России в XIX – первой половине XX в.; трудов зарубежных учёных: Е. E. Smith [27], F. S. Zuckerman [28], J. W. Daly [29], I. Lauchlan [30], О. Н. Ярмыш,

¹¹ Щеголев П. Е. 1) Охранники и авантюристы. – Москва: Издательство политехнорган, 1930. – 160 с.; 2) Охранники, агенты, палачи / сост. Ф. М. Лурье. – Москва: Просвет, 1992. – 332 с.

¹² Мулукаев Р. С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России : пособие – Москва: Высшая школа МООП РСФСР, 1964. – 28 с.

¹³ Шинджикашвили Д. И. Сыскная полиция царской России в период империализма. – Омск: Омская высшая школа милиции МВД СССР, 1973. – 67 с.

¹⁴ Ярмыш А. Н. Политическая полиция (1880–1904 гг.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Харьков, 1978. – 21 с.

¹⁵ Тютюнник Л. И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением в России на рубеже XIX–XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Москва, 1986. – 24 с.

¹⁶ Перегудова З. И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением: (годы реакции и нового революционного подъёма) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Москва, 1988. – 26 с.

¹⁷ Миролюбов А. А. Политический сыск России в 1914–1917 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Москва, 1988. – 23 с.

¹⁸ Овченко Ю. Ф. Московское охранное отделение в борьбе с революционным движением в 1880–1904 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Москва, 1990. – 23 с.

¹⁹ Жаров С. Н. Нормативное регулирование деятельности политической полиции Российской империи : дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2000. – 265 с.

В. М. Чисникова [31], которые, используя материалы зарубежных архивов, рассмотрели отдельные вопросы служебной деятельности филёров в Российской империи [32, с. 75].

Результаты проведенного историографического анализа привели А. В. Матвеева к выводам о том, что в многочисленных изданиях, посвященных политической полиции Российской империи, проблемы организации и функционирования службы наружного наблюдения описаны фрагментарно; монографии, специальным предметом которых являлись бы организация и деятельность службы наружного наблюдения Российской империи, отсутствуют; критерии оценки эффективности деятельности службы наружного наблюдения в обеспечении безопасности Российской империи не выработаны. Сделанные выводы обусловили выбор темы исследования, направленной на восполнение пробела в знаниях в этой области.

Основой работы А. В. Матвеева стал широкий круг исследований в различных научных областях: истории права и государства, теории права и государства, истории учений о праве и государстве, истории органов, осуществляющих реализацию правоохранительной функции государства. Об этом свидетельствуют и текст диссертации, её научный аппарат, и список литературы, включающий 272 наименования научных публикаций российских и зарубежных авторов, в том числе на языках оригинала.

Объектом исследования была избрана правоохранительная система государства в совокупности всех её элементов [22, с. 9]. Предмет исследования составили закономерности становления и развития государственно-правового института наружного наблюдения – структурно-функционального элемента правоохранительной системы Российской империи. В качестве цели своего исследования А. В. Матвеев определил выявление закономерностей становления и развития государственно-правового института наружного наблюдения и определение нормативно-правовых и организационных оснований его эволюции в Российской империи.

Цель исследования А. В. Матвеевым была достигнута, поставленные задачи решены в полном объёме. Во многом этому способствовали гражданская и исследовательская позиция автора работы, который 13 лет прослужил в оперативно-поисковых подразделениях, проникся традициями филёрской службы, в полной мере прочувствовал все трудности данного рода деятельности. Именно это и побудило осознанно обратиться к исследованию института наружного наблюдения Российской империи. Изучая биографии филёров, читая их сводки наблюдений, А. В. Матвеев сравнивал условия службы с современными реалиями оперативно-поисковых подразделений, делая вывод: филёры, как и сегодняшние сотрудники оперативно-поисковых подразделений, давали присягу, поступали на государственную службу, посвящали свою жизнь служению Отечеству, рисковали своими жизнями в целях борьбы с преступными про-

явлениями в обществе. Слова о мужественном выполнении филёрами своих служебных обязанностей, риске для жизни и здоровья, служебных подвигах и верности служебному долгу [33] использованы в диссертации А. В. Матвеевым с полным осознанием справедливости такого употребления. Сотрудников службы наружного наблюдения Российской империи диссертант рассматривает как положительных героев, несмотря на негативный имидж, созданный филёрам в массовой литературе.

Одной из важных проблем, получивших рассмотрение в диссертации А. В. Матвеева, стали вопросы о мотивации выбора службы филёром и требованиях, предъявляемым к сотрудникам службы наружного наблюдения. А. В. Матвеев констатирует, что основным мотивом поступления на службу филёром являлось стремление поправить собственное материальное положение [34, с. 269]. Собственно, именно эту цель во все времена преследуют все, кто осуществляет трудовую или служебную деятельность за вознаграждение. Но этот мотив не был единственным. На службу в наблюдательный состав розыскных учреждений поступали люди с идейными мотивами. Свою деятельность они посвящали охране монархического строя, обеспечению безопасности Царя и Отечества. Они имели хорошее образование, владели иностранными языками, принадлежали к привилегированным сословиям и обладали различными титулами. В справках о кадровом составе таких филёров называли интеллигентными, подчеркивая наличие у них благородного происхождения, хорошего образования и свободного владения иностранными языками.

Кто мог стать филёром? Конкретных требований к каким-либо из социальных характеристик кандидатов в филёры не предъявлялось. Формально существовали ограничения: инструкции требовали не принимать на службу неграмотных, лиц, не прошедших военную службу, лиц польской и еврейской национальности, лиц старше 30 лет, лиц испытывающих чрезмерную нежность к семье или непростительную слабость к женщинам, имеющих пагубные привычки. Однако, как рассказали А. В. Матвееву источники, были случаи нарушения и этих требований инструкций. Это были требования к кандидатам на службу. К тем, кто осуществлял деятельность в службе наружного наблюдения профессионально, предъявлялись достаточно высокие требования, невыполнение которых влекло за собой увольнение. Одним из требований были грамотность и чёткость ведения служебного документооборота.

Документооборот службы наружного наблюдения регламентировался инструкцией «Филёрам “Летучего отряда” и филёрам розыскных и охранных отделений» (1902). Инструкция обязывала старшего филёра не менее двух раз в неделю письменно сообщать в Департамент полиции краткие сведения по текущему наблюдению о лицах, с которыми встречался наблюдаемый, об адресах, которые он посещал,

о перемене наблюдаемым места жительства, о посещённых сходках и конспиративных свиданиях. Инструкция обязывала филёров для докладов пользоваться телеграфом, строго соблюдая конспирацию. Телеграммы должны были быть зашифрованы под торговую корреспонденцию и подписаны фамилией филёра. После прибытия за наблюдаемым в другой город филёр должен был доложить телеграммой о своём адресе и ежедневно в письменной форме подробно докладывать о наблюдении, отправляя заказные письма. Письма нумеровались, содержали информацию о времени и месте составления и имели обязательную подпись филёра.

В соответствии с Инструкцией наблюдаемому лицу филёры присваивали кличку, отражающую его половую принадлежность и отличительные черты внешности. В рапортчиках филёры указывали приметы внешности наблюдаемого, перечисляя их в строго определённом порядке. Перед началом изложения информации о наблюдаемом указывались место его жительства, на протяжении какого времени он там проживает. Если наблюдаемое лицо посещало какие-либо адреса, следовало указывать адрес и фамилию его владельца.

А. В. Матвеев выяснил, что развитию служебного документооборота способствовала Инструкция «Начальникам охранных отделений по организации наружного наблюдения» (1907) [35], которая предусматривала ведение филёрами ежедневных рапортчиков по наблюдению за каждым наблюдаемым. Сделано это было для объединения всех сведений по наблюдению за участниками одной и той же преступной организации в дневник наблюдения. Дневник под названием «Форма Б» составлялся за определённый период, отражая наблюдение за каждой преступной организацией.

Грамотное ведение документооборота было одной из задач профессиональной подготовки филёров. А. В. Матвеев охарактеризовал особенности профессиональной подготовки филёров. Рассмотрение этих вопросов, ранее не получивших комплексного освещения в научной литературе, составляет ценность проведённого исследования.

А. В. Матвеевым выявлены особенности профессиональной подготовки филёров в Центральном филёрском отряде, губернских жандармских управлениях и специфика профподготовки полицейских надзирателей.

Центральный филёрский отряд был организован при Санкт-Петербургском охранном отделении, являлся уникальным, обособленным, элитным подразделением службы наружного наблюдения Российской империи. Он представлял собой образец подразделения службы наружного наблюдения в имперском государстве [36], состоял из филёров, которые опыт своей работы приобрели на службе в разных регионах России. В филёры отряда попадали те, кто бывал за границей, в местах концентрации революционных ячеек, поэтому наиболее опасных революционеров знали в лицо. Важной задачей

Центрального филёрского отряда была выработка и апробация новых приёмов наружного наблюдения, соответствующих тактике революционных организаций. С 1911 г. Центральный филёрский отряд стал осуществлять охранную деятельность: он направлялся для усиления местного розыскного органа в города следования императора. Эффективность использования агентов Центрального филёрского отряда для охраны высочайших особ заключалась в том, что филёрам была известна значительная часть революционеров и террористов, и в случае их появления в непосредственной близости к охраняемым лицам филёры принимали меры к их задержанию.

Для агентов Центрального филёрского отряда в 1911 г. была разработана специальная программа подготовки, в соответствии с которой для филёров отряда предусматривались три вида занятий:

- теоретические занятия (в источниках называемые комнатными): изучение инструкций, усвоение информации о политических партиях, изучение фотокарточек членов заграничной боевой группы [37], обучение навыкам составления словесного портрета, выработка правильности составления телеграмм, обучение конспиративности докладов по телефону, изучение способов шифра, ознакомление с системами огнестрельного оружия и видами взрывчатых снарядов;

- теоретические занятия с последующими практическими занятиями: выработка филёрами правильного описания примет наблюдаемого, изучение различных видов форменной одежды, изучение теории грима и практическое его применение, уроки черчения на бумаге для изображения схем местности;

- практические занятия: определение национальности по типу лица, одежде, разговорной речи; определение социального положения и рода занятий лица; определение психического состояния человека; формирование навыков быстрого и неожиданного задержания преступников, обезоруживания и задержания преступников с разрывными снарядами; практическое наблюдение за обучающим лицом, посещение публичных мест с целью запоминания посетителей в определённый промежуток времени, запоминание филёрами участков местности, вида зданий, с последующим составлением схем, определение на изучаемых участках местности наиболее удобных мест для совершения терактов и способов их предотвратить.

Занятия с филёрами Центрального филёрского отряда производились группами по 10–12 человек. Уровень профессиональной подготовки агентов Центрального филёрского отряда А. В. Матвеев считает наивысшим среди прочих подразделений, осуществлявших наружное наблюдение. Обучение филёров отряда производилось непрерывно на всём протяжении службы, тогда как в остальных учреждениях, как правило, происходило только первоначальное обучение вновь поступившего на службу филёра, а после того, как он начинал вести наблюдение

ние самостоятельно, какое-либо целенаправленное обучение прекращалось.

Профессиональная подготовка филёров в подразделениях Отдельного корпуса жандармов была обязанностью руководителей жандармских управлений. В связи с тем, что в жандармских учреждениях профессионализм лиц, осуществлявших наружное наблюдение, находился на низком уровне [38], то и учить вновь прибывших филёров было некому [39]. В некоторых губернских жандармских управлениях существовала практика по командированию вновь прибывшего филёра в ближайшее охранное отделение с целью обучения у опытных филёров. В случае отсутствия возможности откомандировать филёров для стажировки в охранное отделение обучение филёров-новичков полностью ложилось на заведующего наружным наблюдением жандармского подразделения, который в большинстве случаев ограничивался только практическим «натаскиванием» филёров, не осуществляя какой-либо плановой системной подготовки филёров. В каждом подразделении службы наружного наблюдения профессиональная подготовка филёров замыкалась на заведующем наблюдательным составом. В связи со стремительно распространявшимися революционными настроениями масс филёрских кадров на местах зачастую не хватало, поэтому возможности уделить должное внимание обучению филёров, освободив им несколько дней в неделю для занятий, у заведующих фактически не было. Большинство филёров постигало ремесло наружного наблюдения в ходе практической деятельности.

Помимо филёров, занимавшихся наружным наблюдением, в составе отделов наружного наблюдения охранных отделений были представители второй категории агентов – полицейские надзиратели, выполнявшие функцию информационного обеспечения службы наружного наблюдения. Полицейские надзиратели назначались из числа наиболее опытных филёров, отслуживших длительное время в охранном отделении. Агенты этой категории разделялись на два вида: участковые и вокзальные полицейские надзиратели.

Участковые полицейские надзиратели командировались из охранного отделения в полицейские участки, в которых в дальнейшем проходили службу. Они снабжались форменным обмундированием околоточных надзирателей и специальными удостоверениями. Участковые полицейские надзиратели применялись в деле розыска в тех случаях, когда филёры в процессе наружного наблюдения устанавливали места жительства или посещения наблюдаемых лиц. Задача полицейских надзирателей заключалась в том, чтобы по поручению офицера или чиновника охранного отделения негласно получить информацию об именах, фамилиях, званиях, должностях, адресах лиц, проживающих в интересующем месте. Для этого надзиратели производили выписки из домовых книг, проводили опросы дворников, гостиничных служа-

щих о том, кто конкретно и на каком основании проживает по адресу, выясняли род деятельности проживающих, состав их семьи, откуда лица приехали или куда уехали. Каждый вечер надзиратели предоставляли в охранное отделение письменно оформленные сведения и получали новые задания «на установку» – именно так называлась деятельность надзирателей по установлению лиц и адресов.

Искусство проведения установки заключалось в том, чтобы расспрашиваемые надзирателем лица не могли догадаться, кто конкретно интересуется надзирателя: у опрашиваемых лиц должно было быть создано впечатление о том, что их спрашивали об Иванове, тогда как в действительности надзирателя интересовал живущий по соседству Петров. Этим целям служила тщательная маскировка опросов под видом того, что надзирателя интересуется некий вымышленный жилец, проживающий в доме. В процессе поиска адреса проживания вымышленного лица надзиратель получал информацию обо всех проживающих в доме, в том числе и об интересующем лице, при этом опрашиваемые лица не понимали, кем конкретно из жильцов интересовался надзиратель.

Профессиональная подготовка надзирателей имела свои особенности. После завершения процесса первоначальной подготовки лицам, отобранным для службы в качестве надзирателей, необходимо было под видом частных лиц под вымышленными предложениями получить несколько справок в жилых домах или гостиницах. Далее обучаемых посылали вместе с опытными надзирателями получать справки о подозреваемых под видом агентов полиции. Как правило, вновь принятых надзирателей обучали получать важнейшую информацию о подозреваемом: какова цель приезда; как долго проживает и сколько ещё планирует прожить; от кого получает корреспонденцию, в чей адрес отправляет; какие читает газеты; каково материальное положение. По мере того, как обучаемыми усваивались методы наведения справок, они начинали делать это самостоятельно. Для того чтобы оценить качество проделанной работы надзирателем, руководство посылали другого, более опытного, надзирателя навести повторную справку на лицо, при этом акцентируя внимание на том, кто до этого приходил в этот дом или гостиницу, кем интересовался и какие вопросы задавал.

В связи с тем, что работа полицейских надзирателей была связана с постоянным непосредственным контактом с людьми, обучение данной категории агентов происходило значительно дольше, чем обучение филёров. Кроме того, как выяснил А. В. Матвеев, не все служащие были способны заниматься таким родом деятельности, несмотря на достаточное интеллектуальное развитие и самоотдачу.

В связи с тем, что принадлежность филёра к службе в наблюдательном составе охранного отделения была строго законспирирована [40], остро вставал вопрос о виде служебного удостоверения, которым надлежало снабжать

филёров. Департаментом полиции было принято решение о выдаче филёрам удостоверений, в которых не указывалось о принадлежности их к службе в охранных отделениях. Филёрам выдавались удостоверения, в которых фиксировалась их принадлежность к полиции, без ссылки на службу в охранном отделении или губернском жандармском управлении.

Филёры могли предъявлять служебные удостоверения лишь в строго определённых случаях: если филёра по какой-либо причине задерживает служащий полиции, а филёру необходимо продолжить наблюдение и не привлечь внимания наблюдаемого спором с полицейским; если филёры выследили преступника, подлежащего немедленному задержанию, и необходимо обратиться к служащим полиции или жандармским унтер-офицерам с просьбой о задержании лица.

Эти и иные результаты исследования составили научную новизну подготовленной А. В. Матвеевым диссертации. Диссертантом введены в научный оборот материалы Государственного архива Российской Федерации и Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, характеризующие материальное, социальное и финансовое обеспечение службы филёров; а также циркуляры и инструкции Департамента полиции МВД, позволяющие определить структуру Центрального филёрского отряда Петроградского отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице и специфику деятельности его агентов.

В результате проведённого исследования: определено содержание дефиниции «государственно-правовой институт наружного наблюдения»; обоснована необходимость комплексного анализа наружного наблюдения в Российской империи в конце XIX – начале XX в. в триединстве контекстов (наружное наблюдение как государственно-правовой институт, как служба наружного наблюдения, как метод осуществления оперативно-розыскной деятельности); выявлен и обоснован предупредительный характер мероприятий, проводимых с использованием метода наружного наблюдения; определены основные этапы формирования правовых основ использования метода наружного наблюдения органами полиции Российской империи; выявлены особенности практики использования метода наружного наблюдения в Российской империи в конце XIX – начале XX в.; охарактеризованы способы и методы, применявшиеся для профессиональной подготовки филёров; определены факторы, влияющие на повышение профессионализма филёров.

Служба наружного наблюдения Российской империи перестала существовать 11 марта 1917 г., после издания Временным правительством постановления об упразднении Департамента полиции.

После Октябрьской революции руководители Всероссийской чрезвычайной комиссии

пытались обойтись без использования «старорежимных» методов ведения розыска и наружное наблюдение не использовали. Но вскоре ВЧК оказалась не в состоянии эффективно решать задачи обеспечения государственной безопасности. В 1918 г. ВЧК приняла решение о создании наружной разведки, которая в качестве основного метода работы использовала бы наружное наблюдение. Организация подразделений наружного наблюдения стала опираться на опыт службы наружного наблюдения Российской империи [40].

В дальнейшем наружное наблюдение развивалось в структуре Государственного политического управления, а с 1934 г. – в составе Народного комиссариата внутренних дел СССР. Тактика и техника ведения наружного наблюдения продолжали стремительно совершенствоваться.

В органах советской милиции наружным наблюдением занимался аппарат уголовного розыска, созданный в 1918 г. Подразделения розыска выделились из аппаратов уголовного розыска и получили самостоятельность лишь в 1938 г. Служба наружного наблюдения постоянно развивалась и в настоящее время существует как структурно-функциональный элемент оперативно-поисковых подразделений органов внутренних дел.

25 августа 2022 г. оперативно-поисковым подразделениям органов внутренних дел, на которые возложены функции реализации метода скрытого наблюдения, исполнилось 120 лет. Сегодняшних сотрудников этих подразделений А. В. Матвеев считает прямыми продолжателями богатых традиций филёрской службы. Технические возможности реализации методов, выработанных филёрами в Российской империи, в настоящее время значительно расширились, но сомнений в том, что сегодняшние методы работы оперативно-поисковых подразделений целиком и полностью основаны на методах работы филёров, у А. В. Матвеева нет. Не потеряв свою востребованность в условиях современного мира, наружное наблюдение остается одним из основных методов розыскной работы, с помощью которого оперативные подразделения органов внутренних дел получают информацию, способствующую решению задач обеспечения безопасности личности, общества, государства.

Одним из шагов по осмыслению опыта, накопленного отечественной полицией в целом и службой наружного наблюдения в частности, стала успешная защита диссертации А. В. Матвеева²⁰. Впереди – новые открытия молодых исследователей и приращение знаний о средствах охраны правопорядка и обеспечении общественной безопасности.

²⁰ Матвеев А. В. Институт наружного наблюдения в правоохранительной системе Российской империи (историко-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2022. – 26 с.

Список литературы

1. *Stölting E.* Geleitwort zur Soziologie der Polizei // Beiträge zu einer vergleichenden Soziologie der Polizei. – Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2009. – S. 4–12.
2. *Попов В.* Полицейский порядок эпохи абсолютизма в России и причины его краха в ходе Февральской революции 1917 года // Социологическое обозрение. – 2014. – Т. 13. – № 1. – С. 52–95.
3. *Нижник Н. С.* Аксиологическое обоснование правового дискурса полицейского государства // Человек и право: проблема ценностных оснований правового регулирования : сборник научных трудов : материалы V Международной научной конференции, состоявшейся в Академии МВД, г. Минск, 3–4 мая 2019 г. – Минск: Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2019. С. 155–163.
4. *Нижник Н. С.* Российская полицейстика о дискурсивном и институциональном наследии эпохи полицейского государства // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе : материалы Международной научно-практической конференции, 17–18 сентября 2015 г. / под общ. ред. В. А. Сосова. – Краснодар: Издательский дом – Юг, 2015. – С. 41–55.
5. *Wolzendorf K.* Der Polizeigedanke des modernen Staats: ein Versuch zur allgemeinen Verwaltungslehre unter besonderer Berücksichtigung der Entwicklung in Preussen. – Breslau: Marcus, 1918. – S. 4–5.
6. *Диалог* Олега Кильдюшова и Зинаиды Перегудовой // Социологическое обозрение. – 2013. – Т. 12. – № 2. – С. 43–54.
7. *Нижник Н. С.* Полицейстика: основные этапы развития полицейско-правовой теории в России // Российская полиция: три века служения Отечеству: сборник статей юбилейной Международной научной конференции / под ред. В. Л. Кубышко: в 2 ч. – Ч. 1. – Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. – С. 220–240.
8. *Егоров Н. Ю.* Особый правовой режим как средство охраны общественной безопасности (по работам И. Т. Тарасова) // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 11. – С. 112–121. DOI: 10.25136/2409-868X.2017.11.23738.
9. *Козинникова Е. Н.* Вопросы обеспечения безопасности путём введения чрезвычайного правового режима в теоретическом наследии российских полицейстов // Известия ВУЗов Кыргызстана. – 2018. – № 12. – С. 55–60.
10. *Егоров Н. Ю.* О модели эффективно функционирующих органов исполнительной власти в полицейском государстве (по работам И. Т. Тарасова) // Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс]: материалы юбилейной Международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. – Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (19,6 Мб). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – С. 314–318.
11. *Козинникова Е. Н.* «Положение чрезвычайной охраны» как форма чрезвычайного правового режима в Российской империи в конце XIX – начале XX веков / Актуальные проблемы полицейского права : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию вступления в силу Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» / пред. редкол. В. А. Гусев. – Омск, 2021. – С. 28–32.
12. *Дергилева С. Ю.* Российская полицейстика в лицах: Аркадий Иванович Елистратов // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 6. – С. 844–859. DOI: 10.7256/2409-868X.2015.6.16394.
13. *Геворкян Д. С.* Российская полицейстика в лицах: Владимир Федорович Дерюжинский // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 6. – С. 813–827. DOI: 10.7256/2409-868X.2015.6.16395.
14. *Егоров Н. Ю.* Российская полицейстика в лицах: Иван Трофимович Тарасов // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 6. – С. 801–812. DOI: 10.7256/2409-868X.2015.6.16396.
15. *Козинникова Е. Н.* Российская полицейстика в лицах: Владимир Матвеевич Гессен // Genesis: исторические исследования. – 2016. – № 6. – С. 96–107. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.6.17901.
16. *Никифорова С. А.* Российская полицейстика в лицах: Эдуард Николаевич Берендтс // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 6. – С. 828–843. DOI: 10.7256/2409-868X.2015.6.16389.
17. *Чукаев Т. О.* Российская полицейстика в лицах: Василий Николаевич Лешков // Genesis: исторические исследования. – 2016. – № 6. – С. 84–95. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.6.17909.
18. *Козинникова Е. Н.* Полицейский надзор как мера обеспечения чрезвычайного правового режима исключительного положения в оценке российских полицейстов конца XIX – начала XX века // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2020. – № 2 (26). – С. 106–112.
19. *Nizhnik N. S.* Police-law theory on the regulation of public relations in the police state / European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS International Scientific and Practical Conference. – Veliky Novgorod, 2021. – P. 1826–1835.
20. *Права человека: между прошлым и будущим : монография / под ред. Н. В. Варламовой, Т. А. Васильевой, Н. В. Колотовой.* – Москва: Норма, 2021. – 448 с.
21. *Сизиков М. А., Борисов А. В., Скрипилёв М. Е.* История полиции России (1718–1917 гг.). – Вып. 2. – Москва: А.П.О., 1992. – 56 с.
22. *Матвеев А. В.* Нормативные основы службы наружного наблюдения Российской империи в конце XIX – начале XX века // Advances in Law Studies. – 2018. – Т. 6. – № 3. – С. 31–35.

23. Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы: политический сыск в России, 1649–1917. – Санкт-Петербург: ИнКА, 1992. – 413 с.
24. Рууд Ч. А., Степанов С. А. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. – Москва: Мысль, 1993. – 432 с.
25. Матвеев А. В. Служба наружного наблюдения Российской империи как предмет историко-правовых исследований // Вопросы государства и права: сборник научных статей / редкол.: Л. В. Карнаушенко, А. А. Швец, Е. А. Пушкарев, В. В. Грицай, Е. А. Назарова, Н. Ю. Турищева, В. Н. Коротких. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2020. – С. 70–77.
26. Перегудова З. И. Политический сыск России, 1880–1917. – Москва, Российская политическая энциклопедия, 2000. – 432 с.
27. Smith E. E., Lednicky R. «The okhrana» – the Russian department of police. – California, 1967. – 280 p.
28. Zuckerman F. S. The Tsarist secret police in Russian society, 1880–1917. – London: Macmillan press, 1996. – 345 p.
29. Daly J. W. Autocracy under siege: Security police and opposition in Russia, 1866–1905. – Dekalb: Northern Illinois univ. press, 1998. – 260 p.
30. Lauchlan I. Russian hide-and-seek: The tsarist secret police in St Petersburg, 1906–1914. – Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2002. – 405 p.
31. Філерська служба в Російській імперії: Документи та матеріали: (друга половина XIX ст. – 1917 р.) / відп. ред. О. Н. Ярмиш, В. М. Чисніков. – Київ, МП Леся, 2010. – 655 с.
32. Матвеев А. В. Филёры в Российской империи: особенности повседневной жизни в условиях революционных преобразований начала XX в. / Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы Международной научной конференции, 2–4 апреля 2020 г. / отв. ред. В. А. Веремченко, В. Н. Шайдуров: в 2 т. – Т. II. – Санкт-Петербург: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2020. – С. 45–50.
33. Матвеев А. В. Служба наружного наблюдения в Российской империи конца XIX – начала XX века: люди и судьбы / Органы государственной безопасности на защите Отечества: XI уральские военно-исторические чтения, посвящённые 100-летию Управления ФСБ России по Свердловской области: сборник научных статей. – Екатеринбург: Сократ, 2018. – С. 267–271.
34. Матвеев А. В. Нормативные основы ведения служебного документооборота службы наружного наблюдения Российской империи / Право и государство: проблемы методологии, теории и истории: материалы X Всероссийской научно-практической конференции (23 апреля 2021 г.) / редкол.: Л. В. Карнаушенко, А. А. Швец, Е. А. Пушкарев, Н. Ю. Турищева, В. Н. Коротких. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2021. – С. 152–158.
35. Матвеев А. В. Центральный филёрский отряд при Санкт-Петербургском охранном отделе – субъект обеспечения безопасности главы государства в Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 1(85). – С. 30–36.
36. Матвеев А. В. К вопросу об организации службы наружного наблюдения за пределами Российской империи // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – 2018. – № 4 (40). – С. 151–155.
37. Матвеев А. В. Особенности кадрового обеспечения службы наружного наблюдения в подразделениях Отдельного корпуса жандармов Российской империи // Общество и право. – 2020. – № 2(72). – С. 149–154.
38. Матвеев А. В. Вопросы кадрового обеспечения службы наружного наблюдения в процессе её реформирования на рубеже XIX – XX века / Политическая история России: Прошлое и современность: Исторические чтения. Выпуск XVII. «Гороховая, 2» – 2019. – Санкт-Петербург: Любавич, 2019. – С. 90–98.
39. Матвеев А. В. Служба филёров как специальное средство обеспечения безопасности повседневной жизни населения Российской империи в конце XIX – начале XX века / Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы международной научной конференции, 15–17 марта 2018 г. / отв. ред. В. А. Веремченко: в 2 т. – Т. I. – Санкт-Петербург: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2018. – С. 157–161.
40. Матвеев А. В. Наружное наблюдение как средство обеспечения национальной безопасности: историко-правовые предпосылки применения в советской России / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) [Электронный ресурс]: в 2-х частях: материалы XIX Международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г. Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 1035–1043.

References

1. Stöltzing E. Geleitwort zur Soziologie der Polizei // Beiträge zu einer vergleichenden Soziologie der Polizei. – Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2009. – S. 4–12.
2. Попов В. Politseyskiy poriyadok epokhi absolyutizma v Rossii i prichiny yego krakha v khode Fevral'skoy revolyutsii 1917 goda // Sotsiologicheskoye obozreniye. – 2014. – Т. 13. – № 1. – С. 52–95.

3. *Nizhnik N. S.* Aksiologicheskoye obosnovaniye pravovogo diskursa politseyskogo gosudarstva // *Chelovek i pravo: problema tsennostnykh osnovaniy pravovogo regulirovaniya : sbornik nauchnykh trudov : materialy V Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, sostoyavsheysya v Akademii MVD, g. Minsk, 3–4 maya 2019 g.* – Minsk: Akademiya Ministerstva vnutrennikh del Respubliki Belarus', 2019. S. 155–163.
4. *Nizhnik N. S.* Rossiyskaya politseistika o diskursivnom i institutsional'nom nasledii epokhi politseyskogo gosudarstva // *Aktual'nyye problemy prava i pravoprimeritel'noy deyatel'nosti na sovremennom etape : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 17–18 sentyabrya 2015 g.* / pod obshch. red. V. A. Sosova. – Krasnodar: Izdatel'skiy dom – Yug, 2015. – S. 41–55.
5. *Wolzendorf K.* Der Polizeigedanke des modernen Staats: ein Versuch zur allgemeinen Verwaltungslehre unter besonderer Berücksichtigung der Entwicklung in Preussen. – Breslau: Marcus, 1918. – S. 4–5.
6. *Dialog Olega Kil'dyushova i Zinaidy Peregudovoy* // *Sotsiologicheskoye obozreniye.* – 2013. – T. 12. – № 2. – S. 43–54.
7. *Nizhnik N. S.* Politseistika: osnovnyye etapy razvitiya politseysko-pravovoy teorii v Rossii // *Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu: sbornik statey yubileynoy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii / pod red. V. L. Kubyshko: v 2 ch. – Ch. 1.* – Moskva: Akademiya upravleniya Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2019. – S. 220–240.
8. *Yegorov N. Yu.* Osobyi pravovoy rezhim kak sredstvo okhrany obshchestvennoy bezopasnosti (po rabotam I. T. Tarasova) // *Genesis: istoricheskiye issledovaniya.* – 2017. – № 11. – S. 112–121. DOI: 10.25136/2409-868X.2017.11.23738.
9. *Kozinnikova Ye. N.* Voprosy obespecheniya bezopasnosti putom vvedeniya chrezvychaynogo pravovogo rezhima v teoreticheskom nasledii rossiyskikh politseistov // *Izvestiya VUZov Kyrgyzstana.* – 2018. – № 12. – S. 55–60.
10. *Yegorov N. Yu.* O modeli effektivno funktsioniruyushchikh organov ispolnitel'noy vlasti v politseyskom gosudarstve (po rabotam I. T. Tarasova) // *Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu [Elektronnyy resurs]: materialy yubileynoy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 300-letiyu rossiyskoy politsii.* – Sankt-Peterburg, 23–25 aprelya 2018 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Elektronnyye dan. (19,6 Mb). – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2018. – S. 314–318.
11. *Kozinnikova Ye. N.* «Polozheniye chrezvychaynoy okhrany» kak forma chrezvychaynogo pravovogo rezhima v Rossiyskoy imperii v kontse XIX – nachale XX vekov / *Aktual'nyye problemy politseyskogo prava : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchonnoy 10-letiyu vstupleniya v silu Federal'nogo zakona ot 7 fevralya 2011 g. № 3-FZ «O politsii» / pred. redkol. V. A. Gusev.* – Omsk, 2021. – S. 28–32.
12. *Dergileva S. Yu.* Rossiyskaya politseistika v litsakh: Arkadiy Ivanovich Yelistratov // *Genesis: istoricheskiye issledovaniya.* – 2015. – № 6. – S. 844–859. DOI: 10.7256/2409-868X.2015.6.16394.
13. *Gevorkyan D. S.* Rossiyskaya politseistika v litsakh: Vladimir Fedorovich Deryuzhinskiy // *Genesis: istoricheskiye issledovaniya.* – 2015. – № 6. – S. 813–827. DOI: 10.7256/2409-868X.2015.6.16395.
14. *Yegorov N. Yu.* Rossiyskaya politseistika v litsakh: Ivan Trofimovich Tarasov // *Genesis: istoricheskiye issledovaniya.* – 2015. – № 6. – S. 801–812. DOI: 10.7256/2409-868X.2015.6.16396.
15. *Kozinnikova Ye. N.* Rossiyskaya politseistika v litsakh: Vladimir Matveyevich Gessen // *Genesis: istoricheskiye issledovaniya.* – 2016. – № 6. – S. 96–107. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.6.17901.
16. *Nikiforova S. A.* Rossiyskaya politseistika v litsakh: Eduard Nikolayevich Berendts // *Genesis: istoricheskiye issledovaniya.* – 2015. – № 6. – S. 828–843. DOI: 10.7256/2409-868X.2015.6.16389.
17. *Chukayev T. O.* Rossiyskaya politseistika v litsakh: Vasiliy Nikolayevich Leshkov // *Genesis: istoricheskiye issledovaniya.* – 2016. – № 6. – S. 84–95. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.6.17909.
18. *Kozinnikova Ye. N.* Politseyskiy nadzor kak mera obespecheniya chrezvychaynogo pravovogo rezhima isklyuchitel'nogo polozheniya v otsenke rossiyskikh politseistov kontsa XIX – nachala XX veka // *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii.* – 2020. – № 2 (26). – S. 106–112.
19. *Nizhnik N. S.* Rolicy-law theory on the regulation of public relations in the police state / *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS International Scientific and Practical Conference.* – Veliky Novgorod, 2021. – R. 1826–1835.
20. *Prava cheloveka: mezhdru proshlym i budushchim : monografiya / pod red. N. V. Varlamovoy, T. A. Vasil'yevoy, N. V. Kolotovoy.* – Moskva: Norma, 2021. – 448 s.
21. *Sizikov M. A., Borisov A. V., Skripilev M. Ye.* Istoriya politsii Rossii (1718–1917 gg.). – Vyp. 2. – Moskva: A.P.O., 1992. – 56 s.
22. *Matveyev A. V.* Normativnyye osnovy sluzhby naruzhnogo nablyudeniya Rossiyskoy imperii v kontse XIX – nachale XX veka // *Advances in Law Studies.* – 2018. – T. 6. – № 3. – S. 31–35.
23. *Lur'ye F. M.* Politseyskiye i provokatory: politicheskii sysk v Rossii, 1649–1917. – Sankt-Petetrburg: InKA, 1992. – 413 s.
24. *Ruud Ch. A., Stepanov S. A.* Fontanka, 16: Politicheskii sysk pri tsaryakh. – Moskva: Mysl', 1993. – 432 s.
25. *Matveyev A. V.* Sluzhba naruzhnogo nablyudeniya Rossiyskoy imperii kak predmet istoriko-pravovykh issledovaniy // *Voprosy gosudarstva i prava : sbornik nauchnykh statey / redkol.: L. V. Karnaushenko, A. A. Shvets, Ye. A. Pushkarev, V. V. Gritsay, Ye. A. Nazarova, N. Yu. Turishcheva, V. N. Korotkikh.* – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2020. – S. 70–77.
26. *Peregudova Z. I.* Politicheskii sysk Rossii, 1880–1917. – Moskva, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2000. – 432 s.

27. *Smith E. E., Lednicky R.* «The okhrana» – the Russian department of police. – California, 1967. – 280 p.
28. *Zuckerman F. S.* The Tsarist secret police in Russian society, 1880–1917. – London: Macmillan press, 1996. – 345 p.
29. *Daly J. W.* Autocracy under siege: Security police and opposition in Russia, 1866–1905. – Dekalb: Northern Illinois univ. press, 1998. – 260 p.
30. *Lauchlan I.* Russian hide-and-seek: The tsarist secret police in St Petersburg, 1906–1914. – Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2002. – 405 p.
31. *Filers'ka sluzhba v Rosiys'kiy imperii: Dokumenti ta materiali: (druga polovina XIX st. – 1917 r.) / vidp. red. O. N. Yarmish, V. M. Chisnikov.* – Kiiiv, MP Lesya, 2010. – 655 s.
32. *Matveyev A. V.* Filory v Rossiyskoy imperii: osobennosti povsednevnoy zhizni v usloviyakh revolyutsionnykh preobrazovaniy nachala KHKH v. / Reformy v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' : materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, 2–4 aprelya 2020 g. / otv. red. V. A. Veremenko, V. N. Shaydurov: v 2 t. – T. II. – Sankt-Peterburg: LGU im. A. S. Pushkina, 2020. – S. 45–50.
33. *Matveyev A. V.* Sluzhba naruzhnogo nablyudeniya v Rossiyskoy imperii kontsa KHIKH – nachala XX veka: lyudi i sud'by / Organy gosudarstvennoy bezopasnosti na zashchite Otechestva: XI ural'skiye voyenno-istoricheskiye chteniya, posvyashchonnyye 100-letiyu Upravleniya FSB Rossii po Sverdlovskoy oblasti : sbornik nauchnykh statey. – Yekaterinburg: Sokrat, 2018. – S. 267–271.
34. *Matveyev A. V.* Normativnyye osnovy vedeniya sluzhebnoy dokumentooborota sluzhby naruzhnogo nablyudeniya Rossiyskoy imperii / Pravo i gosudarstvo: problemy metodologii, teorii i istorii : materialy X Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (23 aprelya 2021 g.) / redkol.: L. V. Karnausenko, A. A. Shvets, Ye. A. Pushkarev, N. Yu. Turishcheva, V. N. Korotkikh. – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2021. – S. 152–158.
35. *Matveyev A. V.* Tsentral'nyy filorskiy otryad pri Sankt-Peterburgskom okhrannom otdelenii – sub»yekt obespecheniya bezopasnosti glavy gosudarstva v Rossiyskoy imperii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2020. – № 1(85). – S. 30–36.
36. *Matveyev A. V.* K voprosu ob organizatsii sluzhby naruzhnogo nablyudeniya za predelami Rossiyskoy imperii // Trudy Akademii MVD Respubliki Tadzhhikistan. – 2018. – № 4 (40). – S. 151–155.
37. *Matveyev A. V.* Osobennosti kadrovogo obespecheniya sluzhby naruzhnogo nablyudeniya v podrazdeleniyakh Otdel'nogo korpusa zhandarmov Rossiyskoy imperii // Obshchestvo i pravo. – 2020. – № 2(72). – S. 149–154.
38. *Matveyev A. V.* Voprosy kadrovogo obespecheniya sluzhby naruzhnogo nablyudeniya v protsesse yeyo reformirovaniya na rubezhe XIX – XX veka / Politicheskaya istoriya Rossii: Proshloye i sovremennost': Istoricheskiye chteniya. Vypusk XVII. «Gorokhovaya, 2» – 2019. – Sankt-Peterburg: Lyubavich, 2019. – S. 90–98.
39. *Matveyev A. V.* Sluzhba filorov kak spetsial'noye sredstvo obespecheniya bezopasnosti povsednevnoy zhizni naseleniya Rossiyskoy imperii v kontse XIX – nachale XX veka / Chastnoye i obshchestvennoye v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' : materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, 15–17 marta 2018 g. / otv. red. V. A. Veremenko: v 2 t. – T. I. – Sankt-Peterburg: LGU im. A. S. Pushkina, 2018. – S. 157–161.
40. *Matveyev A. V.* Naruzhnoye nablyudeniye kak sredstvo obespecheniya natsional'noy bezopasnosti: istoriko-pravovyye predposylki primeneniya v sovetskoy Rossii / Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR) [Elektronnyy resurs]: v 2-kh chastyakh : materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 28–29 aprelya 2022 g. Chast' 1 / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'yeva. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 1035–1043.

Статья поступила в редакцию 06.10.2022; одобрена после рецензирования 08.11.2022; принята к публикации 15.11.2022.

The article was submitted October 6, 2022; approved after reviewing November 8, 2022; accepted for publication November 15, 2022.

Научная статья
УДК 340.1
doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-213-221

Константин Петрович Краковский
доктор юридических наук, доцент

*Высшая школа правоведения Института государственной службы
и управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Российская Федерация, 119606, Москва, проспект Вернадского, 84*

Размышления о судьбах российской политической полиции, спровоцированные диссертацией А. В. Матвеева на тему «Институт наружного наблюдения в правоохранительной системе Российской империи (историко-правовое исследование)»

Аннотация: На заседании диссертационного совета 03.2.008.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научной специальности 5.1.1 Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки), созданного на базе ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД России», 4 октября 2022 г. прошла защита диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук Матвеева Антона Владимировича на тему «Институт наружного наблюдения в правоохранительной системе Российской империи (историко-правовое исследование)», подготовленной под руководством доктора юридических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации Н. С. Нижник. Диссертационный совет, заседание которого прошло под председательством доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации М. В. Бавсуна, единогласно принял решение о том, что диссертация А. В. Матвеева представляет собой научно-квалификационную работу, которая имеет существенное значение для историко-правовой науки и соответствует требованиям, установленным Положением о присуждении учёных степеней, а также о присуждении А. В. Матвееву учёной степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.1.

Статья представляет собой отзыв на диссертацию официального оппонента, в котором подвёрнуты анализу структура и содержание диссертации А. В. Матвеева.

Ключевые слова: Российская империя, правоохранительная система, полицейская система, полиция Российской империи, служба наружного наблюдения, метод наружного наблюдения, филёры, Центральный филёрский отряд, Отдельный корпус жандармов, охранные отделения

Для цитирования: Краковский К. П. Размышления о судьбах российской политической полиции, спровоцированные диссертацией А. В. Матвеева на тему: «Институт наружного наблюдения в правоохранительной системе Российской империи (историко-правовое исследование)» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4 (96). – С. 213–221; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-213-221.

Konstantin P. Krakovsky
Dr. Sci. (Jurid.), Docent

*Graduate School of Law of the Institute of Civil Service
and Administration of the Russian Academy of National Economy
and public service under the President of the Russian Federation
84, Vernadsky str., Moscow, 119606, Russian Federation*

Reflections on the destiny of the Russian political police, evoked by A.V. Matveev's dissertation on «The Institute of Surveillance in the law enforcement system of the Russian Empire (historical and legal research)»

Abstract: At the meeting of the dissertation Council 03.2.008.03, for the defense of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Science in the scientific specialty 5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences), created on the basis of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, on October 4, 2022, the dissertation defense was passed for the degree of Candidate of Legal Sciences A. V. Matveev on the topic «Institute of surveillance in the law enforcement system of the Russian Empire (historical and legal research), led by Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation N. S. Nizhnik. The Dissertation Council, the meeting of which was chaired by Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation M. V. Bavsun, unanimously decided that A. V. Matveev's dissertation is a scientific qualification work that is essential for historical and legal science and meets the requirements established by the Regulations on Awarding Academic Degrees, as well as on awarding A. V. Matveev the degree of Candidate of Legal Sciences in the specialty 5.1.1.

The article is a review of the dissertation of an official opponent, in which the structure and content of the dissertation of A.V. Matveev are analyzed.

Keywords: Russian Empire, law enforcement system, police system, police of the Russian Empire, surveillance service, surveillance method, fillers, Central spy detachment, Separate gendarme corps, security departments

For citation: Krakovsky K. P. Reflections on the destiny of the Russian political police, evoked by A.V. Matveev's dissertation on «The Institute of Surveillance in the law enforcement system of the Russian Empire (historical and legal research)» // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 4 (96). – P. 213–221; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-213-221.

Кто-то из великих сказал: «Полиция стара, как мир». В таком случае спецслужбы (политическая полиция), скорее всего, еще старше, ибо они должны были раньше всех узнать о намерениях Бога создать этот мир.

Генезис и развитие государства ясно обнаруживают возникновение у него своеобразного «инстинкта самосохранения». Присущее ему как официальному представителю общества стремление увековечить своё господство, сохранить нетронутым режим вызвало появление специальной функции – обеспечение государственной безопасности – и затем организационное оформление ответственных за это важное дело. Государство стремилось знать как можно больше о своём народе и каждом человеке в отдельности, хотя его интересовали не их (людей) проблемы, нужды и чаяния, ему нужно было знать, кто представляет для него, государства, опасность, каковы мысли и дела этих врагов, и, в частности, куда они ходили, с кем встречались и т. д.

Апофеоз подобного рода системы, доведённой до совершенства, описан Джорджем Оруэллом в романе «1984». Где-то на полпути к этому состоянию была Россия, причем, как в до-, так и в послеоктябрьский периоды.

Состояние отечественного государства на разных этапах его эволюции, место и роль в нём органов, обеспечивающих правопорядок [1–6] продолжают привлекать внимание серьёзных

исследователей. В Санкт-Петербургском университете МВД России эти вопросы становятся центром обсуждения на научных конференциях [7–12].

Вопросам обеспечения устойчивости государства, в том числе полицейского [13–18], посвящают свои научные изыскания исследователи.

Специалисты констатируют, что для противостояния врагам государства и революции во все времена используются старые и эффективные методы розыскной работы. Их всего три: внутреннее наблюдение, наружное наблюдение и перлюстрация писем. Их жизненность легко различима: современные спецслужбы обогатили их только использованием технических достижений. Уже это обстоятельство вызывает живой интерес к детальному описанию одного из этих трёх методов – наружному наблюдению – и одновременно анализу его как государственно-правового института – элемента правоохранительной системы, а также как разновидности полицейской службы.

Все это объясняет актуальность темы, избранной для исследования А. В. Матвеевым¹.

Само исследование этого молодого учёного интересно не только своим содержанием, но,

¹ Матвеев А. В. Институт наружного наблюдения в правоохранительной системе Российской империи (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2022. – 257 с.

что не менее важно, провоцирует читателя на размышления по поводу судеб российской государственности, её государственного режима и, в части, «телохранителей» этого государства – царской политической полиции. Некоторыми своими соображениями об этом я и хотел бы поделиться в этой статье.

Примерно четверть века назад в своём предисловии к едва ли не первому «открытому» учебному пособию по вопросам истории и организации спецслужб России [19, с. 13–20] я напомнил написанные в 1980-е годы слова известного публициста (и разведчика!) Эрнста Генри, что «полная история русской “охранки” ещё не написана». Прошли годы, и теперь можно смело констатировать, что о царской политической полиции – от Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и МВД / его подразделений (Департамент полиции) до региональных органов жандармерии и охранки, о методах работы и кадровом составе и проч. написано так много, что появились даже историографические исследования на эту тему² [20, с. 110–120; 21, с. 70–77].

Но сложность анализа историографии по теме состояла в том, что за 80 послеоктябрьских лет усилиями ряда советских учёных, публицистов (и, в частности, кинематографистов) создан весьма специфический образ российского «охранителя» безопасности государства: глупого, продажного, абсолютно безнравственного типа, готового пойти на любые, даже самые омерзительные поступки ради карьеры, ради «спасибо в приказе».

Негативная коннотация профессии не скрывается даже в «перестроечном» фильме «Филёр» (название которого созвучно теме диссертации А. Матвеева) Романа Балаяна (1987). Герой Олега Янковского, учитель, вынужден искать работу; ему предложили стать филёром. Герой стоит перед выбором: или стать «шпионом», или остаться честным человеком без средств к существованию. Чудовищность выбора в представлениях героя приводит к чудовищным реалиям: герой кончает жизнь самоубийством.

Те, кто создавал такой образ, имея, конечно, «высокую» цель показать величие подвига революционеров, усилить контраст между «гигантами и пигмеями», упустили одну важную вещь: а велика ли честь победить такого врага? Да и так ли было всё на самом деле? Понятно, что двух цветов – чёрного и белого – явно недостаточно для написания картины, изображающей противоборствующие стороны: государственную власть, её охрану и революцию.

Другой крайностью является ставшее популярным современное направление общественной и научной мысли, сосредоточившейся на обелении режима «России, которую мы потеряли»: сотрудники охранных ведомств представляются «рыцарями без страха и упрека».

При этом в современной историографии разве что ленивый не «бросил камень в огород» советских спецслужб.

В обоих случаях мы, скорее всего, имеем дело с полуправдой, которая, как известно, хуже лжи.

Первый вопрос, который волновал бы любого читателя работы А. В. Матвеева: удалось ли автору найти «золотую середину»?

Нужно констатировать, что автор освоил огромный пласт литературы (следует отметить весьма солидный историографический обзор³, что обычно не свойственно диссертациям по юридическим наукам; выделение автором пяти этапов научного исследования вопросов, касающихся службы наружного наблюдения [21]).

Кроме того, он постарался представить объективный анализ изучаемого государственно-правового явления. В значительной мере автору это удалось.

Можно согласиться с диссертантом, что, при всём обилии литературы, наружное наблюдение описано фрагментарно и до настоящего времени не становилось предметом специального научного исследования. Следует согласиться и с главным подходом А. В. Матвеева к теме: наружное наблюдение может рассматриваться как сложное, триединое явление:

- как государственно-правовой институт,
- как служба (элемент государственно-правового института) – подразделение политической полиции Российской империи,
- как метод осуществления оперативно-розыскной деятельности.

Это, конечно, ценно, расширяет представление об этом государственно-правовом явлении. Автором усилен институциональный аспект, – это, несомненно, достижение диссертанта.

Исследователь существенно расширил документальную базу после, казалось бы, «закрывшей тему» фундаментальной публикации украинских учёных [22] (А. Н. Ярмыш, кстати, питомец ростовской юридической школы; именно в Ростове-на-Дону, как уже указывалось, было создано и первое учебное пособие по вопросам истории и организации спецслужб России), а также документов, введённых в научный оборот историком З. И. Перегудовой [23] – в значительной степени за счёт официальных (разумеется, секретных) документов, извлечённых из архивных фондов, прежде всего Особого отдела и других подразделений Департамента полиции МВД Российской империи, а также местных органов политической полиции. При проведении исследования А. В. Матвеевым были использованы опубликованные источники, а также документы и материалы, хранящиеся в 25 фондах Государственного архива Российской Федерации (Москва) и Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, многие из которых впервые введены в научный оборот.

² Иванцов М. Н. Отечественная историография политической полиции России XIX – начала XX в. : дис. ... канд. ист. наук. – Москва, 2009. – 195 с.

³ Матвеев А. В. Институт наружного наблюдения... – С. 5–9.

Структура исследования А. В. Матвеева логична: организация и нормативная база – функции – кадры.

Опираясь на подход к анализу правоохранительной системы и её элементов, разработанный научным руководителем профессором Н. С. Нижник [24; 25], государственно-правовой институт наружного наблюдения диссертант рассматривает с учётом его нормативной, институциональной и функциональной составляющих. Институт наружного наблюдения характеризуется как элемент правоохранительной системы Российской империи – совокупности государственно-правовых средств, методов и гарантий, обеспечивающих защищённость государства и человека от противоправных действий.

Автор рассмотрел организационные и нормативные основы функционирования государственно-правового института наружного наблюдения в Российской империи, дал характеристику становления и содержания нормативной и субъектной составляющих института наружного наблюдения. Отдельного внимания заслуживает комплексная характеристика, данная А. В. Матвеевым институту наружного наблюдения с учётом его отличительных черт: нормативных актов, регламентировавших осуществление наружного наблюдения в Российской империи (нормативная составляющая); подразделений государственных правоохранительных органов, осуществлявших наружное наблюдение (субъектная составляющая); практики осуществления субъектами наружного наблюдения своих функций (функциональная составляющая).

Отмечу весьма интересный сюжет – о трудностях ведения наружного наблюдения в зарубежье [26; 27]. Там – относительно демократические буржуазные порядки. Наши политические преступники там, на Западе, в политической эмиграции, на взгляд европейцев – борцы за свободу против авторитарного режима. А российские полицейские, соответственно, занимаются преступной – по законам этих стран – деятельностью. Вот такой «поворот»!

А. В. Матвеевым проведен комплексный анализ основных функций, выполняемых подразделениями службы наружного наблюдения Российской империи: наружного наблюдения, негласного наведения справок, обеспечения безопасности членов императорской фамилии и высших должностных лиц. Диссертант дал комплексную характеристику состояния соблюдения филёрами конспирации, ведения служебного документооборота [28] и организации служебных командировок, необходимых для осуществления наружного наблюдения [29].

Большой интерес вызывает проведённое автором исследование становления системы обеспечения кадрами службы наружного наблюдения [30].

А. В. Матвеевым рассматривается субъектная составляющая института наружного наблюдения: даётся характеристика правового статуса филёров, их профессиональных компетенций,

условий службы, детерминант профессиональной деформации [31].

А. В. Матвеев провёл анализ требований, предъявляемых к филёрам, и соответствие им лиц, осуществлявших наружное наблюдение в Российской империи [32].

Автор верно отметил, что стать профессиональным филёром мог далеко не каждый желающий. Помимо ума и смелости (филёрская работа была, действительно, чревата реальной опасностью для жизни) кандидату в филёры были необходимы крепкое здоровье, хорошее зрение, слух и память. Особым качеством должна была быть неприметная внешность, исключая напоминание филёра наблюдаемым. При отборе кандидатов и работе с ними внимание уделялось манере одеваться, умению находить неординарные решения в сложных ситуациях. Не менее важными были «хорошая нравственность», интеллигентность.

А. В. Матвеев сообщает, что эта служба сталкивалась с внутренними кадровыми проблемами. Как писал в своей записке «Об условиях деятельности русской политической полиции» (27 мая 1902 г.) известный деятель мира «охраны» П. И. Рачковский, некоторые сотрудники Летучего отряда филёров «до крайности избалованы, проникнуты каким-то артельным коммуным духом, никого из местных властей не признают, смотрят на начальников ГЖУ свысока, подчас дерзки и заносчивы, при столкновении с местными агентами стараются выставить своё превосходство, хвастаются своими делами и значительными денежными средствами, издеваются над своими провинциальными товарищами и поселяют в них завистливое недоброжелательство, что сильно деморализует местных агентов, состоящих в большинстве случаев из жандармских унтер-офицеров, получающих грошовое содержание и суточные» [23, с. 171–172].

Исследованные диссертантом формулярные списки филёров – интереснейший материал для обобщающих выводов о кадровом составе службы наружного наблюдения, а не только для иллюстрации. Похвально, что автор проделал большую работу по систематизации и обобщению информации: выявил сословное происхождение филёров, уровень их образования, вероисповедание, продолжительность службы, средний возраст и др. Это весьма интересно!

Особую ценность в исследовании А. В. Матвеева представляет анализ программы профессиональной подготовки агентов Центрального филёрского отряда Санкт-Петербургского охранного отделения⁴.

В работе отмечено, что до 1906 г. вольнонаемные филёры не зачислялись на государственную службу, соответственно, не обладали ста-

⁴ Матвеев А. В. Центральный филёрский отряд при Санкт-Петербургском охранном отделении – субъект обеспечения безопасности главы государства в Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 1(85). – С. 30–36.

тусом госслужащих и не имели никаких льгот и социальных гарантий. В 1906 г. их стали зачислять на госслужбу (полицейскую – околоточными надзирателями и городскими). Более того, унтер-офицеры – госслужащие. Было бы весьма интересно узнать (если филёрская работа – государственная служба), как там действовали общие установления о государственной службе (ограничения при приёме и продвижении по служебной лестнице для лиц недворянских сословий, звания, чины, должности, социальные гарантии при увольнении или переходе на гражданскую службу и т. д.)?

Советские исследователи истории политической полиции царизма, следуя классовому подходу, с трудом преодолевали отвращение, исследуя деятельность агентов, «гороховых пальто». Теперь у исследователей уже нет нравственных терзаний – они препарируют эту «проклятую революционерами» службу с таким же спокойствием, как биолог режет лягушку.

Диссертант сам – профессионал полицейской службы, и его исследование – это прежде всего взгляд профессионала сегодняшнего дня на профессионалов далёкого прошлого. Это следует понять и поддержать. Более того, предположу, что если бы это исследование защищалось в рамках специальности 5.1.4. (уголовно-правовые науки, в частности, по проблемам ОРД), и автор «безлично», абстрактно исследовал наружное наблюдение как метод оперативной работы спецслужб, было бы вполне допустимо отвлечение от историко-правовых реалий, «нейтральное» описание этой службы и метода. Но в рамках историко-правового исследования автор не может избежать оценочных понятий.

Автор утверждает, что «филёры мужественно выполняли служебные обязанности, сопряжённые с ежедневным риском для жизни при решении задач борьбы с противниками самодержавия, террористами, революционерами и иными преступниками, нарушавшими правопорядок»⁵.

При характеристике филёров автор использует термины «служебные подвиги», «мужество», «находчивость» и «верность служебному долгу». Он симпатизирует этой службе и её сотрудникам.

Более того, при всем своём «строгом» отношении к «телохранителям российского самодержавного государства» (политической полиции) необходимо признать, что свою работу они выполняли профессионально, были в курсе даже о составе и деталях деятельности революционных организаций (именно об этом говорят ежемесячные «отчёты о состоянии революционного движения», составлявшиеся в начале XX в. охранными отделениями). А чего стоит тот факт, что подробный отчёт о работе II съезда РСДРП Департамент полиции получил всего через несколько дней по его окончании – значительно раньше местных социал-демократических орга-

низаций. Ни один ЦК ни одной революционной партии (не говоря уже о местных партийных организациях) не остался без сотрудника (агента) политической полиции, освещавшего изнутри деятельность партии / организации. Не отставала в сборе информации и служба наружного наблюдения, фиксируя передвижения революционеров, их контакты, адреса, явки и прочее.

Читая диссертацию А. В. Матвеева, иногда кажется, что автор ведёт повествование, по выражению историка О. В. Будницкого, как бы «смотря на происходившие события из окна Департамента полиции». А. В. Матвеев пишет о «преступных замыслах революционеров». Да, с точки зрения того режима революционеры – политические преступники, с которыми нужно было бороться [33, с. 29–30].

Агенты наружного наблюдения, филёры – часть огромной машины, охранявшей тот режим и борющейся с революцией.

Но каков был тот режим? Режим авторитарный, не стеснявшийся в средствах для своего выживания и, кстати, один из последних – архаичных, жестоких авторитарных режимов в Европе.

Выдающийся русский историк В. О. Ключевский, не будучи ни революционером, ни даже социалистом, считал самодержавие силой, объективно провоцировавшей общественное недовольство: «правительство давало обществу ровно столько свободы, сколько было нужно, чтобы вызвать в нём первые её проявления, а потом накрывало и карало неосторожных простаков», «прежде так или этак вылавливали подпольных крамольников, теперь так и этак загоняли открытую оппозицию в подпольную крамолу»⁶.

«В русском революционном движении правительство сыграло выдающуюся роль организатора», подчёркивал известный деятель кадетской партии Ф. И. Родичев (тоже человек, далекий от революции). Своими преследованиями оно ожесточало молодых людей, «способствуя их радикализации (сочувствующего превращая в агитатора, агитатора в подпольщика, подпольщика, печатающего прокламацию, в террориста)» [34, с. 339].

Это касается не только обычных политических средств борьбы, но даже таких радикальных, как политический террор. Тот же Родичев утверждал: «Руками злобной власти вскормлен террор, погубивший Александра II».

Л. Н. Толстой осуждал революционеров, считая, что они «бьют мимо цели». Но, главным образом, он осуждал максималистов, анархистов, эсеров, использовавших бомбы, подпольщиков, убийства, грабежи. При этом, обращаясь к правительству, Л. Н. Толстой подчёркивал, что революционеры – «не только ваши ученики, они – ваше произведение, они ваши дети». Л. Н. Толстой полагал, что у революционеров есть «смягчающие обстоятельства»: «их злодеяния совершаются при условии большей личной

⁵ Матвеев А. В. Институт наружного наблюдения... – С. 170.

⁶ Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. – Т. 9. – Москва: Мысль, 1990. – С. 341–343.

опасности, ... а риск, опасность оправдывают многое в глазах увлекающейся молодёжи»; революционеры «в огромном большинстве – совсем молодые люди, которым свойственно заблуждаться», и как «ни гадки их убийства, они все-таки не так холодно-систематически жестоки, как ... Шлиссельбурги, каторги, виселицы, расстрелы»⁷, используемые правительством, как (продолжим ряд великого гуманиста) агенты внутреннего и наружного наблюдения...

Политическое устройство России начала XX в. было своеобразным провоцирующим фактором: власти не желали вести полноценный диалог с обществом (или вели его «сквозь зубы», нехотя, свысока, высокомерно – я имею в виду Государственную думу), в острых ситуациях полагались на силу. Важным элементом этой «силы» была политическая полиция и, соответственно, один из её основных элементов – служба наружного наблюдения. От власти ждали и требовали не только то, что она могла дать, но и того, чего она дать была не в состоянии. Конфликт этот оказался неразрешим мирным путём, и в этом конфликте власть проиграла. Не помогли ни армия, ни суды с тюрьмами, ни политическая полиция со всеми её атрибутами и службами.

Продолжая эту же тему, хочу сказать следующее. Автор использует применительно к дореволюционной России термин «правоохранительная система» (в отличие от советской историографии, где использовался термин «карательная система царизма»). Насколько это правомерно, учитывая, что политическая полиция охраняла авторитарный режим, отрицавший само понятие «правовое государство»? А также, если помнить и то, что провокация (очевидно, неправомерный даже по законам того времени метод) была широко используется в деятельности российской имперской политической полиции, была ли функция, для реализации которой создавалась правоохранительная система, правоохранительной функцией? Может быть, следовало взять эти слова в кавычки? Или, опираясь на постулат Свода законов Российской империи (ред. 1906 г.) о том, что империя «управляется на твёрдом основании законов, изданных в установленном порядке»,

возможно, следовало бы использовать, пусть и не такой эlegantный, но более точный термин «законоохранительная система»?

Спецслужбы во все исторические времена были неразрывно связаны с государственной и общественно-политическими системами, безопасностью которых они охраняли. Распад (или развал) одной с неизбежностью приводил к развалу (или распаду) другой. Так произошло в феврале-марте 1917 г. Гибель империи обусловила скорую ликвидацию политической полиции царизма и, соответственно, её составной части, важного элемента – службы наружного наблюдения. Могу предположить, что Временное правительство, развалив царскую политическую полицию, не создало новой, своей, за что и поплатилось, утратив контроль за обстановкой в стране, позволив большевикам без особых проблем совершить государственный переворот.

В 1917 г. наружное наблюдение было ликвидировано как государственно-правовой институт, как служба, но как метод осуществления оперативно-розыскной деятельности наружное наблюдение продолжило свою нелёгкую жизнь уже в условиях нового государственно-правового режима. Ведь уже вскоре, всего через несколько месяцев, большевики создадут свою спецслужбу (ВЧК и её местные подразделения), одним из методов которой станет «старое доброе» наружное наблюдение. Политическая полиция бессмертна!

Из известной цыганской триады – «что было, что будет и чем сердце успокоится», – отнесённой к проблематике функционирования политической полиции России, автор историко-правового исследования отвечает лишь на первый вопрос. Однако в заключении он бросает взгляд на современность, справедливо указывая, что Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (ст. 6) содержит положение о наружном наблюдении как методе оперативно-розыскной деятельности⁸. Метод этот по-прежнему жив и востребован. Но вопросы, связанные с конечными задачами и целями его использования спецслужбами, остаются и будут оставаться, куда живы те, кто его использует, и то, для охраны чего он используется.

⁷ Толстой Л. Н. Не могу молчать. (О смертных казнях). – Берлин, 1908. – С. 8.

⁸ Матвеев А. В. Институт наружного наблюдения... – С. 180–181.

Список литературы

1. Краковский К. П. Российское самодержавие и политическая юстиция (2-я половина XVII – начало XX в.): монография – Москва: МОГИ, 2011. – 211 с.
2. Краковский К. П. Понятие и признаки политической юстиции // История государства и права. – 2012. – № 3. – С. 32–34.
3. Краковский К. П. Политическое дознание во второй половине XIX – начале XX века // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2012. – № 5. – С. 315–344.
4. Краковский К. П. Институты «административной юстиции» в России во 2-й половине XIX – начале XX в. // Вопросы правоведения. – 2015. – № 5 (33). – С. 357–395.
5. Нижник Н. С. Правоохранительная система Российской империи: генезис и основные этапы эволюции / Юридическая наука: традиции и инновации : сборник материалов Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей / сост.: В. А. Орлов, О. Е. Калпинская. – Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2018. – С. 213–218.

6. *Нижник Н. С.* О нормативных основах становления правоохранительной системы полицейского государства в России / Право и государство: проблемы методологии, теории и истории : материалы Международной научно-практической конференции (10 мая 2018 г.) / редкол.: Л. В. Карнаушенко, И. В. Яблонский, Г. П. Курдюк. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. – С. 36–45.
7. *Лясевич Т. Г., Нижник Н. С., Силкин Н. Н.* Становление, эволюция и современное состояние полиции России как предмет научных исследований // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 12. – С. 141–163.
8. *Нижник Н. С.* Полиция – субъект правоохранительной деятельности современного государства // Вестник Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Баримбека Бейсенова. – 2018. – № 4. – С. 94–106.
9. *Нижник Н. С.* Эффективная деятельность правоохранительных органов – требование современности // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – 2018. – № 4(40). – С. 57–72.
10. *Нижник Н. С., Нудненко Л. А.* Полиция и гражданское общество: направления и формы партнерского взаимодействия (по материалам международной конференции) // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2018. – № 4. С. 43–48.
11. *Нижник Н. С.* Российская полиция: три века служения Отечеству (об участии учёных Академии управления МВД России в юбилейной Международной научной конференции) // Труды Академии управления МВД России. – 2019. – № 1(49). – С. 149–156.
12. *Нижник Н. С., Нудненко Л. А.* История Российской империи в контексте теоретико-правового анализа (К 300-летию Российской империи) // Государство и право. – 2021. – № 11. – С. 186–195.
13. *Никифорова С. А.* Э. Н. Берендтс о статусе полиции в полицейском и правовом государстве // Genesis: исторические исследования. – 2016. – № 6. – С. 149–161. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.6.21066.
14. *Нижник Н. С.* О неизбежности краха полицейского государства в 1917 году // Великая Российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX – начала XXI вв. : материалы Международной научной конференции, Витебск – Псков, 27 февраля – 3 марта 2017 г. / гл. ред. А. В. Егоров. – Витебск: Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, 2017. – С. 302–306.
15. *Нижник Н. С.* Тотальный полицейский режим как детерминанта российской революции // Государство и право в эпоху революционных преобразований (к 100-летию революции в России) : материалы Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 25–26 мая 2017 г. – Москва: РГУП, 2017. – С. 347–355.
16. *Егоров Н. Ю.* О модели эффективно функционирующих органов исполнительной власти в полицейском государстве (по работам И. Т. Тарасова) // Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс]: Материалы юбилейной международной научной конференции, посвящённой 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (19,6 Мб). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – С. 314–319.
17. *Дергилева С. Ю.* Идеология полицейского государства в Западной Европе и Российской империи в XVIII–XIX веках / Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс] : материалы юбилейной Международной научной конференции, посвящённой 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (19,6 Мб). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – С. 261–267.
18. *Нижник Н. С.* Аксиологическое обоснование правового дискурса полицейского государства / Человек и право: проблема ценностных оснований правового регулирования : сборник научных трудов : материалы V Международной научной конференции. Минск, 3–4 мая 2019 г. – Минск: Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2019. – С. 155–163.
19. *Краковский К. П.* Предисловие ответственного редактора / Воронцов С. А. Правоохранительные органы. Спецслужбы. История и современность. – Ростов н/Д: Феникс, 1998. – С. 13–20.
20. *Жаров С. Н.* Дореволюционная и советская историография российского политического розыска / Правовое развитие России XXI века: актуальные задачи юридической науки и практики : сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвящённый 25-летию юбилею Института права Челябинского государственного университета. – Челябинск, 2016. – С. 110–120.
21. *Матвеев А. В.* Служба наружного наблюдения Российской империи как предмет историко-правовых исследований / Вопросы государства и права : сборник научных статей / редкол.: Л. В. Карнаушенко, А. А. Швец, Е. А. Пушкарев, В. В. Грицай, Е. А. Назарова, Н. Ю. Турищева, В. Н. Коротких. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2020. – С. 70–77.
22. *Філерська служба в Російській імперії: Документи та матеріали: (друга половина XIX ст. – 1917)* відп. ред. О. Н. Ярмиш, В. М. Чисніков. – Киев: МП Леся, 2010. – 656 с.
23. *Перегудова З. И.* Полицейский сыск России. 1880–1917. – Москва: Российская политическая энциклопедия, 2000. – 432 с.
24. *Нижник Н. С.* Правоохранительная система Российской империи: эволюция в дискурсе истории российской государственности / Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности : материалы Всероссийской научно-практической конференции (18 мая 2018 г.) / редкол.: Ю. В. Сапронов, Т. Ю. Пантелеева, Н. В. Винникова, А. С. Пеструилов, К. С. Смирнова, Л. Г. Литвяк, В. М. Палий, М. Р. Кангезов. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. – С. 134–140.
25. *Нижник Н. С.* Правоохранительная система Российской империи: генезис и основные этапы эволюции / Юридическая наука: традиции и инновации : сборник материалов Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей / сост.: В. А. Орлов, О. Е. Калининская. – Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2018. – С. 213–218.
26. *Матвеев А. В.* К вопросу об организации службы наружного наблюдения за пределами Российской империи // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – 2018. – № 4 (40). – С. 151–155.
27. *Матвеев А. В.* Структура службы наружного наблюдения в Заграничной агентуре Департамента полиции МВД Российской империи / Вопросы государства и права : сборник научных статей / редкол.: Л. В. Карнаушенко, А. А. Швец, Е. А. Пушкарев, В. В. Грицай, Н. А. Шеуджен, В. Н. Коротких. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2019. – С. 43–47.

28. *Матвеев А. В.* Нормативные основы ведения служебного документооборота службы наружного наблюдения Российской империи / Право и государство: проблемы методологии, теории и истории : материалы X Всероссийской научно-практической конференции (23 апреля 2021 г.) / редкол.: Л. В. Карнаушенко, А. А. Швец, Е. А. Пушкарев, Н. Ю. Турищева, В. Н. Коротких. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2021. – С. 152–158.

29. *Матвеев А. В.* Вопросы кадрового обеспечения службы наружного наблюдения в процессе ее реформирования на рубеже XIX – XX века / Политическая история России: Прошлое и современность: Исторические чтения. Выпуск XVII. «Гороховая, 2», 2019. – Санкт-Петербург: Любавич, 2019. – С. 90–98.

30. *Матвеев А. В.* О кадровом обеспечении службы наружного наблюдения в Российской империи в начале XX века / Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности : материалы Всероссийской научно-практической конференции (18 мая 2018 г.) / редкол.: Ю. В. Сапронов, Т. Ю. Пантелева, Н. В. Винникова, А. С. Пеструилов, К. С. Смирнова, Л. Г. Литвяк, В. М. Палий, М. Р. Кангезов. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. – С. 128–134.

31. *Матвеев А. В.* Нормативные основы кадрового обеспечения службы наружного наблюдения в Российской империи / Актуальные проблемы современного российского государства и права : материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. С. А. Старостина. – Калининград: Калининградский филиал СПбУ МВД России, 2018. – С. 56–60.

32. *Матвеев А. В.* Нормативные основы службы наружного наблюдения Российской империи в конце XIX – начале XX века // *Advances in Law Studies*. – 2018. – Т. 6. – № 3. – С. 31–35.

33. *Краковский К. П.* Государственные и политические преступления (к вопросу о понятиях) // *Северо-Кавказский юридический вестник*. – 2009. – № 1. – С. 27–33.

34. *Будницкий О. В.* Терроризм в русском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). – М.: Росспэн, 2000. – 399 с.

References

1. *Krakovskiy K. P.* Rossiyskoye samoderzhaviye i politicheskaya yustitsiya (2-ya polovina XVII – nachalo XX v.) : monografiya – Moskva: MOGI, 2011. – 211 s.

2. *Krakovskiy K. P.* Ponyatiye i priznaki politicheskoy yustitsii // *Istoriya gosudarstva i prava*. – 2012. – № 3. – С. 32–34.

3. *Krakovskiy K. P.* Politicheskoye doznaniye vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka // *Istoriko-pravovyye problemy: novyy rakurs*. – 2012. – № 5. – С. 315–344.

4. *Krakovskiy K. P.* Instituty «administrativnoy yustitsii» v Rossii vo 2-y polovine XIX – nachale XX v. // *Voprosy pravovedeniya*. – 2015. – № 5 (33). – С. 357–395.

5. *Nizhnik N. S.* Pravookhranitel'naya sistema Rossiyskoy imperii: genezis i osnovnyye etapy evolyutsii / *Yuridicheskaya nauka: traditsii i innovatsii* : sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov, magistrantov, aspirantov i преподаvateley / sost.: V. A. Orlov, O. Ye. Kalpinskaya. – Velikiy Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy universitet imeni Yaroslava Mudrogo, 2018. – С. 213–218.

6. *Nizhnik N. S.* O normativnykh osnovakh stanovleniya pravookhranitel'noy sistemy politseyskogo gosudarstva v Rossii / *Pravo i gosudarstvo: problemy metodologii, teorii i istorii* : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (10 maya 2018 g.) / redkol.: L. V. Karnaushenko, I. V. Yablonskiy, G. P. Kurdyuk. – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2018. – С. 36–45.

7. *Lyasovich T. G., Nizhnik N. S., Silkin N. N.* Stanovleniye, evolyutsiya i sovremennoye sostoyaniye politsii Rossii kak predmet nauchnykh issledovaniy // *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. – 2018. – № 12. – С. 141–163.

8. *Nizhnik N. S.* Politsiya – sub»yekt pravookhranitel'noy deyatel'nosti sovremennogo gosudarstva // *Vestnik Karagandinskoy akademii MVD Respubliki Kazakhstan im. Barimbeka Beysenova*. – 2018. – № 4. – С. 94–106.

9. *Nizhnik N. S.* Effektivnaya deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov – trebovaniye sovremennosti // *Trudy Akademii MVD Respubliki Tadzhikistan*. – 2018. – № 4(40). – С. 57–72.

10. *Nizhnik N. S., Nudnenko L. A.* Politsiya i grazhdanskoye obshchestvo: napravleniya i formy partnerskogo vzaimodeystviya (po materialam mezhdunarodnoy konferentsii) // *Grazhdanskoye obshchestvo v Rossii i za rubezhom*. – 2018. – № 4. С. – 43–48.

11. *Nizhnik N. S.* Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu (ob uchastii uchonykh Akademii upravleniya MVD Rossii v yubileynoy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii) // *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*. – 2019. – № 1(49). – С. 149–156.

12. *Nizhnik N. S., Nudnenko L. A.* Istoriya Rossiyskoy imperii v kontekste teoretiko-pravovogo analiza (K 300-letiyu Rossiyskoy imperii) // *Gosudarstvo i pravo*. – 2021. – № 11. – С. 186–195.

13. *Nikiforova S. A. E. N.* Berendts o statuse politsii v politseyskom i pravom gosudarstve // *Genesis: istoricheskiye issledovaniya*. – 2016. – № 6. – С. 149–161. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.6.21066.

14. *Nizhnik N. S.* O neizbezhnosti krakha politseyskogo gosudarstva v 1917 godu // *Velikaya Rossiyskaya revolyutsiya 1917 goda v istorii i sud'bakh narodov i regionov Rossii, Belarusi, Yevropy i mira v kontekste istoricheskikh realiy XX – nachala XXI vv.* : materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Vitebsk – Pskov, 27 fevralya – 3 marta 2017 g. / gl. red. A. V. Yegorov. – Vitebsk: Vitebskiy gosudarstvennyy universitet imeni P. M. Masherova, 2017. – С. 302–306.

15. *Nizhnik N. S.* Total'nyy politseyskiy rezhim kak determinanta rossiyskoy revolyutsii // *Gosudarstvo i pravo v epokhu revolyutsionnykh preobrazovaniy (k 100-letiyu revolyutsii v Rossii)* : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 25–26 maya 2017 g. – Moskva: RGUP, 2017. – С. 347–355.

16. *Yegorov N. Yu.* O modeli effektivno funktsioniruyushchikh organov ispolnitel'noy vlasti v politseyskom gosudarstve (po rabotam I. T. Tarasova) // *Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu [Elektronnyy resurs]*: Materialy yubileynoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchonnoy 300-letiyu rossiyskoy politsii. Sankt-Peterburg, 23–25 aprelya 2018 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Elektronnyye dan. (19,6 Mb). – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2018. – С. 314–319.

17. *Dergileva S. Yu.* Ideologiya politseyskogo gosudarstva v Zapadnoy Yevrope i Rossiyskoy imperii v XVIII–XIX vekakh / *Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu [Elektronnyy resurs]* : materialy yubileynoy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchonnoy 300-letiyu rossiyskoy politsii. Sankt-Peterburg, 23–25

aprelya 2018 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Elektronnyye dan. (19,6 Mb). – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2018. – S. 261–267.

18. *Nizhnik N. S. Aksiologicheskoye obosnovaniye pravovogo diskursa politseyskogo gosudarstva / Chelovek i pravo: problema tsenostnykh osnovaniy pravovogo regulirovaniya : sbornik nauchnykh trudov : materialy V Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Minsk, 3–4 maya 2019 g. – Minsk: Akademiya Ministerstva vnutrennikh del Respubliki Belarus, 2019. – S. 155–163.*

19. *Krakovskiy K. P. Predisloviye otvetstvennogo redaktora / Vorontsov S. A. Pravookhranitel'nyye organy. Spetssluzhby. Istoriya i sovremennost'. – Rostov n/D: Feniks, 1998. – S. 13–20.*

20. *Zharov S. N. Dorevolutsionnaya i sovetskaya istoriografiya rossiyskogo politicheskogo rozyska / Pravovoye razvitiye Rossii XXI veka: aktual'nyye zadachi yuridicheskoy nauki i praktiki : sbornik statey Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennyy 25-letnemu yubileyu Instituta prava Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – Chelyabinsk, 2016. – S. 110–120.*

21. *Matveyev A. V. Sluzhba naruzhnogo nablyudeniya Rossiyskoy imperii kak predmet istoriko-pravovykh issledovaniy / Voprosy gosudarstva i prava : sbornik nauchnykh statey / redkol.: L. V. Karanushenko, A. A. Shvets, Ye. A. Pushkarev, V. V. Gritsay, Ye. A. Nazarova, N. YU. Turishcheva, V. N. Korotkikh. – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2020. – S. 70–77.*

22. *Filers'ka sluzhba v Rossiyskiy imperii: Dokumenty ta materialy: (druga polovina XIX st. – 1917) vidp. red. O.N. Yarmish, V. M. Chisnikov. – Kiiiv: MP Lesya, 2010. – 656 s.*

23. *Peregudova Z. I. Politseyskiy sysk Rossii. 1880–1917. – Moskva: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2000. – 432 s.*

24. *Nizhnik N. S. Pravookhranitel'naya sistema Rossiyskoy imperii: evolyutsiya v diskurse istorii rossiyskoy gosudarstvennosti / Aktual'nyye problemy prava i pravoprimeritel'noy deyatel'nosti : materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (18 maya 2018 g.) / redkol.: Yu. V. Sapronov, T. Yu. Panteleyeva, N. V. Vinnikova, A. S. Pestruilov, K. S. Smirnova, L. G. Litvyak, V. M. Paliy, M. R. Kangezov. – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2018. – S. 134–140.*

25. *Nizhnik N. S. Pravookhranitel'naya sistema Rossiyskoy imperii: genezis i osnovnyye etapy evolyutsii / Yuridicheskaya nauka: traditsii i innovatsii : sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov, magistrantov, aspirantov i prepodavateley / sost.: V. A. Orlov, O. Ye. Kalpinskaya. – Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy universitet imeni Yaroslava Mudrogo, 2018. – S. 213–218.*

26. *Matveyev A. V. K voprosu ob organizatsii sluzhby naruzhnogo nablyudeniya za predelami Rossiyskoy imperii // Trudy Akademii MVD Respubliki Tadzhhikistan. – 2018. – № 4 (40). – S. 151–155.*

27. *Matveyev A. V. Struktura sluzhby naruzhnogo nablyudeniya v Zagranichnoy agenture Departamenta polititsii MVD Rossiyskoy imperii / Voprosy gosudarstva i prava : sbornik nauchnykh statey / redkol.: L. V. Karanushenko, A. A. Shvets, Ye. A. Pushkarev, V. V. Gritsay, N. A. Sheudzhen, V. N. Korotkikh. – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2019. – S. 43–47.*

28. *Matveyev A. V. Normativnyye osnovy vedeniya sluzhebnoy dokumentooborota sluzhby naruzhnogo nablyudeniya Rossiyskoy imperii / Pravo i gosudarstvo: problemy metodologii, teorii i istorii : materialy X Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (23 aprelya 2021 g.) / redkol.: L. V. Karanushenko, A. A. Shvets, Ye. A. Pushkarev, N. Yu. Turishcheva, V. N. Korotkikh. – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2021. – S. 152–158.*

29. *Matveyev A. V. Voprosy kadrovogo obespecheniya sluzhby naruzhnogo nablyudeniya v protsesse yeye reformirovaniya na rubezhe XIX – XX veka / Politicheskaya istoriya Rossii: Proshloye i sovremennost': Istoricheskiye chteniya. Vypusk XVII. «Gorokhovaya, 2», 2019. – Sankt-Peterburg: Lyubavich, 2019. – S. 90–98.*

30. *Matveyev A. V. O kadrovom obespechenii sluzhby naruzhnogo nablyudeniya v Rossiyskoy imperii v nachale XX veka / Aktual'nyye problemy prava i pravoprimeritel'noy deyatel'nosti : materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (18 maya 2018 g.) / redkol.: Yu. V. Sapronov, T. Yu. Panteleyeva, N. V. Vinnikova, A. S. Pestruilov, K. S. Smirnova, L. G. Litvyak, V. M. Paliy, M. R. Kangezov. – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2018. – S. 128–134.*

31. *Matveyev A. V. Normativnyye osnovy kadrovogo obespecheniya sluzhby naruzhnogo nablyudeniya v Rossiyskoy imperii / Aktual'nyye problemy sovremennogo rossiyskogo gosudarstva i prava : materialy yezhegodnoy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii / otv. red. S. A. Starostina. – Kaliningrad: Kaliningradskiy filial SPbU MVD Rossii, 2018. – S. 56–60.*

32. *Matveyev A. V. Normativnyye osnovy sluzhby naruzhnogo nablyudeniya Rossiyskoy imperii v kontse XIX – nachale XX veka // Advances in Law Studies. – 2018. – T. 6. – № 3. – S. 31–35.*

33. *Krakovskiy K. P. Gosudarstvennyye i politicheskiye prestupleniya (k voprosu o ponyatiyakh) // Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik. – 2009. – № 1. – S. 27–33.*

34. *Budnitskiy O. V. Terrorizm v russkom osvoboditel'nom dvizhenii: ideologiya, etika, psikhologiya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). – M.: Rosspen, 2000. – 399 s.*

Статья поступила в редакцию 06.10.2022; одобрена после рецензирования 08.11.2022; принята к публикации 15.11.2022.

The article was submitted October 6, 2022; approved after reviewing November 8, 2022; accepted for publication November 15, 2022.

Научная статья
УДК 34(9)+94(47)
doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-222-233

Сергей Николаевич Жаров

доктор юридических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0003-4789-7241>, serzhar@mail.ru

*Уральский филиал Российского государственного университета правосудия
Российская Федерация, 454135, Челябинск, ул. Энергетиков, 63*

*Челябинский государственный университет
Российская Федерация, 454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д.129*

Защищена диссертация об истории наружного наблюдения в Российской империи

Аннотация: Статья посвящена анализу диссертации на тему «Институт наружного наблюдения в правоохранительной системе Российской империи (историко-правовое исследование)», представленной А. В. Матвеевым в диссертационный совет 03.2.008.03, созданный на базе Санкт-Петербургского университета МВД России, на соискание учёной степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.1 Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки). Автор статьи, приглашённый в качестве официального оппонента, дал положительный отзыв. Определение специфики организации и функционирования государственно-правового института наружного наблюдения и службы наружного наблюдения, ретроспективный анализ опыта применения метода наружного наблюдения органами, специально созданными для этого в Российской империи – вот основные достоинства диссертации А. В. Матвеева. Соискатель, опираясь на обширный круг исследований в различных научных областях: истории права и государства, теории права и государства, истории учений о праве и государстве, истории органов, осуществляющих реализацию правоохранительной функции государства, привлёк разнообразный архивный материал, в том числе не публиковавшиеся ранее документы, введя их таким образом в научный оборот.

Историко-правовое исследование, результаты которого дополняют и конкретизируют разделы истории отечественного государства и права, касающиеся развития и состояния государственно-правовой системы Российской империи в конце XIX – начале XX в.; углубляют представления об организации и функционировании правоохранительной системы имперской России, особенностях осуществления в России политического сыска, специфике нормотворчества МВД Российской империи и практике осуществления в России в конце XIX – начале XX в. наружного наблюдения, соискатель сопроводил теоретико-правовыми обобщениями, в том числе в области государствоведения, в котором может быть востребовано понятие «государственно-правовой институт». Хотя ряд теоретических обобщений соискателя отнюдь не бесспорен и носит дискуссионный характер, они также могут быть отнесены к достоинствам работы как смелая попытка внести нечто новое в понятийно-категориальный аппарат юридической науки.

Ключевые слова: Российская империя, полиция, политический розыск, наружное наблюдение, филёр, охранные отделения, жандармские управления, А. В. Матвеев

Для цитирования: Жаров С. Н. Защищена диссертация об истории наружного наблюдения в Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4 (96). – С. 222–233; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-222-233.

Sergey N. Zharov

Dr. Sci. (Jurid.), Professor
<https://orcid.org/0000-0003-4789-7241>, serzhar@mail.ru

*Ural Branch of the Russian State justice university
63, Energetikov str., Chelyabinsk, 454135, Russian Federation*

*Chelyabinsk State University
129, Brothers Kashirin str., 454001, Chelyabinsk, Russian Federation*

Dissertation defended about the history of surveillance in the Russian Empire

Abstract: The article is devoted to the analysis of the dissertation on the topic «Institute for Surveillance in the Law Enforcement System of the Russian Empire (Historical and Legal Research)», submitted by A. V. Matveev to the dissertation council 03.2.008.03, created on the basis of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, for the degree of candidate of legal sciences, specialty 5.1.1 Theoretical and historical legal sciences (legal sciences). The author of the article, invited as an official opponent, gave a positive review. Determination of the specifics of the organization and functioning of the state-legal institution of surveillance and the surveillance service, a retrospective analysis of the experience of using the method of surveillance by bodies specially created for this purpose in the Russian Empire - these are the main advantages of A. V. Matveev's dissertation. The applicant, relying on a wide range of research in various scientific fields such as the history of law and the state, the theory of law and the state, the history of law and the state doctrine, the history of the bodies that implement the law enforcement function of the state, carefully studied and analyzed a variety of archival material, including previously unpublished documents, thus introducing them into scientific circulation.

Historical and legal research, the results of which supplement and give concrete expression to the sections of the history of the domestic state and law concerning the development and state of the state-legal system of the Russian Empire in the late nineteenth and early twentieth centuries, deepen the understanding of the organization and functioning of the law enforcement system of imperial Russia. The information about the features of implementation of political investigation in Russia, the rule-making specifics of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire and the practice of the implementation of external observation in Russia in the late nineteenth and early twentieth centuries was accompanied by the applicant with theoretical and legal generalizations, including the field of state studies, in which the concept of «state-legal institution» may be in demand. Although a number of the applicant's theoretical generalizations are by no means indisputable and are of a debatable nature, they can also be attributed to the merits of the work as a bold attempt to introduce something new into the conceptual and categorical apparatus of legal science.

Keywords: Russian Empire, police, political search, surveillance, detective, security departments, gendarmerie departments, A. V. Matveev

For citation: Zharov S. N. Dissertation defended about the history of surveillance in the Russian Empire // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 4 (96). – P. 222–233; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-222-233.

4 октября 2022 г. в диссертационном совете 03.2.008.03, созданном на базе Санкт-Петербургского университета МВД России, состоялась защита диссертации А. В. Матвеева на тему «Институт наружного наблюдения в правоохранительной системе Российской империи (историко-правовое исследование)»¹ на соискание ученой степени кандидата юридических наук, подготовленной на кафедре теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России под руководством доктора юридических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Н. С. Нижник.

Появление диссертации на такую тему – свидетельство высокого интереса в научной среде к опыту обеспечения безопасности личности, общества и государства [1–5], стремления использовать для этого средства и методы, которые уже подтвердили свою высокую эффективность в ходе исторического развития государства и того, что в Санкт-Петербургском университете МВД России уже сложились науч-

ные традиции исследования под руководством профессора Н. С. Нижник теоретико-правовых и ретроспективных исследований проблем организации и функционирования правоохранительной системы государства, полиции России и становления полицейско-правовой теории². Обращение А. В. Матвеева к конкретному вопросу в рамках сложившейся научной школы представляется обоснованным и своевремен-

² Дергилова С. Ю. Государственно-правовые воззрения А. И. Елистратова : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2014. – 450 с.; Красножон О. В. Ведомственная печать Министерства внутренних дел в системе факторов формирования профессионального правосознания сотрудников полиции Российской империи в начале XX века : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2018. – 200 с.; Никифорова С. А. Государственно-правовые воззрения Э. Н. Берендтса : дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2019. – 279 с.; Абдуллоев А. Р. Правоохранительная система в условиях трансформации политико-правовой организации современного государства (на примере Республики Таджикистан) : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2020. – 324 с.; Меньшикова Н. С. Полиция и гражданское общество: проблемы формирования партнёрских отношений в Российской Федерации: теоретико-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2020. – 30 с.; Степанян А. И. Полицейская система современного государства : теоретико-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2022. – 274 с.

¹ Матвеев А. В. Институт наружного наблюдения в правоохранительной системе Российской империи (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2022. – 257 с.

ным, в том числе и потому, что комплексных исследований государственно-правового института наружного наблюдения до сегодняшнего дня не было³ [6–7].

Выявление особенностей организации и функционирования государственно-правового института наружного наблюдения как элемента правоохранительной системы Российской империи имеет:

- теоретико-методологическое значение, обусловленное потребностью теоретической юриспруденции в новых подходах, отражающих современный уровень знаний о правопорядке и механизмах его обеспечения, учитывающих закономерности развития правоохранительной системы государства и отдельных её институтов;

- практическое значение, связанное с неоднородностью практики в сфере оперативно-розыскной деятельности и необходимостью использовать средства и методы, уже подтвердившие свою высокую эффективность;

- социальное значение, детерминированное необходимостью решения комплекса вопросов, связанных с профессиональной подготовкой, материальным обеспечением и социальной защищённостью лиц, осуществляющих правоохранительную деятельность.

Определение специфики организации и функционирования государственно-правового института наружного наблюдения и службы наружного наблюдения, ретроспективный анализ опыта применения метода наружного наблюдения органами, специально созданными для этого в Российской империи, могут способствовать совершенствованию механизма обеспечения безопасности личности, общества и государства в современной России. Всё это свидетельствует об актуальности диссертационной проблематики и обоснованности обращения к ней А. В. Матвеева.

Служба наружного наблюдения в Российской империи, относившаяся к органам политической полиции, как институт, служба и метод деятельности в исследованиях исторического и историко-правового характера получила фрагментарное освещение лишь в контексте анализа становления и развития политической полиции Российской империи либо спецслужб в целом, но до настоящего времени не становилась предметом специального научного исследования.

А. В. Матвеев выделил несколько этапов исследования вопросов, касающихся службы наружного наблюдения.

1 этап (конец XIX в. – 1917 г.): служба наружного наблюдения была создана, но в силу негласности её деятельности в литературе Российской империи исследования, опубликованные современниками этого подразделения, отсутствуют.

2 этап (1917–1930-е гг.): первые попытки охарактеризовать службу наружного наблюде-

ния предприняли исследователи, в первые годы Советской власти, изучавшие деятельность охранных отделений царской полиции.

3 этап (1940–1950-е гг.): изучение истории политической полиции Российской империи оказалось под негласным запретом, в результате чего деятельность службы наружного наблюдения в число исследуемых учёными проблем не входила.

4 этап (1960–1990-е гг.): либерализация политической жизни способствовала тому, что в 1960-х годах появились работы, авторы которых, основываясь на архивных материалах, исследовали методы работы Департамента полиции МВД Российской империи, в том числе и наружное наблюдение. Деятельность службы наружного наблюдения предметом специального исследования учёных не становилась, но они обратили внимание на необходимость и результативность применения метода наружного наблюдения органами политической полиции.

5 этап (2000-е гг. – настоящее время): расширение возможностей исследования ранее недоступных материалов, касающихся политической полиции Российской империи, способствовало обращению исследователей к проблемам её организации и деятельности.

На основе анализа разработанности темы диссертации А. В. Матвеев сделал вывод о том, что:

- в историко-правовой отечественной и зарубежной литературе имеют место многочисленные издания, посвящённые политической полиции Российской империи, в которых вопросы, касающиеся службы наружного наблюдения, получили фрагментарное описательное освещение;

- работы монографического характера, специальным предметом которых являлись бы организация и деятельность службы наружного наблюдения Российской империи, в отечественной и зарубежной историко-правовой науке до настоящего времени отсутствуют;

- в опубликованных работах рассмотрение получили лишь отдельные аспекты деятельности службы наружного наблюдения, касающиеся прежде всего методов и тактики её работы;

- комплексное исследование нормативно-правовых оснований функционирования института наружного наблюдения проведено не было;

- субъектная и функциональная составляющие института наружного наблюдения не охарактеризованы;

- вопросы профессиональной подготовки сотрудников службы наружного наблюдения должной оценки не получили;

- критерии оценки эффективности деятельности службы наружного наблюдения в обеспечении безопасности Российской империи не выработаны.

Все это касается открытых исследований. По некоторым косвенным данным следует допустить, что ведомственные исследователи не только изучили богатый опыт практики и пра-

³ Иванцов М. Н. Отечественная историография политической полиции России XIX – начала XX в. : дис. ... канд. ист. наук. – Москва, 2009. – 195 с.

вового регулирования наружного наблюдения, но и составили рекомендации для его применения в реальности.

Объектом исследования А. В. Матвеев избрал правоохранительную систему государства в совокупности всех её элементов. Предметом исследования выделены закономерности становления и развития государственно-правового института наружного наблюдения – структурно-функционального элемента правоохранительной системы Российской империи.

Целью диссертационной работы А. В. Матвеев определил выявление закономерностей становления и развития государственно-правового института наружного наблюдения и определение нормативно-правовых и организационных оснований его эволюции в Российской империи. Достижение поставленной цели предопределило решение поставленных А. В. Матвеевым исследовательских задач:

- охарактеризовать субъекты и основные направления их деятельности по противодействию государственным преступлениям в Российской империи во второй половине XIX в.;
- определить правовые основы осуществления наружного наблюдения в имперской России в конце XIX – начале XX в.;
- выявить структуру службы наружного наблюдения в Российской империи в конце XIX – начале XX в.;
- выявить организационные основания деятельности службы наружного наблюдения;
- определить основные функции службы наружного наблюдения;
- охарактеризовать особенности осуществления наружного наблюдения филёрами имперской России;
- определить особенности обеспечения кадрами службы наружного наблюдения;
- выявить способы и методы, применявшиеся для профессиональной подготовки филёров;
- определить факторы, влияющие на повышение профессионализма филёров.

Диссертант в процессе работы правильно определил основные направления и задачи исследования для анализа важнейших проблем, которые позволили найти обоснованное и достоверное решение поставленной цели.

Диссертация опирается на обширный круг исследований в различных научных областях: истории права и государства, теории права и государства, истории учений о праве и государстве, истории органов, осуществляющих реализацию правоохранительной функции государства. Об этом свидетельствуют и текст диссертации, её научный аппарат, и список литературы, включающий 272 наименования научных публикаций российских и зарубежных авторов, в том числе на языках оригинала.

Хронологические рамки исследования диссертантом обоснованы: они определены периодом существования государственно-правового института наружного наблюдения в Российской империи. Выбор нижней границы исследования обусловлен учреждением Департамента государ-

ственной полиции МВД Российской империи в 1880 г., подведомственным подразделением которого стала служба наружного наблюдения. При этом выявление предпосылок создания службы наружного наблюдения потребовало обращения к государственно-правовой истории Российской империи с начала XIX в., когда была осуществлена реорганизация III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, ставшего высшим органом политической полиции в России. Верхней хронологической границей исследования является 11 марта 1917 г. – день упразднения постановлением Временного правительства Департамента полиции и официального прекращения существования государственно-правового института наружного наблюдения.

При подготовке диссертации А. В. Матвеевым были использованы источники различных видов:

- 1) правовые акты, составлявшие нормативную основу деятельности полиции и организации наружного наблюдения в Российской империи в конце XIX – начале XX в. (опубликованные и хранящиеся в архивах); подзаконные нормативные правовые акты, позволяющие определить особенности организации и деятельности службы филёров (прежде всего ведомственные подзаконные акты, содержавшие предписания чинам политического сыска, инструкции по организации их профессиональной деятельности);
- 2) документы и материалы делопроизводства государственных органов, характеризующие деятельность органов политической полиции в различных регионах страны: отчёты о работе органов полиции, о выполнении ими задач по охране правопорядка, об использовании при решении поставленных задач методов наружного наблюдения;
- 3) дневники филёров, мемуары и иные нарративные источники, позволяющие выявить специфику деятельности сотрудников, осуществлявших наружное наблюдение, профессиональную правовую культуру филёров, их отношение к выполнению своих обязанностей, отношение обществу к использованию полицией методов наружного наблюдения;
- 4) статистические источники, позволяющие определить численный состав филёров и его изменения, количественные характеристики материального обеспечения деятельности службы наружного наблюдения;
- 5) периодическая печать.

В диссертации использованы документы и материалы, хранящиеся в 25 фондах Государственного архива Российской Федерации (Москва) и Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга.

Список источников исследования составил 167 наименований⁴.

Методологическая основа исследования А. В. Матвеева определена с учётом сложности

⁴ Матвеев А. В. Институт наружного наблюдения... – С. 182–204.

и многомерности объекта исследования, современного состояния гуманитарной науки и включает в себя методологический инструментарий разного уровня. Методологические принципы исследования опираются на диалектику, которая выступает как общая методология научного познания. Принципы единства теории и практики, объективности, комплексности, всесторонности изучения социальных процессов и явлений, единства исторического и логического позволяют осуществить всесторонний анализ источников информации об осуществлении правоохранительной деятельности в государстве. Основным методологическим подходом исследования был определён системный подход, способствовавший выявлению составляющих государственно-правового института наружного наблюдения; определению системообразующих принципов, объединяющих эти элементы в единое целое; рассмотрению института наружного наблюдения в качестве относительно обособленного компонента правоохранительной системы, а также позволивший выявить функциональное назначение каждого элемента структуры службы наружного наблюдения. Методами исследования были избраны общенаучные (анализ, синтез, обобщение, абстрагирование, исторический) и специальные (историко-правовой, интерпретации нормативных правовых актов) методы правовых исследований. Особое значение имели компаративистский (способствующий выявлению общих и особенных черт организации и функционирования института наружного наблюдения в различных регионах Российской империи и в условиях различной социальной напряжённости), формально-юридический (позволивший осуществить анализ нормативных оснований функционирования института наружного наблюдения), биографический (позволивший определить личностный фактор как детерминанту развития службы наружного наблюдения) методы.

Во введении диссертант обосновывает актуальность исследуемой проблемы; анализирует степень её разработанности; определяет цель, задачи исследования; характеризует научную новизну диссертации; формулирует основные положения, выносимые на защиту; характеризует методологическую, источниковую и теоретическую базу исследования; определяет теоретическую и практическую значимость исследования; даёт характеристику апробации результатов проведённого исследования.

Первая глава – «Организационные и нормативные основы функционирования государственно-правового института наружного наблюдения в Российской империи» – посвящена характеристике становления и содержания нормативной и субъектной составляющих института наружного наблюдения⁵.

Отдельного внимания заслуживает характеристика, данная А. В. Матвеевым институту

наружного наблюдения с учётом его отличительных черт: нормативных актов, регламентировавших осуществление наружного наблюдения в Российской империи (нормативная составляющая); подразделений государственных правоохранительных органов, осуществлявших наружное наблюдение (субъектная составляющая); практики осуществления субъектами наружного наблюдения своих функций (функциональная составляющая).

Рассматривая генезис наружного наблюдения в отечественных спецслужбах, соискатель умело привлёк сочинения предшественников. Членство в Обществе изучения истории отечественных спецслужб позволило ему использовать сравнительно редкие публикации.

Развивая подход к анализу правоохранительной системы и её структурно-функциональных элементов, разработанный научным руководителем диссертанта доктором юридических наук, профессором Н. С. Нижник [8; 9], государственно-правовой институт наружного наблюдения диссертант рассматривает как элемент правоохранительной системы Российской империи – совокупности государственно-правовых средств, методов и гарантий, обеспечивающих защищённость государства и человека от противоправных действий, характеризуя институт наружного наблюдения с учётом его нормативной, институциональной и функциональной составляющих.

В качестве элемента института наружного наблюдения Российской империи диссертант выделяет службу наружного наблюдения, в рамках которой деятельность с использованием метода наружного наблюдения осуществляли специальные субъекты – филёры [10; 11].

А. В. Матвеев провёл анализ нормативных актов, содержащих предписания в сфере осуществления наружного наблюдения, и выделил этапы нормативного регулирования осуществления наружного наблюдения:

1) наружное наблюдение за лицами, подозреваемыми в совершении государственных преступлений, осуществлялось в соответствии с Уставом уголовного судопроизводства (1864), содержащим норму о том, что «полиция все нужные ей сведения собирает посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением, не производя ни обысков, ни выемок в домах» (ст. 254);

2) появились положения «О негласном полицейском надзоре» (1882), «Об охранной агентуре» (1883), циркуляры Департамента полиции, штаба Отдельного корпуса жандармов, нормативные акты локального уровня, характеризовавшие наружное наблюдение как один из основных методов осуществления розыскной деятельности и закрепившие отдельные правила организации наружного наблюдения;

3) МВД, осуществлявшее противодействие растущему революционному движению, приняло попытку комплексного подхода к регулированию наружного наблюдения: Положение «О начальниках розыскных отделений» (1902),

⁵ Там же. – С. 22–85.

Положение «Об охранных отделениях» (1906), Инструкция «Начальникам охранных отделений по организации наружного наблюдения» (1907) и Инструкция «По организации наружного (филёрского) наблюдения» (1907) сыграли важную роль в организации наружного наблюдения, сборе и систематизации информации, получаемой филёрами; определении требований к профессиональным качествам наблюдательного агента и их конспирации в повседневной жизни;

4) осуществление наружного наблюдения получило детальную регламентацию в нормативных актах, распространявших свою юрисдикцию как на все подразделения филёров, так и на отдельные подразделения службы наружного наблюдения (например, деятельность Центрального филёрского отряда при Санкт-Петербургском охранном отделении регламентировалась, помимо прочего, особыми инструкциями, изданными специально для них («Для службы во время высочайших посещений императорских театров»; «Для службы во время высочайших приездов в Петроград»; «Во время пребывания их императорских величеств вне городов дворцового ведомства» и др.) [12–14].

А. В. Матвеев охарактеризовал организационную структуру службы наружного наблюдения в подразделениях Отдельного корпуса жандармов [15; 16], в охранных отделениях и Заграничной агентуре [17; 18] как достаточно разветвлённую и эффективную.

Во второй главе А. В. Матвеевым проведен комплексный анализ основных функций, выполняемых подразделениями службы наружного наблюдения Российской империи: наружного наблюдения, негласного наведения справок, обеспечения безопасности членов императорской фамилии и высших должностных лиц⁶.

Диссертант дал комплексную характеристику состоянию соблюдения филёрами конспирации, ведения служебного документооборота и организации служебных командировок, необходимых для осуществления наружного наблюдения. Наряду с обращениями к сочинениям современников соискатель активно использует литературу прошлых лет, в том числе дореволюционную⁷.

Особого внимания заслуживает вывод А. В. Матвеева о том, что отлаженный процесс ведения служебного документооборота позволял розыскным учреждениям политической полиции систематизировать данные по наблюдению и розыску в целом на основании различных критериев, что позволяло оперативно получать информацию о лицах, подозреваемых в совершении государственных преступлений, предупреждать и пресекать их преступную деятельность.

⁶ Там же. – С. 86–122.

⁷ Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений, относящихся до чинов губернских жандармских управлений по наблюдению за местным населением и производству дознаний / сост. полковник Добряков. – Санкт-Петербург, 1903. – 688 с.

Субъектной составляющей института наружного наблюдения посвящена третья глава, где рассматривается характеристика правового статуса филёров, их профессиональных компетенций, условий службы, детерминант профессиональной деформации⁸. А. В. Матвеев провел анализ требований, предъявляемых к филёрам, и соответствие им лиц, осуществлявших наружное наблюдение в Российской империи. Результаты персональных исследований деятельности агентов наружного наблюдения соискателем неоднократно опубликованы в статьях и докладах [19–22].

Диссертант сделал вывод о том, что до начала XX в. каких-либо специальных требований к кадрам филёров не предъявлялось. Требования к кандидатам на службу в филёры получили закрепление в Инструкции «По организации наружного (филёрского) наблюдения» (1907), различных циркулярах Департамента полиции, направленных на решение конкретных задач.

А. В. Матвеев подчеркивает, что основным мотивом поступления на службу филёром являлось стремление поправить собственное материальное положение. Хотя, как показывает анализ документов, проведённый диссертантом, на службу в наблюдательный состав розыскных учреждений поступали люди и с идейными мотивами, имеющие образование, владеющие иностранными языками, обладающие титулами и принадлежащие к привилегированным сословиям.

Диссертантом выявлено, что изначально обязанность по профессиональной подготовке филёров целиком возлагалась на руководителей охранных и розыскных отделений, жандармских управлений, которые самостоятельно избирали методы и способы обучения и подготовки сотрудников к несению службы [23–26] с учётом требований Инструкции «По организации наружного (филёрского) наблюдения» [27; 28].

Практическая подготовка филёров предусматривала приобретение профессиональных навыков в ходе наблюдения за опытными филёрами, осуществления наблюдения в паре с опытным филёром [29].

Особую ценность в исследовании А. В. Матвеева представляет анализ программы профессиональной подготовки агентов Центрального филёрского отряда Санкт-Петербургского охранного отделения. Подготовка филёров отряда происходила непрерывно, на протяжении всего срока службы, что способствовало постоянному развитию профессиональных навыков филёров⁹.

В результате исследования источников А. В. Матвеев сделал вывод о том, что повсед-

⁸ Матвеев А. В. Институт наружного наблюдения ... – С. 123–172.

⁹ Матвеев А. В. Центральный филёрский отряд при Санкт-Петербургском охранном отделении – субъект обеспечения безопасности главы государства в Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 1(85). – С. 30–36.

невная жизнь филёра была непростой: служба в жизни агентов наружного наблюдения должна была иметь приоритетное значение, в любой момент они могли уехать за наблюдаемым в любую точку страны на неопределённый срок, вся их повседневная жизнь была насквозь пронизана строгими требованиями конспирации, на службе филёры были обязаны неотступно соблюдать многочисленные требования инструкторов, вести наблюдение в любых погодных условиях при отсутствии регулярных отпусков и выходных дней. Как стимул для соответствия филёров квалификационным требованиям и надлежащему исполнению служебных обязанностей использовались меры поощрения. За служебные подвиги и результативные действия агенты наружного наблюдения поощрялись денежными премиями, драгоценными подарками, медалями, орденами, повышениями в должности, зачислениями на государственную службу, а также присвоением званий почётных граждан.

В приложениях к диссертации соискатель поместил «Перечень нормативных актов, регламентирующих деятельность службы наружного наблюдения Российской империи», с указанием даты принятия правового акта, субъекта нормотворчества и рассматриваемых вопросов, что представляет определённую научную ценность и свидетельствует о проведении А. В. Матвеевым самостоятельного комплексного исследования нормативных и иных правовых актов общегосударственного, ведомственного, регионального и локального уровней.

Личный опыт, полученный при исследовании вопросов, близких диссертационной проблематике А. В. Матвеева¹⁰ [30–34], позволяет констатировать, что исследование диссертанта обладает научной новизной.

Научная новизна диссертации А. В. Матвеева определена прежде всего тем, что диссертантом впервые введены в научный оборот материалы ГАРФ и ЦГИА Санкт-Петербурга, характеризующие материальное, социальное и финансовое обеспечение службы филёров; а также циркуляры и инструкции Департамента полиции МВД, позволяющие определить структуру Центрального филёрского отряда Петроградского отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице (в частности, «Для службы во время высочайших посещений императорских театров», «Для службы во время высочайших приездов в Петроград», «Во время пребывания их императорских величеств вне городов дворцового ведомства») и специфику деятельности его агентов; формулярные списки филёров, позволяющие оценить состояние кадрового обеспечения службы наружного наблю-

дения; документы о поощрениях и наказаниях агентов; списки филёров, позволяющие определить численность агентов Центрального филёрского отряда; программы занятий Центрального филёрского отряда по профессиональной подготовке.

Научная новизна диссертации определяется и тем, что в результате проведённого А. В. Матвеевым исследования:

- определено содержание дефиниции «государственно-правовой институт наружного наблюдения»;

- обоснована необходимость комплексного анализа наружного наблюдения в Российской империи в конце XIX – начале XX в. в триединстве контекстов (наружное наблюдение как государственно-правовой институт, как служба наружного наблюдения, как метод осуществления оперативно-розыскной деятельности);

- выявлен и обоснован предупредительный характер мероприятий, проводимых с использованием метода наружного наблюдения;

- определены основные этапы формирования правовых основ использования метода наружного наблюдения органами полиции Российской империи; выявлены особенности практики использования метода наружного наблюдения в Российской империи в конце XIX – начале XX в.;

- определены хронологические рамки, основные направления деятельности и структура службы наружного наблюдения;

- выявлены основные направления, структура и специфика деятельности подразделений службы наружного наблюдения;

- уточнены хронологические рамки деятельности Центрального филёрского отряда при Санкт-Петербургском охранном отделении;

- охарактеризованы правила и практика легализации информации, полученной в ходе наружного наблюдения;

- определены профессиональные компетенции, позволявшие филёрам результативно решать служебные задачи;

- выявлены особенности обеспечения кадрами службы наружного наблюдения в Российской империи в конце XIX – начале XX в.;

- охарактеризованы способы и методы, применявшиеся для профессиональной подготовки филёров;

- определены факторы, влияющие на повышение профессионализма филёров.

Апробацию результатов исследования А. В. Матвеева следует признать достаточной: диссертант принял участие в научных конференциях различного уровня в России (в Екатеринбурге (2018), Калининграде (2018), Краснодаре (2017–2022), Москве (2018, 2019), Мурино Ленинградской области (2018), Новгороде (2019, 2022), Омске (2021), Санкт-Петербурге (2017–2022), Туле (2020)) и за рубежом (в Казахстане (Алматы, 2016), Кыргызстане (Ош, 2018), Беларуси (Могилёв, 2022)), а также подготовил научные работы, 4 из которых опубликованы в изданиях, включённых ВАК при Минобрнау-

¹⁰ Жаров С. Н. Нормативное регулирование деятельности политической полиции Российской империи : дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2000. – 265 с.; Его же. Оперативно-розыскная деятельность в России: организация, методы, правовое регулирование: (историко-юридическое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2010. – 459 с.

ки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук.

Выводы и обобщения, формулируемые в диссертации, отличаются логичностью и последовательностью. Излагая собственные взгляды на решение той или иной проблемы, диссертант сопровождает авторскую точку зрения аргументацией.

Диссертация А. В. Матвеева – самостоятельная законченная работа монографического характера, в рамках которой решаются проблемные вопросы, имеющие несомненный интерес для историко-правовой науки.

Диссертация соответствует научной специальности 5.1.1 Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки).

Основные положения диссертации репрезентативно отражены в автореферате. Автореферат диссертации соответствует требованиям ВАК России.

Вместе с тем работа содержит положения, которые потребовали от диссертанта пояснений в ходе публичной защиты.

Так, А. В. Матвеев утверждает, что «служба наружного наблюдения – элемент государственно-правового института – подразделение политической полиции Российской империи»¹¹. Однако и в тексте диссертации, и особенно наглядно в приложениях 2–6 он показывает, что наружное наблюдение является не подразделением политической полиции Империи, а подразделениями отдельных органов политической полиции и контрразведки.

А. В. Матвеев вынес на защиту утверждение о том, что «служба наружного наблюдения – государственный орган»¹². При этом учебное пособие, разработанное на кафедре теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России под редакцией профессора Н. С. Нижник, даёт такое определение государственного органа: «относительно самостоятельное, структурно обособленное звено государственного аппарата, создаваемое государством в целях осуществления определённого вида государственной деятельности, наделённое для этого соответствующими государственно-властными полномочиями (компетенцией) и опирающееся в процессе их реали-

зации на принудительную силу государства»¹³. А в диссертации показано, что служба наружного наблюдения самостоятельным звеном государственного аппарата не была, властными полномочиями не наделялась и принудительной силой государства не обладала. Можно ли в таком случае службу наружного наблюдения характеризовать как государственный орган?

В диссертации А. В. Матвеев констатирует, что «в старейшем подразделении политической полиции – *жандармерии* наружное наблюдение долгое время применялось лишь от случая к случаю, не было поставлено на профессиональную основу и осуществлялось примитивно»¹⁴. Что имеет в виду автор, употребляя термин «жандармерия»? Если речь идет о Корпусе жандармов, то он не являлся подразделением политической полиции (см., например, 4-ю главу «Положения о корпусе жандармов» от 1 июля 1836 г.). И вряд ли жандармерию следует относить к *старейшим* подразделениям политической полиции...

А. В. Матвеев в диссертации подчеркнул, что «кандидаты на службу в филёры исповедовали какую-либо религию. Это было нужно для принятия присяги...»¹⁵. Действительно, § 4 Инструкции по организации наружного (филёрского) наблюдения рекомендовал приглашать священника в охранное отделение для принятия присяги, но обязательность религиозного вероисповедания не объяснялась только необходимостью принимать присягу. Текст диссертации свидетельствует о том, что филёры принадлежали к христианским конфессиям, разрешённым в России. Была ли такая принадлежность правилом? Имели ли место исключения из него?

Поставленные в ходе публичной защиты эти и многие другие вопросы получили разъяснение и аргументацию со стороны диссертанта. Возникшая во время защиты дискуссия свидетельствовала о глубине исследования научной проблемы А. В. Матвеевым, о том, что диссертация является самостоятельным и завершённым научным исследованием, имеющим научную новизну, теоретическую и практическую значимость, а её автор – Матвеев Антон Владимирович – достоин присуждения учёной степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.1 Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки).

¹³ Нижник Н. С., Семенова О. В., Стоцкий А. П. Теория государства и права : учебное наглядное пособие / под ред. Н. С. Нижник. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета МВД России, 2020. – 264 с. – С. 43.

¹⁴ Матвеев А. В. Институт наружного наблюдения... – С. 65.

¹⁵ Там же. – С. 125.

¹¹ Матвеев А. В. Институт наружного наблюдения... – С. 15.

¹² Там же. – С. 16.

Список литературы

1. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Проблемы совершенствования нормативной основы и практики деятельности полиции в России // Государство и право. – 2018. – № 4. – С. 110–117.
2. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Международная научная конференция «Российская полиция: три века служения Отечеству» // Административное право и процесс. – 2019. – № 3. – С. 67–71.

3. *Нижник Н. С.* Адъютанты Санкт-Петербургского университета МВД России: научно-исследовательская деятельность в контексте 300-летия полиции России / Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований [Электронный ресурс] : материалы Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 7 декабря 2018 года / сост. Э. Х. Мамедов. – Электрон. дан. (3,78 Мб). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. – С. 267–296.
4. *Нижник Н. С., Нудненко Л. А.* Российская полиция: три века служения Отечеству // Государство и право. – 2019. – № 6. – С. 138–145.
5. *Нижник Н. С., Нудненко Л. А.* История Российской империи в контексте теоретико-правового анализа (к 300-летию Российской империи) // Государство и право. – 2021. – № 11. – С. 186–195.
6. *Жаров С. Н.* Дореволюционная и советская историография российского политического розыска / Правовое развитие России XXI века: актуальные задачи юридической науки и практики : сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 25-летию юбилею Института права Челябинского государственного университета. – Челябинск, 2016. – С. 110–120.
7. *Матвеев А. В.* Служба наружного наблюдения Российской империи как предмет историко-правовых исследований / Вопросы государства и права : сборник научных статей / редкол.: Л. В. Карнаушенко, А. А. Швец, Е. А. Пушкарев, В. В. Грицай, Е. А. Назарова, Н. Ю. Турищева, В. Н. Коротких. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2020. – С. 70–77.
8. *Нижник Н. С.* Правоохранительная система Российской империи: эволюция в дискурсе истории российской государственности / Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности : материалы Всероссийской научно-практической конференции (18 мая 2018 г.) / редкол.: Ю. В. Сапронов, Т. Ю. Пантелеева, Н. В. Винникова, А. С. Пеструилов, К. С. Смирнова, Л. Г. Литвяк, В. М. Палий, М. Р. Кангезов. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. – С. 134–140.
9. *Нижник Н. С.* Правоохранительная система Российской империи: генезис и основные этапы эволюции / Юридическая наука: традиции и инновации : сборник материалов Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей / сост.: В. А. Орлов, О. Е. Калпинская. – Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2018. – С. 213–218.
10. *Матвеев А. В.* Полиция в механизме государства имперской России / Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 29 сентября 2017 г. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2017. – С. 395–398.
11. *Матвеев А. В.* Наружное наблюдение как средство борьбы с революционным терроризмом в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. – 2018. – № 12. – С. 43–47.
12. *Матвеев А. В.* Нормативные основы службы наружного наблюдения Российской империи в конце XIX – начале XX века // Advances in Law Studies. – 2018. – Т. 6. – № 3. – С. 31–35.
13. *Матвеев А. В.* Нормативные основы кадрового обеспечения службы наружного наблюдения в Российской империи / Актуальные проблемы современного российского государства и права : материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. С. А. Старостина. – Калининград: Калининградский филиал СПбУ МВД России, 2018. – С. 56–60.
14. *Матвеев А. В.* Нормативно-правовые основы борьбы с государственными преступлениями в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века // Вопросы государства и права : сборник научных статей / ред. кол.: Л. В. Карнаушенко, И. В. Яблонский, Г. П. Курдюк, Е. А. Вакарина, Н. А. Шеуджен. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. – С. 202–210.
15. *Матвеев А. В.* Особенности структурно-функциональной организации службы наружного наблюдения в подразделениях Отдельного корпуса жандармов / Право и государство: проблемы методологии, теории и истории : материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции (17 мая 2019 г.) / редкол.: Л. В. Карнаушенко, А. А. Швец, Е. А. Пушкарев, Н. Ю. Турищева, Н. А. Шеуджен, В. Н. Коротких. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2019. С. 198–204.
16. *Матвеев А. В.* Особенности кадрового обеспечения службы наружного наблюдения в подразделениях Отдельного корпуса жандармов Российской империи // Общество и право. – 2020. – № 2(72). – С. 149–154.
17. *Матвеев А. В.* К вопросу об организации службы наружного наблюдения за пределами Российской империи // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – 2018. – № 4 (40). – С. 151–155.
18. *Матвеев А. В.* Структура службы наружного наблюдения в Заграничной агентуре Департамента полиции МВД Российской империи / Вопросы государства и права : сборник научных статей / редкол.: Л. В. Карнаушенко, А. А. Швец, Е. А. Пушкарев, В. В. Грицай, Н. А. Шеуджен, В. Н. Коротких. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2019. – С. 43–47.
19. *Матвеев А. В.* Служба наружного наблюдения в Российской империи конца XIX – начала XX века: люди и судьбы / Органы государственной безопасности на защите Отечества: XI уральские военно-исторические чтения, посвященные 100-летию Управления ФСБ России по Свердловской области : сборник научных статей. – Екатеринбург: Сократ, 2018. – С. 267–271.
20. *Матвеев А. В.* Повседневная жизнь сотрудников службы наружного наблюдения Российской империи в экстремальных условиях конца XIX – начала XX в. / Природно-географические

факторы в повседневной жизни населения России: история и современность : материалы Международной научной конференции, 14–16 марта 2019 г. / отв. ред. В. А. Веремченко: в 2 т. – Т. II. – Санкт-Петербург: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2019. – С. 116–120.

21. *Матвеев А. В.* Филёры в Российской империи: особенности повседневной жизни в условиях революционных преобразований начала XX в. / Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность : материалы Международной научной конференции, 2–4 апреля 2020 г. / отв. ред. В. А. Веремченко, В. Н. Шайдуров: в 2 т. – Т. II. – Санкт-Петербург: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2020. – С. 45–50.

22. *Матвеев А. В.* Женщины на службе в полиции: женщины-филёры в Российской империи в начале XX века / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 300-летию Российской империи) [Электронный ресурс]: в 2 ч. – Ч. 1 : материалы XVIII международной научной конференции. Санкт-Петербург, 29–30 апреля 2021 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, А. В. Демидов. – Электронные дан. (3,90 Мб). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. – С. 500–504.

23. *Матвеев А. В.* О кадровом обеспечении службы наружного наблюдения в Российской империи в начале XX века / Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности: материалы Всероссийской научно-практической конференции (18 мая 2018 г.) / редкол.: Ю. В. Сапронов, Т. Ю. Пантелеева, Н. В. Винникова, А. С. Пеструилов, К. С. Смирнова, Л. Г. Литвяк, В. М. Палий, М. Р. Кангезов. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. – С. 128–134.

24. *Матвеев А. В.* Об особенностях профессиональной подготовки сотрудников службы наружного наблюдения Российской империи в конце XIX – начале XX века / Право и государство: проблемы методологии, теории и истории : материалы Международной научно-практической конференции (10 мая 2018 г.) / редкол.: Л. В. Карнаушенко, И. В. Яблонский, Г. П. Курдюк. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. – С. 364–372.

25. *Матвеев А. В.* Нормативные основы профессиональной подготовки сотрудников службы наружного наблюдения Российской империи в начале XX века / К 70-летию принятия Всеобщей декларации прав человека 1948 года и к 25-летию Конституции Российской Федерации 1993 года : материалы научно-практической конференции студентов и аспирантов с международным участием, 12 апреля 2018 года. – Санкт-Петербург: Издательство Политехнического университета, 2018. – С. 40–42.

26. *Матвеев А. В.* О профессиональной подготовке сотрудников службы наружного наблюдения в Российской империи / Юридическая наука: традиции и инновации : сборник материалов Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей / сост.: Е. А. Макарова, Т. Н. Дорошенко, О. Е. Калпинская, В. А. Орлов, М. С. Трофимова. – Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2019. – С. 170–172.

27. *Матвеев А. В.* Структура и организация службы наружного наблюдения в охранных подразделениях Российской империи // *Beneficium*. – 2019. – № 2(31). – С. 91–100.

28. *Матвеев А. В.* Вопросы кадрового обеспечения службы наружного наблюдения в процессе ее реформирования на рубеже XIX – XX века / Политическая история России: Прошлое и современность: Исторические чтения. Выпуск XVII. «Гороховая, 2» – 2019. – Санкт-Петербург: Любавич, 2019. – С. 90–98.

29. *Матвеев А. В.* Профессиональная подготовка сотрудников службы наружного наблюдения в Российской империи / Юридическое образование в Политехническом университете: к 120-летию Политехнического университета Петра Великого : сборник статей научно-практической конференции студентов и аспирантов с международным участием 11–13 апреля 2019 года. – Санкт-Петербург: Издательство Политехнического университета, 2019. – С. 12–16.

30. *Жаров С. Н.* Обеспечение законности оперативно-розыскных мероприятий в Российской империи // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2001. – № 5. – С. 189–200.

31. *Жаров С. Н.* История оперативно-розыскной деятельности и её правового регулирования в России (XI – начало XX вв.) : монография. – Челябинск: Изд-во Татьяны Лурье, 2008. – 375 с.

32. *Жаров С. Н.* Последняя попытка реформы политического розыска в Российской империи. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – 263 с.

33. *Жаров С. Н.* К истокам формирования методов розыска в сыскной полиции Российской империи / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (на встречу 300-летию российской полиции) : материалы XIV международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2017 г. / под ред. Н. С. Нижник: в 2 т. – Т. I. – Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2017. – С. 97–100.

34. *Жаров С. Н.* О соблюдении прав человека при осуществлении оперативно-розыскной деятельности в Российской империи в конце XIX – начале XX века / Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс] : материалы юбилейной Международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (19,6 Мб). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – С. 659–662.

References

1. Nizhnik N. S., Nudnenko L. A. Problemy sovershenstvovaniya normativnoy osnovy i praktiki deyatelnosti politzii v Rossii // Gosudarstvo i pravo. – 2018. – № 4. – S. 110–117.
2. Nizhnik N. S., Nudnenko L. A. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu» // Administrativnoye pravo i protsess. – 2019. – № 3. – S. 67–71.
3. Nizhnik N. S. Adyunktury Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii: nauchno-issledovatel'skaya deyatelnost' v kontekste 300-letiya politzii Rossii / Pravookhranitel'naya deyatelnost' organov vnutrennikh del v kontekste sovremennykh nauchnykh issledovaniy [Elektronnyy resurs] : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 7 dekabrya 2018 goda / sost. E. Kh. Mamedov. – Elektron. dan. (3,78 Mb). – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2019. – S. 267–296.
4. Nizhnik N. S., Nudnenko L. A. Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu // Gosudarstvo i pravo. – 2019. – № 6. – S. 138–145.
5. Nizhnik N. S., Nudnenko L. A. Istoriya Rossiyskoy imperii v kontekste teoretiko-pravovogo analiza (k 300-letiyu Rossiyskoy imperii) // Gosudarstvo i pravo. – 2021. – № 11. – S. 186–195.
6. Zharov S. N. Dorevolutsionnaya i sovetskaya istoriografiya rossiyskogo politicheskogo rozyska / Pravovoye razvitiye Rossii XXI veka: aktual'nyye zadachi yuridicheskoy nauki i praktiki : sbornik statey Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchonnoy 25-letnemu yubileyu Instituta prava Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – Chelyabinsk, 2016. – S. 110–120.
7. Matveyev A. V. Sluzhba naruzhnogo nablyudeniya Rossiyskoy imperii kak predmet istoriko-pravovykh issledovaniy / Voprosy gosudarstva i prava : sbornik nauchnykh statey / redkol.: L. V. Karnaushenko, A. A. Shvets, Ye. A. Pushkarev, V. V. Gritsay, Ye. A. Nazarova, N. Yu. Turishcheva, V. N. Korotkikh. – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2020. – S. 70–77.
8. Nizhnik N. S. Pravookhranitel'naya sistema Rossiyskoy imperii: evolyutsiya v diskurse istorii rossiyskoy gosudarstvennosti / Aktual'nyye problemy prava i pravoprimenitel'noy deyatelnosti : materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (18 maya 2018 g.) / redkol.: Yu. V. Sapronov, T. Yu. Panteleyeva, N. V. Vinnikova, A. S. Pestruilov, K. S. Smirnova, L. G. Litvyak, V. M. Paliy, M. R. Kangezov. – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2018. – S. 134–140.
9. Nizhnik N. S. Pravookhranitel'naya sistema Rossiyskoy imperii: genezis i osnovnyye etapy evolyutsii / Yuridicheskaya nauka: traditsii i innovatsii : sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov, magistrantov, aspirantov i prepodavateley / sost.: V. A. Orlov, O. Ye. Kalpinskaya. – Velikiy Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy universitet imeni Yaroslava Mudrogo, 2018. – S. 213–218.
10. Matveyev A. V. Politsiya v mekhanizme gosudarstva imperskoy Rossii / Aktual'nyye problemy prava i pravoprimenitel'noy deyatelnosti: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 29 sentyabrya 2017 g. – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2017. – S. 395–398.
11. Matveyev A. V. Naruzhnoye nablyudeniye kak sredstvo bor'by s revolyutsionnym terrorizmom v Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka // Nauka, novyye tekhnologii i innovatsii Kyrgyzstana. – 2018. – № 12. – S. 43–47.
12. Matveyev A. V. Normativnyye osnovy sluzhby naruzhnogo nablyudeniya Rossiyskoy imperii v kontse XIX – nachale XX veka // Advances in Law Studies. – 2018. – T. 6. – № 3. – S. 31–35.
13. Matveyev A. V. Normativnyye osnovy kadrovogo obespecheniya sluzhby naruzhnogo nablyudeniya v Rossiyskoy imperii / Aktual'nyye problemy sovremennogo rossiyskogo gosudarstva i prava : materialy yezhegodnoy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii / otv. red. S. A. Starostina. – Kaliningrad: Kaliningradskiy filial SPbU MVD Rossii, 2018. – S. 56–60.
14. Matveyev A. V. Normativno-pravovyye osnovy bor'by s gosudarstvennymi prestupleniyami v Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka // Voprosy gosudarstva i prava : sbornik nauchnykh statey / red. kol.: L. V. Karnaushenko, I. V. Yablonskiy, G. P. Kurdyuk, Ye. A. Vakarina, N. A. Sheudzhen. – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2018. – S. 202–210.
15. Matveyev A. V. Osobennosti strukturno-funktsional'noy organizatsii sluzhby naruzhnogo nablyudeniya v podrazdeleniyakh Otdel'nogo korpusa zhandarmov / Pravo i gosudarstvo: problemy metodologii, teorii i istorii : materialy VIII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (17 maya 2019 g.) / redkol.: L. V. Karnaushenko, A. A. Shvets, Ye. A. Pushkarev, N. Yu. Turishcheva, N. A. Sheudzhen, V. N. Korotkikh. – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2019. S. 198–204.
16. Matveyev A. V. Osobennosti kadrovogo obespecheniya sluzhby naruzhnogo nablyudeniya v podrazdeleniyakh Otdel'nogo korpusa zhandarmov Rossiyskoy imperii // Obshchestvo i pravo. – 2020. – № 2(72). – S. 149–154.
17. Matveyev A. V. K voprosu ob organizatsii sluzhby naruzhnogo nablyudeniya za predelami Rossiyskoy imperii // Trudy Akademii MVD Respubliki Tadzhibistan. – 2018. – № 4 (40). – S. 151–155.
18. Matveyev A. V. Struktura sluzhby naruzhnogo nablyudeniya v Zagranichnoy agenture Departamenta politzii MVD Rossiyskoy imperii / Voprosy gosudarstva i prava : sbornik nauchnykh statey / redkol.: L. V. Karnaushenko, A. A. Shvets, Ye. A. Pushkarev, V. V. Gritsay, N. A. Sheudzhen, V. N. Korotkikh. – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2019. – S. 43–47.
19. Matveyev A. V. Sluzhba naruzhnogo nablyudeniya v Rossiyskoy imperii kontsa XIX – nachala XX veka: lyudi i sud'by / Organy gosudarstvennoy bezopasnosti na zashchite Otechestva: XI ural'skiye voyenno-istoricheskiye chteniya, posvyashchennyye 100-letiyu Upravleniya FSB Rossii po Sverdlovskoy oblasti : sbornik nauchnykh statey. – Yekaterinburg: Sokrat, 2018. – S. 267–271.

20. *Matveyev A. V. Povsednevnyaya zhizn' sotrudnikov sluzhby naruzhnogo nablyudeniya Rossiyskoy imperii v ekstremal'nykh usloviyakh kontsa XIX – nachala XX v. / Prirodno-geograficheskiye faktory v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' : materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, 14–16 marta 2019 g. / otv. red. V. A. Veremenko: v 2 t. – T. II. – Sankt-Peterburg: LGU im. A. S. Pushkina, 2019. – S. 116–120.*

21. *Matveyev A. V. Filory v Rossiyskoy imperii: osobennosti povsednevnoy zhizni v usloviyakh revolyutsionnykh preobrazovaniy nachala XX v. / Reformy v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' : materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, 2–4 aprelya 2020 g. / otv. red. V. A. Veremenko, V. N. Shaydurov: v 2 t. – T. II. – Sankt-Peterburg: LGU im. A. S. Pushkina, 2020. – S. 45–50.*

22. *Matveyev A. V. Zhenshchiny na sluzhbe v politsii: zhenshchinyfilory v Rossiyskoy imperii v nachale XX veka / Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 300-letiyu Rossiyskoy imperii) [Elektronnyy resurs]: v 2 ch. – Ch. 1 : materialy XVIII mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 29–30 aprelya 2021 g. / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, A. V. Demidov. – Elektronnyye dan. (3,90 Mb). – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2021. – S. 500–504.*

23. *Matveyev A. V. O kadrovom obespechenii sluzhby naruzhnogo nablyudeniya v Rossiyskoy imperii v nachale XX veka / Aktual'nyye problemy prava i pravoprimeritel'noy deyatel'nosti: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (18 maya 2018 g.) / redkol.: Yu. V. Sapronov, T. Yu. Panteleyeva, N. V. Vinnikova, A. S. Pestruilov, K. S. Smirnova, L. G. Litvyak, V. M. Paliy, M. R. Kangezov. – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2018. – S. 128–134.*

24. *Matveyev A. V. Ob osobennostyakh professional'noy podgotovki sotrudnikov sluzhby naruzhnogo nablyudeniya Rossiyskoy imperii v kontse XIX – nachale XX veka / Pravo i gosudarstvo: problemy metodologii, teorii i istorii : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (10 maya 2018 g.) / redkol.: L. V. Karnaushenko, I. V. Yablonskiy, G. P. Kurdyuk. – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2018. – S. 364–372.*

25. *Matveyev A. V. Normativnyye osnovy professional'noy podgotovki sotrudnikov sluzhby naruzhnogo nablyudeniya Rossiyskoy imperii v nachale XX veka / K 70-letiyu prinyatiya Vseobshchey deklaratsii prav cheloveka 1948 goda i k 25-letiyu Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii 1993 goda : materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov i aspirantov s mezhdunarodnym uchastiyem, 12 aprelya 2018 goda. – Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Politekhnicheskogo universiteta, 2018. – S. 40–42.*

26. *Matveyev A. V. O professional'noy podgotovke sotrudnikov sluzhby naruzhnogo nablyudeniya v Rossiyskoy imperii / Yuridicheskaya nauka: traditsii i innovatsii : sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov, magistrantov, aspirantov i prepodavateley / sost.: Ye. A. Makarova, T. N. Doroshenko, O. Ye. Kalpinskaya, V. A. Orlov, M. S. Trofimova. – Velikiy Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy universitet imeni Yaroslava Mudrogo, 2019. – S. 170–172.*

27. *Matveyev A. V. Struktura i organizatsiya sluzhby naruzhnogo nablyudeniya v okhrannykh otdeleniyakh Rossiyskoy imperii // Beneficium. – 2019. – № 2(31). – S. 91–100.*

28. *Matveyev A. V. Voprosy kadrovogo obespecheniya sluzhby naruzhnogo nablyudeniya v protsesse yeye reformirovaniya na rubezhe XIX – XX veka / Politicheskaya istoriya Rossii: Proshloye i sovremennost': Istoricheskiye chteniya. Vypusk XVII. «Gorokhovaya, 2» – 2019. – Sankt-Peterburg: Lyubavich, 2019. – S. 90–98.*

29. *Matveyev A. V. Professional'naya podgotovka sotrudnikov sluzhby naruzhnogo nablyudeniya v Rossiyskoy imperii / Yuridicheskoye obrazovaniye v Politekhnicheskoy universitete: k 120-letiyu Politekhnicheskogo universiteta Petra Velikogo : sbornik statey nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov i aspirantov s mezhdunarodnym uchastiyem 11–13 aprelya 2019 goda. – Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Politekhnicheskogo universiteta, 2019. – S. 12–16.*

30. *Zharov S. N. Obespecheniye zakonnosti operativno-rozysknykh meropriyatiy v Rossiyskoy imperii // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye. – 2001. – № 5. – S. – 189–200.*

31. *Zharov S. N. Istoriya operativno-rozysknoy deyatel'nosti i yeyo pravovogo regulirovaniya v Rossii (XI – nachalo XX vv.) : monografiya. – Chelyabinsk: Izd-vo Tat'yany Lur'ye, 2008. – 375 s.*

32. *Zharov S. N. Poslednyaya popytka reformy politicheskogo rozyska v Rossiyskoy imperii. – Chelyabinsk: Izd-vo YuUrGU, 2007. – 263 s.*

33. *Zharov S. N. K istokam formirovaniya metodov rozyska v sysknoy politsii Rossiyskoy imperii / Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (navstrechu 300-letiyu rossiyskoy politsii) : materialy XIV mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 27–28 aprelya 2017 g. / pod red. N. S. Nizhnik: V 2 t. – T. I. – Sankt-Peterburg: Izd-vo SPb un-ta MVD Rossii, 2017. – S. 97–100.*

34. *Zharov S. N. O soblyudeniі prav cheloveka pri osushchestvlenii operativno-rozysknoy deyatel'nosti v Rossiyskoy imperii v kontse XIX – nachale XX veka / Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu [Elektronnyy resurs] : materialy yubileynoy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 300-letiyu rossiyskoy politsii. Sankt-Peterburg, 23–25 aprelya 2018 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Elektronnyye dan. (19,6 Mb). – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2018. – S. 659–662.*

Статья поступила в редакцию 06.10.2022; одобрена после рецензирования 08.11.2022; принята к публикации 15.11.2022.

The article was submitted October 6, 2022; approved after reviewing November 8, 2022; accepted for publication November 15, 2022.

Конференции

Обзорная статья

УДК 343.2/.7

doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-234-240

Огарь Татьяна Андреевна

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0002-9034-3108>, tat-kap@yandex.ru

Кокин Дмитрий Михайлович

кандидат юридических наук

<https://orcid.org/0000-0002-5474-553X>, kimano11@mail.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра

Всероссийская научно-практическая конференция (3–4 июня 2022 г., Санкт-Петербург)

Аннотация: 3–4 июня 2022 г. в Санкт-Петербургском университете МВД России прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра», посвящённая актуальным вопросам состояния уголовного законодательства, практики его применения и науки уголовного права на современном этапе.

В работе конференции приняли участие 105 авторов из 31 научной и образовательной организации, 29 докторов юридических наук, 51 кандидат юридических наук, 8 сотрудников практических органов внутренних дел Российской Федерации. На пленарном заседании, проходившем 3 июня 2022 г. состоялось обсуждение современного состояния фундаментальных категорий уголовного права, таких как преступление и его признаки, состав преступления и его отдельные элементы, освобождение от уголовной ответственности, проблемы цифровизации преступности, уголовно-правовая охрана фискальных интересов России во внешнеэкономической деятельности; признаки преступления в практике конституционного судопроизводства, подходы к изучению зарубежного опыта законодательного регулирования необходимой обороны и другие. В ходе работы секций 4 июня 2022 г. обсуждались проблемы применения отдельных норм Особенной части уголовного права и рассматривались перспективные направления по совершенствованию уголовного законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: уголовное право, уголовная политика, уголовное законодательство, уголовная ответственность, квалификация преступлений

Для цитирования: Огарь Т. А., Кокин Д. М. Уголовное законодательство: вчера, сегодня завтра // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4 (96). – С. 234–240; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-234-240.

Tatyana A. Ogar

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-9034-3108>, tat-kap@yandex.ru

Dmitriy M. Kokin

Cand. Sci. (Jurid.)

<https://orcid.org/0000-0002-5474-553X>, kimano11@mail.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Criminal legislation: yesterday, today, tomorrow

All-Russian Scientific and Practical Conference (June 3-4, 2022, St. Petersburg)

Abstract: On June 3–4, 2022, the All-Russian Scientific and Practical Conference “Criminal Legislation: Yesterday, Today, Tomorrow” was held at St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, dedicated to topical issues of the state of criminal legislation, the practice of its application and the science of criminal law at the present stage.

The conference was attended by 105 authors from 31 scientific and educational organizations, 29 Doctors of Law, 51 Candidates of Law, 8 employees of practical law enforcement bodies of the Russian Federation. At the plenary meeting held on June 3, 2022 there was a discussion of the current state of the fundamental categories of criminal law, such as crime and its signs, corpus delicti and individual elements of a crime, release from criminal liability, problems of digitalization of crime, criminal law protection of Russia's fiscal interests in foreign economic activity; signs of a crime in the practice of constitutional proceedings, approaches to the study of foreign experience in the legislative regulation of necessary defense, and others. During the work of the sections on June 4, 2022, the problems of applying certain norms of the Special Part of Criminal Law were discussed; prospective directions for improving criminal legislation and law enforcement practice were considered.

Keywords: criminal law, criminal policy, criminal legislation, criminal liability, qualification of crimes

For citation: Ogar T. A., Kokin D. M. Criminal legislation: yesterday, today, tomorrow All-Russian Scientific and Practical Conference (June 3-4, 2022, St. Petersburg) // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 4 (96). – P. 234–240; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-234-240.

3 июня 2022 года в Санкт-Петербургском университете МВД России прошло пленарное заседание ежегодной Всероссийской научно-практической конференции «Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра». В работе конференции с применением средств видеоконференцсвязи приняли участие представители 32 высших учебных заведений не только из России, но и из Республики Казахстан, Азербайджанской Республики. Среди гостей мероприятия – деятели, вклад которых в развитие уголовно-правовой науки значителен: Ю. Е. Пудовочкин (Российский государственный университет правосудия), В. В. Векленко и В. Ф. Щепельков (Санкт-Петербургский государственный университет), В. В. Бабурин (Омская академия МВД России).

С приветственным словом выступил заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации М. В. Бавсун. Максим Викто-

рович оценил дружественную атмосферу среди коллег на конференции, а также отметил появившуюся наконец возможность проведения очных научно-представительских мероприятий. Несколько лет деятели науки были ограничены рамками дистанционного формата в связи с введёнными коронавирусными ограничениями, однако сейчас восстанавливается привычный для всех режим живого общения, а Санкт-Петербургский университет МВД России вновь и вновь встречает в своих стенах гостей, отметил М. В. Бавсун во вступительной речи.

К началу работы конференции был издан в электронном виде сборник её материалов, включающий 61 статью, отражающую содержание значительной части научных докладов и сообщений, в подготовке которых принял участие 71 автор из 26 научных и образовательных организаций, в том числе 2 соавтора из зарубежных государств (Республики Казахстан, Азербайджанской Республики), 18 докторов юридических наук, 34 кандидата юридических наук, 8 со-

трудников практических органов внутренних дел Российской Федерации.

Представляем краткое содержание отдельных докладов и выступлений, прозвучавших на пленарном заседании конференции.

Открыл пленарное заседание гость из столицы нашей страны, **профессор кафедры уголовного права Российского университета правосудия, доктор юридических наук, профессор Ю. Е. Пудовочкин**, с выступлением на тему, оставшуюся до настоящего момента без особого внимания в современной научной литературе, – **«Фикции уголовной политики и уголовной политологии»**. Несмотря на новизну указанной проблемы, по мнению Юрия Евгеньевича, она служит лишь отраслевым развитием неких общих теоретических истин. При этом слово «фикция» в данном контексте не обладает негативной окраской, это ложь необходимая, даже полезная, позволяющая нам преодолеть состояние неопределённости в сфере уголовно-правового регулирования, квалификации преступления, назначения наказания, а также в уголовной политике и уголовной политологии.

Фикция как ложное теоретическое суждение тесно смыкается с понятием научной гипотезы, но не совпадает с ним. Они могут перерастать друг в друга, также фикция может переходить в разряд банальной лжи при опровержении того или иного факта.

В качестве примера, демонстрирующего позитивные свойства фикции, Юрий Евгеньевич привёл классическое определение личности преступника, встречающееся в учебной литературе по криминологии: «личность преступника – совокупность отрицательных, негативных свойств лица...». Однако профессор отмечает, что по определению личность кого бы то ни было не может характеризоваться исключительно отрицательными свойствами, личность включает в себя массу иных нейтральных и позитивных характеристик. Но эта фикция в криминологической теории выполняет стабилизирующую функцию, очерчивает границы учения о личности преступника.

Ю. Е. Пудовочкин отметил, что критический анализ фикции может иметь два основных направления: первое – это, при признании значимости фикции, поиск тех законодательных или иных решений, которые данной фикции не соответствуют, и попытки привести указанные решения в соответствие с этим ложным суждением. Второе – исследование содержания самой фикции на предмет понимания того, насколько это ложное суждение само по себе оправдано в современных условиях.

В заключение Юрий Евгеньевич сделал вывод о деструктивном влиянии бесполезных фикций, превращающихся впоследствии в ложь. Ложь в любых её проявлениях разрушительна: она легко распространяется, если исходит от авторитетных специалистов, согласно описанному в ходе выступления «эффекту Матвея», замедляет темпы развития научного знания, ведь огромные интеллектуальные ресурсы расходуются на опровержение ложных фактов.

В рамках выступления **профессора кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России доктора юридических наук, доцента А. Г. Антонова** были рассмотрены **современное состояние системы освобождения от уголовной ответственности и перспективы её развития**. Антон Геннадьевич отметил, что в настоящее время формируется тенденция к полному охвату Особенной части УК РФ нормами освобождения от уголовной ответственности. Институт освобождения от уголовной ответственности динамично расширяется, о чём свидетельствует приведённая в ходе выступления судебная статистика за 2020 год.

Задаёт направление в данном случае Верховный Суд Российской Федерации, который в своих постановлениях 2015, 2017 и 2020 гг. предлагает ввести такую категорию как «уголовный проступок» и дополнить уголовный закон соответствующими иными мерами уголовно-правового характера (обязательные работы, исправительные работы). Тем самым институт освобождения от уголовной ответственности, по мнению А. Г. Антонова, утяжеляется, ведь многие из предлагаемых мер являются сходными с уже существующими административными наказаниями. По этой причине автор предлагает вместо иных мер уголовно-правового характера ввести следующее обстоятельство освобождения от уголовной ответственности: «в связи с привлечением к административной ответственности». Данная мера, по мнению выступающего, в наибольшей степени позволит оптимизировать уголовное законодательство. Также в ходе выступления были предложены для обсуждения варианты дополнения действующего УК РФ некоторыми нормами освобождения от уголовной ответственности из советского уголовного законодательства.

Подводя итог, Антон Геннадьевич отметил, что институт уголовной ответственности можно дифференцировать и совершенствовать бесконечно, однако одна из насущных задач – определение границ этого совершенствования. Необходимо ли расширять институт освобождения от уголовной ответственности? Ведь тогда становится актуальным вопрос: насколько справедливо криминализировано то или иное деяние, если статистические данные свидетельствуют об огромном числе лиц, освобождённых от уголовной ответственности.

С докладом на тему **«Объект в составе преступления»** выступил **профессор кафедры уголовного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор В. В. Векленко**. В начале выступления Василий Владимирович отметил, что учение о составе преступления в принципе имеет, по его мнению, недостатки и во многом противоречит тексту самого уголовного закона. Актуальность рассмотрения объекта преступления в наши дни обусловлена системообразующим характером данного понятия, а также отсутствием в доктрине уголовного права до настоя-

щего момента единого мнения о содержании понятия «объект преступления». Однако в своём выступлении Василий Владимирович акцентировал внимание не на формулировании теоретического определения понятия «объект преступления», а на способности данного элемента состава преступления решать главную квалификационную задачу составов.

Структура Особенной части УК РФ, с точки зрения В. В. Векленко, построенная на основе объекта преступления как одного из элементов состава преступления нуждается в существенной корректировке. По мнению выступающего, законодателю необходимо организовать Особенную часть УК РФ, взяв за ведущий критерий объективную сторону, а не объект преступления.

Профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Р. Д. Шарапов в ходе выступления рассмотрел *признаки преступления в практике конституционного судопроизводства*.

Основное внимание Роман Дмитриевич уделил такому признаку преступления, как общественная опасность, оценка которой является задачей законодателя и правоприменителя. Конституционный Суд Российской Федерации в своём постановлении (2017 г.) определил, что основанием преступности противоправного деяния могут служить лишь обстоятельства, в совокупности объективно подтверждающие криминальную степень их общественной опасности, в том числе масштаб распространённости и динамику роста, значимость охраняемых законом ценностей, на которые они посягают, существенность причиняемого ими вреда, а также невозможность их преодоления с помощью других правовых средств.

В качестве одного из критериев оценки законодателем общественной опасности деяния выступает общественное мнение, то есть выражение уровня толерантности и терпимости к тем или иным поступкам людей. Однако, по замечанию Р. Д. Шарапова, данная законодательная оценка общественной опасности деяния является по сути вторичной, первична она лишь для правоприменителя. Первичной оценкой общественной опасности деяния является массовое общественное сознание (в продолжение положений Конституции РФ о том, что народ является единственным источником власти в нашей стране).

В режиме видеоконференцсвязи выступили представители Крымского филиала Краснодарского университета МВД **профессор кафедры уголовного права и криминологии, доктор юридических наук, профессор А. Н. Игнатов** а также **начальник кафедры уголовного права и криминологии доктор юридических наук, доцент А. А. Кашкаров** с докладом, посвящённым *определению категории «предмет преступления»*. Выступающие отметили, что в современной уголовно-правовой науке предмет

преступления рассматривается в трёх формах: материя, энергия и информация, а также рассмотрели проблемы отнесения к предмету преступления современных разновидностей объектов гражданских прав.

Начальник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы С. В. Векленко осветил проблему *необходимости законодательного закрепления понятия вины*. В понятии вины центральное место традиционно принадлежит психическому отношению человека к совершённой им общественно опасному деянию и наступившим общественно опасным последствиям, выраженному в форме умысла или неосторожности. Однако поскольку психика – это субъективное отражение окружающей действительности, а само понятие «отношение» – это момент взаимосвязи различных проявлений этой действительности, справедливо суждение о том, что психическое отношение – это субъективное внутреннее индивидуально-избирательное отражение взаимосвязей, взаимозависимостей, взаимоопределяемости различных сторон существования объективной реальности. При этом не в каждой форме вины, закреплённой в уголовном законодательстве, можно выделить данное психическое отношение.

На основе анализа юридической литературы по заявленной проблеме Сергей Владимирович сформулировал следующее уголовно-правовое понятие вины: вина – это публичное, сознательно-волевое или должное, резюмируемое государством отношение лица к совершаемому им нарушению уголовно-правового запрета. По мнению С. В. Векленко законодательное закрепление понятия вины будет способствовать правильному пониманию и, соответственно, правильному применению уголовного закона к лицам, его нарушившим.

Общая характеристика *подходов к изучению зарубежного опыта законодательного регулирования необходимой обороны* стала темой выступления **профессора кафедры криминологии и профилактики преступлений Омской академии МВД России, доктора юридических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы В. В. Бабурина**. В самом начале своей речи он отметил: «Необходимая оборона полна парадоксов» [4, с. 11], например, данная норма подробно декларирована, но на практике она не работает эффективно.

Василий Васильевич осветил существующую в наши дни дискуссию об эффективности нормы о необходимой обороне: одни специалисты считают, что несовершенно формулировка самой статьи о данном обстоятельстве, исключая преступность деяния [7, с. 85; 3, с. 50], другие видят проблему в некорректной работе правоприменителей и настаивают на необходимости введения дополнительных разъяснений для практических работников¹.

¹ Римский статут Международного уголовного суда (принят в г. Риме 17 июля 1998 г. Дипломатической кон-

Доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Юго-Западного государственного университета С. В. Шевелева выступила с докладом на тему «*Уголовно-правовая охрана фискальных интересов России во внешнеэкономической деятельности*». В Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года впервые в качестве одного из направлений деятельности службы было указано совершенствование реализации фискальной функции в условиях создания интегрированных информационных систем [9], трансграничного пространства и развития цифровых платформ [6, с. 16–18]. Светлана Викторовна осветила многочисленные изменения ст. 194 УК РФ с 1996 г. по наши дни².

Данные судебной статистики и статистики федеральной таможенной службы Российской Федерации за последние пять лет говорят о том, что в настоящий момент приговоров по ст. 194 выносятся мало. Количество возбуждённых уголовных дел с 2016 г. сократилось на 60 %.

Подобная практика сложилась в связи с особенностями работы таможенных органов, а именно, было улучшено качество взаимодействия ФТС России и Генпрокуратуры России, организован защищённый канал связи между программными средствами, обеспечивающий многофакторную защиту. Также стала функционировать единая сеть из 8 электронных таможен и 16 таможенных постов, в центрах электронного декларирования сосредоточилось 97,5 % деклараций (для сравнения: в 2019 г. – 67,9 %).

Изменилась позиция Верховного Суда РФ по вопросам таможенных споров, например: участники таможенных споров могут обращаться в суд, минуя административное обжалование в таможенных органах. Данный момент, по мнению С. В. Шевелевой, целесообразно перенести и на налоговые отношения.

В завершение своего выступления Светлана Викторовна вынесла на обсуждение проблему необходимости уголовно-правовой охраны утилизационного сбора, с которым физические лица чаще всего сталкиваются при покупке автомобиля за рубежом.

Проблему *уголовно-правового противодействия домашнему насилию, законодательные и правоприменительные аспекты* указанного вопроса рассмотрел в своём докладе **профессор кафедры уголовного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор В. Ф. Щепельков**. Динамику домашнего насилия в нашей стране можно установить лишь по официальным статистическим данным, предоставляемым ведомственными заведениями, [14, с. 147] а также по отдельным заявлениям

официальных представителей ведомства. Например, министр внутренних дел в 2020 г. заявил об уменьшении количества зарегистрированных преступлений в сфере семейно-бытовых отношений на 3 % [15, с. 25].

В рамках освещения правоприменительных аспектов противодействия домашнему насилию Владислав Федорович поднял принципиально важный и дискуссионный вопрос: при обороне от побоев можно ли лишать человека жизни по правилам необходимой обороны? [13, с. 52] Судебная практика неоднозначна: одни судебные решения говорят о превышении пределов необходимой обороны, поскольку нанесение побоев – это незначительное насилие, и явно посягательство можно было отразить, не прибегая к убийству. Другие судебные решения оправдывают лицо, совершившее убийство при необходимой обороне от побоев [12, с. 83].

«*Пути и судьбы спортивной криминологии*» – тема выступления **профессора кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктора юридических наук, доцента А. П. Алексеевой**. В рамках развития идеи спортивной криминологии Анна Павловна предложила следующую концепцию: предмет изучения спортивной криминологии составляют преступность спортсменов, непосредственно связанная с их спортивной деятельностью; преступность спортсменов, опосредованно связанная с их спортивной деятельностью; преступность иных лиц, связанная с непосредственной спортивной деятельностью спортсменов.

С точки зрения криминологии необходимо оценить, какие угрозы несёт спорт [1, с. 20], насколько он потенциально опасен и что можно ждать от спортсменов, определённые навыки которых могут быть использованы не только в правомерном поведении, но и противоправном в отношении других граждан. Данная ситуация начала активно развиваться с 2011 года: причиной послужило резонансное дело чемпиона мира по смешанным единоборствам Расула Мирзаева, после которого последовали различные инициативы в Государственной думе.

Также Анна Павловна считает важным необходимость установления уголовной ответственности спортсменов, употребляющих допинг, участвующих на международных соревнованиях и тестируемых Международной системой антидопингового агентства.

По мнению докладчика, необходимо пересмотреть подход к ст. 2302 УК РФ [2, с. 50], поскольку субъекты, перечисленные в диспозиции данной статьи фактически преследуют благую цель при использовании в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещённых для использования в спорте. При этом лица, которые подбрасывают какие-либо препараты сопернику в целях его дискредитации и устранения тем самым конкурента, не субъектны по данной статье.

Старший научный сотрудник НОЦ Юго-Западного государственного университета,

ференцией полномочных представителей под эгидой ООН по учреждению Международного уголовного суда) // СПС «КонсультантПлюс».

² Архипцев Н. И. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица : учебное пособие. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России, 2014. – С. 24.

кандидат юридических наук, доцент М. Н. Урда в своём докладе на тему «*Организация незаконной миграции с использованием Госпрограммы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников*» рассмотрела проблемы уголовно-правового характера, связанные с феноменом незаконной миграции [5]. Маргарита Николаевна отметила, что проблема демографического кризиса в наши дни стоит весьма остро, важной задачей государства является создание условий для так называемой здоровой миграции. Докладчиком был рассмотрен Указ Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. (в ред. от 24 марта 2021 г.) «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» [8, с. 16]. В основе данной Программы заложены идеи переселения бывших соотечественников, выходцев из стран постсоветского пространства. Типичная схема организации незаконной миграции с использованием данной Программы состоит в поиске заинтересованных в незаконной легализации иностранных граждан; поиск лиц, содействующих фиктивной постановке на миграционный учёт; фиктивная регистрация иностранных граждан;

фальсификация документов, необходимых для получения статуса участника Программы; маятниковые перевозки [10, с. 119].

4 июня 2022 года в рамках работы секции были рассмотрены научные доклады сотрудников и работников различных образовательных и научно-исследовательских организаций, в том числе системы МВД России: Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Алихаджиевой И. С., Фоменко Е. В.), Орловского юридического института МВД России (Баранчиковой М. В.), Омской Академии МВД России (Карпова К. Н.), Кубенского государственного университета (Куфлевой В. Н.), Барнаульского института МВД России (Малетиной М. А.), Волгоградской академии МВД России (Намнясева В. В., Мелихова А. И.), Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина (Паршина М. Н.), Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья имени П. Ф. Лесгафта (Казариновой М. В.), Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации (Семеновая В. В., Сердюка П. Л.), Санкт-Петербургского университета МВД России (Кокина Д. М., Огарь Т. А.).

Список литературы

1. Алексеева А. П. Организационно-управленческие основы предупреждения коррупционной преступности в сфере спорта / Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в спорте : сборник материалов Всероссийского научно-практического стола, Санкт-Петербург, 31 октября 2020 года. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2020. – С. 18–21. – EDN PRFLDT.
2. Алексеева А. П. Особенности расследования преступлений, совершённых в сфере спорта / Противодействие преступности в сфере профессионального спорта : Тезисы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции, Омск, 14–15 марта 2019 года / Комитет Государственной Думы по физической культуре, спорту, туризму и делам молодежи; Экспертный совет по физической культуре и спорту при Комитете Совета Федерации по социальной политике; Омская академия МВД России; Министерство по делам молодежи, физической культуры и спорта Омской области; Комиссия по спортивному праву Ассоциации юристов России; Центр по научному обеспечению уголовно-правового воздействия на преступления в сфере спорта. – Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. – С. 49–52. – EDN NISXKK.
3. Бабурин В. В. Система современного уголовного права : монография. – Омск: Омская академия МВД России, 2015. – 140 с.
4. Вельтмандер А. Т. Правовые модели закрепления обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном законодательстве: сравнительно-правовой аспект // Уголовная юстиция. – 2013. – № 2 (2). – С. 11–14.
5. Власов Ю. А., Михаль О. А. Квалификация незаконной миграции : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2017. – 182 с.
6. Денисова А. Ю. Правовые основы применения антидемпинговых пошлин в Таможенном союзе в рамках ЕврАзЭС: особенности их применения в переходный период // Таможенное дело. – 2013. – № 2. – С. 16–18.
7. Косарев А. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния в романо-германской правовой системе // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Приложение. – 2006. – № 4. – С. 85–89.
8. Лейба А. Анализ изменений законодательства РФ, направленного на борьбу с «резиновыми квартирами» // Жилищное право. – 2014. – № 3. – С. 7–18.
9. Новиков М. В., Землянская С. В. Процедура применения специальных защитных мер во внешнеэкономической практике // Вестник ВолГУ. Серия 3: Экономика. Экология. – 2014. – № 3. – С. 79–85.
10. Соловьев В. С., Урда М. Н. Значение сети Интернет в детерминации незаконной миграции и миграционных преступлений // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – №12 (109). – С. 114–121.
11. Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра [Электронный ресурс] : материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 3–4 июня 2022 года / под общ. ред. Т. А. Огарь, Д. М. Кокина; сост.: Н. И. Кузнецова. – Электрон. дан. (1,81 Мб). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – 1 электрон. опт. диск.
12. Щепельков В. Ф. Квалификация неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, соединенного с применением насилия // Уголовное право. – 2020. – № 3. – С. 81–86.

13. Щепельков В. Ф. Особенности применения норм о необходимой обороне по делам о домашнем насилии // Криминалистика. – 2021. – № 3 (36). – С. 46–56.
14. Щепельков В. Ф. Практика применения в 2016–2019 годах статьи 156 Уголовного кодекса Российской Федерации (неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего) / Мониторинг правоприменения 2019–2020 : труды экспертов СПбГУ / под науч. ред. С. А. Белова, Н. М. Кропачева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. – С. 147–171.
15. Щепельков В. Ф. Предупреждение преступлений в сфере семейно-бытовых отношений в России и за рубежом: законодательное регулирование и практика правоприменения / Аналитический вестник. Москва: Издание Государственной Думы, 2020. – С. 24–28.

References

1. Alekseyeva A. P. Organizatsionno-upravlencheskiye osnovy preduprezhdeniya korrupsionnoy prestupnosti v sfere sporta / Ugolovno-pravovyye i kriminologicheskiye problemy protivodeystviya prestupnosti v sporte : sbornik materialov Vserossiyskogo nauchno-prakticheskogo stola, Sankt-Peterburg, 31 oktyabrya 2020 goda. – Sankt-Peterburg: Tsentr nauchno-informatsionnykh tekhnologiy «Asterion», 2020. – S. 18–21. – EDN PRFLDT.
2. Alekseyeva A. P. Osobennosti rassledovaniya prestupleniy, sovershennykh v sfere sporta / Protivodeystviye prestupnosti v sfere professional'nogo sporta : Tezisy dokladov i soobshcheniy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Omsk, 14–15 marta 2019 goda / Komitet Gosudarstvennoy Dumy po fizicheskoy kul'ture, sportu, turizmu i delam molodezhi; Ekspertnyy sovet po fizicheskoy kul'ture i sportu pri Komitete Soveta Federatsii po sotsial'noy politike; Omskaya akademiya MVD Rossii; Ministerstvo po delam molodezhi, fizicheskoy kul'tury i sporta Omskoy oblasti; Komissiya po sportivnomu pravu Assotsiatsii yuristov Rossii Tsentr po nauchnomu obespecheniyu ugolovno-pravovogo vozdeystviya na prestupleniya v sfere sporta. – Omsk: Omskaya akademiya Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2019. – S. 49–52. – EDN NISXKK.
3. Baburin V. V. Sistema sovremennogo ugolovnoogo prava : monografiya. – Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2015. – 140 s.
4. Vel'tmander A. T. Pravovyye modeli zakrepleniya obstoyatel'stv, isklyuchayushchikh prestupnost' deyaniya, v ugolovnom zakonodatel'stve: sravnitel'no-pravovoy aspekt // Ugolovnaya yustitsiya. – 2013. – № 2 (2). – S. 11–14.
5. Vlasov Yu. A., Mikhal' O. A. Kvalifikatsiya nezakonnoy migratsii : monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2017. – 182 s.
6. Denisova A. Yu. Pravovyye osnovy primeneniya antidempingovykh poshlin v Tamozhennom soyuze v ramkakh YevrAzES: osobennosti ikh primeneniya v perekhodnyy period // Tamozhennoye delo. – 2013. – № 2. – S. 16–18.
7. Kosarev A. V. Obstoyatel'stva, isklyuchayushchiye prestupnost' deyaniya v romano-germanskoy pravovoy sisteme // Izvestiya vuzov Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki. Prilozheniye. – 2006. – № 4. – S. 85–89.
8. Leyba A. Analiz izmeneniy zakonodatel'stva RF, napravlennogo na bor'bu s «rezinovymi kvartirami» // Zhilishchnoye pravo. – 2014. – № 3. – S. 7–18.
9. Novikov M. V., Zemlyanskaya S. V. Protседura primeneniya spetsial'nykh zashchitnykh mer vo vneshnetorgovoy praktike // Vestnik VolGU. Seriya 3: Ekonomika. Ekologiya. – 2014. – № 3. – S. 79–85.
10. Solov'yev V. S., Urda M. N. Znachenije seti Internet v determinatsii nezakonnoy migratsii migratsionnykh prestupleniy // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. – 2019. – №12 (109). – S. 114–121.
11. Ugolovnoye zakonodatel'stvo: vchera, segodnya, zavtra [Elektronnyy resurs] : materialy yezhegodnoy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 3–4 iyunya 2022 goda / pod obshch. red. T. A. Ogar', D. M. Kokina; sost.: N. I. Kuznetsova. – Elektron. dan. (1,81 Mb). – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – 1 elektron. opt. disk.
12. Shchepel'kov V. F. Kvalifikatsiya neispolneniya obyazannostey po vospitaniyu nesovershennoletnego, soyedinennogo s primeneniye nasiliya // Ugolovnoye pravo. – 2020. – № 3. – S. 81–86.
13. Shchepel'kov V. F. Osobennosti primeneniya norm o neobkhodimoy oborone po delam o domashnem nasilii // Kriminalistika. – 2021. – № 3 (36). – S. 46–56.
14. Shchepel'kov V. F. Praktika primeneniya v 2016–2019 godakh stat'i 156 Ugolovnoogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii (neispolneniye obyazannostey po vospitaniyu nesovershennoletnego) / Monitoring pravoprimeneniya 2019–2020 : trudy ekspertov SPbGU / pod nach. red. S. A. Belova, N. M. Kropaceva. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2020. – S. 147–171.
15. Shchepel'kov V. F. Preduprezhdeniye prestupleniy v sfere semeyno-bytovykh otnosheniy v Rossii i za rubezhom: zakonodatel'noye regulirovaniye i praktika pravoprimeneniya / Analiticheskiy vestnik. Moskva: Izdaniye Gosudarstvennoy Dumy, 2020. – S. 24–28.

Статья поступила в редакцию 05.09.2022; одобрена после рецензирования 19.10.2022; принята к публикации 21.10.2022.

The article was submitted September 5, 2022; approved after reviewing October 19, 2022; accepted for publication October 21, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.